БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES BOOK REVIEW*

НОВАЯ ГРАНЬ СОЗНАНИЯ, ПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ МЕСТА В МИРЕ

Мир ИНОЙ

Что психоделика может рассказать о сознании, смерти, страстях, депрессии и трансцендентности

МАЙКЛ ПОЛЛАН

«гурман-интеллектуал», автор международных бестселлеров, лауреат премии Ниренберга

МАЙКЛ ПОЛЛАН

❁

Мир ИНОЙ

Что психоделика может рассказать о сознании, смерти, страстях, депрессии и трансцендентности

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.98
ББК 88.37
П49

Перевод оригинального издания:

Michael Pollan
HOW TO CHANGE YOUR MIND: WHAT THE NEW SCIENCE OF PSYCHEDELICS TEACHES US ABOUT CONSCIOUSNESS, DYING, ADDICTION, DEPRESSION, AND TRANSCENDENCE

Печатается с разрешения автора при содействии его литературных агентов ICM Partners.

Поллан, Майкл.
П49 Мир иной. Что психоделика может рассказать о сознании, смерти, страстях, депрессии и трансцендентности. / М. Поллан; пер. с английского Вика Спарова. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 496 с. — (Психология и психика).

ISBN 978-5-17-119981-4

Когда Майкл Поллан готовился исследовать применение наркотических веществ в лечении депрессии, зависимости и тревожности, которые так сложно побороть, он совсем не намеревался создавать то, что получилось, — самую личную из его книг. Но обнаружив, что эти вещества способны повысить качество жизни не только душевнобольных, но и вполне здоровых людей, едва сдерживающих давление со стороны повседневности, он решил определить топографию собственного сознания и многое вписал от первого лица. Так началось его путешествие по различным измененным состояниям, в ходе которого он обращается к достижениям науки о мозге. Поллан также немало поработал в архивах, чтобы отделить правду о психоделиках от распространенных мифов, доминировавших в представлениях о них с 1960-х годов, когда лоббировалось негативное отношение к тому, что имело потенциал для науки.

Это уникальное сочетание истории, медицины и науки с биографическими эпизодами, захватывающее описание личного опыта, отсылающего к новому рубежу нашего понимания разума, личности и места в мире. Подлинная тема «психоделического травелога» Поллана — не только психоделики, но и неразрешимая загадка человеческого сознания — как в мире, сталкивающим нас со страданиями и удовольствиями, мы можем отыскать смысл в наших жизнях.

УДК 159.98
ББК 88.37

ISBN 978-5-17-119981-4

Посвящается моему отцу

Душа должна жить нараспашку.
— ЭМИЛИ ДИКИНСОН

ПРОЛОГ

НОВАЯ ДВЕРЬ

В середине XX века западный мир был потрясен открытием двух необычных молекул, двух органических соединений одного семейства, поразительно схожих между собой. Со временем это открытие радикально изменило всю социальную, политическую и культурную историю человечества, равно как и личную жизнь миллионов людей, перед которыми вдруг приоткрылась вся многофункциональная сложность их мозга. По воле, а может быть, и по иронии судьбы открытие этих разрушительных химических соединений совпало с еще одним разрушительным для мировой истории событием — изобретением ядерной бомбы. Сразу же нашлись и те, кто, сравнивая эти два события, извлек немало полезного из этого космического совпадения. Короче говоря, в мир были выпущены новые, невероятно мощные энергии, после чего мир стал другим.

Первую из этих двух молекул изобрели ученые, причем случайно. Диэтиламид лизергиновой кислоты, сокращенно называемый ЛСД, был впервые синтезирован в 1938 году швейцарским химиком Альбертом Хофманом; произошло это вскоре после того, как ученым удалось расщепить атом урана. Хофман, работавший в то время в швейцарской фармацевтической компании *Sandoz*, искал химический препа-

рат, который мог бы стимулировать кровообращение, а в результате открыл психоактивное вещество. Однако первые пять лет он об этом даже не подозревал, и лишь по прошествии этих лет он, чисто случайно приняв внутрь микроскопическую дозу этого нового препарата, вдруг осознал, что открыл нечто поразительное, одновременно и ужасное, и удивительное.

Вторую молекулу изобретать не пришлось: она существовала многие тысячелетия, хотя до сей поры ни один человек в цивилизованном мире об этом не подозревал. Производимая не химиками, а безобидным маленьким коричневым грибком, эта молекула, впоследствии получившая название псилоцибин, сотни лет использовалась коренными жителями Мексики и Центральной Америки в религиозных и обрядовых таинствах. *Теонанакатль* («плоть богов»), как называли этот гриб ацтеки, после захвата испанцами Америки был объявлен Римско-католической церковью «вне закона» и загнан «в подполье».

В 1955 году, то есть спустя 12 лет после открытия ЛСД, банкир и миколог-любитель из Нью-Йорка Гордон Уоссон оказался в деревушке Хуатла-де-Хименес, в южномексиканском штате Оахака, где и отведал этот магический гриб. Через два года в журнале *Life* он опубликовал 15-страничную статью о «грибах, вызывающих странные видения», ознаменовав тем самым исторически значимый момент, когда информация о новой, расширенной форме сознания впервые достигла глаза и уха широкой общественности. (Действительно, до 1957 года о существовании ЛСД знал лишь узкий круг ученых-исследователей и психиатров.) Правда, общественность тогда еще не осознала в полной мере размах и масштабы этого события, на что ей потребовалось еще несколько лет, но, как бы там ни было, история западного мира с этого момента круто изменилась.

Воздействие на человечество этих двух молекул трудно переоценить. Несомненно, что изобретение ЛСД было напрямую связано с революцией в науке мозга, начавшейся как раз в 1950-е годы: именно тогда ученые выяснили, сколь важную роль играют нейромедиаторы (они же нейротрансмиттеры) в деятельности мозга, и обнаружили, что всего несколько микрограммов ЛСД могут вызывать симптомы,

во многом напоминающие психоз, что и заставило их обратиться к исследованию нейрохимической основы психических заболеваний, которые раньше объяснялись чисто психологическими причинами. В это же время в психотерапии начали широко использоваться психоделики, с помощью которых лечили самые разнообразные недуги и расстройства, включая алкоголизм, психоз и депрессию. Практически полтора десятилетия, то есть все 1950-е годы и начало 1960-х годов, многие психиатры чуть ли не с трепетом относились к ЛСД и псилоцибину, считая их чудодейственными препаратами.

Появление этих двух соединений связано также и с подъемом молодежной контркультуры в середине 1960-х годов, в частности с ее тональностью и нравами. Впервые в истории молодежь обзавелась собственным «ритуалом посвящения», так называемым «кислотным трипом» (*acid trip*), представлявшим собой не что иное, как галлюцинаторные видения. Но если все прочие обряды посвящения предназначены вводить молодых людей в мир взрослых, то этот, напротив, вводил их во внутренний мир сознания, о существовании которого знала лишь небольшая кучка исследователей. И воздействие этого обряда на общество, мягко говоря, было разрушительным.

Однако в конце 1960-х годов те ударные социально-политические волны, что были порождены этими молекулами, начали понемногу утихать. Психоделики все чаще стали оборачиваться своей темной стороной, вызывая у людей, пользовавшихся ими, ломки, психические расстройства, психотические срывы, невротические воспоминания, суицидальные настроения и прочие явления, что не могло не привлечь к ним пристальное внимание общественности, так что в начале 1965 года неимоверный интерес, сопровождавший последние десять лет эти новые препараты, вдруг сменился паникой на почве морали. Как только культурный и научный истеблишмент принял психоделики, те тут же обратились против самого истеблишмента. К концу десятилетия психоделические препараты (а они в большинстве стран были легализованы) были объявлены вне закона и загнаны в подполье. По крайней мере, одну из двух страшных бомб XX века удалось обезвредить. Но затем слу-

чилось нечто неожиданное, хотя и вполне предсказуемое. В начале 1990-х годов незаметно и втуне от нас небольшая группа ученых, психотерапевтов и так называемых психонавтов, посчитавших, что от внимания культуры и науки скрыто что-то очень бесценное, решила это «бесценное» раскопать и восстановить в правах.

Сегодня, по прошествии нескольких десятилетий сокрытия и подавления, психоделики переживают своего рода ренессанс. Новое поколение ученых, многие из которых на себе испробовали действие этих соединений (и ныне вдохновляются этим опытом), старательно изучает их потенциал, применяя их для лечения психических расстройств и заболеваний, таких как депрессия, тревога, душевные травмы и различные виды зависимости. Другие же ученые используют психоделики (в сочетании с новыми инструментами нейровизуализации и мозгового картирования) для исследования взаимосвязей мозга и разума, надеясь с их помощью раскрыть тайны сознания.

Один из наиболее эффективных способов, ведущих к пониманию сложной системы, — расшевелить ее и посмотреть, как она отреагирует на это насилие. Например, ученые-физики, сталкивая между собой в ускорителе частиц атомы вещества, тем самым заставляют их выдавать свои секреты. Так же поступают и нейробиологи: давая своим подопечным в строго отмеренных дозах психоделики, они будоражат их будничное или бодрствующее сознание, разрушая устоявшиеся структуры их «я» и вызывая то, что можно назвать мистическим опытом. В ходе этого процесса с помощью томографов и других визуализирующих инструментов они наблюдают за изменениями в деятельности мозга и выявляют картину нейронных связей. Даже эта внешне несложная научная работа дает удивительное понимание «нейронных коррелятов» нашего самоощущения и духовного опыта. Поэтому бытовавшая в 1960-е годы очевидная банальная истина, что, мол, психоделики дают ключ к пониманию (и «расширению») сознания, сегодня уже не кажется столь банальной.

«*Мир иной*» — это прежде всего книга о ренессансе психоделиков. Хотя она, судя по этому предисловию, не кажется таковой, это все же очень личностная история,

неразрывно связанная с историей общественной. Видимо, такая связь неизбежна. Все, что я узнавал о психоделических исследованиях от третьих лиц, подогревало во мне интерес к этой теме и наконец побудило меня лично заняться исследованием нового для меня психического ландшафта, чтобы понять, как воочию выглядят изменения сознания, производимые этими молекулами, чему они могут (если только могут) научить меня относительно *моего* сознания и смогут ли вообще (а если смогут, то чем) обогатить мою жизнь.

* * *

Но события приняли совершенно неожиданный поворот. История психоделиков, изложенная здесь, не является тем опытом, который я познал лично, и не основывается на нем. Я родился в 1955 году, как раз в середине того самого десятилетия, когда психоделики впервые появились на американской сцене, но завладели они моим вниманием много-много позже, когда я уже разменял пятый десяток: именно тогда я начал серьезно подумывать о том, чтобы впервые попробовать ЛСД. Многим их тех, кто, как и я, был рожден в период всплеска рождаемости в США, это может показаться невероятным, даже предательством по отношению к своему поколению. Но в 1967 году мне было только двенадцать лет; я был слишком мал, чтобы интересоваться «цветами любви», то есть движением хиппи, или «кислотными тестами» молодежи в Сан-Франциско, а если и слышал о них, то лишь краем уха. В четырнадцать лет я мог лишь мечтать попасть на рок-фестиваль в Вудстоке, потому как попасть туда я мог лишь одним способом — вместе с родителями. Так что большую часть событий, которыми ознаменовались 1960-е годы, я отслеживал лишь на страницах журнала *Time*. К этому времени мысль попробовать ЛСД уже проникла в мое сознание, хотя и не оформилась в ярко выраженное желание; другими словами, она описала ту дуговую траекторию, которую ей предуготовили средства массовой информации, и завершила ее, пройдя путь с самого начала, где ЛСД расхваливался как психиатрический чудо-препарат, через промежуточную стадию, где он подавался как средство

приобщения к таинствам контркультуры, и до конца, где он же стал средством совращения молодых умов.

Я уже учился в младших классах средней школы, когда ученые возвестили (как впоследствии оказалось, ошибочно), что ЛСД дробит хромосомы и превращает их в кашу; все СМИ, так же как и мой школьный физрук, были уверены, что мы, дети, наслышаны об этом. Несколько лет спустя известный радио- и телеведущий Арт Линклеттер начал кампанию против ЛСД, заявив, что именно этот препарат стал виновником гибели его дочери, выпрыгнувшей из окна квартиры. Да и с Мэнсоном и совершенными его сектой убийствами ЛСД тоже связывали. В начале 1970-х годов, когда я поступил в колледж, все, что говорилось об ЛСД, было рассчитано на то, чтобы напугать молодое поколение. И эта пропаганда, увы, не прошла для меня даром: я в гораздо меньшей мере дитя психоделических 1960-х и в гораздо большей — отпрыск той моральной паники, которую эти психоделики вызвали.

Но у меня была и чисто личная причина держаться подальше от психоделиков, и этой причиной был мой болезненно-тревожный, с нервными срывами, подростковый возраст, посеявший во мне (и как минимум в одном из психотерапевтов) сомнение в моей психической вменяемости. К тому времени, когда я начал учиться в колледже, я окреп и чувствовал себя значительно лучше, но идея затеять рискованную игру в кости с психоделическими препаратами по-прежнему казалась мне неприемлемой.

Годы спустя, когда мне было двадцать с гаком и я стал вполне уравновешенным молодым человеком, я таки два или три раза попробовал волшебные грибы. Один из друзей дал мне банку с высушенными (корявыми на вид) псилоцибиновыми грибами, и пару раз, помнится, я вместе со своей подругой Джулией (теперь она моя жена) разжевал и проглотил два или три из них, что поначалу вызвало у меня кратковременный приступ тошноты, но за ней последовали четыре или пять весьма увлекательных часов, которые мы провели в компании друг с другом в реальности, ощущавшейся как некая волшебно преобразившаяся версия знакомой обстановки. Любители психоделиков наверняка назвали бы это состояние «эстетическим опытом, вызванным малой дозой галлюциногена» (а не «полно-

ценным кислотным трипом»), которое сопряжено с раздвоением «я». Разумеется, мы не выходили за переделы известной нам вселенной и не приобщились к тому состоянию, которое называют мистическим опытом, но, тем не менее, пережитое нами было *действительно* интересно. Что мне особенно запомнилось, так это неестественная, прямо-таки живая зелень леса и мягкая бархатистость папоротников. Меня охватило необузданное желание выбежать на улицу, раздеться догола и оказаться как можно дальше от всего, что сделано из металла и пластика. Поскольку в этой психоделической стране мы были одни, все это было вполне выполнимо. Я не очень хорошо помню последовавшую за этим субботнюю поездку в Риверсайд-парк на Манхэттене, кроме разве того, что она показалась мне куда менее радостной и желанной, поскольку большую часть времени мы думали-гадали, заметили ли окружающие, что мы под наркотическим кайфом, или нет.

В то время всех этих тонкостей я еще не знал, но существенная разница в состояниях и ощущениях, вызываемых одним и тем же препаратом, продемонстрировала мне нечто очень важное и специфическое относительно психоделиков, а именно: критическое влияние на человека «установки» и «обстановки». «Установка» — это умственный настрой или упования, которые человек связывает с этим опытом, а «обстановка» — это среда, в которой все это происходит. Если сравнивать психоделики с другими препаратами, то получается очень интересная вещь: психоделики очень редко оказывают на людей одно и то же действие дважды, поскольку они, как правило, усиливают те внутренние, а подчас и внешние процессы, которые уже совершаются в голове человека.

После тех двух коротких, но памятных «трипов» мы заперли банку с грибами в кладовку и долгие годы не прикасались к ней. Мысль о том, чтобы запереться дома на целый день и весь его посвятить психоделическим откровениям, даже не приходила нам в голову. Все свои усилия мы в то время устремляли на то, чтобы сделать карьеру, и те продолжительные периоды свободного времени, которые дает учеба в колледже (или безработица), давно стали для нас лишь воспоминанием. Но теперь к нашим услугам был другой, совер-

шенно иной наркотик, который было куда проще вплести в ткань нашей будничной манхэттенской жизни: кокаин. Этот снежно-белый порошок оттеснил корявые коричневатые грибы на периферию, сделав их немодными, невостребованными и излишне манерными. Поэтому, занимаясь однажды уборкой кухонных шкафов и кладовок, мы, наткнувшись на давно забытую банку с грибами, выбросили ее в мусорный бак вместе со старыми и давно отслужившими свой срок специями и упаковками с едой.

Прошло три десятилетия, и я теперь жалею о том, что так поступил: я бы сейчас многое дал за ту банку с грибами. Теперь я все больше и больше задаюсь вопросом: а не потрачены ли эти магические молекулы впустую, на молодежь? Что, если бы их предложить более зрелым людям, людям с устойчивой психикой, с устоявшимися привычками и нормами поведения? Карл Юнг как-то сказал, что «мистический опыт» нужен не молодежи, а людям среднего возраста, потому как он может помочь им успешно пройти вторую половину жизни.

К тому времени, когда я благополучно перешагнул порог сорокалетия, моя жизнь прочно вошла в глубокое и спокойное русло: долгий и счастливый брак и не менее долгая и успешная карьера. За это время я разработал систему вполне надежных психических алгоритмов, ориентируясь на которые я преодолевал все те препятствия, что мне подбрасывала жизнь, будь то дома или на работе. Чего еще мне не хватало в жизни? Всего хватало, насколько я мог судить, — до того самого момента, когда весть о новых исследованиях в области психоделиков начала прокладывать путь в мое сознание, заставив меня призадуматься: а не ошибся ли я в оценке потенциала этих молекул? Не могут ли они послужить средством для более полного понимания сознания и (потенциально) для его изменения?

* * *

Ниже я привожу три наиболее знаменательных момента, которые убедили меня в том, что это именно так.

Весной 2010 года в газете *New York Times* была напечатана передовица под заголовком «Галлюциногены снова в ходу у врачей». В ней сообщалось о том, что врачи в пос-

леднее время все чаще прибегают к псилоцибину, активному компоненту волшебных грибов, давая его в больших дозах онкологическим больным на последней стадии болезни: это, мол, помогает им справляться с их «экзистенциальными бедами», вызванными близостью смерти.

Эти эксперименты, которые проводились одновременно в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и Нью-йоркском университете, показались мне не то чтобы невероятными, а попросту безумными. Если уж я болен раком в его финальной стадии, то последнее, что мне может прийти в голову, — это захотеть принимать психоделический препарат, то есть полностью отказаться от контроля за сознанием и, войдя в это психологически неустойчивое состояние, глядеть прямо в отверстую бездну. Но, если судить по рассказам многих пациентов, во время этого «психоделического трипа» им удается не только по-новому взглянуть на свою болезнь — рак, но и увидеть в новом свете весь процесс умирания. Некоторые утверждали, что у них после этого полностью исчез страх перед смертью. Причины же, объясняющие подобную трансформацию, выглядели хотя и неубедительными, но весьма интригующими. «Индивидуумы утрачивают первичную идентификацию с телом, они как бы возносятся над ней и переживают состояние освобождения от своего эго», — приводятся слова одного из исследователей. Поэтому они «возвращаются с обновленным взглядом на жизнь и более радужным приятием смерти».

Помнится, я положил эту статью в папку, упрятал ее в один из ящиков стола и благополучно забыл о ней. Но вот, спустя где-то год или два, мы с Джудит оказались в гостях в большом доме в Беверли-Хиллз; мы сидели за длинным обеденным столом вместе с десятком других гостей, когда вдруг женщина на другом конце стола (потом я узнал, что она была известным психологом) начала рассказывать о своем кислотном трипе. Я в тот момент был увлечен разговором на совершенно иную тему, но едва моего слуха коснулась магическое сочетание фонем *Л-С-Д*, как я тут же навострил ухо (в буквальном смысле, потому как приставил к нему руку, превратив в локатор) и стал внимательно слушать.

Поначалу мне показалось, что женщина просто пересказывает какой-то бородатый анекдот на эту тему, бывший

в ходу в ее студенческие годы. Ан нет. Вскоре я убедился, что кислотный трип, о котором она говорила, она совершила на самом деле, причем за несколько дней или за неделю до нашей встречи, и это был ее первый опыт такого рода. Собравшиеся внимали ей, удивленно вскинув брови. Они с мужем, бывшим инженером-программистом, придерживались того взгляда, что употребление ЛСД (не постоянное, а от случая к случаю) стимулирует ум и является ценным подспорьем в их работе. В частности, по ее словам, ЛСД дает ей как психологу возможность понять, как именно дети воспринимают окружающий мир. Восприятие детей не связано установочными критериями и условностями места действия и обстоятельств, как восприятие взрослых; у нас, взрослых, сказала она, ум не столько воспринимает мир напрямую, сколько опирается на обоснованные догадки и посылы о нем, и мы, опираясь на эти догадки и посылы, в основе которых наш прошлый опыт и наработанные в годы учебы знания, экономим свое время и умственную энергию, как, например, в том случае, когда пытаемся понять, что представляет собой тот прерывистый узор из зеленых точек, что находится в поле нашего зрения. (Скорее всего, это листья на дереве.) ЛСД, по-видимому, отключает или делает недействительными такие условные, сжатоконспективные способы восприятия мира и тем самым восстанавливает детскую непосредственность и возвращает нашему восприятию реальности ощущение чуда, как будто мы все видим впервые. (*Надо же, листья!*)

Я встал, чтобы меня было видно, и спросил женщину, не собирается ли она написать книгу обо всем этом, что тут же привлекло ко мне взгляды всех гостей. Она засмеялась и бросила на меня взгляд, ясно говоривший: «*Боже, как вы наивны!*» Действительно, ЛСД входит в список жестко контролируемых государством веществ и препаратов; другими словами, на правительственном уровне он рассматривается как наркотик, вызывающий зависимость, пагубно воздействующий на сознание и формально неприемлемый в медицинских целях. Разумеется, для любого человека в ее должности было бы безрассудным заявлять, тем более в печатном виде, что психоделики могут как-то способствовать развитию философии или психологии — короче

говоря, что они могут стать ценным инструментом в исследовании тайн человеческого сознания. Все серьезные исследования психоделиков были более или менее прекращены и изгнаны из университетских лабораторий еще в 1963 году, то есть почти 50 лет тому назад, вскоре после того, как псилоцибиновый проект Тимоти Лири, начатый в Гарвардском университете, потерпел крах. Даже в Беркли, судя по всему, еще не готовы возобновить его. По крайней мере, не сегодня.

Это второй момент. А третий непосредственно с ним связан: разговоры за обеденным столом пробудили во мне смутное воспоминание, что несколькими годами раньше кто-то прислал мне по электронной почте научную статью об исследованиях псилоцибина. Занятый другими вещами, я в то время этот файл даже не открыл, но теперь быстрый поиск по слову «псилоцибин» мгновенно дал результат: компьютер выудил это послание из вороха удаленных писем. Оказалось, что статью мне прислал один из ее авторов, человек по имени Боб Джесси, чье имя в то время мне ни о чем не говорило; вероятно, он прочел кое-что из написанного мной о психоактивных растениях и подумал, что эта работа может меня заинтересовать. Статья, написанная теми же специалистами из медицинского центра Джона Хопкинса, которые давали онкологическим больным псилоцибин, была напечатана в журнале «*Психофармакология*». Для рецензируемой научной статьи она носила довольно длинное и необычное название: «Псилоцибин способен вызывать у больных переживания вроде мистических, имеющих лично для них важный непреходящий смысл и духовное значение».

Ладно бы слово «псилоцибин»; не оно меня потрясло, а такие слова, как «мистические», «духовное» и «смысл»: они буквально бросались в глаза со страниц фармакологического журнала. Название интриговало, оно намекало на то, что это не простое исследование, что оно ведется на переднем крае науки, объединяя собой два мира, которые мы в силу воспитания считали несовместимыми: науку и духовность.

Заинтригованный, я так и впился в статью. В ней говорилось, что для эксперимента было отобрано тридцать добровольцев, которые никогда до этого не употребляли психоде-

лики, причем половине из них дали таблетку, содержавшую синтетическую разновидность псилоцибина, а половине — «активное плацебо» (метилфенидат, или риталин), внушив им при этом, что это самый настоящий психоделик. Все участники эксперимента лежали на кушетке с закрытыми глазами и в наушниках, слушая музыку (для лучшей концентрации внимания и большей сосредоточенности на самих себе), а подле них постоянно находились два терапевта. Примерно через полчаса в сознании тех из них, кто получил таблетку псилоцибина, начало происходить нечто необычное.

Исследование показало, что большая доза псилоцибина может запросто создавать у человека, причем без особых для него последствий, восприятие мистического опыта, который обычно характеризуется так называемым растворением эго и влечет за собой чувство слияния с природой или вселенной. Для людей, уже принимавших психоделики, или для исследователей, вплотную занимавшихся ими в 1950-е и 1960-е годы, в этом не было ничего нового. Но для современных ученых или для меня тогдашнего, то есть малосведущего человека образца 2006 года, когда эта статья появилась в печати, все это было не таким уж очевидным.

Но вот что самое удивительное: участники эксперимента назвали пережитое ими под влиянием псилоцибина самым потрясающим и самым поучительным опытом в своей жизни, сравнимым разве что «с рождением первого ребенка или смертью родителей». Две трети участников поместили данный опыт в пятерку «наиболее духовно значимых переживаний», а одна треть назвала его самым значительным переживанием, когда-либо выпадавшим им в жизни. 14 месяцев спустя их оценка пережитого если и изменилась, то весьма незначительно. Кроме того, участники отметили существенные улучшения и позитивные сдвиги во многих сферах личной жизни, таких, например, как «самочувствие, удовлетворенность жизнью, действия и поступки», — сдвиги, которые заметили и подтвердили члены их семей и друзья.

В то время об этом еще никто не подозревал, но именно с публикации этой статьи начался период возрождения (так называемый ренессанс) психоделиков, ныне набравший серьезные обороты. Статья привела к тому, что в ряде научных учреждений — например, в медицинском центре Джонса

Хопкинса и в лабораториях нескольких университетов — была проведена целая серия таких же пробных экспериментов, где больным массово давали псилоцибин, чтобы проверить его действие на самый широкий спектр недугов, включая тревогу, нервозность и подавленность (у онкологических больных), алкогольную и никотиновую зависимость, обсессивно-компульсивное расстройство, депрессию и расстройства пищеварения. Самое поразительное в этих клинических исследованиях — это лежащая в их основе предпосылка (вполне логическая предпосылка), что важнейшим ключом к изменению сознания является, по-видимому, не фармакологическое действие самого препарата, а вызываемые им психические переживания, включая и временное растворение человеческого эго.

* * *

Как человек, уверенный, что уж у него-то, во всяком случае, еще не было такого «духовно значимого» переживания, какое испытали две трети участников, не говоря уже о том, что я никогда не задумывался над тем, чтобы как-то классифицировать свои переживания, — короче говоря, я волей-неволей оказался среди тех, у кого эта статья вызвала одновременно и любопытство, и скептицизм. По словам многих участников, перед ними как бы открылась альтернативная реальность, им была дана возможность «ступить за грань», где уже не действуют обычные физические законы и где заявляют о себе в виде непреложных реалий различные проявления космического сознания или божественности.

Все это вызвало во мне двоякое отношение: с одной стороны, я не мог принять это на веру (а не было ли это просто галлюцинацией, вызванной наркотическим препаратом?), а с другой — это меня заинтриговало; одна часть моего «я» хотела, чтобы это (что бы это ни было) оказалось правдой, а другая подвергала это сомнению. Надо сказать, что подобное отношение меня немало удивило, поскольку я никогда не считал себя духовно ориентированным человеком, а тем более человеком, склонным к мистике. Как я полагаю, частично оно было обусловлено довлеющим мировоззрением, а частично позицией отрицания всего необычного, столь

свойственной человеку. Действительно, я никогда не уделял много времени исследованию духовных материй, да и религиозным воспитанием тоже не могу похвастать. Я всегда негласно придерживался той же точки зрения, что и философ-материалист, который считает, что первичной субстанцией мира является материя и что физические законы, действию которых она подчиняется, в состоянии объяснить все происходящее в мире. При этом я исходил из той предпосылки, что природу следует понимать как все сущее в этом мире, в силу чего меня влекло к научному объяснению природных явлений. При этом, однако, я признавал, что научно-материалистический подход во многом ограничен и что природа (включая и человеческий разум) таит в себе много загадок, к которым наука подчас относится весьма высокомерно и которые без всякого на то основания отрицает.

Возможно ли, чтобы единичное психоделическое переживание — нечто, возникающее под действием проглоченной таблетки или квадратика «промокашки»*, — могло опровергнуть устоявшееся мировоззрение? Или пошатнуть действующую мораль? Или надолго изменить чье-либо сознание?

Эта мысль прочно угнездилась во мне. Это сравнимо с тем, как если бы мне вдруг показали дверь в знакомой комнате (комнате моего сознания), которую я прежде не замечал, и сказали (причем сказали люди, которым я доверял, — ученые!), что по ту сторону меня ждет совершенно другой образ мышления и — бытия. И все, что нужно, — повернуть ручку и войти. Кому не станет любопытно? Кто удержится от подобного искушения? Может быть, я в тот момент и не стремился к переменам в собственной жизни, но сама мысль о том, что мне открывается возможность узнать что-то новое и осветить новым светом пространство старого мира, начала овладевать моими мыслями. Может быть, моей жизни действительно чего-то не хватает, чего-то, чему я не могу подобрать названия?

Во всяком случае, теперь я кое-что знал об этой двери, потому как успел к этому времени написать ряд статей о пси-

* «Промокашка» (*blotter paper*) — разновидность ЛСД. — *Прим. перев.*

хоактивных растениях. Например, главной темой «*Ботаники желаний*» я сделал нечто, что в свое время меня немало удивило, а именно: неистребимое человеческое желание изменить свое сознание. Нет на земле такой культуры (кроме одной*), где бы не использовались определенные растения с целью изменить внутреннее содержимое сознания человека либо ради его исцеления, либо в силу привычки или духовной практики. И это любопытство, это неадекватное желание, живущее внутри нас наравне с другими привычными желаниями — еды, питья, красоты, секса (причем их эволюционный смысл более чем очевиден), — требует объяснения. Самое простейшее из них — мол, эти субстанции помогают усмирять боль и разгоняют скуку. Однако тот факт, что многие из этих психоактивных веществ связаны с высвобождением сильных чувств и окружены различными табу и ритуалами, заставляет предположить, что здесь скрывается нечто гораздо большее.

Что касается нашего вида, то, насколько мне известно, растения и грибы, способные радикально менять сознание, давно и повсеместно использовались и продолжают использоваться для различных целей: для исцеления умственных расстройств, в ритуалах посвящения и для общения со сверхъестественными существами или миром духов. Это очень древние практики, которые почитались во всех великих культурах, но я нашел для психоактивных веществ еще одно применение: они призваны обогащать коллективное сознание — культуру — теми новыми идеями и мечтами, которыми немногие избранные одаривают человечество, черпая их в тех мирах, где они побывали.

* * *

Теперь, когда я интеллектуально обосновал потенциальную ценность этих психоактивных субстанций, то у меня, как вы, наверное, подумали, должно было проявиться более сильное желание самому их попробовать. Да,

---

* Эскимосы, по-видимому, являются единственным исключением из этого правила, тем самым подтверждая его, но только потому, что на территориях, где они проживают, не произрастают психоактивные растения. (Во всяком случае, таких пока не обнаружено.)

такое желание у меня возникло, но что-то (я и сам не знаю что) меня останавливало: то ли недостаток смелости, то ли ожидание благоприятной возможности, которая никак не подворачивалась, поскольку жизнь, заполненная трудовыми буднями, в основном протекает в жестких рамках законов. Но когда я начал обдумывать потенциальную пользу этих субстанций, взвешивая и сравнивая ее с возможными рисками, то, к своему удивлению, обнаружил, что, как гласит поговорка, «не так страшен черт (психоделики), как его малюют». В самом деле, при всем желании, например, нельзя умереть от слишком большой дозы ЛСД или псилоцибина; ни один из этих препаратов даже не вызывает зависимости. Если животным скормить одну дозу этих препаратов, они не будут требовать вторую, а люди при повторном их использовании отмечают существенное ослабление их действия*. Да, действительно, те ужасные видения, которые посещают некоторых людей, сидящих на психоделиках, в самом деле могут привести к тому, что подвергающие себя подобному риску впадут в психоз, поэтому в семьях, в чьем роду наблюдались случаи душевных заболеваний или предрасположенность к таким заболеваниям, никто не должен их принимать. Но практика показывает, что пациенты, принимавшие психоделики и пострадавшие от них, поступают в отделение неотложной помощи крайне редко, причем во многих случаях то, что врачи диагностируют как психотические срывы, на деле оказывается просто кратковременными приступами паники.

Справедливо и то, что люди, сидящие на психоделиках, склонны к глупым и опасным поступкам: переходят дорогу с интенсивным движением в неположенном месте, прыгают с большой высоты и даже (правда, это случается редко) убивают себя. Согласно опросу, проведенному среди бывалых потребителей психоделиков, которых просили

---

* Дэвид Дж. Натт. *«Наркотики без горячего воздуха: как минимизировать вред от применения легальных и нелегальных наркотиков»*. — Кембридж, Англия: UIT, 2012. [David J. Nutt. *Drugs Without the Hot Air: Minimising the Harms of Legal and Illegal Drugs* (Cambridge, U.K.: UIT, 2012)]. Вот почему люди, принимающие малые дозы психоделиков, никогда не принимают их несколько дней подряд.

рассказать об их переживаниях, появление «жутких галлюцинаций очень даже реально» и может стать «самым удручающим впечатлением в жизни»*. Но здесь очень важно уметь отличать неконтролируемые ситуации, когда препараты употребляются без учета «установки и обстановки», от ситуаций контролируемых, когда препараты принимают в клинических условиях, после тщательного их отбора и, разумеется, под присмотром врача. Возвращение санкционированных психоделиков, положившее начало их исследованию, началось в 1990-е годы, и хотя с тех пор через руки врачей прошли тысячи добровольцев, на которых было испробовано их действие, за это время не было зарегистрировано ни одного серьезного случая их неблагоприятного влияния.

Именно в этот момент мысль «встряхнуть стеклянный шар так, чтобы пошел снег», как назвал психоделический опыт один нейрофизиолог, начала представляться мне скорее привлекательной, нежели пугающей, хотя некая доля страха в моей душе все еще оставалась. По прошествии более полувека, в течение которого эго было моим более или менее постоянным спутником, оно — этот вездесущий голос, непрерывно звучавший в моей голове, это вечно комментирующее, интерпретирующее и навешивающее ярлыки защитное «я» — сделалось для меня чуть более знакомым и узнаваемым. Я в данном случае не говорю о таком аспекте, как глубокое самопознание; я говорю лишь о том, что со временем все мы стремимся оптимизировать и сделать традиционными наши реакции на воздействия жизни. У каждого из нас есть свои схематические пути обработки и усвоения повседневного опыта и решения проблем, и хотя такой подход к жизни вполне приемлем, потому как он помогает выпол-

---

* Тереза М. Карбонаро и др. «Опрос-исследование удручающих переживаний после принятия псилоцибиновых грибов: резкие и устойчивые положительные и отрицательные последствия». *«Психофармакология»*, 2016, 1268–1278. [Theresa M. Carbonaro et al., “Survey Study of Challenging Experiences After Ingesting Psilocybin Mushrooms: Acute and Enduring Positive and Negative Consequences,” *Journal of Psychopharmacology* (2016): 1268–78.] Опрос показал, что только 7,6 % респондентов обращались к врачу по поводу «одного и более психологических симптомов, которые они приписывают угнетающему действию псилоцибина».

нять работу при максимуме усилий и минимуме суеты, в конечном счете он становится механическим. Он отупляет нас. Мышца нашего внимания атрофируется.

Несомненно, привычки — очень полезные инструменты, сильно облегчающие проведение сложных психологических операций, к которым мы прибегаем всякий раз, когда сталкиваемся с новой задачей или новой ситуацией. И они же помогают нам бдительно следить за внешним миром: присутствовать в нем, уделять ему внимание, чувствовать, мыслить, а затем обдуманно действовать. (То есть действовать свободно, а не по принуждению.) Если вы забыли, что представляют собой подобные психические привычки и как они ослепляют нас, делая невосприимчивыми к жизни и опыту, то поезжайте в незнакомую страну — и вы стразу же встряхнетесь! Алгоритмы повседневной жизни оживут и заработают снова, как будто с нуля. Вот почему для описания психоделических переживаний более чем уместны различные метафоры и сравнения, почерпнутые из арсенала путешественника.

Ум взрослого человека, сколь бы эффективен и полезен он ни был, делает нас слепыми и невосприимчивыми к происходящему в данный момент. Мы постоянно перескакиваем от одного вопроса к другому, от одной темы к другой. Мы подходим к жизненному опыту, уже будучи запрограммированы в той же мере, что и искусственный разум; наш мозг постоянно переводит данные настоящего в понятия прошлого и транслирует их в таком виде; он то и дело обращается за сведениями к опыту прошлого и пользуется им, стараясь на его основе предугадать и спрогнозировать будущее.

Тому, что многие аспекты жизни — путешествия, искусство, природа, работа и даже некоторые наркотики — становятся столь приятными и даже желанными для нас, мы обязаны прежде всего своему опыту, который заполняет собой все психические пути и дороги, ведущие как вперед, так и назад, растворяя нас в потоке чудесного настоящего — чудесного в буквальном смысле, потому как чудо — это побочный продукт именно такого, ничем не обремененного, первого, наивного и девственного взгляда на мир, от которого мозг взрослого человека давно отгородился. (Ведь это

так малополезно и неэффективно!) Увы, но большую часть времени я живу в ближайшем будущем, мой психический термостат установлен и действует в режиме медленного кипения, бурля чаяниями, предчувствиями, а еще чаще волнениями и заботами. К счастью, я редко чему удивляюсь. Это одновременно и хорошо, и плохо.

Что именно я стремлюсь здесь изобразить? Не что иное, как рабочий режим или уровень своего нынешнего сознания, действующего по умолчанию, как мне кажется. Оно работает достаточно хорошо, выполняет нужную работу, но меня не отпускает мысль: что, если это не единственный или, возможно, даже не лучший способ идти по жизни? Ведь предпосылкой психоделического исследования служит именно то, что эта особая группа молекул может давать нам доступ к другим уровням и режимам сознания, из общения с которыми мы можем извлечь особую выгоду: терапевтическую, духовную или творческую. Разумеется, психоделики — не единственная дверь, ведущая к другим формам сознания (на страницах этой книги я расскажу и о других, не фармакологических альтернативах), но они действительно кажутся одной из тех дверных ручек, которые так легко взять и повернуть.

Идея расширения сознания, всего репертуара его состояний, не так уж и нова: она ясно прослеживается в индуизме и буддизме, да и в западной науке тоже имеются весьма интересные и поучительные прецеденты. Например, известный американский философ и психолог Уильям Джеймс, автор книги «*Многообразие религиозного опыта*», более века тому назад уже забирался в эти миры. Вернулся он оттуда с убеждением, что наше повседневное бодрствующее сознание — «всего лишь особый тип сознания, тогда как рядом и вокруг него, отделенные от него лишь тончайшим экраном, находятся потенциальные и совершенно иные формы сознания».

Насколько я понимаю, Джеймс говорит о неоткрытой двери, ведущей внутрь нашего разума. Для него таким «толчком», который мог открывать эту дверь и давать доступ в миры по ту ее сторону, был так называемый веселящий газ — окись азота. (Кстати, мескалин, психоделическое соединение, добываемое из пейотля, американского кактуса, всегда

имелся в распоряжении исследователей, но Джеймс, видимо, так и не решился его испробовать.)

«Ни одно описание Вселенной, сколь бы полным оно ни было, не может считаться окончательным, если оно не принимает во внимание эти другие формы сознания», — пишет Джеймс.

«Во всяком случае, — заключает он, — эти другие состояния (которые, по его убеждению, столь же реальны, как чернила на этой странице) не дают нам преждевременно поквитаться с реальностью и свести с ней все счеты».

Когда я впервые прочитал это предложение, мне стало понятно, что Джеймс попал в самую точку: как истинный материалист и взрослый человек, достигший определенного возраста, я уже поквитался с реальностью и свел с нею счеты, если и не полностью, то весьма основательно. И, видимо, сделал это несколько преждевременно.

Что ж, теперь меня приглашают открыть эти области сознания снова.

* * *

Если повседневное бодрствующее сознание — это один из нескольких возможных способов конструирования мира, тогда, возможно, есть смысл культивировать то великое нейронное разнообразие, каким оно мне представляется. Будем иметь это в виду. Что же касается этой книги, то она рассматривает данный предмет с различных точек зрения, используя для этого несколько повествовательных путей, таких как социальная и научная история, естествознание, мемуары, научная журналистика и практический опыт, то есть, иначе говоря, рассказы и свидетельства участников, добровольцев и пациентов. Короче, нас ждет интересное путешествие в неведомое, в середине которого я поделюсь с вами собственными исследованиями (вероятно, лучше было бы назвать их поисками) этого предмета, изложенными в форме психологического травелога.

Повествуя об истории психоделических исследований, прошлой и настоящей, я не посягаю на всеобъемлющий охват. Такая тема, как психоделики, являющаяся предметом науки и социальной истории, слишком обширна, чтобы уместить ее в объеме одной, пусть и большой книги. Вместо того

чтобы представлять читателю всю галерею персонажей, принимавших участие в возрождении психоделиков и ответственных за него, я расскажу лишь о немногих пионерах, которые образуют особую научную линию преемственности, с тем неизбежным результатом, что та лепта, которую внесли в это дело многие другие, будет преподнесена кратко и в немногих словах. Кроме того (и это тоже делается в интересах связности повествования), я заостряю внимание лишь на некоторых препаратах, оставляя другие без внимания. В частности, это относится к МДМА (метилендиоксиамфетамину, более известному как «экстази»): я касаюсь его вкратце, несмотря на то что некоторые врачи рассчитывают применять его в лечении посттравматических стрессовых расстройств. Дело в том, что лишь очень немногие исследователи причисляют МДМА к психоделикам, тогда как большинство придерживается иного мнения, которое я полностью разделяю. МДМА действует на сознание, используя различные проводящие пути мозга, а следовательно, у него совсем иная социальная история, отличающаяся от истории так называемых классических психоделиков. Из них я фокусируюсь преимущественно на тех, которым ученые уделяют наибольшее внимание (главным образом это псилоцибин и ЛСД), а это значит, что другим психоделикам я уделяю гораздо меньше внимания; бесспорно, они также интересны и эффективны, однако достать их и доставить в лабораторию гораздо труднее (пример такого психоделика — аяуаска).

И, наконец, о названиях. Тот класс молекул, к которому относятся псилоцибин и ЛСД (а также мескалин, ДМТ и некоторые другие), на протяжении многих десятилетий, с того момента, как на них обратили внимание, называли по-разному. Вначале их называли галлюциногенами. Но их воздействие было настолько разносторонним (в сущности, полноценные галлюцинации достаточно необычны и редки), что вскоре исследователи стали искать более точный и подходящий термин (этот поиск описан в 3-й главе). Термин «психоделики», чаще всего используемый мною в этой книге, имеет и свою оборотную сторону. Появившись в 1960-е годы, в период расцвета контркультуры, он несет в себе и соответствующий культурный багаж, причем немалый. В надежде избежать этих ассоциаций и подчеркнуть

духовную составляющую самих препаратов некоторые исследователи предложили называть их энтеогенами (в переводе с древнегреческого «божество внутри») — название, которое кажется мне слишком вычурным, поэтому термин «психоделики», изобретенный в 1956 году, несмотря на внешние атрибуты 1960-х, представляется мне этимологически более точным. Составленный из двух древнегреческих слов, он означает просто «проявление ума», что в точности передает то воздействие, которое оказывают на наш ум эти необычные молекулы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РЕНЕССАНС

Если уж необходимо точно указать начало современного ренессанса психоделиков и связанных с ними исследований, то таким началом, несомненно, является 2006 год. Правда, для многих людей в то время это было совершенно неочевидно. Не было принято никаких законов, не было издано никаких регулирующих актов или объявлено об открытиях — ничего такого, что указывало бы на этот исторический сдвиг. Но когда в течение этого года последовали одно за другим три вроде бы никак не связанных между собой события — первое в Базеле, Швейцария, второе в Вашингтоне, а третье в Балтиморе, штат Мэриленд, — чувствительное ухо вполне могло бы различить треск начинающего раскалываться льда.

Первым событием, которое предстает, если рассматривать его с позиции прошлого и настоящего, как своего рода исторический шарнир, было столетие со дня рождения швейцарского химика Альберта Хофмана, который в 1943 году случайно обнаружил, что пять лет тому назад он открыл психоактивную молекулу, впоследствии получившую название ЛСД. Этот столетний юбилей был необычным в том смысле, что на нем присутствовал сам юбиляр. Разменяв первую сотню лет, Хофман сохранил на удивление прекрасную форму, был физически подвижным, острым на ум и принимал самое активное участие в торжествах: сразу за празднованием дня рождения намечался трехдневный симпозиум. Церемония открытия состоялась 13 января, через два дня после столетнего юбилея (Хофман дожил до 102 лет). Конференц-зал в Базельском центре конгрессов заполнили две тысячи человек, которые стоя рукоплескали невысокому

и немного сутулому мужчине в темном костюме и галстуке, который, опираясь на палку, медленно пересек сцену и занял свое место.

Из этих двух тысяч человек двести были журналистами, съехавшимися на симпозиум со всего мира, а остальные — целители, искатели, мистики, психиатры, фармакологи, исследователи сознания и нейрофизиологи; другими словами, большинство было представлено людьми, чья жизнь радикально изменилась под действием молекулы, которую человек на сцене извлек из гриба полстолетия назад. Они собрались здесь, чтобы воздать должное этому человеку, чтобы отметить событие, которое его друг, швейцарский поэт и врач Вальтер Фогт, назвал «единственным радостным открытием XX века». Для людей, собравшихся в зале, это была отнюдь не гипербола. По словам одного из американских ученых, свидетеля сего торжества, многие из присутствовавших «прямо-таки боготворили» Альберта Хофмана, поэтому нет ничего удивительного, что это событие чисто внешне во многом напоминало религиозный обряд.

Хотя практически каждый из присутствовавших знал наизусть историю открытия ЛСД, тем не менее Хофмана попросили рассказать «миф о сотворении» еще раз. (Эту историю он изложил, если мне не изменяет память, в изданных в 1979 году мемуарах «*ЛСД — мой трудный ребенок*».) Хофману, который в то время был еще молодым химиком, работавшим в одном из подразделений компании *Sandoz*, занимавшемся выделением химических соединений из лекарственных растений для производства новых препаратов, было поручено синтезировать одну за другой молекулы алкалоидов, производимых спорыньей. Спорынья — это грибок, который часто заражает зерновые культуры (обычно рожь, из которой пекут хлеб), вызывая у едоков признаки безумия или одержимости. (Как тут не вспомнить знаменитый судебный процесс над салемскими ведьмами! Согласно одной из теорий, странное поведение обвиняемых женщин было якобы вызвано отравлением спорыньей.) Кстати говоря, повивальные бабки уже давно использовали спорынью, прибегая к ее помощи для ускорения родов и остановки послеродового кровотечения, так что химики *Sandoz* недаром обратились именно к этому грибку, надеясь получить из его

алкалоидов пригодный для продажи препарат. Осенью 1938 года Хофман выделил из спорыньи 25 алкалоидных молекул, дав этой серии название диэтиламид лизергиновой кислоты, или сокращенно ЛСД-25. Предварительное опробование этого соединения на животных не дало многообещающих результатов (животные вели себя беспокойно, но этим все дело и ограничилось), поэтому формулу ЛСД-25 положили в долгий ящик.

Там она и оставалась следующие пять лет, вплоть до апрельского дня 1943 года (война была в самом разгаре), когда у Хофмана вдруг «возникло предчувствие», что стоило бы взглянуть на ЛСД-25 еще раз. И в этом месте его рассказ принимает немного мистический поворот. Обычно, говорит он, если соединение, считающееся неперспективным, выбраковывают, то его сразу же выбрасывают. Но Хофману почему-то «пришлась по душе химическая структура молекулы ЛСД», и что-то подсказало ему, что «эта субстанция обладает свойствами, отличными от тех, которые были выявлены в ходе первых исследований». Еще одна загадочная аномалия случилась, когда он синтезировал ЛСД-25 во второй раз. Несмотря на тщательные меры предосторожности, которые он неизменно соблюдал, когда работал с такими ядовитыми субстанциями, как спорынья, капелька химического вещества каким-то образом попала на его кожу и впиталась в нее, поскольку он, по словам самого Хофмана, «был вынужден прервать работу по причине каких-то необычных ощущений».

Хофман пошел домой и лег на диван. «Я находился в дремотном состоянии, с закрытыми глазами... а передо мной мелькал непрерывный поток фантастических картин и необычных форм с яркой, калейдоскопической игрой красок». Так в мрачные дни Второй мировой войны в нейтральной Швейцарии произошел первый в истории человечества «кислотный трип». Единственный в своем роде, потому как произошел он в состоянии полного неведения.

Заинтригованный, Хофман решил через несколько дней провести полноценный эксперимент, поставив его на самом себе, — практика, к которой мало кто прибегал в то время. Соблюдая, как ему казалось, необычайную осторожность, он взял 0,25 миллиграмма ЛСД (миллиграмм — одна тысячная

грамма), растворил их в стакане воды и выпил. Будь это любой другой препарат, такая доза в самом деле была бы необычайно мизерной, но это был ЛСД, а он, как оказалось, является одним из самых мощных психоактивных соединений, когда-либо открытых человечеством, потому как сохраняет свою активность даже в микроскопических дозах, измеряемых микрограммами, — в данном случае тысячной долей миллиграмма. Этот удивительный факт вскоре вдохновит ученых на поиск рецепторов головного мозга и веществ, способных воздействовать на него, в результате чего будет найдено эндогенное химическое вещество — серотонин, которое активирует мозг так же легко и быстро, как нужный ключ открывает нужный замок: во сяком случае, подобная метафора объясняет, почему столь малое количество молекул способно оказывать столь мощное воздействие на сознание. Так или иначе, но открытие Хофмана привело к тому, что в 1950-х годах возникла одна из современных отраслей науки — наука о мозге.

Однако в тот самый момент, когда Хофман погрузился в состояние, представлявшееся ему необратимым безумием, произошел первый в мировой истории *жуткий* кислотный трип. Ученый говорит своему помощнику-лаборанту, что ему нездоровится и что ему нужно срочно уехать домой; они садятся на велосипеды и по пустым улицам (так как автомобили в ту военную пору попадались довольно редко) кое-как добираются домой, где Хофман ложится в кровать и ждет, пока его помощник вызовет врача. (В наши дни потребители ЛСД отмечают День велосипедиста ежегодно 19 апреля.) Хофман вспоминает, что «знакомые вещи и предметы мебели вдруг начали принимать гротескные, угрожающие формы. Они находились в непрестанном движении, словно одушевленные и движимые внутренним беспокойством». Короче говоря, знакомый внешний мир стал распадаться, а его собственное эго словно исчезло и растворилось. «В меня вторгся демон, он завладел моими телом, умом и душой. Я вскочил с кровати и закричал, пытаясь освободиться от него, а затем вновь упал на диван и лежал там, одинокий и беспомощный». Хофман был убежден, что он либо сходит с ума, причем окончательно, либо находится при смерти. «Мое эго находилось где-то в пространстве, и оттуда я взи-

рал на свое лежавшее на диване неподвижное тело». Однако когда прибыл врач и осмотрел Хофмана, оказалось, что все его жизненно важные функции — сердцебиение, давление, дыхание — в полном порядке. Единственный признак, указывавший на то, что с ним что-то не так, — это зрачки: они были необычайно расширены.

Как только «острые симптомы безумия» исчезли, Хофман испытал так называемое «послесвечение», которое часто следует за кислотным трипом и являет собой состояние, полностью противоположное наркотическому похмелью. Когда после весеннего дождя он вышел в сад, «все искрилось и блестело в ярком свете. Мир словно родился заново». За время, прошедшее с того дня, мы многое узнали, и нам теперь известно, что на видения, вызываемые психоделиками, сильно влияют стремления и чаяния человека; нет другого класса лекарственных и иных препаратов, воздействие которых столь сильно зависело бы от самовнушения. Поскольку все пережитое Хофманом под воздействием ЛСД — это единственный опыт в чистом виде, то есть опыт, свободный от влияния предшествующих переживаний или рассказов о них, то небезынтересно отметить тот факт, что он полностью лишен каких бы то ни было восточных или христианских «примесей», которые вскоре станут обязательными атрибутами этого жанра. Однако его видение, где знакомые вещи и предметы оживают и образуют мир, который «словно родился заново», абсолютно сродни тому моменту, когда мир впервые открывается глазам Адама, как его красочно описал десятилетие спустя Олдос Хаксли в своем эссе «*Двери восприятия*»; очень скоро это видение станет обычным атрибутом кислотного трипа и прочих психоделических переживаний.

Из своего «путешествия» Хоффман вернулся с убеждением, что, во-первых, именно ЛСД каким-то образом овладел им, а не он им, и что, во-вторых, ЛСД однажды станет для медиков и особенно для психиатров очень ценным и незаменимым средством имитации, создавая крайне достоверную картину шизофрении. Ему даже в голову не приходило, что не за горами то время, когда его «трудный ребенок», как он впоследствии назвал ЛСД, станет не только препаратом, доставляющим радость, но и наркотиком, ведущим к злоупотреблению.

Однако Хофман с должным пониманием отнесся к тому, что в 1960-е годы молодежная культура взяла ЛСД на вооружение в качестве средства заполнения той пустоты, какую, по его словам, несет материалистическое, индустриальное и духовно бедное общество, потерявшее связь с природой. Этот магистр химии, вероятно самой материалистической из всех наук, вынес из своего горького опыта общения с ЛСД-25 убеждение, что эта молекула потенциально станет для цивилизации не только терапевтическим, но и духовным бальзамом, создав трещину «в здании материалистического рационализма» (говоря словами его друга и переводчика Джонатана Отта.)

Как и многие его последователи, этот блестящий химик тоже сделался в какой-то мере мистиком, проповедующим евангелие духовного обновления и воссоединения с природой. Когда ему в тот памятный день в Базеле преподнесли букет роз, он в ответной речи сказал собравшимся, что «чувство сопричастности ко всему сущему, чувства единства творения со всем сущим должно в еще большей мере заполнить наше сознание и уравновесить бессмысленные материалистические и технологические достижения, чтобы мы смогли вернуться к розам, к цветам, к природе, с которой мы неразрывно связаны». Слушатели разразились бурными аплодисментами.

Скептически настроенный свидетель тех событий был бы не столь уж и не прав, если бы счел этого невысокого человека, стоявшего на сцене, основателем новой религии, а слушателей — его паствой. Но если это и религия, то религия, существенно отличающаяся от всех прочих религий. Обычно основатель религии и самые близкие и преданные из его приверженцев заявляют право на власть и авторитет, даваемые постижением сакрального и непосредственным приобщением к духовным истинам. На долю же всех последующих поколений приверженцев этой религии достаются только зыбкая мешанина мифов и преданий, символизм таинства причастия и вера. История ослабляет изначальную силу непосредственного приобщения к высшему, передоверяя дальнейшее выполнение обязательных обрядов когорте священников. Но психоделическая церковь возвещает нечто совсем иное и необычное: что каж-

дый человек в любой момент может получить доступ к сакральному опыту путем таинства, в центре которого находится психоактивная молекула.

Однако подводное течение праздничных торжеств, проникнутых атмосферой духовности, принесло в конференц-зал (возможно, не совсем кстати) также и науку. Во время симпозиума, который начался сразу после завершения празднеств по случаю дня рождения Хофмана, ученые и исследователи из самых разных сфер и отраслей науки, включая нейрофизиологию, психиатрию, фармакологию, область сознания, так же как и искусство, говорили о том, как повлияло открытие Хофмана на развитие общества и культуры и какое значение имеет его потенциал не только для углубленного понимания сознания, но и для разработки методики лечения нескольких трудноизлечимых психических расстройств. В ходе симпозиума были одобрены несколько исследовательских проектов по изучению влияния психоделиков на человеческое сознание, и часть из них уже осуществляется в Швейцарии и в Соединенных Штатах. Так или иначе, но ученые на симпозиуме озвучили свою надежду на то, что долговременный перерыв в психоделических исследованиях так или иначе близится к концу. Не секрет, что издержкой профессии людей, работающих в этой области, является иррациональный оптимизм, но в 2006 году были веские причины полагать, что погода наконец действительно меняется в лучшую сторону.

* * *

Второе знаковое событие произошло в том же 2006 году пять недель спустя, когда Верховный суд Соединенных Штатов единогласным решением, которое озвучил и подписал новый главный судья Джон Робертс Младший, постановил, что небольшая религиозная секта, именующая себя UDV и пользующаяся во время таинств галлюциногенным чаем аяуаска, может ввозить его в Соединенные Штаты, даже несмотря на то, что он содержит такую субстанцию (числящуюся в перечне наиболее опасных препаратов), как диметилтриптамин (ДМТ). Это решение основывалось на законе о восстановлении религиозной свободы, принятом в 1993 году, который был принят с целью узаконить (согласно пун-

кту о свободе вероисповедания в Первой поправке к конституции США) право коренных жителей Америки, индейцев, использовать пейотль в своих обрядовых церемониях, как они это делали на протяжении многих поколений. Закон 1993 года гласит, что только «настоятельный интерес» может побудить правительство вмешаться в религиозные дела и запретить лицу (или лицам) отправление религиозных обрядов. В случае с сектой UDV администрация Буша, выступавшая в качестве истца, настаивала на том, что только коренные жители Америки (в силу их «особых отношений с правительством») имеют право использовать психоделики как часть религиозного обряда, и даже в их случае это право может быть ограничено государством.

Суд обоснованно отклонил довод правительства, сославшись на то, что при отсутствии «настоятельного интереса», обозначенного в законе 1993 года, федеральное правительство не может запретить официально признанной религиозной группе использовать психоделические субстанции в своих обрядах. Безусловно, речь идет об относительно новых и малочисленных религиозных группах, члены которых (*ayahuasqueros*) объединяются вокруг психоделического таинства чаепития или вокруг «лекарственного растения», как они сами называют свой чай. UDV — это христианская спиритическая секта, которую основал в 1961 году в Бразилии сборщик каучука Хосе Габриель да Кошта под влиянием откровений, снизошедших на него после распития отвара аяуаски, полученной двумя годами ранее от одного из амазонских шаманов. Секта существует в шести странах мира и насчитывает 17 000 членов, но на время принятия постановления в ее американском филиале числились только 130 человек. [Название секты расшифровывается как União do Vegetal, то есть Союз растений, поскольку аяуаска готовится путем заваривания цветков двух видов лиан, произрастающих в амазонских лесах: лозы духов (*Banisteriopsis caapi)* и психотрии зеленой (*Psychotria viridis*).]

Решение Верховного суда вызвало религиозный ажиотаж вокруг аяуаски и привело к росту «чайных» сект в Америке. Сегодня американская церковь UDV насчитывает 525 человек, а ее общины существуют в девяти штатах. Для их снабжения UDV начала выращивать «чайные» растения

на Гавайях, без помех доставляя их группам на материке. Однако число американцев, принимающих участие в чайных церемониях вне UDV, за эти годы сильно выросло, и каждую ночь в различных местах Америки совершаются десятки, если не сотни таких церемоний (их особенно много в районе залива в Сан-Франциско и в Бруклине). Федеральные власти больше не преследуют (по крайней мере, на данный момент) владельцев и хранителей аяуаски, и ее закупка и ввоз осуществляются совершенно свободно.

Своим решением Верховный суд проторил религиозную тропу (пусть и узкую, но прочно опирающуюся на Билль о правах), приведшую к легальному признанию психоделических препаратов, по крайней мере внутри религиозных общин, использующих их для своих таинств. Остается лишь подождать и посмотреть, насколько широкой и утоптанной эта тропа окажется, а это поневоле заставляет задуматься над тем, что именно предпримут правительство и суд, когда появится какой-нибудь доморощенный американский Габриель да Кошта и попытается отлить свои психоделические откровения в новую религию с намерением использовать психоактивные вещества для приобщения к ее таинствам. Юриспруденция «когнитивной свободы», как ее называют некоторые члены психоделической общины, все еще несовершенна и крайне ограниченна (в отношении религии), но теперь, по крайней мере, она покоится на твердом фундаменте, отыскав новую лазейку в неутихающей войне с наркотиками.

* * *

Из трех событий, случившихся в 2006 году и пробудивших психоделики от многолетней спячки, наиболее глубоким и далекоидущим по своему воздействию было последнее, третье, а именно: публикация в журнале «*Психофармакология*» упомянутой в прологе статьи — той самой, которую прислал мне по почте Боб Джесси и которую я в свое время поленился открыть. Это событие тоже имело ярко выраженный духовный оттенок, хотя эксперимент, который в этой работе описывается, был детищем известного ученого, человека строгих научных взглядов Роланда Гриффитса. Так уж получилось, что именно Гриффитс, из всех исследователей психоделиков самый, пожалуй, маловероятный кандидат для подобной

работы, решился на исследование свойств псилоцибина, чтобы на основе собственного мистического опыта сотворить переживание «типа мистического». Знаковая работа Гриффитса, носящая, как уже говорилось выше, название «Псилоцибин способен вызывать у больных переживания вроде мистических, имеющих лично для них важный непреходящий смысл и духовное значение», была первым тщательно продуманным, контролируемым клиническим исследованием двойного слепого метода, проведенным за последние четыре десятилетия, если не больше, с целью изучения психологического воздействия психоделиков. Пресса отреагировала на нее довольно вяло, но те немногие отклики, которые все же появились, были полны такого восторга и энтузиазма, что поневоле закрадывалась мысль: уж не улеглась ли наконец та моральная паника по поводу психоделиков, которая охватила общество в конце 1960-х годов? Нет сомнения, что позитивная тональность откликов в прессе во многом была обязана тому факту, что по настоянию Гриффитса в журнал были приглашены несколько всемирно известных исследователей психоделических препаратов (причем некоторые из них — бывалые вояки, отличившиеся в войне с наркотиками): их попросили прокомментировать исследования, и именно они снабдили журналистов, освещавших эту тему, мощным идеологическим прикрытием.

Из всех комментаторов, отозвавшихся на эту публикацию и посчитавших ее одним из важнейших событий начала нового века, только Герберт Клебер, бывший заместитель Уильяма Беннетта, главного эксперта по наркотикам в правительстве Джорджа Буша, а позднее директор Отдела по вопросам злоупотребления психоактивными веществами в Колумбийском университете, отметил ее методологическую точность и признал, что исследование психоделиков таит в себе «большие терапевтические возможности», которые вполне «заслуживают поддержки со стороны национальных институтов здравоохранения». А Чарльз «Боб» Шустер, занимавший пост директора Национального института токсикомании при двух президентах, заметил, что термин «психоделический» весьма удачен, потому как не только подразумевает расширение сознания, но и выражает его собственную «надежду на то, что эта знаковая работа послужит также делу

расширения данной отрасли». И он же высказал мысль, что этот столь «привлекательный» класс препаратов и тот духовный опыт, который они вызывают, могли бы оказаться весьма полезными при лечении наркозависимости.

Работа Гриффитса и отзывы на нее еще ярче выявили и обозначили то важное различие, которое существует между так называемыми классическими психоделиками (к ним относятся псилоцибин, ЛСД, ДМТ и мескалин) и более «ходовым товаром», то есть низкопробными наркотиками, с их ярко выраженной токсичностью и способностью вызывать зависимость. Другими словами, американский научный истеблишмент, занимающийся исследованием психоактивных веществ, просигналил со страниц одного из ведущих научных журналов, что психоделические препараты заслуживают того, чтобы к ним относились совсем по-другому, и признал, по словам одного комментатора, «что, если пользоваться ими должным образом, эти соединения могут оказывать замечательное и, вероятно, благоприятное воздействие, несомненно заслуживающее дальнейшего изучения».

История появления этой работы интересна сама по себе, потому как проливает свет на непростые отношения между наукой и другой сферой человеческих устремлений, которую эта наука с момента своего возникновения всячески презирала и в целом не признавала, отказываясь иметь с нею дело; я имею в виду духовность. Ибо, задумывая первое современное исследование псилоцибина, Гриффитс с самого начала решил акцентировать свое внимание не на потенциальном терапевтическом эффекте этого препарата — по этому пути пойдут другие исследователи в надежде, что им удастся реабилитировать некоторые из запрещенных веществ вроде МДМА, — а на духовном воздействии этого опыта на здоровых, нормальных людей. Есть ли в *этом* что-то хорошее и если есть, то что?

В редакционной статье, сопровождавшей публикацию работы Гриффитса, психиатр Чикагского университета и эксперт по проблемам злоупотребления наркотиками Харриет де Уит попыталась снять это напряжение, указав на то, что стремление к состояниям, которые «освобождают человека от пут повседневного восприятия и мышления в поисках универсальных истин и просветления», — это непремен-

ный элемент жизнедеятельности человечества, элемент, который, тем не менее, «не пользовался большим доверием у представителей научного мира». Пришло время, утверждает она, когда наука наконец «должна признать эти невероятные субъективные переживания... даже если они иногда несут в себе утверждения о некой высшей реальности, находящейся вне сферы компетенции науки».

* * *

Вероятно, имя Роланда Гриффитса последним пришло бы на ум мне или кому-то другому, доведись нам назвать ученых, так или иначе связанных с психоделиками, и этот фактор, несомненно, во многом объясняет тот успех, которого он достиг в деле возвращения психоделикам и связанным с ними исследованиям научной респектабельности.

Шести футов ростом, сухой и подтянутый, Гриффитс в свои семьдесят лет держится неестественно прямо; единственное, что выбивается из этой безукоризненной схемы, — шапка седых волос, таких густых и идеально уложенных, словно по ним только что прошелся гребень. По крайней мере, пока не заставишь его говорить на интересующие его насущные темы (отчего он сразу оживляется и светлеет лицом), внешне он предстает как натянутая струна: трезвый, серьезный, методичный.

Гриффитс родился (в 1944 году) и вырос в Эль-Серрито, Калифорния, в районе залива Сан-Франциско, отучился несколько лет в Восточном колледже (выбрав в качестве основной специальности психологию), а затем поступил в Университет Миннесоты, где изучал психофармакологию. Именно в Миннесоте в конце 1960-х годов он подпал под влияние Б. Ф. Скиннера, бихевиориста радикального толка, внесшего огромный вклад в развитие психологии, сместив фокус ее изучения с внутренних состояний и субъективного опыта к внешнему поведению и факторам окружающей среды, его обуславливающим. Бихевиоризм мало интересуют проблемы и глубины человеческой психики, но его методы исследования поведения человека, находящегося в состоянии наркотического опьянения и зависимости (а именно по этой части и специализировался Гриффитс), оказались весьма полезными. Психоделики не сыграли абсо-

лютно никакой роли ни в его формальном, ни в его неформальном образовании, но к тому времени, когда Гриффитс еще ходил в среднюю школу, пресловутый психоделический проект, начатый Тимоти Лири в Гарварде, уже завершился скандалом, поэтому «мои наставники сразу дали мне понять, что у этих соединений нет никакого будущего».

Окончив аспирантуру в 1972 году, Гриффитс был принят на работу в Университет Джонса Хопкинса, где и работает с тех пор как психолог, изучая механизмы зависимости у самых разных, как легальных, так и нелегальных, наркотических препаратов, включая опиаты и так называемые седативно-снотворные средства (типа валиума), а также никотин, алкоголь и кофеин. На средства от грантов, выделяемых Национальным институтом токсикомании, Гриффитс смог провести ряд уникальных опытов с животными, в которых подопытное животное (чаще всего бабуин или крыса) было снабжено рычагом, позволявшим ему самостоятельно вводить внутривенно различные препараты, — эффективный инструмент в руках исследователей, изучающих различные стадии привыкания к препаратам, зависимость от них и предпочтения («*Что лучше: пообедать или принять лишнюю дозу кокаина?*»). 55 опубликованных им работ, посвященных исследованию свойств кофеина, способного вызывать привыкание, полностью преобразовали эту область и помогли понять, что кофе — это в меньшей степени продукт питания и в большей — наркотик, в результате чего «синдром отмены кофеина» был внесен в самое последнее, пятое издание «*Справочника по диагностике и статистике психических расстройств*». Когда Гриффитсу исполнилось пятьдесят лет, а это случилось в 1994 году, это был ученый с мировым именем, один из лучших в своей области.

Но в этом же году карьера Гриффитса сделала совершенно неожиданный поворот, обусловленный двумя случайными обстоятельствами. Первое из них — знакомство с сиддха-йогой. Несмотря на то что он как ученый придерживался бихевиористской ориентации, Гриффитс всегда интересовался тем, что философы называют феноменологией, — субъективным опытом сознания. Он пробовал медитировать, еще будучи аспирантом, но пришел к выводу, что «не может

высидеть спокойно и трех минут, не сойдя с ума от ярости. Три минуты казались мне тремя часами». Но когда в 1994 году он вновь попробовал медитировать, то обнаружил на сей раз, что ему «открылось нечто». Он начал регулярно заниматься медитацией, активно посещая медитативные центры и на себе испробовав многие восточные духовные практики, и обнаружил, что «все глубже и глубже втягивается в эту мистерию».

Где-то в середине этого процесса на Гриффитса снизошел мистический опыт — то, что сам он скромно назвал «весьма забавным пробуждением». Я удивился, когда Гриффитс упомянул об этом во время нашей встречи в его офисе, и не стал акцентировать внимание на этом вопросе, а жаль, потому как потом, когда я узнал его немного лучше, Гриффитс с явной неохотой поддерживал эту тему и отказывался давать более точные сведения о том, что же все-таки произошло, а я как человек, вообще не имевший подобного опыта, не испытывал особой тяги развивать эту мысль. Все, что он мне рассказал, можно свести к нескольким фразам: мол, в ходе этого мистического переживания, посетившего его во время медитации, он узрел «нечто за границами материалистического мировоззрения, нечто, о чем я не могу рассказать моим коллегам, потому что это требует привлечения метафор или допущений, которые у меня как ученого вызывают чувство дискомфорта».

Со временем то знание о «тайнах сознания и бытия», которое он приобрел в ходе медитативных практик, стало казаться ему куда более убедительным, чем его наука. Он начал испытывать некое отчуждение по отношению к коллегам и ближним.

— Никто из тех людей, с которыми я был близок, — доверительно сообщил он мне, — не интересовался и не давал себе труда задуматься над теми вопросами, которые подпадали под категорию духовных, а что касается людей религиозных, то я их просто не признавал. И вот вам результат: я, штатный университетский профессор, выпускающий одну за другой научные работы и постоянно спешащий на разные важные встречи, чувствую себя при этом как мошенник.

Он мало-помалу начал терять интерес к исследованиям, прежде составлявшим смысл всей его жизни.

— Я мог бы изучить новое седативное или гипнотическое средство, мог бы узнать что-то новое о рецепторах мозга, мог бы войти в еще одну группу в Управлении по санитарному надзору и поехать еще на одну конференцию, но что из этого? Меня и эмоционально и интеллектуально больше интересовало другое, а именно: куда же приведет меня тот, другой путь. Исследования наркотиков начали казаться мне пустыми и бессмысленными. Я просто выполнял рутинную работу, мечтая в это время о том, что вечером приду домой и займусь медитацией.

Единственное, что мотивировало его все это время, заставляя продолжать подавать прошения о грантах, — это мысль о том, что этим он «оказывает услугу» своим аспирантам и стажерам.

Что касается изучения свойств кофеина, то Гриффитс мог бы направить свой любознательный ум на новую грань своего повседневного опыта (например, что именно заставляет его пить кофе каждый день?) и превратить ее в производственную линию научного исследования. Но углубляющийся интерес к иным уровням сознания, открывшимся ему в ходе медитации, помешал ему увидеть эту перспективу. («Мне даже в голову не приходило, что можно изучать это с позиции науки».) Загнанный в угол, скучающий, Гриффитс все чаще начал задаваться мыслью: уж не бросить ли ему науку и не отправиться ли в Индию, в ашрам к какому-нибудь гуру?

Примерно в это время Гриффитсу позвонил Боб Шустер, его старый друг и коллега, недавно ушедший в отставку с поста директора Национального института токсикомании, и предложил ему переговорить с неким молодым человеком по имени Боб Джесси, с которым он познакомился в Эсаленском гуманитарном центре, расположенном в местечке Биг-Сур, Калифорния. Джесси собрал в этом легендарном центре небольшую группу исследователей, психотерапевтов и ученых-теологов, чтобы обсудить с ними вопрос духовного и терапевтического потенциала психоделических препаратов, а также их реабилитации. Сам Джесси не имел ни медицинского, ни научного образования; он был простым инженером-компьютерщиком, бывшим директором по развитию бизнеса в компании

Oracle, поставившим себе целью (и сделавшим эту цель своим предназначением) возродить психоделику как науку, но не столько как инструмент медицины, сколько как инструмент духовного развития.

Гриффитс в немногих словах рассказал Шустеру о своей духовной практике и поведал ему о своем все более растущем недовольстве традиционными методами исследования наркотических препаратов.

— Ты непременно должен поговорить с этим парнем, — сказал ему Шустер. — У них там есть несколько интересных идей, касающихся работы с энтеогенами. У тебя с ними много общего.

* * *

Когда будет написана история второй волны психоделических исследований, Боб Джесси наверняка будет фигурировать в ней как один из двух научных аутсайдеров Америки (несомненных любителей, но при этом блестящих эксцентриков), который неутомимо трудился, часто не на виду, а за кулисами, чтобы осуществить свой замысел. Оба нашли свое призвание, лично приобщившись к психоделическому опыту, который не только их преобразил, но и убедил в том, что эти субстанции обладают мощным потенциалом, способным исцелить не только индивидуума, но и человечество в целом, и что наилучший способ, ведущий к их реабилитации, — это заслуживающее доверия научное исследование. Во многих случаях эти неопытные исследователи сначала задумывали эксперименты, а затем уже находили (и финансировали) ученых для их проведения. Их имена часто можно было встретить на официальных бумагах, но где-нибудь на самом последнем месте.

Из них двоих Рик Доблин больше подвизался на этом поприще, чем Боб Джесси, и потому известен гораздо больше, чем он. Доблин является основателем многопрофильной Ассоциации психоделических исследований, основу которой он начал закладывать еще в те мрачные дни 1986 года (то есть через год после того, как МДМА был объявлен вне закона), когда даже самые умные головы были убеждены, что возобновление психоделических исследований — дело абсолютно безнадежное.

Доблин (он родился в 1953 году) — это большая лохматая собака с костью; он начал «обрабатывать» членов правительства, пытаясь заставить их поменять свое мнение о психоделиках, еще в 1987 году, вскоре после окончания Нового колледжа в штате Флорида. После экспериментов с ЛСД (в качестве аспиранта), а затем и с МДМА Доблин решил, что его жизненное призвание — стать психотерапевтом, специализирующимся на психоделиках. Но после запрета МДМА в 1985 году эта мечта, понял он, неосуществима без соответствующих поправок в федеральные законы и нормативные акты, поэтому он решил для начала получить докторскую степень в области государственной политики в Школе Кеннеди в Гарварде. Пройдя стажировку в Управлении по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, он усвоил все тонкости процесса узаконивания лекарственных препаратов и в своей диссертации обозначил главные вехи трудоемкого пути их официального признания — пути, по которому ныне следуют псилоцибин и МДМА.

Доблин обезоруживающе, возможно, даже беспомощно честен и всегда готов открыто рассказывать журналистам о своих психоделических откровениях, впрочем, как и о политической стратегии и тактике. Как и Тимоти Лири, он благороднейший из воинов, суровый, никогда не улыбающийся и не стремящийся выказать и доли энтузиазма в своей работе, которого, собственно, никто и не ждет от человека, всю свою сознательную жизнь бьющегося головой об одну и ту же стену.

Доблин работает в офисе, размещающемся на чердаке его выстроенного в колониальном стиле дома в Белмонте, штат Массачусетс, в офисе, духом и обстановкой напоминающем диккенсовские конторы, где он сидит за столом, заваленным высящимися до потолка грудами каких-то манускриптов, журнальных статей, фотографий и всякого рода памятных заметок, собранных более чем за 40 лет. Некоторые из них относятся к самым ранним годам его карьеры, когда ему в голову пришла великолепная, как ему тогда казалось, мысль, что самый простой способ покончить с сектантскими разногласиями и межрелигиозной рознью — разослать ведущим духовным лидерам мира таблетки МДМА,

препарат, известный своими свойствами разрушать барьеры между людьми и вызывать всеобщие сочувствие и симпатию. Примерно в это же время он договорился о том, чтобы тысячу доз МДМА отправили высшим чинам Красной Армии, людям, которые в это время вели переговоры с президентом Рейганом о контроле над вооружением.

Добиться от Управления по санитарному надзору согласия на использование психоделиков в медицине — прежде всего МДМА и псилоцибина, которые находятся в поле внимания общественности, — это для Доблина лишь первый шаг к достижению более амбициозной и все еще достаточно спорной цели: внедрении психоделиков не просто в медицину, а в американские общество и культуру. Разумеется, эта стратегия во многом беспроигрышная, и за ней тут же последовала кампания по декриминализации марихуаны, поскольку ранее проводившаяся кампания по продвижению конопли как средства, которое можно с успехом использовать в медицинских целях, полностью изменила представление об этих наркотиках, содействуя их общественной легализации.

Не удивительно, что подобные разговоры раздражают более осторожные головы в научном сообществе (и Боб Джесси в их числе), но Рик Доблин не из тех, кто смягчает свою повестку дня или даже *подумывает* о снятии с показа записи своего интервью. Это помогает поддерживать ажиотаж в прессе вокруг его имени, но способствует ли это успеху дела и насколько, остается спорным. Однако нет такого вопроса в сфере важных исследований, особенно за последние несколько лет, который бы Доблин не решил и на финансирование которого ему не удалось бы получить одобрение высших инстанций; особенно это касается МДМА, который долгое время был в центре внимания Международной системы предотвращения злоупотреблений (МСПЗ). Именно МСПЗ спонсировала ряд небольших клинических испытаний, доказавших ценность МДМА при лечении посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). (Характеризуя психоделики, в том числе МДМА и даже коноплю, Доблин не скупится на похвалы в их адрес, хотя механизмы их воздействия на мозг сильно отличаются от механизмов, присущих классическим психоделикам.) Но помимо помощи тем,

кто страдает ПТСР и прочими психическими расстройствами, МСПЗ спонсирует также и клинические исследования в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес), имеющие целью выяснить терапевтическое воздействие МДМА на аутистов. Сам Доблин свято верит в целительную силу психоделиков и считает, что они способны усовершенствовать все человечество путем раскрытия духовных измерений сознания, которые являются общими для всех нас, несмотря на наши религиозные убеждения или отсутствие таковых. «Мистицизм, — любит он повторять, — это противоядие от фундаментализма».

* * *

По сравнению с Риком Доблином Боб Джесси — настоящий монах. Он аккуратист до мозга костей. Подтянутый, скромный, склонный тщательно подбирать слова, прежде чем что-либо сказать, Джесси, которому уже далеко за сорок, предпочитает выполнять свою работу вдали от глаз общественности, в основном в той тесной (она состоит всего из одной комнаты) хижине, расположенной среди пустынных гор к северу от Сан-Франциско, где он живет в полном одиночестве, оторванный от всяких средств связи, кроме Интернета. Монах, да и только!

— Боб Джесси напоминает мне кукловода, — сказала мне как-то Кэтрин Маклин, психолог, работавшая в 2009–2013 годах в лаборатории Роланда Гриффитса. — Он дальновидный малый, настоящий визионер, но предпочитает работать за кулисами.

Точно следуя подробным указаниям Джесси, я проехал порядочное расстояние в северном направлении от залива и в конце концов выехал на грязную узкую дорогу, петлявшую среди холмов (Джесси попросил меня не указывать название местности). Припарковавшись у начала пешеходной зоны, я прошел мимо знаков «Посторонним вход воспрещен» и стал подниматься вверх по тропе, которая привела меня в живописный лагерь, разбитый на вершине горы. У меня было такое чувство, словно я пришел в гости к волшебнику. Маленькая хижина, формой напоминавшая корабль, оказалась слишком тесной для двоих человек, поэтому Джесси удобства ради расставил между сосен

и валунов несколько диванов, стульев и столов. Кухня тоже находилась снаружи, а на плоском выступе скалы, откуда открывался красивый вид на горы, он устроил душ, придававший его жилищу странное ощущение дома, вывернутого наизнанку.

Первую часть этого весеннего дня мы провели вне стен, в природной «гостиной», попивая травяной чай и обсуждая заметно приутихшую кампанию по реабилитации психоделиков — тот генеральный стратегический план, в котором Роланд Гриффитс играл главную роль.

— В прицеле камер я чувствую себя неуютно, — начал разговор Джесси, — поэтому, пожалуйста, никаких снимков или видеозаписей.

Джесси — стройный, плотно скроенный мужчина, чья несколько квадратная голова увенчана ежиком коротко стриженных седых волос, а за стеклами квадратных очков без оправы, очень стильных, сверкают живые глаза. Джесси редко улыбается; в нем чувствуется некоторая жесткость, которая у меня обычно ассоциируется с инженерами и людьми технических профессий, хотя иногда он может удивить неожиданным всплеском эмоций, который тут же стремится обуздать.

— Возможно, вы заметили, — откровенно признался Джесси, — что, когда я думаю об этом предмете, мои глаза начинают немного слезиться. Сейчас я объясню почему…

Сам он не только с особым тщанием подбирает слова, но и настаивает на том, чтобы собеседник тоже это делал. Например, когда я бездумно употребил термин «в рекреационных целях», он прервал меня на полуслове и сказал:

— Возможно, нам следует пересмотреть этот термин. Обычно его используют с намерением принизить тот или иной опыт. Но зачем? Слово «рекреационный», если рассматривать его в буквальном значении, подразумевает нечто сугубо нетривиальное. По этому поводу можно еще многое сказать, но давайте отложим эту тему до лучших времен. Пожалуйста, продолжайте.

Мои записи показывают, что Джесси подобным образом прерывал и возобновлял наш разговор шесть раз.

Джесси вырос на окраине Балтимора и после школы поступил в Университет Джонса Хопкинса, где изучал

информатику и электротехнику. Когда ему минуло двадцать, он в течение нескольких лет работал в Лабораториях Белла, крупном исследовательском центре в области телекоммуникаций, электронных и компьютерных систем, и еженедельно ездил из Балтимора в Нью-Джерси. В этот период он вышел из-за кулис и впервые заявил о себе, уговорив руководство компании AT&T официально признать первое гомосексуально-лесбийское объединение ее сотрудников. (В настоящее время AT&T насчитывает порядка 300 000 человек.) Затем он же добился от руководства AT&T того, чтобы всю неделю во время проведения празднеств в защиту секс-меньшинств над ее штаб-квартирой развевался радужный флаг и чтобы делегация от компании прошла маршем во время проведения гей-парада. Эти достижения и стали основой политического воспитания Боба Джесси, показав ему ценность тихой и неприметной работы, которая ведется за кулисами, не вызывая большой шумихи и не требуя признания.

В 1990 году Джесси перешел на работу в компанию *Oracle* (в это время он жил в Сан-Франциско в районе залива), где числился сотрудником под номером 8766 — как видим, далеко не первый, но в то же время один из тех, кому удалось отхватить солидный пай акций компании. И вскоре, как это и следовало ожидать, *Oracle* выставила свой собственный контингент секс-меньшинств на гей-параде в Сан-Франциско, а после мягкого подталкивания руководства со стороны Джесси *Oracle* стала одной из первых среди 500 крупнейших компаний, предложивших льготы однополым партнерам из числа своих сотрудников.

Первый интерес к психоделикам проснулся у Джесси на уроках естествознания в средней школы, во время изучения лекарственных растений и препаратов. Психоделики — это особенные вещества, рассказывал учитель (и не покривил душой), вещества, которые не вызывают ни физической, ни психологической зависимости; после этого он перечислил воздействие этих препаратов на человека, включая сдвиг сознания и яркое зрительное восприятие, чем весьма заинтриговал Джесси.

— Я интуитивно почувствовал, что за этим кроется нечто больше того, о чем мне рассказывали, — вспоминает он. —

Поэтому я поставил себе мысленную галочку: мол, надо будет вернуться к этому.

Но вернется он к этому много-много позже, когда будет готов к тому, чтобы начать разбираться, что же представляют собой психоделики. Почему? На этот вопрос он сам ответил от третьего лица:

— Замкнутый ребенок, тем более с гомосексуальными наклонностями, как правило, боится, как бы чего не вышло, если он вдруг ослабит свою защиту.

В 20 лет, уже работая в Лабораториях Белла, Джесси сблизился в Балтиморе с компанией молодых людей, решивших, тщательно все обдумав, поэкспериментировать с психоделиками. Кто-нибудь из них всегда оставался «заземленным» на тот случай, если кому-то понадобится помощь или позвонят в дверь, поэтому дозы увеличивались постепенно. Именно во время одного из таких экспериментов (дело было в субботу вечером в какой-то квартире в Балтиморе) Джесси, которому на тот момент было 25 лет и который только что принял большую дозу ЛСД, посетил, по его словам, «полноценный глюк», оказавший преобразующее воздействие на его сознание. Я попросил Джесси описать этот опыт, и он после долгого хмыканья и покашливанья («Надеюсь, вы понимаете, что для меня это очень чувствительный момент…») все же решился рассказать свою историю.

— Я лежал на полу под фикусом и был готов ко всему, — вспоминает он, — потому как знал, что меня ждут сильные впечатления. И вот наступил момент, когда то немногое, что от меня еще оставалось, начало куда-то ускользать. Я потерял ощущение того, что лежу на полу в чьей-то квартире в Балтиморе, и даже не мог сказать, открыты у меня глаза или закрыты. Передо мной открылось — как бы это получше сказать? — некое пространство, но это не было ощущение пространства в нашем обычном понимании этого слова, а чистое осознание некоего мира, лишенного формы и содержания. И в этот мир вошла небесная сущность, ставшая истоком возникновения физического мира. Это было подобно «большому взрыву», но без взрыва и без ослепительного света, это было рождение физической Вселенной. В каком-то смысле это было драматичное событие — может быть, самое важ-

ное из всего, что случилось в истории этого мира, — и оно просто взяло и случилось прямо на моих глазах.

Я спросил Джесси, где он все это время находился.

— Я наблюдал за всем этим неизвестно откуда. Я был всюду и конкретно нигде. Я сосуществовал вместе с этим процессом, был его неделимой частью… — В своих воспоминаниях он словно отдалялся от меня, слова становились все более редкими, и я ему указал на это. Последовала долгая пауза. — Я медлю, потому что колеблюсь в выборе слов, потому что слова неуклюжи и мало отвечают тому, что я силюсь передать. Они кажутся мне слишком ограниченными.

Да, пожалуй, невыразимость является отличительной чертой мистического опыта.

— Это осознание выходит за рамки какой-либо конкретной чувственной модальности, — пытался он беспомощно объяснить мне свое состояние. Было ли ему страшно? — Нет, ни малейшего страха, только очарование и трепет. (Снова пауза.) Хотя, возможно, немного страха было.

Таким образом он наблюдал (можете назвать это как угодно) рождение... всего, начало возникновения проявлявшейся в эпической последовательности космической пыли, ставшей основой сотворения звезд, потом солнечных систем, а за ними и возникновения жизни, а уже жизнь явила тех, «кого мы называем людьми», а потом последовало овладение языком и раскрытие сознания — «и опять обратно, вплоть до осознания самого себя, лежащего в комнате в окружении друзей».

— Я прошел весь путь назад, туда, где в тот момент находился. Сколько времени все это длилось? Понятия не имею. Но что мне запомнилось особо, так это качество пережитого мною осознания; это было нечто, совершенно отличавшееся от того, что я привык считать Бобом и с чем давно сросся. Как это расширенное осознание вписывается в систему вещей? В какой-то мере я рассматриваю этот опыт как отражающий действительные события, хотя полностью в этом не уверен; он говорит мне, что по отношению к физической вселенной сознание первично. В сущности, оно ей предшествует.

Верит ли он в то, что сознание существует вне мозга? Он не может сказать с определенностью.

— Но если отойти от того, что нам кажется непреложным и в чем мы абсолютно уверены, а именно: что верно как раз обратное [то есть что сознание является продуктом серого вещества мозга], то быть неуверенным — это великая подвижка.

Я спросил его, согласен ли он со словами Далай-ламы, сказавшего, что идея, будто сознание возникает в мозге — идея, безусловно разделяемая большинством ученых, — это «всего лишь метафизическое допущение, а не научный факт».

— Браво! — воскликнул Джесси. — Для человека с моей ориентацией [то есть агностика, вооруженного наукой] это меняет все.

* * *

Что касается видений, подобных тому, которое явилось Бобу Джесси, то я не понимаю вот чего: почему, ради всего святого, следует всему этому верить? Я не понимаю, почему бы его просто не отнести к категории «интересных снов» или «наркотических фантазий». Но наряду с чувством невыразимости отличительной чертой мистического опыта — чем бы он ни был вызван: наркотиком, лекарственным препаратом, медитацией, голоданием, поркой или выключением органов чувств, — является убеждение в том, что в нем открывается некая глубокая объективная истина. Уильям Джеймс дал название этому убеждению: ноэтическое качество. Люди чувствуют, что их допустили к сокровенной тайне вселенной, дали соприкоснуться с ней, и от этого убеждения им никак не отделаться. Увы, пишет Джеймс, но «мечты не выдерживают этого испытания». Несомненно, именно поэтому некоторые люди, имевшие подобный мистический опыт, основывают религии, меняющие курс мировой истории или, как это происходит в подавляющем большинстве случаев, курс собственной жизни. «Несомненно», то есть отсутствие сомнения, — вот ключ к этому явлению.

Мне приходит на ум лишь несколько способов, как объяснить такое явление, и ни один из них меня полностью не удовлетворяет. Самый честный и прямолинейный, но и самый трудный — это признать, что все пережитое истинно: мол, в состоянии измененного сознания человеку открывается истина, которую все мы, стиснутые рамками

обычного бодрствующего сознания, просто не видим. Однако наука не приемлет такую интерпретацию, поскольку истинность восприятия, каким бы оно ни было, не может быть подтверждена привычными инструментами. По сути, это анекдотический отчет, и как таковой он не имеет никакого значения. Науку мало интересует свидетельство отдельного индивидуума, а доверяет она ему и того меньше; в этом отношении она, что любопытно, во многом напоминает организованную религию, которая тоже мало доверяет прямым откровениям, а то и вовсе их не признает. Следует, однако, указать на то, что бывают случаи, когда у науки нет другого выбора, кроме как положиться на свидетельство индивидуума, — как, например, в случае исследования субъективного сознания, которое недосягаемо для научных инструментов и потому может лишь быть описано человеком, его вмещающим. Здесь все важнейшие данные предоставляет феноменология. Однако это не тот случай, когда выясняемые истины, касающиеся мира, находятся *вне* нашей головы.

Если быть точным, то проблема с верой в мистический опыт в том, что здесь часто стирается грань между внутренним и внешним, как, например, в случае с Бобом Джесси, чье «размытое осознание» принадлежало ему и в то же время существовало вне его. Но это указывает и на второе возможное объяснение ноэтического чувства: когда ощущение нашего субъективного «я» растворяется (а это часто происходит в галлюцинаторных видениях, вызванных большими дозами психоделиков, как, впрочем, и во время медитации, проводимой опытными мастерами), становится возможным отличить субъективную истину от объективной. И что еще остается скептикам, как не начать сомневаться в своем «я»?

* * *

В годы, последовавшие за первым психоделическим трипом, Боб Джесси испытал целый ряд других откровений, в корне изменивших течение его жизни. Живя в Сан-Франциско в начале 1990-х годов, он оказался в самом эпицентре бурной молодежной жизни и потому быстро обнаружил, что «коллективное возбуждение», овладевающее всеми участниками ночных дискотек или танцевальных вечеринок,

с наличием психоделических «материалов» или без оных, тоже может растворять «субъектно-объектную двойственность» и открывать новые духовные перспективы. Он начал изучать различные духовные традиции, от буддизма до квакерства и медитации, и обнаружил, что его жизненные приоритеты мало-помалу меняются. «Мне начало приходить в голову, что если окунуться в эту область жизни, то опыт, вынесенный оттуда, может оказаться куда более важным и куда более полноценным, чем все то, что я делаю» как инженер-компьютерщик.

Взяв годичный отпуск за свой счет (из компании *Oracle* он уйдет лишь в 1995 году), Джесси создал некоммерческую организацию под названием «Совет по духовным практикам», поставившую целью «сделать акт непосредственного приобщения к сакральному доступным для большего числа людей». Хотя сайт организации сильно преуменьшает ее интерес к продвижению энтеогенов (Боб Джесси предпочитает им термин «психоделики»), он, однако, описывает ее миссию словами, не оставляющими в том никакого сомнения: «Отыскивание и разработка безопасных и вместе с тем эффективных методов, подводящих к первичному религиозному откровению». На сайте организации (csp.org) в разделе «Библиография» выложена прекрасная подборка книг по исследованию психоделиков, которая регулярно обновляется, за чем следит Униветситет Джонса Хопкинса. Совет по духовным практикам всячески поддерживал церковь UDV в ее судебной тяжбе против правительства, которая завершилась в 2006 году приведенным выше решением Верховного суда.

Созданный Джесси Совет по духовным практикам возник на основе систематического изучения им психоделической литературы и общения с членами психоделической коммуны в районе залива, возникшей там вскоре после его переезда в Сан-Франциско. В присущей ему крайне осмотрительной, немного навязчивой и изысканно вежливой манере он постоянно поддерживал связь с многочисленными «психоделическими старейшинами» региона — богатейшим пантеоном персонажей, активно участвовавших в исследовании терапевтических свойств наркотических препаратов до того, как большинство этих препаратов было

запрещено в 1970 году, после принятия Закона о контролируемых веществах и классификации ЛСД и псилоцибина (по шкале № 1) как веществ потенциально опасных, ведущих к злоупотреблению и не пригодных к использованию в медицинских целях. Среди них в первую очередь следует назвать психолога Джеймса Фадимана, выпускника Стэнфордского университета, который был пионером в области психоделических исследований и проблем наркозависимости в Международном фонде перспективных исследований в Менло-Парке, где он работал по 1966 год, когда Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов закрыло эту исследовательскую группу. (В начале 1960-х Стэнфорд по уровню и объему психоделических исследований ничем не уступал Гарварду, просто там не было человека с той же напористостью, что у Тимоти Лири, который бы поведал об этом миру.) Следом за ним идет Майрон Столярофф, коллега Фадимана по институту, выдающийся инженер-электрик из Кремниевой долины, ранее работавший руководителем отдела планирования в фирме *Ampex*, одной из первых компаний высоких технологий, производившей оборудование для магнитных записей, пока увлечение ЛСД и откровения, пережитые им под воздействием этого психоделика, не заставили его (как и Боба Джесси) уйти из профессии, предпочтя карьеру исследователя и психотерапевта. Джесси был также знаком и с более узким кругом друзей Александра и Анны Шульгиных, легендарных фигур Сан-Франциско, устраивавших еженедельные обеды для группы психотерапевтов, ученых и прочих экспертов, интересовавшихся психоделиками. (Александр Шульгин, умерший в 2014 году, был блестящим химиком, которому Управление по борьбе с наркотиками выдало лицензию, дававшую право синтезировать новые психоделические составы, чем он успешно и занимался на протяжении многих лет. Он же первым синтезировал МДМА, фактически возродив его из небытия, так как впервые он был запатентован фирмой *Merk* еще в 1912 году и с тех пор основательно забыт. Установив, что тот обладает психоактивными свойствами, Шульгин представил этот так называемый эмпатоген психотерапевтическому сообществу в Сан-Франциско. И только много позже он стал тусовоч-

ным наркотиком, ныне известным как «экстази».) Дружил Джесси и с Хьюстоном Смитом, философом, изучавшим сравнительное религиоведение, который не отрицал духовного потенциала психоделиков и был открыт любым экспериментам в этой области еще с тех пор, когда он, работая в 1962 году инструктором/лектором в Массачусетском технологическом институте, участвовал добровольцем в знаменитом Бостонском эксперименте, проводившемся на Страстную пятницу, из которого он вышел с убеждением, что мистический опыт, вызванный наркотиком, ничем не отличается от других, ему подобных.

Побуждаемый этими «старейшинами», да и под влиянием прочитанных книг, Джесси начал раскопки богатейшего корпуса психоделических исследований первой волны, большая часть которых была потеряна для науки. Он откопал, что до 1965 года было написано свыше тысячи научных работ о терапевтических свойствах психоделических препаратов, в которых было представлено свыше 40 тысяч объектов исследования. Начиная с 1950-х и до начала 1970-х годов психоделические соединения массово использовались для лечения различных недугов (включая алкоголизм, депрессию, обсессивно-компульсивные расстройства и психическую подавленность, характерную для многих людей в конце жизни), причем часто с впечатляющими результатами. Но лишь очень немногие из них осуществлялись в соответствии с современными научными стандартами, а результаты некоторых вообще были скомпрометированы неумеренным энтузиазмом проводивших их исследователей.

Еще больший интерес для Боба Джесси представляли ранние исследования психоделиков, имевшие своей целью изучение их потенциального воздействия на то, что сам он громко называет «улучшением породы здоровых людей». Такие исследования со «здоровыми людьми» действительно проводились, и их целью было установить у этих людей уровень художественно-научного творчества и духовности. Самым известным из них был эксперимент 1962 года, проводившийся в Маршской часовне Бостонского университета в Страстную пятницу под руководством Уолтера Панке, священника и психиатра, работавшего в то время в Гарварде

над своей кандидатской диссертацией (его научным руководителем был сам Тимоти Лири). Этот эксперимент (он проводился двойным слепым методом) заключался в том, что двадцати студентам-богословам во время службы в Страстную пятницу (она, как уже было сказано, проводилась в Маршской часовне) были розданы капсулы с белым порошком; в десяти капсулах был псилоцибин, а в десяти других — «активное плацебо», в данном случае ниацин, который вызывает в теле чувство покалывания. Восемь из десяти студентов, получивших капсулу с псилоцибином, сообщили, что у них был непередаваемый мистический опыт, тогда как в контрольной группе подобный опыт был только у одного человека. (Впрочем, отличать эти группы одна от другой было совсем нетрудно, что делало двойной слепой метод совершенно излишним: участники, принявшие плацебо, спокойно сидели на своих скамьях, тогда как принявшие псилоцибин лежали на них или бродили как неприкаянные вокруг часовни, бормоча про себя: «Господь вездесущ» или «Слава Тебе, Господи!») Панке пришел к выводу, что видения тех, кто принял псилоцибин, «не отличались от классических видений» (если только не были идентичны им), возникающих в ходе обычного мистического опыта, как он описан в мировой литературе. Хьюстон Смит с ним согласился. «До этого эксперимента, — заявил он в интервью, данном в 1996 году, — у меня не было встреч с глазу на глаз с Самим Богом».

В 1986 году Рик Доблин решил вернуться к Бостонскому эксперименту: он разыскал всех (кроме одного) студентов-богословов, принимавших псилоцибин в Маршской часовне, и попросил их высказать свое мнение об эксперименте и его последствиях. Большинство заявили, что пережитое ими самым радикальным образом, глубоко и надолго, изменило их жизнь и работу. При этом Доблин нашел серьезные изъяны в опубликованном ранее отчете Панке: тот забыл упомянуть, что несколько человек в ходе эксперимента боролись с охватившей их сильной тревогой. А один из них сбежал из часовни и быстрым шагом направился к центру города по проспекту Содружества, убежденный, что он избран и что именно ему выпала честь возвестить народу о пришествии Мессии, так что его пришлось схва-

тить и доставить обратно в часовню, где ему сделали укол торазина, сильного нейролептика.

В этом отчете и другом, об эксперименте, проводившемся под руководством Тимоти Лири (предметом его исследований был рецидивизм в государственной тюрьме Конкорда), Доблин поднял проблемные вопросы о качестве исследований, осуществленных в Гарварде в рамках «псилоцибинового проекта», высказав мысль, что энтузиазм экспериментаторов сыграл с ними злую шутку, заставив их подтасовать преданные огласке результаты. Если бы это исследование пришлось повторить, заключил Джесси, то следовало бы отнестись к нему с полной серьезностью, то есть провести его более основательно, с большими тщанием и объективностью. Тем не менее результаты Бостонского эксперимента оказались весьма обнадеживающими, и, как вскоре решили Боб Джесси и Роланд Гриффитс, они стоили того, чтобы его повторить.

* * *

Таким образом, в начале 1990-х годов Боб Джесси раскопал огромный свод знаний о психоделиках, считавшийся утраченным после того, как официальные исследования были прекращены, а неофициальные проводились в подполье. В этом смысле он напоминал тех ученых-схоластов эпохи Ренессанса, которые по древним рукописям, извлеченным из монастырских архивов, заново открыли и восстановили забытый мир классической мысли. Однако в данном случае времени прошло значительно меньше, так что это знание хранилось в памяти многих тогда еще живых людей, таких, например, как Джеймс Фадиман, Майрон Столярофф и Уиллис Харман (еще один инженер из Сан-Франциско, ставший психоделическим исследователем): чтобы получить это знание, этим людям нужно было просто задать соответствующие вопросы или разыскать в библиотеках и архивах научные статьи и работы по этой теме. Но если продолжить аналогию со средневековыми монастырями, чьи архивы спасли от полного забвения мир классической мысли, то в наше время таким местом, где в темный (хотя и короткий) век запретов и преследования усердно поддерживалось угасающее пламя

психоделического знания, — таким местом должен быть Эсален, легендарный оздоровительный центр, расположенный в местечке Биг-Сур, Калифорния.

Раскинувшись на вершине скалы, с которой открывается вид на Тихий океан (благодаря этому ему все еще удается сохранять какую-то связь с материком), Эсаленский институт, основанный в 1962 году, является центром, притягивающим к себе в Америке так называемое движение за человеческий потенциал, то есть, говоря иначе, он служит неофициальной столицей движения нью-эйдж. За эти годы здесь было разработано и преподано огромное количество терапевтических и духовных методов, да и терапевтический и духовный потенциал психоделиков тоже не был забыт. Начиная с 1973 года здесь жил и работал чешский ученый-эмигрант Станислав Гроф, всемирно известный психиатр, один из пионеров ЛСД-психиатрии. Правда, до того как поселиться в Эсалене, он несколько лет вел здесь практические семинары. Гроф, под чьим руководством были проведены тысячи сеансов с использованием ЛСД, однажды предсказал, что психоделики «для психиатрии явятся тем же, чем является для биологии микроскоп или для астрономии телескоп. Эти инструменты дают возможность изучать важные процессы, которые в обычных условиях недоступны наблюдению». Сюда стекались сотни любопытных, чтобы только глянуть в микроскоп, который Гроф часто использовал на своих семинарах для психотерапевтов, желавших внедрить психоделики в свою практику. Многие терапевты и психологи-практики (если не большинство из них), которым сегодня приходится работать в подполье, осваивали свое ремесло именно в Эсалене, подле самого Стэна Грофа.

Продолжалась ли эта работа в Эсалене после того, как ЛСД был запрещен, неизвестно, но если бы продолжалась, то вряд ли кого это бы удивило: сие местечко находится на самом краю материка, так далеко от крупных очагов цивилизации, что поневоле возникает чувство, что оно вне досягаемости федеральных законов. Но если верить официальным сведениям, то семинары Грофа закончились, как только ЛСД оказался вне закона, а сам Гроф занялся преподавательской деятельностью, предпочтя ее так называемому голотропному дыханию — технике, с помощью которой

можно ввести сознание в психоделическое состояние без всяких наркотиков и препаратов, только посредством глубокого, учащенного ритмического дыхания, сопровождаемого обычно громким стуком барабанов. Однако даже после запрета психоделиков та роль, которую сыграл Эсален в их истории, не завершилась. Эсален стал местом встреч людей, мечтавших вернуть эти молекулы в общественную жизнь и сделать их частью культуры — не важно, в качестве ли терапевтического препарата или как средство духовного развития, — местом, где они задумывали и планировали свои кампании.

В январе 1994 года Бобу Джесси улыбнулась удача: его пригласили на одну из встреч в Эсалене. Поскольку Джесси были не в новинку пятничные ночные ужины у Шульгиных, где он, как правило, помогал расставлять и убирать тарелки, то ему из разговоров было известно, что в Биг-Суре периодически собирается группа терапевтов и ученых, чтобы обсудить дальнейшую перспективу психоделических исследований и возможность их возрождения. Все говорило за то, что дверь в исследовательскую лабораторию, которую Вашингтон захлопнул в конце 1960-х годов, вот-вот приоткроется, пусть даже на размер сдерживающей цепочки: Куртис Райт, новый администратор Управления по санитарному надзору (и, как оказалось, бывший студент Роланда Гриффитса в Университет Джонса Хопкинса), сообщил, что в протокол исследований, который будет рассматриваться на заседании правления, психоделики входят наравне с другими препаратами — во многом благодаря их заслугам перед наукой. Предощущая новые веяния в этом направлении, некто Рик Страссман, психолог из Университета Нью-Мексико, подал заявку и получил добро на изучение физиологических воздействий ДМТ, сильного психоделического соединения, найденного во многих растениях. Этот маленький триумф стал, по сути дела, вступлением к первому (с середины 1970-х годов) санкционированному федеральными властями эксперименту с психоделическими соединениями — событием, можно сказать, эпохального значения.

Примерно в это же время Рик Доблин и Чарльз Гроб, психиатр из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, получили от правительственных структур (в результате

долгих апелляций) разрешение на проведение первого теста МДМА на человеке. (Гроб — один из первых психиатров, ходатайствовавших за возвращение психоделиков в психотерапию; позднее он провел первый эксперимент, имевший целью выявить терапевтическое воздействие псилоцибина на больных раком.) За год до этого на собрании в Эсалене (где присутствовали также Гроб и Доблин) некто Дэвид Николс, химик и фармаколог из Университета Пердью, основал Научно-исследовательский институт Хеффтера (по имени немецкого химика, который в 1897 году первым выделил структуру мескалина), поставив перед ним очень амбициозную (и невозможную в то время) цель — основательное финансирование психоделической науки. (С тех пор Институт Хеффтера обеспечивал финансовую поддержку многим современным испытаниям псилоцибина.) Поэтому в начале 1990-х годов имелись пусть и отдельные, но обнадеживающие признаки того, что в обществе назревали условия для возобновления психоделических исследований. И понемногу, на ощупь и бесшумно, начала складываться маленькая психоделическая коммуна, члены которой хранили в своем сердце эту мечту и пронесли ее незапятнанной через все темные периоды жизни общества.

Хотя Джесси был в этой коммуне новым человеком и не являлся на тот момент ни ученым, ни психотерапевтом, он спросил, нельзя ли ему присутствовать на этой встрече, и для пущей убедительности предложил свои услуги в качестве кого угодно, хотя бы в качестве человека, наполняющего водой стаканы присутствующих, если потребуется. И был допущен. На встрече большинство присутствующих были поглощены обсуждением вопроса о потенциальной пригодности психоделиков в медицинских целях, так же как и вопросом о необходимости проведения базовых исследований в нейрохирургии. Джесси поразил тот факт, что духовному потенциалу этих соединений практически не уделяется никакого внимания. Он покинул собрание, вполне убежденный в том, что «здесь есть пространство для маневра. Я так надеялся, что кто-нибудь из этих людей подберет этот мяч и побежит с ним, но их больше занимал не этот, а совсем другой мяч. Поэтому я решил, что возьму отпуск за свой счет и на год уйду

из *Oracle*». В течение этого года Джесси основал Совет по духовным практикам, а уже на второй год, в январе 1996-го, Совет соберется на свое собственное заседание в Эсалене, вынеся на повестку дня вопрос об открытии второго фронта в кампании по реабилитации психоделиков.

Как это ни парадоксально, но заседание в Эсалене проходило в зале с табличкой «Комната Маслоу», то есть в помещении, названном именем известного психолога, чьи сочинения, посвященные иерархии человеческих потребностей, подчеркивали важность «пиковых переживаний» в ходе самореализации. Из 15 человек, присутствовавших на встрече, большинство были «психоделическими старейшинами», психотерапевтами и исследователями, вроде Джеймса Фадимана и Уиллиса Хармана; был там и Марк Клейман, в то время эксперт по наркополитике в Школе Кеннеди (и научный руководитель Рика Доблина, работавшего над диссертацией), а также религиозные фигуры, такие как Хьюстон Смит, бенедиктинский монах брат Дэвид Стейндл-Раст и Джеффри Бронфман, глава американской церкви UDV (и наследник многомиллионного состояния компании *Seagram*, производителя ликеров). Но Джесси мудро решил, что было бы неплохо пригласить на заседание Совета и постороннего наблюдателя. Им оказался Чарльз «Боб» Шустер, директор Национального института токсикомании при Рональде Рейгане и Джордже Буше. Джесси не был знаком с Шустером накоротке; они встречались только однажды на какой-то конференции, где обменялись всего несколькими словами, но с этой встречи Джесси ушел с мыслью о том, что Шустер, пожалуй, с радостью откликнется на его приглашение.

Но почему именно Боб Шустер, ведущая фигура в академических кругах, выступавшая за беспощадную войну против наркотиков, — почему именно он, а не кто-то другой, откликнулся на идею приехать в Эсален для обсуждения духовного потенциала психоделиков? Это оставалось для меня тайной, по крайней мере до того момента, когда мне представилась возможность поговорить с его вдовой, Крис-Эллин Йохансон. Йохансон, сама исследователь и специалист по наркотикам, нарисовала мне образ человека, обладавшего необычайно широкими интересами, обширным кругозором и неутомимой любознательностью.

— Боб не был застрахован от ошибок, — рассказывала она мне со смехом, — но он не принимал их близко к сердцу. Он умел разговаривать со всеми.

Как и многие специалисты в Национальном институте токсикомании, Шустер прекрасно понимал, что психоделики по своим свойствам не подпадают под категорию наркотиков, вызывающих привыкание; те же животные, к примеру, если им предоставить свободный выбор, не станут принимать психоделик больше одного раза; к тому же, как известно, классические психоделики обладают удивительно малой токсичностью.

Я спросил вдову, принимал ли сам Шустер когда-либо психоделики; Роланд Гриффитс как-то сказал мне, что такое вполне возможно. («Боб был джазовым музыкантом, — напомнил он, — поэтому я не удивлюсь, если такие случаи имели место».) Но Йохансон твердо сказала:

— Нет. Хотя он не скрывал своего интереса к ним, я думаю, он их очень боялся. Мы, знаете ли, больше предпочитаем мартини.

Я спросил, как у ее мужа обстояло дело с духовностью, можно ли было назвать его духовным человеком.

— Не совсем, хотя, как мне кажется, ему бы это пришлось по душе.

Джесси, не будучи уверен, как именно поведет себя Шустер после заседания, устроил дело так, что Джим Фадиман, психолог, оказался в двуспальном номере вместе с Бобом Шустером, уговорив Джима не спускать с того глаз.

— На следующее утро, — поведал мне Джесси, — Джим нашел меня и сказал: «Боб, миссия завершена. Это не человек, а настоящий самородок».

По словам его жены, Шустер весьма разумно распорядился своим временем в Эсалене. Он принимал участие в церемониях с барабанным боем, которые устраивал Джесси (все семинары и заседания завершались такой церемонией, и нельзя было уехать из Эсалена, не побывав хотя бы на одной из них), и, к своему удивлению, обнаружил, что довольно легко входит в транс. Но Шустер при этом внес и важную лепту в групповое обсуждение затронутых вопросов. Он предупредил Джесси об опасности работы с МДМА, который, по его убеждению, являлся токсичным препаратом, пагубно

воздействующим на мозг, и который к тому времени приобрел сомнительную репутацию тусовочного наркотика. А кроме того, он же предложил на роль «кандидата» для исследований псилоцибин, который, по его мнению, гораздо лучше подходил для этой роли, чем ЛСД, главным образом по политическим соображениям: поскольку о псилоцибине слышали очень немногие, он в отличие от ЛСД не ассоциировался в сознании людей с какими бы то ни было политическими и культурными реалиями.

К моменту завершения сессии Эсаленская группа наметила целый ряд целей, которых следовало добиваться: одни из них были довольно умеренными — например, разработать этический кодекс для психотерапевтов, — а другие более амбициозными: «добиться того, чтобы все психоделические исследования проводились честно, открыто и непредвзято исследователями с безупречной репутацией», а в идеале и «вне контекста их возможного применения в медицинских целях».

— Мы не были уверены, что это возможно, — сказал мне Джесси. Но дело было даже не в этом, а в том, что на тот момент он с коллегами считал, что «свести все дело к медикализации было бы большой ошибкой». Почему ошибкой? Да потому, что Боба Джесси в гораздо меньшей степени интересовали психические проблемы человечества, нежели его духовное благополучие — улучшение с помощью энтеогенов породы здоровых людей.

А вскоре после завершения Эсаленской сессии Шустер внес, пожалуй, самый важный вклад в общее дело: рассказал Бобу Джесси о своем старом друге Роланде Гриффитсе, которого представил как «исследователя с безупречной репутацией» (а именно такой и нужен был Джесси) и как «первоклассного ученого».

— Всему, за что бы ни брался Роланд и что бы он ни делал, он отдавался полностью и безраздельно, — передает Джесси слова Шустера, сказанные им о Роланде, — включая и его занятия медитацией. Мы считаем, что именно они так на него повлияли.

Действительно, Гриффитс не скрывал от Шустера своего все более растущего недовольства наукой и своего все более углубляющегося интереса к тем «вопросам высшего порядка»,

на которые наводит его практика медитации. Шустер тогда же позвонил Гриффитсу и рассказал ему о весьма интересном молодом человеке, с которым он свел более глубокое знакомство в Эсалене, сказав, что у них общие духовные интересы, и предложил им встретиться.

Обменявшись письмами и договорившись о встрече, Джесси вылетел в Балтимор, где отобедал с Гриффитсом в кафетерии на территории медицинского центра «Бейвью»; здесь за разговором они наметили в общих чертах те инициативы и мероприятия, которые в дальнейшем привели их к сотрудничеству — к совместным исследованиям псилоцибина, проведенным в 2006 году, и в конце концов к мистическому откровению в больнице при Университете Джонса Хопкинса.

* * *

Но в этой головоломке (и команде научных сотрудников) по-прежнему недоставало одного звена. Большинство тестов, которые осуществлял Гриффитс в прошлом, он проводил на бабуинах и других обезьянах; клинический опыт работы с людьми у него был весьма небольшой, поэтому для проекта (и он это прекрасно понимал) ему требовался искусный психотерапевт — «опытный врач-клиницист», как он сам это выразил. И так уж получилось, что такого психотерапевта Боб Джесси уже знал: он встретился с ним за два года до этого на психоделической конференции; тот не только устраивал его по всем параметрам, но и жил там же, в Балтиморе. Что еще более удивительно, этот психотерапевт (его звали Билл Ричардс) был более искушен по части психоделических трипов, которые он сам вызывал и сам совершал в 1960-е и 1970-е годы, чем кто-либо другой из живущих, за исключением, пожалуй, Стэна Грофа (с которым он однажды работал над каким-то проектом). В сущности, не кто иной, а именно Билл Ричардс был тем самым исследователем, кто ввел рядовому американцу самую последнюю дозу псилоцибина (дело происходило весной 1977 года в психиатрической больнице Спринг-Гров, находящейся в введении Мэрилендского центра психических исследований). В последующие десятилетия у себя дома (а жил он в живописном лесистом городке под названием Виндзор-Хилл, что неподалеку от Бал-

тимора) он занимался обычной психотерапевтической практикой, терпеливо дожидаясь того времени, когда мир наконец опомнится и даст ему возможность вновь работать с психоделиками.

— По большому счету, — сказал мне Билл Ричардс, когда мы впервые встретились с ним в его офисе, — эти препараты известны человечеству по меньшей мере уже пять тысячелетий, и много, много раз их то выкапывали на свет божий, то запрещали, поэтому нынешний цикл — лишь один из многих. Но ведь грибы растут все так же, они никуда не делись, поэтому и работа с ними когда-нибудь возобновится. Во всяком случае, я на это надеюсь. — И, когда в 1998 году ему позвонил Боб Джесси и вскоре после этого он встретился с Гриффитсом, он не мог поверить своему счастью. — Это был поистине волнующий момент, — сказал он. — Во всяком случае, для меня.

По-прежнему невероятно жизнерадостный, Билл Ричардс, которому уже перевалило за 70 (он родился в 1940 году), является своего рода связующим звеном между двумя эпохами психоделической терапии. Уолтер Панке был шафером на его свадьбе; со Стэном Грофом он работал в больнице Спринг-Гров, а Тимоти Лири он не раз навещал в Миллбруке, Нью-Йорк, где тот осел после исключения из Гарварда. Хотя Ричардс покинул Средний Запад полвека тому назад, в его речи сохранились специфические обороты фермерского Мичигана, его родины. Сегодня Ричардс щеголяет седой козлиной бородкой, смеется заразительным кудахчущим смехом и заканчивает многие из своих сентенций радостным и бодрым «понимаете ли?».

Ричардс, имеющий ученую степень и в области психологии, и в области богословия, приобрел первый психоделический опыт в 1963 году, еще будучи студентом богословского факультета Йельского университета. Год он провел в Германии, в Геттингенском университете, где изучал немецкий язык, но затем почувствовал неодолимую тягу к психологии и перевелся на факультет психиатрии, где впервые услышал о проекте исследования такого мало кому тогда известного препарата, как псилоцибин.

— Я понятия не имел, что это такое, но два моих друга принимали участие в этом исследовании, и у них было

немало интересных видений. — Одному из них, чей отец погиб на войне, удалось вернуться в пору своего детства, и он увидел себя сидящим на коленях у отца. Другой в своих галлюцинациях видел эсэсовцев, маршировавших по улице города. — Мои же галлюцинации почему-то никогда не были достаточно образными, — сказал Ричардс со смешком, — хотя я тоже пытался заглянуть в свое детство. В те дни мой ум был для меня своего рода психологической лабораторией, поэтому я тоже решил поучаствовать во всем этом. Это было еще до того, как исследователи поняли важность таких факторов, как установка и обстановка. Меня поместили в какое-то подвальное помещение, сделали инъекцию и оставили одного. — Казалось бы, налицо все условия для возникновения весьма неприятных галлюцинаторных видений, однако психоделический опыт Ричардса оказался прямо противоположного свойства. — Я почувствовал, что без остатка растворяюсь в этой невероятно детализированной картине образов, напоминавших исламскую архитектуру с надписями на арабском языке, которые я совершенно не понимал. А затем я мало-помалу начал терять ощущение присущей мне идентичности и каким-то образом сам *стал* этими затейливыми арабскими узорами. По поводу всего этого я могу сказать только одно: во всей своей полноте явило себя внешнее великолепие мистического осознания. Мое сознание наполнили любовь, красота и умиротворение столь беспредельные, что я ни о чем подобном не то что не ведал, а даже и не подозревал. «Трепет», «слава» и «величие» — вот единственные слова, которые наиболее здесь уместны.

Описания таких видений и переживаний всегда намного бледней по сравнению с той реальностью и тем эмоциональным накалом, которые очевидцы стремятся передать в своих рассказах; для передачи подобных знаковых событий, которые радикально меняют всю жизнь человека, слова человеческого языка кажутся неприспособленными. Когда я сказал об этом Ричардсу, он улыбнулся.

— Представьте себе пещерного человека, вдруг оказавшегося в самом центре Манхэттена, где он видит автобусы, мобильные телефоны, небоскребы, самолеты. А затем он вновь оказывается у себя в пещере. Что он может рассказать

об увиденном и пережитом? Что-то вроде: «Это было нечто большое, ошеломляющее, громкое». В его словаре отсутствуют такие слова, как «небоскреб», «лифт», «мобильный телефон». Возможно, интуиция и здравый смысл подскажут ему, что это все неспроста, что во всем увиденном есть некие смысл и порядок, но что это за смысл и порядок, он выразить не сможет. Мы находимся в таком же положении. Для описания увиденного нам нужны слова, которых, увы, у нас пока еще нет. У нас есть только пять цветных мелков, а вот как с их с помощью передать пятьдесят тысяч различных оттенков — это проблема!

В самый разгар этого путешествия в неведомое в помещение вдруг вошел дежурный психиатр, приставленный к Ричардсу, чтобы следить за его состоянием (он все это время находился за дверью), и попросил того сесть, чтобы измерить его рефлексы. Когда психиатр начал постукивать резиновым молоточком по его надколенным сухожилиям, вспоминает Ричардс, он вдруг почувствовал «сострадание к младенческой науке. Исследователи понятия не имеют о том, что происходит в моем внутреннем эмпирическом мире, о его невыразимой красоте или его потенциальной важности для всех нас». Спустя несколько дней после эксперимента Ричардс зашел в лабораторию и спросил: «Что за препарат вы мне дали? Как он называется?»

— И вся остальная жизнь, — заключил он, — это всего лишь сноски и примечания к этому событию!

Однако после нескольких неудачных попыток повторить на псилоцибиновых сеансах подобный мистический опыт Ричардс начал задаваться вопросом: а не раздул ли он пережитое им? А спустя какое-то время в университет из Гарварда приехал Уолтер Панке, только что написавший диссертацию под руководством Тимоти Лири, и они быстро стали друзьями. (Когда они были в Германии, именно Ричардс приобщил Панке к психоделическим откровениям, уговорив его пуститься в первый «кислотный трип»; в Гарварде же Панке никогда не принимал ни ЛСД, ни псилоцибин, считая, что это скомпрометирует объективность Бостонского эксперимента.) Панке предложил Ричардсу повторить опыт, но с гораздо большей дозой, при условии, что комната будет освещаться мягким светом, в ней будут

цветы, растения и будет звучать спокойная музыка. И Ричардс еще раз пережил «нечто невероятно глубокое. Я понял, что, в сущности, ничуть не раздул свой первый опыт, а, наоборот, запамятовал чуть ли не восемьдесят процентов из того, что пережил».

— Я никогда не подвергал сомнению реальность этого опыта, — сказал мне Ричардс. — Это было царство мистического сознания, тот самый мир, о котором говорил Шанкарачарья, о котором писали Плотин, святой Иоанн Креста и Мейстер Экхарт. И именно это подразумевал Абрахам Маслоу под своими «пиковыми переживаниями», хотя самому Абрахаму они без наркотиков вряд ли были доступны. [Под руководством Маслоу Ричардс изучал психологию в Брандейском университете.] Абрахам был типичным еврейским мистиком. Он мог просто лечь на землю у себя во дворе и испытать мистическое откровение. Психоделики не для него, а для тех из нас, кто не обладает таким врожденным даром.

Из этих первых психоделических трипов Ричардс последовательно вынес три непреложных убеждения. Первое — что сакральный опыт, описываемый великими мистиками и людьми, принимающими большие дозы психоделиков, под влиянием которых они совершают свои внутренние странствия, — это один и тот же опыт и он реален в том смысле, что это отнюдь не плод воображения. Сам Ричардс выражает это так:

— Ты просто погружаешься в сознание, погружаешься глубоко-глубоко, далеко-далеко и там наталкиваешься на сакральное. Это не что-то, производимое нашим сознанием, а нечто, существующее там изначально и лишь ждущее, когда его откроют. И с уверенностью можно сказать, что оно открывается как верующим, так и неверующим.

Второе убеждение — что все эти мистические откровения, чем бы они ни были вызваны, наркотиками, препаратами или чем-то другим, являются, по всей вероятности, первичным базисом религии. (Частично именно по этой причине Ричардс убежден, что психоделики должны быть частью процесса образования студентов-богословов.) И третье — что именно сознание, а не мозг является сущностным свойством Вселенной. В этом вопросе он солидарен с Анри Бергсоном,

французским философом, который считал человеческий мозг всего лишь радиоприемником, способным настраиваться на внешние по отношению к нему частоты энергии и информации.

— Если захотите отыскать ту блондинку, которая вчера вечером вела программу новостей, — шутит Ричардс, как всегда прибегая в подобных случаях к аналогии, — вам незачем искать ее в телевизоре. (Действительно, телевизор, как и человеческий мозг, вещь необходимая, но одного его явно недостаточно.)

В конце 1960-х годов, после окончания аспирантуры, Ричардс начал работать научным сотрудником в больнице Спринг-Гров, расположенной за пределами Балтимора, где, вдали от шума и светской мишуры, окружающих Тимоти Лири, разворачивалась самая невероятная контрафактная история психоделических исследований. Действительно, это тот случай, когда повествовательный талант и дар рассказчика, присущий Лири, придал достоверной истории форму, ей несвойственную, так что в результате большинство из нас до сих пор верит, что до прихода Лири в Гарвард и после его отставки там вообще не проводилось никаких серьезных исследований. Но все то время, пока Ричардс в 1977 году не ввел добровольному участнику последнюю инъекцию псилоцибина, в Спринг-Гров активно осуществлялась (причем без каких-либо стычек или споров) амбициозная программа исследования психоделиков, и осуществлялась она в основном на гранты, выделяемые Национальным институтом психического здоровья; эти исследования велись с размахом: с шизофрениками, алкоголиками и наркоманами, с онкологическими больными, обуянными страхом перед смертью, со священниками и специалистами по психическому здоровью, а также с больными, страдающими серьезными расстройствами личности. В период с конца 1960-х до середины 1970-х годов психоделической терапии в Спринг-Гров подверглись несколько сотен больных и добровольцев. Эти исследования были хорошо продуманы, и в большинстве случаев исследователи добивались весьма хороших результатов, которые регулярно публиковались в таких престижных научных журналах, как «*Журнал Американской медицинской ассоциации*» и «*Архивы общей психиатрии*».

(Хотя Роланд Гриффитс придерживается мнения, что большая часть этих исследований «весьма подозрительна», тот же Ричардс, например, поведал мне, что «эти исследования далеко не так плохи, как полагают люди вроде Роланда».) Поражает другое: сколь много исследований, что ныне проводятся в медицинском центре Джонса Хопкинса и в Нью-йоркском университете, было задумано и предугадано еще в Спринг-Гров; действительно, сегодня трудно найти такой эксперимент с психоделиками, который не был бы проведен в Мэриленде в 1960-х или 1970-х годах.

Как бы то ни было, но вначале, на ранних стадиях, работа с психоделиками, проводившаяся в Спринг-Гров, пользовалась большой публичной поддержкой. Например, в 1965 году ведущая американская телерадиосеть *CBS News* передала «специальный» часовой репортаж о проводившейся в больнице работе с алкоголиками, носивший название «*ЛСД: эксперимент в Спринг-Гров*». Отклики в СМИ на эту программу были настолько положительными, что законодательный орган штата Мэриленд построил даже на территории кампуса больницы исследовательский центр, обошедшийся штату в сотни миллионов долларов. Ныне это знаменитый Мэрилендский центр психических исследований. Его возглавили Стэн Гроф, Уолтер Панке и Билл Ричардс, специально приглашенные с этой целью, а бок о бок с ними трудились несколько десятков психотерапевтов, психиатров, фармакологов и людей из обслуживающего персонала. И точно так же сегодня трудно поверить в то, что, как рассказал Ричардс, «когда мы нанимали на работу очередного сотрудника, эксперта в интересующей нас области, ему, в качестве подготовки к работе, устраивали пару сеансов с ЛСД. У нас было на это разрешение! Иначе как он мог бы иметь представление о том, что творится в сознании пациента? Жаль, что в больнице Джонса Хопкинса мы этого не делали».

Тот факт, что эта амбициозная исследовательская программа продолжала осуществляться вплоть до 1970-х годов, наводит на мысль, что история с запретом психоделических исследований не так уж и проста, как ее излагает общепринятая версия. Если справедливо то, что некоторые исследовательские проекты (такие, как изобретательные опыты, проводимые Джимом Фадиманом в Пало-Альто) были

прекращены по приказу из Вашингтона, то не менее справедливо и другое: что иные проекты, осуществлявшиеся на основе долгосрочных грантов, продолжались до тех пор, пока не кончились деньги, чего, увы, было не избежать. Но вместо того чтобы закрыть все исследования, как считали очень многие представители психоделического сообщества, правительство просто усложнило процедуру получения разрешения на их проведение, и финансирование постепенно иссякло. Кроме того, как показало время, вдобавок ко всем бюрократическим и финансовым препятствиям исследователям вскоре пришлось иметь дело с так называемым «тестом на глумливые смешки», выдержать который не всем было под силу. Действительно, как бы вы прореагировали, если бы ваши коллеги, которым вы рассказали, что проводили эксперименты с ЛСД, начали глумливо подсмеиваться над вами? К середине 1970-х годов психоделики сделались чем-то вроде научного конфуза — не потому, что исследования с ними обернулись полной неудачей, а потому, что их стали прочно соотносить с контркультурой и такими опальными учеными, как Тимоти Лири.

Но в конце 1960-х – начале 1970-х годов исследования психоделиков, проводившиеся в Спринг-Гров, никого не обескураживали, потому как в них не было ничего постыдного. Напротив, им прочили блестящее будущее. Ричардс вспоминает:

— Мы считали, что в области психиатрии работа с психоделиками являла собой самый передовой и самый необычный рубеж науки. Мы все сидели за столом переговоров и часами говорили о том, как следует обучать те сотни, если не тысячи психотерапевтов, которые требовались нам для выполнения этой работы. (Обратите внимание: подобные разговоры мы ведем и сегодня!) Ежегодно проводились международные конференции, на которых мы встречались со своими коллегами из Европы, занимавшимися той же работой. Эта область науки была на подъеме. Но в конце концов общественные силы возобладали, они оказались сильнее всех нас.

В 1971 году Ричард Никсон объявил Тимоти Лири, бывшего профессора психологии, «самым опасным человеком в Америке». Психоделики в то время активно питали амери-

канскую контркультуру, а контркультура подрывала готовность американской молодежи к борьбе за американские ценности. Администрация Никсона стремилась придушить контркультуру, подвергая нападкам ее нейрохимическую инфраструктуру.

Был ли неизбежным запрет психоделических исследований? Многие исследователи, с которыми я общался и у которых брал интервью, считают, что этого можно было бы избежать, не выйди наркотики за стены лабораторий — случайность, вину за которую, справедливо или нет, большинство прямо возлагает на Тимоти Лири с его «выкрутасами», «недостойным поведением» и «евангелизмом».

Станислав Гроф считает, что психоделики в Америке 1960-х годов выпустили на свободу «дионисийскую стихию», представлявшую опасность для пуританских ценностей страны, опасность, которую следовало во что бы то ни стало предотвратить. (Он сказал также, что, по его мнению, это должно произойти снова.) Наша культура, замечает по этому поводу Роланд Гриффитс, далеко не первая, которая полагает, что ей грозит опасность со стороны психоделиков, ведь Гордон Уосон именно потому и открыл заново в Мексике волшебные грибы, что испанцы повсеместно запрещали их, считая опасными орудиями язычества.

— Это говорит о многом, в частности о том, как неохотно культуры отзываются на изменения, вызываемые подобными соединениями, — сказал мне Гроф во время нашей первой встречи. — И так сильна та власть, которая открывается человеку во время мистического откровения, что многие считают ее угрозой существующим иерархическим структурам.

* * *

К середине 1970-х годов работа с ЛДС, которая осуществлялась в Спринг-Гров при финансовой поддержке штата, стала жгучим политическим вопросом, горячо обсуждавшимся в Аннаполисе. В 1975 году трехсторонняя комиссия, созданная и возглавляемая Дэвидом Рокфеллером, расследуя деятельность ЦРУ, обнаружила, что Управление проводило в Форт-Детрике, штат Мэриленд, эксперименты с ЛСД, являвшиеся частью проекта по управлению сознанием, носившего кодовое название «МК-Ультра». (Во внутреннем

циркуляре, выпущенном комиссией, цель, которую ставило перед собой Управление, изложена очень кратко: «Можем ли мы добиться такого контроля над сознанием индивидуума, когда он будет выполнять наши приказы вопреки своей воле и даже вопреки фундаментальному закону природы, такому как закон самосохранения?») Было установлено, что ЦРУ регулярно подмешивало дозы ЛСД в пищу государственных служащих и гражданских лиц, причем без их ведома; известно, что по меньшей мере один человек по этой причине скончался. Новость, что деньги налогоплательщиков штата Мэриленд идут на поддержание исследований ЛСД, вмиг обернулась крупным скандалом, и требования остановить все подобные исследования в Спринг-Гров стали настолько настоятельными, что игнорировать их не было никакой возможности.

— И очень скоро, — вспоминает Ричардс, — из всей команды остались только я и две секретарши. А потом и с нами было покончено.

Сегодня Роланд Гриффитс, подхвативший нить исследований, оборванную и упавшую после того, как работа в Спринг-Гров была остановлена, удивляется тому факту, что первая волна психоделических исследований, в целом весьма перспективных и многообещающих, сошла на нет по причинам, не имеющим никакого отношения к науке:

— Мы просто перестали демонизировать эти соединения. Можно ли представить себе другую область науки, которая считалась бы столь опасной и запретной, что все исследования в ней можно было бы свернуть на многие десятилетия? В современной науке это беспрецедентный случай.

Как, вероятно, беспрецедентно и то огромное количество научных знаний, которое было уничтожено.

В 1998 году Гриффитс, Джесси и Ричард начали разработку экспериментального исследования, в общем и целом основанного на Бостонском эксперименте.

— По сути это даже не психотерапевтическое исследование, — указывает Ричардс, — а исследование с целью установить, способен ли псилоцибин вызывать трансцендентальные видения. То, что нам удалось достать разрешение на право давать псилоцибин нормальным, здоровым

людям, — это исключительно заслуга Роланда, имеющего за плечами долгий опыт работы в качестве главного руководителя, равно пользующегося уважением и в Университете Хопкинса, и в Вашингтоне.

В 1999 году протокол с условиями эксперимента был утвержден и одобрен, но только после того, как его удалось провести через пять инстанций или ступеней рассмотрения сначала в Университете Хопкинса, а затем в Управлении по санитарному надзору и Управлении по борьбе с наркотиками. (Многие из коллег Гриффитса по больнице Хопкинса скептически отнеслись к этому предложению, обеспокоенные тем, что исследования психоделиков могут поставить под угрозу федеральное финансирование; один из них даже сказал мне, что «на кафедре психиатрии, да и в самом институте есть люди, ставящие под сомнение эту работу, потому что этот класс соединений тянет за собой солидный багаж из шестидесятых».)

— Мы верили, что люди во всех этих комитетах — не просто люди, а солидные ученые, — сказал мне Ричардс. — И при доле везения вполне может оказаться, что некоторые из них пробовали эти грибы еще в колледже!

Роланд Гриффитс стал главным исследователем проекта, Билл Ричардс — руководителем клинической программы, а Боб Джесси продолжил свою закулисную работу.

— Как сейчас помню тот первый сеанс, к которому я стремился все эти долгие и пустые двадцать два года, — вспоминает Ричардс. Мы с ним сидели в лабораторном кабинете в медицинском центре Хопкинса; я устроился на кушетке, где обычно лежали участники, совершавшие свои путешествия в неизведанное, а Ричардс оседлал стул, где он сидел все эти годы, начиная с 1999-го, и откуда управлял этими «псилоцибиновыми трипами», число которых перевалило за сотню. Кабинет больше напоминал уютную комнату или гостиную, нежели лабораторное помещение: плюшевый диван, абстрактные картины на стенах, якобы изображающие духовный мир, статуэтка Будды на приставном столике и полки с большими каменными грибами и самыми различными духовными артефактами, а между ними неприметная на вид чашечка, в которой участникам дают таблетки.

— Тот парень лежит на кушетке там, где сейчас сидишь ты, по его лицу текут слезы, а я сижу и думаю, как неизбывно прекрасен и полон смысла этот опыт. Как он *священен*! Будет ли он когда-нибудь узаконен и как? Возможно ли такое? Как если бы мы незаконно вторглись в некое великолепие, в готические соборы, или в музеи, или… в солнечные закаты! Честно, я тогда даже не знал, случится ли что-то подобное еще раз в моей жизни. И посмотри, что сейчас: работа в больнице ведется без перерыва вот уже пятнадцать лет — на пять лет дольше, чем в Спринг-Гров.

* * *

В 1999 году еженедельные издания Балтимора и Вашингтона начали публиковать странное, но весьма интригующее рекламное объявление, озаглавленное: «Интересуетесь духовной жизнью?»

> «В университете возобновились исследования энтеогенов (если в двух словах, то это религиозно-одухотворяющие субстанции, такие как пейотль и галлюциногенные грибы). Область исследований включает в себя фармакологию, психологию, развитие творческих способностей и духовность. Сугубо конфиденциально: тех, кого интересует возможность участия в этих исследовательских проектах, просьба звонить по телефону: 1-888-585-8870 (звонок бесплатный). Сайт: www.csp.org».

Вскоре после этого Билл Ричардс и Мэри Козимано, работница социальной сферы и школьный методист, которую Ричардс специально нанял в качестве ассистента, в чьи обязанности входил надзор за психоделическими сеансами, — вскоре после этого они опробовали первую легальную дозу псилоцибина на двадцатидвухлетнем американце. В последующие годы под их наблюдением было проведено свыше трехсот сеансов с псилоцибином, к участию в которых привлекались представители самых разных слоев населения, включая как здоровых людей, так и больных раком, как людей, занимающихся медитацией (новичков и опытных мастеров), так и курильщиков, жаждавших избавиться от своей вредной привычки, а также представителей различных религиозных конфессий. Мне было

любопытно узнать мнение об эксперименте всех этих категорий людей, узнать, так сказать, их точку зрения, хотя, разумеется, больше всего меня интересовала первая категория — здоровые люди, главным образом потому, что они, во-первых, были участниками исследований, оказавшихся исторически значимыми, а во-вторых, людьми во многом такими же, как я, и ничем от меня не отличавшимися. Только они могли ответить мне на вопрос: что представляет собой санкционированный законом, осуществляемый под надзором профессионалов и оптимально комфортный психоделический опыт, вызванный большой дозой псилоцибина?

И все же добровольцы, участвовавшие в первых экспериментах, были *не совсем такими*, как я. Хотя бы потому, что я сильно сомневаюсь, что прочел бы в то время приведенное выше объявление. Про них же нельзя сказать, что они были стопроцентными атеистами, и беседы со многими из этой группы свидетельствуют о том, что большинство из них сознательно согласились на участие в исследованиях, уже имея за плечами тот или иной опыт духовного обучения. Среди них был, например, один целитель, бывший францисканский монах и лекарь-травник, человек, проделавший в жизни тот же путь, что и Железный Джон*, и был физик, увлекавшийся дзэн-буддизмом, и был преподаватель философии, интересовавшийся теологией. Роланд Гриффитс как-то признался: «Нас прежде всего интересовало воздействие духовности [на человека], и мы изначально смещали условия эксперимента [в этом направлении]».

Это сказано человеком, который принимал самое активное участие в разработке исследований по контролированию «эффекта ожидания». Частично они обязаны своим возникновением скептицизму самого Гриффитса,

---

* Персонаж книги американского поэта и писателя Роберта Блая «Книга о мужчине» (1990), в которой автор поднимает вопрос о становлении мужчины в современном обществе, где доминирующей силой является женственность. В качестве основополагающего маскулинного мифа Блай рассматривает сказку братьев Гримм «Железный Ганс» (по-английски «Железный Джон»), в которой рассказывается о том, как дикарь из леса воспитал королевского сына. На этом примере Блай иллюстрирует переход мужчин из отрочества в зрелый возраст, а также отношения подростка с родителями и наставником. — *Прим. перев.*

сомневавшегося в том, что наркотик способен вызвать такие же мистические откровения, которые он пережил в процессе медитации. «Для Билла все это непреложная истина, — признается он, — а для меня только гипотеза. Поэтому нам нужно было заранее взять под контроль предубеждения Билла». Все добровольцы были, что называется, «наивны» по части галлюциногенной реальности и не имели ни малейшего представления о том, что такое псилоцибин и какие воздействия он вызывает, а кроме того, ни они сами, ни так называемые «проводники» (*guides*), то есть дежурные терапевты, приставленные к ним и наблюдавшие за их действиями, не знали, давали ли им во время данного сеанса сам наркотик или только плацебо, как не знали и того, что именно выступало в роли плацебо — обычная подслащенная пилюля или один из десятков психоактивных препаратов. На деле в роли плацебо выступал риталин, и «проводники», как оказалось, довольно часто ошибались, гадая, что именно заключает в себе таблетка, принимаемая их подопечными.

Даже спустя годы после завершения эксперимента его участники, которых я просил вспомнить и рассказать в красках и как можно подробнее пережитое ими, часами делились со мной своими впечатлениями. У этих людей скопилось на душе много чего такого, чем бы им хотелось поделиться; в некоторых случаях пережитое ими оказалось самым важным и значительным опытом всей их жизни, и они явно радовались возможности освежить свои воспоминания и подробно изложить их мне любым возможным способом, будь то при личной встрече, по телефону или по *Skype*. Перед всеми добровольцами изначально ставилось условие — описать на бумаге свои видения или откровения сразу после возвращения из психоделического трипа, и те из них, с которыми мне удалось связаться и поговорить, с радостью делились со мной своими отчетами, одновременно и странными и увлекательными.

Многие из участников, с кем мне довелось беседовать, говорили, что их первые впечатления после погружения во внутренний мир сопровождались сильным страхом и тревогой, которые растворялись сразу после того, как они отдавались увиденному — следуя совету своих «проводни-

ков». Последние же действовали согласно «предполетным инструкциям», разработанным Биллом Ричардсом на основе сотен психоделических трипов, которыми он руководил. В ходе восьмичасовой подготовки, которую участники проходят перед началом своих «кислотных трипов», каждому из них дежурный терапевт дает соответствующий инструктаж, то есть советует им (опять же, в соответствии с инструкциями) использовать во время внутренних путешествий различные «мантры» вроде «Доверься траектории» или «ДОО: доверься, отдайся, откройся». Некоторые наставники любят цитировать слова Джона Леннона из популярной песни «Биттлз»: «Отключи свой разум, расслабься и плыви по течению».

Участников честно предупреждают, что их, вполне возможно, ждет встреча со «смертью/растворением персонального эго или повседневного „я“», но вслед за этим «всегда следует новое рождение/возвращение в нормативный мир пространства и времени. Самый безопасный способ возвращения к нормальной жизни — всецело и безусловно довериться увиденному и сопутствующим переживаниям». Кроме того, «проводникам» вменялось в обязанность напоминать добровольцам, что в путешествии они не одни, и не беспокоиться о своем теле, поскольку терапевты всегда рядом и неусыпно следят за ними. «Даже если почувствуете, что умираете, распадаетесь, растворяетесь, близки в взрыву, сходите с ума и так далее — не отступайте и идите только вперед!» Часто участникам задавали вопросы: «Если увидишь дверь, что ты сделаешь? Если увидишь лестницу, как себя поведешь?» Разумеется, правильные ответы на эти вопросы — это «открой ее» и «поднимись по ней».

Эта тщательная подготовка имеет и оборотную сторону, потому как в этом случае определенного «эффекта ожидания» попросту не избежать. В конце концов, исследователи готовят участников к непредсказуемым видениям и переживаниям, сопряженным с моментом смерти и повторного рождения и обладающим потенциалом к преобразованию реальности. «С нашей стороны было бы безответственным *не* предостеречь участников, что такое может произойти», — отвечает Гриффитс на мой вопрос, были ли добровольцы «достаточно зрелы» для подобного опыта. Один из них,

физик, сказал мне, что, по его мнению, вопросы анкеты, которую он заполнял после каждого такого сеанса, «тоже были полны надежды на мистический опыт». А после одного из таких сеансов (вероятно, с плацебо), чувствуя себя крайне безутешным, он написал: «Мне страстно хочется увидеть кое-что из того, что описано мною в анкете. Хочется увидеть все ожившим и взаимосвязанным, хочется вновь соприкоснуться с творящей пустотой или с воплощениями некоторых божеств и им подобными явлениями». В этом и многих других отношениях опыты с псилоцибином являются, видимо, не только артефактом этой всесильной молекулы, но и артефактом подготовки и ожиданий участников, навыков и мировоззрения их «проводников», «предполетных инструкций» Билла Ричардса, декора и обстановки комнаты, внутреннего фокуса, усиливаемого игрой светотени и музыкой (да и самой музыки, которая, на мой непрофессиональный взгляд, кажется мне скорее религиозной, нежели светской), и мысленного настроя авторов и проектировщиков этих экспериментов, хотя их, возможно, не особо обрадует услышать подобное.

Одной из определяющих характеристик психоделиков является их огромное, на грани самовнушения, воздействие на людей, поэтому в некотором смысле нет ничего удивительного в том, что многие участники из первой когорты добровольцев испытали ошеломляющие мистические переживания: дело в том, что эксперимент был задуман и спланирован тремя учеными, которых сильно интересовал именно мистический аспект сознания. (И, видимо, как раз поэтому не стоит удивляться тому, что европейские исследователи, с которыми я беседовал, в отличие от американцев не увидели в переживаниях своих подопечных ничего особо мистического.) И все же, в интересах ведущейся подготовки, нельзя не отметить тот факт, что сидевшие на плацебо и близко не имели того опыта, который участники, по их же собственным словам, считали самым важным или значительным в их жизни.

Согласно заведенному обычаю, после того как участник принял таблетку, переданную ему в чашечке, но перед тем, как он начал испытывать ее воздействие, Роланд Гриффитс обычно заходит к нему в комнату, чтобы пожелать «доброго

пути». В качестве такого пожелания Гриффитс часто использует сравнение, произведшее большое впечатление на многих из тех добровольцев, с которыми я беседовал.

— Представьте, что вы астронавт, который готовится к выходу в открытый космос, — воспроизвел его по моей просьбе Ричард Бутби, преподаватель философии, которому едва перевалило за пятьдесят на тот момент, когда он участвовал в психоделических опытах в медицинском центре Хопкинса. — Вы готовитесь к тому, чтобы выйти в космос и принять все, с чем вам придется столкнуться, но в одном вы можете быть абсолютно уверены: мы всегда рядом с вами и держим вас под пристальным наблюдением. Считайте, что мы наземный пункт управления полетами. Мы держим вас в курсе событий и в случае чего прикроем.

Что касается астронавта, отправляющегося в открытый космос, то дрожь и тряска, вызванные взлетом, и перегрузки, испытываемые им в момент выхода из гравитационного поля Земли, могут оказаться для него довольно мучительным и даже ужасным опытом. Некоторые участники, по их словам, как только они начинали испытывать чувство распада своего «я», всеми силами пытались удержать свою драгоценную жизнь. Например, 44-летний Брайан Тернер, физик, работавший на военного подрядчика (с доступом к секретной информации), описывает это следующим образом:

> «У меня было такое чувство, словно мое тело растворяется, начиная со ступней и выше, пока не растворилось полностью, за исключением левой части челюсти. Чувство очень неприятное: представьте только, что от вас остались только несколько зубов и левая часть нижней челюсти. Брр! Казалось, если и они исчезнут, то от меня совсем ничего не останется. И тут я вспомнил, что мне говорили перед началом сеанса: если встретишь что-то страшное, смело иди вперед. Поэтому я отогнал от себя страх перед смертью, и мне стало просто любопытно, что же случится дальше. Я больше не пытался уклониться от смерти и вместо того, чтобы бежать от того, что мне явилось, начал исследовать его. И сразу же вся кошмарная ситуация рассосалась, превратившись в приятное убаюкивающее чувство, и я на какое-то время стал музыкой».

Вскоре после этого он оказался «в большой пещере, где все мои прошлые связи и привязанности в виде людей свисали со свода как огромные сосульки: подле себя я увидел мальчика, с которым мы сидели за партой во втором классе, дальше шли мои школьные друзья, первая моя любовь и так далее, все они были здесь, изваянные изо льда. Было очень холодно. Я мысленно обращался к каждому из них, вспоминая, что нас связывало. Это был обзор прожитого — своеобразная траектория моей жизни. Ведь таким, какой я есть, сделали меня все эти люди».

30-летняя Эми Чарней, врач-диетолог и лекарь-травник, пришла по объявлению после длительного кризиса, вызванного травмой. Страстная любительница бега, много лет изучавшая экологию леса, она однажды упала с дерева и сломала лодыжку, и этот перелом положил конец и ее занятиям бегом, и ее карьере эколога. В первые же минуты психоделического трипа на Эми обрушились волны вины и страха.

— Сцена, представшая моим глазам, — рассказывает она, — разыгрывалась в девятнадцатом веке на этом же самом месте. Два человека подле меня затягивали петлю на моей шее, а стоявшая чуть поодаль толпа гикала, радуясь моей смерти. Я стояла, опустошенная чувством вины, почти полностью парализованная страхом. Это был какой-то ад. И в этот момент, помню, Билл спросил меня: «Что происходит?» Не помню, что я ответила, помню только, что Билл сказал: «Я тоже часто испытываю чувство вины. Это вполне естественное человеческое чувство», и сразу после этих слов картина словно зависла и начала распадаться на множество фрагментов, пока не исчезла полностью, и меня охватило чувство непомерной свободы и взаимосвязи со всем сущим. Это чувство было таким огромным, что я едва могла его вместить. Я понимала, что если я назову это чувство, признаю его и поведаю о нем кому-либо, то оно сразу исчезнет. Теперь же, по прошествии лет, став немного старше и мудрей, я могу признаться в этом самой себе.

Спустя какое-то время та же Эми Чарней увидела, что сидит на спине какой-то большой птицы и летит над миром сквозь время.

— Я вполне ясно сознавала, что мое тело лежит на кушетке, но в то же время я покинула его и сама непосредственно переживала увиденное. Я видела, как танцую в круге под грохот тамтамов в каком-то иноземном племени, видела, как меня исцеляли и я сама кого-то исцеляла. Это было что-то глубинное — но не в том смысле, что я унаследовала это качество по родословной линии. Нет, не будучи сама целительницей, я всегда ощущала себя доморощенной знахаркой, изготовлявшей растительные бальзамы, и это создавало у меня чувство неразрывной связи и с травами, и с людьми, которых я этими травами пользовала, не важно, использовались ли эти травы в ритуальных целях, в качестве психоделиков или салата.

В ходе следующего сеанса перед нею воскрес Фил, парень, с которым она дружила в юности и который погиб в автокатастрофе в возрасте 19 лет.

— Вдруг я почувствовала в своем левом плече частицу Фила, живого Фила. Никогда не испытывала ничего подобного, но это чувство было абсолютно реальным. Не знаю, почему он желтого цвета и почему живет в моем левом плече — да и значит ли это хоть что-нибудь? — мне это безразлично. Главное, он вернулся ко мне.

И такие воссоединения с умершими не редкость. Ричард Бутби, чей 23-летний сын, наркоман со стажем, за год до этого совершил самоубийство, как-то сказал мне: «С Оливером я теперь встречаюсь чаще, чем когда он был жив».

Как видно из этих примеров, умение всецело отдаться увиденному, каким бы опасным или пугающим оно ни было, — это крайне важное свойство, необходимость которого подчеркивают на сеансах подготовки и которое так или иначе фигурирует в видениях множества людей как в процессе трипов, так и после. Бутби, будучи философом, довольно творчески подошел к этому вопросу и придумал, как можно использовать эту идею в качестве инструмента для формирования опыта в реальном времени. Вот что он пишет:

> «С самого начала я почувствовал, что эффект, создаваемый наркотическими средствами, удивительным образом отвечает моему собственному субъективному опре-

делению. Если я в ответ на растущую интенсивность переживания начну напрягаться и тревожиться, то и напряжение в представших моему взору картинах тем или иным образом начнет расти и уплотняться. Но если я вполне сознательно дам себе команду расслабиться, позволю себе отдаться увиденному и войти в него неотъемлемой частью, то это даст поразительный эффект. Пространство, в котором я нахожусь, и без того огромное, вдруг распахивается еще больше, а волнообразные тени, мелькавшие перед моими глазами, взрываются, создавая новые и еще более экстравагантные картины. Меня снова и снова охватывает ошеломляющее чувство беспредельности, на которую накладывается и которую множит другая беспредельность. Помню, как-то раз жена везла меня из гостей домой и я в шутку сказал ей, что у меня такое чувство, будто меня то и дело невесть каким образом засасывает в задницу Бога».

У Бутби, судя по описанию, был мистический опыт, во многом сходный с классическими образцами, хотя, возможно, Бутби первый в длинном ряду западных мистиков, кто вошел в Божье царство столь своеобразным образом, то есть «через заднюю дверь», как говорится в таких случаях.

«Затерянный в глубинах всего этого бредового кошмара, я вдруг почувствовал, что либо умираю, либо, что самое странное, уже умер. Все нити привязанностей, вызывавшие у меня достоверное чувство реальности и надежно привязывавшие меня к этой реальности, вдруг оборвались. Как тут не поддаться иллюзии, что ты мертв? И раз уж я умираю, подумал я, то так тому и быть. Как тут скажешь „нет“? И в этот момент в безмерных глубинах своего переживания я вдруг почувствовал, как все составляющие меня противоположности — сон и пробуждение, жизнь и смерть, внутреннее и внешнее, „я“ и то, другое, — сошлись и столкнулись одно с другим… Казалось, что реальность свернулась сама собой и взорвалась, причем эта экстатическая катастрофа не была лишена определенной логики. И тем не менее посреди

всего этого галлюцинаторного урагана во мне продолжало жить странное чувство надмирности и беспредельного вознесения над всем сущим. Помню, я то и дело повторял про себя: „Ничто не имеет значения, ничто уже больше не имеет значения. Я прозрел суть! Вообще ничто не имеет значения“».

И затем все кончилось.

«В последние несколько часов реальность начала медленно, понемногу, без усилий и напряжения срастаться воедино и возвращаться на круги своя. В ритм с какой-то ошеломляющей хоровой музыкой во мне нарастало невероятно волнующее чувство торжественного пробуждения, как будто после длинной горестной и душераздирающей ночи наконец занялся новый день».

* * *

В то самое время, когда я брал интервью у Ричарда Бутби и других участников, я как раз читал книгу Уильяма Джеймса «*Многообразие религиозного опыта*» — о мистическом сознании, читал, чтобы иметь хоть какие-то ориентиры в этой области. И, разумеется, многое из того, что я прочел у Джеймса, помогло мне сориентироваться среди того потока слов и образов, которые хлынули на меня во время бесед. Свое описание мистических состояний сознания Джеймс предварил горестным вздохом о том, что «моя собственная конституция не позволяет мне наслаждаться ими в полной мере». «*Не позволяет наслаждаться в полной мере*»; да Джеймсу скромности не занимать, ведь то, что ему известно о мистических состояниях, почерпнуто им не столько из книг, сколько из собственных экспериментов с наркотиками, включая и оксид азота.

Понимая, как трудно дать определение тому, что мы называем мистическим опытом, Джеймс предлагает для его распознания четыре «вехи». Первая и, на его взгляд, «самая удобная» — это невыразимость: «Сам предмет исследования непреложно говорит о том, что он не поддается какому-либо выражению, что его содержание не может быть адекватно выражено в словах». За исключением, пожалуй, только

Бутби, все прочие участники, с которыми я беседовал, не скрывали своего отчаяния в попытке передать в полной мере то, что им выпало увидеть и пережить, как бы они при этом ни тщились. «Лучше бы вам самим все это увидеть», — не уставая повторяли они.

Вторая «веха» — это ноэтическое качество: «Мистические состояния для тех, кто их испытывает, являются также и состояниями познания... Это озарения, откровения, полные значимости и смысла... и они, как правило, несут в себе довольно курьезное чувство властности».

Каждому из участников эксперимента, с которыми мне довелось беседовать, пережитое дало больше ответов, нежели вызвало вопросов, и эти ответы — что весьма любопытно для наркотических видений — отличаются поразительной долговечностью и прочностью. Психотерапевт Джон Хэйес (ему уже за пятьдесят), один из первых добровольцев, откликнувшихся на объявление, описывает, что им владело чувство,

> «словно передо мной раскрываются некие тайны, и в то же время все было знакомым, как будто мне просто напоминали о том, что я уже знал. У меня было чувство, будто меня посвящают в те измерения бытия, о существовании которых большинство людей даже не подозревает, включая и вполне отчетливое чувство того, что смерть иллюзорна — в том смысле, что это некая дверь, через которую мы вступаем на другой план существования, что мы, подобно листьям, проклюнулись из вечности, в которую мы снова вернемся».

Что верно, то верно, полагаю я, однако в устах человека, имеющего за плечами мистический опыт, подобное озарение приобретает силу откровения истины.

С другой стороны, несть числа специфическим озарениям, открывшимся психоделическому путнику, которые балансируют на острие ножа между глубиной и полной банальностью. Бутби, интеллектуал с высокоразвитым чувством иронии, изо всех сил пытался облечь в слова глубокие истины о сущности нашего человечества, явленные ему в ходе одного их его псилоцибиновых трипов.

> «Временами [эти истины] меня почти смущают, словно их устами говорит космическая мечта о торжестве любви, которую многие насмешники ассоциируют с банальностями на холлмаркских открытках*. В то же время основные истины, явленные мне во время сеансов, по большей части представляются по-прежнему убедительными».

Какую же истину наш философ считает убедительной? Она проста: «Любовь побеждает всё».

Джеймс, касаясь банальности этих мистических озарений, пишет о «том глубоком чувстве значимости некой максимы или формулы, которое подчас охватывает человека. „Я слышал это всю мою жизнь, — восклицаем мы, — но до сего момента не понимал ее полного смысла“». Похоже, что мистическое путешествие дает нам высшее образование в области очевидного. И все же люди возвращаются из подобного путешествия с новым пониманием этих банальностей: то, что было им раньше просто известно, теперь ими прочувствовано и глубоко укореняется в их сознании, приобретая над ними власть незыблемого убеждения. И чаще всего это убеждение касается верховенства любви.

Карин Сокель, инструктор по персональному росту и энергетический целитель, описала один такой опыт, «изменивший всю мою жизнь, пробудивший и глубоко растревоживший меня». В кульминационный момент своего путешествия она встретила Бога, назвавшегося «Аз есмь». В Его присутствии, вспоминает она, «все мои чакры раскрылись. И всюду был свет, чистый свет любви и божественности, он был со мной, так что все слова были излишни. Я стояла перед этой абсолютно чистой божественной любовью и сливалась с ней, растворяясь в этом взрыве энергии... Стоит мне только заговорить об этом, как мои пальцы насыщаются электричеством. Оно как бы пронизывает меня. Любовь — это суть меня как живого существа. Теперь я знаю это. На пике переживания я в буквальном смысле

* Американская компания *Hallmark Cards* специализируется на выпуске поздравительных открыток, заполненных разного рода банальными изречениями, рассчитанными на невзыскательный вкус. — *Прим. перев.*

касалась лица Осамы Бен Ладена, глядела в его глаза, чувствовала чистую любовь, исходившую от него, и отдавал эту любовь ему. Сердцевина всего сущего — не зло, а любовь. Те же ощущения у меня были при встрече с Гитлером, а затем с диктатором Северной Кореи. Поэтому я думаю, что мы все божественны. Это не интеллектуальное, это сущностное знание».

Я спросил Карин, почему она так уверена в том, что это не сновидение и не фантазия, навеянная наркотиком, — предположение, которое, как оказалось, совершенно не соответствовало ее ноэтическому чувству. «Это был не сон. Это было так же реально, как вы и наш разговор. Я бы не поняла его смысла, если бы не имела непосредственного опыта общения. Теперь этот опыт запрограммирован в моем мозге, поэтому я в любой момент могу обратиться к нему, да и часто это делаю».

Именно на этот пункт и ссылается Джеймс, выделяя третью «веху» в своей характеристике мистического сознания. Ее суть — «быстротечность». Ибо, хотя мистическое состояние длится недолго, оно оставляет в сознании следы, которые постоянно дают о себе знать и повторяются, «и от одного повторения к другому отложившийся опыт становится все более восприимчив к постоянному развитию, оформляясь в то, что ощущается как внутреннее богатство и значимость».

Четвертая, и последняя, «веха» в типологии Джеймса — это существенная «пассивность» мистического опыта. «Для мистика характерно чувство, словно его собственная воля бездействует, а иногда он чувствует себя так, словно его схватила и держит какая-то высшая сила». Это чувство временного подчинения высшей силе часто вызывает у него ощущение постоянной изменчивости и преображения.

Хотя большинство участников опытов с псилоцибином из числа тех, с которыми я разговаривал, совершали свои «кислотные трипы» десять или пятнадцать лет тому назад, последствия пережитого ими ощущаются до сих пор, причем в некоторых случаях ежедневно. «Псилоцибин пробудил во мне такие сердечное сострадание и благодарность, которые до этого были мне просто неведомы, — рассказала мне одна женщина-психолог, попросившая не называть

ее имени, когда я спросил ее о долговременных последствиях. — Доверие, Отдача, Открытие, Бытие — таковы для меня критерии подобного опыта. Сегодня я уже не верю во все эти вещи, потому как точно знаю, что они есть. Знание отменяет веру». Она сделала то, чего не смогли другие: претворила «предполетные инструкции» Билла Ричардса в руководство для жизни. Практически то же самое сделал и Ричард Бутби, преобразовавший свое понимание самоотдачи в своего рода этику:

> «Во время сеанса [с псилоцибином] искусство релаксации само по себе стало для меня основой глубоких откровений, особенно когда мне неожиданно открылось, что нечто в самом духе этой релаксации, нечто в процессе достижения совершенства, в доверительном и любовном раскрытии духа является и квинтэссенцией, и целью жизни. Наша задача в жизни заключается именно в том, чтобы избавиться от страха и ожиданий, в том, чтобы попытаться отдаться влиянию настоящего момента».

Психотерапевт Джон Хэйес вернулся из своих трипов с «чувством дестабилизации конкретного [мира]», которое вскоре сменилось убеждением, что «за чертой обычной реальности с ее чувственным восприятием существует иная реальность. Как! За чертой этого мира есть еще один? Это существенно обогатило мою космологию». Этот мистический опыт Хэйес особенно рекомендует людям среднего возраста, которым он, по словам Карла Юнга, поможет пройти вторую половину жизни. «Молодым людям, — добавил Хэйес, — я бы его не рекомендовал».

Что касается Эми Чарней, то ее внутреннее путешествие утвердило ее в мысли посвятить себя изучению лекарственных трав (в настоящий момент она работает в Северной Калифорнии в компании, производящей пищевые добавки), а также в решении развестись с мужем. «Я вышла после сеанса, а он даже не удосужился вовремя приехать, чтобы меня забрать. И мне все стало ясно. Я поняла, что это наша извечная тема. Тема, которая есть и будет. Слишком уж мы разные люди. Мне сегодня надрали задницу, а ему надерут в свое время». Она сообщила ему эту новость

в машине по дороге домой, ушла от него и ни разу об этом не пожалела.

Слушая рассказы всех этих людей о том, как псилоцибиновые трипы в корне перевернули их жизнь, поневоле задаешься вопросом: в самом деле, уж не является ли наркологический кабинет в медицинском центре Джонса Хопкинса своего рода «фабрикой по преобразованию людей», как назвала его ассистентка Мэри Козимано, проведшая в этом помещении больше времени, чем кто-либо другой? «Отныне, — сказал мне один из участников, — я делю свою жизнь на две части: ту, что была до псилоцибина, и ту, что после него». Вскоре после своего псилоцибинового трипа физик Брайан Тернер ушел с работы (как уже говорилось выше, он работал на военного подрядчика) и уехал в Колорадо изучать дзэн-буддизм. Правда, и до участия в опыте он занимался медитативными практиками, но теперь у него, по его же собственным словам, «появилась мотивация, потому что я постиг свое предназначение и даже вкусил его»; теперь, приобщившись к иным уровням сознания и «вкусив» их, он понял, что они вполне достижимы, и серьезно вознамерился заняться практикой дзэна.

Тернер принял постриг и ныне является дзэн-монахом, при этом оставаясь физиком: он работает в компании, выпускающей гелий-неоновые лазеры. Я спросил его, не чувствует ли он некоторого несоответствия или трения между наукой и своей духовной практикой. «Не вижу здесь никакого противоречия, — ответил он. — Но то, что случилось со мной в центре Хопкинса, повлияло на мою физику. Я вдруг понял, что существуют миры, в которые наука еще не проникла и вряд ли проникнет. Наука может подвести вас к Большому взрыву, но повести вас дальше она не в состоянии. Чтобы заглянуть за эту грань, нужен совершенно другой аппарат».

Эти довольно любопытные отчеты о персональной трансформации личности нашли серьезную поддержку в ходе последующих исследований, проведенных в центре Джонса Хопкинса все с той же группой здоровых людей. Кэтрин Маклин, психолог и сотрудница центра, обработав данные опроса 52 участников, включая последующие беседы с их друзьями и членами семей, обнаружила, что во многих

случаях пережитый ими опыт не только оставил глубокие следы в их сознании, но и вызвал долгосрочные изменения их личности. Особенно это касается тех участников, которые прошли через «полный мистический опыт» (он вычисляется по критериям Панке — Ричарса на основе ответов участников на соответствующую анкету, которая так и называется — «Анкета установления мистического опыта»), не говоря уже о значительном улучшении их самочувствия и усиления в их характере такой личностной черты, как «открытость опыту». Открытость, одна из пяти характерных черт поведения, используемых психологами для оценки личности человека (другие четыре — это добросовестность, экстраверсия, покладистость и невротизм), включает в себя такие аспекты, как эстетическая оценка, чувственность, фантазия и воображение, а также терпимость к точкам зрения и ценностям других людей; кроме того, она указывает на творческую жилку человека как в искусстве, так и в науках и, предположительно, свидетельствует о готовности воспринимать новые идеи, расходящиеся с идеями современной науки. Такие ярко выраженные и длительные изменения у взрослых людей встречаются крайне редко.

И все же, если говорить о сдвигах в направлении большей открытости, они касались не только добровольцев, участников эксперимента, но и других людей, в частности сиделок, которых, по их словам, само нахождение подле участников, совершавших свои путешествия, и наблюдение за ними тоже кардинально изменили, причем иногда самым неожиданным образом. Вот что поведала мне Кэтрин Маклин, под наблюдением которой прошла не одна дюжина сеансов во время ее работы в центре Хопкинса: «В самом начале эксперимента я была атеисткой, но мне изо дня в день пришлось видеть и наблюдать такие вещи, которые противоречили этому атеистическому убеждению. Чем дольше я сидела с людьми, уносившимися с помощью псилоцибина в неизведанное, тем более таинственным становился мой собственный мир».

Во время моей последней встречи с Ричардом Бутби (мы с ним неспешно обедали солнечным воскресным утром в одной из кофеен в Балтиморском музее современного искусства) он в конце трапезы посмотрел на меня

со странным выражением на лице, где почти евангелическая страсть к обретенным «сокровищам», мельком увиденным им во время псилоцибиновых трипов, смешивалась с изрядной долей жалости к своему наивному и все еще несведущему в отношении галлюциногенов собеседнику, то есть ко мне, и сказал: «Я не виню вас за то, что вы мне завидуете».

* * *

Да, мои встречи с участниками псилоцибинового эксперимента не прошли для меня даром, оставив во мне чувство зависти, а заодно вызвав кучу вопросов, которых было куда больше, чем ответов. Как мы должны расценивать те «озарения», с которыми вернулись эти люди после своих внутренних путешествий? Какими полномочиями мы можем и должны их наделить? Что представляет собой тот материал, из которого формируются эти сны наяву или из которого состоят, как выразился один из участников, эти «интрапсихические фильмы»? Откуда они берутся? Из материи бессознательного? Из сложной смеси предположений, высказанных «проводниками», и обстановки самого эксперимента? Или, как считают многие участники, откуда-то «оттуда», из того, что «за гранью»? И что, в конечном счете, *значат* для наших попыток понять человеческий ум или Вселенную все эти мистические состояния сознания?

Для самого Роланда Гриффитса его встречи с участниками исследований, проводившихся в 2006 году, обернулись тем, что в нем опять вспыхнула страсть к науке, оставив, тем не менее, глубокое уважение ко всему, что неведомо науке, к тому, что он склонен называть просто — «тайны».

— Для меня все эти данные [результаты первых сеансов] были... мне не нравится слово «шокирующие», не хочу его употреблять… нет, скорее беспрецедентными, потому как мы видели вещи действительно беспрецедентные и по глубине их смысла, и по длительности и значимости их духовного воздействия. Я раздал кучу наркотиков множеству самых разных людей, и что в итоге? А в итоге получаем опыт, их побочную реакцию на эти препараты. Что уникально при работе с психоделиками, так это то значение, которое в их и моих глазах обретает этот опыт.

Насколько истинно это значение? Сам Гриффитс агностик, но обладает необычайно широким кругозором и относится без предубеждения к чему-то новому, даже к сообщениям своих подопечных, полученным, что называется, из первых рук, об их пребывании «за гранью реальности», как они это называют.

— Я стремлюсь брать в расчет любую возможность, даже ту, что эти переживания могут быть истинными, а могут и не быть, — сказал он мне. — Самое волнующее здесь — это возможность использовать те инструменты, которые имеются в нашем распоряжении, чтобы с их помощью исследовать и раскрыть эту тайну.

Но не все его коллеги столь же непредвзяты, как он. Во время одной из наших встреч (мы завтракали на солнечной террасе его скромного ранчо в пригородах Балтимора) Гриффитс упомянул одного из своих коллег по больнице, известного психиатра по имени Пол Макхью, который отвергает психоделический опыт на том-де основании, что это не более чем одна из форм «токсического бреда».

— Погугли по фамилии Макхью, и сам увидишь, — подзуживает он.

«Врачи постоянно встречаются с этим странным и зрелищным состоянием сознания, наблюдающимся у пациентов, страдающих прогрессирующим заболеванием печени, почек и легких, при котором токсичные продукты, накапливаясь в теле, воздействуют на мозг и ум точно так же, как ЛСД, — пишет Макхью в своей рецензии на книгу о Гарвардском псилоцибиновом проекте, напечатанной в журнале *Commentary*. — Живость цветового восприятия, слияние и переплетение физических чувств, галлюцинации, дезориентация и потеря чувства времени, обманчивые радости и страхи, которые, подобно волнам, то накатываются, то отходят, вызывая непредсказуемые ощущения и поступки, — вот те печальные и всем нам знакомые симптомы, которые врачам приходится лечить в больницах и госпиталях чуть ли не каждый день».

Гриффитс допускает возможность того, что все вышеописанное является некой формой временного психоза, и планирует посвятить ближайший эксперимент исследованию бреда, но он сильно сомневается, что этот диагноз полностью покрывает то, что происходит с его подопечными.

— Пациенты, которых донимает бред, находят это состояние крайне неприятным для себя, — указывает он, — поэтому они, конечно же, не приходят месяцы спустя и не признаются: «Ах, это было одно из самых значительных переживаний в моей жизни».

Уильям Джеймс, рассуждая о мистических состояниях сознания, тоже поднимает вопрос о достоверности увиденного и пережитого. И приходит к выводу, что смысл и значение этих переживаний являются и должны быть «авторитетными для тех людей, которые их испытали», однако что касается всех прочих, говорит он, то им нет абсолютно никакого смысла «некритично подходить к этим откровениям». И все же, считает он, сама возможность того, что люди могут овладевать этими состояниями сознания, должна повлиять на наше понимание разума и мира: «Существование мистических состояний полностью опровергает притязание не-мистических состояний быть единственными и исключительными глашатаями того, во что мы можем или не можем верить». Эти альтернативные формы сознания, «несмотря на все недоумения, могли бы стать незаменимыми этапами в нашем приближении к истине в ее окончательной полноте». В таких переживаниях, где ум «воспаряет к более объемлющей точке зрения», он видит намеки на великое метафизическое «примирение»: «Оно такого рода, словно все противоположности мира, противоречия и конфликты между которыми создают все наши трудности и проблемы, слились в единое целое». И это конечное единство, подозревает он, не является просто заблуждением.

* * *

Сегодня Роланд Гриффитс рассуждает как ученый, глубоко преданный — как и в былые времена — своим исследованиям.

— Я уже рассказывал о том, что, впервые соприкоснувшись с медитацией, я почувствовал неудовлетворенность своей работой, начал терять к ней интерес и подумывал вообще ее бросить. Сейчас же я чувствую, что она вновь мне интересна, причем более, чем когда-либо прежде. Я снова с нею сросся, и у меня пробудился еще больший

интерес к вечным вопросам и экзистенциальным истинам, наложенный на чувство благоволения, сострадания и любви, которое я обрел в ходе медитативных практик. И со всеми этими дарованиями я снова прихожу в лабораторию. Чувство потрясающее!

Мысль о том, что мы с помощью научных методов можем достичь мистических состояний сознания и исследовать их, побуждает Роланда Гриффитса радостно просыпаться по утрам и включаться в жизнь. «Если ты можешь создать условие, при котором семьдесят процентов людей скажут, что судьба послала им одно из самых значительных переживаний в жизни… ну, тогда этот научный феномен я как ученый счел бы попросту невероятным». В самом деле, для него весь смысл результатов эксперимента 2006 года сводится к доказательству того, что «исследования зарекомендовали себя как перспективные, и теперь мы с полным правом изучаем» мистические состояния сознания, «потому что можем воспроизвести их с высокой долей вероятности. Именно так наука набирает обороты и доказывает свою эффективность». Работа с псилоцибином, считает он, открыла для научного исследования совершенно новые области человеческого сознания. «Самому себе я кажусь ребенком, попавшим в кондитерский магазин».

Тот рискованный поворот в научной карьере, на который Роланд Гриффитс отважился в 1998 году, когда он решил посвятить себя исследованию психоделиков и мистического опыта, полностью себя оправдал. За месяц до нашего совместного завтрака Колледж по проблемам наркозависимости присудил ему «Эдди», самую, пожалуй, престижную премию, вручаемую за значительные достижения в этой области. Все номинанты отмечали работу Гриффитса с психоделиками как один из самых знаковых его вкладов в науку. После публикации в 2006 году отчета о проделанной работе объем самой этой работы значительно расширился; например, когда в 2015 году я последний раз посетил медицинский центр Хопкинса, там над различными проектами, связанными с исследованием психоделиков, работали двадцать человек, специалистов высокого уровня. Со времен Спринг-Гров не было еще столь сильной организационной поддержки психоделических исследований, и никогда еще учреждение со столь высокой

репутацией, как Университет Джонса Хопкинса, не задействовало так много ресурсов на изучение так называемых мистических состояний сознания.

При этом сотрудники научно-исследовательской лаборатории Хопкинса по-прежнему живо интересуются и вопросами изучения духовности, и «улучшением породы здоровых людей» (нельзя не сказать, что попутно проводятся опыты с людьми, облеченными духовным саном, и с теми, кто долго занимается медитативными практиками, с целью изучить воздействие на них псилоцибина), однако в первую очередь лаборатория изучает именно мистический опыт, который не только оказывает трансформирующее воздействие на сознание человека, но и вызывает устойчивый терапевтический эффект. Проведенные исследования показывают, что псилоцибин — или, скорее, мистическое состояние сознания, вызываемое псилоцибином, — может быть весьма полезен при лечении как зависимостей (экспериментальное исследование по отказу от курения, например, дало беспрецедентный успех — 80 %), так и недугов, вызванных экзистенциальными проблемами, донимающими людей, которым поставлен смертельный диагноз. Во время нашей последней встречи Гриффитс как раз собирался отправить в печать статью, сообщающую о поразительных результатах лабораторных испытаний, где псилоцибин использовали для лечения тревожных и депрессивных состояний онкологических больных; исследования показали, что эффект от лечения псилоцибином превосходит все имеющиеся положительные показатели, когда-либо достигнутые путем психиатрического вмешательства. Действительно, рассказы подавляющего большинства участников, имевших мистических опыт, свидетельствуют о том, что после этого донимавший их страх перед смертью или значительно уменьшился, или исчез полностью.

И опять же, который уже раз встает трудный вопрос о значении и авторитете подобного опыта, особенно когда под его влиянием люди приходят к убеждению, что сознание не ограничено одним только мозгом и каким-то образом способно пережить нашу смерть. И даже к подобным вопросам Гриффитс подходит со всей широтой своего кругозора и непредвзятого ума: «Преобразующая феноменология этих переживаний настолько убедительна, что

я склонен полагать: здесь есть некая тайна, которую мы пока что не можем понять».

Да, Гриффитс, безусловно, далеко ушел от того строгого бихевиоризма, который когда-то составлял основу его научного мировоззрения; соприкосновение с альтернативными состояниями сознания, как собственными, так и участников эксперимента, открыло перед ним возможности, о которых отваживаются открыто говорить лишь очень немногие ученые.

— Что же происходит после смерти? Все, что мне нужно, — это один процент [неопределенности]. Для меня нет ничего более интересного, чем думать о том, что я открою или, наоборот, не открою в момент смерти. Это самый интересный вопрос из всех, которые меня занимают. — Именно поэтому он так страстно надеется, что его не задавит автобус и что у него будет достаточно времени, чтобы «насладиться» посмертными переживаниями, не отвлекаясь на боль. — Западный материализм утверждает: рубильник жизни вырубается, и на этом все, конец! Но ведь существует и множество других представлений. Вполне может быть, что это только начало. Разве это не удивительно?

Именно в этот момент Гриффитс переключился с себя на меня и начал задавать мне вопросы о моих духовных взглядах и воззрениях, вопросы, к которым я был совершенно не готов.

— Как вы можете быть уверены в том, что после смерти ничего нет? — спросил он. Я попробовал было увильнуть, но он был настойчив: — Каковы, по вашему мнению, шансы на то, что жизнь со смертью не заканчивается? Желательно в процентах.

— Да откуда ж мне знать? — отбивался я. — Ну, возможно, два или три процента, не больше.

Я до сих пор не знаю, откуда взялись эти два-три процента, но Гриффитс ухватился за них, как утопающий за соломинку:

— Так много?

Но я, воспользовавшись моментом, решил перевести стрелки и задал тот же самый вопрос ему.

— Не знаю, смогу ли я ответить на него, а главное, захочу ли, — рассмеялся он, бросая взгляд на мой диктофон. — Все зависит от того, какая на мне будет шляпа.

Ага! Оказывается, у Роланда Гриффитса не одна, а несколько шляп! У меня же только одна, и это обстоятельство почему-то пробудило во мне чувство мелкой зависти.

Если сравнивать Роланда Гриффитса с другими учеными (или, как в данном случае, с другими типами духовно продвинутых людей), то он в избытке обладает тем, что Китс применительно к Шекспиру называл «отрицательной способностью», то есть умением существовать среди неопределенностей, тайн и сомнений, не доходя до абсолютов, будь то абсолюты в науке или духовности.

— Говорить сегодня, что я на все сто процентов убежден в истинности материального мировоззрения, имеет не больше смысла, чем говорить, что я на все сто процентов убежден в истинности описанных в Библии событий.

Во время нашей последней встречи (мы обедали в бистро в одном из пригородов Балтимора по соседству с его домом) я пытался вовлечь Гриффитса в дискуссию о ярко выраженном конфликте между наукой и духовностью, чтобы дать ему возможность высказаться по этому поводу. Я спросил его, согласен ли он с утверждением Эдварда Уилсона, сказавшего, что все мы в конечном итоге должны сделать выбор: следовать стезей или науки, или духовности. Но Гриффитс не считает, что эти два пути познания взаимно исключают друг друга, и он равно не терпит абсолютистов по обе стороны предложенного водораздела. Скорее он надеется на то, что эти два пути сумеют объединиться и смогут дополнять друг друга, исправляя взаимные просчеты и недочеты, и благодаря такому взаимообмену помогут нам поднять, а затем, возможно, и решить стоящие перед нами глобальные вопросы. Затем я прочел ему письмо от Хьюстона Смита, ученого, подвизающегося в сравнительном религиоведении, который в 1962 году участвовал в качестве добровольца в Бостонском эксперименте Уолтера Панке. Письмо было написано Бобу Джесси вскоре после публикации в 2006 году знаковой работы Гриффитса; Джесси любезно предоставил его в мое распоряжение на время работы над книгой.

«Эксперимент в больнице Джонса Хопкинса показывает, точнее — доказывает, что в условиях всесторонне контролируемого эксперимента псилоцибин может вызы-

вать настоящие мистические откровения. С помощью науки, доверие к которой питает современность, он самым решительным образом подрывает секуляризм этой современности. И тем самым дает надежду не на что иное, как на повторную сакрализацию природного и социального мира, надежду на духовное возрождение, являющуюся лучшей защитой не только от бездушия, но и от религиозного фанатизма. И он делает это в пику тем ненаучным предрассудкам, на основе которых принимались ныне действующие законы о наркотиках».

Читая вслух письмо Смита, я видел, как на лице Гриффитса расцветает блаженная улыбка; он был настолько тронут и обезоружен услышанным, что в ответ только и произнес: «Это прекрасно».

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ С ПОЗИЦИИ ГРИБОВ

В конце моей первой встречи с Роландом Гриффитсом (она, если помните, проходила в его кабинете в медицинском центре Джонса Хопкинса), во время которой мы коснулись такой темы, как его собственный мистический опыт, моей оценки шансов на загробную жизнь и возможности того, сможет ли псилоцибин изменить жизнь человека и обладает ли он подобным потенциалом, ученый встал из-за стола, распрямил свое долговязое тело и, сунув руку в карман брюк, достал оттуда небольшой медальон.

— Это от меня скромный подарок, — сказал он, показывая мне медальон. — Но сначала ответьте на один вопрос. — Он помедлил секунду и, глядя мне прямо в глаза, спросил: — Осознаете ли вы в данный момент то, что сознаете?

Немного озадаченный, я задумался на миг (миг, который мне показался очень долгим и вынужденным), а затем кивнул головой и утвердительно ответил «да». Видимо, этот ответ вполне устроил Гриффитса, так как он протянул мне медальон, сделанный в форме монеты. На аверсе красовался квартет *Psilocybe cubensis* на длинных, тонких, изгибающихся ножках, один из самых распространенных видов волшебных грибов. А на реверсе была выбита цитата из Уильяма Блейка, которая, как дошло до меня чуть позже, очень хорошо отражала путь и ученого, и мистика, объединяя их воедино: «Эксперимент — вот истинный метод обретения знаний».

Если не ошибаюсь, прошлым летом Роланд впервые побывал на фестивале искусств «Горящий человек» (*а сам-то я слышал о нем к тому моменту?*), и когда ему сказали, что в фестивальном городке в ходу не звонкая монета, а только подарки, он заказал себе медальоны с изображением грибов,

чтобы раздавать их или обменивать на что-то другое. Теперь он вручает их на память добровольцам, участвующим в его исследовательской программе. Собственно, в тот раз Гриффитс сильно удивил меня, причем не единожды, а дважды. Во-первых, тем, что ученый его уровня посещает фестиваль искусств, посвященный психоделикам, а во-вторых, тем, что он счел целесообразным выбрать в качестве подарка монету с изображением псилоцибиновых грибов.

В каком-то смысле медальон с изображением грибов логически вполне оправдан, потому как та молекула, над которой Гриффитс с коллегами бьется последние 15 лет, в конце концов производится именно псилоцибином, то есть грибом. Но сам гриб и его психоактивные соединения не были известны ученым вплоть до 1950-х годов, когда псилоцибин был открыт в Южной Мексике, где масатеки, тамошний коренной народ, втайне использовали эту «плоть богов» для лечения и ворожбы задолго до появления там испанцев. Помимо грибов из керамики, стоящих, с чисто декоративной целью, на полках в наркологическом кабинете, где проходят психоделические сеансы, есть несколько таких же «волшебных грибов» и в лаборатории. Но ни один из тех людей, с которыми я беседовал в центре Хопкинса, не упомянул о том поразительном факте, что те судьбоносные переживания, о коих рассказывали участники эксперимента, вызваны действием химических соединений, найденных не просто в природе, а именно в грибах.

Впрочем, в контексте лабораторных исследований довольно легко упустить из виду сей поразительный факт. Все ученые, занимающиеся сегодня психоделическими исследованиями, работают исключительно с синтетической версией псилоцибиновой молекулы. (Если помните, психоактивное соединение, вырабатываемое грибом, было впервые найдено, синтезировано и названо в конце 1950-х годов Альбертом Хофманом, швейцарским химиком, открывшим ЛСД.) Поэтому участникам дают не горсть длинных, искривленных и едких на вкус грибов, а маленькую белую таблетку, изготовленную тут же, в лаборатории. И их путешествия в неизведанное проходят в окружении, образно говоря, медицинской свиты, состоящей из мужчин и женщин в белых халатах. Полагаю, это обычный эффект дистанцирования

в действии, как он применяется в современной науке, но здесь он несколько усугубляется специфическим желанием обособить псилоцибин от его запутанных корней (или, лучше сказать, от мицелия), уходящих в почву мира молодежной контркультуры 1960-х годов, шаманизма американских индейцев и, возможно, самой природы. потому как именно здесь, в природе, мы сталкиваемся с тайной маленького коричневого грибка, наделенного силой изменять сознание животных, которые его поедают. Ведь и ЛСД, если помните, тоже был выделен из гриба, *Claviceps purpurea*, или спорыньи. Каким-то образом и по причине, нам пока не понятной, эти замечательные грибы производят, помимо спор, некие смыслы в человеческом разуме.

То время, что я провел в лаборатории и медицинском центре Хопкинса и посвятил беседам с людьми, совершившими псилоцибиновые трипы, не прошло для меня даром: во мне чем дальше, тем все больше и больше рос интерес к другой, пока еще не исследованной территории — естествознанию, или, говоря точнее, к естественной истории грибов и их чудесной силе. Где растут эти грибы и в каких условиях? Откуда у них эта способность — вырабатывать химическое соединение, настолько близкое по своим свойствам нейромедиатору серотонину, что оно может просочиться через гематоэнцефалический барьер и временно подчинить себе мозг млекопитающих? Не является ли этой, своего рода химической защитой, вырабатываемой грибами против тех, кто ими питается? Объяснение хотя и прямолинейное, но вполне правдоподобное, если бы только не тот факт, что этот галлюциноген вырабатывается почти исключительно в «плодовом теле» гриба, то есть в той части грибного организма, которая *предназначена* для употребления в пищу. Возможно, гриб пожинает какую-то пользу от того, что, будучи съеденным, он меняет сознание поедающих его животных?* Но какую?

---

* Если подходить к этому явлению чисто научно, то плодовое тело гриба — это репродуктивный орган. В принципе, грибы вполне можно сравнить с теми же яблоками, растущими на яблонях; просто грибы, в отличие от яблок, растут под землей и торчат вверх, а не свисают вниз. Действительно, большая часть грибного организма находится под землей в виде мицелия, представляющего собой белые паутинообразные, толщиной в одну клетку, нити, обиль-

Существование в природе гриба, способного не только менять сознание человека, но и вызывать у него яркие мистические переживания и озарения, наводит на серьезные размышления и ставит перед нами ряд философских вопросов. Сам этот факт можно интерпретировать двумя совершенно разными способами. Первая, и самая очевидная, интерпретация: мол, способность псилоцибина воздействовать на сознание человека вполне подтверждает мировоззренческие позиции материализма и его трактовку сознания и духовности, потому как причину изменений, наблюдаемых в сознании, можно прямо объяснить наличием в нем химического препарата — псилоцибина. Найти ли более материальный элемент, чем химикат? Если исходить из воздействия психоделиков, то можно прийти к вполне логичному заключению, что боги есть не что иное, как химически индуцированные плоды гоминидного воображения.

Удивительно здесь то, что большинство людей, имевших эти переживания и озарения, совершенно не согласны с такой трактовкой вопроса. Даже самые далекие от Бога и духовности люди возвращаются из своих внутренних путешествий с убеждением, что за материальной реальностью (так сказать, «за гранью») имеется нечто, не поддающееся материалистическому пониманию и превосходящее его. Не то чтобы они отрицали натуралистическую основу этого откровения — нет, просто они интерпретируют ее совершенно иначе.

Если трансцендентальный опыт вызывается молекулой, способной проницать наш мозг и природный мир растений и грибов, то природа, вероятно, не так уж нема и безъязыка, как это твердит Наука, и *где-то там,* в природе или в других мирах, существует «Дух», кто бы и как его ни определял, то есть нечто вечно сущностное, имманентное — вера, которой до сих придерживаются представители бесчисленных архаичных культур. То, что моему (духовно обедненному) уму кажется вполне приемлемой основой для *разочарова-*

но пронизывающие почву. Но поскольку развитие этих подземных структур не поддается ни наблюдению, ни исследованию — их нельзя выкопать, не повредив их нежную ткань, — то нам не остается ничего иного, как фокусироваться на самих грибах, тех, что доступны нашему зрению, хотя они всего лишь малая вершина громадного грибного айсберга.

ния в мире, уму более психоделически подкованному представляется неопровержимым доказательством его несокрушимого очарования. «Плоть богов», как-никак!

Вот тут-то и возникает любопытный парадокс. Ведь тот же самый феномен, который подкрепляет материалистическое объяснение духовной и религиозной веры, одновременно вызывает у людей переживания настолько яркие и сильные, что под их влиянием они приходят к твердому убеждению о существовании иной, нематериальной реальности — незыблемой основы религиозной веры.

Я надеялся, что, добыв знание о психоактивных МКГ (часто использующаяся в микологии аббревиатура термина «маленькие коричневые грибы»), стоящих у истоков этого парадокса, я мог бы прояснить существо этого вопроса или каким-то образом решить его. Я в определенной мере являюсь заядлым грибником, который нисколько не сомневается в своей способности точно определить и назвать собранные им съедобные дары леса (лисички, сморчки, вороночники рожковидные и белые грибы), как и в своей почти непогрешимой уверенности, что все их можно есть без вреда для здоровья. Однако, как внушили мне мои учителя, мир МКГ гораздо более сложен и опасен, чем мир их лесных сородичей: очень многие, если не большинство видов МКГ, крайне ядовиты и способны в одночасье отправить вас в мир иной. Тем не менее с помощью экспертного справочника я надеюсь не только пополнить свой репертуар заядлого грибника, расширив его за счет *псилоцибе* и еще одного или двух их сородичей, но и в ходе этого процесса раскрыть перед вами тайну их существования и мистических сил.

* * *

У меня никогда не было сомнений: единственный, кто лучше всего помог бы мне разобраться во всем этом (при условии, что он сам был бы не против), — это Пол Стеметс, миколог из Вашингтона, автор книги «*Псилоцибиновые грибы мира*» (1996), весьма основательного и авторитетного справочника в этой отрасли знания. Стеметс лично «предал огласке», то есть обнаружил, распознал и описал в престижном научном журнале, четыре новых вида

Psilocybe, включая и *Azurescens*, названные по имени его сына, Азуревса*, самые, пожалуй, психоделические грибы из всех ныне известных. Несмотря на то что Стеметс один из самых уважаемых и высокочтимых микологов страны, он не принадлежит к академическим кругам, у него нет научной степени, он сам финансирует большую часть своих исследований**, а его взгляды на роль грибов в природе расходятся с общепринятыми в науке, потому как (и он сам вам с радостью расскажет об этом) всем своим открытиям в этой области он обязан исключительно самим грибам, которые он долгие годы старательно изучает и, естественно, употребляет в пищу.

Я знаю Стеметса многие годы, хотя не знаком с ним близко и слежу за его работой издалека, сохраняя то, что можно было бы назвать скептической дистанцией. Его неуемное восхищение силой грибов, его восторженные панегирики самому себе и своей работе с грибами, проводимой под эгидой таких организаций, как Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США и Национальные институты здравоохранения, рассчитаны на то, чтобы (уж не знаю, правильно или неправильно, как это часто и случается с ним) сбить журналистов с толку и не дать им добраться до сути.

За эти годы я неоднократно встречался с ним на различных конференциях и имел возможность слушать его доклады, представлявшие собой занимательную (и часто блестящую) мешанину из точных наук и визионерских размышлений, границу между которыми часто просто невозможно различить. Его знаменитое выступление на TED-конференции в 2008 году, очень основательное и содержательное, транслировалось онлайн и просматривалось пользователями Интернета более четырех миллионов раз.

---

* Собственно, этот вопрос даже немного сложнее. Дело в том, что своего сына Стеметс назвал по синеватому цвету, который со временем приобретают *псилоцибы*, а уж затем по имени сына назвал самые синие из них.

** С 1984 года Стеметс возглавляет очень успешную компанию *Fungi Perfecti*, которая продает пищевые добавки на основе лечебных грибов, споры и принадлежности для выращивания съедобных грибов, а также различные хозяйственные мелочи, так или иначе связанные с грибами и уходом за ними.

Стеметс (он родился в 1955 году в Салеме, Огайо) — это крупный волосатый мужчина с бородой и медвежьим лицом; я не удивился, когда узнал, что в молодости он работал лесорубом на северо-западе тихоокеанского побережья США. В повседневной жизни он обычно носит фетровую шляпу в альпийском стиле — вернее, она только внешне кажется таковой, а на самом деле, если верить его собственным словам, сделана в Трансильвании из материала, называемого амаду (*amadou*), состоящего из внутренней губчатой роговой ткани лошадиного копыта (*Fomes fomentarius*) и трутовика, гриба, растущего на некоторых видах мертвых или умирающих деревьев. Амаду — легко воспламеняющийся материал, который в древности использовался для разжигания и переноса огня. Эци — так назвали мумию древнего человека (его возраст 5000 лет), найденного в 1991 году на одном из ледников альпийской гряды Карвендель, — имел при себе сумку, в которой был обнаружен кусочек амаду. Благодаря противомикробным свойствам *Fomes fomentarius* использовался также для перевязки ран и хранения пищи. Стеметс настолько глубоко погрузился в мир грибов, что не редкость увидеть один из них запутавшимся в его волосах или красующимся прямо на его голове.

Мир грибов — это одно из самых малоизученных и мало ценимых царств на земле. Хотя грибы насущно важны и незаменимы для здоровья планеты (ибо они перерабатывают органическое вещество и формируют почвенный слой), они в то же время являются жертвами не только нашего варварского отношения к ним, но и нашей глубоко укоренившейся недоброжелательности — той микофобии, которую Стеметс считает некой разновидностью «биологического расизма». Если оставить в стороне вопрос о ядовитости грибов (а в мире случаев отравления грибами действительно немало), то я, возможно, удивлю вас, сказав, что генетически мы, люди, гораздо ближе к грибному царству, чем к растительному. Как и мы, грибы тоже живут за счет солнечной энергии, которую аккумулируют растения. Стеметс сделал это задачей своей жизни — обратить недоброжелательность к грибам в доброжелательность к ним, и он осуществляет эту задачу, выступая от имени грибов и демонстрируя их потенциал, который, оказывается, можно использовать для решения множества глобальных проблем Земли. Действительно, его самая популярная лекция так

и называется: «Как грибы могут спасти мир» (и это же название вынесено в подзаголовок его книги «*Мицелий в движении*», 2005). Когда выслушаешь ее до конца, то это смелое притязание уже не покажется таким уж гиперболическим.

Я прекрасно помню тот момент, когда впервые услышал лекцию Стеметса, посвященную «микоремедиации» — термин, означающий использование грибов для очистки окружающей среды от загрязнения и промышленных отходов. Одна из функций, которую выполняют грибы в природе, — разрушуние сложных органических молекул; не будь грибов, наша Земля уже давно превратилась бы в гигантскую пустынную мусорную свалку, состоящую их мертвых, но не разложившихся тканей растений и животных. После того как в 1989 году танкер *Exxon Valdez* сел на мель в проливе Принца Вильгельма у берегов Аляски и из пробоины в его днище в море выплеснулись миллионы галлонов сырой нефти, Стеметс воскресил давнюю идею об использовании грибов для расщепления и разложения нефтехимических отбросов. Он показал два снимка: первый — с черной дымящейся кучей нефтяных осадков до того, как в нее были внесены споры вешенки обыкновенной, а второй, сделанный месяц спустя,— с той же кучей, но уменьшившейся на треть и покрытой толстым слоем белоснежных вешенок. Это было не просто представление, а настоящее торжество алхимии, которое я еще не скоро забуду.

Но надежды, которые Стеметс связывает с грибным царством, не ограничиваются одним лишь превращением нефтяных отходов в пахотную землю, а идут гораздо дальше. Действительно, в его видении будущего вряд ли есть такая экологическая или медицинская проблема, которую нельзя было бы решить с помощью грибов.

Рак? Доказано, что экстракт, выделенный из трутовика обыкновенного (*Trametes versicolor*), укрепляет организм больных раком, стимулируя их иммунную систему, благодаря чему они способны победить болезнь. (Стеметс утверждает, что использовал его для лечения своей матери, у которой был рак груди 4-й стадии.)

Биотерроризм? После теракта 9 сентября 2001 года, в соответствии с программой биологической защиты, утвержденной федеральным правительством, из коллекций Сте-

метса были изъяты и проверены на активность сотни штаммов редких грибов, среди коих были найдены несколько видов, способных противостоять таким болезням, как атипичная пневмония, оспа, герпес, птичий и свиной грипп. (Если это кажется вам неправдоподобным, вспомните, откуда добывают пенициллин: из плесневого гриба.)

Синдром разрушения пчелиных колоний? Увидев, как пчелы садятся на поленницу, поедая скопившийся в древесине мицелий, Стеметс призадумался над этим явлением, а затем в ходе проведенного исследования установил, что пчелы поступают так потому, что некоторые виды грибов повышают сопротивляемость их организма к инфекции и синдрому разрушения колоний.

Нашествие насекомых-вредителей? Несколько лет тому назад Стеметс получил патент на «микопестицид» — *кордицепс* (*Cordyceps*), паразитирующий гриб-мутант из рода спорыньевых грибов, который, попав в организм муравьев-древоточцев или будучи съеден ими, колонизирует их тела и убивает их: индуцированный химическим веществом муравей, забравшись куда-нибудь на верхотуру (ветку или лист дерева), начинает срывать гриб с поверхности своей головы, убивая себя и одновременно пуская его споры по ветру.

Когда я второй или третий раз просматривал видеофильм Стеметса, демонстрирующий, как *кордицепс* расправляется с муравьем, как он распоряжается его телом, заставляя его делать то, что нужно, то есть выдирать гриб из мозга, разбрасывая вокруг грибные споры, мне вдруг пришло в голову, что между Стеметсом и этим несчастным насекомым много общего. Нет, гриб не убил Стеметса, что верно, то верно, и Стеметс, вероятно, знает достаточно много о грибных кознях, чтобы избавить свою голову от подобной участи. Но верно также и то, что жизнью этого человека — его мозгом! — грибы завладели практически безраздельно: он всего себя посвятил грибному делу и даже говорит от имени грибов, так же как Лоракс, герой одноименной книги Доктора Сьюза, американского детского писателя, говорит от имени деревьев. Он рассеивает грибные споры вдаль и вширь, помогая им — или с помощью почтовых заказов, или благодаря своему неукротимому энтузиазму — расширять диапазон своего влияния и распространять свои послания.

* * *

Не думаю, что я скажу о Поле Стеметсе что-то такое, чему бы он воспротивился и против чего стал бы возражать. В своей книге он пишет, что мицелий — обширная паутинообразная беловатая сеть трубочных волокон, пронизывающих почву и называемых гифами, с помощью которых грибница прокладывает себе путь вдаль и вширь, — это некая «разумная мембрана», «неврологическая система природы». Собственно, даже в названии его книги «*Мицелий в движении*» (*Mycelium Running*) заложен двойной смысл*: с одной стороны, мицелий действительно постоянно находится в непрестанном движении, продираясь сквозь землю и играя решающую роль в формировании почвы, тем самым сшивая воедино все пространство леса и поддерживая в добром здравии растения и животных; а с другой стороны, мицелий, с точки зрения Стеметса, подобно компьютерной программе, управляет всем этим грандиозным представлением — и природой в целом, и сознанием отдельных существ, включая и самого Пола Стеметса (он бы сам первый сказал вам об этом). «Грибы — посланники природы, доставляющие нам ее сообщения, — любит он повторять. — Именно этот зов я и улавливаю».

И, тем не менее, именно эти фантастические идеи Стеметса (не все, разумеется, а некоторые из них) легли в основу научного фундамента, на котором основываются многие его постулаты. Уже много лет Стеметс внушает человечеству мысль о том, что обширная паутина мицелия, пронизывающая почву, — это не что иное, как «природный Интернет Земли», невероятно сложная, разветвленная, самовосстанавливающаяся и масштабируемая сеть связи, соединяющая между собой удаленные друг от друга на огромные расстояния виды растений. (Самый большой организм на Земле — не кит и не дерево, а гриб, опенок настоящий: его грибница в Орегоне достигает в ширину 2,4 мили.) Эти грибницы, заключает Стеметс, в известной мере «разумны»: они «осознают» окружающую среду и готовы должным образом отреагировать на возникающие препятствия. Когда эти идеи впервые дошли до

---

* В английском языке слово *running* имеет двойное значение: 1) бегущий, быстро движущийся; и 2) управляющий, распоряжающийся чем-либо. — *Прим. перев.*

меня, я счел их в лучшем случае какими-то сказочными метафорами. Но в течение года сеть научных исследований в этом направлении разрослась (причем на моих глазах) настолько, что мне поневоле пришлось признать: это не просто метафоры, а нечто гораздо большее. Эксперименты с миксомицетами, или слизевиками, показали, что эти организмы могут перемещаться в лабиринтах в поисках пищи: они чувственно улавливают ее местонахождение и начинают расти в этом направлении. Мицелии связывают между собой, от корня к корню, деревья в лесу, не только снабжая их питательными веществами, но и выступая в качестве средства связи, передающего информацию об опасностях, угрожающих окружающей среде, благодаря чему деревья, находящиеся в безопасной зоне, выборочно передают свои питательные вещества тем деревьям, которым грозит гибель, с целью их поддержания*. Лес — куда более сложная, общительная и разумная сущность, нежели мы думаем, и организаторами этого древесного сообщества являются именно грибы.

Идеи и теории Стеметса оказались гораздо более жизнеспособными, долговременными и практичными, чем мне вначале представлялось. И это стало еще одной причиной, почему я загорелся мыслью навестить Стеметса и уделить ему толику времени: мне было любопытно узнать, насколько его собственные опыты с псилоцибином повлияли на его мышление и труд жизни и в какой степени их окрасили. И все же я не до конца был уверен в том, что он согласится рассказывать о псилоцибине при включенном диктофоне, и еще меньше в том, что он возьмет меня с собой на «грибную охоту», он, успешный бизнесмен, имеющий в своем

---

* Ученые из Университета Британской Колумбии сделали нескольким елям инъекцию радиоактивных изотопов углерода и затем отследили распространение этих изотопов в лесном сообществе с помощью различных измерительных приборов, включая и счетчики Гейгера. В течение нескольких дней изотопы перебрасывались от одного дерева к другому, пока не распределились на всем пространстве данного лесного массива. Каждое дерево на участке в 30 квадратных метров было включено в эту сеть и связано с нею; самые старые деревья выступали центрами этих сетевых структур, причем некоторые из них насчитывали до 47 линий связи. Диаграмма лесной сети напоминала карту Интернета. Эту, на взгляд Стеметса, очень скромную, тончайшую сеть один из ученых, сотрудников университета, в своей работе удвоил и даже утроил, так что под его пером она превратилась в «паутину толщиной с дерево».

научном багаже 8 патентов, выданных на его имя, и сотрудничающий с такими учреждениями, как Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США, Национальные институты здравоохранения и Ливерморская национальная лаборатория. В тех сравнительно недавних интервью и лекциях, которые мне удалось отыскать в Интернете, он редко говорит о псилоцибине и в списке своих научных публикаций часто опускает упоминание о справочнике по грибам. Более того, он даже удосужился принять несколько престижных наград от Американского микологического общества и Американской ассоциации содействия развитию науки. Все говорит за то, что Пол Стеметс сделался законопослушным гражданином. Да, видимо, не самое подходящее время для визита.

* * *

К счастью, я оказался не прав. Когда я позвонил Стеметсу домой (он живет в городишке Камилче, штат Вашингтон) и сказал, кто я такой и что мне от него нужно, он сразу пошел мне навстречу: большей откровенности и сговорчивости я не мог бы и пожелать. Мы долго говорили о псилоцибиновых грибах, и вскоре выяснилось, что эта тема была и остается предметом его пристального внимания. Он знал все о работе, проводившейся в медицинском центре Хопкинса; в сущности, именно он консультировал команду тамошних специалистов, когда они искали пути, как подобраться к источнику псилоцибина. Насколько я понимаю, возобновление университетских исследований, на сей раз в рамках закона, побудило Стеметса вновь вернуться к этой, когда-то уже пройденной главе его жизни. Он даже вскользь упомянул, что вносит коррективы в свой справочник о псилоцибиновых грибах, изданный в 1996 году, рассчитывая выпустить его в новой редакции. Единственный диссонанс в нашем разговоре возник в тот момент, когда я, спросив, не возьмет ли он меня с собой на «грибную охоту», случайно обронил сленговое словечко, часто употребляемое в научных кругах вместо обычного «псилоцибин».

— Мне очень и очень не по душе это слово, — сказал он почти резко, тоном родителя, делающего выговор своему отпрыску, с уст которого сорвалось непристойное слово.

Больше это слово никогда не слетало с моих уст.

В конце разговора Стеметс пригласил меня к себе, в свой «заповедник», расположенный в бухточке Малый Скукум у самого основания полуострова Олимпик.

— А нельзя ли приехать в ту пору, когда плодоносят псилоцибе? — осторожно спросил я.

— Так они уже отошли, — сказал он. — Но если вы приедете сразу после Дня благодарения и погода не подведет, я покажу вам единственное место в мире, в устье реки Колумбия, где *Psilocybe azurescens* можно собирать практически постоянно.

Сказав мне название парка, где он впервые набрел на них в далеком прошлом, он добавил напоследок:

— Забронируйте нам юрту, но моего имени, пожалуйста, не упоминайте.

* * *

За те недели, что оставались до поездки в штат Вашингтон, я тщательно проштудировал справочник Стеметса, надеясь быть во всеоружии знаний, когда мы отправимся на грибную охоту. Оказалось, что в мире насчитывается более 200 видов грибов рода псилоцибе; правда, до сих пор неясно, всегда ли они произрастали в указанных местах или были занесены туда животными, проявляющими к грибам столь живой интерес. (Последние 700 лет, если верить Стеметсу, люди использовали их исключительно в культовых и обрядовых целях, но животные иногда тоже употребляли их в пищу — по причинам, остающимся до сих пор неясными.)

Псилоцибе — это сапрофиты, живущие за счет материи мертвых растений и навоза. Они населяют нарушенные земли, появляясь чаще всего в средах, возникших вследствие природных катастроф, таких как оползни, обвалы, наводнения, бури и извержения вулканов. Но не чураются они и экологических катастроф, вызванных неразумной деятельностью нашего вида, таких как вырубка леса, выемка грунта под дорогу, прогалины, сделанные бульдозерами, распашка целинных земель и многое другое. (Некоторые виды живут и плодоносят в навозных кучах, оставляемых жвачными животными.) Любопытно (хотя, возможно, ничего любопытного здесь нет), что самые паразитирующие виды этих грибов в дикой природе встреча-

ются гораздо реже, чем в населенных пунктах, особенно городах; их пристрастие к экологически нарушенным землям позволяет им завоевывать новые пространства, «следуя за потоками мусора», включая и тот, что оставляем мы. За последние годы повсеместно распространенная практика мульчирования древесной щепой расширила ареал их распространения настолько, что самые сильные виды псилоцибе, до этого обитавшие лишь на северо-западе тихоокеанского побережья, теперь плодоносят в местах, где мы, люди, занимаемся декоративным садоводством: в пригородных садах, городских парках, на огородах, кладбищах, в местах отдыха на скоростных шоссе, тюрьмах, учебных кампусах и даже, как любит отмечать Стеметс, на территориях судов и полицейских участков. «Псилоцибе и цивилизация, — пишет Стеметс, — продолжают сосуществовать и эволюционировать бок о бок».

«Ага! — скажете вы. — Раз так, то отыскать эти грибы проще простого». Действительно, после публикации статьи об исследованиях псилоцибина один из студентов по секрету сообщил мне, что после декабрьских дождей псилоцибе можно собирать даже в Беркли, на территории Калифорнийского университета, где я преподаю. «Присмотритесь к древесной щепке, — посоветовал он. — Они там повсюду». Воистину, с тех пор как я начал изучать фотографии грибов, которыми уснащен справочник Стеметса, я все больше и больше прихожу в отчаяние, поняв, что не в силах установить, к какому виду принадлежит тот или иной гриб, не говоря уже о том, чтобы суметь отличить один вид псилоцибов от другого.

Если судить по фотографиям, отдельный вид псилоцибе представляет собой довольно большую группу коричневых грибов, большинство которых совершенно невзрачны, причем один подвид практически неотличим от другого. Для сравнения скажу, что съедобные грибы, с которыми я знаком гораздо лучше, отличаются друг от друга так же четко, как тюльпан от розы, а пудель от датского дога. Да, конечно, у всех псилоцибе есть гимениальная пластинка, но от этого проку чуть, потому как у тысяч других грибов тоже есть такая же пластинка. Можно еще, конечно, попытаться разобраться в ошеломляющей смеси характеристик, из которых далеко не все представлены в этом классе. У одних псилоцибе есть на шляпке маленький выступ, или шишка-бугорок, — так называемый умбо,

а у других его нет. У одних шляпка «клейкая», то есть скользкая или слизистая, когда она мокрая, что придает грибу некий глянец, у других она матово-серая, невзрачная и тусклая, а у третьих, вроде *azurescens*, она молочно-карамельного цвета. У многих псилоцибе, хотя и не у всех, есть так называемая пелликула — покрывающий шляпку предохранительный слой из желеобразного материала, который при обработке грибов обычно счищают. Таким образом, по мере того как мой словарный запас по части грибов обогащался, моя уверенность в себе по части тех же грибов быстро сходила на нет — во многом так же, как и сам гриб, который в течение дня разлагается, оставляя после себя чернильную лужицу.

К тому времени, когда я добрался до четвертой главы (она называется «Какими опасностями чреваты ошибки при установлении вида грибов»), я был готов признать свое поражение. «Ошибки при установлении вида грибов могут повлечь летальный исход, — начинает Стеметс эту главу, потому как грибы, попав в организм, «могут привести к мучительной смерти», — заключает он, после чего следует цветной снимок, на котором представлен «волшебный гриб» — псилоцибе Станца (*Psilocybe stuntzii*), торчащая рядом с троицей почти не отличимых от нее и совершенно непримечательных ядовитых грибов вида галерина окаймленная (*Galerina autumnalis*).

Но если любителя-грибника, пытающегося разобраться в многочисленных псилоцибе, Стеметс призывает к предельной осмотрительности, то бывалого грибника, который не совсем обескуражен таким их обилием, он вооружает так называемыми «правилами Стеметса» — тройным тестом, благодаря которому, как он уверяет, можно предотвратить смерть и катастрофу.

«Как узнать, принадлежит ли данный гриб к виду, производящему псилоцибин, или нет? Если у пластинчатого гриба фиолетово-коричневые или черные споры, а его мякоть при надломе синеет, данный гриб, скорее всего, относится к виду, производящему псилоцибин». Данное описание, безусловно, служит большим подспорьем, но я бы все же предпочел нечто более категоричное, чем «скорее всего». После чего Стемест делает более отрезвляющее предостережение: «Мне не известны исключения из этого правила, однако это не значит, что их нет!»

Выучив наизусть это «правило Стеметса», я начал собирать приглянувшиеся мне пластинчатые МКГ (маленькие коричневые грибы), где только придется: в соседних дворах, по дороге на работу, на парковке у банка и так далее, — и, надламывая шляпки, смотрел, чернеет ли мякоть или синеет. Дело в том, что синий пигмент свидетельствует об окислившемся псилоцине, одном из двух главных психоактивных соединений псилоцибе. (Другое — это псилоцибин, преобразующийся в кишечнике в псилоцин.) Чтобы установить, какие у данного гриба споры: фиолетово-коричневые или черные, — я начал изготавливать их «отпечатки». Для этого нужно отсечь у гриба шляпку и поместить ее пленкой вниз на лист белой бумаги. (Или черной, если у вас есть основания считать, что у гриба черные споры.) В течение нескольких часов из шляпки гриба выделяются микроскопические споры, образующие на бумаге изящный теневой узор (чем-то напоминающий «романтический поцелуй», когда напомаженными губами касаешься белого листа бумаги), глядя на который пытаешься определить, какого он цвета: фиолетово-коричневый, или черный, или цвета ржавчины, в каковом случае можете не сомневаться, что у вас в руках побывала ядовитая галерина окаймленная.

Есть вещи, которые проще узнавать на собственном опыте, чем из книги. Поэтому, прежде чем принимать какое-либо окончательное решение, я счел более уместным немного выждать и провести какое-то время в дружеской компании моего Вергилия — человека, который будет, подобно древнеримскому поэту у Данте, сопровождать меня по кругам «грибного Ада».

* * *

На тот момент Пол Стеметс жил вместе со своим партнером Дасти Йао и двумя большущими собаками, Платоном и Софией, в просторном новом доме, выстроенном прямо в сосновом лесу из благородных пород кедра и дугласовой пихты, как часто называют псевдотсугу тиссолистную. Ведь, помимо страстной привязанности к грибам, Стемест питал не меньшую страсть к деревьям и лесам. Я приехал в пятницу; зарезервированная мной «юрта» освобождалась только в воскресенье вечером, поэтому у нас было вдоволь времени, чтобы всласть поговорить о псилоцибе, полакомиться гри-

бами (не этими, разумеется, а другими), совершить небольшую экскурсию по грибным местам и прогуляться с собаками по окрестным лесам и побережью. До границы с Орегоном — места, где мы собирались устроить охоту на «азуры», как называют между собой микологи вид *Psilocybe azurescens*, — мы решили ехать в воскресенье утром: если выехать пораньше, то времени на все хватит с лихвой.

Не успел я еще войти в дом и распаковать вещи, как Стеметс принялся длинно и со всеми подробностями излагать мне историю дома, который, по его словам, был построен благодаря грибам. На его месте прежде стоял ветхий фермерский сарай, который на момент, когда Стеметс туда въехал, подвергся интенсивному нашествию муравьев-древоточцев. Чтобы решить эту проблему, Стеметс и прибег к помощи грибов. Он точно знал, какой вид кордицепса (*Cordyceps*) способен выкурить отсюда колонию муравьев, как знал и то, что муравьи, наученные многолетним горьким опытом, тщательно проверяют каждого возвращающегося собрата на предмет наличия у него спор кордицепса и, найдя таковые, быстро откусывают ему голову, а тело выносят за границы колонии. Стеметс решил перехитрить защитный инстинкт муравьев и вырастил гриб-мутант наподобие кордицепса, но с более замедленным процессом спорообразования. Он поместил часть мицелия в чашечку из кукольного посудного набора, которым играла его дочь, оставил чашку на полу кухни и всю ночь наблюдал, как армия муравьев переносила мицелий к себе в гнездо, ошибочно приняв его за совершенно безобидный вид грибов. Когда гриб наконец дал споры, он уже глубоко внедрился в муравьиную колонию и с муравьями было покончено: кордицепс колонизировал их тела и пустил плодовые побеги, выбивавшиеся наружу из их голов. Конечно, фермерский дом было уже не спасти — слишком старым и изъеденным он оказался, но Стеметс, продав патент на выведенный им гриб-мутант, выстроил на его месте этот величественный памятник изобретательности грибов.

Дом был вместительный и комфортный; к моим услугам было целое крыло с анфиладой спален. Гостиная с высоким, почти как в соборе, куполообразным потолком (именно в ней мы провели большую часть того дождливого декабрьского уик-энда) была оборудована большим дровяным камином,

с противоположной стороны которого высился, заполняя часть комнаты, огромный скелет пещерного медведя высотой семь с половиной футов. Над камином висела фотография Альберта Хофмана, а свод над самой нашей головой украшал массивный круглый витраж с надписью: «Универсальность архетипа мицелия» — замысловатый узор из голубых линий на фоне ночного неба, где линии олицетворяют одновременно и мицелий, и корни, и нейроны, и Интернет, и темную материю Вселенной.

На стенах вдоль лестницы, ведущей из гостиной на второй этаж, висят в рамках различные рисунки, фотографии и сувениры на память, включая и диплом (за подписью Кена Кизи и Нила Кэссиди), удостоверяющий, что владелец сего успешно прошел один из «кислотных тестов» общины «Веселых проказников». Тут же были несколько снимков Дасти, снятого среди дремучего леса с впечатляющими экземплярами грибов в руках, и цветная гротескная литография Алекса Грея, признанного главы американских психоделических художников. На ней художник дал свою интерпретацию так называемой теории упоротой обезьяны американского философа и этноботаника Теренса Маккенны, изобразив первобытного гоминида с ошалелым, словно наэлектризованным взглядом, жующего псилоцибе, в то время как из его рта и лобной части вылетает целый рой абстрактных мух. Честно признаюсь: смысл этой картины вряд ли бы до меня дошел, если бы несколькими днями раньше я не получил от Стеметса электронное письмо, содержавшее вот такую фразу: «Хотелось бы обсудить, сколь высока вероятность того, что теория упоротой обезьяны, вначале сформулированная Роландом Фишером, а затем популяризованная Теренсом Маккенной, действительно верна: что именно это [употребление в пищу псилоцибина] привело к быстрому развитию мозга гоминида, наделив его способностью аналитического мышления и установления социальных связей. Известно ли вам, что 23 примата (включая и людей) употребляют в пищу грибы, и знаете ли вы, как отличить „плохие“ грибы от „хороших“?»

Увы, мне это неизвестно.

Это короткое эллиптическое письмо еще до поездки прекрасно предвосхитило общие смысл и содержание моих разговоров со Стеметсом: все это время я пытался поглотить

и усвоить тот поток микологических фактов и соображений, который, подобно стремительной реке, невозможно перейти вброд без того, чтобы не быть сбитым с ног его напором. Да, присущий Стеметсу блестящий взгляд на мир с позиции грибов, несомненно, поражает, но спустя какое-то время он может также вызвать чувство клаустрофобии, как это часто бывает при общении с истинным маньяком и автодидактом (а Стеметс соединяет в себе и того, и другого). «*Все взаимосвязано*» — такова вечная присказка подобных людей; но в данным случае агентом, связывающим между собой все со всем, является, разумеется, грибной мицелий.

Мне было любопытно узнать, как Стеметс пришел к этому микоцентрическому взгляду на мир и какую роль сыграли в этом псилоцибиновые грибы. Стеметс родился и вырос в маленьком городишке Колумбиана, штат Огайо, расположенном неподалеку от Янгстауна; он был самым младшим из пяти детей. Машиностроительная компания, в которой работал его отец, разорилась, когда Пол был еще отроком, и переход семьи, по словам Пола, «от богатых нарядов к лохмотьям совершился очень быстро». Отец, понятное дело, стал много пить, и Пол сделал своим кумиром старшего брата, Джона, которому начал во всем подражать.

Джон (на пять лет старше Пола) был начинающим ученым (он получил государственную стипендию для изучения нейрофизиологии); у него даже была «в подвале своя изысканная лаборатория» — мир, воплощавший представление Пола о рае и небесах, куда, однако, Джон время от времени брал с собою младшего брата. «Я думал, что лаборатории есть во всех домах, — рассказывает Пол, — поэтому, когда мне случалось приходить в гости к другу, я первым делом спрашивал, где у них лаборатория. Я не понимал, почему они всегда указывали мне на санузел, пока однажды до меня не дошло, что к чему»*. Во что бы то ни стало заслужить одобрение Джона — это стало главной мотивирующей силой в жизни Пола, и этим, возможно, объясняется тот факт, что Стеметс придает очень большое значение признанию научными кругами своего труда. Джон скончался от острого сер-

* Слово lavatory («санузел») созвучно слову laboratory («лаборатория») — *Прим. перев.*

дечного приступа (это случилось за шесть месяцев до моего приезда), и, как это часто бывает в подобных случаях, в тот же день Пол получил извещение о принятии его в почетные члены Американской ассоциации содействия развитию науки. Смерть Джона явилась для Пола тяжелой утратой, от которой он до сих пор не оправился.

Когда Полу было 14 лет, Джон рассказал ему о волшебных грибах и, уезжая в Йельский университет, подарил ему книгу «*Состояния измененного сознания*», которая произвела на Пола огромное впечатление. Вышедшая под редакцией психолога Чарльза Т. Тарта, эта книга является первой ступенью в антологии научных трудов о необычных психических состояниях, диапазон которых необычайно широк: от сна и гипноза до медитации и психоделиков. Но причина того, почему эта книга произвела столь неизгладимое впечатление на Стеметса, кроется не в ее содержании, которое само по себе достаточно провокационно, а в той реакции, которую она вызвала у некоторых взрослых.

— У меня был друг, Райен Снайдер, и он как-то попросил у меня ее почитать. Надо сказать, что его родители было жутко консервативными людьми. И вот проходит неделя, я прошу Райена вернуть мне книгу, а он молчит и медлит. Хорошо. Проходит еще одна неделя, я опять прошу вернуть книгу, и тут он наконец сознается: «Мои родители отобрали ее у меня и сожгли».

Сожгли мою книгу?! Для меня это был поворотный момент. Я вдруг понял, что Снайдеры — мои враги, пытающиеся подавить в зародыше исследование сознания. Но коль скоро в книге заложена такая мощная информация, что они пожелали ее уничтожить, тогда эта информация во что бы то ни стало должна стать моей. Так все и пошло. Поэтому я в долгу перед ними и признателен им за то, что они меня наставили на путь истинный.

Стеметс уехал в Кеньонский колледж, где, еще учась на первом курсе, стал объектом «глубокого психоделического переживания», определившего направление всей его жизни. Сколько Стеметс помнит себя, он всегда страдал заиканием, порой доводившим его до изнеможения.

— Для меня это была жуткая проблема. Я всегда шел или стоял, опустив глаза, и смотрел в землю, потому что боялся,

что окружающие заговорят со мной. Собственно, именно потому я и стал таким экспертом по части отыскания грибов, что всегда смотрел в землю.

Однажды весенним днем (дело было в конце первого курса колледжа), гуляя по лесистому склону холма, возвышавшегося над кампусом, Стеметс съел целую пригоршню грибов, граммов, наверное, десять, посчитав, что именно такой и должна быть нужная доза. (Хотя уже четыре грамма считается большой дозой.) Когда псилоцибин начал понемногу оказывать действие, Стеметс отыскал красивый раскидистый дуб и решил залезть на него.

— Я стал карабкаться на дерево, и чем выше я залезал, тем все выше меня уносило.

И как раз в этот момент небо резко потемнело и первые вспышки молнии осветили горизонт. Приближалась гроза. Порывы ветра с силой ударяли в крону дерева, заставляя ее раскачиваться из стороны в сторону.

— У меня кружилась голова, и я понял, что спуститься не смогу: уж слишком высоко забрался. Поэтому я обхватил ствол руками и тесно прижался к нему, чтобы не упасть. Дерево стало моей *axis mundi**, связывавшей меня с землей. «Это же древо жизни, — подумал я. — Стоя на земле, оно возносится в небо и связывает меня со всей Вселенной». И вдруг меня как обухом по голове ударило: ведь меня же убьет молнией! Один разряд следовал за другим с интервалом в несколько секунд, то здесь, то там, короче — вокруг меня. Погибнуть от электрического разряда, находясь в шаге от просветления! Видимо, такова моя судьба. Все это время меня захлестывали со всех сторон теплые потоки дождя. И вдруг я заплакал от счастья. Вода повсюду, вода даже течет из моих глаз, но я чувствовал себя неразрывно слитым со Вселенной.

— И тогда я спросил себя: если я выживу, в чем моя главная проблема? Пол, сказал я себе, ты не дурак, но заикание тормозит твое развитие. Ты даже не можешь посмотреть женщине в глаза. И что делать? *Перестать заикаться* — вот что! И это стало моей мантрой. «*Перестань заикаться, сейчас же!*» — говорил я себе снова, и снова, и снова.

---

* Ось мира (*лат.*).

Гроза наконец миновала. Я слез с дерева, вернулся к себе в комнату и лег спать. В некотором смысле это было самое важное событие в моей жизни, и вот почему. На следующее утро иду я себе по тротуару и вдруг вижу: навстречу идет та самая девушка, которая так мне нравилась и которую я всегда считал для себя недоступной. И что бы ты думал? Она подходит ко мне и говорит: «Доброе утро, Пол. Как дела?» Я смотрю на нее и отвечаю: «Просто замечательно». Отвечаю без малейшего заикания! Вот так я излечился от этой напасти. И вот тогда-то я и понял, что хочу всерьез заняться грибами.

* * *

В удивительно короткий срок Стеметс стал одним из ведущих экспертов страны по псилоцибиновым грибам. В 1978 году, в возрасте 23 лет, он выпустил в свет свою первую книгу «*Псилоцибиновые грибы и их союзники*», подразумевая под союзниками нас, людей, животных, которые способствуют распространению этого вида, перенося его с одного места на другое; и самого себя, потому как Стеметс видит свое жизненное призвание в том, чтобы распространить это «грибное евангелие» по всему свету.

Но свое микологическое образование Стеметс получил не в Кеньонском колледже, из которого он ушел спустя год, а в Колледже Эвергрин, называемом также Колледжем вечнозеленого штата, — гуманитарном учреждении свободных искусств США, расположенном в городе Олимпия, штат Вашингтон. В середине 1970-х годов этот колледж считался экспериментальным учебным заведением, где студенты сами выбирали и планировали курс независимого (свободного) обучения. Молодой преподаватель колледжа по имени Майкл Бёг, имевший научную степень в области химии окружающей среды, согласился взять под свое крыло Стеметса и двух других подающих надежды студентов, Джереми Бигвуда и Джонатана Отта, одержимых грибами в той же степени, что и Пол. Сам Бёг по образованию не был микологом, но все четверо рьяно взялись за дело и совместно освоили этот предмет с помощью одного лишь электронного микроскопа и лицензии, которую Бёг каким-то образом раздобыл в Управлении по борьбе с наркотиками. Вооруженные столь незатейливым

образом, эти четверо сосредоточили свое внимание на том роде грибов, который большинство специалистов, работавших в этой области, предпочитали обходить молчанием.

Находящиеся (начиная с 1970 года) вне закона псилоцибиновые грибы в то время представляли интерес лишь для подвижников молодежной контркультуры как более мягкая и более естественная альтернатива ЛСД, но о среде их обитания, распространения, их жизненном цикле или эффективности воздействия было мало что известно. Считалось, что родиной псилоцибиновых грибов является Южная Мексика, где в 1955 году их «впервые открыл» Гордон Уоссон. Вплоть до 1970-х годов основная доля псилоцибина, находящегося в обращении в США, импортировалась из Латинской Америки или выращивалась в местных условиях из спор латиноамериканских видов, главным образом вида *Psilocybe cubensis*.

Группа исследователей из Эвергрина сделала ряд довольно значимых открытий в этой области: они выделили и научно описали три новых вида псилоцибиновых грибов, усовершенствовали методы их тепличного выращивания и разработали технику измерения содержания в грибах псилоцина и псилоцибина. Но, вероятно, самым значительным вкладом группы в науку было то, что ей удалось привлечь к себе внимание людей, занимавшихся псилоцибе на всем огромном пространстве от Южной Мексики до северо-западного побережья Тихого океана. Стеметс и его коллеги находили вокруг себя все новые и новые виды псилоцибиновых грибов и публиковали данные о своих находках. «Можно было почти почувствовать, как земная ось мало-помалу склоняется к этому уголку света». Повсюду на тихоокеанском северо-западном побережье, вспоминает Стеметс, можно было встретить людей, движущихся по дорогам и тропинкам, пересекающим фермерские поля и лужайки, в полусогнутом положении, которое он с присущим ему юмором называет «псилоцибиновой сутулостью».

За этот период северо-западное побережье стало новым центром притяжения в истории американской псилоцибиновой культуры, где Колледж Эвергрин фактически играл роль интеллектуального и производственно-научного центра. Начиная с 1976 года Стеметс с коллегами организовал целый ряд посвященных грибам (и ныне уже ставших легендарными)

конференций, сведя там воедино самых ведущих светил из научного и любительского кругов психоделического мира, поэтому вечером того же дня, когда я впервые приехал к нему домой, Стеметс извлек из своего архива несколько видеокассет с последней из этих конференций, состоявшейся в 1999 году. Кадры были отсняты Лесом Бланком, но, как это часто случается со съемками подобных психоделических сборищ, никто не позаботился их смикшировать и отредактировать, так что отснятый материал как был сырым, так сырым и остался.

Нельзя судить о «конференции» по тем кадрам, которые мелькали на экране телевизора в доме Стеметса. Мы видели, как несколько человек из числа приглашенных — среди них я признал доктора Эндрю Вайля, американского врача и общественного деятеля, известного своими книгами по холистической медицине; химика Сашу Шульгина и его жену Анну; миколога из Нью-йоркского ботанического сада Гэри Линкоффа — прибыли на конференцию под грохот фанфар в расписанном психоделическими пейзажами школьном автобусе, за рулем которого сидел сам Кен Кизи. (Этот автобус носил прозвище «Отец» и был преемником другого, настоящего «Отца», автобуса коммуны «Веселые проказники», который, очевидно, отслужил свой век и был больше не пригоден для езды.)

Заседания больше напоминали дионисийские пиры, нежели те, которые ожидаешь увидеть на научной конференции, хотя в ходе ее были прочитаны несколько серьезных лекций. Джонатан Отт, в частности, прочитал блестящую лекцию по истории энтеогенов (термин появился не без его участия). Он проследил традицию их применения начиная с элевсинских мистерий древних греков, не забыв упомянуть и «фармакратическую инквизицию», когда испанские завоеватели пытались искоренить мезоамериканские грибные культы, и заканчивая «энтеогенной реформацией», которая исподволь и незаметно осуществлялась с момента открытия Гордоном Уоссоном факта, что в Мексике эти культы сохранились и остались неизменными. Попутно Отт сделал небольшую ссылку и на «суррогатные таинства» католической евхаристии.

Затем пошли кадры большого костюмированного бала с бесконечными крупными планами гигантской чаши для пунша, в который были добавлены десятки различных сортов психоделических грибов. Стеметс отметил среди пиру-

ющих несколько именитых микологов и этноботаников, причем многие из них были одеты как *Amanita muscaria* — красные мухоморы и шампиньоны. Сам Стеметс, что удивительно, был одет как медведь.

Когда просматриваешь вживую отснятые кадры людей в карнавальных костюмах, которые наступают на грибы и небрежно танцуют под ритмы регги, долго выносить такое вряд ли кому под силу, поэтому через несколько минут мы выключили телевизор. Я спросил Стеметса о более ранних конференциях, у которых, как мне казалось, было более обнадеживающее соотношение между интеллектуальным содержанием и дионисийскими пирушками. В 1977 году, например, Стеметсу выпала возможность сыграть роль радушного хозяина, принимая у себя двоих из его героев: Альберта Хофмана и Гордона Уоссона; последний в своей статье, опубликованной в 1957 году в журнале *Life*, описал первый псилоцибиновый трип, совершенный жителем западного мира — им самим; это было то самое внутреннее путешествие, которое запустило или привело в действие психоделическую революцию в Америке.

Стеметс сказал, что он коллекционирует оригинальные экземпляры этого издания *Life* (они время от времени выставляются на интернет-аукционах и появляются на блошиных рынках), поэтому по пути наверх, в спальню, мы ненадолго задержались в его офисе, чтобы я лично смог увидеть и оценить этот легендарный номер. Журнал был датирован 13 мая 1957 года; на обложке красовался американский комик Берт Лар; одетый во фрак и с котелком на голове, он зубоскалил в объектив камеры. Но самая заметная надпись на обложке была посвящена пресловутой статье Уоссона и гласила: «Найдены грибы, вызывающие странные видения». Стеметс сказал, что я могу взять этот номер с собой; с ним я и отправился к себе в спальню.

* * *

С позиции сегодняшнего дня трудно поверить в то, что псилоцибин впервые был представлен западному миру вице-президентом США Дж. П. Морганом на страницах многотиражного массового журнала, владельцем которого был Генри Люс; в наши дни о двух таких персонажах американского истеблишмента трудно даже и помыслить. Но в 1957

году психоделики еще не удостоились тех культурных и политических стигматов, которые спустя десятилетие лягут таким непосильным бременем на наше к ним отношение. В то время ЛСД практически не был известен за пределами небольшого круга медиков-профессионалов, рассматривавших его как потенциальный чудо-препарат, который с успехом можно было бы использовать для лечения психиатрических заболеваний и алкогольной зависимости.

Так уж случилось, но основатель и главный редактор журналов *Time* и *Life* Генри Люс, как и его жена, Клер Бут Люс, тоже обладали кое-какими познаниями в области психоделических препаратов, и свой восторг по поводу последних они не скрывали, разделяя его с представителями медицинских и культурных элитарных кругов, к которым они примыкали в 1950-е годы. В 1964 году Люс на планерке поведал коллегам, что они с женой принимали ЛСД «под наблюдением врача»; Клер Бут Люс тоже не замалчивала этот факт: она вспоминала, что во время своего первого «кислотного трипа» в 1950-х годах увидела мир «глазами счастливого одаренного ребенка». До 1965 года, когда общественность впервые охватила моральная паника по поводу ЛСД, статьи о психоделиках, публиковавшиеся в журналах *Time* и *Life*, были полны восторженных эпитетов, и Люс лично был заинтересован в том, чтобы на страницах его журналов всесторонне освещалась эта тема.

Поэтому, когда в журнал *Life* заявился Роберт Гордон Уоссон со своей историей, он нигде больше не мог бы найти более благожелательный прием. В *Life* ему предложили щедрый контракт, который, в дополнение к царской сумме в 850 долларов, предоставлял ему право на одобрение отредактированной версии его статьи, как и право на составление заголовков и подписей. Особо оговаривалось, что в круг полномочий Уоссона входит «пространное описание собственных ощущений и фантазий, вызванных действием гриба».

Когда я тем вечером, лежа в кровати, пролистывал страницы взятого с собой номера, мир 1957 года показался мне далекой и совершенно незнакомой планетой, хотя я к этому времени уже два года жил на этой планете. Мои родители тоже выписывали *Life*, так что этот номер, возможно, все мое детство пылился в куче журналов, хранившихся в чулане

нашего дома. В 1957 году *Life* был массовым органом печати, выпускавшимся тиражом 5,7 миллиона экземпляров.

«Поиски волшебного гриба приводят нью-йоркского банкира в горы Южной Мексики для участия в древних ритуалах индейцев, которые жуют грибы, вызывающие странные видения» — таким заголовком сопровождалась данная на всю полосу цветная фотография мазатекской женщины, сидящей у костра, в дыму которого она окуривала гриб, а дальше шла длинная, не менее чем на 15 страниц, статья. Насколько мне известно, это первое официальное упоминание о «волшебных грибах», причем этот термин, как оказалось, был изобретен не упоротым хиппи, но выпускающим редактором, отвечавшим за заголовки в таких массовых журналах, как *Time* и *Life*.

«Основательно прожевав кислотные грибы, мы их проглотили, увидели видения и очнулись от всего пережитого совершенно ошарашенными, — как бы на одном дыхании рассказывает Уоссон в первом абзаце. — Мы прибыли издалека, чтобы принять участие в грибном ритуале, но и близко не ожидали ничего столь поразительного, как виртуозность исполнительского действа *curanderas* [целителей] и поразительный эффект воздействия грибов. [Фотограф] и я были первыми белыми людьми в летописной истории человечества, которым посчастливилось съесть эти божественные грибы, кои некоторые индейские народы Южной Мексики, живущие вдалеке от большого мира, многие века хранили в тайне».

Далее Уоссон рассказывает почти невероятную историю о том, как человек вроде него, «мирный банкир по профессии», пришел к столь нетривиальному концу — поеданию волшебных грибов на грязном полу тростниковой хижины с глинобитными стенами в убогом мексиканском городишке Оахакан, затерянном среди гор так далеко от столицы штата, что до него пришлось добираться на мулах целых 11 часов.

История начинается в 1927 году, во время медового месяца, который Уоссон с молодой женой проводили в районе Катскилла, горного хребта в Северных Аппалачах, излюбленного места отдыха жителей Нью-Йорка и других городов. Гуляя как-то после полудня по окрестным осенним лесам, его избранница Валентина, русская по происхождению и врач по профессии, наткнулась на выводок лесных грибов, перед которыми «она опустилась на колени в позе умиления». Уос-

сону были совершенно неизвестны «эти гнилые предательские наросты», как он их назвал, поэтому он не на шутку запаниковал, когда Валентина предложила приготовить их на ужин. Он категорически отказался их есть. «Ну вот, — с горечью пишет он, — только успел жениться, а на следующее утро, похоже, я проснусь уже вдовцом».

Молодоженам стало любопытно, почему вышло так, что две культуры, американская и русская, занимают ныне столь диаметрально противоположные позиции по отношению к грибам. Поэтому в скором времени они взялись за исследовательский проект в стремлении понять происхождение «микофобии» и «микофилии» — терминов, которые, кстати, они и ввели в обиход. Они пришли к заключению, что каждый индоевропейский народ с точки зрения культурного наследия характеризуется либо микофобией (таковы, например, англосаксы, кельты и скандинавы), либо микофилией (каталонцы, русские и прочие славяне), и предложили разумное объяснение столь сильных чувств к грибам, которые обуревают представителей обоих лагерей: «Разве не вероятен тот факт, что давным-давно, еще до начала летописной истории человечества, наши предки поклонялись божественным грибам? Это могло бы объяснить ту ауру сверхъестественности, которая окружает все грибы»*. Из этого логически вытекает следующий вопрос, не менее четко сформулированный четой Уоссон: «Каким грибам поклонялись наши предки и почему?» — вопрос, в поисках ответа на который они и предприняли 30-летнее исследовательское путешествие в мир грибов, чтобы найти те самые, божественные, которым поклонялись предки. Они надеялись отыскать доказательство той смелой теории, которую выдвинул Уоссон (что первый религиозный импульс был воспламенен в сердцах людей видениями, навеянными психоактивными грибами) и которой он занимался до последних дней своей жизни.

Как деловой человек, хорошо известный в финансовых кругах, Роберт Гордон Уоссон обладал всеми ресурсами и связями, чтобы собрать вокруг себя экспертов и ученых всех мас-

---

* К сожалению, Уоссоны или упустили, или просмотрели еще более простое объяснение: что сильные экстатические чувства и культ таинства обычно всегда окружает именно то «растение», которое, в зависимости от знания и культурного контекста, либо служило источником питания и радости, либо вело к мучительной смерти.

тей, необходимых для осуществления этого проекта. Одним из них был английский поэт Роберт Грейвз, разделявший интересы и взгляды Уоссонов на роль грибов, которую последние сыграли и в истории человечества, и в происхождении мировых мифов и религий. В 1952 году Грейвз прислал Уоссону вырезанную им статью из фармацевтического журнала, где говорилось о неких психоактивных грибах, употреблявшихся мезоамериканскими индейцами XVI века. В основу статьи были положены исследования, предпринятые в Центральной Америке Ричардом Эвансом Шултсом, гарвардским этноботаником, изучавшим психоактивные растения и грибы, используемые аборигенными культурами. Шултс был из числа тех профессоров, которых студенты просто обожали: они и поныне поминают его, стреляя в классе из духовых ружей, и вспоминают его знаменитую корзину с толстыми «пуговицами» пейотля (этот кактус по форме действительно наминает пуговицу), которую он держал в своем гарвардском офисе. Шултс воспитал целое поколение американских этноботаников, включая таких, как Уэйд Дэвис, Марк Плоткин, Майкл Балик, Тим Плоуман и Эндрю Вайль. Наравне с Уоссоном Шултс — одна из тех немногих фигур, чья роль в распространении психоделиков на Западе сильно недооценена; действительно, первые семена этого движения были высажены (причем в буквальном смысле) и продолжали высаживаться в Ботаническом саду Гарвардского университета (так называемом Гарвардском гербарии) начиная с 1930-х годов, то есть более чем за четверть века до появления там Тимоти Лири, потому как именно Шултс первым идентифицировал *теонанакатль* — священный гриб ацтеков и их потомков, — так же как и *ололиуки*, «семена утренней славы», вьющегося растения, содержащего алкалоид, очень близкий к ЛСД, которое ацтеки использовали в религиозных церемониях и магических целительных практиках.

До этого момента Уоссоны искали свои божественные грибы только на Востоке, в Азии; Шултс дал другое направление их поискам, переориентировав их на обе Америки, откуда — от миссионеров и антропологов — поступали отрывочные сведения, что древний грибной культ сохранился и до сих пор процветает в отдаленных горных деревушках Южной Мексики.

В 1953 году Уоссон совершил первое из десяти путешествий в Мексику и Центральную Америку, причем объектом

нескольких из них он выбрал деревушку Хуатла-де-Хименес, затерянную в горах штата Оахака, где, как рассказал ему один из его осведомителей, миссионер, местные знахари до сих пор используют грибы. Поначалу местные жители были немногословны. Одни говорили, что никогда не слышали ни о каких грибах, другие уверяли, что грибы давно уже не используют, а третьи утверждали, что эта практика применяется не у них, а в других, еще более удаленных деревнях.

Их скрытность можно понять. Использование психоактивных грибов в религиозных церемониях и целительных практиках замалчивалось индейцами; это была их тайна, которую они на протяжении четырех веков скрывали от жителей западных стран, и случилось это вскоре после испанского вторжения на земли Америки, когда грибной культ был объявлен вне закона и загнан в подполье. Самый примечательный отчет об этой практике принадлежит перу испанского миссионера, священника по имени Бернардино де Саагун, жившего среди ацтеков в XVI веке и описавшего, как те использовали грибы в своих религиозных обрядах:

> «Их [грибы] они едят до зари с медом, и пьют какао они тоже до зари. Когда от грибов, съеденных с медом, они начали разогреваться, то стали плясать, и одни пели, а другие плакали... Некоторые и петь не трудились, а сидели в своих комнатах задумчивыми. Одним виделось, что они умирают, и они плакали, другим виделось, что их пожирают дикие звери, третьим, что их захватили в плен на войне... а четвертым виделось, что они совершили прелюбодеяние и что им за это снесут головы... Затем, когда опьянение от грибов миновало, они начали рассказывать друг другу о представших им видениях».

Испанцы пытались уничтожить и вытравить грибные культы, видя в них, и не без основания, смертельную угрозу для власти и авторитета католической церкви. Один из первых священников, прибывших в Мексику вместе с Кортесом, чтобы обратить ацтеков в христианство, объявил, что грибы — «плоть дьявола, которую они боготворят», и что... «с этой горькой пищей они получили в удел жестокого бога». Индейцев допрашивали и пытали, заставляя признаться в привержен-

ности этой дьявольской практике, а так называемые грибные камни (многие из них — это выдолбленные в базальте скульптуры священных грибов в фут высотой, применявшиеся в религиозных церемониях) были разбиты. Инквизиция выдвигала против индейцев десятки обвинений в преступлениях, совершенных на почве потребления пейотля и псилоцибина, и это в конце концов вылилось в то, что принято считать первой войной за наркотики — или, если уж быть более точным, войной за некоторые растения и грибы. В 1620 году Римско-католическая церковь объявила, что использование растений для прорицаний и ворожбы — это «акт суеверия, который осуждается как противоречащий духу чистоты и целостности нашей святой католической веры».

Нетрудно понять, почему католическая церковь так беспощадно реагировала на использование грибов в религиозных церемониях. Науатль («плоть богов») — слово, которым индейцы называли грибы, — должно быть, звучало для испанского уха как прямой вызов христианскому таинству, которое тоже понималось как плоть богов, или, скорее, как плоть одного Бога. Но у грибного таинства было одно неоспоримое преимущество по сравнению с христианским: последнее требовало веры в то, что евхаристические хлеб и вино дают верующему доступ к Богу, доступ, достигаемый через посредство священника и церковной литургии. И сравните христианское с ацтекским таинством, где психоактивные грибы обеспечивали каждому, кто съел их, прямой, без посредников, доступ к божественному — к видению другого мира, царства богов. Так чье же причастие более действенно? И в чьих руках оно находится? Как сказал Уоссону индеец-мазатек, грибы «приводят тебя туда, где пребывает бог».

Вполне возможно, что Римско-католическая церковь — это первое (хотя, разумеется, далеко не последнее) учреждение, в полной мере признавшее угрозу своей власти со стороны неприметного на вид психоделического растения.

* * *

В ночь с 29 на 30 июня 1955 года Роберт Гордон Уоссон впервые отведал священные грибы и испытал на себе их действие. Во время своего третьего путешествия в Хуатла-де-Хименес он уговорил Марию Сабину, 61-летнюю индианку из пле-

мени мазатек, уважаемую в деревню *curandera*, позволить ему и его фотографу не только присутствовать на священной церемонии, куда не допускался никто из посторонних, но и участвовать в ней. Велада (*velada*), как называлась эта церемония, должна была произойти с наступлением темноты в подвале дома местного чиновника, которого Уоссон привлек на свою сторону, перед простеньким алтарем, «украшенным образками христианских святых». Чтобы скрыть личность Сабины и защитить саму ее от возможных проблем, Уоссон называет ее Евой Мендес и отмечает ту «духовность в ее взгляде и выражении лица, которая сразу же поразила всех нас». После того как грибы были вымыты, обкурены и очищены в дымке благовоний, Сабина протянула Уоссону чашку с шестью парами грибов; которые она называла «малыми детками». Вкус у них был ужасный, «едкий с прогорклым запахом, который постоянно шибал в нос». Несмотря на это, «не было на свете человека счастливее меня, ведь это был кульминационный момент шести лет непрерывных поисков».

Видения, явившиеся ему, «были красочными, живыми, неизменно гармоничными. Начались они с того, что я бы назвал художественными мотивами, с угловатых узоров, какие обычно украшают ковры, ткани или обои... Затем они разрослись, превратившись во дворцы с дворами, аркадами, садами — великолепные дворцы, выложенные полудрагоценными камнями. Затем я увидел мифического зверя, впряженного в царскую колесницу…» И так далее.

Оригиналы записных книжек Уоссона находятся в Ботанической библиотеке Гарвардского университета. Аккуратным, но несколько своеобразным почерком он скрупулезно отслеживал весь ритуал той ночи, начиная со времени прибытия (8.15), минуя время принятия грибов внутрь (10.40) и заканчивая временем погашения последней свечи (10.45).

После этого почерк дробится и распадается. Некоторые предложения вообще написаны вверх ногами, а описания Уоссоном того, что он видел и чувствовал, становятся все более отрывочными и фрагментарными:

> «Видение искажается — тошнота. Касаюсь стены — кажется, что мир видений рушится. Из-под двери свет, а внизу — луна. Стол принимает новые формы — какие-то твари,

огромный перегонный куб, архитектурные украшения радужных цветов.
Тошнота. Никаких фото, раз уж [неразборчиво] захватила нас.
Архитектурные…
Взгляд рассредоточен — свечи двоятся.
Восточная пышность — Альгамбра — колесница.
Стол преобразовался…
Контрастные видение и реальность — я касаюсь стены».

«Видения не были ни расплывчатыми, ни нечеткими, — пишет он. — Действительно, мне они казались более реальными, чем все то, что я когда-либо видел собственными глазами». В этот момент читатель начинает поневоле чувствовать руку мастера (я имею в виду, разумеется, Олдоса Хаксли), чей стиль довлеет и над прозой Уоссона, и над его восприятием: «У меня такое чувство, будто только теперь я все вижу ясно, тогда как обычное зрение дает несовершенное видение». Двери восприятия Уоссона широко распахнуты: «Я видел архетипы, идеи Платона, лежащие в основе несовершенных образов повседневной жизни». Читать Уоссона — все равно что чувствовать и видеть, как прямо на твоих глазах постепенно твердеют и застывают все еще свежие и податливые условности психоделического повествования. Сам ли Олдос Хаксли изобрел эти тропы, или он их просто стенографировал, трудно сказать, но отныне и дальше они определяют жанр и отмечены опытом. «Впервые словесный экстаз обрел реальный смысл, — вспоминает Уоссон, — потому как впервые он перестал отражать умонастроение другого человека».

На основе пережитого Уоссон приходит к заключению, что его рабочая гипотеза о том, что корни религиозных переживаний следует искать в психоактивных грибах, может считаться подтвержденной. «В эволюционном прошлом человека… должно быть, был момент, когда он открыл тайну галлюцинаторных грибов. Их воздействие на него, как я понимаю, было непомерно глубоким, они были детонатором новых идей. потому как грибы открыли перед ним миры, лежащие за пределами известных ему горизонтов в пространстве и времени, даже миры иного плана существования, рай и, возможно, ад... Так и хочется набраться сме-

лости спросить: уж не они ли заронили в сознание примитивного человека саму идею Бога?»

Кто бы что ни думал об этой идее, следует все же сказать, что Уоссон приехал в Хуатла-де-Хименес с уже готовой теорией, прочно утвердившейся в его сознании, и что там он был готов тонко манипулировать различными элементами своего опыта, намереваясь подтвердить ее. Если даже он хотел представить нам Марию Сабину как религиозную фигуру, как жрицу, а проводимое ею таинство как разновидность того, что он называет «святым причастием», то сама Сабина придерживается о себе совершенно иного мнения. Возможно, пять столетий тому назад грибы и могли бы служить главными объектами причастия, но к 1955 году многие мазатеки стали ревностными католиками и теперь использовали грибы не для поклонения, а для лечения и прорицания — для поисков пропавших людей и важных предметов обихода. Уоссону это было прекрасно известно, поэтому-то он и прибег к хитрости — единственно для того, чтобы попасть на церемонию: он сказал Марии Сабине, что очень беспокоится о своем сыне, оставшемся дома, и хочет знать, где он находится и здоров ли. (Как это ни сверхъестественно, но он получил желаемую информацию и по возвращении в Нью-Йорк убедился, что она абсолютно верна.) Уоссон сознательно искажал сложную туземную практику, чтобы привести ее в соответствие со своей предвзятой теорией, и связывал историческое значение этой практики с ее современным смыслом. Как сказала Сабина несколько лет спустя в своем интервью, «до Уоссона никто не ел грибы, чтобы через них приобщиться к Богу. Их ели при хворях, чтобы выздороветь». Или, как съязвил Энди Летчер, английский писатель и один из самых суровых критиков Уоссона, «чтобы приобщиться к Богу, Сабина, как и все добрые католики, ходила на службу».

* * *

Статью Уоссона в журнале *Life* прочли миллионы людей (включая и профессора психологии Тимоти Лири, находившегося в тот момент на пути в Гарвард). Но достоянием десятков миллионов людей история Уоссона стала после того, как он выступил в популярной новостной программе «С глазу на глаз» на канале CBS, и несколько месяцев спустя другие журналы, в том числе и мужской журнал *True,* начали публиковать рас-

сказы от первого лица о внутренних путешествиях под воздействием волшебных грибов («Овоща, от которого люди сходят с ума»), о трипах, грибы для которых поставлял Уоссон. (Запасы грибов он привез с собой из Мексики, чтобы устраивать церемонии на своей квартире в Манхэттене.) А вслед за этим в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке открылась выставка волшебных грибов.

Вскоре после публикации статьи в журнале *Life* Уоссон организовал отправку нескольких образцов мексиканских грибов в Швейцарию Альберту Хофману — на анализ. В 1958 году Хофман выделил из них два психоактивных соединения, назвав их псилоцибин и псилоцин, и разработал синтетическую версию псилоцибина, ныне используемую в современных исследованиях. Хофман сам на себе опробовал действие присланных ему грибов. «Через полчаса после поедания грибов, — пишет он, — внешний мир начал подвергаться странным преобразованиям. Все стало приобретать мексиканские черты».

В 1962 году, когда Уоссон затеял очередное путешествие в Хуатла-де-Хименес, Хофман присоединился к нему и, добравшись до деревни, дал Марии Сабине псилоцибин в виде таблетки. Она приняла две таблетки и объявила, что, воистину, в них заключена сама суть грибов, их духовная сущность*.

Прошло совсем немного времени, и путь в Хуатла-де-Хименес, к дверям Марии Сабины**, проложили тысячи других людей, включая и знаменитостей того времени, таких как Боб Дилан, Джон Леннон и Мик Джаггер. Для самой Мария Сабины и жителей ее деревни такое внимание не сулило ничего хорошего. Уоссон позднее и сам признал, что именно он несет ответственность за то, что «спустил на любимую Хуатлу свору коммерсантов-эксплуататоров самого подлого свойства», как он написал в 1970 году в письме в редакцию газеты *New York*

---

* Во втором путешествии в Мексику к Уоссону присоединился Джеймс Мур, который представился ему как химик, работавший на фармацевтическую компанию. В действительности Мур был агентом ЦРУ; его целью было достать псилоцибин для нужд самого агентства — для исследовательской программы «МК-Ультра».

** Уоссон был не совсем честен в своем желании защитить личность Марии Сабины. В ту же неделю, когда в *Life* появилась его статья, он на свои средства выпустил книгу *«Грибы, Россия и история»*, в которой еще раз рассказал историю Марии Сабины, на сей раз не скрывая ее настоящего имени.

Times. Хуатла сначала стала меккой битников, а затем и хиппи, и священные грибы, некогда оберегаемые как великая тайна, теперь открыто продавались прямо на улице. Соседки Марии Сабины обвинили ее во всех бедах, постигших их деревню; ее дом сожгли, а саму Сабину посадили в тюрьму, впрочем ненадолго. В последние дни своей жизни, чувствуя, что приближается к концу, она ни о чем так не жалела, как о том, что доверилась Гордону Уоссону и открыла ему (а стало быть, и всему миру) секрет божественных грибов. «С того самого момента, как в деревню прибыли иноземцы, — поведала она одному из посетителей, — святые малые детки потеряли свою чистоту. Они потеряли свою силу; иноземцы погубили их. Отныне от них уже не будет никакой пользы».

* * *

Когда на следующее утро я спустился в гостиную, там уже сидел Пол Стеметс, раскладывая на кофейном столике свою коллекцию каменных грибов. Я читал об этих артефактах, но никогда их не видел и не держал в руках, а это довольно впечатляющие объекты: грубо вытесанные куски базальта разных размеров и форм. Одни были простенькими и выглядели как гигантские грибы; у других было целых три или даже четыре ножки, а у третьих на ножке (или стебле) была вырезана какая-нибудь фигура. Тысячи таких камней были разбиты и уничтожены испанцами, из них уцелело только порядка двухсот, а у Стеметса их целых шестнадцать. Большинство из них были найдены в горах Гватемалы; чаще всего их находят фермеры-арендаторы, распахивающие свои поля; некоторые из них датируются по меньшей мере 1000 годом до нашей эры.

Когда Стеметс переносил эти тяжелые камни, один за другим, из своего кабинета на кофейный столик, где он разложил их с великим тщанием, он чем-то напоминал церковного служку, потому как обращался с ними с торжественной серьезностью, подобающей бесценным святыням. «А ведь Пол Стеметс — достойный наследник и правопреемник Гордона Уоссона», — подумал я. (Уоссон тоже коллекционировал каменные грибы; некоторые из них я видел в Гарвардском университете.) Стеметс тоже разделяет радикальные взгляды Уоссона на микоцентрическую космологию, то есть всюду, куда бы ни обра-

щался его взор, он видит доказательства той центральной роли, которую играли психоактивные грибы в культуре, религии и природе. Ноутбук Стеметса буквально напичкан снимками *псилоцибе*, причем это не только грибы, снятые им непосредственно на лоне природы (он — великолепный фотограф), но и изображения грибов с наскальных росписей, и североамериканские петроглифы, и средневековые архитектурные украшения, и исламские росписи, некоторые из которых действительно напоминают своими формами грибы или своими фрактальными геометрическими узорами вызывают в памяти психоделические переживания, вызванные грибами. Честно признаюсь: как ни старался, я часто не мог отыскать на этих картинках запрятанные там грибы. Если бы кто и мог мне в этом помочь, то, несомненно, только сами грибы.

Это обстоятельство навело нас на мысль о теории упоротой обезьяны Теренса Маккенны, олицетворяющей все размышления на тему микоцентризма, теории, которую Стеметс рассчитывал основательно со мною обсудить. Хотя чтение не заменяет слуха (а Маккенна вслух излагает свой тезис на *YouTube*, где его можно спокойно отыскать), он, однако, суммирует все сказанное в книге «*Пища Богов*» (1992): *псилоцибе* дали нашим предкам-гоминидам «доступ в миры сверхъестественной силы», «послужили катализатором для проявления человеческой саморефлексии» и «вырвали нас из рамок животного сознания, приведя в мир артикулированной речи и воображения». Последняя гипотеза — гипотеза о возникновении языка — строится на концепции синестезии, то есть на слиянии чувств, индуцируемых психоделиками: под влиянием псилоцибина числа могут окрашиваться в цвета, цвета неразрывно связаны со звуками, и так далее. Язык, утверждает он, являет собой особый случай синестезии, где кажущиеся бессмысленными звуки увязываются с логическими концепциями. Вот вам и упоротая обезьяна: даровав нам язык и саморефлексию, псилоцибиновые грибы сделали нас теми, кто мы есть, преобразовав наших примитивных предков в Homo sapiens.

На самом деле теория упоротой обезьяны не поддается ни доказательству, ни опровержению. Поедание первобытными гоминидами грибов вряд ли могло оставить какой-нибудь след в палеонтологической летописи, поскольку грибы, чья ткань очень нежна и мягка, нужно всегда есть свежими; к тому же они

не требуют ни специальных орудий, ни особых методов обработки, необходимых для выживания. Маккенна толком не объясняет, каким образом поедание психоактивных грибов могло воздействовать на биологическую эволюцию, то есть на естественный отбор на уровне генома, приводящий к эволюционным изменениям. Ему было бы куда проще привести доводы в пользу иной гипотезы — о влиянии психоактивных грибов на *культурную* эволюцию (вроде той, которой посодействовал Уоссон), но у грибов, очевидно, куда более амбициозные планы на Теренса Маккенну и его ум, а сам Теренс Маккенна куда как счастлив повиноваться их приказам.

Стеметс и Маккенна (особенно в последние годы его жизни) близко сошлись и подружились, и со дня смерти последнего (Маккенна умер от рака мозга в возрасте 53 лет) Стеметс несет факел упоротой обезьяны, упоминая теорию Маккенны в своих бесчисленных лекциях и докладах. Стеметс признает, что будет трудно доказать эту теорию ко всеобщему удовлетворению, однако полагает «скорее возможным, чем нет», что псилоцибин «сыграл ключевую роль в эволюции человека». Что представляют собой грибы, задавался я вопросом, и те видения, которые они вызывают в сознании людей, видения, которые воспламеняют такого рода интеллектуальное сумасбродство и убежденность?

Истории грибных евангелистов вроде Маккенны читаются как рассказы о религиозном обращении, где некоторые люди, на собственном опыте познавшие силу грибов, выходят из этого опыта с убеждением, что эти грибы — первичные двигатели (своего рода боги), которые могут объяснить все. Пророческая миссия этих людей в жизни ясна: нести сие послание миру!

А теперь посмотрите на все это с точки зрения грибов: то, что началось как биохимическая случайность, превратилось в гениальную стратегию по расширению ареала обитания и численности вида путем завоевания страстной привязанности и доверия со стороны такого изобретательного и хорошо передвигающегося (как и хорошо говорящего!) животного, как Homo sapiens. По мысли Маккенны, сами грибы помогли сформировать именно такой ум — ум, наделенный инструментами языка и воспламеняемый воображением, — который способен наилучшим образом отстаивать

и продвигать их интересы. Какая гениальность! Какая дьявольская изобретательность! Ничего удивительного, что Пол Стеметс убежден в их разумности.

* * *

На следующее утро, прежде чем мы уложили вещи в машины, чтобы двинуться на юг, Стеметс преподнес мне еще один подарок. Мы были в его офисе и просматривали кое-какие снимки на компьютере, когда он достал с полки несколько шляп амаду, напоминающих по форме шляпки грибов, и сказал: «Примерьте, может, какая и подойдет». Большинство оказались велики, но одна пришлась как раз впору: она идеально сидела на моей голове, к тому же была удивительно мягкой и почти невесомой. Я поблагодарил Стеметса за подарок, но шляпу надевать не стал: с этим «грибом» на голове я выглядел, как мне казалось, смешно и глупо, поэтому я упаковал ее вместе с другими вещами.

Итак, ранним воскресным утром мы двинулись на запад, к тихоокеанскому побережью, а оттуда на юг, к реке Колумбия, ненадолго остановившись лишь в курортном городке Лонг-Бич, чтобы пообедать и запастись провизией. Была первая неделя декабря, городишко казался мирным, сонным и словно вымершим. Стеметс заранее попросил меня не указывать то место, где мы собирались охотиться за *Psilocybe azurescens*; единственное, что я могу сказать: там три общественных парка, граничащих с широким устьем Колумбии, — Форт Стивенс, Мыс Разочарования и Национальный исторический заповедник Джорджа Роджерса Кларка, в одном из которых мы и остановились. Стеметс, наезжавший сюда многие годы с той же целью, что и сейчас, остался в машине (он немного расстроился из-за того, что его узнал здешний лесничий), а я тем временем зарегистрировался в офисе и захватил оттуда карту, указывавшую направление к нашей юрте.

Как только мы выгрузили и привели в порядок снаряжение, то тут же облачились в походную одежду, зашнуровали ботинки и двинулись по грибы. Другими словами, принялись бродить по дорожкам, устремив глаза в землю и внимательно обшаривая взглядом кустарник, тянущийся вдоль песчаных дюн, и травянистые лужайки, примыкающие к юртам, с их пестрым узором из трав, листьев и перегноя. Мы бродили в позе «псилоцибино-

вой сутулости», как ее называют, всякий раз поднимая головы и выпрямляясь, едва заслышав шум приближающейся машины. Заготовка грибов запрещена в большинстве национальных парков, а сбор псилоцибиновых грибов вообще является преступлением на государственном и федеральном уровне.

Здесь, на сороковых широтах тихоокеанского побережья, погода была пасмурной, но тихой, что можно считать почти благодатью в этом северном регионе, особенно в декабре, когда постоянно штормит, сыро и холодно. Мы имели в своем распоряжении почти целый парк. Ландшафт поражал своей пустынностью и безлюдьем: всюду топорщились угловатые сосны с искривленными стволами, низко склонившимися в одну сторону под напором сильных ветров, налетающих с океана, желтели бесконечные песчаные пляжи с большим количеством коряг, выброшенных морем, а вдоль них здесь и там колыхались на волнах либо гнили на берегу гигантские бревна, прибитые сюда бурей. Эти бревна, бывшие некогда высокими деревьями, росшими в девственных, дремучих лесах выше по течению Колумбии за сотни миль отсюда, были смыты водами реки и доставлены сюда, где и лежали, омываемые волнами.

Стеметс полагает, что *Psilocybe azurescens*, изначально произраставшие в лесу, попали сюда, в устье реки Колумбия, в виде спор, застрявших в древесине одного из бревен, унесенных рекой, — иначе как объяснить тот факт, что это единственное место на побережье, где встречается этот вид. А возможно, мицелий проник в древесные семена, поселившись там и образовав симбиотические связи с деревом. Мицелий, считает Стеметс, функционирует в данном случае как своего рода иммунная система для своего хозяина, дерева, то есть выступает как гормональное, антибактериальное, противовирусное и инсектицидное образование, защищающее дерево от болезней и паразитов в обмен на питательные вещества и кров.

Пока мы бродили по травянистым дюнам расширяющимися спиралями или выписывая замысловатые восьмерки в поисках грибов, Стеметс не переставая твердил принятую у заядлых грибников поговорку; грибная охота — в отличие от охоты на зверей — хороша тем, что здесь вовсе не требуется молчать, боясь спугнуть своим голосом грибы. Впрочем, время от времени он замолкал, но лишь для того, чтобы показать мне гриб. Все эти грибы были один к одному: маленькие

и коричневые; опознать, что это за гриб, было совершенно невозможно, но Стеметс почти всегда приводил латинское название гриба и несколько интересных фактов о нем. В какой-то момент он протянул мне сыроежку, заявив, что ее надо съесть прямо сейчас. Едва я откусил ее красноватую шляпку, как тут же выплюнул: она оказалась жгучей на вкус. Что поделать! Скармливать новичкам сыроежки — это старый потешный обычай, принятый у бывалых грибников.

Я видел множество МКГ (маленьких коричневатых грибов), хотя не могу сказать, были ли это псилоцибиновые грибы или нет, и постоянно мешал Стеметсу, то и дело обращаясь к нему за консультацией, и каждый раз он опровергал мою надежду, что наконец-то я получил в свои руки драгоценную добычу. После часа или двух безрезультатных поисков Стеметс громко вздохнул и заявил, что, пожалуй, мы поздновато отправились за «азурами», так как они, видимо, уже отошли.

И вдруг, как в напряженной драматической сцене, он громко прошептал: «Да вот же он!» — и указал пальцем на гриб в стороне от себя. Я рванулся к нему, крикнув, чтобы он его не трогал: уж больно мне хотелось хорошенько рассмотреть, где и как он растет. Я надеялся, что тем самым обрету «наметанный глаз», как любят выражаться бывалые грибники. Как только наша радужка запечатлевает искомый визуальный объект со всеми его особенностями, то в следующий раз он непременно появится в поле нашего зрения. (На научном языке это явление называется феноменом более легкого распознавания стимула одного типа в ряду стимулов другого типа, или просто увеличением зрительного поля.)

Это был симпатичный грибок с гладкой, слегка глянцевой шляпкой цвета карамели. С согласия Стеметса сорвал его я; несмотря на малые размеры, он на удивление прочно сидел в земле, и когда я его вытащил, он прихватил с собой на ножке часть прелой листвы, почвы и крошечный белый узелок мицелия.

— А ну-ка, поскребите ногтем ножку, — велел Стеметс.

Я поскреб, и примерно через минуту это место приобрело синеватый оттенок.

— Псилоцибин, — непререкаемо изрек мой напарник.

Псилоцибин? Вот уж не ожидал, что *воочию увижу* химическое вещество, о котором я так много читал.

Этот гриб рос прямо на краю парковой зоны, примерно на расстоянии брошенного камня от нашей юрты. Стеметс сказал, что, подобно многим псилоцибиновым видам, «азуры» растут по краям больших экологических систем.

— Посмотри-ка, где мы находимся: на краю континента, на краю экосистемы, на краю цивилизации, и эти грибы, конечно же, и наше сознание подведут к самому краю. — И в этот момент Стеметс, который, когда дело касалось грибов, всегда был необычайно серьезен, вдруг взял и пошутил, пошутил впервые за все время нашего с ним знакомства: — Знаете, что является лучшим индикатором для грибов вроде *Psilocybe azurescens*? Виннебаго!* — И он указал на следы от колес, испещрившие парк во всех направлениях.

Несомненно, мы не первые люди, охотившиеся за «азурами» в этом парке, а каждый, кто собирает грибы, оставляет за собой в воздухе облако невидимых спор; именно из этого обстоятельства, по его мнению, и возникло представление о волшебной пыльце, якобы разбрасываемой феями. Так же и здесь: если проследить многочисленные следы от колес машин и трейлеров, то в конце их, как правило, наткнешься на машину с трейлером или кемпинг; это и есть виннебаго.

В тот день мы нашли семь «азуров». Под «мы» я прежде всего имею в виду Стеметса; я нашел только один гриб, да и то до последней секунды, пока не подошел Стеметс, улыбнулся и показал поднятый вверх большой палец, я не был до конца уверен, что это псилоцибе. Могу поклясться, что он выглядел точно так же, как десятки других видов, попадавшихся мне на глаза. Стеметс был терпелив, уча и посвящая меня в морфологию грибов, так что на следующий день мое знание (а с ним и удача) заметно возросло: я сам нашел четыре маленьких красавчика карамельного цвета. Небогатый улов, но на меня хватило бы и этого, особенно когда я узнал от Стеметса, что даже одного из этих грибков достаточно, чтобы отправить меня в долгую экстрасенсорную экспедицию.

Тем же вечером мы осторожно уложили семь грибов на бумажное полотенце и сфотографировали их, а уж затем

---

* Дом на колесах, а также машина, к которой он прицеплен, и кемпинг из таких домов; названы по имени индейского племени, населявшего земли на территориях современных штатов Висконсин и Иллинойс. — *Прим. перев.*

внесли их в юрту и разложили перед обогревателем для усушки. За несколько часов под действием горячего воздуха эти и без того ничем не примечательные грибы превратились в крошечные сморщенные голубовато-серые лоскутки, которые легко проглядеть. Трудно было поверить в то, что нечто столь непривлекательное могло претерпеть такие метаморфозы.

Я был преисполнен надежды в тот же вечер испробовать на себе один из «азуров», но Стеметс умерил мой энтузиазм.

— Я считаю, что *azurescens* слишком сильны для тебя, — сказал он мне, когда мы стояли у костра, который разожгли возле юрты, попивая пиво. Дело в том, что сразу после наступления темноты мы поехали на пляж, чтобы при свете фар поохотиться на моллюсков, и теперь, вернувшись назад, кипятили их в котелке над костром, добавив туда для аромата чеснок. — К тому же «азуры» вызывают один побочный эффект, который многие находят весьма неприятным для себя.

— И какой же?

— Временный паралич, — деловито-будничным тоном ответил он и пояснил, что люди, отведавшие «азуры», на какое-то время впадают в ступор, когда обнаруживают, что не могут управлять своими мышцами. — Это еще туда-сюда, если находишься в безопасном месте, но что, если ты на улице, а погода ветреная, дождливая и к тому же собачий холод? Ты же умрешь от переохлаждения!

Да, незавидная реклама «азурам», особенно учитывая тот факт, что она исходит от человека, открывшего этот вид и давший ему название. Мне как-то вдруг расхотелось пробовать эти грибы.

* * *

За эту неделю я не раз возвращался к одному и тому же вопросу: «Почему, черт возьми, какой-то гриб должен заботиться о производстве химического соединения, оказывающего столь радикальное воздействие на сознание животных, поедающих его? А что значит это соединение для самого гриба и значит ли хоть что-нибудь?» Можно, конечно, придумать квазимистическое объяснение этому явлению, как это сделали Стеметс и Маккенна: оба полагают, что нейрохимия — тот язык, которым природа объясняется с нами, пытаясь с помощью псилоцибина донести до нас что-то важное.

Но я такой подход скорее расцениваю как поэтическое тщеславие, нежели как научную теорию.

Лучший ответ на этот вопрос из тех, которые мне удалось получить, дал спустя несколько недель (разумеется, при содействии Пола Стеметса) бывший профессор Колледжа Эвергрин, химик Майкл Бёг. Когда я дозвонился ему домой (он живет неподалеку от каньона Коламбия-Ривер-Гордж, в 160 милях от нашего кемпинга), Бёг сказал, что он ушел в отставку, прекратил преподавательскую деятельность и в последнее время как-то не очень задумывается о псилоцибах, но мой вопрос заинтриговал его.

Я спросил его, есть ли основание верить в то, что псилоцибин действительно является для гриба защитным веществом. Ведь защита от паразитов и болезней — самая распространенная функция так называемых вторичных метаболитов, производимых растениями. Любопытно, но многие растительные яды не убивают хищников, а действуют скорее как психостимуляторы или токсины, вот почему многие из них мы используем для изготовления лекарственных препаратов, вызывающих изменение сознания. Почему все же растения не убивают своих врагов? Возможно, потому, что при сопротивлении этот метод скор, но не столь эффективен, как кажется, тогда как возня с нейромедиаторными сетями хищника может отвлечь или, лучше сказать, может толкнуть его на спонтанные рискованные действия, которые сократят дни его жизни. Подумайте об одурманенном токсинами насекомом, чье неадекватное поведение привлекает к себе внимание голодной птицы!

Но Бёг обескуражил меня, сказав, что если бы псилоцибин был защитным химикатом, то «мой бывший студент Пол Стеметс давно бы уже оседлал его и нашел ему применение в качестве противогрибкового, антибактериального или инсектицидного средства». В сущности, Бёг однажды уже исследовал грибы на предмет содержания в них псилоцибина и псилоцина и обнаружил, что в мицелии их количество ничтожно — хватит лишь на то, чтобы защитить только часть организма. «Химические вещества находятся не в мицелии, а в плодоносящем теле — иногда более двух процентов на массу гриба в сухом состоянии!» — колоссальное количество, а защиту лишь части организма вряд ли можно считать в данном случае эволюционным приоритетом.

Даже если псилоцибин в грибах появился в результате чистой случайности, «некоего сбоя метаболического пути», тот факт, что он не был отброшен в ходе эволюции этого вида, заставляет предположить, что он, должно быть, приносит какую-то пользу. «Предполагаю, и это лучшее, на что я способен, — сказал Бёг, — что грибы, производящие большое количество псилоцибина, почему-либо поедались с большей охотой, поэтому их споры получили более широкое распространение».

Поедались кем или чем? И для чего? Бёг сказал, что псилоцибиновые грибы, как известно, поедаются многими животными, включая лошадей, коров, быков и собак. На некоторых из них, например коров, грибы не оказывают никакого действия, но многим животным, видимо, все же нравится временное нарушение привычного для них состояния. Бёг занимается сбором сведений об отравлении грибами для Североамериканской микологической ассоциации, и за многие годы он выслушал и перечитал множество рассказов о лошадях, бродящих, спотыкаясь, в своих загонах, и собаках, которые «фокусируются на псилоцибе и, по-видимому, галлюцинируют». Известно также, что некоторые виды приматов (помимо нашего собственного) тоже с наслаждением вкушают психоделические грибы. Вероятно, именно животные со вкусом к измененным состояниям сознания и способствовали столь широкому распространению псилоцибина. «Штаммы вида, который производил большее, а не меньшее количество псилоцибина и псилоцина, пользовались, как правило, большей благосклонностью у животных и поэтому постепенно распространялись все дальше и шире».

Поедаемые в малых количествах, психоделические грибы, вероятно, повышают выживаемость животных за счет усиления остроты восприятия и, возможно, фокусировки внимания. В обзорной статье, напечатанной в журнале «*Этнофармакология*» (2015), говорится, что некоторые племена в различных частях света кормят своих собак психоактивными растениями, чтобы улучшить их охотничьи способности*.

---

* Авторы приходят к выводу, что «галлюциногенные растения меняют восприятие у охотничьих собак, подавляя посторонние сигналы и усиливая чувственное ощущение (по большей части нюх), непосредственно отвечающее за обнаружение и захват дичи». См.: *Брэдли К. Беннет и Росио Аларкон. «Охота и галлюциногены. Использование психоактивных и других растений для*

Однако считается, что при больших дозах псилоцибина, от которого животные, наевшиеся психоделических грибов, «бродят, спотыкаясь», они были бы явно в невыгодном положении с точки зрения выживания, и нет сомнения, что многие из них именно в таковом положении и оказываются. Но для немногих избранных подобное воздействие *может* представлять некую адаптивную ценность, и не только для них самих, но, возможно, и для группы или даже для вида.

Но здесь мы ступаем на сугубо умозрительную и немного скользкую почву, где лучшим проводником считается небезызвестный итальянский этноботаник Джорджо Саморини. В своей книге «*Животные и психоделики. Мир природы и инстинкт к изменению сознания*» Саморини выдвигает гипотезу, что во время быстрых преобразований природной среды или экологических кризисов, когда некоторые члены группы отказываются от своих привычных и обусловленных средой проживания реакций и начинают осваивать кардинально иные, новые реакции, поступки и действия, это в немалой степени способствует выживанию группы в целом. Это что-то вроде генетических мутаций; в любом случае большая часть этих новшеств окажется бесполезной и будет устранена естественным отбором. Но, согласно закону вероятности, некоторые новые реакции все же окажутся полезными и для особи, и для группы, и, возможно, для вида в целом, помогая им приспособиться к быстрым переменам природной среды.

Саморини называет этот процесс депаттернингом, или, говоря более понятным языком, «фактором устранения старых шаблонов». Действительно, в ходе эволюции вида бывают периоды, когда старые шаблоны поведения уже недейственны и наилучший шанс для адаптации к новым условиям могут дать только радикально иные, потенциально инновационные восприятие и нормы поведения, к которым иногда могут подтолкнуть и психоделики. Можно сказать, что это своего рода нейрохимически индуцированный источник вариативности внутри популяции.

улучшения охотничьих способностей собак». — Журнал «*Этнофармакология*» № 171 (2015), с. 171–183. [Bradley C. Bennett and Rocio Alarcon, “Hunting and Hallucinogens: The Use Psychoactive and Other Plants to Improve the Hunting Ability of Dogs,” *Journal of Ethnopharmacology* 171 (2015): 171–83.]

Трудно воспринимать прекраснодушную теорию Саморини, не думая при этом о нашем собственном виде и тех сложных обстоятельствах, в которых мы сегодня находимся. Возможно, Homo sapiens как раз подошел к одному из тех кризисных периодов, которые требуют от него изменения некоторых психических и поведенческих шаблонов. Может быть, поэтому природа и послала нам эти психоделические молекулы именно сейчас?

* * *

Такая мысль не показалась бы Полу ни в малейшей степени надуманной. Пока мы стояли у костра, красноватый свет которого мерцал на наших лицах, а в котелке булькал наш ужин, Стеметс рассказывал о том, какие тайны природы раскрыли ему грибы и чему они его научили. Он был экспансивен, красноречив, грандиозен и временами даже подвергал себя серьезной опасности, рискуя вырваться из грубых рамок правдоподобия. У нас было с собой несколько бутылок пива, а поскольку мы сегодня решили не трогать свою крошечную заначку «азуров», то мы просто покурили травки. Стеметс не переставая развивал идею о том, что псилоцибин — это химический вестник, посланный нам самой Землей, и что мы, люди, избраны самой судьбой, в силу наличия у нас сознания и языка, чтобы выслушать ее весть и начать действовать, пока не поздно.

— У растений и грибов есть разум, и они хотят, чтобы мы позаботились о природной среде и сберегли ее. Именно об этом они и говорят нам доступным им способом, способом, который мы можем понять. Почему именно мы? Да потому, что именно мы, люди, густо заполонили эту Землю, потому что мы — те двуногие организмы, которые ходят и населяют мир вокруг них, поэтому растения и грибы особо заинтересованы в том, чтобы заручиться нашей поддержкой. Думаю, у них есть сознание и они постоянно пытаются направлять ход нашей эволюции, обращаясь к нам на языке биохимии. Нам нужно лишь как следует к ним прислушаться.

Знакомые мотивы. Они постоянно звучали в его бесчисленных лекциях и до сих пор звучат в интервью, которые Стеметс дает без счета. «Грибы научили меня тому, что существует тесная взаимосвязь всех форм жизни с молеку-

лярной матрицей, которая у нас с ними является общей, — говорит он в одном из них. — Я больше не чувствую себя некой оболочкой по имени Пол Стеметс, в которую завернута моя человеческая жизнь. Нет, я — часть того бесконечного потока молекул, который пронизывает природу и, подобно реке, течет через нее. Мне, пусть временно, дан голос, дано сознание, но я, тем не менее, чувствую себя частью непрерывного потока звездной пыли, внутри которого я рожден и к которому я вернусь в конце этой жизни». Стеметс сильно напоминает мне участников экспериментов, которых я встречал и с которыми беседовал в медицинском центре Хопкинса: это были люди, прошедшие через полноценные мистические откровения, люди, чье ощущение самих себя как индивидуумов было поглощено или растворилось в чем-то большем, целом — в неком «объединяющем сознании», которое, в случае со Стеметсом, втянуло его в природную паутину как своего далеко не смиренного слугу.

— Думаю, что под влиянием псилоцибе на меня снизошел ряд новых озарений, дающих мне возможность направлять и ускорять эволюцию грибов, в результате чего мы сможем найти решение всех своих проблем.

По мысли Стеметса, именно сейчас, во время экологического кризиса, мы не можем позволить себе ждать, когда эволюция, совершающаяся обычным темпом, в соответствующее время приведет нас к нужным решениям. Пора это делать самим. Пора начать ломать старые шаблоны.

Пока Стеметс развивал свою мысль, я почему-то вспомнил Алекса Грея и его картину упоротой обезьяны, из косматой головы которой вылетали в виде мух мириады мыслей. Ведь многое из того, что намеревался сказать Стеметс, покоится на очень узком и опасном рифе, торчащем в океане здравого смысла между вольными теоретическими полетами автодидакта и поздними ночными разборками обдолбанного чудака, посылающего всех, кто находится в пределах его слышимости, спать, спать, спать… Но когда мне уже порядком надоели его извивы мысли и я начал терять терпение, все больше откликаясь сознанием и душой на зов спального мешка, звавшего меня из юрты, как раз в этот момент он (или это был я?) свернул за угол, и все его микологические пророчества вдруг предстали передо мной в более благожелательном свете.

За день до этого Стемеетс устроил мне экскурсию по лабораториям и помещениям, где выращиваются его грибные сокровища, то есть показал мне свою компанию *Fungi Perfecti*, которую он основал еще в колледже. Притаившийся в вечнозеленом лесу в нескольких минутах ходьбы от его дома, производственный комплекс *Fungi Perfecti* состоит из ряда длинных белых металлических зданий, напоминающих теплицы из гофрированного железа или укороченные ангары. Между ними высятся горы древесных опилок, отбракованных грибов и перегноя, используемого для их выращивания. В одних зданиях выращиваются съедобные и лекарственные виды грибов, другие отведены под исследовательский центр: там находятся стерильные комнаты и камеры ламинарного течения, в которых Стеметс воссоздает грибы из тканевой культуры и проводит свои эксперименты. На стенах в офисе висят в рамках полученные им патенты. Среди потока слов, изливаемого на меня неуемным Стеметсом, я узрел в этих стенах то, что сказало мне о Стеметсе больше, чем он сам: хотя он, безусловно, большой любитель поболтать, но он не *просто* болтун, а прежде всего человек дела, успешный исследователь и предприниматель, своими экспериментами вносящий значительный вклад если не во все, то в очень многие области жизни, начиная с медицины и восстановления окружающей среды и заканчивая сельским хозяйством, лесным хозяйством и даже национальной обороной. В сущности, Стеметс не кто иной, как ученый, хотя ученый особого рода.

Но что это за особый род, я в тот раз так до конца и понял; я понял это лишь несколько недель спустя, когда мне на глаза попалась замечательная биография Александра Гумбольдта, выдающегося немецкого ученого первой половины XIX века (и друга Гете), который революционизировал наше понимание природного мира. Гумбольдт считал, что лишь с помощью чувств, ощущений и воображения, то есть с помощью инструментов человеческой субъективности, мы сможем проникнуть в природу и постичь ее тайны. «Повсюду природа разговаривает с человеком голосом, знакомым его душе», — заявляет он. Природа представляет собой упорядоченную и прекрасно организованную систему (систему, которую Гумбольдт, несколько поразмыслив над словом «Гея», предпочел назвать «Космос»), но она бы никогда не раскрылась перед нами, если бы не чело-

веческое воображение, которое само является продуктом природы, то есть той самой системы, которую оно призвано постигать. Самомнение и тщеславие современных ученых, кичащихся беспристрастной объективностью, с которой они якобы изучают явления природы, наблюдая за ней из удобного ракурса вне ее, Гумбольдт счел бы проклятием для себя и предал бы анафеме. «Я сам неотделим от природы».

Если Стеметс ученый (а я в этом ничуть не сомневаюсь), то он ученый того же замеса, что и Гумбольдт, что с точки зрения современников выглядит как атавизм. Я не хочу этим сказать, что тот вклад в науку, который сделал Стеметс, соизмерим с вкладом Гумбольдта и одного с ним порядка. Стеметс тоже любитель, но любитель в лучшем смысле этого слова, а кроме того, еще и самоучка, не имеющий диплома и беспечно нарушающий междисциплинарные границы. Помимо всего прочего, он настоящий натуралист и изобретатель, открывший несколько новых видов грибов и получивший несколько патентов на свои изобретения. Он тоже слышит голос природы, и благодаря своему воображению (чаще всего необузданному) он видит системность там, где другие ее не видят, например прямо у себя под ногами в лесу. В данном случае мне приходят в голову его романтические эпитеты: «Интернет Земли», «неврологическая сеть природы», «иммунная система леса» и многие другие — метафоры, против которых было бы глупо восставать.

Что больше всего поражает меня в Стеметсе и многих других так называемых ученых-романтиках (вроде Гумбольдта, Гете, Джозефа Бэнкса, Эразма Дарвина, к которым я бы причислил и Дэвида Торо), так это то, что в их руках природа выглядит более свежей и живой, чем в холодных руках профессионалов, где она быстро усыхает. Эти «сугубо специализированные ученые» (термин, изобретенный в 1834 году) постепенно вывели науку на простор, за стены лабораторий, и начали там рассматривать природу через приборы и приспособления, которые делали невидимые прежде миры доступными человеческому глазу. Эти новшества незаметно меняли сам объект исследования, сделав его не просто объектом, а *чем-то большим*.

Вместо того чтобы рассматривать природу как набор разрозненных объектов, ученые-романтики (а в их число я вклю-

чаю и Стеметса) видели густо переплетенную паутину явлений, воздействующих одно на другое и неразрывно слившихся в великом танце, который следовало бы назвать коэволюцией. «Всё суть взаимодействие и взаимосвязь», — сказал Гумбольдт. Они видели этот танец субъективностей, поскольку приучили себя взирать на природу глазами растения, глазами животного, глазами микроба и глазами гриба, то есть в перспективе, зависящей как от силы воображения, так и от глубины наблюдения.

Подозреваю, что полет воображения дается нам, современным людям, все труднее и труднее. Наука и техника толкают нас как раз в обратном направлении, к объективизации природы и всех видов, кроме нас самих. Безусловно, нам необходимо признать практическую ценность этой перспективы, которая дает нам очень много, но одновременно мы должны признать и ее стоимость, как материальную, так и духовную. Тем не менее этот более старый, но и более волшебный способ видения еще может принести дивиденды, как это произошло в том случае (всего лишь один маленький пример!), когда Пол Стеметс, стоящий на позиции грибов, наконец понял, почему медоносные пчелы любят прилетать на поленницы. Они это делают для того, чтобы излечиться: втягивают хоботками сапрофитный мицелий, который, как известно, содержит противомикробные соединения, необходимые для выживания всего улья, — дар, который гриб преподносит пчелам за... За что? Вот здесь-то и требуется полет воображения.

КОДА

Вам, вероятно, интересно узнать, что же мы сделали с теми «азурами», которые собрали за уикэнд. Много месяцев спустя, в разгар лета, которое мы проводили у себя дома, в Новой Англии, в месте, изобилующем воспоминаниями, мы с Джудит их съели. Я накрошил грибы (по два гриба на стакан) и залил их кипятком, как заваривают чай; «заварить» грибы мне посоветовал Стеметс: мол, кипяток разрушает соединения, от которых может разболеться живот. Мы с Джудит выпили по чашке грибного чая, затем подобрали крошки и тоже их съели. После чего я предложил, пока мы ждем действия псилоцибина, пойти прогуляться, и мы пошли гулять по грязной дороге, идущей мимо нашего дома.

Однако спустя каких-то 20 минут Джудит объявила, что «чувствует нечто такое»… что к ней подступает что-то очень неприятное. Ей не хочется больше гулять, сказала она. В этот момент мы находились примерно в миле от дома. У нее такое ощущение, заявила она, словно ее сознание и тело разъединились, существуют сами по себе и куда-то плывут. Сознание выплеснулось из ее головы и теперь порхает среди веток дерева, как птица или насекомое.

— Мне нужно добраться до дома и почувствовать себя в безопасности, — сказала она, на этот раз довольно настойчиво. Я попытался успокоить ее, но она резко повернулась и пошла назад ускоренным шагом. Я двинулся следом. Мне

было жарко, воздух был густой и плотный от влаги. — Я правда не хочу в кого-нибудь врезаться, — сказала Джудит. Я заверил ее, что этого не произойдет. Я все еще был более или менее в себе, но, думаю, я не поддавался воздействию грибов из-за того, что был снедаем тревогой за Джудит и то состояние, в котором она находилась. В конце концов, должен же кто-то оставаться нормальным на тот случай, если мимо вдруг проедет сосед на машине и остановится перемолвиться словом — перспектива, которая выросла до размеров кошмара. В сущности, незадолго до того, как мы подошли к дому (во всяком случае, так показалось нам обоим), мы действительно услышали гул мотора соседского пикапа, несшегося прямо на нас, и мы, как напроказившие дети, тут же нырнули в лес и сидели там, пока он не проехал.

Джудит, войдя в дом, прямиком направилась в гостиную и, спустив жалюзи, улеглась на диван, а я тем временем отправился на кухню, чтобы допить остатки грибного чая, поскольку не чувствовал, что достиг нужной кондиции. Я немного тревожился за Джудит, но в целом был спокоен: как только она улеглась на диван, ее настроение сразу улучшилось и она заявила, что чувствует себя прекрасно.

Мне было непонятно ее желание сидеть в четырех стенах. Я вышел и немного посидел на крытой веранде, прислушиваясь к звукам в саду, которые вдруг сделались очень громкими, как будто кто-то вывернул на полную мощность регулятор громкости. В воздухе ни дуновения, но неотвязное зудение насекомых и механическое жужжание колибри, все усиливаясь, создавали какофонию, какой мне еще не приводилось слышать. Она начинала действовать мне на нервы, но я решил, что будет лучше, если я начну воспринимать эти звуки не как будоражащие, а как гармонично-прекрасные, и они в самом деле мгновенно обратились в таковые. Я поднял вверх руку, затем приподнял ногу и с чувством облегчения заметил, что не парализован и управляю своими мышцами, хотя при этом не чувствовал ни малейшего их напряжения.

Как только я закрывал глаза, передо мной тут же возникали разные, не связанные между собой образы, словно под веками находился встроенный экран. Мои записи пестрят выражениями: *дробящиеся узоры; туннели, тянущиеся сквозь листву; клейкие гроздья винограда, образующие*

решетки… Но когда я почувствовал, что теряю контроль над своим полем зрения, его радиусом и глубиной, и мной начала овладевать паника, я обнаружил, что для восстановления нормального чувства достаточно лишь открыть глаза. Открывать и закрывать глаза — все равно как включать и выключать канал. И я подумал: «Гм, кажется, я учусь управлять своими видениями».

Многое случилось (так мне, во всяком случае, кажется) в течение того августовского вечера, но я не буду рассказывать обо всем, а сосредоточусь лишь на одном элементе своих переживаний, поскольку он в какой-то степени дает ответы на вопросы о назначении природы и нашего места в ней, вопросы, на которые наталкивает псилоцибин, во всяком случае меня. В тот вечер я решил прогуляться до своего писательского домика, в котором я обычно работал над статьями и книгами, — небольшого строения, построенного мной 25 лет тому назад, с которым у меня связано много теплых воспоминаний, но который теперь, когда я пишу эти строки, принадлежит другим людям. Там, в небольшой комнатке, я написал две с половиной книги (одну из них о том, как я его строил), сидя перед большим, широким окном с видом на пруд и на сад, примыкающий к нашему дому.

Однако перед тем, как отправиться на прогулку, я решил проведать Джудит (смутное беспокойство относительно ее меня не оставляло) и зашел в гостиную. Она лежала, вытянувшись, на диване, прикрыв глаза смоченной в холодной воде салфеткой. Вроде бы с ней все было в порядке.

— Знаешь, а у меня очень интересные видения, — сказала она, — как будто пятна от кофе на столике вдруг ожили, начали вращаться, менять форму и вдруг оторвались от поверхности… Очень впечатляюще!

Она дала понять, что хочет побыть одна, чтобы более пристально вглядеться в эти образы и посмотреть, что будет дальше. Собственно, ее можно понять: она ведь художница. Но фраза «параллельная пьеса», произнесенная ею, так вонзилась в мое сознание, что осталась там на весь этот вечер.

Я вышел на улицу, чувствуя слабость в ногах: они были как ватные.

Сад был полон жизни и деятельности: стрекозы вычерчивали в воздухе замысловатые фигуры; семенные головки

плюмажных маков трещали, как гремучие змеи, когда я проходил мимо, нечаянно касаясь их; флоксы источали сладкий, немного тяжелый аромат, а воздух был настолько густ и плотен, что, как мне тогда казалось, на него можно было опереться. Во время прогулки по саду меня преследовало слово «острота» (да и сопровождавшая его острота ощущений тоже), и позже оно тоже не раз приходило мне в голову. Трудно сказать почему. Возможно, потому, что мы здесь больше не живем и этот сад, в котором мы провели столько летних дней сначала как влюбленные, а затем как семья и который в данный момент казался живым воплощением *настоящего*, был при этом частью безвозвратного прошлого. Он был для меня как драгоценное воспоминание, которое не только всплыло в памяти, но и вернулось к жизни, одновременно и прекрасное, и жестокое. Душераздирающей была и быстротечность этого момента во времени, и наливная зрелость самого сада, затерянного в просторах Новой Англии в последних числах августа, как раз на стыке смены времен года. Очень скоро, одной безоблачной ночью, еще до рассвета, гуд, цветенье и благоухание, ныне наполняющие сад, исчезнут сразу, без предупреждения, и на смену им придет убийственный холод. Под впечатлением всего этого я чувствовал себя эмоционально открытым, незащищенным.

Наконец я добрел до писательского домика, вошел в него и вытянулся на кушетке, то есть сделал то, чего не мог позволить себе многие годы, трудясь здесь столь самозабвенно и прилежно. Книжные полки были пусты, в воздухе стоял запах запустенья, навевавший светлую грусть. С кушетки была видна, если смотреть прямо над торчащими пальцами ног, противомоскитная сетка на окне, а дальше, за ней, ажурная резьба беседки, сплошь усеянная цветами и увитая переплетенными меж собой лозами старой доброй гортензии черешковой (*Hydrangea petiolaris*). Я посадил ее десятки лет назад в надежде, что она создаст именно такую запутанную перспективу. Освещаемые послеполуденным солнцем, пронизывавшим пространства между ними, ее аккуратно скругленные листья заполняли все окно, так что я как бы смотрел на мир сквозь образуемую ими свежую зеленую завесу. Эти листья казались мне самыми красивыми из всех, что я видел.

Они как будто источали мягкое зеленое сияние. Для меня было наградой и высшей честью смотреть на мир их глазами, если можно так сказать, потому как они, поглощая последние солнечные лучи, преобразовывали световые фотоны в новую материю. *Видеть мир глазами растений* — вот он, этот момент! Именно так я его и видел! Но и листья, в свою очередь, тоже смотрели на меня, как бы оценивая и одновременно исцеляя меня своим добрым и благосклонным взглядом. Я чувствовал их любопытство и при этом точно знал: за ним скрывается беспредельная благожелательность ко мне и мне подобным. (Нужно ли говорить, сколь безумно звучит подобная фраза? Увы, но я и сам это знаю!)

Было такое ощущение, что я впервые в жизни напрямую общаюсь с растениями и что конкретные идеи, о которых я так много думал и писал, — иметь возможность встать на субъективную точку зрения других видов и понять, как они воздействуют на нас путями, которые мы не в состоянии оценить в силу собственного эгоизма, — эти идеи вдруг обрели плоть чувств и стали реальностью. Я вглядывался сквозь вычурные пространства, образуемые переплетением листьев гортензии, фиксируя взгляд на болотном клене, стоявшем вдалеке среди пойменного луга, и этот клен мне казался таким живым и подвижным, каким не казалось еще ни одно дерево, потому как он был одушевлен неким духом — кстати, тоже очень благожелательным. Сама мысль о том, что может быть какое-либо несогласие или расхождение между духом и материей, казалась смешной и нелепой, да и все то (что бы это ни было), что обычно отделяет меня от мира и стоит преградой между нами, вдруг, как мне показалось, начало разрушаться и отпадать. Правда, не полностью: крепостные стены эго так и не рухнули и остались стоять; в этом смысле все виденное мной не было, как говорят исследователи, «полноценным мистическим переживанием», поскольку во мне все время жило чувство наблюдающего за всем происходящим «я». Но двери и окна моего восприятия были при этом широко распахнуты, и через них на меня хлынул мир, с мириадами его нечеловеческих обитателей, в таком количестве, о котором я прежде и не подозревал.

Воодушевленный таким развитием событий, я сел на кушетке и бросил взгляд в большое окно (как раз на уровне

письменного стола), из которого был виден дом. Когда я проектировал этот дом, я тщательно позаботился о том, чтобы перед глазами был неизменно один и тот же внушительный вид, некая рамка, образуемая двумя очень старыми, почтенными деревьями — флегматичным стройным ясенем справа и изящно изогнутым, с замысловато переплетенными ветвями, белым дубом слева. Ясень когда-то знавал лучшие дни, но бури и ураганы сильно обкорнали его, лишив нескольких важных конечностей, и нарушили его некогда безупречную симметрию, оставив вместо веток несколько культей. Дуб сохранился гораздо лучше, был до макушки покрыт густой листвой, а его вознесшиеся вверх ветви доставали, казалось, до самого неба, словно руки исполинского танцора. Но меня больше всего тревожил его ствол, опасно наклонившийся в одну сторону. Причиной тревоги был не сам наклон ствола (таким он был всегда), а та его часть, которая находилась на уровне земли: она прогнила так, что через нее был виден свет на другой стороне дуба. За счет чего дуб стоял и не падал, я не понимал.

Я смотрел на эти два дерева, как смотрел на них много, много раз до этого, сидя за столом, и вдруг меня озарила мысль, что эти деревья (*это же очевидно*!) мои родители: флегматичный ясень — мой отец, а изящный дуб — моя мать. Не знаю точно, что я подразумевал под этим; вероятно, ничего, кроме разве того, что сама мысль о деревьях неразрывно слилась с мыслью о моих родителях. Они жили в этих деревьях, жили полностью и бесповоротно. Я просто сидел и думал о том, что дали мне родители, о том, что сделало с ними время, о том, что произойдет с этой панорамой, с этим местом (*этим мной*!), когда деревья наконец упадут, что рано или поздно непременно случится. То, что родители подвержены смерти, что они умирают, — это пусть и не прозрение, но та перспектива (причем не такая уж далекая и абстрактная), которая в тот момент поразила мое сердце глубже, чем когда-либо, и я вновь оказался безоружным перед лицом того пронизывающего чувства остроты, которое преследовало меня весь этот день. И все же, должно быть, остатки здравого смысла у меня еще сохранились, поскольку я сделал запись в рабочей тетради, что нужно завтра вызвать лесовода; возможно, удастся или под-

переть дерево, или что-то сделать для того, чтобы уменьшить вес на наклонную сторону дуба и тем самым предотвратить его падение или замедлить его.

Мое возвращение домой было, я думаю, пиком событий того дня, и когда я вспоминаю о нем, оно предстает передо мной в красках и полутонах, характерных для сновидения. У меня опять возникло чувство, будто я с силой толкаю свое тело через массу плотного воздуха, сладковатого от ароматов флоксов и наполненного почти неистовой деятельностью. Стрекозы, большие как птицы, носились туда и сюда как сумасшедшие, присаживаясь на цветы флокса буквально на одну секунду, ровно настолько, чтобы одарить их поцелуем, после чего снова взмывали вверх и снова принимались с удвоенной силой носиться над дорожками сада. Столько стрекоз в одном месте я еще никогда не встречал; их было так много, что я какое-то время пребывал в неуверенности, действительно ли они реальны и не существуют ли просто в моем воображении. (К счастью, Джудит чуть позже подтвердила реальность этого факта, когда я попросил ее выйти на улицу.) Выполняя свои замысловатые фигуры, они оставляли за собой следы, которые долго еще держались в воздухе — по крайней мере, так казалось. Вечерело; воздушное движение в саду переросло в буйное крещендо: насекомые-опылители совершали свои последнее круги над растениями, а растения по-прежнему все с тем же пылом призывали их своими цветами: *ко мне, ко мне, ко мне*! С одной стороны, эта сцена была мне хороша знакома — сад на короткое время возвратился к жизни после того, как жара спала, — а с другой стороны, я еще никогда не чувствовал себя столь сроднившимся с ним. Я больше не был чужим и посторонним наблюдателем, взиравшим на сад издалека (в буквальном или метафорическом смысле), а чувствовал себя неотъемлемой частью всего происходящего здесь. Поэтому цветы и меня призывали так же, как они призывали насекомых-опылителей, и, вероятно, потому, что сам воздух тем вечером ощущался столь же реально плотным, как присутствие любого плотного предмета, присущее мне, как человеку чувство своего «я», то есть чувство субъекта, наблюдающего за пространственными объектами — объектами, казавшимися выпуклыми, рельефными, а затем вдруг ставшими абс-

трактными, отвлеченными благодаря кажущейся пустоте, которая их окружает, — это чувство уступило дорогу другому чувству, чувству глубокого погружения в себя и полной причастности к этой сцене, чувству неразрывной связи с мириадами других живых существ и с миром в целом.

«Все суть взаимодействие и взаимосвязь», — писал Гумбольдт, и мне казалось, что так оно и есть; во всяком случае, впервые в своей жизни, насколько помню, я имел полное право сказать: «Я сам неотделим от природы».

* * *

Если честно, то я до сих пор не знаю, что мне делать со всеми этими видениями. В некоторые моменты (и в свете некоторых фактов) у меня возникает чувство, что мне был дан определенный духовный опыт, потому как я чувствовал индивидуальность других существ так, как не чувствовал ее раньше. Если и существует нечто такое, что удерживает нас от ощущения полной причастности к природе, оно в тот раз временно пребывало в бездействии. В моем сердце словно открылась некая дверца, открылась для того, чтобы впустить моих родителей, Джудит, и не только их, но и растения, деревья, птиц и даже чертовых клопов, время от времени посягавших на нашу собственную плоть. Это была некая открытость по отношению к миру, и часть ее сохранилась. И сейчас, думая об этом, я нахожу данный мне опыт чудесным и неотъемлемым от самой природы.

Тот факт, что трансформация знакомого мне мира, преобразившегося в нечто такое, что я не могу определить иначе, как сверхъестественное и мистическое, произошла под действием маленьких коричневых грибов, собранных мной и Стеметсом в национальном парке на тихоокеанском побережье, — сам этот факт можно интерпретировать двояко: или как дополнительное свидетельство чуда, или как довод в поддержку более прозаического и материалистического истолкования того, что случилось со мной в тот августовский день. Согласно первой интерпретации, все очень просто: у меня были «наркотические глюки», что-то вроде грез среди бела дня, грез интересных, приятных, но ничего не значащих. Псилоцибин в грибах «откупорил» в моем мозгу рецепторы 5-гидрокитриптофана 2-А, которые возбудились

настолько, что наводнили мой мозг целым каскадом бессвязных психических явлений, смешавшихся, среди всего прочего, с некоторыми мыслями и чувствами (очевидно, взятыми из подсознания, а также из прочитанных мною книг), позволив им пересечься со зрительной корой моего мозга, поставлявшей образы деревьев, растений и насекомых в поле моего зрения.

Это не совсем галлюцинация; вероятно, «проекция» более подходящий термин для этого психологического явления, ведь мы просто смешиваем эмоции с определенными объектами, которые отражают и возвращают нам наши же чувства, в которых, как нам кажется, проблескивает некий смысл. Томас Элиот называл эти явления и ситуации «олицетворением» человеческих эмоций. То же самое имел в виду и Ральф Уолдо Эмерсон, сказавший, что «природа всегда расцвечена красками духа», подразумевая, что именно наш ум одевает ее, природу, в соответствующие наряды и придает ей нужный смысл.

Меня поразил тот факт, что в моем обостренном восприятии в тот вечер не было ничего сверхъестественного, ничего такого, к чему я мог бы прибегнуть для объяснения мысли о магии или божественности. Нет, все, что мне потребовалось, — это еще один перцепционный уклон в ту же знакомую реальность, еще одна линза или еще одно состояние сознания, которое ничего не изобрело и не придумало, а просто (*просто*!) выделило курсивом прозу обычной повседневности, вычленив из нее то чудо, которое, скрытое от простого глаза, неизменно присутствует в саду или в лесу, — еще одна форма сознания, которая, по словам Уильяма Джеймса, «отделена от [нас] тончайшим из экранов». Собственно говоря, природа прямо-таки изобилует субъективностями — назовите их духами, если хотите, — отличными от нашей; и только человеческое эго, с его воображаемой монополией на субъективность, не позволяет распознать их все и признать наше родство с ними. В этом смысле, полагаю, Пол Стеметс прав, считая, что грибы несут нам послания природы или по меньшей мере помогают нам принять и прочесть их.

До того знаменательного дня я всегда полагал, что только признание Сверхъестественного, будь то Бог или нечто Высшее, открывает доступ к духовным измерениям, но сейчас я в этом

не уверен. Это Высшее, что бы оно собой ни представляло, вероятно, не так уж далеко и недоступно, как мы полагаем. Хьюстон Смит, ученый-религиовед, однажды дал определение духовно «реализовавшегося существа»; по его мнению, это просто человек с «обостренным чувством постижения удивительной тайны во всем сущем». Вера не нуждается в размышлении. Может быть, трепет или ощущение чуда перед лицом удивительной тайны, которые испытываешь в саду, есть не что иное, как восстановление утраченной перспективы, незамутненного взгляда ребенка; может быть, мы снова обретаем его под действием нейрохимических процессов, устраняющих фильтры (фильтры условностей, обычаев, эго), мешающих нам в будничной жизни видеть то, что, подобно этим милым листьям, смотрит нам прямо в глаза. Может быть, но так ли это, не знаю. Но если эти высохшие ошметки грибов чему-то и научили меня, так это тому, что существуют другие доступные нам и еще более странные формы сознания, что бы они ни значили, и само их существование, если цитировать Уильяма Джеймса, «не дает нам преждевременно расквитаться с реальностью и свести с ней счеты»

Непредвзятый, непредубежденный, отдавший душу грибам, готовый вновь открыть счета с реальностью — именно таким был я на тот момент.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ: ПЕРВАЯ ВОЛНА

Когда федеральные власти всей своей мощью обрушились на Тимоти Лири, осудив его в 1966 году* на 30 лет тюрьмы за попытку провезти через границу в Ларедо, Техас, небольшое количество марихуаны, попавший в немилость бывший профессор психологии обратился за советом к Маршаллу Маклуану. Страна пребывала в конвульсиях моральной паники по поводу ЛСД, в немалой степени вызванной самим Лири, провозгласившим психоделические препараты средством личной и культурной трансформации и призывавшим молодежь Америки: «Включись, настройся, выпадай!» Какими бы обветшалыми и глупыми ни казались эти слова нам сегодня, но был момент, когда они воспринимались как вероятная угроза социальному порядку, как призыв к детям Америки не только подсесть на наркотики, изменяющие сознание, но и отвергнуть истинный путь, проторенный родителями и правительством, включая и тот, который вел молодых людей прямо во Вьетнам. В том же 1966 году Лири был вызван в Вашингтон и предстал перед постоянным комитетом сената США для защиты своего пресловутого лозунга, который он смело, хотя и не очень настойчиво, пытался осуществлять на деле. Посреди всей этой национальной бури, бушевавшей вокруг него (бури, которой он, надо сказать, явно наслаждался), Лири, гуру ЛСД, во время обеда в нью-йоркском отеле *Plaza* познакомился с Маршаллом Маклуаном, гуру СМИ,

* Поскольку до 1968 года обладание любой дозой ЛСД не считалось федеральным преступлением, правительству в его противоборстве с представителями контркультуры часто приходилось прибегать к подлогу, подменяя ЛСД марихуаной, и затем уже преследовать человека на основании закона о владении марихуаной.

и последний пообещал первому дать кое-какие советы относительно того, как обрабатывать публику и прессу.

— Унылые сенатские слушания и залы судебных заседаний — это не та платформа, с которой вы должны возвещать свое послание, Тим, — сказал ему Маклуан в частном разговоре, который Лири воспроизводит в книге «*Воспоминания*» (*Flashbacks*), одной из многих своих автобиографий. (Лири писал автобиографию каждый раз, когда судебные издержки и алименты грозили опустошить его банковский счет.) — Чтобы развеять страх, нужно использовать свой публичный имидж. Ведь именно вы индоссант основного продукта. — (Основным продуктом на тот момент был, разумеется, ЛСД.) — Когда вас снимают, улыбайтесь. Ободряюще машите рукой. Излучайте уверенность и мужество. Никогда не жалуйтесь и не обнаруживайте гнев. Это же вполне нормально, если вы будете вести себя ярко и эксцентрично. В конце концов, вы же профессор. Уверенность в себе — лучшая реклама. Ваша улыбка должна сделать вас знаменитым.

Лири принял совет Маклуана близко к сердцу. На тысячах снимков, сделанных после того памятного обеда в *Plaza*, Лири уверенно демонстрирует на камеру свою самую обаятельную улыбку. Что бы он ни делал: входил в здание суда или выходил из него, обращался к толпе своих юных поклонников с любимыми бусами на шее и в белой одежде, шествовал среди полицейских к патрульной машине в только что надетых наручниках или сидел на краю кровати Джона и Йоко в номере монреальского отеля, — Тимоти Лири всегда удавалось вызывать на лице яркую улыбку, с которой он приветственно махал рукой в камеру.

Таким образом, именно харизматичная фигура вечно улыбающегося Тимоти Лири веско маячит на переднем плане истории психоделиков в Америке. Тем не менее вряд ли кому-то понадобится проводить в библиотеке много часов, чтобы задаться вопросом: а не слишком ли преувеличена фигура Тимоти Лири в этой истории или, по крайней мере, в том ее популярном изложении, которого придерживаемся мы? Я был далеко не единственный, кто считал, что псилоцибиновый проект, начатый Лири в Гарварде весной 1960 года сразу после первой пробы псилоцибина в Мексике, радикально изменившей всю его жизнь, знаменовал начало

серьезных академических исследований этих субстанций и что увольнение Лири из Гарвардского университета, наоборот, знаменовало конец этих исследований. Но на самом деле ни одно из этих утверждений даже отдаленно не верно.

Лири сыграл очень важную роль в современной истории психоделиков, но роль явно не новаторскую, хотя он и приписывает себе таковую. Успех, которого он добился в популяризации психоделиков в 1960-е годы, скрывает столько же тайн, сколько их раскрывает, создавая некое искаженное поле реальности, из-за которого трудно увидеть все то, что делалось до или после великого момента его выхода на сцену.

Если придерживаться более правдивого изложения истории, то получится, что Гарвардский псилоцибиновый проект — это скорее начало конца того замечательно плодотворного периода исследований, который расцветал пышным цветом в течение целого десятилетия вдалеке от Кеймбриджа, в местах столь отдаленных, как Саскачеван, Ванкувер, Калифорния, Англия, да и повсюду, но с гораздо меньшими шумом и яростью или с гораздо более скудным багажом контркультуры. Непомерно раздутая фигура Лири затмила собой и ту преданную науке, но мало известную группу ученых, психотерапевтов и увлеченных любителей, которые задолго до того, как Лири приобщился к псилоцибину или ЛСД, разработали как теоретическую базу, используемую для разумного обоснования этих необычных химикатов, так и терапевтические протоколы, используемые для лечения людей. Многие из этих исследователей с ужасом взирали на то, как Лири с его эксцентрическими «выкрутасами» (так они называли его трюки и высказывания) разжег из всего их знания и опыта, с трудом добытого за десятилетия упорного труда, огромный публичный костер.

Приступая к рассказу о современной истории психоделиков, я подумывал о том, чтобы отложить сагу о Лири до лучших времен, по крайней мере до тех пор, пока водораздел не обозначится именно там, где он и должен быть, в надежде понять, не сможем ли мы восстановить хотя бы часть этого знания и того опыта, который привел к этому знанию, не пропуская его через искривляющую свет призму «психоделических шестидесятых». Во исполнение этой цели я решил следовать по стопам нынешнего поколения психоделических

исследователей, которые, начиная с конца 1990-х годов, были заняты раскопками интеллектуальных руин самого первого и весьма плодотворного этапа исследований ЛСД и псилоцибина, которые поразили их своими находками.

Стивен Росс — один из таких исследователей. Психиатр, специализировавшийся на наркомании в Белвью, пятом по величине городе в штате Вашингтон, он руководил в Нью-Йоркском университете опытами с псилоцибином, который он использовал для выведения онкологических больных из предсмертной депрессии (к этому вопросу я вернусь немного позже); после этого он перешел с одной стези на другую, занявшись — с помощью все тех же психоделиков — лечением алкогольной зависимости, наиболее обещающей области клинических исследований в 1950-е годы. Когда несколько лет тому назад коллега Росса по университету упомянул о том, что с помощью ЛСД в Канаде и Соединенных Штатах удалось вылечить тысячи алкоголиков (и что Билл Уилсон, основатель Общества анонимных алкоголиков, пытался внедрить там ЛСД-терапию еще в 1950-х годах), Росс, которому в тот момент было чуть больше тридцати лет, тут же пустился в изыскания и был просто сражен теми находками, о которых он, специалист по проблемам алкоголя и методам их лечения, даже не подозревал и о которых ему не говорили. Оказывается, его область науки тоже имеет свою тайную летопись.

— Я чувствовал себя так, как чувствовал бы себя археолог, внезапно раскопавший зарытое в земле тело древнего человека. Только я раскопал не тело, а целый свод знаний. Подумать только! Уже с начала пятидесятых годов психоделики использовали для лечения целого ряда недугов [включая зависимость, депрессию, обсессивно-компульсивное расстройство, шизофрению, аутизм и состояние тревоги, вызванное близкой смертью]. За эти годы было проведено сорок тысяч исследований, в которых участвовало несколько тысяч человек, и было написано более тысячи работ с результатами клинических испытаний. Даже Американская психиатрическая ассоциация, как оказалось, провела множество заседаний, посвященных ЛСД, этому новому чудо-препарату. [Если быть точным, таких «заседаний», то есть международных научных встреч, посвященных психоделикам, в период с 1950 по 1965 год было ровно шесть.] Лучшие умы в области

психиатрии, при финансировании со стороны правительства, серьезно изучали поведение этих соединений в составе терапевтических моделей. [Не будем забывать, что после того, как культурный и психиатрический истеблишмент в середине 1960-х годов восстал против психоделиков, весь свод знаний был успешно скрыт от общественности, словно никаких исследований и клинических испытаний не проводилось вовсе.] К тому времени, когда я поступил в медицинскую школу [это было в 1990-х годах], об этом уже никто не упоминал и на эту тему даже никто не заговаривал.

* * *

Когда в 1950 году на психиатрической сцене впервые появился ЛСД, действие этого препарата на пациентов (и на исследователей, которые скрупулезно испробовали его сначала на себе) было таким необычным и новым, что практически все это благодатное десятилетие ученые потратили на то, чтобы понять, что же представляют собой эти необычайные явления и как к ним относиться. Каким образом этот новый, меняющий сознание препарат вписывается в существующие парадигмы, объясняющие свойства сознания (и вписывается ли вообще), и как он увязывается с преобладающими в науке методами психиатрии и психотерапии? Оживленные дебаты по этим вопросам велись более десятилетия. Чего не знали в то время, так это того, что начиная с 1953 года ЦРУ проводило свои собственные (секретные) исследования психоделиков и столкнулось с абсолютно теми же проблемами, касающимися их назначения и применения: стоит ли рассматривать ЛСД как потенциальную «сыворотку правды», или как средство управления сознанием, или как химическое оружие.

Как известно, первый в мире психоделический (под влиянием ЛСД) трип, не связанный ни с какими предварительными ожиданиями, совершил в 1943 году Альберт Хофман. Хотя он остался в недоумении относительно того, что же именно с ним приключилось — приступ безумия или выход в иную реальность, — он сразу же понял, сколь важным может оказаться это соединение для неврологии и психиатрии. Поэтому фармацевтическая компания *Sandoz*, в которой на момент открытия ЛСД работал Хофман, сделала нечто незаурядное и необычное: она

решила осуществить коллективное усилие, направленное на то, чтобы исследовать «Делизид» (маркетинговое название ЛСД-25) и выяснить, на что он годен, а на что нет. В надежде на то, что кто-нибудь где-нибудь непременно найдет коммерческое применение этому пугающе мощному новому соединению, компания предложила поставлять (причем совершенно бесплатно) любому исследователю, взявшемуся за эту задачу, такое количество ЛСД, какое он сам запросит. В данном случае понятие «исследователь» трактовалось довольно свободно: под ним понимался любой психотерапевт, который пообещал бы вести записи своих клинических наблюдений. Этой политики компания придерживалась практически без изменений с 1949 по 1966 год; именно она, эта политика, и вызвала первую волну психоделических исследований — волну, которая сошла на нет в 1966 году, когда компания *Sandoz*, встревоженная той бурной полемикой, которая развернулась вокруг ее экспериментального препарата, быстро изъяла делизид из товарооборота.

Чему же нас научил этот плодотворный и не скованный никакими законами исследовательский период? Вопрос вроде бы простой, а вот ответ на него вряд ли может быть столь же простым, потому как его делает сложным сама природа этого препарата. Как сказали бы теоретики литературы, психоделические видения относятся к разряду того опыта, который «основательно сконструирован». Если вам скажут, например, что вас ждет духовное озарение, все шансы за то, что именно такое озарение вы и получите; с психоделическими препаратами примерно то же самое: если вам скажут, что они на какое-то время сделают вас безумным, или высвободят внутри вас коллективное бессознательное, или пробудят у вас «космическое сознание» либо воспоминание о родовой травме, у вас появится прекрасный шанс испытать одно из указанных состояний.

Психологи называют эти самоисполняющиеся пророчества «эффектом ожидания», и в случае с психоделиками такой эффект может оказаться особенно сильным. Поэтому если вам, например, уже довелось прочитать «*Двери восприятия*» Олдоса Хаксли, опубликованные в 1954 году, то на ваши психоделические переживания может, вероятно, оказать влияние и мистицизм самого автора, и в особенной мере мистицизм Востока, к которому был склонен Хаксли. Но даже если бы вы

вообще не читали Хаксли, его «конструирование» подобного опыта, несомненно, оказало бы влияние на ваш собственный, потому как начиная с 1954 года «аромат и привкус Востока» (вспомните песню «Биттлз» *Tomorrow Never Knows*) был характерен для всех видений и переживаний на почве ЛСД. (Лири воспринял этот психоделический ориентализм от Хаксли и безмерно его усилил в написанном им совместно с гарвардскими коллегами руководстве по психоделическому опыту, основанному на «*Тибетской книге мертвых*».) Еще более усложняет историю, добавляя к ней еще одну петлю обратной связи, тот факт, что Хаксли решился попробовать психоделики и описать пережитое не сам по себе, а под влиянием своего друга-ученого, давшего ему мескалин в явной надежде, что описания и метафоры, рожденные умом большого писателя, помогут ему и его коллегам увидеть смысл и разумную основу в их видениях, которые они тщетно старались истолковать. Поэтому не кто иной, а именно Олдос Хаксли «придал смысл» современным психоделическим откровениям… или же он этот смысл придумал?

Этот зал эпистемологических зеркал был лишь одним из многочисленных препон, с которыми столкнулись исследователи, желавшие сделать ЛСД достоянием психиатрии и психотерапии, ведь психоделическая терапия в то время была чем-то под стать шаманизму или исцелению верой, но только не медицине. Еще одна препона — это иррациональная восторженность, охватившая поголовно всех исследователей, связанных с ЛСД, тот энтузиазм, который, с одной стороны, благоприятно воздействовал на результаты экспериментов, способствуя их улучшению, а с другой — разжигал скептицизм у их коллег, остававшихся в отношении психоделиков невинными девственниками. Но была и третья препона: как увязать психоделики, если такое вообще возможно, с существующими в науке и психиатрии структурами? Как проводить контролируемый эксперимент с психоделиками? Как эффективно ослепить пациентов и врачей или контролировать силу эффекта ожидания? Когда «установка» и «обстановка» играют столь важную роль, воздействуя на опыт и переживания пациента, как можно надеяться на то, что удастся изолировать одну из переменных или разработать действенное терапевтическое руководство по их применению?

ЧАСТЬ I
ОБЕЩАНИЕ

Вначале эти препараты не назывались психоделиками; этот термин появился лишь в 1957 году. Как компания *Sandoz* не могла понять, что же именно оказалось у нее в руках в виде ЛСД, точно так же и исследователи, экспериментировавшие с этим препаратом, не могли понять, как все это назвать. На протяжении 1950-х годов, по мере того как наше понимание этих химических соединений и их действия росло, этот класс препаратов сменил множество названий, причем каждое новое отражало очередной сдвиг в попытке истолкования — или то было конструирование? — этих необычных и сильнодействующих молекул, их значения и воздействия.

Первое название было, пожалуй, самым неудачным: начиная с 1950 года, вскоре после того, как ЛСД стал доступен для исследователей, это соединение называли психомиметиком, то есть психотропным препаратом, имитирующим психозы. Название хотя и прозрачное, но довольно однолинейно трактующее воздействие психоделиков. Действительно, чисто внешне люди, принявшие дозу ЛСД, а позднее и псилоцибина, выказывали множественные признаки временного психоза. Исследователи отмечали у своих подопечных целый ряд тревожных симптомов, в том числе такие, как обезличивание, расстройство границ «я», искаженное представление о теле, синестезия (визуализация звуков или звучание зрительных

объектов), эмоциональная лабильность, смех и плач, искаженное восприятие времени, бред, галлюцинации, параноидный бред и, по словам одного писателя, «мучительное чувство чего-то неведомого». Когда исследователи провели с участниками, принимавшими ЛСД, стандартные психиатрические тесты — тест Роршаха с чернильными пятнами или психометрический тест, известный как Миннесотский многофазный личностный опросник, — их результаты оказались зеркальным отражением тех, что были получены при тестировании психических больных и особенно шизофреников. Похоже, что испытуемые просто теряли рассудок.

Это навело некоторых исследователей на мысль, что ЛСД — действительно «многообещающее средство, которое вполне можно использовать для понимания природы психоза», — именно такую маркетинговую характеристику дали делизиду в компании *Sandoz*. Хотя препарат и не являлся панацеей от всех болезней и недугов, однако сходство оказываемых им воздействий с симптомами шизофрении позволило предполагать, что причиной психических расстройств могут быть нарушения химических взаимосвязей, которые ЛСД каким-то образом высвечивает. Что касается врачей, то этот препарат, по их мнению, мог помочь им лучше понять природу поведения больных шизофренией, позволяя более адекватно сопереживать их недугу. Это следовало понимать таким образом, что они были готовы опробовать этот препарат на себе, и эта ситуация нам сегодня показалась бы весьма странной, если не скандальной. Но в те годы (вплоть до 1962-го), когда конгресс принял закон, дававший Управлению по санитарному надзору полномочия регулировать новые «следственные препараты», это было обычной практикой. Более того, такой поступок считался этичным, потому как если вы даете препарат своим пациентам, но при этом отказываетесь принимать его сами, то это все равно что обращаться с ними как с «подопытными кроликами». Как писал Хамфри Озмонд, необычность ЛСД состояла в том, что принимавшему его терапевту он давал возможность «окунуться в болезнь и смотреть на мир глазами безумца, слышать его ушами и чувствовать его кожей».

Родившийся в графстве Суррей, Англия, в 1917 году, Озмонд как врач мало кому известен, но при этом является

ключевой фигурой психоделических исследований*, внеся куда более значительный вклад в понимание этих соединений и их терапевтических свойств, нежели любой другой исследователь. В годы после Второй мировой войны Озмонд, высокий и прямой, как тростник, мужчина с крупными зубами, работал психиатром в лондонской больнице Святого Георгия, когда его коллега, врач по имени Джо Смитиз, познакомил его с малоизвестной медицинской литературой, посвященной мескалину. Узнав, что мескалин вызывает галлюцинации, во многом напоминающие те, что испытывают шизофреники, эти два исследователя задались вопросом, не является ли причиной болезни дисбаланс химических веществ в мозге, и решили как следует изучить эту гипотезу. В то время еще не было установлено, какую именно роль играет химия мозга в психических заболеваниях, поэтому эта гипотеза многим казалась радикальной. Психиатры были поражены тем, что молекулярная структура мескалина очень напоминает такую же структуру адреналина. Не может ли шизофрения возникнуть из-за дисфункции при метаболизме адреналина, в результате чего тот преобразуется в соединение, вызывающее шизофренический разрыв с реальностью?

Как выяснилось, нет. Но сама по себе гипотеза оказалась очень продуктивной, поэтому исследования Озмонда, касающиеся биохимической основы психических заболеваний, содействовали значительному подъему нейрохирургии в 1950-х годах. В конечном счете именно исследования ЛСД дали мощный импульс становлению этой нарождающейся области медицины. Тот факт, что столь неимоверно малое количество молекул ЛСД производит столь глубокое воздействие на ум и сознание человека, по всей видимости, указывает на то, что система нейромедиаторов с соответствующими рецепторами играет важную роль в оформлении психических видений. Именно это понимание и привело в конце концов к открытию серотонина и того класса антидепрессантов, которые называются СИОЗ (селективные ингибиторы обратного захвата).

---

* Биография Озмонда, как и богатейшая история канадских психоделических исследований, подробно изложена в книге Эрики Дик *«Психоделическая психиатрия: ЛСД от клиники до кампуса»*. [Erika Dyck, *Psychedelic Psychiatry: LSD from Clinic to Campus* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008).]

Но мощностей, имевшихся в то время в больнице Святого Георгия, явно не хватало на поддержку исследований мескалина, проводившихся под руководством Озмонда. В отчаянии и в поисках выхода молодой врач начал искать более подходящее ведомство, которое могло бы обеспечить их поддержку. Такое ведомство он нашел на западе Канады, в провинции Саскачеван. Начиная с середины 1940-х годов левое правительство, находившееся у власти в этой провинции, провело ряд радикальных реформ в сфере государственной политики, включая и первую систему здравоохранения, субсидируемую государством. (Впоследствии она стала образцом для системы здравоохранения во всей Канаде, вступив с силу в 1966 году.) В надежде сделать провинцию Саскачеван передовым центром в области новейших медицинских исследований правительство щедро финансировало эту область, предоставляя исследователям небывалую свободу действий в ее рамках и тем самым привлекая их в мерзлые просторы канадских прерий. Откликнувшись на объявление, опубликованное в медицинском журнале *Lancet*, Озмонд получил от администрации провинции приглашение переехать вместе с семьей в отдаленный аграрный округ Вейберн (он расположен в 45 милях к северу от границы штата Северная Дакота), чтобы возглавить новый исследовательский проект. Расположенная там муниципальная психиатрическая больница вскоре стала едва ли не самым известным в мире центром исследования психоделиков, точнее — того класса соединений, которые до сих пор называют психомиметиками.

Парадигма сознания, роднившая Озмонда с его единомышленником и коллегой, канадским психиатром и директором исследовательского центра Абрамом Хоффером, привела к тому, что, объединив свои усилия, они приступили к серии экспериментов, используя тот запас ЛСД-25, который был предоставлен в их распоряжение компанией *Sandoz*. Первые образцы психомиметиков были представлены вниманию общественности в 1953 году: именно в этом году популярный канадский журнал *Maclean's* опубликовал душераздирающую статью «12 часов безумия», в которой ее автор поделился своим опытом приобщения к ЛСД.

Автором статьи и первым «мирянином», принявшим участие в экспериментах Озмонда и Хоффера в Вейбернской больнице, был Сидней Кац, которого заранее подготовили

к тому, что его ждет «безумие», поэтому именно безумие он и пережил: «Я видел, как лица знакомых и друзей превращаются в голые, лишенные кожи черепа и в злобные морды ведьм, свиней, ласок и прочих зверюг. Ковер с цветными узорами под моими ногами превратился в какую-то фантастическую колышущуюся массу живой материи, частью растительного, а частью животного происхождения». Статья Каца, проиллюстрированная рисунками штатного художника, на которых «взбесившиеся» стулья летали по комнате, постепенно терявшей свои строгие очертания, чем-то напоминает шарж, который мог бы выполнить завзятый противник ЛСД образца 1965 года: «На меня то и дело накатывали волны жутких галлюцинаций, находясь среди которых я прямо-таки ощущал и видел, как мое тело содрогается в конвульсиях, сжимаясь до тех пор, пока от него не остался какой-то тошнотворный камень». Любопытно, однако, то, что далеко не все из этих 12 часов безумия «были заполнены неизбывным кошмаром». «Время от времени, — сообщает автор, — меня посещали видения ослепительной красоты, видения столь пленительные, столь неземные, что ни один художник был бы не в состоянии их изобразить».

В этот период Озмонд и Хоффер «скормили» ЛСД десятку людей, среди которых были их коллеги по работе, друзья, члены семей, добровольцы и, разумеется, они сами. Их взгляд на ЛСД как окно, позволяющее заглянуть в святая святых и увидеть биохимию психических заболеваний, постепенно уступил место все более возрастающему любопытству, касающемуся как силы и живости переживаемых видений, так и тому, в какой степени препарат вызывает нарушения зрительного восприятия и можно ли эти нарушения использовать в терапевтических целях. Во время одного из таких сеансов (он состоялся в 1953 году поздно ночью в номере отеля в Оттаве) Озмонд и Хоффер заметили, что в описаниях переживаний, вызванных ЛСД, много общего с характеристиками белой горячки, как они описаны алкоголиками, точнее — с теми адскими многодневными приступами безумия, которыми страдают алкоголики, когда их трясет и ломает с похмелья. Для многих выздоравливающих алкоголиков, по их собственным словам, белая горячка со всеми ее ужасами и галлюцинациями стала своего рода «ступенью обращения»,

то есть той основой духовного пробуждения, благодаря которой они не спились и сохранили здравый смысл.

Сама мысль о том, что переживания, вызванные ЛСД, напоминают белую горячку и способны имитировать ее, «показалась нам настолько странной и нелепой, что мы громко расхохотались, — вспоминал многие годы спустя Хоффер. — Но когда мы отсмеялись, этот вопрос показался нам не таким уж и комичным, и мы в конце концов сформулировали свою гипотезу: нельзя ли вызванную ЛСД контролируемую горячку задействовать на то, чтобы не дать алкоголикам спиться?»

Нельзя не отметить это весьма примечательное, если не забавное использование психотомиметической парадигмы: с помощью большой дозы ЛСД пробудить в алкоголике ту степень безумия, которая бы напоминала белую горячку, чтобы заставить пациента содрогнуться и тем самым вернуть его на стезю трезвости. На протяжении следующего десятилетия Озмонд с Хоффером опробовали свою гипотезу более чем на 700 алкоголиках, и примерно в половине случаев, по их словам, «этот курс лечения оказался эффективным»: участники опытов становились трезвенниками и оставались таковыми по меньшей мере несколько месяцев. Новый метод не только был более эффективным, чем другие виды терапии, но и выводил психофармакологию на совершенно новый уровень — и уровень мышления, и уровень практики. «С самого начала, — пишет Хоффер, — мы считали само переживание, а отнюдь не химическое соединение, ключевым фактором терапии». Этот новый подход стал новым принципом психоделической терапии.

Действительно, упор на чувства субъекта, на то, что он *чувствует*, стал главным камнем преткновения и причиной отхода от превалирующих в психологии идей бихевиоризма, согласно которым учитывались лишь результаты наблюдений и измерений, а опыт субъективных переживаний не принимался в расчет. Разумеется, этот анализ субъективных переживаний, называемый иногда феноменологией и ставший основой психоанализа Фрейда, бихевиоризм категорически отрицал как недостаточно строгий или ненаучный. Бессмысленно пытаться забраться в ум человека, представляющий собой, согласно известному изречению Б.Ф. Скиннера, «черный ящик». Лучше уж измерять то, что поддается измерению, и наблюдать за тем, что поддается наблюдению,

а именно: поведение человека. В конце концов работа с психоделиками высекла нужную искру, пробудив интерес и к субъективным измерениям ума — сознанию. Как бы иронично это ни звучало, но из всех химикатов и соединений именно ЛСД-25 вернул в психологию его внутреннюю сущность — психологическое содержание.

Тем не менее, несмотря на кажущийся успех новой терапевтической методики, оставалась маленькая, но зудящая проблема относительно теоретической модели, на которой эта методика основывалась. Когда психотерапевты начали анализировать сведения, полученные от добровольцев, принимавших ЛСД, оказалось, что субъективные переживания последних мало напоминают (если вообще напоминают) ужасы белой горячки или любые другие виды безумия. Наоборот, эти переживания по большей части были невероятно и даже чрезвычайно положительными. Когда Озмонд с Хоффером начали систематизировать отчеты добровольцев, выяснилось, что среди изредка наблюдавшихся «психотических изменений» (галлюцинаций, параноидных и тревожных состояний) часто встречались и описания «трансцендентального чувства нерасторжимой связи с миром», одного из немногих чувств, чаще всего встречающихся в описаниях. В самом деле, чаще всего участники описывают не безумие, а именно новые сильные чувства, внезапно пробудившиеся у них, такие, например, как способность «видеть себя в объективном свете», «расширение чувственного поля», «новое глубокое понимание области философии и религии» и «повышенная восприимчивость к чувствам других людей»*. Несмотря на сильное действие эффекта ожидания, признаки здравого смысла, не имеющие ничего общего с признаками безумия, все активнее прокладывали себе путь к свету, пробиваясь через предубеждения исследователей.

Многие алкоголики, находившиеся на излечении в Вейбернской больнице, считали, что переживания, вызываемые

* Дункан К. Блуэтт и Ник Чвелос. *«Руководство по терапевтическому использованию ЛСД-25. Индивидуальные и групповые процедуры»* (1959). [Duncan C. Blewett and Nick Chwelos, *Handbook for the Therapeutic Use of Lysergic Acid Diethlylamide-25: Individual and Group Procedures* (1959); http://www.maps.org/research-archive/ritesofpassage/lsdhandbook.pdf.] Работая над своим руководством, Блуэтт и Чвелос опирались исключительно на данные экспериментов Озмонда и Хоффера.

ЛСД, по своей сути стоят ближе к трансцендентальному или духовному откровению, чем к временному психозу. Это заставило Озмонда и Хоффера взять под сомнение свою модель белой горячки и задаться вопросом, не нужно ли радикально пересмотреть саму психотомиметическую парадигму, а заодно и название самих препаратов. Сильный импульс в этом направлении им задал Олдос Хаксли, заявивший, что пережитое им под действием мескалина только очень отдаленно походило на психоз. То, что психиатры диагностировали как обезличивание, галлюцинации или манию, гораздо больше укладывалось в категорию мистической унии визионерского опыта и экстаза. Не могло ли случиться так, что врачи ошибочно принимали трансцендентальное состояние за безумие?

В то же самое время на примере и опыте своих подопечных Озмонд с Хоффером тоже многому научились, например тому, что окружение, среди которого происходили сеансы с ЛСД, оказывало мощное воздействие на переживания и видения участников и что один из наиболее действенных способов избежать кошмаров — это присутствие на сеансе понимающего и доброжелательного терапевта, лучше всего такого, который сам имел опыт общения с ЛСД. В них закралось подозрение, что те немногие психотические реакции, которые им приходится наблюдать, в действительности могут быть метафорическим артефактом белой комнаты (палаты) и одетого в белый халат врача. Хотя понятия «установка» и «обстановка» в их современном контексте тогда еще не употреблялись (они приобретут этот контекст лишь спустя несколько лет исключительно благодаря работе Тимоти Лири в Гарвардском университете, которую он начнет в следующем десятилетии), Озмонд с Хоффером уже тогда стали отмечать неизмеримую важность этих факторов в деле успешного лечения больных.

Как бы то ни было, но препарат работал, и работал эффективно (по крайней мере, так казалось), так что уже к концу десятилетия ЛСД широко тиражировался по всей Северной Америке, где его рассматривали как чудесную панацею для избавления от алкогольной зависимости. Вдохновляемая этим успехом, администрация провинции Саскачеван помогла разработать соответствующую политику, сделав ЛСД-терапию стандартным средством для лечения алкоголиков. Однако далеко не все представители канадского медицинского истеб-

лишмента считали результаты, достигнутые в Саскачеване, достойными доверия: уж слишком они хороши, чтобы им можно было верить. В начале 1960-х годов Фонд исследовательских работ по борьбе с наркоманией в Торонто, ведущее учреждение такого рода в Канаде, вознамерился повторить саскачеванские опыты с использованием более лучших и более надежных средств контроля. В надежде изолировать воздействие препарата от всех других переменных составляющих врачи давали алкоголикам ЛСД в нейтральных помещениях, строго наказав, что находиться там разрешено лишь при заполнении опросника, но только не во время психоделических трипов, после чего добровольцам завязывали глаза или каким-то другим способом ограничивали их двигательную способность. Не удивительно, что результаты оказались совершенно другими, нежели те, что получили Озмонд и Хоффер. Но что еще хуже, многие добровольцы пережили нечто ужасное — кошмарные видения (*bad trips*, как их впоследствии назовут психотерапевты). Критики практики лечения алкоголизма с помощью ЛСД пришли к выводу, что при более жестком режиме контроля лечение, должно быть, проходит не так успешно, как это ожидалось, и подобный вывод был вполне справедливым, тогда как сторонники этой практики пришли к заключению, что для успешного завершения ЛСД-терапии необходимо уделять особое внимание установке и обстановке, и этот вывод тоже был вполне справедливым.

* * *

В середине 1950-х годов с работой Озмонда и Хоффера познакомился Билл Уилсон, основатель Общества анонимных алкоголиков. Мысль о том, что тот или иной наркотический препарат может вызывать духовные откровения, радикально меняющие саму жизнь человека, не была для него чем-то новым, ведь к собственному трезвому образу жизни он пришел именно под влиянием мистических видений, вызванных белладонной, растительным алкалоидом с галлюциногенными свойствами, которым его пичкали в 1934 году в городской больнице Манхэттена. Только немногие из членов общества поняли тогда, что идею духовного пробуждения, заставляющего человека подчиниться или отдать себя под покровительство «высшей силы», — идею, являющуюся

краеугольным камнем общества, — можно проследить вплоть до наркотических трипов, обусловленных психоделиками.

Двадцать лет спустя Билли У., как его обычно называют друзья-товарищи, вознамерился узнать, не может ли ЛСД, этот новый чудо-препарат, быть полезным в деле приобщения к духовному пробуждению выздоравливающих алкоголиков. Через Хамфри Озмонда он связался с Сидни Коэном, врачом-терапевтом в больнице Брентвуда, штат Виргиния (позднее он перешел в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе), который экспериментировал с ЛСД начиная с 1955 года. В 1956 году Билл У. вместе с Сидни Коэном и Бетти Эйснер, молодым психологом, недавно получившим докторскую степень в названном университете, провел в Лос-Анджелесе несколько сеансов с ЛСД. Коэн, Эйснер и присоединившийся к ним психиатр Оскар Джанигер вскоре стали ведущими фигурами нового центра исследований ЛСД, разместившегося в стенах Калифорнийского университета. В середине 1950-х годов таких центров в Северной Америке и Европе насчитывалась, вероятно, целая дюжина; большинство из них поддерживали друг с другом тесные контакты, делясь техническими разработками, открытиями, а иногда и препаратами скорее в духе сотрудничества, нежели конкуренции.

Совместно проведенные с Коэном и Эйснер сеансы убедили Билла У., что на ЛСД вполне можно положиться: он действительно может вызвать у человека то духовное пробуждение, которое необходимо, чтобы привести его на путь трезвости. (При этом, однако, он не разделял мнение многих, что видения, вызванные ЛСД, подобны белой горячке, вбив тем самым еще один гвоздь в гроб самой *этой* идеи.) Билл У. считал, что для ЛСД-терапии тоже должно найтись место в Обществе анонимных алкоголиков, но его коллеги по совету, управлявшему делами общества, рьяно воспротивились этому, потому как считали, что потворствовать употреблению психоактивных веществ, изменяющих сознание, значит не только рисковать безупречной репутацией организации, но и запятнать самое ее суть и чистоту.

* * *

Сидни Коэн с коллегами в Лос-Анджелесе, как и канадская группа, тоже начали с того, что причислили ЛСД к психомиметикам, однако уже в середине 1950-х годов Коэн стал сомневаться

в правильности этой модели. Родившийся в 1910 году в Нью-Йорке, в семье литовско-еврейских эмигрантов, Коэн (с густыми, зачесанными назад волосами он выглядит на фотографиях этаким изысканным белокурым красавцем) изучал фармакологию в Колумбийском университете, а во время Второй мировой войны служил на Тихом океане в корпусе медицинских специалистов сухопутных войск США. Только в 1953 году, работая над обзорной статьей о психозах, вызываемых химическими веществами, — теме, давно его интересовавшей, — он впервые прочитал о новом препарате, носившем название ЛСД.

Тем не менее, когда Коэн в октябре 1955 года опробовал ЛСД на самом себе, он «был застигнут врасплох». Ожидая, что будет охвачен безумием и окажется в ловушке этого состояния, он вместо этого, к своему удивлению, испытал глубокое трансцендентное чувство полного спокойствия, как будто «все проблемы и устремления, все тревоги и смятения повседневной жизни исчезли, а на их место заступило величественное, солнечно-небесное внутреннее спокойствие... Казалось, что мне наконец дана божественная возможность созерцать вечную истину». Что бы это ни было и что бы он ни чувствовал, это было все что угодно, но только не временный психоз. Бетти Эйснер писала, что Коэн в конечном счете пришел к тому, что стал называть это состояние «ненормальностью» — «состоянием, не подлежащим контролю эго».

Как это часто случается в науке, когда некая теоретическая парадигма попадает под пресс и перекрестный огонь противоположных доказательств, она на какое-то время затихает, пока исследователи пытаются поддержать и подкрепить ее с помощью различных поправок и корректировок, а затем, совершенно неожиданно и быстро, взрывается, порождая новую парадигму, заступающую на ее место. Именно такой была в середине 1950-х годов и судьба психотомиметической парадигмы. И хотя от многочисленных добровольцев продолжали, конечно же, поступать сообщения о сложных, фантасмагорических, а подчас и мучительно-устрашающих «прогулках в неведомое», удивительным было то, что лишь очень немногие из них испытывали тот полновесный психоз, на котором настаивала парадигма. Даже двенадцать часов безумия мистера Катца содержали в себе сцены неописуемой красоты, радости и озарения, которые нельзя было не заметить.

Так уж получилось, но на замену психотомиметической парадигме пришла не одна, а сразу две совершенно новые теоретические модели: психолитическая, а затем и психоделическая модель. Каждая из них основывалась на различных концепциях того, как эти соединения воздействуют на сознание человека и каков, следовательно, наилучший способ их применения при лечении психических заболеваний. Эти модели ничуть не противоречили одна другой (поэтому-то некоторые исследователи в различное время уделили должное внимание и той, и другой), а просто представляли собой разный, и при этом глубокий, подход к пониманию психики человека, а стало быть, в конечном счете, к пониманию психотерапии, да и науки в целом.

Так называемая психолитическая парадигма впервые была разработана в Европе, где она стала особенно популярной, а затем была взята на вооружение и лос-анджелесской группой в лице Сидни Коэна, Бетти Эйснер и Оскара Джанигера. «Психолитический» (этот термин впервые предложил английский психиатр Рональд Сандисон) означает «освобождающий разум», а это именно то, что и делают ЛСД и псилоцибин — по крайней мере, в малых дозах. По словам терапевтов, которые давали своим пациентам ЛСД в малых дозах (обычно 25 микрограммов и только в редких случаях выше 150 мг), у последних наблюдалось значительное ослабление защитной хватки эго, что позволяло им вытаскивать из-под спуда и поднимать подавленный материал, вынося на обсуждение очень сложные, а подчас и вытесненные в подсознание темы, которыми они манипулировали достаточно свободно. Это означало, что эти препараты можно с успехом использовать в разговорной терапии, поскольку при названных малых дозах эго пациента ничуть не искажается и продолжает эффективно действовать, позволяя ему не только общаться с терапевтом во время сеанса, но и вспоминать впоследствии сами обсуждаемые темы.

Главное достоинство психолитического метода в том, что он очень хорошо сочетается с уже имеющимися господствующими методами психоанализа — практика, которую эти препараты обещали ускорить и упорядочить, а не революционизировать или сделать устаревшей. Существенная проблема, связанная с психоанализом, заключается в том, что доступ к подсознательному уму (а именно на этом доступе и стро-

ится данный метод) крайне затруднителен и ограничен двумя далекими от оптимальности маршрутами, один из которых суть свободные ассоциации, а второй — сны пациента. Фрейд называл сновидения «королевской дорогой», ведущей к подсознательному, потому как она позволяла подобраться к нему окольными путями, минуя врата эго и суперэго, хотя сама дорога была полна выбоин и ухабов: пациенты далеко не всегда помнили свои сны, а если даже помнили, то чаще всего очень расплывчато и в самых общих чертах. Такие же препараты, как ЛСД и псилоцибин, обещали более удобный маршрут к подсознательному.

Станислав Гроф, в свое время изучавший психоаналитику, установил в ходе экспериментов, что при умеренных дозах ЛСД его пациенты быстро налаживают контакт с психотерапевтом, столь же быстро восстанавливают полученные в детстве психологические травмы, озвучивают или облекают в слова глубоко скрытые эмоции, а в некоторых случаях даже вспоминают момент своего рождения — нашу первую травму и, по убеждению Грофа (который в этом вопросе солидарен с Отто Ранком), ключевую детерминанту личности. (Гроф провел обширные исследования, пытаясь соотнести воспоминания пациентов — находившихся под действием ЛСД — о моменте рождения с рассказами их родителей и отчетами медицинского персонала. Он пришел к заключению, что под действием ЛСД многие действительно способны вспомнить обстоятельства своего рождения, особенно если роды были очень трудными.)

В Лос-Анджелесе Коэн, Эйснер и Джанигер начали понемногу вводить ЛСД в постоянный обиход, применяя его в своих еженедельных терапевтических сеансах и постепенно, раз за разом увеличивая дозу до тех пор, пока их пациенты не получили доступ к подсознательному материалу — подавленным эмоциям и воспоминаниям о полученных в детстве психологических травмах. В основном они использовали этот препарат при лечении невротиков, алкоголиков и людей с незначительными расстройствами личности (то есть обычной категории пациентов, находящихся под присмотром и наблюдением психотерапевтов), людей вполне дееспособных и вразумительных, обладающих неповрежденным эго и движимых желанием стать лучше. Но лос-анджелесская группа опробовала его и на сотнях художни-

ков, композиторов и писателей, исходя из того, что если источником творчества является подсознание, то ЛСД непременно расширит доступ к нему.

Психотерапевтов и их пациентов питала надежда на то, что этот препарат продемонстрирует свои терапевтические свойства, и — о чудо! — так оно чаще всего и случалось: по словам Коэна и Эйснер, 16 из первых 22 пациентов выказали существенные признаки улучшения. В вышедшей в 1967 году научной статье, дававшей суммарный обзор всех работ о психолитической технике, опубликованных в период с 1953 по 1965 год, коэффициент успешного применения этой техники составлял 70 % в случаях тревожного невроза, 62 % в случаях депрессии и 42 % в случаях обсессивно-компульсивного расстройства. Что и говорить, впечатляющие результаты! Однако указанный процент значительно снижался при попытках воспроизвести эти опыты под более тщательным контролем.

К концу десятилетия психолитическая ЛСД-терапия, чаще всего применявшаяся в более респектабельных пригородах Лос-Анджелеса, таких, например, как Беверли-Хиллз, стала обычной практикой. Разумеется, бизнес вторгался и в эту область (его вообще трудно искоренить): некоторые психотерапевты просили за сеанс с использованием ЛСД (который они, кстати, бесплатно получали от компании *Sandoz*) до пятисот долларов. Кроме того, ЛСД-терапия сделалась объектом внимания прессы, дававшей о ней крайне положительные отзывы. Статьи вроде уже упоминавшейся «12 часов безумия» открыли шлюзы для потока восторженных признаний со стороны многочисленных голливудских звезд, делившихся своими «трансформирующими откровениями», приобретенными в офисах Оскара Джанигера, Бетти Эйснер, Сидни Коэна и других психотерапевтов, количество которых день ото дня все росло и увеличивалось. Анаис Нин, Джек Николсон, Стэнли Кубрик, Андре Превен, Джеймс Кобурн и бит-комик Лорд Бакли — все они опробовали на себе ЛСД-терапию, причем многие на кушетке в кабинете Оскара Джанигера. Но самым известным из его пациентов был Кэри Грант, давший в 1959 году интервью известному журналисту и ведущему отдела светской хроники Джо Хайамсу, в котором он превознес до небес чудеса ЛСД-терапии. Грант, на счету которого было более 60 сеансов с использованием этого психоделика, объявил себя «заново родившимся».

«Всякая печаль и суета были искоренены напрочь, — поделился своим впечатлением с Хайамсом пятидесятипятилетний актер, чье интервью для многих оказалось полной неожиданностью, особенно в свете имиджа замкнутого и безупречного англичанина, который закрепился за Кэри Грантом. — С меня сорвали мое эго. А мужчина без эго гораздо лучший актер, чем с ним, поскольку он остается наедине с истиной. Теперь я не могу поступать неправдиво по отношению к кому бы то ни было, а тем более к самому себе». Судя по фразам, обильно выдаваемым Кэри Грантом, ЛСД превратил его в американца.

«Я больше не одинок, и я счастливый человек», — заявил Грант. Он сказал, что пережитое и увиденное под действием ЛСД позволило ему преодолеть нарциссизм, существенно улучшив не только его актерскую игру, но и отношения с женщинами: «Никогда еще молодые женщины так меня не привлекали».

Не удивительно, что интервью Гранта, разрекламированное в национальном масштабе и получившее множество хвалебных отзывов, породило небывалый спрос на ЛСД-терапию. Хайамс, получивший более восьмисот писем от читателей, желавших знать, как им попасть на эту терапию, вспоминал о том времени: «Мне то и дело звонили психиатры, жалуясь на то, что пациенты буквально выпрашивают у них ЛСД».

Если период, который мы именуем «шестидесятыми годами», на самом деле начался где-то в 1950-е годы, то бум ЛСД-терапии, начавшийся с легкой руки Кэри Гранта в 1959-м, свидетельствует о перемене в веяниях культурного ветра. Еще до того, как Тимоти Лири прославился рекламой и насаждением ЛСД вне его терапевтического или исследовательского контекста, этот препарат уже несколько лет совершал свое «бегство из лабораторий» в Лос-Анджелесе, привлекая к себе пристальнее внимание национальной прессы. К 1959 году существовал уже ряд мест, где ЛСД можно было приобретать прямо на улице. Несколько психотерапевтов и исследователей из Лос-Анджелеса и Нью-Йорка начали проводить у себя дома для друзей и коллег «сеансы» с ЛСД, хотя теперь трудно было сказать, чем эти сеансы отличались от таких же тусовок. Предпосылка о «проведении исследований», до того времени действовавшая безотказно, теперь в лучшем случае стала довольно

шаткой, по крайней мере в Лос-Анджелесе. Как позже напишет один из этих мнимых исследователей, «ЛСД стал для нас наркотиком интеллектуальных развлечений».

Сидни Коэн, ставший к тому времени признанным главой исследователей ЛСД в Лос-Анджелесе и потому тщательно избегавший этих закулисных сцен, мало-помалу начал придерживаться иного мнения относительно этого препарата или, по крайней мере, относительно того, как его представлять и как использовать. Если верить его биографу, историку Стивену Новаку, Коэн был сильно встревожен атмосферой нарождавшегося культа и аурой религиозности и магии, начавшей создаваться вокруг ЛСД. Здраво подходя к этой теме, неоднократно возникавшей в истории психоделических исследований, Коэн стремился снять напряжение между духовным смыслом того опыта, который давал ЛСД (и мистическими наклонностями, которые он выявлял у врачей-клиницистов), и той совокупностью научных явлений (этосом), с которыми он был связан. В этом смысле Коэн до конца своих дней оставался глубоко противоречивым человеком: ЛСД, писал он в 1959 году в письме к одному из своих коллег, «открыл дверь, от которой мы не должны отступаться только потому, что на ее пороге мы чувствуем себя неловко по причине своего научного невежества». И однако именно такое чувство часто вызывало в нем действие ЛСД: неловкости и научного невежества.

Кроме того, Коэн начал задаваться вопросом о статусе тех озарений, которые являлись пациентам во время их психоделических трипов. Он пришел к убеждению, что «под влиянием ЛСД пациент просто подтверждает излюбленные теории самого психотерапевта». Эффект ожидания приводил к тому, что пациенты, работавшие с терапевтами-фрейдистами, возвращались из своих внутренних странствий с фрейдистскими озарениями (вставленными во фрейдистские рамки и изложенными с позиций чисто фрейдистских понятий, таких как детская травма, либидо и Эдиповы эмоции), тогда как пациенты, работавшие с юнгианцами, возвращались с яркими архетипами, взятыми на чердаке коллективного бессознательного, а работавшие с ранкианцами — с ожившими воспоминаниями о травмах, полученных в момент рождения.

Несомненно, что эта радикальная внушаемость повлекла за собой научную дилемму, но вопрос в том, была ли эта науч-

ная дилемма также и терапевтической. Вероятно, нет. Коэн писал, что «любое объяснение проблемы, которое терапевт дает пациенту (при условии, что оба твердо убеждены в правильности этого объяснения), или порождает озарение, или является благодатной почвой для такого озарения». Однако он несколько смягчил эту перспективу, признав, что она «нигилистична», каковой (если подходить к этому делу чисто научно) она в самом деле и является, потому как это подводит психотерапию опасно близко к миру шаманизма и исцелению верой, миру, который крайне неприятен для настоящего ученого. И тем не менее, пока эта терапия действует, пока она исцеляет людей, почему кто-то должен беспокоиться? (То же самое дискомфортное чувство испытывают ученые и по отношению к плацебо, и это наводит на интересные сравнения, ведь психоделики в этом случае вполне можно считать своего рода «активным плацебо», если воспользоваться термином, заимствованным из книги Эндрю Вайля «*Естественный ум*» (1972). Несомненно, они оказывают *какое-то* действие, но дело в том, что большая часть оказываемого ими действия, возможно, вызывается самим человеком. Или, как выразил это Станислав Гроф, психоделики — это «неспецифические усилители» психических процессов.)

Противоречивое отношение к ЛСД, которое Коэн сохранял до конца своей научной практики, характеризует его как довольно редкую фигуру в мире, плотно населенном психоделическими евангелистами, а именно: как скептика с широким кругозором, как человека, чье сознание способно вмещать противоречивые идеи. Коэн продолжал верить в терапевтическую силу ЛСД, особенно при лечении чувства тревоги у онкологических больных, и эту свою веру он выразил в восторженной статье, написанной в 1965 году для журнала *Harper's*. Там он называет это явление «терапией путем преодоления себя», намекая на то, что вполне допускает тот факт, что со временем она будет играть в западной медицине роль, к которой вполне может быть применимо название прикладного мистицизма. И при этом Коэн не уставая привлекал внимание общественности к опасности и пагубности злоупотребления ЛСД или призывал к осмотрительности своих более ретивых коллег, когда они сходили с проторенного научного пути — пути, с которого пение сирен, певших о психоделиках, совлекло очень многих.

* * *

Но вернемся в Саскачеван. После краха психотомиметической парадигмы Хамфри Озмонд и Абрам Хоффер избрали совершенно иной путь, хотя и этот путь тоже обошелся им недешево, осложнив их и без того трудные отношения с наукой. Стремясь сформулировать новую терапевтическую модель для ЛСД, они обратились к двум блестящим любителям этого «жанра»; одним из них был известный английский писатель Олдос Хаксли, а другим — довольно пресловутая личность, бывший бутлегер и продавец оружия, шпион, изобретатель, капитан корабля, бывший зэк и католический мистик по имени Эл Хаббард. Эти люди, явно не ученые, помогли канадским психиатрам переосмыслить явления, вызываемые ЛСД, и разработать терапевтический протокол, используемый в медицине и по сей день.

Название нового метода, как и название (наконец устоявшееся) этого класса препаратов — психоделики, — возникло в 1956 году в ходе переписки между Озмондом и Хаксли. Они впервые встретились в 1953 году, когда Хаксли написал Озмонду, что его очень интересует мескалин, который он хотел бы опробовать на себе; этот интерес возник после того, как он прочел в журнале статью Озмонда о том воздействии, которое оказывает этот препарат на сознание человека. Хаксли давно уже проявлял живейший интерес ко всякого рода психоактивным веществам и их воздействию на сознание (вспомним хотя бы, что сюжет его знаменитого романа «*О дивный новый мир*» 1932 года вращается вокруг так называемой сомы, наркотика, воздействующего на сознание людей), а также к мистицизму, сверхчувственному восприятию, проблемам реинкарнации, НЛО и многому другому.

Итак, весной 1953 года Хамфри Озмонд приехал в Лос-Анджелес в расчете попотчевать Олдоса Хаксли порцией мескалина, хотя и не безвозмездно. Перед сеансом он доверительно поведал одному из коллег, что не хотел бы «снискать себе честь, пусть и весьма отдаленную, занять в истории мировой литературы маленькую, но позорную нишу человека, который довел до безумия самого Олдоса Хаксли».

Но ему не стоило беспокоиться. Психоделический трип Хаксли прошел блестяще, навсегда изменив само отношение к этим препаратам и пониманию их культуры; произошло

это на следующий год, после того как из печати вышла книга писателя с рассказом о пережитом, озаглавленная «*Двери восприятия*».

«Бесспорно, это было самое невероятное и самое значительное переживание из выпавших мне по эту сторону Блаженных Видений», — писал Хаксли в письме к своему издателю вскоре после случившегося. Для Хаксли это переживание действительно было «бесспорно невероятным», потому как с помощью мескалина он получил доступ не к сознанию безумца, а в духовный мир неописуемой красоты. Самые обыденные, приземленные предметы излучали ослепительное сияние, исходившее от некоего божественного источника, который он называет «Разум в целом». Даже «складки моих серых фланелевых брюк были заряжены „-измом“», — сообщает он, прежде чем остановиться на красоте драпировок на полотнах Боттичелли и «величественности и беспредельности складчатых тканей». Когда же его взгляд упал на маленькую вазу с цветами, он увидел то, «что узрел Адам на заре творения — чудо, миг за мигом, обнаженного существования... Все цветы светились внутренним светом и мелко дрожали под давлением своей значимости, которой они были наполнены».

«Мне на ум пришли слова „милость“ и „преображение“», — пишет он. Еще бы! Ведь с помощью мескалина Хаксли получил непосредственный доступ в царства существования, известные только мистикам и великим визионерам, которых в мировой истории было не так уж и много. Эти миры всегда рядом с нами, но в моменты будничной жизни их отделяет от нашего сознания «редукционный клапан» будничного бодрствующего сознания, своего рода фильтр, пропускающий через себя «скудный ручеек сознания», необходимый нам для выживания. Все прочее — роскошь и излишество, вроде поэзии, но мужчины, тем не менее, умирают из-за них каждый день, вернее — не из-за них, а из-за их отсутствия. Мескалин приоткрыл перед ним то, что Уильям Блейк называл «дверями восприятия», впустив в наше сознание проблеск бесконечного, которое постоянно нас окружает и всегда с нами — даже в складках наших брюк! — в чем мы непременно убедились бы, если бы только *могли это видеть*.

То, что пережил Хаксли (и это касается любых психоделических откровений, изведанных как до него, так и после),

не проявилось на tabula rasa* его сознания как некий чистый продукт, получаемый при соединении химических веществ, но было сформировано главным образом всем тем, что он прочел, всеми его философскими и духовными наклонностями, которые он имел при себе в момент перехода за черту обыденного сознания. (Лишь когда я написал строку о цветах, которые «светились внутренним светом и мелко дрожали под давлением своей значимости», я вдруг осознал, как сильно Хаксли повлиял на мое собственное восприятие цветов и растений, когда я сам находился под действием псилоцибина.) Мысль о психическом «редукционном клапане», фильтрующем наше восприятие, я заимствовал у французского философа Анри Бергсона, считавшего, что не человеческий мозг порождает или генерирует сознание, но что оно существует во внешнем поле в виде чего-то, напоминающего электромагнитные волны; что же касается мозга, который он сравнивает с радиоприемником, то он может настраиваться на различные частоты сознания. Хаксли тоже считал, что в основе всех мировых религий лежит некий общий мистический опыт познания, который он называет «Вечной Философией». Понятное дело, что проведенное Хаксли «утро в объятиях мескалина» подтвердило все эти идеи; как едко выразился один из рецензентов «*Дверей восприятия*», книга содержит «99 процентов Олдоса Хаксли и только полграмма мескалина». Но это не важно; важно то, что великие писатели проставляют на материи мира печать своего ума и что совокупный психоделический опыт человечества будет отныне вечно нести на себе неизгладимый отпечаток Хаксли.

Как бы это ни сказалось на культуре, но пережитое Хаксли, несомненно, заронило в его сознание, как и в сознание Озмонда, ту мысль, что «модель психоза» совершенно не отражает состояние сознания под влиянием мескалина или ЛСД, который Хаксли тоже опробовал, но два года спустя. Чувство «обезличивания», испытанное одним человеком, могло бы обернуться у другого чувством «единения со всеми»; здесь все решают перспектива, ракурс и словарный запас самого человека.

«Я назову этот эликсир очень нехорошим словом, если в сознании общественности он будет продолжать ассоциироваться с симптомами шизофрении, — писал Хаксли Озмонду

---

* Чистый лист (*лат.*).

в 1955 году. — Люди подумают, что они сходят с ума, тогда как на самом деле они начнут сходить с ума, только когда примут его внутрь».

Понятно, что новое название этого класса препаратов напрашивалось само собой, и в письмах, которыми обменялись между собой психиатр и писатель в 1956 году, всплыла пара таких «кандидатов». Однако, как это ни удивительно, победа осталась за предложением психиатра, а не писателя. Хаксли выдвинул свое предложение в виде двустишия:

Коль хочешь бренный мир без грима,
Прими полграмма фанеротима.

Выдуманное им слово («фанеротим») было составлено из двух греческих, означающих «ум» (θῡμός) и «явный» (φᾰνερός).

Вероятно, ученому показался неблагозвучным этот слишком уж «духовный» термин, и он тоже ответил двустишием:

Чтоб в Ад попасть, — не приведи Господь! —
Нужна лишь психоделика щепоть.

В своем неологизме Озмонд тоже соединил два греческих слова: Ψυχή (что означает «душа», «разум») и δῆλος (что означает «зримый»), получив тем самым слово со значением «обнажающий душу, разум». Хотя к настоящему времени это слово уже приобрело яркую окраску, типичную для 1960-х годов, на тот момент ему показалась привлекательной сама нейтральность слова «психоделик»: оно «не несло в себе какого-то оттенка безумия, сумасшествия или экстаза, но прямо намекало на увеличение и расширение сознания». Обладало оно и еще одним достоинством — «свободой от других ассоциаций», хотя свободным от них оно оставалось совсем недолго.

«Психоделическая терапия», как Озмонд с коллегами примерно с середины 1950-х годов стал называть свои терапевтические сеансы, обычно включала в себя прием единичной дозы ЛСД (достаточно большой), при этом участник находился в комфортной обстановке, лежал на кушетке, а подле него находился психотерапевт (иногда двое), который во время сеанса практически ничего не говорил, за исключением, может быть, двух-трех слов, давая подопечному возможность «путе-

шествовать» сообразно его настроению и наклонностям. Чтобы устранить отвлекающие факторы и побудить подопечного к внутренней концентрации, обычно ставилась приятная фоновая музыка, а ему на глаза накладывалась темная повязка. Цель всего этого антуража — создать условия для духовного озарения, того самого состояния, которое обычно приводит человека к обращению в религиозность.

Но хотя этот терапевтический метод ассоциируется почти исключительно с именами Озмонда и Хоффера, сами они для разработки наиболее существенных его элементов привлекли человека поистине загадочного, человека, не имевшего какого-либо официального образования, а потому не являвшегося ни ученым, ни психотерапевтом. Звали этого человека Эл Хаббард. Врачебная палата, обставленная так, что она скорее напоминала домашнюю гостиную, а не больничную комнату, вскоре стала называться «палатой Хаббарда», а один из исследователей, работавших с психоделиками на раннем этапе их изучения, доверительно сообщил мне, что и всю терапевтическую процедуру, ныне считающуюся нормативной, следовало бы с полным правом назвать методом Хаббарда. И все же Эл Хаббард, также известный как Капитан Трипс, или Джонни ЛСД – Яблочное Семечко, не из тех интеллектуальных отцов-основателей, которых каждый современный исследователь, серьезно занимающийся психоделической наукой, считает обязанным возвеличивать, а тем более чествовать.

* * *

Несомненно, что Эл Хаббард — самая невероятная, интригующая и непостижимая фигура из всех, коими отмечена история психоделиков, а это говорит о многом. Мы знаем о нем не очень много, а те ключевые факты из его жизни, которые нам известны, у нас нет возможности ни подтвердить, ни перепроверить, настолько они противоречивы или попросту сомнительны. Вот лишь один маленький пример: в архивных данных ФБР он значится как довольно высокий человек, чей рост составляет 5 футов 11 дюймов (примерно 180 см по европейским меркам), но на фотоснимках и видеофильмах Хаббард выглядит невысоким и коренастым, с большой круглой головой, увенчанной короткой стрижкой;

по причинам, которые известны только ему, он часто ходит в полувоенной форме и носит на боку кольт сорок пятого калибра, всем своим видом напоминая шерифа из провинциального городка. Но если взять за основу ту обильную корреспонденцию, которой он обменивался со своими коллегами, а также многочисленные отчеты в канадской прессе и книги, посвященные тому периоду истории*, включая сюда и интервью с людьми, близко его знавшими, то по этим данным вполне можно составить довольно обстоятельный портрет этого человека, пусть даже некоторые важные черты в нем останутся расплывчатыми или чуть размазанными.

Хаббард родился в 1901 или в 1902 году (в файлах ФБР указаны обе даты) в бедной семье, жившей в одном из поселков, расположенных на склонах Кентуккийских гор; он любил рассказывать, что обзавелся первой парой обуви, только когда ему исполнилось 12 лет. Третий класс он так и не закончил, но у парня, несомненно, был талант к электронике, ибо, еще будучи подростком, он изобрел прибор, который назвал электрическим трансформатором Хаббарда; собственно говоря, это была новая разновидность энергетической батарейки, работавшей якобы на радиоактивном излучении (на чем-то таком, что, по словам самого Хаббарда, «невозможно было объяснить с помощью технологии того времени»), — если верить сведениям о его жизни, изложенным Тоддом Бренаданом Фэхи в большой статье, напечатанной в 1991 году в журнале *High Times*. Хаббард (опять же, по его собственным словам) продал половину доли в своем патенте за 75 тысяч долларов, хотя ничего путного из его изобретения так и не вышло, в результате чего журнал *Popular Science* включил его (изобретение) в свой знаменитый список технологических неудач. Во время сухого закона Хаббард работал в Сиэтле водителем такси, но это было лишь прикрытием: в кузове своей машины он возил сложную навигационную систему связи, с помощью которой он оповещал бутлегеров о нахож-

---

* Наиболее интересны в этом отношении две книги: 1) Мартин А. Ли, Брюс Шлейн. *«"Кислотные" мечты: полная социальная история ЛСД»*; и 2) Джей Стивенс. *«Бушующие небеса: ЛСД и американская мечта»*. [Martin A. Lee and Bruce Shlain, *Acid Dreams: The Complete Social History of LSD* (New York: Grove Press, 1992) and Jay Stevens, *Storming Heaven: LSD and the American Dream* (New York: Grove Press, 1987)].

дении береговой охраны, давая им возможность ускользнуть от ее бдительного ока. В конце концов ФБР удалось задержать наводчика, и Хаббард отсидел полтора года в тюрьме по обвинению в контрабанде.

После освобождения жизненные пути Хаббарда настолько переплелись и перепутались, что проследить их теперь довольно сложно, тем более что сведения о них носят крайне расплывчатый и противоречивый характер. Согласно одному из отчетов, Хаббард в годы, предшествующие вступлению США во Вторую мировую войну, участвовал в тайной операции по доставке тяжелого вооружения из Сан-Диего в Канаду, а оттуда в Британию, хотя в те годы, если верить официальным источникам, страна придерживалась нейтралитета. (Его для выполнения этой миссии завербовали разведчики Алена Далласа, впоследствии основавшего и возглавившего Управление стратегических служб.) Но когда конгресс США начал расследование этой операции, Хаббард сбежал от неминуемого наказания в Ванкувер. Вскоре он стал канадским гражданином, основал в Канаде чартерный морской бизнес (именно отсюда его прозвище Капитан) и стал научным директором компании по добыче урана. (Согласно другому отчету, Хаббард был тесно связан с Манхэттенским проектом и поставлял для нужд этого проекта уран.) В возрасте пятидесяти лет «босоногий мальчонка из Кентукки» стал миллионером, владельцем флотилии самолетов, тридцатиметровой яхты, «роллс-ройса» и собственного острова неподалеку от Ванкувера. Однако во время войны он неожиданно возвращается в Соединенные Штаты и становится агентом Управления стратегических служб (УСС) незадолго до того, как его переименовали в Центральное разведывательное управление (ЦРУ).

А вот еще несколько любопытных фактов из жизни Эла Хаббарда в период, предшествовавший его знакомству с психоделиками. Во-первых, он был рьяным католиком с ярко выраженным влечением ко всему необычному и мистическому. А во-вторых, в своей профессиональной приверженности делу он был невероятно гибок и изворотлив, работая в разное время то как контрабандист, занимавшийся ввозом спиртных напитков и оружия, то как агент Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Не являлся ли он двойным агентом? Вполне возможно. Известно также, что некоторое

время он работал в канадских спецслужбах, в министерстве юстиции США и даже в Управлении по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. Согласно архивным данным ФБР, в течение 1950-х годов он поддерживал связи с ЦРУ, но эти сведения столь противоречивы и малочисленны, что раскрыть его истинную роль в этом деле (если только эта роль была) представляется невозможным. Мы знаем, что на протяжении 1950-х, 1960-х и 1970-х годов правительство вело пристальную слежку за исследователями психоделиков (в некоторых случаях даже финансируя лабораторные исследования ЛСД и научные конференции), поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что в обмен на информацию оно предоставило Хаббарду полную свободу действий, чем он и воспользовался. Правда, это всего лишь домыслы.

Жизнь Элла Хаббарда потекла по перпендикулярному руслу в 1951 году. В это время он, по словам Уиллиса Хармана, одного из группы инженеров, работавших в Кремниевой долине, которому Хаббард несколько позже помог свести знакомство с ЛСД, «был очень удачлив, но несчастен», отчаянно ища смысл жизни. Как рассказал Хаббард Харману (а тот впоследствии Тодду Брендану Фэхи), он путешествовал пешком по штату Вашингтон, когда на лесной поляне ему вдруг явился ангел и «сказал Элу, что человечество в ближайшем будущем ждет некое знаменательное событие и что он, Эл, если захочет, сможет сыграть в нем известную роль. Но не дал при этом ни малейшего намека на то, что это за событие и когда его ожидать».

Намек, причем слишком явный, появился год спустя в виде статьи в научном журнале, где описывалось поведение крыс, которым скармливали крошечные дозы только что открытого соединения, названного ЛСД. Хаббард тут же связался с упомянутым в статье ученым, раздобыл у него немного ЛСД и — пережил нечто, в корне изменившее всю его жизнь: он стал свидетелем зарождения жизни на Земле и собственного зачатия. «Это было нечто глубоко мистическое, с чем мне еще никогда не приходилось сталкиваться, — рассказал он позже своим друзьям. — Я увидел себя крошечной клеткой, наделенной искрой разума и обитавшей в большой трясине. Я видел, как совокуплялись мои отец и мать». Несомненно, что именно это и предсказал ему ангел — «некое знаменательное событие, которое ждет человечество в бли-

жайшем будущем». Хаббард понял, что ему выпала честь принести человечеству новое евангелие — евангелие от ЛСД, так же как и само химическое соединение. Ему, по его собственным словам, досталась «особая роль — роль избранного».

Так началась карьера Эла Хаббарда в роли Джонни ЛСД – Яблочного Семечка. Благодаря своим обширным связям в правительственных и деловых кругах и при их поддержке он направил в лабораторию компании *Sandoz* заявку с просьбой выделить ему умопомрачительное количество ЛСД: литровую бутыль, согласно одному донесению; сорок три ящика, согласно второму; и шесть тысяч ампул, согласно третьему. (Альберту Хофману он постоянно заявлял, что планирует использовать препарат в деле «освобождения человеческого сознания».) Не знаю, кому верить, но, по одним данным, он хранил запасы ЛСД в своем депозитном сейфе в Цюрихе, а по другим, закопал его в Долине Смерти, хотя значительную его часть постоянно носил с собой в кожаном кисете. В конце концов Хаббард сначала стал эксклюзивным поставщиком ЛСД в Канаде, а затем каким-то образом раздобыл в Управлении по санитарному надзору лицензию, дававшую ему право проводить клинические испытания ЛСД в Соединенных Штатах, — и это несмотря на его три класса образования, криминальное прошлое и единственное, вероятно поддельное, научное удостоверение. (Диплом доктора философии он по случаю купил у мошенников, торгующих поддельными документами.) Считая себя своего рода «катализатором» и выполняя некогда данное обещание изменить курс человеческой истории, Хаббард в период с 1951 по 1966 год «подсадил» на ЛСД порядка шести тысяч человек.

Любопытно, но босоногий мальчонка из Кентукки оказался чем-то вроде мандарина, выбиравшего себе в качестве подданных ведущих деятелей в бизнесе, правительстве, искусстве, религии и технике. Он считал, что работа должна осуществляться по принципу сверху вниз, и презирал других психоделических евангелистов вроде Тимоти Лири, который придерживался более демократического подхода. Члены парламента, иерархи Романо-католической церкви*, голливудские актеры,

* Хаббард долгие годы бережно хранил письмо, полученное им в 1957 году в Ванкувере от человека, величавшего себя монсиньор Браунмайор, где тот дает высокую оценку его деятельности, подчеркивая, что «мы приближаемся

правительственные чиновники, известные писатели и философы, университетские должностные лица, инженеры-электронщики, выдающиеся бизнесмены — всех этих людей Хаббард снабжал дозами ЛСД, сверху выполняя свою миссию по изменению курса мировой истории. (Правда, не все, с кем был близок Хаббард, согласились участвовать в разыгрываемой пьесе: например, Эдгар Гувер, которого Хаббард называл лучшим другом, отказался.) Хаббард верил, вспоминал Абрам Хоффер, что «если бы ему удалось осчастливить психоделическими откровениями ведущих директоров и руководящих сотрудников 500 ведущих компаний, он бы реформировал все общество». Одного из таких сотрудников ему все же удалось завлечь в свои сети в конце 1950-х годов: Майрон Столярофф, помощник президента по долгосрочному планированию в компании *Ampex*, являвшейся в то время ведущей фирмой в области электроники в Кремниевой долине, «проникся убеждением, что он [Эл Хаббард] именно тот человек, который осчастливит планету Земля, подарив ей ЛСД».

* * *

В 1953 году, незадолго до своего психоделического прозрения, Хаббард пригласил Хамфри Озмонда отобедать с ним в Ванкуверском яхт-клубе. Как и многих других, Озмонда глубоко впечатлили присущие Хаббарду качества: поглощенность земными заботами, богатство, обширные связи и доступ к неиссякаемым запасам ЛСД. Обед, прошедший в благожелательной атмосфере, завершился заверениями в дружбе и привел к сотрудничеству, которое изменило ход психоделических исследований и, что особенно важно, заложило основу для исследований, проводимых сегодня.

Под влиянием Хаббарда и Хаксли, которого в первую очередь интересовали раскрепощающие свойства психеделиков, Озмонд отказался от психотомиметической модели. Но из них двоих именно Хаббард первым высказал мысль, что коль скоро даже единичная доза мескалина или ЛСД способна вызвать мистические видения, что уже испытали на себе мно-

---

к важному этапу в деле изучения психоделиков и их влияния на сознание человека, жаждущего понять, какими свойствами они обладают, дабы с должным уважением оценить их истинное место в Божественной экономике».

гие люди, то почему бы не использовать это свойство психоделиков в качестве терапевтического метода — потому как видения и даваемый ими опыт более важны, чем само химическое соединение. Путешествие в незнаемое, совершаемое под действием психоделиков, подобно озарению, которое обращает человека к религиозности: оно может показать людям, пусть даже без их ведома, новую, более всеобъемлющую перспективу в их жизни, перспективу, которая поможет им кардинально измениться. Но, вероятно, самым весомым вкладом Хаббарда в психоделическую терапию является врачебная палата, названная его именем.

Гораздо легче собирать и накапливать факты из жизни Эла Хаббарда, чем составить устойчивое представление о характере этого человека, полного тайн и противоречий. Крутой парень с кольтом на бедре был при этом завзятым мистиком, любившем поговорить о любви и небесных красотах, а также бизнесменом с хорошими связями и правительственным агентом, оказавшимся на деле невероятно восприимчивым и одаренным психотерапевтом. Хотя сам он никогда не употреблял этих терминов, Хаббард, что поразительно, первым из исследователей понял особую важность установки и обстановки в деле успешного проведения психоделических сеансов. Он инстинктивно понимал, что белые стены и флуоресцентное освещение идеально чистой больничной палаты не способствуют успешному проведению сеансов, что они не будят воображение, поэтому он привнес туда картины и музыку, цветы и драгоценные камни, используя их для подготовки подопечных к мистическим откровениям или для отвлечения их внимания от психических реалий, если они начинают принимать устрашающий вид. Ему нравилось показывать людям картины Сальвадора Дали и изображения Иисуса Христа, и также нередко перед началом сеанса он просил их внимательно рассмотреть грани алмаза, специально принесенного им с этой целью. Один из его ванкуверских пациентов, алкоголик, страдавший социофобией, вспоминал, как Хаббард во время сеанса с ЛСД вручил ему букет роз и сказал: «„Возненавидь их“. Они тут же увяли, лепестки осыпались, и я заплакал. Тогда он сказал: „Возлюби их“, и они тут же ожили, заиграли красками и стали еще более прекрасными, чем раньше. Для меня это много значило. Я вдруг

понял, что можно самому выстраивать свои отношения, делая их такими, какими тебе хочется. Трудности общения с людьми, которые я испытывал до сеанса, взяли и исчезли».

То, что Хаббард привнес в больничную палату, было хорошо известно любому традиционному врачевателю. Шаманы, например, многие тысячелетия обладают знанием о том, что человеком, находящимся в состоянии глубокого транса или под воздействием сильных лекарственных трав, можно легко манипулировать посредством нескольких слов, специальных предметов или даже музыки. Хаббард интуитивно понимал, что внушаемость человеческого ума, особенно когда он находится в состоянии измененного сознания, можно использовать в качестве важнейшего ресурса исцеления — прежде всего для избавления от деструктивных мысленных шаблонов и для замены их новыми перспективами. Возможно, исследователи предпочли бы назвать этот процесс «манипулированием установкой и обстановкой», что соответствует действительности, но величайший вклад Хаббарда в современную психоделическую терапию как раз в том, что он первым представил соотечественникам проверенные инструменты шаманизма — пусть даже в его западном варианте.

* * *

За несколько лет Хаббард перезнакомился практически со всеми членами научно-исследовательского психоделического сообщества в Северной Америке, производя неизгладимое впечатление на каждого, кому посчастливилось с ним встретиться, и своим характером, и особенно тем шлейфом терапевтических «чаевых» или ампул с ЛСД (благодаря любезности компании Sandoz), который за ним тянулся. К концу 1950-х годов он стал своего рода странствующим пастором, вещающим о психоделических откровениях. На одну неделю он «оседал» в Вейберне, где помогал Хамфри Озмонду и Абраму Хофферу в их работе с алкоголиками, которой они снискали себе международное признание; оттуда он ездил на Манхэттен, чтобы встретиться с Гордоном Уиссоном, а на обратном пути останавливался у какой-нибудь важной персоны, чтобы одарить ее дозой ЛСД, или делал остановку в Чикаго, чтобы навестить (и проконтролировать) работавшую там исследовательскую группу. Следую-

щую неделю его можно было встретить в Лос-Анджелесе, где он проводил совместные сеансы с Бетти Эйснер, Сидни Коэном или Оскаром Джанигером, с которыми он безвозмездно делился своей врачебной техникой и запасами ЛСД. («Мы ждали его, как старушка где-нибудь в прерии ждет каталога компании *Sears, Roebuck & Co.*», — вспоминал годы спустя Оскар Джанигер.) Оттуда он возвращался назад, в Ванкувер, где настоятельно убеждал Голливудскую больницу отдать целое крыло под нужды алкоголиков, которых следовало лечить с помощью ЛСД*. К тому же Хаббард частенько летал на своем самолете в Голливуд, где брал (весьма осмотрительно) на борт нескольких голливудских звезд и доставлял их на лечение в Ванкувер. Именно благодаря этой побочной деятельности он и заслужил свое прозвище Капитан Трипс. Кроме того, Хаббард основал в Канаде еще два лечебных учреждения для алкоголиков, где регулярно проводил сеансы с ЛСД, заявляя, что они имеют небывалый успех. Лечение алкоголизма по методу Хаббарда превратилось в Канаде в целую бизнес-отрасль, хотя Хаббард считал, что было бы в высшей степени нечестно и неэтично наживаться на ЛСД, и эта его позиция часто приводила к трениям между ним и несколькими учреждениями, с которыми он работал, поскольку там брали с пациентов за сеанс до 500 долларов. Для Хаббарда психоделическая терапия была разновидностью филантропической деятельности, и он не жалел своего состояния, продвигая это дело вперед.

Эл Хаббард порхал между этими далеко отстоящими друг от друга исследовательскими центрами, подобно психоделической пчелке, распространяя информацию, химические соединения и экспертные знания в области клинической медицины и одновременно создавая широкую сеть лечебниц по всей Северной Америке, к которой он в надлежащее время приобщил также Менло-Парк и Кеймбридж. Но занимался ли Хаббард только тем, что распространял информацию? Или он также собирал ее и передавал ЦРУ? Был ли опылитель заодно

---

* Имя Хаббарда упоминается только в одной научной работе, написанной его коллегой по Голливудской больнице и носящей название «Использование ЛСД-25 при лечении алкоголизма и другие проблемы психиатрии». Ежеквартальный «Журнал изучения проблем, связанных с алкоголем» (*Quarterly Journal of Studies on Alcohol*) от 22 марта 1961 г., с. 34–45.

и шпионом? Наверняка сказать это трудно; из тех, кто хорошо знал Хаббарда, одни (вроде Джеймса Фадимана) считают, что это более чем правдоподобно, тогда как другие в этом не уверены, отмечая тот факт, что Капитан Трипс часто критиковал ЦРУ за то, что оно стремятся превратить ЛСД в оружие и использовать его против людей. «Деятельность ЦРУ сильно попахивает», — заявил он однажды в конце 1970-х годов Оскару Джанигеру.

Говоря это, Хаббард имел в виду исследовательскую программу «МК-Ультра», осуществлявшуюся с 1953 года под началом ЦРУ с намерением выяснить, можно ли использовать ЛСД (например, растворяя его в водоемах противника) в качестве боевого оружия (не ведущего, однако, к массовому поражению населения), в качестве «сыворотки правды», в качестве средства управления сознанием* или в качестве средства для грязного трюка, который можно разыграть с лидерами недружественных нам государств, вынуждая их совершать нелепые действия и говорить несуразные глупости. Ни одна из этих схем, насколько нам известно, не была реализована, но показательно то, что все они были привязаны к исследовательской программе, основанной на психотомиметической модели, от которой к тому времени давно отказались другие исследователи. Кстати сказать, ЦРУ тайно подсовывало незначительные дозы ЛСД своим сотрудникам и несведущим гражданским лицам, проверяя на них действие препарата; так, при разборе одного нашумевшего дела, ставшего достоянием общественности лишь в 1970-х годах, ЦРУ призналось, что в 1953 году негласно подмешало дозу ЛСД в пищу Фрэнку Олсону, армейскому специалисту по биологическому оружию; несколько дней спустя Олсон, по предположению многих, выпрыгнул из окна своего номера, расположенного на 13-м этаже нью-йоркского отеля *Statler*, и разбился насмерть. (Были, однако, и те, кто считал, что Олсона столкнули и что признание, сделанное ЦРУ, сколь бы ни было оно

---

* Сидни Готлиб, сотрудник ЦРУ, отвечавший за проект «МК-Ультра», свидетельствовал перед конгрессом, что цель проекта в том, «чтобы изучить, возможно ли (и если возможно, то как) изменить поведение человека завуалированными средствами». Мы бы знали гораздо больше о программе «МК-Ультра», если бы Готлиб по приказу директора ЦРУ Ричарда Хелмса не уничтожил большую часть документов, относящихся к этой программе.

шокирующим, в действительности служит прикрытием еще более гнусных преступлений.) Именно Олсона имел в виду Эл Хаббард, когда сказал: «Я пытался растолковать им, как им [препаратом] пользоваться, но даже когда они убивали людей, ты все равно ни черта не мог им втолковать».

Во время своих наездов в Лос-Анджелес Хаббард регулярно останавливался у Олдоса и Лоры Хаксли. У Хаксли и Хаббарда сложились поистине невероятные дружеские отношения после того, как в 1955 году Хаббард представил писателю новый препарат (ЛСД) и ознакомил его со своим методом. Пережитое Хаксли под влиянием ЛСД напрочь затмило откровения, вызванные мескалином. По горячим следам Хаксли писал Озмонду: «Через закрытую дверь ко мне пришло осознание... прямое, полное, явившееся, так сказать, изнутри осознание Любви как первостепенного и фундаментального космического факта». Сила этого озарения, казалось, смутила писателя своей наготой: «В этих словах, конечно же, есть доля неприличия, они должны звучать фальшиво, казаться болтовней. Но факт остается фактом».

Хаксли сразу же признал достоинства своего нового союзника, человека, искушенного в мирских делах, человека, которого он любил называть «мой славный Капитан». Как это часто случается в жизни, буквоед оказался сражен человеком действия.

«Сущие младенцы в лесу — вот каковы мы, литературные джентльмены и профессионалы! — писал Хаксли Озмонду по поводу Хаббарда. — Огромному Миру случайно потребовались ваши услуги, он слегка забавляется моими, но все свое внимание и почтение он отдает Урану и Большому Бизнесу. Какое же невероятное счастье, что представитель обеих этих Высших Сил а) оказался человеком, столь страстно интересующимся мескалином, и б) просто очень хорошим человеком».

Ни Хаксли, ни Хаббард никогда особо не увлекались медициной либо наукой и не были им преданы, поэтому не удивительно, что со временем их интересы претерпели эволюцию, сместившись от желания лечить отдельных индивидуумов, страдающих психологическими проблемами, к стремлению излечить все общество. (Кстати говоря, этим стремлением были охвачены практически все, кто работал с психоделиками,

включая и ученых, причем даже таких разных по темпераменту, как Тимоти Лири и Роланд Гриффитс.) Но психологические исследования продолжаются, один эксперимент следует за другим, один ученый сменяется другим, а реальной модели по использованию препарата для изменения всего общества, как на это рассчитывали Хаббард и Хаксли, так до сих пор и не появилось, в результате чего этот научный метод начал все больше докучать им, как впоследствии и Лири, став для них своего рода смирительной рубашкой.

Сразу же после первого приема ЛСД и вызванных им видений Хаксли написал Озмонду, спрашивая, не кажется ли ему, что «всякий, кто пришел к осознанию неоспоримого факта единства всего сущего в любви, будет хотеть снова и снова возвращаться к экспериментированию на психическом уровне?.. Моя точка зрения такова, что такая возможность, как открытие двери в неведомое с помощью мескалина или ЛСД, слишком драгоценна и представляет собой слишком большую привилегию, чтобы отказываться от нее во имя экспериментирования». Или чтобы применять ее только по отношению к больным людям, добавим мы. В сущности, Озмонд с симпатией относился к этой точке зрения (в конце концов, именно он дал мескалин Хаксли, и вряд ли это можно было назвать экспериментом, тем более контролируемым), и именно он участвовал во многих сеансах Хаббарда с привлечением самых лучших умов Америки. Но при этом Озмонд не был готов бросить науку или медицину ради того, что, по мнению Хаксли и Хаббарда, лежало за ее пределами.

В 1955 году Эл Хаббард сделал попытку освободиться от научной смирительной рубашки и формализовать свою сеть психоделических исследований, учредив так называемую Комиссию по изучению творческого воображения. Само название органа отражает его желание вынести работу с психоделиками за рамки медицины и основной ее фокус сосредоточить на болезнях. В состав Комиссии, точнее — в ее правление, он включил Озмонда, Хаксли и Коэна, дополнив их пятью-шестью другими исследователями, а также философа (Джеральда Хёрда) и официального представителя ООН; себя же самого он называл «научным директором».

(Что думали эти люди о Хаббарде и его высоком титуле, не говоря уже о его фальшивых академических званиях?

Они относились к нему снисходительно и одновременно восхищались им. Вот пример. Когда однажды Бетти Эйснер написала Озмонду письмо, где выразила чувство недовольства, оставшееся у нее после нескольких публичных выступлений Хаббарда, тот посоветовал ей начать относиться к нему как к Христофору Колумбу: «Исследователи не всегда были сугубо научными, превосходными или полностью независимыми людьми».)

До сих пор неясно, что именно представляла собой Комиссия по изучению творческого воображения и ради чего она была создана — для реальной оценки проводимой работы или формального прикрытия, но ее создание явно свидетельствовало об углубляющемся расколе между медицинским и духовным подходами к психоделикам. (Интересен тот факт, что Сидни Коэн, всегда сохранявший двойственную позицию в вопросах взаимоотношений науки и мистицизма, вдруг ни с того ни с сего ушел в отставку в 1957 году, через год после включения его в состав правления.) Несмотря на звание «научного директора», сам Хаббард во всеуслышание заявил в этот же период: «Мое уважение к науке как к самоцели с годами все больше и больше падает... потому как то, чего я хочу и к чему стремлюсь всем своим существом, находится далеко за пределами и вне досягаемости эмпирических манипуляций». Как видим, задолго до Лири пресловутый сдвиг в рамках объективных психоделических исследований от психотерапии к культурной революции медленно, но неумолимо назревал.

* * *

Последний узловой пункт в широко раскинувшейся психоделической сети Эла Хаббарда, который нам стоит, пожалуй, посетить, — это Кремниевая долина, где ЛСД с его потенциалом развития «творческого воображения» и изменения всей мировой культуры прошел самую тщательную на сегодняшний день проверку. Действительно, семена, посеянные Хаббардом в Кремниевой долине, продолжают приносить интересные плоды в виде неиссякаемого интереса к психоделикам как к инструменту творчества и инноваций. (Пока я пишу эти строки, практика микродозировки, то есть регулярного принятия крошечных, «неощутимо малых» доз ЛСД в качестве своего

рода психического тоника, расцветает пышным цветом в техническом сообществе.) Стив Джобс часто говорил, что его эксперименты с ЛСД относятся к числу двух или трех наиболее важных событий в его жизни. Ему нравилось дразнить Билла Гейтса, делая заявления вроде этого: «Он был бы куда более масштабным парнем, если бы, когда был моложе, хоть раз подсел на кислоту или отправился в ашрам». (Гейтс не преминул на это заявить, что уж ЛСД он, во всяком случае, пробовал.) Если мы попробуем соединить приезд в Кремниевую долину Эла Хаббарда, имевшего при себе рюкзак, набитый ЛСД, с тем техническим бумом, который Стив Джобс привел в действие четверть века спустя, у нас получилась бы пусть и не совсем прямая, но все же достаточно ровная линия.

Ключевой фигурой, женившей Эла Хаббарда на Кремниевой долине, был Майрон Столярофф, талантливый инженер-электрик, который в середине 1950-х годов был помощником президента по стратегическому планированию в компании Ampex, одной из первых технологических компаний, не побоявшихся обзавестись собственным магазином в некогда сонном местечке, сплошь состоявшем из ферм и садов, раскинувшихся по всей долине. (Кремниевой ее назвали только в 1971 году.) Компания Ampex, в лучшие годы насчитывавшая свыше 13 тысяч рабочих и служащих, была пионером в области разработки и производства катушечных магнитных лент и аудиоаппаратуры: кассетных, бобинных и прочих записывающих устройств. Столярофф (он родился в Розуэлле, штат Нью-Мексико, в 1920 году) изучал инженерное дело в Стэнфордском университете и был одним из первых служащих, принятых на работу в компанию Ampex, — обстоятельство, благодаря которому он сделался довольно состоятельным человеком. Иудей по вероисповеданию, он, однако, рано встал на путь духовных поисков, и к тридцати годам этот путь привел его к Джеральду Хёрду, английскому философу и другу Олдоса Хаксли. Столярофф настолько увлекся рассказом Хёрда о том, что ему выпало пережить под действием ЛСД (которым его, разумеется, снабдил Эл Хаббард), что в марте 1956 года он отправился в Ванкувер, чтобы провести там сеанс на квартире у Капитана.

Шестьдесят шесть микрограммов ЛСД, полученных от Хаббарда, увлекли молодого инженера в странствие, полное

ужасающих видений и экстатических состояний. За те несколько часов, что оно длилось, он увидел всю историю планеты с момента ее образования, пройдя через стадии развития жизни на Земле и появления человечества до собственного рождения и родовой травмы. (Типичная траектория, по которой обычно двигались все участники сеансов под руководством Хаббарда.) «Для меня это было потрясающим открытием, — рассказал он спустя многие годы в одном из интервью, — открытием поистине колоссальным. Я вновь пережил мучительный момент своего рождения, который обусловил практически все черты и свойства моей личности. Но я также пережил и состояние своего неразрывного единства с человечеством, и даже реальность Бога. И понял, что отныне... полностью посвящу всего себя этой работе. После того опыта с ЛСД я сказал себе: „Да ведь это величайшее открытие, которое когда-либо совершал человек!“»

Столярофф поделился своими впечатлениями с небольшим числом друзей и коллег из Ampex, и вскоре они начали собираться каждый месяц на квартире у кого-нибудь из них, обсуждая в тесном кругу вопросы духовности, а заодно и возможности ЛСД, а именно: можно ли с его помощью помочь индивидуумам — здоровым индивидуумам! — полностью осознать свой потенциал. Через какое-то время к компании присоединились Дон Аллен, молодой инженер из Ampex, и Уиллис Харман, преподаватель кафедры электротехники Стэнфордского университета, в результате чего в Менло-Парк стал наезжать сам Эл Хаббард, чтобы наставлять их, помогать в их психоделических странствиях, а заодно обучить их навыкам психоделического «проводника». «Как психотерапевт, — вспоминает Столярофф, — он был одним из лучших в этой области».

Убедившись в силе ЛСД и в том, что препарат может помочь людям выйти за рамки своих ограничений, Столярофф какое-то время пытался (с помощью Хаббарда) реорганизовать компанию Ampex в надежде сделать ее первой в мире «психоделической корпорацией». В штаб-квартире компании в округе Сьерра он начал проводить цикл семинаров, на которых снабжал сотрудников дозами ЛСД. Но проект потерпел крах, когда генеральный директор компании, по национальности еврей, выступил против того, чтобы в его

офисе находились картины Иисуса Христа, Девы Марии и «Тайной вечери», на чем настаивал Хаббард. Примерно в это же время Уиллис Харман решил существенно расширить рамки преподаваемого им предмета, набрав новый класс с углубленным изучением «человеческого потенциала», — затея, приведшая к полному приятию психоделиков. Шутка ли, инженеров стали снабжать религиозными откровениями! (И по-прежнему снабжают; я знаю одну технологическую компанию из Сан-Франциско, в которой используют психоделики для обучении руководящего состава. А в некоторых других учреждены так называемые «микродозовые пятницы».)

В 1961 году Столярофф уволился из Ampex и всецело посвятил себя исследованию психоделиков. Вместе с Уиллисом Харманом он основал организацию с довольно претенциозным названием: Международный фонд перспективных исследований (МФПИ), который видел своей задачей исследование потенциала ЛСД для развития личных качеств и творческих способностей человека. В качестве директора медицинской службы фонда Столярофф пригласил психиатра по имени Чарльз Сэвидж, а обязанности штатного психолога выполнял молодой аспирант по имени Джеймс Фадиман. (Фадимана, окончившего Гарвардский университет в 1960 году, «подсадил» на псилоцибин Ричард Алперт, к счастью уже после того, как он завершил свое образование. «Со мной случилось нечто грандиозное, — сказал Алперт своему бывшему студенту, — и мне хотелось бы поделиться этим с вами».) Дон Аллен тоже ушел из Ampex и влился в ряды МФПИ в качестве информационного технолога-наставника. Обзаведясь лицензией на исследования, выданной Управлением по санитарному надзору, и солидным запасом ЛСД и мескалина, доставленным Элом Хаббардом, фонд начал, пользуясь термином самого Хаббарда, «обрабатывать клиентов», причем весьма успешно, потому как за последующие шесть лет там прошли «обработку» порядка 350 человек.

По воспоминаниям Джеймса Фадимана и Дона Аллена, которыми они поделились в пространных интервью, эти годы были самым волнующим и будоражащим периодом в их жизни, потому как им выпало счастье, по их собственному убеждению, работать на приграничном крае человеческих возможностей. По большей части их подопечными были

«здоровые, нормальные люди», или, если пользоваться выражением Фадимана, «невротически здоровое амбулаторное население». Каждый пациент платил 500 долларов и получал пакет, содержавший результаты персонального тестирования до и после сеанса, основной сеанс с ЛСД и, при необходимости, несколько дополнительных. Как вспоминает Дон Аллен, Эл Хаббард «опрометью носился туда и обратно», потому как был «и нашим вдохновителем, и нашим постоянным экспертом». А Джеймс Фадиман добавляет: «Он был тайной силой, стоящей за всеми исследованиями в Менло-Парке». Время от времени Хаббард брал несколько человек персонала с собой в Долину Смерти, где проводил с ними сеансы, полагая, что первобытный ландшафт этого места особенно благоприятен для всякого рода откровений.

В начале 1960-х годов сотрудники фонда опубликовали шесть работ, содержавших, по словам одного из них, ряд «провокационных результатов». 78 % клиентов заявили, что курс, который они прошли, усилил их способность любить, 71 % отметили, что их самооценка значительно повысилась, а 83 % утверждали, что в ходе сеансов они увидели мельком «высшую силу, или запредельную реальность». Последние принадлежали к числу тех, на кого сеансы оказали самое благотворное влияние, сохранявшееся в течение весьма продолжительного времени. Дон Аллен сказал, что у большинства клиентов «их убеждения, позиция и поведение претерпели заметные и достаточно устойчивые изменения на порядок выше статистической вероятности». Особенно это проявилось в том, что они стали «гораздо менее предосудительными, гораздо менее жесткими, более открытыми, общительными и менее замкнутыми». Но далеко не все было так хорошо и гладко: некоторые клиенты после сеанса подали на развод и разорвали свои брачные узы, посчитав, что вторая половина им не пара и что они оказались втянутыми в ловушку их деструктивных поведенческих шаблонов.

МФПИ провел также ряд исследований, направленных на то, чтобы выяснить, действительно ли ЛСД может благотворно воздействовать на творчество человека и усилить его способность к решению проблем. «Для нас этот факт не был совершенно очевиден, — высказался по этому поводу Джеймс Фадиман, — поскольку сила внутреннего переживания

такова, что ты порой сбиваешься с пути и теряешь то, что стремился обрести». Чтобы проверить свою гипотезу, Фадиман с коллегами начали с самих себя, потому как им было важно понять, нельзя ли провести вполне надежный творческий эксперимент на основе относительно малой дозы ЛСД — всего 100 микрограммов. И пришли к твердому решению, что такое возможно, что, видимо, не было случайностью.

Работая с группами из четырех человек, Джеймс Фадиман и Уиллис Харман назначали одинаковые дозы ЛСД артистам, инженерам, архитекторам и ученым, то есть всем тем, кто так или иначе «был зациклен» на своей работе или на конкретном проекте. «Мы использовали все разновидности установок и обстановок, какие только нашли в книгах», — вспоминает Фадиман, а о самих субъектах он говорит, что «они были прямо-таки очарованы своими интеллектуальными способностями и умением решать проблемы так, как им никогда не удавалось раньше». Сами клиенты отмечают у себя существенно более высокую гибкость мышления, так же как и гораздо более высокую способность к визуализации и реконтекстуализации проблем. «Мы были поражены, как, впрочем, и сами участники, тем количеством новых и эффективных решений, которые возникли во время наших сеансов», — пишет Фадиман. Среди участников были несколько визионеров, включая Уильяма Инглиша и Дуга Энгельбарта*, людей, которые в последующие годы произведут переворот в области компьютерной техники. Несмотря на то что эти исследования были «недостоверными» с научной точки зрения и «пестрели» всевозможными проблемами — были неконтролируемыми, опирались на оценку успеха или неуспеха, даваемую самими клиентами, и часто прерывались на полпути, не будучи доведенными до завершения, — несмотря на это, они, по меньшей

* Во время сеанса с ЛСД Энгельбарт изобрел так называемую «брызгалку», которая приучала детей, по крайней мере мальчиков, ходить в туалет: в унитазе стояло водяное колесо, которое приводилось в действие струей урины. Ему же принадлежат и куда более значительные изобретения, такие как компьютерная мышь, графический компьютерный интерфейс, текстовый редактор, гипертекст, сетевые компьютеры, электронная почта и технология видеоконференций, которые он продемонстрировал на своей ставшей легендарной презентации, прошедшей 9 декабря 1968 года в Сан-Франциско и ныне известной под названием «Мать всех демосов».

мере, указывали направление и перспективные пути для дальнейшего движения вперед.

Фонд закрыл свою лавочку в 1966 году, но работа Хаббарда в Кремниевой долине на этом не завершилась. Он, правда, вышел в отставку, если можно так сказать, но лишь частично и в 1968 году вновь был востребован Уиллисом Харманом — эпизод, до сих пор остающийся одним из самых таинственных в его карьере. Что касается Хармана, то после закрытия МФПИ он перешел на работу в Стэнфордский научно-исследовательский институт (СНИИ), престижный мозговой центр под эгидой Стэнфордского университета, выполнявший заказы федерального правительства, причем сразу для нескольких отраслей, включая и оборонную. Харман был назначен руководителем Центра стратегических исследований в области образовательной политики (филиала СНИИ) с полномочиями, дававшими ему право на разработку будущей образовательной политики. Хотя на тот момент ЛСД был уже под запретом, он по-прежнему был в ходу и активно потреблялся сообществом инженеров и академиков как в Стэнфорде, так и вокруг него.

Хаббард, находившийся к этому времени не у дел, был принят туда по совместительству на должность «специального агента по расследованию», несомненно для того, чтобы следить за распространением наркотиков в студенческой среде, особенно в социальных движениях. Письмо Хармана, в котором тот приглашал Хаббарда на работу, одновременно полно недомолвок, эвфемизмов и наводит на размышления: «Изучение современных социальных движений, влияющих на процесс образования, показывает, что распространение и активное потребление наркотиков среди студентов, членов „Новых левых“, далеко не случайно. Некоторые из них [наркотиков], по-видимому, сознательно используются как оружие, нацеленное на смену политического режима. Мы обеспокоены оценкой значимости этого положения, так как оно влияет на состояние дел в сфере долгосрочной образовательной политики. В этой связи для нас было бы большим преимуществом заручиться вашим согласием на то, чтобы занять у нас должность специального агента по расследованию, который имел бы доступ к соответствующим данным, не доступным в обычном порядке». Хотя об этом и не упоминается в письме, но в обязан-

ности Хаббарда как сотрудника СНИИ входили также услуги по продлению ныне существующих контрактов и добыванию новых с помощью тех обширных связей в правительственных кругах, которые у него имелись. Таким образом, Эл Хаббард еще раз облачился в «шерифскую» форму цвета хаки, дополнив свою экипировку золотым значком, портупеей, поясом, а также набитым пулями патронташем, и приступил к работе.

Но и униформа, и звание специального агента были лишь прикрытием, причем весьма умелым.

Вполне возможно, что Хаббард, как явный враг контркультуры, в то время все больше и больше набиравшей обороты, свою слежку за нелегальными препаратами, перешедшими в разряд наркотиков, вел даже в кампусе СНИИ (или других организациях*), но даже если это так, то он и в этом случае опять работал на две стороны. Ибо, хотя легальный статус ЛСД к 1968 году изменился, миссия Хаббарда и Хармана, состоявшая в том, чтобы «приобщить к опыту [ЛСД] политических руководителей и интеллектуальных вождей по всему миру», несомненно, осталась прежней. Работу следовало продолжать, но еще более тихо, незаметно и обязательно под прикрытием правдивой легенды. Как сказал Уиллис Харман в интервью, которое уже известный нам Тодд Брендан Фахи взял у него в 1990 году (его слова впоследствии подтвердил бывший сотрудник СНИИ), «Эл никогда не делал ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало работу по безопасности. Его работа заключалась в том, чтобы устраивать для нас специальные сеансы».

Бывший сотрудник СНИИ, о котором упоминалось выше, — это инженер Питер Шварц, ведущий футуролог;

---

* Хаббарду была противна сама мысль об уличной торговле психоделиками и их использовании представителями контркультуры, и он с этим всячески боролся. По словам Дона Аллена, по меньшей мере однажды, в 1967 году, Хаббард влез в актерскую шкуру, сыграв роль важного подпольного химика, изготовителя ЛСД, который отправил Дона Аллена на психоделическую тусовку под видом канадского «купца», желающего приобрести партию «чистого ЛСД» у группы «кислотной братии» из района залива, куда входил и печально известный химик (а по совместительству звукооператор знаменитой группы *Grateful Dad*) Оусли Стэнли Третий. Когда «купца» повели на встречу с химиком, федеральные агенты, устроившие за ними слежку, вышли на Стэнли и его лабораторию, размещавшуюся в Оринде, Калифорния; во время полицейского налета там нашли и изъяли 350 000 ампул с дозами ЛСД.

в настоящее время он старший вице-президент отдела правительственных связей и стратегического планирования в интернет-холдинге Salesforce.com. У Хармана в СНИИ Шварц начал работать в 1973 году; это была его первая работа после окончания аспирантуры. К тому времени Эл Хаббард уже практически вышел в отставку, и Шварц занял его офис. Там на стене над столом висела большая фотография Ричарда Никсона с надписью: «Элу, моему другу, на добрую память за годы твоей службы. Твой друг Дик». А в ящиках стола лежала корреспонденция, скопившаяся за эти годы, включая и письма из всех уголков мира, адресованные А. М. Хаббарду, в том числе и одно письмо от Джорджа Буша, будущего директора ЦРУ, который в то время был главой Национального комитета республиканской партии.

«Хаббард? — удивился Шварц. — Не знаю такого. Что за парень?» И однажды этот «парень», одетый в форму охранника плотный мужчина, с короткой стрижкой и с револьвером 38-го калибра на поясе, появился в офисе, чтобы забрать свою корреспонденцию. «Я друг Уиллиса», — сказал он Шварцу.

«После этого он начал задавать мне странные вопросы, причем совершенно вне контекста: „Как по-вашему, откуда вы *действительно* происходите? Что думаете о космосе?“ — и так далее. Позже я узнал, что именно так он проверял людей, стараясь понять, годятся они или не годятся в кандидаты».

Заинтригованный Шварц спросил Хармана, кто этот загадочный человек, и понемногу, эпизод за эпизодом, начал собирать из его рассказов историю жизни Хаббарда. Вскоре юный футуролог понял, что «большинство людей с интереснейшими идеями, с которыми мне довелось встретиться: профессора из Стэнфорда, Беркли, сотрудники СНИИ, компьютерные инженеры, ученые и писатели — все они совершали психоделические трипы вместе с Хаббардом и под его руководством. И все они под влиянием увиденного и пережитого преобразились».

Шварц сказал, что несколько компьютерных инженеров при разработке кристалла интегральной схемы активно принимали ЛСД, особенно в те годы, когда о разработке на компьютерах приходилось только мечтать. «А ведь для этого нужно уметь не только визуализировать безумно сложную структуру в трех измерениях, но и держать все это в голове.

Они считали, что ЛСД им сильно помог». В конце концов до Шварца дошло, что «вся коммуна (он имел в виду всю технократическую тусовку из района бухты 1960-х и начала 1970-х годов, так же как и народ из «Сети всей Земли» Стюарта Брэнда) принимала взятый у Хаббарда ЛСД».

Ладно бы люди искусства, но инженеры… Почему же психоделики так пленили и их? Шварц, сам по образованию аэрокосмический инженер, считает, что это связано с тем обстоятельством, что в отличие от работы ученых, способных упрощать проблемы, над которыми они работают, «решение задач в инженерном деле всегда сопряжено с непреодолимой сложностью. Переменные там такие сложные, что их трудно привести в равновесие, они вечно колеблются, так что идеального состояния не достичь. Поэтому отчаянно пытаешься найти закономерности. А ЛСД как раз их и высвечивает. Я нисколько не сомневаюсь, что именно хаббардовский ЛСД, который мы все принимали, в основном и вызвал к жизни Кремниевую долину».

Стюарт Брэнд прошел крещение хаббардовским ЛСД в 1962 году, еще будучи студентом Института пищевой и сельскохозяйственной промышленности, и его «проводником» был сам Джеймс Фадиман. Его первое приобщение к ЛСД вылилось, вспоминает он, в «некую жуть: я чуть было богу душу не отдал», но, к счастью, за этим последовали другие трипы, которые в корне изменили его, а опосредованным образом и наши представления о мире. Впоследствии он создал свою «Сеть всей Земли» (куда вошли Питер Шварц, Эстер Дайсон, Кевин Келли, Говард Рейнгольд и Джон Пери Барлоу) и сыграл ключевую роль в переосмыслении смысла и функций компьютера, добившись того, что из инструмента военно-промышленного комплекса (где наглядным символом сотрудника, ориентированного на корпоративную систему ценностей, служила компьютерная перфокарта) он превратился в инструмент личного освобождения и причастия к виртуальному сообществу с ясно прослеживаемыми нонкомформистскими вибрациями. В какой степени идея киберпространства, имматериального царства, где человек создает себе новую индивидуальность и вливается в сообщество таких же виртуальных индивидуальностей, как он, — в какой степени она обязана своим возникновением воображению,

сформированному психоделиками? Или, если уж на то пошло, в какой степени обязана им виртуальная реальность?* Возможно, что и сама идея кибернетики, идея, что материальная реальность может быть преобразована в биты информации, тоже обязана своим появлением опытам с ЛСД и связана с его способностью превращать материю в дух.

Брэнд считает, что ЛСД — это своеобразный подстрекатель творчества и в этом ценность препарата для его организации. Ведь именно он, по мнению писателя, помог донести до человека всю силу и мощь сетевых компьютеров (через компьютерных визионеров СНИИ, таких как Дуг Энгельбарт и первые хакерские сообщества), но затем был вытеснен самими компьютерами. («Со временем наркотики не становятся лучше, — сказал Брэнд, — а компьютеры становятся».) После своего приобщения к ЛСД в институте он примкнул к Кену Кизи и стал участников его знаменитых «кислотных тестов», которые он определяет как «объединенную форму искусства, приведшую непосредственно к „Горящему человеку“», ежегодному фестивалю искусств, техники и психоделических сообществ, проходящему в пустыне Блэк-Рок в Неваде. На его взгляд, ЛСД является главным ингредиентом, подпитывающим дух совместного творчества и выход за пределы возможного — факторы, характеризующие компьютерную культуру западного побережья США. «В конце концов мы добились своего: нам разрешили опробовать это странное дерьмо вместе с другими людьми».

Временами ЛСД вызывал подлинные озарения, как это случилось, например, с самим Брэндом. Однажды прохладным весенним вечером 1966 года, не зная, что делать от скуки, он забрался на крышу своего дома в Норт-Бич и принял на душу сто микрограммов «кислоты» — «творческую дозу» Фадимана.

---

* На мой взгляд, две самые лучшие работы о влиянии контркультуры (и ее химических соединений) на компьютерную революцию — это *«От контркультуры к киберкультуре: Стюарт Брэнд, «Сеть всей Земли» и рост влияния цифрового утопизма»* Фреда Тернера и *«Что сказала лесная соня: как контркультура шестидесятых сформировала индустрию персональных компьютеров»* Джона Маркоффа [Fred Turner's *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism* (Chicago: University of Chicago Press, 2006) and John Markoff's *What the Dormouse Said: How the Sixties Counterculture Shaped the Personal Computer Industry* (New York: Penguin Books, 2005).]

Завернувшись в одеяло, он смотрел на открывшуюся панораму, как вдруг ему показалось, что улицы с рядами домов по обе стороны тянутся не совсем параллельно друг другу. Должно быть, это вызвано кривизной Земли, подумал Брэнд. Ведь когда мы привычно думаем, что Земля плоская, то допускаем, что она бесконечна, и соответствующим образом используем ее ресурсы, считая их тоже бесконечными. «Наше отношение к бесконечности состоит в том, чтобы использовать ее для собственной выгоды, — подумал он, — а ведь круглая Земля не что иное, как ограниченный в своих размерах космический корабль, которым нужно управлять с особой осторожностью». По меньшей мере так ему казалось тем весенним вечером «с высоты четырех этажей и ста микрограммов».

Если бы только донести эту мысль до людей, то мир кардинально изменился бы! Но как ее донести? И тут его озарило: космическая программа! «Мы никогда не видели изображение Земли из космоса, — подумал он. — А почему? Эта мысль буквально завладела мной — как получить такое фото, ведь это произвело бы революцию в понимании нашего места во Вселенной. *Знаю: я пущу в ход все свои связи*! Но что я могу им сказать? „Давайте сделаем снимок Земли из космоса“? Нет, это должно быть подано в виде вопроса, причем немного параноидного — в расчете на *этот* американский ресурс. Примерно так: „Почему мы до сих пор не видели фотографию всей Земли?“»

Брэнд спустился с крыши и развернул кампанию, волны которой в конечном счете достигли залов конгресса и НАСА. Кто знает, возможно, это явилось прямым результатом развернутой Брэндом кампании, но два года спустя, в 1968 году, астронавты с «Аполлона», высадившиеся на Луну, развернули свои камеры и сделали первой снимок Земли, и в этом же году Стюарт Брэнд выпустил первое издание своего «*Каталога всей Земли*». Изменило ли это мир? Думаю, что да. Во сяком случае, я мог бы привести веские доводы в пользу того, что мир изменился.

ЧАСТЬ II
КРАХ

Тимоти Лири пришел к психоделикам сравнительно поздно. К тому времени, когда он в 1960 году начал в Гарварде свой псилоцибиновый проект, в Северной Америке минуло десятилетие с тех пор, как здесь занялись исследованием психоделиков и по этому вопросу было уже опубликовано около сотни научных работ и проведено несколько международных научных конференций. Сам Лири редко упоминал о проделанном за эти годы объеме работы, предпочитая создавать впечатление, что его собственные исследования открывают радикально новую главу в анналах психологии. В 1960 году будущее подобных исследований выглядело блестяще. Но за каких-то пять лет политическая и культурная атмосфера полностью изменилась, Америку охватила моральная паника по поводу ЛСД, и практически все исследования в этом направлении были либо прекращены, либо велись подпольно. *Что же случилось?*

Тимоти Лири — вот наиболее краткий и ясный ответ на этот вопрос. Почти каждый, кого я опрашивал по данному предмету (а таких людей десятки), прежде чем пуститься в более подробные объяснения, обычно предварял свой ответ словами: «Проще простого винить во всем Лири». Поневоле напрашивается вывод, что обаятельный и неотразимый профессор психологии с ярко выраженной склоннос-

тью купаться в солнечных лучах общественного внимания и славы, доброй или худой, нанес серьезный ущерб делу. Собственно, так оно и есть. При этом социальные силы, выпущенные на свободу наркотиками после того, как из лабораторных стен они выплеснулись на улицу и просочились в культуру, оказались не по зубам индивидуумам, потому как были больше и сильнее того, что они в состоянии были вынести или за что могли нести ответственность. Со всеми его беззаботными, радостными и широко разрекламированными «выкрутасами», которыми так отличался Тимоти Лири, или даже без оных, но дионисийская сила ЛСД сама по себе должна была всех хорошенько встряхнуть и спровоцировать реакцию.

К тому времени, когда Лири был приглашен в Гарвард (это случилось в 1959 году), он снискал себе национальную репутацию талантливого исследователя человеческой личности, но уже тогда — еще до своего первого сокрушительного знакомства с псилоцибином в Куэрнаваке летом 1960 года — им владело тайное разочарование относительно избранной им сферы деятельности. За несколько лет до этого, работая директором отдела психиатрических исследований в Кайзеровской больнице в Окленде, Лири вместе с одним из коллег провел очень умный эксперимент по оценке эффективности психотерапии. Всех пациентов, нуждавшихся в психиатрической помощи, разделили на две группы: одну лечили стандартными методами, применявшимися в то время, а другую (состоявшую из людей. стоявших в списке ожидания) не лечили вовсе. Через год одна треть всех пациентов почувствовала себя значительно лучше, у другой трети самочувствие ухудшилось, а у третьей положение дел осталось без изменений — независимо от того, к какой группе они принадлежали. Лечили пациента или не лечили, это никак не влияло на конечный результат. Так какой же прок от традиционной психотерапии или от психологии? — начал спрашивать себя Лири.

Лири быстро завоевал на факультете социально-правовых отношений Гарвардского университета репутацию динамичного и харизматичного, если не циничного, преподавателя. Профессор, обладавший красивой внешностью, был отличный оратор, выражавшийся в несколько экспансивной

ирландской манере, и мог очаровать любого человека, особенно женщин, которые души в нем не чаяли. Лири всегда отличался несколько плутовской, мятежной жилкой (он был отдан под трибунал во время своего пребывании в Вест-Пойнте за нарушение кодекса чести и был отчислен из Университета Алабамы за то, что провел ночь в женском общежитии), и Гарвард как учреждение пробудил в нем бунтарское чувство. Лири цинично называл исследования психоделиков «игрой». Герберт Келман, его коллега по факультету, впоследствии ставший его главным оппонентом и противником, отзывается о новом профессоре как о весьма «представительном» человеке (Келман помог ему найти и снять себе жилье) и тут же добавляет: «У меня с самого начала были на его счет дурные предчувствия. Он был большой любитель поговорить и часто самоуверенно вещал о вещах, типа экзистенциализма, о которых не имел ни малейшего представления, а своим студентам говорил, что психология — всего лишь игра. Мне подобные заявления казались несколько бесцеремонными и безответственными».

Я встретился с Келманом (в ту пору ему было под девяносто) в маленькой, тесно обставленной мебелью квартирке (одной из множества в специальном доме для престарелых супружеских пар, выстроенном в Вест-Кембридже), где он жил вместе с женой. Келман не выказал ни малейших признаков вражды или злобы по отношению к Лири, но при этом был весьма невысокого мнения о нем как о преподавателе и ученом; он тоже считал, что Лири разочаровался в науке задолго до того, как в его жизнь вошли психоделики. По мнению Келмана, еще до приобщения к псилоцибину «он был уже на полпути к безрассудству и вопиющим крайностям».

Приобщение Лири к псилоцибину (оно состоялось у бассейна в Мексике летом 1960 года) произошло через три года после того, как Гордон Уиссон опубликовал в журнале *Life* статью о «грибах, вызывающих странные видения», грибах, преобразовавших и самого Лири, и всю его жизнь. Однажды вечером его страсть к познанию человеческого разума вдруг воспламенилась — и повлекла за собой взрыв.

«За те четыре часа, что я провел у бассейна в Куэрнаваке, я узнал о разуме, мозге и его структуре больше, чем за

все предшествующие пятнадцать лет, в течение которых я добросовестно подвизался в качестве психолога, — пишет он в своих мемуарах «*Мои воспоминания*» (1983). — Я узнал, что мозг — недостаточно используемый биокомпьютер... и что обычное сознание — всего лишь капля в океане разумности. Что сознание и разум можно систематически расширять. Что мозг можно перепрограммировать».

Лири вернулся из своих галлюцинаторных странствий, движимый неодолимым желанием «ринуться назад и рассказать об этом всем и каждому», как он вспоминает в других своих мемуарах, «*Верховный жрец*», вышедших в 1968 году. А затем следует несколько фраз, которые он, судя по всему, произносит пророческим голосом и которые предвосхищают всю будущую траекторию жизни Тимоти Лири:

> «Внемлите! Проснитесь! Вы — Бог! Вы носите в себе Божественный план, вписанный священными письменами в ваши клетки. Слушайте! Причаститесь этому таинству! И вы узрите! Вам будет дано откровение! И это изменит вашу жизнь!»

Но первые год или два в Гарварде Лири усердно или, точнее, привычно занимался наукой. Вернувшись в Кембридж, он той же осенью завербовал себе в помощники Ричарда Алперта, подающего большие надежды молодого доцента, который к тому же был наследником огромного состояния, нажитого его отцом, владельцем железных дорог, и, заручившись молчаливым одобрением заведующего кафедрой, Дэвида Макклелланда, втроем они приступили к осуществлению псилоцибинового проекта, под который облюбовали себе подсобное помещение (в нем хранились швабры и метлы) на факультете социально-правовых отношений в доме № 5 на Дивинити-авеню. (Я специально пошел взглянуть на этот дом, но оказалось, что его давно уже снесли и выстроили на его месте длинное кирпичное здание Центра научных исследований.) Лири, прирожденный коммерсант, убедил руководство университета, что проводимые им исследования неукоснительно следуют традиции Уильяма Джеймса, который еще в начале века изучал в Гарварде состояния измененного сознания и опыт мистических откровений. Руководство дало добро, но поставило одно условие: если уж

Лири и Алперт собираются испытывать новые препараты на студентах, то пусть делают это на аспирантах, а не на студентах-выпускниках. И вскоре в перечне курсов и семинаров Гарвардского университета появился новый семинар с интригующим названием.

> **Эксперимент по расширению сознания**
> На семинаре будет сделан обзор литературы, посвященной внутренне и внешне индуцированным изменениям сознания. Будут рассмотрены основные элементы мистического опыта с привлечением межкультурного подхода. Участники семинара примут участие в экспериментах по расширению сознания, а на самом семинаре главное внимание будет уделяться систематическому анализу проблем методологии в этой научной сфере. Семинар рассчитан только на духовно продвинутых аспирантов. Допуск производится после собеседования с руководителем.

Семинар с таким названием и содержанием оказался невероятно популярным.

* * *

За три года своего существования псилоцибиновый проект, на удивление, не дал каких-либо существенных результатов, по крайней мере с точки зрения науки. В ходе первых экспериментов с псилоцибином Лири и Алперт привлекали к участию в них людей всех категорий, включая домохозяек, музыкантов, художников, ученых, писателей, друзей-психологов и аспирантов, которые затем заполняли опросники, делясь своими впечатлениями об увиденном и пережитом. Согласно предварительному отчету о проделанной работе, носившему название «Американцы и грибы в их естественной среде», большинство переживаний, выпавших на долю участников, были в целом сугубо положительными и судьбоносными.

«Естественная среда» — очень точное выражение, потому как сеансы проводились не в учебных зданиях университета, а в уютных гостиных, при свечах и под музыкальное сопровождение, так что случайный наблюдатель, доведись ему попасть на них, счел бы их скорее вечеринками, а не экспе-

риментами, особенно потому, что в них обычно участвовали и сами экспериментаторы. (Лири и Алперт героически принимали большущие количества псилоцибина, а позже и ЛСД.) Лири, Алперт и их аспиранты действительно старались, по крайней мере вначале, записывать впечатления о своих псилоцибиновых трипах и писать отчеты о впечатлениях других людей, потому как чувствовали себя пионерами-первопроходцами, исследующими неведомые границы сознания, чего за предыдущее десятилетие работы по изучению психоделического ландшафта никто никогда не делал. «Мы были сами по себе, — писал Лири, впрочем не очень искренно. — В западной литературе почти нет ни путеводителей, ни карт, ни текстов, хотя бы даже признающих существование измененных состояний сознания».

Однако, имея довольно-таки богатый опыт в области полевых исследований, Лири все же удосужился написать небольшой теоретический труд, где рассматривалась идея «установки» и «обстановки» и где эти понятия впервые в литературе использовались в своем истинном значении и в должном контексте. Эти практичные термины, если не сами понятия, которые они обозначают (а слава за их открытие по праву принадлежит Хаббарду), вполне хорошо отражают тот существенный вклад, который внес Лири в психоделическую науку. Те несколько работ, которые успели опубликовать Лири и Алперт за первые годы работы в Гарварде, стоят того, чтобы их прочитать, потому как они хорошо написаны, дают наглядную картину этнографии психоделического опыта и служат примерами текстов, в которых прослеживаются первые наметки пробуждения новой чувствительности.

Опираясь на ту идею, что судьбоносные озарения участников псилоцибинового проекта вполне могут найти широкое применение в социальной сфере, Лири и один из его аспирантов, Ральф Мецнер, задумали в 1961 году еще более амбициозный проект — эксперимент в Конкордской тюрьме, имевший целью доказать, что таящийся в псилоцибине потенциал, ведущий к изменению личности, может быть использован для снижения рецидивизма у закоренелых преступников. То, что этот смелый эксперимент вообще сдвинулся с мертвой точки, служит наглядным свидетельством как личного обаяния Лири, так и его коммерческих качеств,

потому как подписаться и дать согласие на его проведение должен был не только тюремный психиатр, но и весь штат надзирателей.

Идея заключалась в том, чтобы сравнить уровни рецидивизма у двух групп заключенных, находящихся в тюрьме строгого режима, расположенной в городке Конкорд, штат Массачусетс. В ходе сеансов, проводившихся в самой тюрьме, первой группе, состоявшей из 32 человек, давался псилоцибин, и такую же дозу псилоцибина принимал вместе с ними человек из команды Лири — не из чувства сострадания к заключенным, как объяснил Лири, а чтобы они не чувствовали себя подопытными морскими свинками*. Еще один человек из команды Лири был сторонним наблюдателем: он следил за проведением сеанса и делал заметки. Второй группе заключенных препарат вообще не давался, как не применялось к ним и никаких специальных методов воздействия. Но что самое существенное: за людьми из этих двух групп в течение многих месяцев после их освобождения велось наблюдение.

Вскоре Лири сообщил о сногсшибательных результатах: через 10 месяцев после освобождения только 25 % реципиентов, принимавших псилоцибин, вновь угодили в тюрьму, тогда как в контрольной группе число угодивших в тюрьму превысило 80 %. Но когда Рик Доблин из МАПС (Международной ассоциации по предотвращению самоубийств) десять лет спустя скрупулезно воспроизвел Конкордский эксперимент, рассмотрев результаты по каждому субъекту, он пришел к выводу, что Лири сильно преувеличил статистические данные; в сущности, по уровню рецидивизма обе группы ничем существенно не отличались друг от друга. (Интересно, что даже в то время методологические недостатки исследований побудили Дэвида Макклелланда, заведующего кафедрой, написать Мецнеру язвительную записку.) Проанализировав научную работу, проделанную Лири, Сидни

---

* Лири писал в своих мемуарах *«Мои воспоминания»*, что его поначалу пугала необходимость принимать псилоцибин в тюрьме вместе с опасными преступниками. Когда он поведал о своем страхе одному из заключенных, тот признался в ответ, что тоже его боится. «Почему же ты меня боишься?» — спросил озадаченный Лири. «Я тебя боюсь, потому что ты, черт тебя дери, гребаный сумасшедший ученый».

Коэн, сам психоделический исследователь, заключил, что «это были такого рода исследования, от которых ученых бросало в дрожь».

Куда более ощутимую роль Лири сыграл в другом, более заслуживающем доверия исследовании, проведенном весной 1962 года, — в Бостонском эксперименте, описанном в первой главе. В отличие от Конкордского эксперимента «чудо в Маршской часовне», как стали называть Бостонский эксперимент, безоговорочно удовлетворяло всем условиям полностью контролируемого психологического опыта двойным слепым методом. Ни самим исследователям, ни их подопечным — 22 студентам — не говорили, кто из них получил настоящий препарат, а кто — плацебо, и эта мера оказалась весьма действенной. Конечно, и Бостонский эксперимент был далеко не идеален; например, Панке утаил тот факт, что один из участников настолько возбудился под действием псилоцибина, что ему пришлось дать успокоительное. И все же главный вывод, к которому пришел Панке: что псилоцибин вполне способен вызвать у человека мистические озарения, «ничем не отличающиеся от тех (если не сказать: идентичные с теми), что описаны в литературе», — по-прежнему остается незыблемым, не говоря уже о том, что он вдохновил нынешнюю волну исследований, особенно тех, что велись в медицинском центре Джонса Хопкинса, где они были вновь воспроизведены (грубо говоря) в 2006 году.

Но главная заслуга в проведении Бостонского эксперимента по справедливости принадлежит Уолтеру Панке, а не Тимоти Лири, который с самого начала критически относился к его разработкам и даже однажды заявил, обращаясь к Панке, что возиться с контрольной группой, или плацебо-группой, — пустая трата времени. «Из этого опыта мы вынесли и усвоили одну вещь, — писал Лири по прошествии нескольких лет, — а именно: с нашей стороны было глупостью проводить опыт с психоделиками двойным слепым методом. Достаточно пяти минут — и уже никто никого не обманет».

* * *

К этому времени Лири во многом потерял интерес к науке и научной деятельности, потому как готовился к другого рода деятельности — торговле «психологической игрой», за что и был

прозван «игровым гуру». (Вероятно, самая привлекательная черта характера Лири в том, что он не принимал себя всерьез, даже как гуру.) Ему давно стало ясно, что духовное и культурное значение псилоцибина и ЛСД значительно перевешивает любой терапевтический метод, применяемый к человеку. Как Хаббарда, Хаксли и Озмонда до него, психоделики убедили также и Лири в том, что они не только обладают целительной силой, благотворно воздействующей на человека, но и способны изменить само общество и спасти человечество, поэтому его миссия — служить этой цели, то есть стать пророком и нести это знание в массы. Создавалось такое впечатление, будто не он, а сами химические соединения разработали блестящую схему своего распространения, завладев мозгом этого харизматичного человека с мессианскими наклонностями.

«В Гарварде мы много размышляли о недавней истории, — пишет Лири об этом периоде своей жизни, — наивно полагая, что то было время (после узколобых и ностальгических пятидесятых) нетрадиционных замыслов и видений, и ясно при этом сознавая, что Америка покончила с прежней философией и теперь отчаянно нуждается в новой, эмпирической и вполне осязаемой метафизике». Необходимый фон для этих идей сформировали атомная бомба и холодная война, которые значительно ускорили сам проект, обеспечив ему дополнительные субсидии.

Переходу Лири от науки к евангелизму немало содействовали также и некоторые деятели культуры из числа тех, кого он приобщил к психоделикам. Так, в декабре 1960 года на сеансе, проводившемся у него дома, в Ньютоне, побывал (и получил свою дозу псилоцибина) поэт-битник Ален Гинзбург, человек, которому для роли визионера-пророка совсем не требовался химический стимул: он бы и так ее прекрасно исполнил. К концу своего экстатического странствия по внутренним мирам Гинзбург, спотыкаясь, спустился с лестницы, сорвал с себя всю одежду и заявил, что намерен голым гулять по улицам Ньютона, проповедуя всем и каждому новое евангелие.

«Мы будем учить людей любви, а не ненависти, — заявил он, — потому как отныне учреждаем новое движение в поддержку мира и любви». Не скрою, в его словах прямо-таки чувствуется только что вылупившийся из яйца и еще не обсо-

хший желторотый юнец 1960-х годов. Когда Лири попробовал убедить Гинзбурга не выходить из дому (на дворе все-таки стоял декабрь), поэт подскочил к телефону и начал дозваниваться до лидеров мировых держав, Кеннеди, Хрущева и Мао Цзэдуна, пытаясь свести их вместе, чтобы они пришли к согласию и договорились об устранении существующих противоречий. В конце концов ему удалось дозвониться только до своего друга, писателя Джека Керуака, которого он почему-то назвал Богом («это же БООООГ») и которому настоятельно советовал отведать волшебных грибов.

И не только ему, но и всем другим.

Гинзбург был убежден, что Лири как человек (и к тому же гарвардский профессор) идеально подходит для того, чтобы возглавить новый крестовый поход — психоделический. Для Гинзбурга тот факт, что «колыбелью» нового пророка служит Гарвардский университет, альма-матер только что избранного президента, был свидетельством разыгрывающейся на глазах «исторической комедии», где был «только он, единственный и неповторимый доктор Лири, уважаемый человек, мирянин, взваливший на себя бремя Мессии». Слова знаменитого поэта не пропали втуне, а упали благодатным семенем на плодородную, обильно политую и унавоженную почву эго Тимоти Лири. (Одно из множества парадоксальных воздействий психоделиков на сознание человека заключается в том, что они содействуют растворению его эго; но в ряде случаев и у некоторых людей это приводит к непомерному раздуванию их эго и завышению самооценки. Якобы приобщенный к великой тайне Вселенной, реципиент, то есть получатель этого знания, поневоле чувствует себя особенным человеком, выбранным для великих свершений.)

Хаксли, Хаббард и Озмонд разделяли это владевшее Лири чувство исторической миссии, но у них были совершенно другие представления о том, как наилучшим образом ее осуществить. Все трое были склонны к спиритизму, более ориентированному не на спрос, а на предложение: сначала ты должен стать частью элиты, а уж потом позаботиться о том, чтобы новое сознание просочилось в массы, которые, возможно, вовсе еще не готовы к восприятию такого потрясающего опыта. Для них негласным образцом служили элевсинские мистерии, во время которых греческая элита собиралась

в тайном месте, принимала священный *kykeon* и всю ночь предавалась мистическим откровениям. Но Лири и Гинзбург, оба суровой американской закваски, были полны решимости демократизировать духовидческий опыт, сделать запредельное доступным для всех и каждого, причем *прямо сейчас*. Разумеется, это великое благо стало возможным только благодаря психоделикам: впервые осуществить это на деле позволило развитие техники. Годы спустя гарвардский профессор, психиатр Лестер Гринспун отразил этот явление в книге «*Новый взгляд на психоделические наркотики*», написанной им в соавторстве с Джеймсом Бакаларом: «Благодаря психоделикам для массового туризма стали доступны психические территории, которые прежде исследовали лишь немногочисленные отряды бесстрашных авантюристов, в основном религиозных мистиков». Или поэтов-духовидцев, таких как Уильям Блейк, Уолт Уитмен и Ален Гинзбург. Теперь же с помощью плоской круглой таблетки или квадратной «промокашки» любой мог воочию почувствовать и испытать то, что до них пытались донести Блейк и Уитмен.

Но эта новая, духовная форма массового туризма поначалу не пользовалась особым успехом, потому как широко не тиражировалась и не имела шумной рекламы. Радикальный перелом произошел весной 1962 года, когда весть о спорах, разгоревшихся вокруг псилоцибинового проекта, попала в газеты, перекочевав туда из гарвардской студенческой газеты *Crimson*. Гарвард есть Гарвард, а Лири есть Лири; история быстро просочилась в американскую прессу, сделав профессора психологии национальной знаменитостью, но при этом ускорив его (и Алперта) отчисление из университета; мало того, разразившийся скандал, с одной стороны, предвосхитил, а с другой, помог разжечь негативную реакцию, обращенную против наркотиков, в результате чего в скором времени была приостановлена или полностью свернута большая часть исследований.

Коллеги Лири и Алперта практически с самого начала были весьма критически настроены к псилоцибиновому проекту. Еще в 1961 году Дэвид Макклелланд поднял в своей записке вопросы как об отсутствии должного контроля и медицинского наблюдения в исследованиях Лири и Алперта, проводившихся, как мы помним, в «естественной

среде», так и о том, что исследователи настаивали на приеме препаратов вместе с подопечными, которых насчитывались сотни. («Как часто индивидуум должен принимать псилоцибин?» — спрашивает он, адресуясь к Лири и Алперту.) Макклелланд также пенял этим двум исследователям на их «философскую наивность».

«Имеется немало отчетов о пережитом людьми глубоком мистическом опыте, — пишет он, — но главная особенность всех этих отчетов — удивление человека собственной непостижимой глубиной». На следующий год, подробно разбирая Конкордский эксперимент Ральфа Мецнера, Макклелланд обвинил аспиранта в «недостаточной объективности и тщательности анализа приведенных данных. Вам известно, к каким выводам необходимо прийти... и данные вы используете таким образом, чтобы подкрепить ими уже известную вам истину». Несомненно, что популярность псилоцибинового проекта как среди студентов факультета, так и среди его немногочисленной клики раздражала преподавателей факультета, которым пришлось сражаться с Лири и Алпертом за самые драгоценные научные ресурсы — талантливых аспирантов.

Но весь этот «сор» до поры до времени так и оставался в стенах дома № 5 на Дивинити-авеню — вплоть до марта 1962 года. Именно в марте Макклелланд по просьбе Херба Келмана объявил о собрании студентов и преподавателей факультета по вопросу, касающемуся дальнейшей судьбы псилоцибинового проекта и связанных с ним проблем. Келман попросил об этом, потому что до него дошли слухи, будто вокруг Лири и Алперта создается некий культ и будто некоторых студентов чуть ли не насильно вынуждают участвовать в сеансах и принимать препарат.

В самом начале собрания Келман попросил слова и сказал: «Мне жаль, что я не могу отнестись к происходящему как к простому расхождению во мнениях, столь нередкому среди ученых, но эта работа, на мой взгляд, подрывает ценности академического сообщества. Всю программу окружает антиинтеллектуальная атмосфера. Ее акцент делается на чистом опыте, а не на оглашении результатов. С сожалением вынужден заявить, что доктор Лири и доктор Алперт весьма легкомысленно относятся к этим экспериментам, особенно учиты-

вая то воздействие, которое препараты могут оказывать на субъектов. Что меня беспокоит больше всего, — заключил свою речь Келман, — меня и других, кто обращается ко мне, так это то, что галлюциногенные и психические воздействия этих препаратов используются для формирования на факультете своего рода „внутренней“ секты. На тех, кто предпочитает стоять в стороне от этого процесса, навешивают ярлык „консерваторов“. Не мне вам говорить, что подобные вещи не должны поощряться на нашем факультете».

Таким образом, психоделики разделили надвое один из гарвардских факультетов, так же как в скором времени они разделят и культуру.

Алперт страстно отреагировал на речь Келмана, заявив, что работа ведется в «истинных традициях Уильяма Джеймса», негласного бога факультета психологии, и что своей критикой Келман посягает на святая святых — академическую свободу. Лири занял более миролюбивую позицию, согласившись на ряд разумных ограничений, от которых, на его взгляд, особого вреда не будет. В результате все разошлись по домам, считая, что дело закрыто и конфликт улажен.

Но, как оказалось, ненадолго — до следующего утра.

Зал собраний был так набит преподавателями и студентами, что никто не обратил внимания на присутствие там ничем не примечательного студента по имени Роберт Эллис Смит, одного из редакторов газеты *Crimson* и ее бессменного автора, который что-то яростно чиркал в своем блокноте. На следующий день весть о научной распре была вынесена на первую страницу *Crimson* под заглавием: «Психологи расходятся во мнении о ценностях исследований псилоцибина». А уже на следующий день эту историю подхватила газета *Boston Herald*, печатный орган Херста, украсив ее еще более броским, если не более точным, заголовком: «Гарвард борется с галлюциногенным наркотиком — 350 студентов принимают таблетки». Так завершилась эта история, а с ней и академическая карьера Тимоти Лири, известного тем, что он всегда был рад ошарашить журналиста какой-нибудь изысканной сногсшибательной цитатой. Одну из них он выдал как раз после того, как администрация университета вынудила его пополнять запасы псилоцибиновых таблеток компании *Sandoz* под

контролем Санитарной службы США: «Психоделики сеют панику и вызывают временное помешательство лишь у тех, кто никогда их не принимал».

В конце года Лири и Алперт пришли к выводу, что «сила этих материалов слишком велика и что сами они вызывают слишком много споров, чтобы можно было заниматься их исследованием в университетской обстановке». В письме в газету *Crimson* они заявили, что теперь заняты созданием фонда, который будет носить название Международный фонд внутренней свободы (МФВС), так что впредь все исследования будут проводиться именно под его эгидой, а не эгидой Гарварда. Кроме того, они резко раскритиковали новые ограничения, налагаемые на психоделические исследования не только в Гарварде, но и повсюду федеральным правительством: в кильватере недавней трагедии с талидомидом, когда этот новый транквилизатор, который обычно давали беременным женщинам по утрам как средство от тошноты, стал причиной ужасных дефектов у новорожденных младенцев, конгресс США уполномочил Управление по санитарному надзору регулировать норму экспериментальных лекарственных препаратов. «Впервые в истории Америки, — возмущались создатели МФВС в специальном воззвании, — и впервые в истории западного мира со времен инквизиции появилось и существует научное подполье». «В следующем десятилетии, — предсказывали они, — главным вопросом, вынесенным на повестку дня в сфере гражданских свобод, будет вопрос о контроле и расширении сознания».

«Кто контролирует ваш мозг? — спрашивали они в письме, адресованном газете *Crimson*, то есть студентам. — Кто определяет объем и пределы вашего сознания? Если вы хотите исследовать свою нервную систему, расширить свое сознание, кто должен определять, что можно, а что нельзя и почему?»

О психоделиках часто говорят, что в 1960-х годах они «вырвались на свободу из стен лаборатории», но было бы куда правильнее сказать, что их перебросили через стену лаборатории, причем никто не делал этого с такой сноровкой и быстротой, как Тимоти Лири и Ричард Алперт в конце 1962 года. «Мы наигрались в научные игры и покончили

с этим», — заявил Макклелланду Лири, когда той осенью он вернулся в Кембридж. Отныне Лири и Алперт играли в другую игру — игру под названием «культурная революция».

* * *

Многочисленное североамериканское сообщество психоделических исследователей со страхом и тревогой отреагировало на провокации Лири. Лири в это время поддерживал регулярные контакты с группами на Восточном побережье и в Канаде, обмениваясь письмами и визитами, причем довольно частыми, со своими далекими коллегами. (Так, например, в 1960 или 1961 году они с Алпертом нанесли визит Столяроффу и посетили основанный им фонд. «Думаю, они считали, что мы слишком уж нетерпимы в вопросах морали», — смеясь, сказал мне Дон Аллен.) Вскоре после прибытия в Гарвард Лири познакомился с Хаксли, который вел один семестр в Массачусетском технологическом институте. Хаксли прямо-таки влюбился в жуликоватого профессора; он не скрывал, что разделяет его стремления и всячески поддерживает его взгляды на роль психоделиков как средство культурного преобразования, но выражал беспокойство по поводу того, что он движется к цели слишком быстро и слишком уж прямолинейно, зачастую, как говорится, на грани фола*. Во время своего последнего визита в Кембридж (Хаксли умрет в Лос-Анджелесе в ноябре 1963 года, в тот же день, что и Джон Ф. Кеннеди) Хаксли не мог отделаться от чувства, что Лири «несет заведомую чепуху... чем я весьма обеспокоен. Обеспокоен не его безрассудством, поскольку он абсолютно в здравом уме, а его перспективами в этом мире».

Вскоре после того, как Лири объявил о создании Международного фонда внутренней свободы, Хамфри Озмонд приехал к нему в Кембридж, чтобы попытаться образумить его. Его и Абрама Хоффера очень беспокоило то обстоятельство,

* В письме к Бетти Эйснер, отправленном в 1992 году, Хамфри Озмонд писал: «Если в чем Эл [Хаббард] и Олдос [Хаксли] и расходились с Тимоти Лири, так это в том, что он, по их мнению, неправильно рассчитал шкалу времени и что для США характерна гораздо большая сила инерции, чем он полагает. И тот и другой считали, хотя и по разным причинам, что только незаметная, но упорная и целенаправленная работа в рамках системы может в дальнейшем существенно ее преобразовать. Тимоти же считал, что цель нужно брать штурмом».

что Лири проталкивает свои препараты в массы за рамками и вне контекста клинических исследований и что это проталкивание таит в себе угрозу, потому как провоцирует правительство на ответные действия и может положить конец их собственным исследованиям. Озмонд придирался к Лири и за то, что тот работает без психофармаколога, и за то, что обращается с этими «мощными химическими составами как с безобидными игрушками». Движимый надеждой отделить серьезные исследования от безответственного подхода к их результатам и обеспокоенный тем, что контркультура придает негативный смысл еще недавно абсолютно нейтральному понятию «психоделик», Озмонд попытался ввести в обиход новое понятие: «психоделетик». Нет нужды говорить, что оно так и не прижилось.

— Тебе следует серьезно отнестись к этим возражениям, а не отмахиваться от них, прикрываясь своей космической улыбкой, — вразумлял его Озмонд. Но в ответ — все то же самое: нестираемая улыбка на лице Лири! Несмотря на все свои старания, Озмонд так ничего и не добился — кроме этой улыбки.

Майрон Столярофф тоже не остался в стороне и написал Лири резкое письмо, где назвал МФВС «фондом сумасшедших» и напророчил, что его крах не за горами: он «посеет хаос среди всех, кто занимается исследованием ЛСД для блага нации... Тим, я убежден, что тебя ждут очень серьезные трудности, если ты планируешь и дальше идти тем же курсом, о котором ты мне писал, причем ты навлечешь большие трудности не только на себя, но и на всех нас, и тем самым нанесешь непоправимый ущерб делу изучения психоделиков в целом».

Но в чем именно заключался план МФВС? Лири с радостью заявил об этом во всеуслышание: познакомить с «сильнодействующими психоделиками» как можно больше американцев, чтобы разом изменить «единый мозг страны». Он сделал математические вычисления и на их основании пришел к выводу, что «критическим числом, способным вынести мозг американскому обществу, является четыре миллиона пользователей ЛСД» и что «случится это до 1969 года».

Как показала жизнь, вычисления Лири были не такими уж эфемерными. Хотя число пользователей ЛСД к 1969 году

только приближалось к двум миллионам, но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы вынести мозг американскому обществу, оставив страну в состоянии полной прострации.

Но самым решительным и непреклонным образом на планы Лири, касающиеся всемирной психической революции, откликнулся Эл Хаббард, которого связывали с профессором довольно непростые отношения. Они встретились вскоре после возвращения Лири в Гарвард, куда Хаббард прибыл на своем «роллс-ройсе» с запасом ЛСД, который он надеялся обменять у Лири на псилоцибин.

«Он заявился в своей пресловутой униформе, — вспоминает Лири, — распространяя вокруг себя невероятную атмосферу таинственности и красочности… Умеет же он впечатлять, дерьмо собачье!» Что ж, в верности суждений Лири не откажешь: по этой части он был мастак. Хаббард «начал щеголять именами друзей и знакомых, да такими, что и поверить трудно... заявив, что он дружит с самим Папой. Что меня впечатлило больше всего, так это то, что, с одной стороны, он выглядит как мелкий торговец-мошенник, а с другой, водит знакомство с самыми потрясающими людьми мира, которые его всячески поддерживают».

Но легендарное обаяние Лири на Хаббарда никогда особо не действовало, потому как последний, человек сугубо консервативный и набожный, был глубоко чужд и блеску публичной славы, и нарождающейся контркультуре. «Когда мы впервые встретились, Тим мне понравился, — скажет Хаббард многие годы спустя, — но я десятки раз предупреждал его», чтобы он держался подальше от неприятностей и прессы. «Он казался человеком, движимым добрыми намерениями, но затем перегнул палку... и оказался совершенно невыносимым». Как и многие его коллеги, Хаббард резко осуждал методы Лири, действовавшего по принципу «не попробуешь – не узнаешь», особенно его готовность обходиться без такого важного для психоделических сеансов лица, как умелый и хорошо обученный «поводырь». Вполне возможно, что на его отношение к Лири повлияли также и его обширные связи в правоохранительных органах и разведке, которые давно взяли на заметку мятежного профессора.

По словам Озмонда, антипатия Капитана к Лири с особой силой дала о себе знать во время психоделического

сеанса (они оба в нем участвовали), состоявшегося как раз в этот период нарастающих противоречий. «Эл был прямо-таки одержим мыслью, что ему следует пристрелить Тимоти, и когда я начал вразумлять его, доказывая, что это очень плохая идея... у меня было очень неспокойно на душе, потому как мне казалось, что он может пристрелить и меня».

Вероятно, Хаббард был прав, посчитав в конце концов, что никакая пуля теперь не остановит Тимоти Лири. Оставалось лишь надеяться на лучшее. Ту же мысль выразил и Столярофф в конце своего письма к Лири, написав: «Полагаю, все же есть, пусть и небольшая, надежда на то, что если ты возьмешь себя в руки, то сможешь себя сдержать».

* * *

К весне 1963 года Лири одной ногой стоял уже вне Гарварда, без всякой причины пропуская занятия и объявив о своем намерении в конце учебного года, когда истечет срок действия его контракта, уйти из университета. С Алпертом дело обстояло несколько иначе: он получил место преподавателя на педагогическом факультете и планировал остаться в Гарварде — пока в *Crimson* не появилась еще одна разоблачающая статья, после которой уволили их обоих. Эту статью написал аспирант по имени Эндрю Вайль.

Вайля привел в Гарвард страстный интерес к психоделикам, который у него проснулся еще в средней школе после того, как он прочел книгу Хаксли «*Двери восприятия*», а когда он узнал о псилоцибиновом проекте, то всеми правдами и неправдами проложил себе путь к дверям профессора Лири и прямо заявил, что хотел бы участвовать в этом проекте.

Лири ответил, что, согласно университетским правилам, к исследованию препаратов допускаются только аспиранты. Однако, желая как-то помочь молодому человеку, он рассказал Вайлю о компании в Техасе, которая может выслать мескалин по почте (в то время он был еще легальным) — его надо лишь заказать, что Вайль тут же и сделал, купив все необходимые канцелярские принадлежности в университетской лавке. Очарованный потенциалом психоделиков, Вайль сразу же включился в работу и помог в формировании группы аспирантов для опытов с мескалином. Но быть частью клуба для избранных, во главе которого стояли Лири

и Алперт, он, разумеется, не мог, потому как не имел необходимой степени, поэтому, прослышав осенью 1962 года о том, что Ричард Алперт втайне снабжает препаратами обычных студентов, он возмутился, отправился к редактору газеты *Crimson* и предложил провести расследование.

В качестве наводчиков и осведомителей Вайль выбрал тех из своих сокурсников, которых Алперт подсадил на психоделики в нарушение университетских правил. (Позднее он напишет, что «студенты и прочие использовали галлюциногены для приманки и гетеросексуалов, и гомосексуалов».) Но возникли две проблемы, решить которые было далеко не просто: во-первых, никто из студентов, получавших (предположительно) препараты от Алперта, не захотел говорить об этом при включенном магнитофоне, а во-вторых, юристы, через чьи руки, во избежание всякого рода эксцессов, проходили все номера *Crimson*, предупредили о нежелательности печатания непроверенных, а стало быть, клеветнических обвинений в отношении профессоров. Они посоветовали Вайлю передать всю имеющуюся информацию на рассмотрение администрации университета: мол, после этого он сможет спокойно написать статью о том, какие меры принимает администрация в ответ на эти обвинения, тем самым уведя газету из-под прямого удара, а ее редактора — от юридической ответственности. Но Вайлю не это было нужно: чтобы достичь цели, ему нужны были студенты.

Он поехал в Нью-Йорк и встретился там с отцом одного из них — известным ювелиром с Пятой авеню Гарри Уинстоном, предложив ему сделку. Алперт передает эту историю так: «Он приехал к Гарри Уинстону и сказал: „Ваш сын Ронни получает наркотики от одного из преподавателей факультета. Если ваш сын сознается в этом, мы не станем упоминать его имя и в статье оно не будет фигурировать“. В результате молодой Ронни пришел к декану и, будучи спрошен, не получал ли он наркотики от доктора Алперта, сознался в своей провинности, присовокупив к своему признанию совершенно неожиданную фразу: „Да, сэр, получал. И это был самый поучительный урок из всех, что мне давали в Гарварде“»*.

* См. Дон Латтин. *«Гарвардский психоделический клуб»*. [Don Lattin, *The Harvard Psychedelic Club* (New York: HarperOne, 2010), p. 94.]

Вот что интересно: Алперт и Лири — единственные гарвардские профессора, которых уволили в XX веке. (Хотя формально Лири не был уволен, ему просто не выплачивали зарплату те несколько месяцев, что оставались до окончания контракта.) Эта история приобрела национальный масштаб, втянув миллионы американцев в ту полемику, которая разразилась вокруг этих экзотических препаратов. Благодаря ей Эндрю Вайль снискал даже определенную славу: журнал *Look* заказал ему статью о ведущейся полемике, и эта статья только добавила жару. Описывая психоделическую сцену Гарварда как бы глазами стороннего человека, Вайль упоминает некую «группу студентов... проводивших секретные исследования мескалина», не упоминая, однако, что именно он основал эту группу и был одним из ее членов.

Достаточно сказать, что сам Эндрю Вайль никогда особо этой славой не гордился, и когда недавно я спросил его об этом эпизоде в его жизни, он признался, что его с тех пор постоянно мучит совесть и что он не раз пытался загладить свою вину перед Лири и Рамом Дассом. (Через два года после исключения из Гарварда Алперт предпринял путешествие в Индию в поисках новых духовных знаний, откуда он вернулся уже как Рам Дасс.) Лири охотно принял извинения Вайля (видимо, этот человек вообще не способен долго таить обиду), но Рам Дасс не разговаривал с Вайлем целых два года, что того сильно печалило. Услышав, что Рам Дасс в 1997 году перенес инсульт, Вайль отправился к нему на Гавайи, чтобы попросить прощения. Наконец смягчившись, Рам Дасс сказал Вайлю, что все сложилось как нельзя лучше и свое увольнение он теперь рассматривает как благо: «Если бы ты не сделал того, что сделал, то Рама Дасса как такового сейчас просто не было бы».

* * *

В этот тягостный для Тимоти Лири и Ричарда Алперта час исключения их из Гарвардского университета мы, пожалуй, их покинем, хотя на этом их долгие и необычные скитания по американской культуре не закончились и перед ними по-прежнему лежал столь же долгий и необычный путь. Оба пустились в длительные психоделические гастроли, давая по пути (вместе со своими бывшими студентами и приверженцами) многочисленные представления, в результате чего

Международный фонд внутренней свободы (который позже преобразовался в Лигу духовных открытий) в их лице перебрался из Кембриджа в мексиканский город Ситуатанехо, где и обосновался, пока мексиканское правительство (под давлением США) не выкинуло их оттуда, после чего они ненадолго переехали на остров Доминика в Карибском море, но были выброшены и оттуда, пока наконец не осели на несколько лет в 64-комнатном особняке в Миллбруке, Нью-Йорк, владельцем которого был богатый меценат и покровитель по имени Билли Хичкок.

Лири с головой окунулся в нарождающуюся контркультуру, и вскоре его пригласили (вместе с Аленом Гинзбургом) выступить на фестивале хиппи *Human Be-In* в Сан-Франциско (он состоялся в парке «Золотые ворота» в январе 1967 года), куда стеклись порядка 25 тысяч юношей и девушек, которые, слушая молодежных проповедников, возвещавших наступление новой эры, совершали тем временем свои «кислотные трипы» под действием ЛСД, который продавался без всяких ограничений. Бывший профессор, который по этому случаю сменил свой элегантный костюм фирмы «Братья Брукс» на белые одежды и «ожерелье любви» — бусы (и цветы, которыми он украсил свои седеющие волосы), призывал толпу праздношатающихся «хиппи» (этот термин ввел в обиход в том же году обозреватель местной газеты Херб Каэн): «Включись, настройся, выпадай». Этот девиз — по его собственным словам, он его придумал, стоя под душем, а годы спустя заявил, что его ему «подарил» Маршалл Маклухан, — будет преследовать Лири всю оставшуюся жизнь и по всему миру, навлекая на него презрение родителей и политиков.

Но история Лири с годами становится все более странной и печальной. Вскоре после его отъезда из Кембриджа правительство, встревоженное его растущим влиянием на американскую молодежь, развернуло против него кампанию травли, которая достигла своей кульминации в 1966 году в Ларедо, американском городке, расположенном на границе с Мексикой: он ехал со своей семьей в Мексику, намереваясь провести там отпуск, когда таможенники, досматривавшие его машину на границе, «обнаружили» в ней небольшое количество марихуаны. Лири провел несколько лет в тюрьме, пытаясь оправдаться и снять с себя обвинения федерального пра-

вительства в торговле марихуаной, и еще несколько лет в бегах — в качестве беженца от международного правосудия. Этот статус он приобрел после дерзкого побега из Калифорнийской тюрьмы, который устроила революционно настроенная радикальная группа, именовавшая себя «Метеорологами» (*Weathermen*). Им удалось переправить Лири в Алжир, где его под свою опеку взял Элдридж Кливер, один из основателей Партии черных пантер, учредивший там перевалочную базу для своих операций. Но покровительство Кливера оказалось не таким уж и приятным: «пантеры» отобрали у Лири паспорт и держали его у себя в качестве заложника. Лири снова сбежал, на сей раз в Швейцарию (где он нашел роскошное убежище в шале торговца оружием), затем (после того как американское правительство все-таки уговорило швейцарское арестовать его и посадить в тюрьму) в Вену, оттуда в Бейрут и потом в Кабул; там его наконец схватили федеральные агенты и под строжайшим надзором препроводили в американскую тюрьму, где он какое-то время просидел под стражей в одиночной камере. Но эти преследования только укрепляли в нем чувство собственного предназначения.

Его жизнь в 1960-е годы представляет собой невероятную трагикомедию, наполненную залами суда и тюрьмами (всего он отсидел в двадцати девяти), но также воспоминаниями, речами и выступлениями на телевидении, избирательной кампанией по выборам губернатора Калифорнии (для которой Джон Леннон написал, а «Биттлз» исполнили программную песню Get Together) и успешным, если не сказать патетическим, циклом лекций, который он читал в колледже вместе с Джорджем Гордоном Лидди. Да-да, тем самым «взломщиком» уотергейтского дела, который в своей предыдущей ипостаси в качестве помощника прокурора округа Датчесс пытался изловить и упечь его за решетку в Миллбруке. Несмотря на все эти испытания, Лири остался невероятным оптимистом, не выказывавшим ни малейшего признака гнева, или, если верить бесчисленным фотоснимкам и кадрам кинохроники, не забывавшим мудрый совет, некогда данный ему Маршаллом Маклуханом, — улыбаться, несмотря ни на что.

Тем временем в 1965 году бывший партнер Лири по психоделическим исследованиям, Ричард Алперт, отправился на Вос-

ток, где в течение ряда лет совершал куда более спокойную духовную одиссею. По ее завершении он, как Рам Дасс и автор бестселлера «*Здесь и сейчас*» (1971), оставил в американской культуре заметный след, проторив один из главных путей, следуя которым восточная религия вторглась в контркультуру, наложив отпечаток на весь так называемый Нью-Эйдж. 1960-е годы ознаменовали период духовного возрождения в Америке, и Рам Дасс в какой-то мере был одним из его инициаторов.

Не остался в стороне и Лири. Его постгарвардские «выкрутасы» в немалой степени внесли свой посильный вклад в ту моральную панику, которая погребла под собой психоделики и привела к запрету всех исследований в этом направлении. Лири, сам того, возможно, не желая, стал плакатным героем не только из-за наркотиков, но и в силу популярности той идеи, что значительную часть «ДНК молодежной контркультуры» можно записать с помощью трех букв: *ЛСД*. Начиная с того памятного псилоцибинового трипа в декабре 1960 года, который совершил в его доме в Ньютоне Ален Гинзбург, Лири установил прочную связь между психоделиками и контркультурой, связь, которая никогда не прерывалась, что, безусловно, послужило одной из причин того, почему психоделики в конечном счете стали рассматривать как угрозу истеблишменту. (Да и могло ли быть иначе? Представьте, что было бы, если бы культурная самобытность наркотиков была сформирована, скажем, католиками-консерваторами вроде Эла Хаббарда. Трудно себе даже представить подобную контр-историю!)

Тем более не могли помочь Лири его постоянные провокационные заявления, которыми он любил бросаться, вроде: «ЛСД еще более ужасен, чем бомба» или «Дети, принимающие ЛСД, не будут воевать в ваших войнах. И не войдут в ваши корпорации». Это были не просто пустые слова: в середине 1960-х годов десятки тысяч американских подростков действительно выпали из русла общественной жизни, бросив школы и заполонив улицы Хейт-Эшбери и Ист-Виллидж*. А молодые люди призывного возраста отказывались идти во

---

* Кто-то возразит, что проблема выпадения детей из общественной жизни и их ухода из школы под влиянием ЛСД берет начало еще в 1950-х годах, когда такие успешные инженеры, как Майрон Столярофф, Уиллис Харман и Дон Аллен, ушли из компании Ampex и Стэнфордского университета и переключились на психоделики.

Вьетнам. Воля к борьбе и авторитет власти были сильно подорваны. И новые необычные наркотики, странным образом изменявшие людей, их принимавших, бесспорно, были как-то с этим связаны. Об этом же говорил и Тимоти Лири.

Но этот переворот почти наверняка случился бы и без Тимоти Лири. Да, несомненно, он был единственный, через кого психоделики просачивались в американскую культуру, и единственный, кто пользовался столь недоброй славой, но далеко не единственный, кто вершил психоделическую политику. В 1960 году, том самом году, когда Лири приобщился к псилоцибину и дал ход своему исследовательскому проекту, романист Кен Кизи опробовал на себе ЛСД и совершил под его влиянием столь умопомрачительный «кислотный трип», что по возвращении из него решил нести в массы не только «психоделическое слово», но и сами психоделики, возвещая о них, как говорится, во весь голос.

Один из ироничных поворотов судьбы, которыми так богата история психоделиков, заключается в том, что Кизи приобщился к ЛСД исключительно благодаря исследовательской программе, проводившейся под контролем правительства в госпитале для ветеранов в Менло-Парке, где ему заплатили 75 долларов за то, чтобы он опробовал этот экспериментальный препарат. Чего не знал Кизи, так это того, что его первая «прогулка в неведомое» была куплена и оплачена Центральным разведывательным управлением, которое спонсировало исследования в Менло-Парке, являвшиеся частью программы «МК-Ультра», с помощью которой Управление вот уже целое десятилетие пыталось понять, можно ли превратить ЛСД в оружие и насколько он эффективен в качестве такового.

Увы, но в лице Кена Кизи ЦРУ сделало ставку не на того человека. Он быстро разобрался, что к чему, организовал психоделическую общину и вместе с группой «Веселых Проказников» начал устраивать то, что сам он метко назвал «восстанием подопытных свинок», то есть серию так называемых «кислотных тестов», в ходе которых он с приятелями раздавал тысячам молодых людей из района залива дозы ЛСД в надежде изменить сознание всего поколения. В той же мере, в какой Кен Кизи и его «проказники» формировали новый дух времени и были ответственны за него, в той же

мере было ответственно за него и ЦРУ, потому как культурный переворот, как мы в целом характеризуем мятежные 1960-е годы, начался именно с провала того эксперимента по контролю над разумом, который проводило ЦРУ.

* * *

Оглядываясь назад, можно, пожалуй, сказать, что недоброжелательная реакция психоделического истеблишмента была неизбежной с того самого момента, когда Хамфри Озмонд, Эл Хаббард и Олдос Хаксли выдвинули в 1956–1957 годах новую парадигму для психоделической терапии. Для сравнения скажем, что прежние теоретические модели вполне классически подходили к этим препаратам, привычно стараясь уместить их в уже существующие рамки психиатрии и не особо нарушая сложившийся порядок вещей. «Психомиметики» прекрасно соответствовали тому стандартному пониманию психических заболеваний, какое сложилось у поколений психиатров (мол, действие препаратов имитирует уже знакомые психозы), поэтому «психолитики», по их мнению, можно было спокойно внедрять в теорию и практику психоанализа как полезное дополнение к терапевтическим беседам. В целом же идея психоделической терапии бросала куда более жесткий вызов и самой сфере психиатрии, и профессии психиатра. Бесконечные еженедельные сеансы в традиционной терапии заменялись в новом виде терапии одним сеансом (при условии приема большой дозы препарата), направленным на достижение своего рода конверсионного опыта, при котором требовалось кардинально переосмыслить обычные роли пациента и психотерапевта.

Психиатрам-академикам не по душе были те духовные ловушки, которые таила в себе психоделическая терапия. Чарльз Гроб, психиатр из Колумбийского университета, сыгравший важную роль в деле возрождения психоделических исследований, в своей статье, посвященной истории психоделиков (она вышла в свет в 1998 году), писал, что «размывая границы между религией и наукой, болезнью и здоровьем, врачевателем и страждущим, психоделическая модель вводит нас в мир прикладного мистицизма» — мир, в который психиатрия, все более сближавшаяся с биохимией в вопросе понимания психики, не рисковала вступить. Кроме того, с ее

особым отношением к установке и обстановке — тем, что Гроб называет «дополнительными критическими фармакологическими переменными», — психоделическая терапия была слишком уж близка к шаманизму. потому как так называемые «мозгоправы» (сленговое словечко для психиатров, сразу вызывающее в памяти образ племенных знахарей в набедренных повязках), не вполне уверенные в своем праве называть себя учеными, были еще менее склонны туда вступить. Был и еще один неблагоприятный фактор, возникший вследствие скандала с талидомидом, а именно: рост плацебо-контролируемых двойных исследований, используемый в качестве «золотого стандарта» при тестировании препаратов, — в общем-то стандартнее требование, на которое, однако, психоделические исследователи соглашались с трудом.

В 1963 году ведущие светила в этой профессии начали публиковать в научных журналах редакционные статьи, направленные против исследования психоделиков. Рой Гринкер, редактор журнала *Archives of General Psychiatry*, сурово раскритиковал тех исследователей, кто подмешивает «себе наркотики и... затем очаровывается мистическим галлюцинаторным состоянием», тем самым делая себя «малопригодным в качестве компетентных исследователей». В статье, опубликованной в следующем году в *журнале Американской медицинской ассоциации*, Гринкер обрушился с критикой на исследователей, взявших себе за правило принимать наркотики, тем самым «склоняясь к предвзятым выводам, обусловленным их собственным экстазом». Еще один критик (его статья была опубликована в журнале в 1964 году) подверг критике ненаучную «ауру магии», которой были окружены новые препараты. (Тот факт, что некоторые психоделические терапевты, Бетти Эйснер например, отмечали как праздничное введение «в психиатрию трансцендентального начала» и выказывали большой интерес к паранормальным явлениям, не принимался во внимание.)

Но хотя имеется немалая доля истины в том, что исследователи и в самом деле часто склоняются к предвзятым выводам, обусловленным всем пережитым ими под влиянием психоделиков, очевидная альтернатива — воздержание — тоже создавала свои трудности и препятствия, в результате чего самыми громкими и авторитетными голо-

сами в развернувшихся в 1960-е годы вокруг психоделиков дебатах были голоса людей, которые знали о них меньше всего. С точки зрения психиатров, не имевших личного опыта соприкосновения с психоделиками, их воздействие сводились к тому, что поведение людей больше напоминало психоз, нежели пребывание в трансцендентном состоянии. Поэтому психотомиметическая парадигма вновь была возвращена, на этот раз с явным желанием отомстить.

После того как в 1962–1963 годах некоторое количество «контрабандного ЛСД» выплеснулось на улицы и люди, корчившиеся в муках ужаса от «неудачных прогулок в потусторонние миры», начали появляться в отделениях неотложной помощи и психбольницах, господствующая психиатрия была вынуждена отказаться от психоделических исследований. ЛСД теперь рассматривали скорее как причину психических заболеваний, нежели как панацею. В 1965 году в госпиталь Белвью на Манхэттене поступили 65 человек с так называемыми «индуцированными ЛСД психозами». Если принимать в расчет, что СМИ в тот момент полным ходом разжигали пламя психоделической паники, то не удивительно, что городские мифы о коварстве ЛСД распространялись быстрее, чем сами факты*. То же самое нередко происходит и с мнимыми научными

---

* В ряде случаев удалось выявить источник происхождения нескольких таких городских мифов и развенчать их. Например, опубликованная в 1967 году в журнале *Newsweek* история о шести студентах колледжа, которые, приняв изрядную дозу ЛСД, ослепли, потому что долго смотрели на солнце не мигая, оказалась мистификацией, состряпанной уполномоченным по делам слепых штата Пенсильвания доктором Норманном Йодером. По словам губернатора, раскрывшего обман, Йодера можно понять, потому как «после посещения лекции, где приводились данные об употреблении ЛСД детьми, он сильно обеспокоился положением дел и оказался эмоционально взвинченным». И тем не менее, «впрыснутые» в культуру, эти городские мифы не умирают и время от времени всплывают на поверхность, оказываясь «правдой», особенно в тех случаях, когда пользователи ЛСД вдохновенно их имитируют, как это случилось с шестью студентами колледжа, якобы долго глазевшими на солнце. См.: Дэвид Прести и Джером Бек. *«Стрихнин и другие долговечные мифы: фольклор специалистов и рядовых пользователей, сложившийся вокруг ЛСД»* // В кн.: *«Психоактивные сакраменталии: Очерки об энтеогенах и религии»* под ред. Томаса Б. Робертса. — Сан-Франциско: Совет по делам духовных практик, 2001. [David Presti and Jerome Beck, “Strychnine and Other Enduring Myths: Expert and User Folklore Surrounding LSD,” in *Psychoactive Sacramentals: Essays on Entheogens and Religion*, ed. Thomas B. Roberts (San Francisco: Council on Spiritual Practices, 2001).]

открытиями. После проведения ряда опытов, получивших широкую огласку благодаря статье, опубликованной в журнале *Science*, некий исследователь утверждал, что ЛСД способен вызывать повреждения в хромосомах, что потенциально может привести к врожденным дефектам. Но когда впоследствии этот вывод был опровергнут как неверный (в том же журнале *Science*), на это опровержение практически никто не обратил внимания. Оно не соответствовало новому публичному имиджу ЛСД как опасной угрозе для общества.

И все же нельзя отрицать тот факт, что в середине 1960-х годов в отделения срочной помощи стали поступать в большом количестве люди с ярко выраженными симптомами паранойи, мании, кататонии, острой нервозности, так же как и «кислотных воспоминаний» — внезапного рецидива указанных симптомов по прошествии многих дней или даже недель после принятия ЛСД. У некоторых из них действительно наблюдались случаи настоящих приступов психоза, особенно у молодых людей, предрасположенных к шизофрении: «прогулка в неведомое», которую они совершили под действием ЛСД, действительно может привести в действие первый психотический приступ, а иногда его и приводит. (Следует заметить, что таким пусковым устройством могут служить вообще любые травматические переживания, включая развод родителей или любую стрессовую ситуацию, даже поступление в аспирантуру.) Но во многих других случаях врачи, не имеющие большого опыта обращения с психоделиками, по ошибке принимают паническую реакцию за полноценный психоз. Что только ухудшает положение дел.

Эндрю Вайль, в ту пору (1968 год) еще молодой врач, работавший на добровольных началах в бесплатной клинике Хейт-Эшбери, перевидал немало пациентов, для кого «прогулка в неведомое» закончилась печально, и разработал эффективную панацею для их «лечения». «Я тщательно осматривал пациента и, придя к выводу, что имею дело с панической реакцией, говорил ему или ей: „Прощу прощения. Мне нужно выйти на минутку в соседнюю комнату: там у меня очень серьезный больной“. После чего им сразу же становилось намного лучше».

Риски, связанные с употреблением ЛСД и других психоделиков, широко и бурно обсуждались на протяжении всех

1960-х годов как среди ученых, так и в прессе. В подтверждение своей правоты их сторонники и противники по обе стороны дебатов обычно приводили или довольно неприглядные, но непроверенные доказательства, или вовсе анекдотичные случаи, не отражавшие реальную действительность; исключением был один лишь Сидни Коэн, который всегда подходил к проблеме разумно, непредвзято и, чтобы решить ее, предпринимал целое расследование. Начиная с 1960 года он опубликовал серию статей, в которых привел данные исследований, вызывавшие у него все более растущее беспокойство. Для первой работы он воспользовался материалами 44 исследователей, изучавших психоделики, собрав данные о пяти тысячах человек, принимавших ЛСД или мескалин, и просмотрев в общей сложности 25 тысяч случаев. Среди них, убедился он, можно было квалифицировать как достоверные только два случая самоубийства (очень низкий уровень для столь значительной группы пациентов психиатрических больниц), несколько случаев вполне очевидных панических реакций и «ни одного свидетельства о длительных и серьезных физических побочных эффектах». На основании этого он пришел к выводу, что, когда психоделики принимаются под присмотром квалифицированных терапевтов и исследователей, осложнения возникают «на удивление редко» и что ЛСД и мескалин совершенно «неопасны».

Лири и другие ученые часто приводили выдержки из этой работы Коэна (она была опубликована в 1960 году) как вполне очевидное доказательство реабилитации психоделиков. Но уже в следующей статье, опубликованной в 1962 году в журнале Американской медицинской ассоциации, Коэн привел новые и «тревожные» данные. Оказывается, случайное и бесконтрольное использование ЛСД безответственными терапевтами вне стен и обстановки клиники часто приводит к «серьезным осложнениям» и случайным «катастрофическим реакциям». Встревоженный тем, что врачи теряют контроль на препаратом, Коэн предупреждал коллег о том, что «опасность самоубийств, длительных психотических реакций и антиобщественных поступков и действий реально существует». В третьей работе, опубликованной в следующем году в *Archives of General Psychiatry*, он описал несколько случаев психотических расстройств и попыток самоубийства, а также

привел реальный случай, когда мальчик, сын следователя, съев кубик рафинада, обсыпанный порошком (ЛСД), который его отец конфисковал у «толкача», больше месяца не мог избавиться от искажений зрительного восприятия и беспричинной тревоги. Именно эта статья и подвигла Роя Гринкера, редактора журнала, предать анафеме психоделические исследования, что он и сделал в сопроводительном комментарии, хотя сам Коэн продолжал считать, что у психоделиков действительно огромный потенциал, который можно использовать самым рачительным образом, оставайся они в руках ответственных терапевтов. В четвертой статье, опубликованной в 1966 году, Коэн рассказал о других жертвах ЛСД, включая и два случая неожиданной смерти, вызванной этим препаратом, когда один человек утонул, а второй трагически погиб, выбежав на трассу с интенсивным движением с криком «Остановитесь!».

Но сбалансированная оценка рисков и выгод, связанных с психоделиками, была в то время редким исключением, и в результате развязанная учеными-академиками и прессой политика их неприятия привела в 1966 году к бурному всплеску моральной паники. Общее настроение прекрасно отражает ряд заголовков ведущих газет того периода: «Элэсдешник обвиняется в убийстве учителя»; «Подсевший на ЛСД юноша прыгает с железнодорожного моста»; «Эпидемия ЛСД грозит затопить всю Калифорнию»; «Шесть студентов ослепли от ЛСД, глядя на солнце»; «Девочка пяти лет съела белый порошок [ЛСД] и сошла с ума»; «Страшный наркотик деформирует сознание и убивает»; и наконец, «Чудовище среди нас: наркотик под названием ЛСД». Даже журнал *Life*, девять лет тому назад поместивший на своих страницах восторженную статью Гордона Уоссона о псилоцибине и тем способствовавший пробуждению у публики горячего интереса к психоделикам, — даже *Life* присоединился к хору голосов, осыпающих психоделики проклятиями, опубликовав эмоционально-взвинченную историю, озаглавленную: «ЛСД: психический наркотик вышел из-под контроля и несет угрозу всему миру». И что с того, что совсем недавно издатель журнала и его жена сами принимали (под руководством Сидни Коэна) этот «наркотик» и расхваливали его как средство, с помощью которого можно зарядиться положитель-

ными впечатлениями и эмоциями? Да ничего. Теперь этим занимаются дети, а раз так, то он «вышел из-под контроля». Проиллюстрированная рисунками, на которых обезумевшие люди прячутся по углам, история предостерегала читателей, что «путешествие под действием ЛСД — это не всегда поездка туда и обратно», а скорее «одноразовая поездка — в сумасшедший дом, тюрьму или могилу»*. Как писала в 1965 году Клер Бут Люс в письме к Сидни Коэну, «ЛСД стал вашим чудовищем, вашим Франкенштейном».

* * *

Другим сильнодействующим препаратам, таким, например, как опиаты, которые потенциально тоже являются объектом злоупотреблений, удалось-таки отстоять свою самобытную идентичность в качестве законного средства медицины. Почему же это не удалось психоделикам? История Тимоти Лири, самого известного исследователя психоделиков, не позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что можно было бы провести четкую грань между использованием психоделиков в научных и рекреационных целях и охранять ее в неприкосновенности, как границу. Этот человек намеренно — и, безусловно, с большой радостью — стер все границы. Но «личность» психоделика, вероятно, так или иначе имела существенное отношение к стиранию таких различий (как имели к ним отношение и личности людей вроде Тимоти Лири) или к недостаткам в их исследованиях.

Если что и обрекло на провал первую волну психоделических исследований, так это иррациональное изобилие их потенциала, обусловленного самими препаратами, — им и тем фактом, что эти химические соединения являются для нас сегодня тем, что мы назвали бы революционной технологией. Люди, работавшие с этими молекулами, не могли не прийти к выводу — подобно студенту-богослову, бегу-

---

* Приводимые в статье рассказы были подобраны и поданы с таким умением, что с успехом прошли бы все тесты на детекторе лжи, окажись таковой у любого из издателей. «Когда мы с мужем решаем с вечера отправиться завтра на прогулку всей семьей, — рассказывает любительница психоделиков, мать четверых детей, — утром я добавляю немного кислоты в апельсиновый сок, даю его детям, и они весь день без устали как обезумевшие рыскают по лесу, совершенно никому не мешая».

щему по Коммонуэлс-авеню, — что в вашем распоряжении вдруг оказалась магическая весть, наделенная силой изменить не только индивидуумов, но и весь мир. Если ограничить эти мощные молекулы стенами лаборатории или использовать их только на благо больных людей, то такое их применение было бы трудно оправдать, коль скоро с их помощью можно было бы многое сделать для *всех* людей, в том числе и для самих исследователей.

Возможно, неосторожность и безрассудство Лири заставляли его более щепетильных в вопросах нравственности коллег ежиться от страха, однако большинство из них разделяли вместе с ним эту безрассудность и, более того, даже пришли к более или менее тем же самым выводам о потенциале психоделиков; просто они, говоря о них на публике, были более рассудительными, чем он.

Кто из первого поколения психоделических исследователей оспорил бы вот это обращение, заимствованное из анналов классической безрассудности Лири, которое он произнес примерно в 1963 году: «Не сделайте ошибки: действие препаратов, способных расширять сознание, изменит все наши представления о природе человека, о человеческом потенциале и существовании. Игра вот-вот изменит свои правила, леди и джентльмены. Человек вот-вот найдет применение той сказочной электрической сети, которую он вмещает в своем черепе. Нынешним социальным учреждениям лучше бы как следует подготовиться к этим переменам. Увы, но на пути мощного прилива, назревающего уже два миллиарда лет, стоят наши любимые концепции. Словесная плотина вот-вот рухнет. Удирайте или же готовьте свой интеллектуальный плот к тому, чтобы сесть на него и плыть по течению»*.

---

* Впервые опубликовано в газете *Harvard Review* летом 1963 года и перепечатано в книге Тимоти Лири и Джеймса Пеннера *«Тимоти Лири, гарвардские годы: первые работы об ЛСД и псилоцибине, написанные совместно с Ричардом Алпертом, Хьюстоном Смитом, Ральфом Мецнером и другими»*. [Timothy Leary and James Penner, *Timothy Leary, The Harvard Years: Early Writings on LSD and Psilocybin with Richard Alpert, Huston Smith, Ralph Metzner, and Others* (Rochester, Vt.: Park Street Press, 2014).] Это обращение также фигурирует в стенограмме состоявшихся в 1966 году в Американском сенате слушаний по федеральному регулированию ЛСД подкомитетом сената по реорганизации исполнительной власти, стр. 141.

Так что, вероятно, истинный грех Лири состоял в том, что он не чурался убеждений — ни своих, ни чьих-либо еще в сообществе психоделических исследователей — и черпал в них смелость и мужество. Часто приходится слышать, что политический скандал разражается тогда, когда кто-то, имеющий власть и силу, ненамеренно разглашает истину. Лири слишком часто хотел сказать вслух (сказать любому, кто находился в пределах его слышимости) то, во что все остальные безусловно верили, но почли за лучшее молчать, чем откровенно об этом говорить или писать. Одно дело, когда используешь препараты для лечения больных и неприспособленных к жизни — общество в этом случае будет поощрять любые усилия, направленные на то, чтобы помочь своенравному индивидууму соответствовать его нормам, — и совсем другое дело, когда используешь их на то, чтобы лечить само общество, словно болен не человек, а именно оно, и на то, чтобы превращать явно здоровых людей в своенравных индивидуумов.

Как бы то ни было, но факт остается фактом: в силу самой ли природы первого поколения исследователей или в силу того, как сложился их опыт общения с психоделиками, но последние предстали глазам западного мира как нечто столь глубоко пагубное, что у различных западных сообществ не оставалось иного выхода, как их отвергнуть. ЛСД и в самом деле оказался кислотой, растворявшей практически все, с чем он соприкасался, начиная с иерархических подразделений психики (суперэго, эго и бессознательное), от них переходя к различным властным структурам общества и заканчивая всеми мыслимыми и немыслимыми границами — границами между пациентом и терапевтом, болезнью и здоровьем, «я» и тем, другим, субъектом и объектом, духовным и материальным. Если все эти границы являются проявлениями упорядоченности и уравновешенности, то есть чертами Аполлона, характерными для всей западной цивилизации, ведомой импульсом к утверждению различий, двойственностей и иерархий и к защите их, то психоделики, напротив, знаменуют неуправляемую силу Диониса, которая беспечно сметает прочь все эти подразделения.

Разумеется, далеко не факт, чтобы силы, высвобождаемые этими химическими соединениями, *обязательно* оставались неуправляемыми. Даже самую сильную кислоту при

умелом обращении с нею можно использовать как инструмент для достижения важных целей. Да и что, собственно, представляет собой рассказ о первой волне исследователей, как не историю поиска соответствующего «сосуда» для этих сильнодействующих соединений? За десятилетия работы исследователи опробовали несколько различных возможностей, по-разному их называя: психомиметики, психолитики, психоделики и, немного позже, энтеогены. Ни одна из них не оказалась совершенной, но каждая олицетворяла различный подход в умении регулировать силу этих компонентов, и каждая предлагала ряд методик по их использованию, равно как и теоретическую базу. Если где и разошлись пути Лири и возглавляемой им контркультуры с путями первого поколения исследователей, так это именно в вопросах отношения к «сосуду», потому как Лири и иже с ним считали, что психоделики не нуждаются в каком бы то ни было «сосуде» — ни в медицинском, ни в религиозном, ни в научном — и что неконтролируемый подход к ним по принципу «сделай сам» сам по себе прекрасен. Да, он сопряжен с риском, как оказалось, и не застрахован от ошибок, но как бы мы установили это, если бы не экспериментировали? До 1943 года наше общество никогда не имело в своем распоряжении столь сильнодействующих препаратов, воздействующих на ум и изменяющих сознание.

Другие общества давно, плодотворно и успешно «сотрудничали» с психоделиками, и примеры этого сотрудничества, знай мы о них и обрати на них внимание, могли бы избавить нас от множества проблем и трудностей. Но, вероятно, тот факт, что мы рассматриваем эти общества как примитивные и отсталые, не дал нам возможности учиться у них. А мы могли бы научиться очень многому, и в первую голову тому, что эти мощные лекарственные средства очень опасны — и для индивидуума, и для общества, — если их не поместить в прочный социальный сосуд, то есть в жесткие рамки ритуалов и правил (протоколы), которые бы регулировали их эксплуатацию, при обязательном участии «проводника» — человека, которого мы обычно называем шаманом. Психоделическая терапия — метод Хаббарда — ощупью шла к прозападной версии этого идеала, поэтому так называемый прозападный шаманизм лучше всего соответствует этому

протоколу. Молодым американцам 1960-х годов, которым были внове и сами психоделики, и даваемые ими ощущения и которые воспитывались совсем в других традициях, сама идея привлечения к этому процессу «мудрых старейшин», вероятно, показалась бы сумасбродной и не имела бы шансов на успех. Но именно в этом, на мой взгляд, и состоит главный урок проводившихся в 1960-е годы экспериментов с психоделиками — в понимании необходимости найти подходящий контекст, или сосуд, для этих мощных соединений и даваемых ими ощущений.

Говоря о границах, нельзя не сказать и о том, что в 1960-х годах психоделики проложили по крайней мере одну из них, причем такую резкую и четкую, какой еще не было на нашей памяти; речь идет о границе между поколениями. Сказать что-то определенное по поводу того, каким образом и какой именно вклад внесли психоделики в контркультуру 1960-х, довольно нелегко, потому как здесь участвовали и многие другие силы. С психоделиками или без них, но контркультура, несомненно, все равно бы возникла, просто война во Вьетнаме и призыв в армию если и не ускорили ее приход, то сделали его более чем вероятным. Но та форма, в которую отлилась контркультура, и ее различные стили — музыка, искусство, литература, дизайн и общественные отношения, — несомненно, были бы совершенно другими, не будь этих молекул. Психоделики внесли также посильный вклад и в политику 1960-х, в ее атмосферу и настроение, которые, по мнению Тодда Гитлина, лучше всего характеризует словечко «будто», — ощущение, *будто* теперь все доступно, *будто* в жизни не осталось ничего неоскверненного, *будто* можно начисто стереть саму историю (вспомните кислоту!) и начать создавать мир заново, с нуля.

Но в той мере, в какой потрясения 1960-х годов были результатом необычайно резкого раскола между поколениями, в той же, если не в большей мере вина — или, наоборот, честь — за возникновение этого раскола, этой «бреши» между поколениями лежит именно на психоделиках. потому как в какой еще период истории молодежь западного общества совершала очищающий обряд посвящения, с которым предшествующее поколение было бы совершенно незнакомо? Традиционно обряд посвящения символизирует преемствен-

ность поколений, когда молодежь, вступающая в жизнь, как бы проходит через препятствия и врата, воздвигнутые старшим поколением, чтобы перейти на другую сторону и занять свое место в обществе взрослых людей. Но не так обстояло дело с психоделиками и психоделическим посвящением в 1960-е, когда молодые паломники, пускавшиеся в необычное путешествие, в результате, по его завершении, оказывались среди психических ландшафтов, совершенно неведомых их родителям. То, что это уже больше не повторится, служит поводом надеяться на то, что следующая глава истории психоделиков будет не столь противоречивой.

Возможно, именно в этом и заключается нетленная лепта, внесенная Лири: воспламенив или взбурлив целое поколение — поколение, которое годы спустя примет на себя бразды правления всеми нашими учреждениями, — он помог создать те условия, которые привели к возобновлению психоделических исследований.

* * *

В конце 1966 года вся затея с новой наукой психоделикой провалилась и все исследования были полностью остановлены. В апреле того же года компания Sandoz, надеясь спасти свою репутацию и выйти чистой из скандала, разразившегося вокруг того препарата, который Альберт Хофман назвал «проблемным ребенком», изъяла из оборота ЛСД-25, передав остававшиеся его запасы правительству США и закрыв большинство из тех 70 исследовательских программ, которые осуществлялись под ее контролем.

В мае того же года в сенате проходили слушания по вопросу об ЛСД, в ходе которых Тимоти Лири и Сидни Коэн давали показания. Оба отважно пытались восстановить психоделические исследования в правах, доказывая, что необходимо отделять законное использование ЛСД от его использования на черном рынке — границей, которую правительство ныне решительно вознамерилось стереть. К своему удивлению, самого сочувственного слушателя они нашли в лице сенатора Роберта Ф. Кеннеди, чья жена Этель, по слухам, успешно прошла курс лечения с помощью ЛСД в Голливудской больнице в Ванкувере, одном из аванпостов Эла Хаббарда. С пристрастием допрашивая руководство Управления

по санитарному надзору о его планах закрыть многие из оставшихся исследовательских проектов, Кеннеди задал каверзный вопрос: «Если они [эти проекты] были перспективными шесть месяцев тому назад, почему же теперь они не перспективны?» Если психоделики запретят и вытеснят из сферы медицины по причине их незаконного там использования, сказал Кеннеди, то это будет «потеря для всей нации. Вероятно, мы упустили из виду тот факт, что они, если их использовать должным образом, могут быть очень, очень полезными в нашем обществе».

Но Кеннеди своим выступлением ничего не достиг. И, вероятно, тому виной Лири и сами психоделики, снискавшие к тому времени такую репутацию, что о проведении какого бы то ни было различия уже не приходилось говорить. В октябре примерно 60 исследователей, работавших в разных местах на территории Соединенных Штатов, получили письма из Управления по санитарному надзору с приказом прекратить работу.

Психолог Джеймс Фадиман, проводивший в Международном фонде прогрессивных исследований (МФПИ) в Менло-Парке эксперименты о влиянии психоделиков на творческие способности человека, помнит тот день очень хорошо. Письмо с приказом из Управления по санитарному надзору пришло как раз в тот момент, когда четверо его подопечных уже приняли дозу ЛСД и сеанс начался. Когда он, распростершись на полу в смежной комнате, читал письмо, «четверо молодых людей лежали, уносясь сознанием неведомо куда». «Полагаю, вы не будете иметь ничего против, если мы получим это письмо завтра», — сказал он своим коллегам. И на следующий день исследовательская программа, осуществлявшаяся МФПИ, практически вместе со всеми другими подобными программами, проводившимися в Соединенных Штатах, была свернута.

Из этой «чистки» вышло целым и невредимым только одно учреждение: Научно-исследовательский центр в Спринг-Гров, штат Мэриленд, где работали такие выдающиеся исследователи, как Станислав Гроф, Билл Ричардс, Ричард Йенсен и — до своей смерти в 1971 году — Уолтер Панке (инициатор Бостонского эксперимента). Они все так же продолжали работать, исследуя потенциал псилоцибина и ЛСД и изучая

возможность их применения для лечения алкоголизма, шизофрении и, среди всего прочего, экзистенциального кризиса у онкологических больных. До сих пор остается загадкой, почему же не свернули эту довольно обширную исследовательскую программу, которая продолжала осуществляться вплоть до 1976 года, когда десятки других были свернуты. Некоторые исследователи, которым повезло не так, как их коллегам из Спринг-Гров, считают: мол, причина этого в том, что центр разрабатывал методы психоделической терапии для весьма влиятельных людей из Вашингтона, которые либо уже признали ценность такой терапии, либо уповали на определенные результаты, либо хотели сохранить доступ к препаратам. Но бывшие сотрудники центра, с которыми мне довелось разговаривать, считают эти предположения необоснованными. Однако они подтвердили, что директор центра, доктор медицинских наук Альберт Кёрланд, пользовавшийся безукоризненной репутацией среди федеральных служащих, имел в Вашингтоне весьма обширные связи и использовал их для того, чтобы еще целое десятилетие после того, как программы были повсюду закрыты, удерживаться на плаву и — доставать ЛСД, причем не откуда-нибудь, а из правительственных запасов.

Однако ни события 1966-го, ни события 1976 года не смогли положить конец психоделическим исследованиям и психоделической терапии в Америке. Вытесненные в подполье, они неявно и тайно продолжали осуществляться.

КОДА

В феврале 1979 года практически все знаковые фигуры первой волны американских психоделических исследований собрались в Лос-Анджелесе, в доме Оскара Джанигера, на «встречу ветеранов». Кто-то принес с собой камеру и сделал видеозапись этой встречи, и хотя качество записи желает оставлять лучшего, однако весь разговор отчетливо слышен. Здесь, в гостиной Джанигера, мы видим таких корифеев, как Хамфри Озмонд, Сидни Коэн, Майрон Столярофф, Уиллис Харман, Тимоти Лири, а рядом с ним на кушетке с явно растерянным видом сидит Капитан, Эл Хаббард. Здесь ему 77 (или 78) лет; Эл приехал из Каса-Гранде, Аризона, где он живет в трейлерном парке. На нем полувоенная форма, но сказать, есть ли у него пистолет или нет, я не могу.

«Ветераны» предаются воспоминаниям, хотя поначалу разговор идет несколько натянуто. Оно и понятно: старые обиды всколыхнулись с новой силой. Но Лири, все такой же удивительно обаятельный и душевно щедрый, пытается всех успокоить. Лучшие дни уже в прошлом; великие проекты, которым они посвятили свою жизнь, лежат в руинах. Однако им удалось достичь чего-то более важного; с этим согласны все, иначе они не собрались бы здесь, не пришли бы на эту встречу.

Сидни Коэн, в пиджаке и при галстуке, каждому задает один и тот же вопрос: «Что все это для тебя значит?» — и тут же пробует на него ответить:

— Это взбудоражило людей, разбило в пух и прах их систему ценностей и координат, причем речь идет о тысячах, возможно даже о миллионах. А раз это так, то, как мне кажется, все было неспроста и на пользу всем.

Из всех людей только Лири спрашивает всю группу:

— Кто-нибудь из находящихся здесь признает, что были сделаны ошибки?

Озмонду (он сидит чуть осклабившись, но при этом, как англичанин, очень вежлив и любезен) не по душе слово «ошибка». Он не стал бы так говорить.

— Я бы спросил иначе… например, не мог бы кто-нибудь из находящихся здесь увидеть другие пути осуществления.

Кто-то (кто именно, я не разобрал) вмешивается:

— Ошибка *была*, но только одна: никто не дал попробовать это Никсону!

Наконец Майрон Столярофф решается и, повернувшись к Лири, этому слону в комнате, говорит:

— Мы были несколько обеспокоены тем, что ты делал и что только затрудняло проведение законных исследований.

Лири напоминает ему, что, как он уже говорил еще тогда, у него была совсем иная роль в этой игре:

— Давайте будем дальновидными исследователями. Чем больше мы отдаляемся, тем больше оснований у них там, в Спринг-Гров, осуждать нас. — (Ну вот, наконец появляются и ответственные.) — Я просто хочу… и надеюсь, мы все понимаем, что все мы играли именно те роли, которые были для нас предназначены, так что нет никаких там хороших или плохих парней, никакого доверия и никакой вины, вообще ничего...

— Ну… мне кажется, нам нужны люди вроде Тима и Эла, — вставляет свое слово Сидни Коэн, гениально встраиваясь в заданные Лири рамки. — Они абсолютно необходимы, чтобы что-то извлекать, вытаскивать, уносить… причем далеко-далеко — в сущности, для того лишь, чтобы двигать корабль... [менять] положение к лучшему. — И затем обращаясь к Озмонду: — Нам нужны также люди вроде вас, способные все это обдумать и изучить. И в целом мало-помалу делается маленький шажок, совершается едва приметное движение. Так что, как вам известно, я не думаю, что все могло бы получиться лучше, начни все разыгрываться по другому сценарию.

Эл Хаббард напряженно ко всем прислушивается, но ему особо нечего добавить; он просто сидит и вертит на коленях книгу в твердом переплете. В какой-то момент он вдруг заговаривает высоким голосом, заявив, что работа должна продолжаться, а запрещающие законы должны быть преданы анафеме:

— Мы должны просто продолжать свое дело. Пробуждайте людей! Пусть они посмотрят на себя и увидят, какие они. Думаю, старина Картер спокойно бы принял изрядную дозу и ничего бы с ним не случилось!

И Гарольд Браун, министр обороны в правительстве Картера, да и Стэнсфилд Тернер, директор ЦРУ, тоже. Но Хаббард не совсем уверен, что ему хочется сидеть на одной кушетке рядом с Тимоти Лири, и еще меньше, чем другие, он хочет, чтобы прошлое осталось в прошлом, иначе Лири сорвется с крючка, как бы тот ни заботился о нем, Капитане.

— О, Эл! Я обязан тебе всем, — обратился Лири к Хаббарду, источая одну из своих самых очаровательных улыбок. — Галактический центр послал тебя сюда в самый нужный момент.

Хаббард в ответ даже не улыбнулся. И спустя несколько минут вдруг сказал:

— Ты чертовски уверен в том, что действительно внес свою лепту!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРАВЕЛОГ: ПОДПОЛЬНЫЕ ТРИПЫ

Мой план заключался в том, чтобы записаться добровольцем и в качестве такового принять участие в одном из пробных испытаний, проводившихся в медицинском центре Хопкинса или Нью-Йоркском университете. Уж раз я собирался совершить первый в своей жизни психоделический трип под наблюдением психотерапевта — перспектива во всех отношениях просто душераздирающая, — то мне весьма по душе была мысль о том, что я совершу его в компании опытных профессионалов в больнице, по соседству с отделением неотложной помощи. Другое дело, что *наземные* исследователи больше не работали со «здоровыми, нормальными людьми». А это значит, что если я рассчитываю совершить один из тех трипов, о которых так много наслышан, то мне придется совершить его в подполье. Найду ли я «проводника», который согласится работать с писателем, планирующим опубликовать рассказ о своем путешествии в неведомое? Будет ли мне достаточно комфортно в его присутствии? Смогу ли я ему довериться, и не только довериться, но и доверить ему свою психику? Вся эта затея была чревата неопределенностью и сопряжена с различного рода рисками — законодательным, этическим, психологическим и даже литературным, потому как облечь в слова то, что словами не выразить?

«Любопытство» — это хотя и точное, но довольно холодное слово для выражения той страсти, которой я был одержим. К этому времени мне уже удалось встретиться и побеседовать с десятком людей, совершивших подобные психоделические трипы, и я не мог без внутреннего трепета слушать их рассказы, не спрашивая себя при этом, чем же обернется это «путешествие» для меня самого. Многие из

них относили эти трипы к числу двух или трех наиболее глубоких переживаний, выпавших им на протяжении жизни и в ряде случаев кардинально изменивших их самих, причем самым положительным образом и навсегда. Сделаться более «открытым», особенно в этом возрасте, когда психологические привычки проложили в сознании такие глубокие колеи, что они кажутся непреодолимыми, представлялось мне весьма привлекательной перспективой. А кроме того, мне представлялась возможность, пусть и отдаленная, обрести какое-никакое духовное прозрение. Многие люди, с которыми я беседовал, начинали свой духовный путь завзятыми материалистами и атеистами, духовно развитыми не больше меня, и тем не менее на некоторых из них снизошел «мистический опыт», взрастивший в них непоколебимое убеждение в том, что в мире имеется много такого, о чем мы даже не подозреваем, — некая «запредельная реальность», лежащая за этой материальной вселенной и составляющая, как я полагаю, целый особый мир. Я часто думал об одном из онкологических больных, с которым мне довелось беседовать: он был убежденным атеистом и, тем не менее, в итоге был духовно обращен и «купался в лучах Божьей любви».

Однако далеко не все, о чем рассказывали мне эти люди, вызывало во мне желание последовать их примеру и улечься на кушетку. Многих из них псилоцибин, если можно так сказать, переносил в далекое прошлое, так что в ходе странствий в их памяти всплывали эпизоды давно и прочно забытых родовых или младенческих травм. Такие переживания выкручивали их наизнанку, сотрясали до основания, однако являлись для них своего рода катарсисом. Безусловно, что эти «лекарства», как называют препараты, которые они дают своим подопечным, и законопослушные, и подпольные терапевты, мощно сотрясают психику и ускоряют психические процессы, вытаскивая на поверхность всевозможный глубоко подавленный материал, зачастую страшный и уродливый. На самом ли деле мне так уж хотелось отправиться туда? Нет, если быть честным. Должен сказать, что я никогда не был склонен к глубокому или длительному самоанализу. Моя ориентация направлена скорее вперед и вовне, а не назад и вглубь, и в целом я предпочитаю, чтобы глубины моей психики, если только они существуют, оставались бы

нетронутыми. (Дел достаточно и здесь, на поверхности; вероятно, именно поэтому я стал журналистом, а не романистом или поэтом.) На мой взгляд, весь материал, скопившийся там, в подвалах подсознания, так и должен там храниться, на что есть немало причин, храниться до тех пор, пока вы не найдете специального человека, способного решить проблему. Зачем же самому добровольно спускаться в эти подвалы и включать там свет?

В целом в глазах окружающих я выгляжу как довольно спокойный, уравновешенный и психически устойчивый человек, и я так давно играю в семье эту роль — как ребенок, как взрослый, как друг в общении с друзьями и как коллега в общении с коллегами — и так вжился в нее, что она стала моей довольно точной характеристикой. При этом частенько — или в предрассветных муках бессонницы, или под действием конопли — я вдруг ощущаю, что одинок и потерян, застигнутый врасплох внезапно накатившим на меня психическим штормом экзистенциального страха, столь мрачным и неистовым, что он грозит опрокинуть мою лодку, а заодно и мою индивидуальность, которой я так доверяю. В такие минуты я начинаю серьезно допускать возможность того, что где-то там, под той уравновешенностью, которую я наружно являю, таится теневое «я», сформированное из мутных, беспорядочных и потенциально безумных сил. Насколько тонка кожа моего здравомыслия? — спрашиваю я себя в такие моменты. Возможно, мы все это спрашиваем. Но действительно ли хочу выяснить это? Рональд Дэвид Лэйнг однажды сказал, что есть три вещи, которых боятся люди: это смерть, им подобные и их собственный разум. Запишите на мой счет два пункта из трех. Но бывают моменты, когда любопытство берет верх над страхом. И для меня такой момент, полагаю, настал.

* * *

Под «психоделическим подпольем» я не имею в виду мир теневой экономики, где люди нелегально производят, продают и употребляют психоделические препараты. Я имею в виду лишь специфическое подразделение этого мира, населенное, вероятно, двумя сотнями «проводников», или терапевтов, тщательно и осторожно, в рамках правил, работаю-

щих с разнообразными психоделическими субстанциями с намерением лечить больных людей или улучшать их самочувствие, помогая им реализовать свой духовный, творческий или эмоциональный потенциал. Многие из этих «проводников» — дипломированные психотерапевты, поэтому, занимаясь всем этим, они рискуют не только своей свободой, но и своей профессиональной лицензией. Я знаком с одним из них, врачом, а о других только слышал. Кое-кто из этих людей — религиозные деятели: раввины или главы различных конгрегаций; несколько человек называют себя шаманами, а один даже представляется как друид. Прочие — терапевты, прошедшие обучение в альтернативных школах самого различного толка; кого только здесь нет: юнгианцы и райхианцы, гештальт-терапевты и «трансперсональные» психологи, энергетические целители, терапевты, работающие с аурой, голотропным дыханием, телесными практиками, электрошоковой терапией, прошлыми жизнями и семейными плеядами, толкователи сновидений, астрологи и учителя, обучающие навыкам медитации, — короче, колоритнейшее переплетение всех характерных для 1970-х годов альтернативных «модальностей», которые обычно сваливают в одну кучу и выставляют под общей рубрикой «движение за развитие человеческого потенциала», штаб-квартирой коего является уже известный нам Эсален.

Нью-эйджевская терминология порой сбивает с толку и даже кажется немного косной; мне приходилось встречаться с людьми, слушая которых я не мог отделаться от ощущения, что развитие их языка и словарного запаса застопорилось где-то в начале 1970-х годов, в тот самый момент, когда психоделическая терапия ушла в подполье, остановив во времени и развитие субкультуры.

Кое-кого из этих людей мне удалось отследить, причем без особого труда, в Сан-Франциско, в районе залива, месте самой большой в стране концентрации подпольных психотерапевтов. Гуляя по улицам и расспрашивая местных «аборигенов», я скоро обнаружил, что у одного друга есть другой, чей друг ежегодно в свой день рождения ездит в Санта-Круз, где живет один психотерапевт, с которым или под началом которого он совершает псилоцибиновые трипы. Кроме того, я обнаружил, что мембрана, разделяющая надземный и под-

земный психоделический миры, в определенных местах вполне проницаема; пара человек, с которыми я подружился, когда писал об университетских испытаниях псилоцибина, пожелали свести меня со своими «коллегами», трудившимися в подполье. Встреча с одними людьми повлекла за собой встречу с другими, а потом и с третьими — процесс, который все больше набирал обороты по мере того, как люди откликались на мои намерения и начинали мне доверять. К настоящему времени мне удалось встретиться и побеседовать с пятнадцатью подпольными психотерапевтами и поработать с пятью из них.

Несмотря на риск, сопряженный с такого рода встречами, риск нарваться на осведомителя или агента властных структур, эти люди, к моему удивлению, при встречах со мной всегда были открыты, душевны и отзывчивы. Несмотря на то, что власти до сих пор ничем себя не обнаруживали и, казалось бы, не проявляли особого интереса к людям, практикующим психоделическую терапию, хотя и следили за ними, тем не менее эта деятельность считается незаконной, поэтому общаться с журналистом, не приняв разумных мер предосторожности, довольно опасно. Все терапевты, с которыми я встречался, просили меня не разглашать их имен или мест их обитания и сделать все, что в моих силах, чтобы обеспечить их безопасность. Помня об этом, я изменил не только их имена и места встреч, но и другие характерные признаки в рассказанных ими историях. Однако все эти люди, встреча с которыми ждет вас ниже, не плод моего воображения и не выдумка, а вполне реальные персонажи подпольного психоделического мира Сан-Франциско.

В сущности говоря, практически все подпольные терапевты, с которыми мне довелось встречаться, тем или иным образом отличаются от поколения психоделических терапевтов, работавших на западном побережье и в районе Кеймбриджа в 1950-е и 1960-е годы, когда эта деятельность считалась законной. Действительно, почти каждый, с кем мне приходилось беседовать, начинал линию своей профессиональной преемственности от Тимоти Лири (чаще всего от одного из его аспирантов), от Станислава Грофа, Эла Хаббарда или сан-францисского психолога по имени Лео Зефф (он умер в 1988 году), одного из самых первых подпольных

терапевтов и оттого самого известного; по его словам, через «него прошли» (выражение Эла Хаббарда) три тысячи пациентов, а сам он за годы активной работы «воспитал» 150 терапевтов, включая и тех нескольких, с которыми я встречался на западном побережье.

После себя Зефф оставил (анонимно) солидный отчет о проделанной работе, который послужил основой для изданной в 1997 году книги под названием «*Начальник секретной службы*», где представлен ряд интервью с неким терапевтом по имени Джейкоб, которые брал у него его близкий друг Майрон Столярофф. (В 2004 году семья Зеффа дала Столяроффу разрешение раскрыть подлинное имя этого терапевта, поэтому и сама книга была переиздана под названием «*Начальник секретной службы раскрыт*».) Судя по интервью, Зефф во многих отношениях, и по подходу и по манере, является типичным представителем тех подпольных терапевтов, с которыми я встречался; он предстает скорее как народный (или *хаимский*, если использовать еврейское слово, которое так обожал Зефф) персонаж, чем как ренегат, гуру или хиппи. На фотографии, помещенной в книге 2004 года издания, улыбающийся Зефф в больших летных очках и в вязаном жилете, надетом поверх рубашки, выглядит скорее как любимый дядюшка, чем как изгой или мистик. Тем не менее он был и тем, и другим.

В 1961 году, когда Зефф (ему в ту пору было 49 лет), приняв сто микрограммов ЛСД, совершил свой первый «кислотный трип», он был терапевтом юнгианского толка, имевшим частную практику в Окленде. (Вероятно, первым, кто «подсадил его» на ЛСД, используя идиому самого Зеффа, был сам Столярофф.) Терапевт попросил его захватить с собой какой-нибудь предмет личного обихода, очень важный для него, поэтому Зефф принес с собой Тору. После того как ЛСД начал действовать, терапевт, он же «проводник», «положил Тору мне на грудь, и я мгновенно увидел себя сидящим на коленях у Бога. Он и я были одно».

Вскоре Зефф начал использовать различные психоделики и в своей терапевтической практике и быстро обнаружил, что эти лекарственные препараты помогают его пациентам прорваться сквозь возведенные ими психологические барьеры, вынося на поверхность глубоко похороненный

в недрах подсознания бессознательный материал, и достичь стадии духовного озарения, причем часто в ходе одного сеанса. Результаты, по словам Столяроффа, были такими «фантастичными», что, когда федеральное правительство в 1970 году включило психоделики в список запрещенных товаров, запретив их использование в любых направлениях и с любыми целями, Зефф моментально принял решение продолжать эту работу подпольно.

Это оказалось непросто.

— Много раз, отходя ко сну, я корчился в сильных муках, а утром просыпался — и вот тут-то как раз на меня и накатывало, — говорил Зефф своему другу. — «Джейкоб [псевдоним Зеффа], — сказал он мне, — скажи ради Бога, чего ты ждешь, подвергая себя воздействию всей это хрени? Нужно оно тебе!» После чего я смотрел на него и говорил: «Посмотри на этих людей. Посмотри, что происходит с ними». И спрашивал: «Стоит оно того?» <…> И неизбежно приходил к одному и тому же выводу: «Да, оно того стоит». <...> Через что бы ни пришлось пройти, это *стоит* того, чтобы добиться таких результатов!

За время своей долголетней профессиональной деятельности Зефф помог кодифицировать и привести в систему многие протоколы подпольной терапии, введя в обиход систему «соглашений», которые обычно заключают терапевты со своими клиентами, — это касается конфиденциальности мероприятий («строго секретно»), сексуальных контактов («запрещены»), неукоснительного следования указаниям терапевта во время сеанса («абсолютное послушание») и так далее — и разработав множество других церемониальных нюансов, как, например, традиция подавать участникам таблетки в чашке, — «очень важный символ опыта по преобразованию сознания». Зефф также описал причины отхода от обычной терапевтической практики, общие для большинства психоделических терапевтов. Он считал обязательным условием, чтобы терапевты на себе испробовали действие тех препаратов, которые они дают пациентам. (Официальные терапевты на такое не решаются и даже не допускают подобную возможность.) К тому же он был убежден, что терапевты не должны даже пытаться направлять ход психоделического трипа, а тем более манипулировать им, давая

возможность подопечным самим идти своим курсом и определять конечные цели. («*Оставь их в покое*!» — говорит он Майрону.) Терапевтам также вменялось в обязанность сбрасывать с себя маску беспристрастного аналитика, демонстрируя личностные свойства и эмоции и не чураясь выказывать клиенту, проходящему особо сложную стадию путешествия, знаки своего участия, такие, например, как прикосновения и объятия.

Во вступлении к переизданной книге Майрон Столярофф рассказывает о влиянии, которое оказали подпольные терапевты типа Лео Зеффа на всю эту область науки в целом, высказав предположение, что психоделические исследования, которые были возобновлены на законных основаниях в конце 1990-х годов, когда он писал предисловие, «явились результатом неофициальных данных, предоставленных подпольными терапевтами» (вроде Зеффа), так же как и психоделическими исследователями первой волны, работавшими в 1950-х и 1960-х годах. Исследователи, работающие в этом направлении в университетах и современных лабораториях, неохотно признают этот факт, что вполне понятно, однако взаимосвязь и обмен информацией между двумя мирами все же существует, как существуют и люди (их, правда, немного), которые осторожно снуют туда и обратно между этими мирами. Например, для обучения новой когорты психоделических терапевтов, которым предстояло провести пробные испытания психоделиков в лабораторных условиях, были приглашены несколько известных подпольных терапевтов. А когда команда врачей из медицинского центра Хопкинса захотела изучить роль музыки при проведении контролируемых сеансов с псилоцибином, они обратились за помощью к некоторым подпольным терапевтам и изучили их методы работы с музыкой.

Вплоть до 2010 года никто не имел ни малейшего представления о том, сколько подпольных терапевтов в Америке или чем конкретно они занимаются. Именно в этом году Джеймс Фадиман, психолог из Стэнфордского университета, принимавший участие в исследованиях, проводившихся Фондом прогрессивных исследований в Менло-Парке в 1960-е годы, прибыл на конференцию, посвященную развитию психоделической науки в районе залива. Конференция была организо-

вана Управлением по контрою за загрязнением атмосферы при поддержке Научно-исследовательского института Хеффтера, Фонда Бекли и Совета по духовным практикам Боба Джесси; все три — это некоммерческие организации, финансировавшие большинство психоделических исследований, проводившихся в то время. На конференцию (она проводилась в конференц-зале гостиницы *Holiday Inn* в Сан-Хосе, и там же жили участники) приехало более тысячи человек, в их числе несколько десятков ученых (они представили результаты своих исследований, дополняя их показом интерактивных слайдов), изрядное количество терапевтов, представлявших как университетскую среду, так и подполье, и великое множество «психонавтов» — людей всех возрастов, регулярно использующих психоделики в повседневной жизни с той или иной целью: духовной, терапевтической или «рекреационной». (Как постоянно мне напоминал Боб Джесси всякий раз, когда я использовал этот термин, «рекреационный» необязательно подразумевает легкомыслие, небрежность или отсутствие намерения. С чем я совершенно согласен.)

Джеймс Фадиман приехал на конференцию «о путях науки», чтобы прочитать доклад о значении контролируемого энтеогенического трипа. Ему было интересно, много ли среди присутствующих подпольных деятелей, поэтому он в конце доклада объявил, что завтра утром в 8.00 намечено собрание терапевтов.

— Я вытащил себя из постели в семь тридцать, ожидая, что увижу от силы пять человек, а их собралась целая сотня! Меня это потрясло.

Вряд ли у меня достанет смелости назвать эту разрозненную группу далеких друг от друга специалистов коммуной, сообществом, а уж тем более организацией; тем не менее на основании бесед с десятком из них я заключил, что все они профессионалы, которых объединяют сходные взгляды, похожая практика и общий для всех кодекс поведения. Вскоре после встречи в Сан-Хосе в Интернете появилась своеобразная «Википедия» — совместный сайт, где пользователи могли выкладывать документы и совместно разрабатывать новое содержание. (Документы и ссылки с этого сайта Фадиман включил в свою изданную в 2011 году книгу «*Справочник психоделического исследователя*».) Именно здесь я нашел два

особо для меня ценных предмета, а также несколько документов (на тот момент они находились еще в стадии разработки), которые в течение ряда лет нигде не публиковались; с другой стороны, «публичное разоблачение», тот есть упоминание сайта в книге Фадимана привело к тому, что его создатели тут же его закрыли или перенесли в другое место.

Первая находка — проект будущего устава: «Всячески поддерживать категорию глубоких, ценных переживаний, делая ее более доступной для все большего количества людей». Эти переживания фигурируют там под различными наименованиями: то как «объединяющее сознание», то как «недвойственное сознание», а кроме того, там же упоминаются и несколько не связанных с фармакологией практик, позволяющих достичь этих состояний, и среди них, в частности, медитация, техники голотропного дыхания и голодание. «Основным инструментом Терапевтов является здравомысленное использование того класса психоактивных веществ», которые известны под именем «мощных катализаторов духа».

Сайт предлагает будущим терапевтам различные виды документации (которую тут же можно вывести на печать), такие, как разбор юридических вопросов, пресс-коммюнике, этические соглашения и медицинские анкеты. («У нас нет надежной подстраховки, — с сардонической улыбкой сказал мне как-то один терапевт, — поэтому мы очень осторожны».) Здесь же дается ссылка, по которой можно отыскать и открыть «Этический устав духовных терапевтов», где говорится об опасностях, психологическом и физическом риске психоделических трипов, а также подчеркивается, что терапевт несет громадную долю ответственности за здоровье и благополучие клиента. Признавая тот факт, что в ходе «первичных религиозных практик участники могут быть особо восприимчивы к внушению, психической манипуляции и эксплуатации», устав провозглашает, что терапевту вменяется в обязанность рассказывать клиенту обо всех рисках, которым он подвергается во время психоделических странствий, заручаться его согласием, гарантировать конфиденциальность, заботиться о его безопасности и здоровье, «защищать его от… честолюбия» и саморекламы и равно относиться ко всем клиентам «безотносительно их платежеспособности».

Вероятно, самый полезный документ на сайте — это «Руководство для путешественников и терапевтов»*, где собран краткий свод собранных за полвека знаний и мудрости, касающихся того, как наилучшим образом подготовиться к психоделическому трипу и где даются полезные советы как участникам, так и их «проводникам». Здесь рассматриваются основные положения таких факторов, как установка и обстановка, психическая и физическая подготовка к сеансу, потенциальные взаимодействия препаратов, важность правильного формулирования своих намерений, сообщается, что ждет участника в ходе странствия (даются описания как приятных, так и кошмарных видений), описываются стадии, которые проходит «путешественник», указываются возможные сбои и препятствия, даются советы, как справиться со страхом и кошмарами, подчеркивается исключительная важность «восстановления психических и физических сил» после сеанса, и так далее, и так далее.

Что до меня, то, стоя на пороге подобных откровений, мне было утешительно знать, что подпольное сообщество психоделических терапевтов, состоявшее, на мой взгляд, из плеяды выдающихся индивидуумов, действовавших на свой страх и риск и по собственному разумению, — что это сообщество работало действительно профессионально, опираясь на имеющийся свод накопленных знаний, опыта и традиций, наработанных и полученных ими от пионеров этой отрасли, таких, как Эл Хаббард, Тимоти Лири, Майрон Столярофф, Станислав Гроф и Лео Зефф. У них были свои правила, свои устав и соглашения, а многие элементы их деятельности были более или менее узаконены.

Наткнувшись на этот сайт, я был восхищен и поражен тем, сколь далеко продвинулась культура психоделиков за прошедшие десятилетия. Мне показалось, что в этих документах, пусть и не в явной форме, содержится признание того, что этими сильнодействующими незаконными препаратами можно, конечно же, злоупотреблять (в сущности, так

---

* Подобное руководство можно найти также и в книге Джеймса Фадимана *«Справочник психоделического исследователя: безопасные, терапевтические и сакральные путешествия»* [James Fadiman, *The Psychedelic Explorer's Guide: Safe, Therapeutic, and Sacred Journeys* (Rochester, Vt.: Park Street Press, 2011).]

оно и было), но если уж назрела необходимость направить их в более полезное русло, на общее благо, для них требуется некий культурный регламент, куда входили бы протоколы, правила и ритуалы, образующие в совокупности некий аполлонический противовес для отвода их дионисийской силы. Современная медицина, с ее испытаниями, проводящимися под жестким контролем ученых, с ее врачами в белых халатах и ее руководством по диагностике и статистике психических расстройств, предлагает один регламент, а подпольные терапевты — другой.

* * *

Тем не менее первые два терапевта, с которыми мне довелось беседовать, не удостоились моего доверия. Возможно потому, что я был новичком в этой области и сильно нервничал в преддверии предстоящего путешествия в неведомое, однако что-то в их разглагольствованиях насторожило меня: в них слышались сигналы тревоги, при звуках которых мне захотелось рвануть в противоположную сторону.

Андрей, румын по происхождению, мужчина лет шестидесяти, имевший за спиной несколько десятилетий психотерапевтической практики, был первым терапевтом, с которым мне посчастливилось разговаривать; мне удалось выйти на него, потому что он когда-то работал с другом друга одного моего друга. Мы встретились в его офисе, располагавшемся в скромном районе, состоявшем сплошь из небольших бунгало и аккуратных газонов в одном из городков на северо-западном побережье Тихого океана. Написанная от руки вывеска на двери извещала о том, что посетителям необходимо разуться и подняться по лестнице, где они попадали в тускло освещенную приемную, одну из стен которой украшал так называемый килим — шерстяной безворсовый ковер.

На столе вместо кипы старых журналов вроде *People* или *Consumer Reports* я обнаружил целый алтарь, уставленный священными предметами и артефактами, заимствованными из великого множества культур: здесь были статуэтка Будды, кристалл, воронье крыло, медная чашка для благовоний, веточка шалфея и многое другое. А позади стояли две фотографии в рамках; на одной был снят не известный мне

индийский гуру, а на другой — известная мне мексиканская знахарка Мария Сабина.

С такой обескураживающей картиной я, надо сказать, столкнулся не в первый, да и не в последний раз. В сущности говоря, у всех терапевтов, с которыми я встречался, в комнатах, где они работали и принимали клиентов, имелся подобный алтарь, имевший прикладную цель: если помните, клиентов, готовящихся отправиться в психоделический трип, часто просили захватить с собой дорогой для них предмет, который затем жертвовался на алтарь. От чего меня так и подмывало отмахнуться (ибо пестротой это напоминало шведский стол, уставленный цацками Нового Века равных возможностей, к которым я в конце концов начал относиться с большей симпатией), так это от материальных выражений синкретизма, доминировавшего в психоделическом сообществе. Представители это сообщества в любом формальном смысле больше тяготели к духовности, нежели к религии, фокусируясь на общей для всех религий мистической сердцевине («космическом сознании»), которая, по их представлению, составляла основу различных религиозных традиций. Поэтому то, что показалось мне набором разношерстных духовных символов, является по сути различными средствами выражения или толкования все той же непреложной духовной реальности, той «неувядаемой философии», которая, как утверждал Олдос Хаксли, лежит в основе всех религий и к которой психоделики, как предполагается, могут вывести человека напрямую.

Через несколько минут в приемную вошел Андрей, и когда я встал с намерением протянуть ему руку для рукопожатия, он, к полной моей неожиданности, заключил меня в медвежьи объятия. Андрей был крупным мужчиной с копной наспех причесанных седых волос; поверх желтой майки на нем была надета рубашка в голубую клетку, из-под которой выпирал объемистый живот. Он говорил с сильным акцентом и каким-то образом умудрялся казаться одновременно любезным и обескураживающе грубым.

Андрей впервые свел знакомство с ЛСД в возрасте двадцати одного года, вскоре после возвращения из армии; друг прислал ему из Америки дозу порошка, и то, что он пережил под его влиянием, в корне изменило всю его жизнь: «Я вдруг

осознал, что мы живем в весьма ограниченном пространстве того, что является жизнью». Осознание этого толкнуло его серьезно заняться изучением восточных религий и западной психологии, которое увенчалось докторской степенью в области психологии, полученной в Бухарестском университете. Когда его духовно-психические изыскания оказались под угрозой срыва из-за того, что им заинтересовались румынские спецслужбы, он «решил, что пришло время сделать свой собственный выбор» и сбежал за границу.

Так Андрей оказался в Сан-Франциско, привлеченный туда слухами о том, что именно там находится «первая аспирантура движения нью-эйдж» — Калифорнийский институт интегральных исследований. Основанный в 1968 году как учреждение, областью специализации которого является «трансперсональная психология», институт представляет собой своеобразную школу терапии с ярко выраженной духовной ориентацией, опирающейся на труды Карла Юнга и Абрахама Маслоу, так же как и на «традиции мудрости» Востока и Запада, включая целительские практики индейцев Северной Америки и шаманизм южноамериканских племен. Многие годы на этом факультете проработал Станислав Гроф, главный пионер в области трансперсональной и психоделической терапии. В результате в 2016 году институт начал предлагать первую в стране программу обучения психоделической терапии с вручением дипломов по ее окончании.

Андрею пришлось, в рамках своей дипломной программы, пройти курс психотерапии и изучить основы знахарства североамериканских индейцев, чем он и занимался сначала в регионе Четырех углов, а затем в районе залива.

— Ого-го! — воскликнул он, вспоминая. — Мне ведь до этого уже пришлось иметь дело с ЛСД, поэтому я знал, что оно [знахарство] жизнеспособно.

Так знахарство стало его призванием.

— Я помогаю людям понять, кто они такие, чтобы они могли жить полной жизнью. Я привык работать с теми, кто ко мне приходит, но некоторые из них, надо сказать, полное дерьмо. Если ты на грани психоза, эта работа может помочь тебе перешагнуть через него. Но чтобы отделаться от него, а затем суметь снова вернуться в привычные границы, нужно сильное эго. Был у меня однажды один трудный клиент,

который подал на меня в суд, обвинив в том, что у него, мол, из-за меня началась ломка. После этого я решил, что больше работать с сумасшедшими не буду. И вскоре после того, как я это решил и объявил свое решение Вселенной, они перестали ко мне приходить. — (В эти дни он работал с молодыми людьми из мира технологий.) — Я опаснейший вирус в Кремниевой долине. Они приходят ко мне и спрашивают: «Что ты здесь делаешь? Гоняешься, как заяц, за золотой морковкой в золотой клетке?» Но многие из них идут дальше и занимаются чем-то более осмысленным в своей жизни и саму жизнь делают более осмысленной. [Пережитое] открывает им двери в духовную реальность.

Трудно сказать, что именно помешало мне работать с Андреем, но, как это ни странно, это был не столько нью-эйджевский спиритуализм, сколько его беспечное отношение к процессу, который я все еще считал экзотическим и страшным.

— Я не играю в психотерапевтические игры, — сказал мне Андрей томным голосом, чем-то напоминая толстого парня, стоящего за прилавком отдела деликатесов и заворачивающего мне сандвич. — Все это пустое! В традиционной психологии никто никого не обнимает. А я обнимаю. Я дотрагиваюсь до них. Я даю советы. И заставляю людей стоять с нами в лесу. — (Он работает с клиентами не у себя в офисе, а на природе, в лесах Олимпийского полуострова.) — Но все это под запретом и чревато большим бо-бо. — Он пожал плечами, словно говоря: «Ну и что с того?»

Я поделился с ним моими страхами. Все это ему известно, махнул он рукой.

— Возможно, ты не получишь то, чего хочешь, — сказал он мне, — зато получишь то, что тебе нужно. — Я мысленно поперхнулся. — Самое главное — отдаться на волю процесса, даже если он идет с трудом. Уступи своему страху. Самые большие страхи, донимающие человека, — это страх смерти и страх безумия. Остается только одно — уступить им. Поэтому уступи! Сдайся!

Андрей назвал два самых больших страха, которые владели мной тогда, но уступить им, сдаться… Это проще сказать, чем сделать.

Я понимал, что мне, возможно, нужен терапевт, выказывающий чуть больше чуткости, нежности и терпения,

и надеялся встретить такого терапевта, однако я не был до конца уверен, что Андрей с его грубыми манерами мне не подойдет. Он умен, обладает немалым опытом, он готов работать со мной. Но затем он рассказал мне историю, которая решила исход дела.

Однажды он работал с мужчиной моего возраста, который под воздействием псилоцибина вбил себе в голову, что у него был сердечный приступ.

— «Я умираю, — сказал он. — Позвони в службу спасения! Я чувствую это, сердцем чувствую!» Я сказал, чтобы он сдался на милость смерти. Еще святой Франциск говорил, что в смерти обретаешь вечную жизнь. Когда понимаешь, что смерть — это лишь очередной опыт, иная реальность, то и не о чем беспокоиться.

Хорошо, ну а что, если у него действительно был сердечный приступ? Там, в лесах Олимпийского полуострова? Андрей сказал, что один начинающий терапевт, проходивший обучение под его руководством, «как-то спросил меня: „Что делать, если кто-то умрет?“» Не знаю, какого ответа я ждал от Андрея, но его ответ, который он огласил с присущим ему небрежным пожиманием плечами (мол, ну и что с того?), меня просто ошарашил:

— Похорони его вместе с другими мертвецами.

Я сказал Андрею, что буду с ним на связи, и ретировался.

Вскоре я убедился, что психоделическое подполье населено великим множеством подобных колоритных персонажей, к которым я, однако, не испытывал особого доверия и которым не желал бы вверить свое сознание — или, в данном случае, любую часть моего «я». Сразу после встречи с Андреем я имел встречу с еще одним перспективным терапевтом, блестящим психологом лет восьмидесяти, который обучался в Гарварде у самого Тимоти Лири. Его знанию психоделиков можно было позавидовать; количество его грамот и сертификатов впечатляло; его горячо рекомендовали люди, которых я уважал. И тем не менее, когда во время нашего совместного обеда в тибетском ресторанчике недалеко от его офиса он вдруг снял свой галстук-шнурок с серебряной застежкой и повесил его на доску с меню, я начал терять уверенность в том, что это именно тот человек, который мне нужен. Перехватив мой взгляд, он объяснил, что при выборе

блюд полагается на энергии, высвобождаемые маятниковым раскачиванием серебряной застежки: мол, это помогает ему выбрать блюдо, полностью согласующееся с пищеварением, свойственным его нраву и темпераменту. Я уже забыл, на какое именно блюдо указал его галстук, но еще до того, как он начал распространяться, что теракт 9 ноября был спланирован нашими же спецслужбами, дескать, все на это указывает, я уже знал, что мои поиски нужного мне терапевта еще далеки от завершения.

* * *

Принимать психоделики, когда тебе уже под шестьдесят, совсем не то, что пробавляться ими, когда тебе всего восемнадцать или двадцать лет; существенная разница в том, что когда тебе шестьдесят, ты, скорее всего, обратишься к кардиологу, прежде чем пуститься в рискованное путешествие. То же было и со мной. За год до того, как я решился на эту авантюру, мое сердце, самый надежный советчик, на безотказную работу которого я полностью полагался в таком вопросе, как этот, неожиданно дало о себе знать и впервые в жизни привлекло к себе мое внимание. Сидя за компьютером однажды вечером, я вдруг почувствовал в груди ярко выраженный и безумно синкопированный новый сердечный ритм.

«Мерцательная аритмия» — констатировал врач, внимательно изучив ломаные закорючки на моей электрокардиограмме. Опасность мерцательной аритмии не в том, что она приводит к сердечному приступу, сказал он к моему облегчению (правда, мимолетному), а в том, что она повышает риск паралича. «Мой кардиолог» — вероятно, это печальное выражение теперь уже надолго вошло в мой словарный запас — выписал мне пару медикаментов, успокаивающих сердечные ритмы и понижающих кровяное давление, плюс упаковку детского аспирина (который я должен был принимать ежедневно) для разжижения крови. «Ничего страшного, забудьте об этом», — заявил он напоследок.

Я последовал его совету — во всем, кроме последних слов. Чего-чего, а забыть я не смог и с тех пор постоянно думал о своем сердце. Вся его деятельность, до той поры полностью пребывавшая вне сферы моего осознания, вдруг сделалась

предметом моего пристального внимания: всякий раз, когда я думал проверить то, что, как мне казалось, я слышал и чувствовал, именно таковым оно и оказывалось. Понемногу мерцающая аритмия исчезла и больше не возобновлялась, но к этому времени рекогносцировка моего бедного сердца вышла из-под моего контроля, так что и многие месяцы спустя я по-прежнему ежедневно измерял свое кровяное давление и, перед тем как лечь спать, прислушивался к признакам вентрикулярного эксцентриситета или, проще говоря, сбоев в работе желудочков. Прошли месяцы (без всякого паралича или удара), прежде чем я снова стал доверять своему сердцу и предоставил ему работать без надзора за ним с моей стороны. К счастью, постепенно его деятельность пришла в норму и вновь сместилась на периферию моего сознания.

Я рассказываю обо всем этом, чтобы объяснить, почему, прежде чем пуститься в психоделическое странствие, я обратился к кардиологу. Врач-кардиолог был примерно моего возраста, так что слово «псилоцибин», или «ЛСД», или «МДМА» не особенно его шокировало. Я поведал ему о своих намерениях и спросил, не противопоказан ли мне какой-нибудь из этих препаратов, принимая во внимание мои проблемы с сердцем, и нет ли риска, что выписанные им лекарства осложнят процесс взаимодействия с психоделиками. Насчет психоделиков он не особенно беспокоился, ведь действие большинства из них концентрируется лишь на сознании, практически не воздействуя на сердечно-сосудистую систему, но от одного из упомянутых мной препаратов он посоветовал мне отказаться. Это был МДМА, также называемый в народе «экстази» или «Молли», находившийся с середины 1980-х годов, когда он был особенно популярен у тусовочной молодежи, в списке запрещенных медикаментов.

Препарат 3,4-метилендиоксиметамфетамин — это классический психоделик (он воздействует на различные рецепторы мозга, но при этом не вызывает сильных зрительных эффектов), и некоторые из терапевтов, с которыми мне довелось беседовать, заявили, что он является неизменным атрибутом их терапевтической деятельности. Иногда называемый эмфатогеном, МДМА снижает психологическую защиту и помогает выстроить мгновенную связь между пациентом и терапевтом. (Лео Зефф был одним из первых, кто начал

использовать МДМА в 1970-х годах, после того тот стал особо популярным, потому как был широко разрекламирован его друзьями — легендарным химиком из района залива Сашей Шульгиным и его женой терапевтом Анной Шульгиной.) Терапевты говорили, что МДМА особенно хорош для «ломки льда» и установления доверительных отношений между клиентом и врачом до начала психоделического трипа. (Один из них сказал: «Он сжимает годы психотерапии до рамок одного вечера».) Но, как свидетельствует его научное название, МДМА — это амфетамин, поэтому он химически все же воздействует на сердце так, как не воздействует ни один другой психоделик. Я был немного разочарован тем, что кардиолог выбраковал МДМА из моего списка, но при этом радовался тому, что он все же дал зеленый свет прочим моим психоделическим планам.

ПЕРВЫЙ ТРИП: ЛСД

Что касается первого терапевта, на которого пал мой выбор, то ничто в его жизни не характеризует его с благоприятной стороны, по крайней мере на бумаге. Он жил и работал далеко от психоделического, да и терапевтического сообщества, в горах американского Запада, не имел телефонной связи, зато имел собственный генератор, снабжавший его электричеством, качал насосом воду из горных источников, выращивал собственные овощи и поддерживал связь с людьми через весьма капризный спутниковый Интернет. Мне пришлось расстаться с мыслью проводить сеанс где-нибудь поблизости от больницы или госпиталя, то есть в пределах быстрой доставки в отделение неотложной помощи. К тому же сюда примешивался тот факт, что сам я был родом из еврейской семьи, которая однажды отказалась покупать машину на том основании, что она была сделана в Германии, а он был немцем шестидесяти лет, да к тому же сыном нациста: его отец во время Второй мировой войны служил в рядах СС. Теперь вы понимаете, что меня как человека, который много наслышан о роли установки и обстановки и утвердился в важности этих факторов, ни одна из этих частностей его жизни особо сильно не вдохновляла.

Тем не менее я влюбился в Фрица с первого взгляда, как только он вышел из дому, чтобы поприветствовать меня (что он и сделал, широко улыбаясь и заключив меня в теплые объ-

ятия, к чему я уже привык), когда я въехал во взятой напрокат машине в его удаленный лагерь. Лагерь напоминал опрятный деревенский хуторок: к хозяйскому дому примыкала пара пристроек поменьше, дальше располагались восьмиугольная юрта и два ярко раскрашенных флигеля, выстроенных на поляне, расчищенной на гребне густо поросшей деревьями горы. Сверяясь с картой, которую мне прислал Фриц (он ее начертил сам, поскольку эта территория была настоящей terra incognita в глобальной системе позиционирования), я проехал несколько миль по грязной, пыльной дороге, пролегавшей через унылый ландшафт, образуемый отвалами земли и строениями заброшенный шахты, и затем начал подниматься по склону вверх, углубившись в темный лес, состоявший из кипарисов и желтых сосен с гладкой корой цвета свежей крови, пространство между которыми было заполнено плотным кустарником, в основном толокнянкой обыкновенной. Короче говоря, я забрался в самую глушь.

Фриц являл собой запутанный клубок противоречий и вместе с тем был очень сердечным и, видимо, счастливым человеком. Густой порослью седых волос, разделенных пробором посередине, и массивной мускулистой фигурой, начавшей немного сдавать под тяжестью годов, он в свои 65 лет сильно напоминал одного европейского киноактера, к счастью, набравшегося изрядной мудрости. Он родился и вырос в Баварии и был сыном запойного алкоголика, который служил в рядах СС и состоял телохранителем при культурном атташе, отвечавшем за постановку опер и других развлекательных мероприятий для немецкой армии, — своего рода нацистское Общество по организации досуга военнослужащих. Позднее, когда отец вернулся с войны контуженым (он сражался под Сталинградом, но чудом выжил), Фриц рос под унылой сенью его несчастий и пораженческих настроений, разделяя чувства стыда и гнева со многими сверстниками, принадлежавшими к послевоенному поколению.

— Когда за мной пришли посыльные из военкомата [чтобы забрать в армию для прохождения воинской службы], — рассказывал он, когда мы тем солнечным вечером сидели за кухонным столом, попивая горячий чай, — я сказал им, чтобы они убирались к чертям собачьим, и они, естественно, бросили меня в тюрьму.

Вынужденный отслужить определенный срок в армии, Фриц дважды представал перед военным трибуналом — один раз за то, что сжег свою военную форму. Он провел много месяцев в одиночном заключении, читая Толстого и Достоевского и замышляя революционный переворот с сидевшим в соседней камере маоистом, с которым он переговаривался через фановую трубу унитаза.

— Самый яркий момент в моей тюремной жизни — это когда я дал охранникам попробовать «оранжевое солнце»*, присланное мне другом из Калифорнии.

В университете он изучал психологию и там же пристрастился к ЛСД, который он добывал у американских солдат из группы войск, дислоцированный в Германии.

— По сравнению с ЛСД Фрейд просто шутник. Для него биография человека — всё. Ему не нужен был мистический опыт.

От Фрейда Фриц перешел к Юнгу и Вильгельму Райху, которого он называет «своим героем». Заодно он обнаружил, что ЛСД — очень эффективный инструмент, позволявший ему не только исследовать глубины собственной психики, но и еще раз познать чувства гнева и подавленности, пережитые им в юности, а затем освободиться от них.

— После этого света в моей жизни стало куда больше. Что-то изменилось.

Как и в случае со многими терапевтами, с которыми мне приходилось встречаться, мистические озарения, пережитые Фрицем под действием психоделиков, привели его к длительным духовным поискам, увенчавшимся тем, что они «изрядно встряхнули мой линейный эмпирический ум», открыв перед ним перспективу прошлых жизней, а также возможность телепатии, предвидения и «синхронности», переворачивающей с ног на голову все наши представления о пространстве и времени. Немало времени он провел в ашрамах индийских гуру, где был свидетелем странных сцен, ставших прообразом его психоделических трипов. Однажды, уже в Германии, занимаясь любовью с одной немкой (оба практиковали тантризм), он пережил состояние

* Разновидность ЛСД, нелегально изготовлявшаяся в виде таблеток оранжевого цвета. — *Прим. перев.*

выхода из тела и, зависнув где-то под потолком, наблюдал оттуда за действиями обоих.

— Эти препараты показали мне, что и в самом деле существует нечто невиданное, невероятное. Не думаю, однако, что это что-то магическое или сверхъестественное. Это некая техника сознания, которую мы пока еще не понимаем.

Обычно, когда кто-нибудь начинает разглагольствовать о надличностных измерениях сознания и «морфогенетических полях», я проявляю нетерпение, но с Фрицем все было иначе: что-то было в нем такое, что делало подобные разговоры если не убедительными, то, по крайней мере... провокационными. В обезоруживающе скромной, даже приземленной манере ему удалось выразить и донести до меня самые заумные идеи и представления. У меня сложилось впечатление, что у него не было в жизни иной цели, кроме как удовлетворить собственное любопытство, и для этого годились все средства, будь то психоделики или книги о паранормальных явлениях. У некоторых людей сам факт того, что они пережили нечто мистическое, ведет к тому, что их эго непомерно раздувается, подводя их к убеждению, что им в личное владение дан ключ к тайнам Вселенной. Вот так и появляются гуру. Уверенность в своем предназначении и снисходительность к простым смертным, которые у них при этом появляются, порой делают этих людей просто невыносимыми. Но Фриц — иное дело. Наоборот, его потусторонние переживания сделали его более смиренным, более открытым к новым возможностям и тайнам, нисколько не ослабляя его скептицизма и не лишая радостей повседневной жизни на *этой* земле. В нем не было ничего эфемерного. Поэтому я сам удивился тому, что сильно полюбил Фрица с первого же момента нашей встречи.

Прожив пять лет в одной баварской коммуне («Мы стремились исправить хотя бы часть того ущерба, который был нанесен послевоенному поколению»), он в 1976 году отправился в паломничество в Гималаи, где познакомился с женщиной из Калифорнии и последовал за ней в Санта-Круз. Здесь он попал на ту благодатную почву, на которой произрастал весь человеческий потенциал Северной Калифорнии, поэтому развитием своего потенциала он и занялся, испробовав себя в разных ипостасях: одно время он заведовал центром медитации, основанным и руководимым индийским гуру по имени Раджнеш,

затем занялся массажем (включая глубокий массаж тканей и рольфинг), затем райхианской и гештальттерапией и даже архитектурно-ландшафтным проектированием, чтобы оплатить накопившиеся долги. Когда в 1982 году, вскоре после смерти отца, на курсах голотропного дыхания в Эсалене он познакомился со Станиславом Грофом, который вел эти курсы, то почувствовал наконец, что в его лице обрел настоящего отца. Под руководством Грофа на этих курсах Фриц «пережил нечто столь же сильнодействующее, как и любой психоделик. Вдруг, ни с того ни с сего я пережил момент своего рождения — увидел мать, рожавшую меня. Пока происходили роды, я словно на огромном широкоформатном экране увидел бога Шиву, создающего и разрушающего миры. И все в группе захотели того же!» Таким образом, к массажу он добавил еще одну практику — голотропное дыхание.

Вместе с Грофом Фриц провел в Северной Калифорнии и Британской Колумбии серию интенсивных многолетних тренировок. Во время одной из них он встретил свою будущую жену, клинического психолога. Систему голотропного дыхания преподавал сам Гроф; он же и разработал этот нефармакологический метод после того, как психоделики были объявлены вне закона. Но Гроф, по словам Фрица, делился с группой избранных не только секретами дыхания, но и своими глубокими знаниями по теории и практике психоделической терапии, тактично и осторожно передавая эти методы новому поколению. Несколько человек из этой группы, включая Фрица и его будущую жену, со временем стали психоделическими терапевтами, занимаясь этим видом терапии подпольно. Она работает с женщинами, которые приезжают к ним сюда, в горы, а он — с мужчинами.

— На этом много не заработаешь, — сказал мне Фриц. И в самом деле, за трехдневный сеанс, включая жилье и стол, он взял с меня только 900 долларов. — Во-первых, это незаконно, а во-вторых, опасно. Человек ведь может сойти с ума. Поэтому много денег на этом не заработаешь. Но я целитель, и эти препараты *действительно* эффективны.

Но и без того было совершенно ясно, что это его призвание и что он любит свою работу — любит наблюдать за тем, как люди на его глазах претерпевают глубочайшие изменения и преображаются.

* * *

Фриц рассказал, что меня ждет, если я соглашусь работать вместе с ним. Я должен буду возвратиться сюда через три дня, а ночевать буду в восьмиугольной юрте, где и будет происходить «сама работа». Первый день будет разминочным и будет посвящен более обстоятельному знакомству, при этом мне дается выбор: либо принять МДМА, либо провести сеанс голотропного дыхания. (Естественно, я выбрал голотропное дыхание, объяснив ему, чем обусловлен мой выбор.) Это даст ему возможность пронаблюдать за тем, как я воспринимаю измененное состояние сознания и как справляюсь с ним, а на следующий день, утром, он даст мне ЛСД и отправит меня в психоделическое странствие.

Я спросил его, уверен ли он в чистоте и высоком качестве используемых препаратов, поскольку они поступают от нелегальных производителей. Как только приходит новая партия товара, объяснил Фриц, «я сначала проверяю их на чистоту, а потом, прежде чем дать кому-то, сам принимаю пробную дозу, чтобы убедиться, насколько она качественна». Пусть это и не сертификат Управления по санитарному надзору с печатью «одобрено», подумал я, но все же лучше, чем ничего.

Когда Фриц работает с клиентами, он «чист», то есть не принимает препарат, но он поддерживает с ними психическую связь и часто получает от них «эфирные послания». Во время сеанса он ведет наблюдения, делает записи, ставит музыку и примерно каждые 20 минут проверяет состояние клиента.

— Если я спрошу вас о чем-то, то не где вы находитесь, а как себя чувствуете, — сказал он. — Я здесь только ради вас, ради того, чтобы, так сказать, создавать атмосферу покоя, поэтому вам не о чем и не о ком беспокоиться. Ни о жене, ни о детях. Отпустите все эти проблемы и — *вперед*!

Вот еще одна причина, почему я хотел проводить сеансы под руководством терапевта. С того самого момента, когда мы с Джудит прошлым летом отведали волшебных грибов и весь день пребывали в эйфории, тень беспокойства по поводу ее самочувствия то и дело омрачала безмятежность моих странствий, заставляя держаться как можно ближе к поверхности. В той мере, в какой мне была ненавис-

тна вся эта психическая болтовня, в той же мере мне была по душе мысль о том, что кто-то заботится обо мне, «создавая атмосферу покоя».

— Вечером в предпоследний день я попрошу вас, прежде чем вы отправитесь спать, сделать кое-какие записи. А утром мы сравним записи и постараемся интегрировать и осмыслить пережитое вами. Затем я приготовлю роскошный завтрак, после чего вы будете готовы к переходу в нормальное состояние.

Мы договорились о времени моего возвращения, и я уехал.

* * *

Первое, что я узнал о себе в первый же вечер, когда мы с Фрицем работали в юрте, что я «слишком податлив», то есть восприимчив к трансу, совершенно новому для меня психическому пространству, в которое я вхожу за счет небольшого сдвига в системе дыхания. Как говорится, хуже не придумаешь!

Наставления, которые давал Фриц, были просты и прямолинейны:

— *Дышите глубоко и часто, а в конце сделайте сильный выдох*. Поначалу это состояние покажется неестественным, поэтому вам придется сконцентрироваться на ритме и поддерживать его, но через несколько минут тело освоится с ним и будет поддерживать его уже автоматически.

Надев наглазники, чтобы не мешал свет, я вытянулся на матрасе, а Фриц тем временем поставил музыку, какие-то первобытные общинно-родовые или племенные ритмы, отбиваемые непрестанной дробью барабанов. Рядом со мной он поставил пластиковое ведро, сказав, что людей иногда тошнит и рвет.

Да, это была трудная работенка. Поначалу дышать таким учащенным, насильственным образом действительно казалось чем-то неестественным, даже несмотря на весь энтузиазм и ободрения Фрица, но затем тело как-то вдруг освоилось с этим ритмом, и я вскоре убедился, что для поддержания скорости и темпа даже не требуется о них думать. Было такое ощущение, словно я освободился от силы земного притяжения и вышел на заданную орбиту: глубокие, с долгими паузами, вдохи и выдохи следовали один за другим сами, автомати-

чески. Но теперь я почувствовал неконтролируемое желание начать двигать руками и ногами в такт пульсации барабанов, которое отдавалось в моей грудной клетке новым мощным сердцебиением. Я чувствовал, как этот ритм завладевает мной, им были одержимы и тело мое, и сознание. Помню, меня посещали какие-то смутные мысли, но запомнил я только одну: «Ого! Что бы это ни было, но это действует!»

Я лежал на спине, конвульсивно дергая руками и ногами в такт барабанному ритму и полностью отдавшись музыке. Не я контролировал свое тело, а музыка. Это немного походило на религиозный экстаз или на то, что я за таковой принимал, с той лишь разницей, что моими сознанием и телом владела какая-то внешняя сила, распоряжавшаяся ими с какой-то своей, неясной мне целью.

Никаких особых зрительных образов перед моим внутренним взором не возникало, мной лишь владело незамутненное радостное возбуждение, пока вдруг я не увидел себя сидящим на большой черной лошади, скачущей во весь опор по лесной дороге. Я сидел на ней, почти приникнув к ее голове, подобно жокею, и изо всех сил вцепившись в гриву, в то время как бугры ее мышц при каждом скачке так и ходили подо мной взад и вперед. По мере того как я приноравливался к ритму бега лошади, сила и мощь животного как бы вливались в меня, создавая у меня ощущение полного сродства с моим телом, как будто я очнулся в нем впервые. Но в то же время, не будучи прекрасным наездником (или танцором!), я ощущал себя не очень уверенно, так что, случись перебой в ритме дыхания или сердцебиения, я непременно тут же свалился бы с лошади.

Не знаю, как долго длился этот транс, потому как ощущение времени полностью исчезло, но когда Фриц осторожно вернул меня к действительности настоящего момента (он этого добился, заставив меня дышать более медленно и не так натужно), он сообщал, что я находился «в нем» один час пятнадцать минут. Я был раскрасневшийся, весь в поту, но чувствовал себя победителем, словно только что пробежал марафонскую дистанцию; Фриц сказал, что я «прямо-таки лучусь светом» и «свеж, как младенец».

— Главное, вы не сопротивлялись, — одобрительно сказал он, — а это добрый знак.

Я тогда не понимал, что происшедшее за этот час вмещало в себя нечто гораздо большее, чем просто скачка на лошади, но я это почувствовал, потому как пережитое каким-то образом полностью раскрепостило меня физически. Я от чего-то избавился, освободился, с меня был снят какой-то неведомый груз, и в результате я почувствовал себя бодрым и оживленным. И присмиревшим перед лицом этого таинства, потому как здесь была задействована (цитируя Уильяма Джеймса) одна из «форм сознания, совершенно отличная» от обычного сознания и все же неотделимая от него; от обычного бодрствующего сознания она отличалась лишь... чем? Эх, если бы только знать!

Затем случилось нечто непредвиденное и пугающее. Когда Фриц вышел из дома, чтобы приготовить нам ужин, а я, раскрыв ноутбук, собирался записать туда пережитое мной, я вдруг почувствовал, как мое сердце дрогнуло и всколыхнулось, а затем заколотилось как бешеное. Я мгновенно распознал это чувство турбулентности — симптом мерцательной аритмии — и пощупал пульс: он был сумасшедшим. Словно в моей грудной клетке билась в панике птица, бросаясь на ребра-прутья в стремлении вырваться из нее, а я в это время находился неведомо где, посреди пустоты, в десятках миль от хоженых троп.

Это аномальное сердцебиение продолжалось без малого два часа, потому и ужин протекал в состоянии тревоги и подавленности. Фриц выглядел озабоченным; за те сотни сеансов голотропного дыхания, которые он сам проводил и в которых участвовал, он никогда не сталкивался с подобной реакцией. (Во время нашей с ним беседы он припомнил только один случай смертельного исхода, якобы связываемый с голотропным дыханием, но у пострадавшего была ярко выраженная аневризма.) Я начал беспокоиться насчет завтрашнего дня: что меня ждет? И думаю, он тоже был обеспокоен. Хотя вполне резонно предполагал, что моя аритмичная сердечная деятельность и связанные с ней ощущения, должно быть, отражают некий психический сдвиг или «процесс раскрытия сердца». Впрочем, я воспротивился предложенной метафоре, твердо придерживаясь чисто физиологической плоскости: *сердце — это насос, и насос этот работает с перебоями*. Мы обсудили план на завтра. Фриц предложил уменьшить дозу препа-

рата. «Слишком уж вы восприимчивы, — сказал он, — и чтобы улететь, много вам не надо». Я возразил, что в таком случае я вообще могу отлететь, причем навсегда. И затем, опять же неожиданно, как неожиданно и началось, я почувствовал, как мое сердце успокаивается, вновь входя в накатанную колею привычного ритма.

Той ночью я почти не спал, потому как в голове моей крутился один и тот же вопрос: не будет ли с моей стороны безумием, если утром я продолжу свою затею с ЛСД? *Ведь я могу умереть во время сеанса, и не поступлю ли я глупо, решившись на него*? Но насколько мне грозит опасность и грозит ли вообще? Теперь сердце мое в полном порядке, и, насколько я могу судить из прочитанного мной, ЛСД в большей или меньшей степени воздействует лишь на мозг, не затрагивая сердечно-сосудистую систему. Впрочем, если оглянуться назад, можно сказать с определенностью: если такой физически трудный процесс, как голотропное дыхание, и выбил мое сердце из привычной колеи, то это имело свой резон*. Да, я мог бы перенести свое путешествие в неизведанное на другой раз, но сама мысль об этом сокрушала меня, вызывая неодолимое разочарование. Я зашел слишком далеко, мне даже удалось украдкой на миг заглянуть в иное состояние сознания, и оно так меня заинтриговало, что, несмотря на все свои опасения, я был исполнен страстного желания исследовать его еще глубже.

Этот горячечный спор с самим собой продолжался всю ночь, я перебегал от одного к другому, взвешивал все «за» и «против», но к тому времени, когда солнце встало, пронизав своими лучами иглы восточных сосен, я решился окончательно. За завтраком я сказал Францу, что чувствую себя хорошо и хочу продолжить работу. Мы, однако, сошлись на том, что умеренной дозы — ста микрограммов — будет вполне достаточно, но через час или два, если у меня будет желание, я смогу принять дополнительную дозу.

---

* Впоследствии я узнал, что гипервентиляция легких, достигаемая при голотропном дыхании и играющая там определенную роль, меняет содержание CO_2 в крови, что у некоторых людей может вызывать аритмию сердца. То, что мне представлялось физиологически качественной альтернативой МДМА, на деле таковой не оказалось; даже и без лекарственного препарата можно так изменить химический состав крови человека, что под воздействием этого изменения нарушится сердечный ритм.

Фриц отправил меня прогуляться, чтобы я освежил свою голову, а заодно еще раз обдумал свои намерения, а он тем временем вымыл посуду и подготовил юрту к сеансу. Я бродил по лесу целый час; прошедший накануне ночью дождь освежил его, очищенный воздух был полон запахами кедра, а лишенные коры красные ветки толокнянки прямо-таки светились в лучах солнца. Фриц велел мне во время прогулки подыскать какой-нибудь предмет для алтаря. Пока я ходил и подыскивал, я решил, что попрошу Фрица: пусть он даст мне слово, что, если что-то пойдет не так, он тут же позвонит в службу спасения и призовет их на помощь.

Примерно в десять утра я вернулся в юрту с листом толокнянки и гладким черным камешком в кармане, а также с твердым намерением узнать о себе все, что только смогу вынести из своего путешествия в неведомое. К моему приходу Фриц разжег огонь в печи, и помещение начало прогреваться до комфортной для тела температуры. Кроме того, он передвинул матрас, положив его так, чтобы громкоговорители были как раз напротив моей головы. Низким размеренным голосом он начал говорить о том, к чему мне следует быть готовым в процессе путешествия и как справляться с различными трудностями, которые могут возникнуть в ходе его: «паранойей», призраками, жуткими местами, чувством, будто сходишь с ума или умираешь, и так далее.

— Это как если бы вы увидели перед собой горного льва, — сказал он. — Если побежите, лев бросится на вас. Поэтому стойте на месте.

Это напомнило мне кое-какие «предполетные инструкции», которые терапевты в медицинском центре Хопкинса втолковывали своим пациентам: мол, если появится чудовище, не поворачивайтесь к нему спиной, спокойно стойте на месте и обращайтесь к нему: «Что ты делаешь в моем сознании? Чему ты должен научить меня?»

Я положил камень и лист толокнянки на алтарь, где уже покоился бронзовый Будда, окруженный предметами, оставленными предыдущими клиентами, — «чем-то твердым и чем-то мягким», как отозвался о них сам Фриц. Я попросил у него дать гарантии моей безопасности, необходимые для продолжения сеанса, и получил их. После чего он протянул мне чашечку из японского фарфора, на дне которой лежал

тонкий квадратик «папиросной бумаги» (еще одна разновидность ЛСД) и половинка второго квадрата — дополнительная доза, или «усилитель». На одной стороне квадрата красовалось изображение Будды, а на другой — изображение какого-то персонажа из мультфильма, мне неизвестного. Я положил квадратик на язык и, набрав в рот воды, проглотил. Хотя Фриц не придавал особого значения церемониям, он, следуя правилу, рассказал мне о «священной традиции», которой я следовал, о преемственности всех племен и народов мира, которые на протяжении долгих времен применяли эти препараты в своих обрядах посвящения. Теперь к ним примкнул и я, решившись впервые в жизни, буквально на пороге своего шестидесятилетия, попробовать ЛСД. Все это создавало чувство некоего обряда, ритуала перехода… перехода к чему, собственно говоря?

Ожидая, когда подействует ЛСД, мы сидели на кромке деревянного настила, охватывавшего юрту, и спокойно говорили о всякой всячине: о жизни в горах; о природе и диких животных, которые тоже заявляли свои права на собственность Фрица, то и дело вторгаясь на его территорию, поскольку собак он не держал: о горных львах, медведях, койотах, лисах и гремучих змеях. Честно говоря, мне это действовало на нервы, и я попытался переменить тему. Дело в том, что я побаивался всей этой живности, и ночью не рисковал идти в туалет, стоявший на отшибе, а справлял малую нужду прямо у крыльца. Поэтому и в эту минуту мне меньше всего хотелось думать о всяких там львах, медведях и змеях.

Часов примерно в одиннадцать я сказал Фрицу, что у меня начинает плыть сознание. Он предложил мне лечь на матрас и надеть наглазники. Едва он включил музыку — нечто в амазонском духе, мягкое, ритмичное, исполняемое на традиционных инструментах, но при этом сдобренное природными звуками (шумом дождя и треском цикад) и в целом создававшее живое пространственное чувство наружного простора, — как я тут же провалился в бездонные глубины своего сознания, оказавшись, словно по волшебству, среди неожиданно материализовавшихся лесных ландшафтов, которые музыка каким-то образом вызвала к жизни. «Странно, — подумал я, — вроде наглазники такая непритязательная техника, а какой мощью обладают, по крайней

мере в данном контексте»; действительно, я будто надел не наглазники, а шлем с очками, открывшими мне доступ в виртуальную реальность, куда я тут же и унесся прочь от этих места и времени.

Полагаю, я на какое-то время погрузился в мир галлюцинаций, однако это было совсем не то, что я ожидал от ЛСД и вызываемых им видений, затмевавших все прочее. Но Фриц мне еще до этого разъяснил, что буквальное значение слова «галлюцинация» — «брожение сознания», в чем я в общем-то и убедился на собственном опыте, сохраняя при этом то же необъяснимое чувство безразличия к свободе воли, которое завладевает путником. И все же чувство воли у меня все еще *оставалось*: я мог по собственной воле менять содержание своих мыслей, хотя в том подвластном внушению сновидческом состоянии, в котором я находился, я бы с радостью отдался на волю местности и музыки и позволил бы им указывать мне путь.

Впрочем, следующие несколько часов музыка именно это и делала, вызывая к жизни целую череду физических ландшафтов, причем одни из них были населены близкими и дорогими мне людьми, а другие я исследовал на свой страх и риск. Большая часть мелодий была соткана из бессвязных созвучий, называемых нью-эйджевской музыкой, — тех ласкающих ухо шумов и звуков, которые обычно слышишь в первоклассном спа-салоне в ожидании массажа, — однако никогда до этого они не казались мне такими прекрасными, не звучали так призывно, так пленительно! Музыка была не просто звуками, а чем-то более великим, значимым, глубоким. Легко и свободно вторгаясь в границы других чувств, она казалась прямо-таки осязаемой и при этом создавала трехмерные пространства, сквозь которые я мог двигаться.

Напев амазонского племени привел меня на какую-то резко поднимавшуюся вверх тропу, прорезавшую чащу красного леса, следуя контурам глубокого оврага, врезавшегося в склон холма серебряным клинком стремительного потока. *Мне знакомо это место*: эта тропа ведет от Стинсон-Бич, одного из самых популярных пляжей Северной Калифорнии, к горе Тамальпайс. Но не успел я как следует удостовериться в этом, как тропа превратилась во что-то другое. Теперь музыка начала возводить прямолинейную архитектуру дере-

вянных лесов, всякие там горизонтали, вертикали и диагонали, которые волшебным образом гармонично встраивались в общую картину, вырастая уровень за уровнем, один поверх другого, все выше и выше прямо в небо, подобно многоэтажному дому, который строят прямо на дереве и который при этом так же открыт действию ветра и воздушных потоков, как бамбуковые «китайские колокольчики».

Я видел, что каждый уровень олицетворяет очередную фазу нашей совместной жизни с Джудит. Именно так мы и жили, много лет вместе поднимаясь от стадии к стадии, начиная еще с юношеской поры, когда мы встретились в колледже, влюбились, начали жить вместе, затем сочетались узами брака, родили сына, Айзека, стали полноценной семьей, а потом уже переехали из города в сельскую местность. И сейчас, будучи на вершине жизни, я обозревал новую, только начинающуюся стадию, возводимую в полном соответствии с теми же законами; теперь, когда Айзек вырос и покинул дом, начав самостоятельную жизнь, что нам готовит будущее и во что выльется наша совместная жизнь? Я смотрел не отрывая глаз в надежде, что мне откроются заповедные ключи к тому, что нас ждет, но единственное, что я ясно перед собою видел, — это процесс возведения на лесах жизни нового уровня поверх других, обеспечивающих его устойчивость.

Так и длился этот процесс: песня за песней, часами. Что-то исконно коренное, туземное глубокими мистическими звуками диджериду увлекло меня под землю, где я неведомым образом двигался, продираясь через буровато-черный лабиринт древесных корней. Я на мгновение замер: неужели меня ждет что-то ужасное? Неужели я умер и меня похоронили? Если даже так, то меня это нисколько не удручало. Я был поглощен созерцанием белых нитей мицелия, извивавшихся меж корней и связывавших все деревья в сложную сеть, недоступную нашему пониманию. Мне было ведомо все о работе мицелия; я знал, как он создает этот своеобразный древесный Интернет, позволявший деревьям в лесу обмениваться информацией, но то, что прежде казалось лишь интеллектуальной тщеславной задумкой, теперь представало как живая осязаемая реальность, частью которой был я сам.

Когда звуки музыки стали звучать более мужественно, более воинственно, что ли, мое мысленное поле заполнили

сыновья, а затем и отцы. Передо мной словно быстро мелькали кадры документально-биографического фильма из жизни Айзека: как он, с рождения невероятно чувствительный мальчик, боролся с самим собой и как его чувствительность обратилась в силу, сделав его таким, каков он есть сегодня. Я думал о том, что мне хотелось бы сказать ему, но чего я до сих пор так и не сказал: и о щемящей сердце гордости, которую я испытал в тот момент, когда он вступил во взрослую жизнь (он уехал в другой город и со временем сделал там карьеру), и о страстной надежде, что он не закоснеет в своем успехе и не отречется ни от своих слабостей, ни от своего добросердечия.

Я почувствовал какую-то тяжесть, давившую на веки, и понял, что наглазники намокли из-за проливаемых мною слез.

В этот момент я был беззащитен и открыт всему миру, и до меня вдруг дошло, что не с Айзеком я разговариваю — вернее, не только с ним, но и с самим собой. *Что-то твердое и что-то мягкое* — эти понятия продолжали вертеться передо мной, как крутящаяся волчком монета. Помню, вечером, накануне моего отъезда в гостеприимный дом Фрица, я стоял, освещенный огнями юпитеров, на сцене концертного зала и глядел на две тысячи человек, сидевших в зрительном зале; сам же я выступал в роли знатока, способного ответить на любой задаваемый вопрос, того, кто может объяснить все и чьей информации доверяют люди. Примерно ту же роль я играл и в своей семье, когда подрастал, причем не только по отношению к младшим сестрам, но иногда, особенно в пору кризиса, и по отношению к родителям. (Как это ни печально, но сегодня сестры наотрез отказываются верить мне, когда я говорю им: «Не знаю») «Не верите? Так посмотрите на меня!» — думал я, широко улыбаясь: вот он перед вами, взрослый человек с повязкой на глазах, лежащий на полу в юрте психоделического терапевта и пытающийся поспеть за стремительным бегом своего сознания, блуждающего в лесах собственной жизни, в то время как по его щекам — из-за *чего*, не знаю! — текут горячие слезы.

Я оказался на территории, совершенно мне незнакомой, причем совсем не там, где я рассчитывал оказаться, пускаясь в странствие под действием ЛСД. Я никогда не совершал

путешествий, уводивших меня далеко от дома. Вот и сейчас вместо демонов, ангелов и прочих сущностей, встречу с которыми я предвкушал, мне пришлось встречаться с родными, близкими и членами семьи. Я навещал каждого по очереди, музыка задавала тон наших встреч, и на меня бурными волнами накатывались эмоции — чувство обожания (в отношении сестер и матери, которые предстали передо моим внутренним взором сидящими за столом в виде лошадиной подковы,— как на заседании ассамблеи ООН! — причем каждая олицетворяла различные идеалы женской силы), чувство благодарности или сострадания, особенно по отношению к отцу, человеку, гонимому и преследуемому большую часть своей жизни, человеку, которого до этого момента я никогда не представлял себе как сына, тем более как сына непомерно требовательных родителей.

Этот прилив сострадания был таким полноводным, что он вышел из берегов и широко разлился, просочившись в совершенно неожиданные места, такие, например, как четвертый класс музыкальной школы, в которую я ходил в детстве. Здесь необъяснимым образом я снова встретился с бедным мистером Ропером, очень серьезным молодым человеком, всегда ходившем в недорогом костюме, купленном на распродаже, который, несмотря на свои героические усилия, никак не мог втемяшить в наши головы, почему оркестр делится на секции, которые он рисовал на школьной доске, или втолковать нам особенности и характер различных инструментов в симфонической сказке Прокофьева «*Петя и волк*», сколько бы раз он ее для нас ни ставил. Пока он возбужденно расхаживал по классу из конца в конец, мы затаив дыхание ждали, когда же он наступит на одну из канцелярских кнопок, которые мы разложили у него на пути, — забава, за которую мы рисковали быть оставленными в школе после занятий. Но кто такой, собственно говоря, этот мистер Ропер? Почему мы не видели в этой комичной фигуре, которую мы немилосердно тиранили, порядочного и скромного парня, стремившегося только к одному: привить нам страсть к музыке? *Бездумная детская жестокость* вызвала во мне дрожь стыда, быстро пронизавшую все мое тело. И потом: какой переизбыток сострадания, должно быть, таится во мне, если я уделил такую его часть мистеру Роперу!

И гребнем над всеми этими встречами вздымалась, как вода за плотиной, пока она не прорвалась мощным каскадом, лавина любви — любви к Джудит, Айзеку и ко всем членам моей семьи, любви даже к моей невыносимой бабушке и ее многострадальному мужу.

На следующей день, в рамках притирки друг к другу, Фриц прочел мне две выдержки из своих записей — две фразы, громко произнесенные мной в начале «кислотного трипа»: «Не хочу быть таким скупым на чувства» и «Все это время я беспокоился лишь о своем сердце. А как же быть с сердцами других людей в моей жизни?»

Честно говоря, мне как-то неловко писать эти фразы: они слишком неубедительны, слишком банальны. Я отношу их к недостаткам своего языка, хотя, возможно, дело не только в этом. Известно, что психоделические видения очень трудно выразить словами, и любая попытка сделать это неизбежно оборачивается актом насилия по отношению к тому, что было увидено и прочувствовано, потому как все это в основе своей является чем-то, что или предшествует языку, или не нуждается в нем, или, как сказали бы студенты-мистики, вообще невыразимо. Короче говоря, меня захлестывали эмоции во всей их новорожденной наготе, беззащитные в лучах резкого света испытующего взгляда и (особенно) безжалостного блеска иронии. Поэтому банальности, которым, казалось бы, самое место на поздравительных открытках компании «Холлмарк», высвечиваются здесь с силой откровения самой истины.

Любовь суть все.

Прекрасно, но чему же еще ты научился?

Чему еще? Нет, ты, должно быть, не расслышал: любовь и есть *все*!

Неужели глубоко прочувствованная банальность так и остается банальностью? Нет, решил я. Банальность — это то, что остается от истины после того, как из нее удалены все эмоции. Насытить эту высохшую шелуху чувством — значит снова увидеть ее такой, какая она есть: самой прекрасной и глубоко укоренившейся истиной, скрытой под непритязательной оболочкой. Духовное озарение? Возможно, и так. Во всяком случае, именно в таком виде все это явилось мне в процессе моего странствия в глубины сознания. Вероятно,

психоделики способны превратить самого циничного из нас в пламенного евангелиста, провозвестника очевидного.

Некоторые, вероятно, скажут, что этот «наркотик» отупляет, одурманивает человека, но я после столь, казалось бы, банального и сентиментального путешествия, изобиловавшего довольно тривиальными ландшафтами, так не думаю, потому как что такое, в конце концов, банальность и ироничный взгляд на вещи, как не два самых прочных защитных барьера, которые воздвигает эго взрослого человека, чтобы не дать ему переполниться и захлебнуться — или обилием эмоций, или, возможно, приливом чувств, которые способны в любой момент удивить нас известием об очередном чуде света. Чтобы справляться с заботами и треволнениями дня, все воспринимаемое нами следует рассовывать по ящичкам с аккуратными наклейками «Уже известное» (туда следует быстро укладывать все то, что не наводит мысль о чудесах) и «Нечто новое» (туда, понятное дело, следует укладывать все то, что требует от нас дополнительного внимания, пока оно не утрачивает в наших глазах интерес). Так вот, психоделики способны перемешать *все* эти ящики или устранить их вовсе, способны открыть и отмести за ненадобностью даже самые знакомые предметы и явления, выворачивая их, ставя их с ног на голову и творчески очищая, пока они снова не засияют чистым первородным блеском. Можно ли считать напрасной потерей времени такую повторную классификацию известного? Если даже и так, то ведь здесь присутствует изрядная доля творчества. Мне кажется, такая реновация заключает в себе огромную ценность; и эта ценность возрастает по мере того, как мы становимся старше и начинаем задумываться над всем увиденным и прочувствованным за эти годы.

Как бы то ни было, но с уверенностью могу сказать, что сто микрограммов ЛСД не привели меня к Богу и не усадили на его колени, как некогда Лео Зеффа; не сделала этого, увы, и дополнительная доза (еще пятьдесят микрограммов, которые я поспешно принял в надежде еще глубже забраться в недра сознания). Я так и не достиг трансцендентного, «недвойственного» или «мистического» состояния, поэтому, когда на следующее утро я предпринял (под присмотром Фрица) вторую попытку достичь цели, мной владело некото-

рое разочарование. Однако новый план сознания, на который меня выбросило и который я неутомимо исследовал в течение нескольких часов, оказался гораздо более интересным, приятным и, как мне кажется, полезным для меня. Конечно, меня больше прельщала мысль понять, насколько длительными и долговечными окажутся для меня последствия пребывания на этом плане, но оказалось, что пережитое мной полностью раскрыло меня и мою сущность, причем с самой неожиданной стороны.

Поскольку «кислота» не растворила мое эго полностью, я не потерял способности перенаправлять поток своего сознания или осознания: в сущности, оно все время оставалось *моим*. Но сам поток ощущался совсем другим, менее доступным действию воли и не подверженным вмешательству извне. Это состояние напомнило мне о приятном и в то же время пугающем психическом пространстве, которое иногда открывается внутри нас ночью, когда мы буквально балансируем между состояниями бодрствования и сна, находясь в объятиях так называемого промежуточного, или гипнагогического, сознания. Это тот момент, когда эго, кажется, вот-вот сдаст свои позиции, а вслед за ним отступит и разум, оставив поле сознания без контроля и надзора, уязвимым для мягкого вторжения сновидческих образов и галлюцинаторных обрывков повествования. Теперь представьте, что это состояние расширилось безмерно, но при этом вы сохраняете способность направлять свое внимание то на одно, то на другое, как это происходит, скажем, в каком-то особенно ярком и захватывающем видении. Но в отличие от видения или мечты вы полностью соотносите себя с содержанием развертывающегося повествования, неизменно пребывая в нем и не отвлекаясь на внешние факторы. У меня не было другого выбора, кроме как повиноваться и следовать логике этого сна наяву, его онтологическим и эпистемологическим правилам, пока под влиянием то ли воли, то ли свежих мелодий и новой песни психический канал не менял свое русло и я не оказывался в совершенно другом месте.

Вот что происходит, сдается мне, когда эго ослабляет свою хватку, которой оно держит сознание, но полностью не отпускает его, и обусловлено это, вероятно, чуть большей дозой ЛСД. «И на какой-то блаженный миг этот вечно путаю-

щийся в ногах невротик, который в часы бодрствования пытается править балом, был устранен с пути», как выразил это Олдос Хаксли в «*Дверях восприятия*». Устранен, но не полностью, как в моем случае, хотя ЛСД существенно приглушил его повелевающий голос, после чего в этом слегка регулируемом пространстве начали появляться всякого рода интересные вещи — вещи, которым любое уважающее себя эго, вероятно, просто не позволило бы всплыть на поверхность.

В тот раз я принял психолитическую дозу ЛСД, ту самую, которая позволяет пациенту исследовать свою психику не в насильственной, а в расчетливой и продуманной манере, сохраняя при этом достаточный контроль над сознанием и речевой функцией, чтобы иметь возможность говорить об этом. Мне это напоминало не столько видения, вызванные наркотиком, — сам по себе ЛСД совершенно безобиден и не вызывает никаких физиологических шумов, с которыми у меня ассоциируются другие психоактивные препараты, — сколько новый способ познания, находящийся где-то между интеллектом и чувством. Под влиянием ЛСД я вызвал из небытия несколько самых близких мне людей, и в присутствии каждого из них мной овладевали куда более сильные эмоции, чем те, которые меня одолевали до этого. Плотина была прорвана, и на меня нахлынуло чудесное чувство свободы и раскрепощения. И опять же, в ходе этих встреч мне было явлено несколько подлинных откровений (вроде откровения об отце как сыне своих родителей), претворившихся в акт воображения (сопереживания), который даже взрослые дети редко выказывают по отношению к своим родителям — ни подле, ни на расстоянии. Еще во время нашей притирки друг к другу Фриц упомянул о том, что некоторые люди под действием ЛСД переживают нечто, что по своему характеру и содержанию скорее напоминает сеанс с МДМА, чем классический психоделический трип, так что вполне возможно, что на мою долю достался именно такой опыт, а не что-то другое. Сама идея ужать годы изучения психотерапии до нескольких часов казалась правильной, особенно в то утро, которое мы с Фрицем провели, тщательно разбирая сцены и эпизоды моего странствия.

Сидя за рулем арендованной машины и направляясь в аэропорт, чтобы улететь домой, я испытывал чувство облег-

чения и благодарности — оттого, что все пережитое мною оказалось столь безобидным (я умудрился выжить, так и не разбудив спящих монстров своего сознания!) и столь плодотворным. Весь тот день и добрую часть следующего в моем психологическом климате доминировала область высокого давления, питавшая чувство бодрости и благополучия. Джудит сочла, что я не в меру болтлив и благодушен. Действительно, свойственное мне нетерпение куда-то исчезло, и своей медлительностью за столом я мог бы запросто затмить ее, потому как не вскакивал, как обычно, после ужина, чтобы помыть посуду, а переходил от одного дела к другому неторопливо и вдумчиво. Полагаю, это было то самое послесвечение, о котором я читал, и в течение нескольких дней оно бросало на все вокруг приятный глазу, как в театре, свет, выставляя все знакомое и обычное так, что во мне росло чувство необыкновенной... благодарности.

Впрочем, оно было недолгим, и вскоре я, как и следовало ожидать, испытал разочарование по поводу того, что полученный опыт не слишком уж меня преобразил. Мне было дано лишь слегка отведать иного бытия — менее сильно защищенного, сказал бы я, и более насущного. И теперь, когда я свел знакомство с дотоле неведомой для себя территорией и вернулся из этой первой вылазки более или менее невредимым, я решил, что пора двигаться дальше.

ВТОРОЙ ТРИП: ПСИЛОЦИБИН

Мой второй трип начался с алтаря, расположенного в центре двухэтажной чердачной квартиры в маленьком городке на Восточном побережье США. Владелицей алтаря была привлекательная белокурая женщина с длинными, разделенными пробором волосами и высокими скулами, о которых я упоминаю только потому, что в дальнейшем они будут фигурировать в процессе ее трансформации в мексиканскую индианку. Сидя у алтаря напротив меня с закрытыми глазами, Мэри нараспев читала длинную витиеватую индейскую молитву, с помощью которой она вызывала духов каждой из сторон света, четырех земных элементов, а также животного, растительного и минерального царств, чтобы они направляли меня в моем странствии по психическим мирам.

Мои глаза тоже были закрыты, но время от времени я не мог удержать любопытства и украдкой осматривал окружающую обстановку: комнату со стенами бледно-зеленого цвета, уставленную цветами в горшках и различными символами женской силы и плодородия; покрывавшую алтарь вышитую ткань фиолетового цвета из Перу и коллекцию разложенных на нем «экспонатов», в их числе аметист в форме сердечка, темно-синий кристалл, служивший в качестве подсвечника, чашечки, наполненные водой, вазочка с кусочками черного шоколада, два «священных предмета», которые я по ее просьбе

принес с собой (статуэтка бронзового Будды — ее подарил мне мой близкий друг, который привез ее из путешествия по странам Востока, и скругленная пластинка псилоцибина — ее дал мне Роланд Гриффитс при нашей первой встрече); и, прямо напротив меня, старинную тарелку, украшенную цветочным узором, весьма популярным во времена наших бабушек: на ней лежал самый большой псилоцибиновый гриб, какой мне когда-либо доводилось видеть, и мне было трудно поверить, что именно его мне и предстояло съесть целиком.

Помимо названных предметов на алтаре лежали также веточка шалфея, щепка пало санто — ароматического южноафриканского дерева, которое индейцы жгут во время совершения священных обрядов, и крыло черной вороны. В разные моменты священнодействия Мэри зажигала то шалфей, то щепку санто пало и затем, пользуясь крылом птицы, «окуривала» меня ароматным дымом — гнала духов через пространство прямо к моей голове. Крыло, которым Мэри махала у моего уха, издавало какой-то загадочный потусторонний свист, жуткий звук, обычно издаваемый крыльями большой птицы, проносящейся слишком близко от тебя, или темным духом, изгоняемым из тела.

Я понимаю, что вся эта сцена, должно быть, выглядела до смешного нелепо, но та убежденность, с которой Мэри совершала свое священнодействие, вместе с ароматом возжигаемых растений и свистом крыла, гнавшего волны дыма (включая и мою нервозность по поводу предстоящего «путешествия»), — все это завораживало и околдовывало, рассеивая мое недоверие. Я еще раньше решил полностью отдаться и на милость этого большого гриба, и на волю Мэри, «проводника», которому я бесповоротно вверял свою психику на время странствий, поэтому всю эту церемонию я воспринимал как некое алхимическое действо. В этом смысле Мэри скорее играла роль шамана, нежели психолога. Ее мне порекомендовал один терапевт с Западного побережья, с которым мне довелось познакомиться и беседовать, — раввин, заинтересовавшийся моими изысканиями и взявший на себя заботу о моем психоделическом воспитании. Мэри (она была примерно моего возраста) училась вместе с тем самым восьмидесятилетним (или около того) студентом Тимоти Лири, у которого я когда-то брал интервью и который решил, что

до ее уровня я еще не дорос. Если судить о Мэри по тому, что написано, может показаться, что так оно и есть, однако что-то в ее манере поведения, равно как ее рассудительность, уравновешенность и ее явное сострадание, вызывало у меня в ее присутствии чувство покоя и умиротворения.

До того как заняться медициной (ей в тот момент уже исполнилось 50 лет), Мэри практиковала целый набор терапевтических методов движения нью-эйдж, от энергетического целительства и духовной психологии до терапии «семейных расстановок»*. («Медицина — тот клей, который скрепил воедино все прочие аспекты работы, которую я выполняла».) И все это время она обходилась без психоделиков: психоделик она попробовала только однажды и очень давно — в колледже, в возрасте 21 года, на вечеринке, устроенной ею по случаю дня рождения. Подруга подарила ей баночку меда, перевязанную шнурком, на котором были нанизаны псилоцибиновые грибы. Мэри тут же поднялась в свою комнату, съела два или три гриба и «испытала глубочайшее потрясение, встретившись и слившись с Самим Богом. Я была Богом, а Бог был мной». Подруги, праздновавшие день рождения внизу и обеспокоенные ее отсутствием, поднялись и долго стучали в ее дверь, но Мэри в это время была очень далеко.

Выросшая в одном из пригородов Провиденса, Мэри в детстве была истой католичкой, пока вдруг не «осознала, что [она] девушка», — факт, который отвратил ее от католических богослужений, которым она была так привержена. С тех пор ее религиозность пребывала в сонном состоянии — до появления той самой баночки с медом, которая, как сказала она мне при первой встрече, «изменила меня полностью. Я снова погрузилась в то, с чем не чувствовала себя связанной со времен детства». Это повторное пробуждение к религиозной жизни привело ее на путь тибетского буддизма и побудило ее принять обет посвященного — «помогать всем разумным существам на пути их пробуждения

* Терапевтический метод «семейных расстановок», известный также как «семейные созвездия», изобретен немецким терапевтом Бертом Хеллингером. Он фокусируется на скрытой роли предков в формировании нашей судьбы и жизнедеятельности, помогая нам мириться с их призрачным присутствием в нашей жизни.

и просветления, обет, который до сих пор является моим призванием».

И вот теперь перед ней в ее приемной комнате сидел я собственной персоной, еще одно разумное существо на палубе ковчега жизни, сидел в надежде пробудиться. Я рассказал ей о своих намерениях: узнать о себе все, что только можно, о себе, о природе своего сознания и о его «межличностном» пространстве, если только таковое существует.

— Грибной терапевт — это тот, кто помогает нам понять, кто мы есть на самом деле, — сказала Мэри. — Он возвращает нас к цели нашей души, ради которой мы и находимся здесь, в этом воплощении.

Представляю, как человек посторонний воспринял бы эти слова! Но к этому времени я уже привык к жаргону и фразеологии движения нью-эйдж, вероятно потому, что за этими затасканными и порядком истертыми словами узрел некий потенциал, нечто значительное. К тому же меня впечатлили ум Мэри и ее профессионализм. Помимо письменного согласия на стандартные «договоренности» (беспрекословно подчиняться ее указаниям в течение всего периода работы; не покидать комнаты, пока не получу на это разрешения; отказ от сексуальных связей и так далее, и так далее), мне пришлось заполнить подробную медицинскую карту, дать расписку о том, что всю ответственность я беру на себя, а кроме того, заполнить 15-страничную автобиографическую анкету, на что ушла добрая половина дня. В результате я почувствовал, что нахожусь в надежных руках, пусть даже эти руки хлопали над моей головой крылом черной вороны, окутывая ее благовониями.

Да, я сидел перед алтарем и смотрел на гриб, сильно сомневаясь, что смогу проглотить его целиком. Он был длиной пять или шесть дюймов, а его шляпка была размером с мячик для гольфа.

— А нельзя ли накрошить гриб в стакан, залить его горячей водой и выпить как чай? — спросил я.

— Можно, конечно, но в данном случае лучше полностью сознавать, что делаешь и как, — ответила она, — а это значит, что нужно съесть гриб таким, как он есть, то есть прямо из земли, откусывая каждый раз по маленькому кусочку. Сначала внимательно рассмотри его, а затем начинай есть — со шляпки.

Чтобы вкус гриба не казался таким противным, она разрешила мне его заедать, предложив на выбор мед или шоколад; я выбрал шоколад. Мэри сказала, что этот гриб она получила от своего друга; он выращивает псилоцибиновые грибы и освоил это искусство много лет назад, закончив практический семинар по выращиванию грибов под руководством Пола Стеметса. Похоже, что любые два человека в этом мире разделены между собой двумя-тремя рукопожатиями.

Гриб был сухой, как песок пустыни, и вкусом напоминал картон с привкусом земли, но мне помогало то, что грибную плоть я тут же заедал кусочком шоколада. Я съел его весь, то есть примерно два грамма, — за исключением шишковатого нароста у основания ножки. Правда, Мэри рассчитывала дать мне еще один гриб, то есть еще два грамма, что в итоге составило бы четыре, — примерно ту самую дозу, которую получали добровольцы на испытаниях в Нью-Йоркском университете и медицинском центре Хопкинса; она эквивалентна трем сотым микрограмма ЛСД, то есть вдвое больше той дозы, которую я принимал у Фрица.

Мы тихо разговаривали минут двадцать или около того, и вдруг Мэри заметила, что мое лицо покраснело; она тут же предложила мне лечь и надеть наглазники. Я выбрал пластиковые черного цвета, что, как теперь я понимаю, было с моей стороны ошибкой. По периметру они были выложены мягкой поролоновой черной резиной, которая не пропускала ни грана света, поэтому, отрыв глаза, ты видел перед собой непроницаемую тьму. Маска для релаксации фирмы *Mindfold* — так полностью называлось это высокотехнологичное изобретение; по словам Мэри, маску специально разработал и создал с этой целью художник-психоделист Алекс Грей.

Как только Мэри поставила первую песню — скучную, невыразительную композицию в духе нью-эйдж, исполняемую певцом по имени Тьерри Давид (позже я узнал, что он трижды номинировался на премию в категории «Лучший альбом в жанре чилл-н-грув»), — меня тут же занесло в какой-то ночной урбанистический ландшафт, сильно смахивавший на те, которые создает компьютерная программа. И опять звук породил пространство («В начале была нота», — помню, подумал я с глубоким чувством), и электронная музыка Тьерри (или то, что я принимал за таковую) вызы-

вала в моем воображении обезлюдевший футуристический город, причем каждая нота формировала еще один мягкий черный сталактит или сталагмит, которые все вместе напоминали горельефный звуконепроницаемый материал, используемый обычно для обивки стен в звукозаписывающих студиях. (Черный пенопласт, образующий этот рельефный ландшафт, был, как я понял позже, тем же самым материалом, которым были выложены мои наглазники.) Я без усилий двигался через этот цифровой ночной пейзаж, словно находился в какой-то антиутопии, созданной в рамках видеоигры. Хотя это место не внушало особого страха и даже обладало определенной, пусть и несколько сглаженной красотой, мне было крайне неприятно находиться здесь и я бы хотел оказаться где-нибудь еще, но проходили часы, как мне казалось, даже вечность, а исхода не предвиделось. Я сказал Мэри, что мне не по душе электронная музыка, и попросил ее поставить что-нибудь другое, но, хотя с новой музыкой тональность чувства изменилась, я по-прежнему безвылазно сидел в этом лишенном солнца компьютерном мире. Почему, ну почему я не могу из него выбраться? И оказаться на природе? Поскольку я всегда недолюбливал видеоигры, эта ситуация, это изгнание из Эдемского сада казались мне жестокими: ни тебе растений, ни людей, ни солнечного света.

Нельзя сказать, чтобы компьютерный мир был вообще неинтересен для исследователя вроде меня. Я с глубоким трепетом наблюдал за тем, как музыкальные звуки один за другим прямо на моих глазах превращались в осязаемые формы. Навязчивая музыка была главным божеством этого места, его творящей силой. Даже композиция в духе нью-эйдж, больше подходящая для спа-салонов, обладала способностью творить в пространстве фрактальные узоры, и это пространство ширилось, росло, разветвлялось и множилось до бесконечности. Странно, но все, находившееся в поле моего зрения, было окрашено в черный цвет, хотя даже в переплетении множества различных теней оно было легко различимо. Я свободно носился по этому миру, созданному математическими алгоритмами, и сам этот факт придавал ему какую-то чужеродную, лишенную жизни красоту. Но что это за мир? Чей он? Только не мой! И я начал задаваться вопросом: в чьем же мозге я нахожусь? (Пожалуйста, только не в мозге Тьерри Давида!)

«Вся эта ситуация может легко принять ужасающий оборот», — пришла мне в голову мысль, и вместе с ней во мне начало нарастать смутное чувство тревоги. Припомнив «предполетные инструкции», я сказал себе: «Делать нечего. Отбрось все тревоги и отдайся на милость ситуации. *Расслабься и плыви по течению*». Это совершенно не походило на то, что мне пришлось пережить в прошлые разы, где я более или менее чувствовал себя капитаном своего корабля и мог управлять своим вниманием, направляя его то туда, то сюда и меняя по своей воле проводящий психический канал. Эта же ситуация больше походила на то, как если бы меня усадили намертво в переднюю машину на космических «американских горках», привели в движение, и теперь в каждый отдельный момент только ее прихотливая стремительная траектория решала, что именно появится в поле моего сознания.

В сущности, эта метафора не совсем точна: все, что мне нужно было сделать, — это убрать наглазники, и реальность (или, по крайней мере, то, что ее создавало) сразу бы перестроилась. Что я, собственно, и сделал — не столько для того, чтобы убедиться, что этот мир по-прежнему существует, сколько из-за того, что мне жутко захотелось в туалет.

Солнечный свет и краски дня ударили мне в глаза, и я жадно впитывал их взглядом, обозревая комнату в поисках хорошо знакомых мне признаков нецифровой реальности — стен, окон, растений. Но все они предстали перед мной в новом аспекте — раскрашенные светом. Слава богу, я быстро догадался надеть очки, и они хотя бы отчасти придали окружению домашний вид, но только отчасти: предметы все равно продолжали усеивать пространство брызгами света. Я осторожно поднялся с матраса, сначала на колени, затем, чуть покачиваясь, на ноги. Мэри взяла меня за локоть, как обычно берут стариков, и вместе мы совершили небольшое путешествие по комнате, направляясь в ванную. Я избегал смотреть на нее, боясь, что прочту на ее лице нечто неприятное для себя или, наоборот, выдам нечто сокровенное своим. У двери в ванную она наконец отпустила мой локоть.

В ванной моим глазам предстало сверкающее буйство света. Я взял душ, поставил его в наклонном положении, и эта изгибающаяся аркой струя воды показалась мне самым прекрасным из всего, что я когда-либо видел, — водопадом

алмазов, каскадом низвергавшихся в поддон, дробя поверхность воды миллионами звенящих частичек света. Казалось, это длилось целую вечность. Остановив поток алмазов, я подошел к раковине и ополоснул лицо водой, стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале, что чисто психологически казалось мне несколько рискованным. Все еще покачиваясь, я вернулся назад и улегся на матрас.

Мягким, вкрадчивым голосом Мэри спросила, не хочу ли я добавки. Я сказал, что хочу, и принял сидячее положение. Мэри сидела на корточках рядом со мной, и когда я, наконец, поглядел ей в лицо, то увидел, что она вдруг превратилась в Марию Сабину, ту самую мексиканскую *curandera*, которая 60 лет тому назад в грязном подвале в Хуатла-де-Хименес дала Гордону Уоссону дозу псилоцибина. Черные волосы обрамляли ее скуластое лицо с натянутой, словно пергамент, кожей, казавшееся древним, словно обветренным ветрами времени, а тело прикрывало простое белое крестьянское платье. Я взял из ее морщинистой коричневой руки сухой гриб, сунул его в рот и, отвернувшись, начал жевать. «Пожалуй, лучше не говорить Мэри об этой метаморфозе», — подумал я. (Позже, однако, я все равно рассказал, и Мэри, выслушав мой рассказал, залилась румянцем: Мария Сабина была ее кумиром.)

* * *

Но, прежде чем надеть наглазники и вернуться в уютную тьму, мне нужно было кое-что сделать, а именно: провести над собой один небольшой эксперимент, о чем я заранее предупредил Мэри. Я не был уверен, что в моем нынешнем состоянии это мне удастся, но, как я уже убедился, даже на пике странствий можно было в течение нескольких секунд привести себя в подобие нормального состояния.

У меня на ноутбуке имелся один коротенький клип, где была заснята вращающаяся в пространстве маска лица (клип обычно используют во время психологического теста, носящего название «бинокулярная инверсия иллюзии глубины»). Когда маска вращается в пространстве, поочередно поворачиваясь то своей выпуклой, то вогнутой поверхностью, происходит нечто удивительное: ее вогнутая сторона предстает взгляду как выпуклая. Этот трюк проделывает наше созна-

ние, точнее — наш ум, который находится во власти иллюзии, что все поверхности выпуклые, поэтому он автоматически корректирует кажущуюся ошибку — если только, как сказал мне один нейрофизиолог, человек не находится под влиянием психоделика.

Автоматическая коррекция — сущностное свойство нашего восприятия, которое (это обычно характерно для здравого, рассудочного ума взрослого человека) в той же степени основывается на обусловленных образованием догадках и предположениях, как и на необработанных данных, поставляемых органами чувств. К тому времени, когда ребенок становится взрослым, его ум настолько хорошо приноравливается к окружающей реальности, что не только приучается наблюдать за ней и исследовать ею, но и учится делать вполне обоснованные предсказания относительно самой этой реальности, что позволяет нам оптимизировать расход энергии (психической и прочей), а стало быть, способствует нашему выживанию. Поэтому наш ум, не удосуживаясь выстраивать с нуля новое представление, основанное на необработанных данных, поставляемых органами чувств, сразу же переходит к разумному умозаключению, взяв для затравки лишь небольшую толику этих данных и полностью опираясь на свой прошлый опыт. Наш мозг — это машина предсказаний, оптимизируемая нашим жизненным опытом, и когда речь заходит о лицах, многовековой опыт ему подсказывает: лица всегда выпуклые, а не полые, поэтому полая маска, должно быть, является той вполне предсказуемой ошибкой, которую необходимо исправить.

Поэтому эти так называемые байесовские выводы (названные по имени Томаса Байеса, английского математика и философа XVIII века, создавшего математическую теорию вероятности, на которой и основываются эти психические предсказания) исправно служат нам большую часть времени, ускоряя процесс восприятия с целью экономии усилий и энергии, но они с таким же успехом могут и обмануть нас, заманив в ловушку предвзятых и заведомо лживых образов реальности, как это происходит в случае с вращающейся маской.

Однако, как оказывается, байесовский принцип срабатывает далеко не всегда: некоторые люди (шизофреники, например, или, если верить некоторым нейрофизиологам,

те, кто принимает большие дозы психоделиков) не «видят» реальность в свете, обусловленном предсказуемыми выкладками. (К их числу относятся и малые дети, которые еще не наработали базу данных, необходимую для обоснованных предсказаний.) Но здесь возникает один весьма интересный вопрос: возможно ли, что восприятие шизофреников, людей, сидящих на психоделиках, и детей (по крайней мере, в некоторых случаях) более точно, то есть менее обусловлено ожиданием и потому более близко к реальности, чем восприятие трезво- и здравомыслящих взрослых людей?

Прежде чем начать сеанс, я прокрутил этот клип, записанный на моем ноутбуке. Маска, вертевшаяся на экране, серая на черном фоне, несомненно являлась продуктом компьютерной анимации и удивительно удачно сочеталась с визуальным стилем того компьютерного мира, в котором я побывал. (На следующий день, во время нашего с Мэри общения ради лучшей притирки, она предположила, что, возможно, именно этот образ маски и создал весь этот компьютерный мир в моем воображении и завлек меня туда. Мол, более лучшей демонстрации влияния установки и обстановки и придумать трудно.) Так вот, по мере того как маска поворачивалась и ее выпуклая сторона заменялась полой, последняя тоже представала моему взгляду как выпуклая, но этот процесс происходил несколько медленнее, чем раньше, до того как я съел гриб. Очевидно, байесовский принцип все еще доминировал в моем мозге. Что ж, придется повторить эксперимент чуть позже.

* * *

Когда я лег на матрас, прикрыв глаза наглазниками, то, к своему немалому удивлению, вновь оказался в компьютерном мире, но на этот раз в нем что-то изменилось, и эта метаморфоза, несомненно, была обусловлена действием добавочной дозы. Если раньше ландшафт, по которому я странствовал, казался мне частью меня самого и всю сцену я воспринимал тоже с точки зрения меня самого, так что в целом мое отношение к происходящему не искажалось (сюда можно отнести весьма критичное отношение к музыке, например, или опасения, что вот-вот появятся демоны), то теперь мое привычное «я» и все воспринимаемое им начало рассыпаться прямо

на моих глазах, сначала медленно, а затем все более и более ускоряясь, пока раз! — и не рассыпалось совсем.

«Я» теперь обратилось в стопку квадратных бумажек размером с канцелярские, обычно используемые для записей и закладок, и все они под порывами ветра разлетались по сторонам. Но нынешнее «я», участвующее в этой кажущейся катастрофе, не обнаруживало никакого желания гоняться за этими листочками, чтобы водворить их на место и там самым восстановить мое былое «я». Вообще никакого желания. Кем бы я сейчас ни был, меня устраивало все, что бы ни случилось. *Неужели эго больше нет*? Что ж, прекрасно; в сущности, отсутствие эго — самая естественная вещь в мире. А потом я взглянул на ландшафт и снова увидел себя в нем — как мазок краски, как масло, покрывающее широкие просторы мира тонким слоем субстанции, в которой я признал себя самого.

Но что это за «я», которое сумело так тонко вписаться в сцену растворения? Хороший вопрос. Во всяком случае, это точно не *я*. Более точно это состояние трудно выразить. Ограниченность нашего языка создает здесь немалую проблему, ведь чтобы дать полное представление того разделения или раскола, которое представилось моему взору с позиции моего «я», мне понадобилось бы совершенно новое местоимение первого лица, потому как то, что наблюдало за это сценой, представляло собой некое наблюдающее око или некий способ осознания, полностью отличавшийся от привычного мне «я»; в сущности, я бы хорошенько подумал, прежде чем решился бы использовать понятие «я» для описания преобладавшего у меня осознания — так оно отличалось от моей обычной персоны. Если то «я» всегда было неким субъектом, заключенным в рамки тела, то это «я», казалось, совсем не было ограничено какими бы то ни было рамками тела, хотя я и имел доступ к его перспективе. Эта перспектива была в высшей степени беспристрастной, нейтральной по всем вопросам ее интерпретации и совершенно невозмутимой даже перед лицом того, что по всем статьям должно было обернуться для меня абсолютной личной катастрофой. И тем не менее «личное» было стерто, было уничтожено. Все, чем я когда-то был и что называл самим собой, все это «я», шесть десятилетий пребывавшее в стадии ста-

новления, теперь растворилось и рассеялось по всей сцене. То, что всегда было мыслящим, чувствующим, воспринимающим субъектом, пребывавшим здесь, теперь стало объектом, находившимся где-то там. Я стал краской!

Суверенного эго со всем его боевым снаряжением и всеми его страхами, с его обращенными в прошлое обидами и устремленными в будущее тревогами, — этого эго больше не было, и некому было оплакивать его кончину. И тем не менее что-то от него все же оставалось, и этим «что-то» было голое бестелесное осознание, которое с благосклонным безразличием взирало на сцену разрушения своего «я». Я тоже присутствовал в этой реальности, но как нечто совсем другое, нежели мое «я». И хотя не было никакого «я», которое могло бы чувствовать, присутствовал, однако, некий чувственный тон, спокойный, удовлетворенный, ничем не обремененный. Это была жизнь после смерти эго — новость сама по себе очень важная.

Когда я возвращаюсь мыслями к этой части моего запредельного опыта, я порой задаюсь вопросом: а не было ли это длительное осознание тем самым «Свободным Умом», с которым соприкоснулся Олдос Хаксли во время своего мескалинового трипа в 1953 году? Хаксли так и не объяснил, что именно он имел в виду под этим понятием, отметив только, что «Свободному Уму принадлежит вся полнота осознания», но он, скорей всего, стремился выразить некую универсальную, неделимую форму сознания, совершенно не связанную с конкретным мозгом. Другие называют эту реальность космическим сознанием, Сверхдушой или Универсальным Разумом. Считается, что она не существует вне нашего мозга, являя собой некое свойство Вселенной, такое же, как свет или сила притяжения. То есть это нечто всепроникающее. И нечто конститутивное. Некоторые индивидуумы в определенное время получают доступ к этому осознанию, что дает им возможность постигать реальность, по крайней мере какое-то время, в совершенном свете.

Однако ничто в пережитом мною не навело меня на мысль о том, что новая форма сознания возникла вне меня; более правдоподобным, а стало быть, и более логичным кажется предположение, что она была продуктом моего мозга, так же как и эго, которое она вытеснила. Тем не менее

само по себе это поразительно, и я воспринимаю как замечательный дар тот факт, что мы можем освобождаться от очень многого — желаний, страхов и защитных механизмов, возведенных в процессе жизни, — избегая полного уничтожения. Возможно, буддистам, трансценденталистам или людям, искушенным в медитации, это и не покажется чем-то неожиданным, но для меня, всегда ощущавшего себя полностью идентичным со своим эго, это было что-то неожиданное и новое. Неужели это некая новая почва, на которой можно крепко утвердить свои стопы? Впервые с того момента, как я затеял весь этот проект, я начал понимать, что именно пытались донести до меня те онкологические больные, что добровольно участвовали в испытаниях, связанных с предсмертной тревогой: как это здорово, что психоделический трип подарил им новый взгляд на жизнь, благодаря которому даже самое худшее, во что может ввергнуть нас жизнь, включая и смерть, можно расценивать объективно и принимать хладнокровно.

* * *

Собственно говоря, это понимание пришло ко мне чуть позже, на последнем этапе моего псилоцибинового трипа, когда мое странствие приняло несколько мрачный оборот. Проведя неизвестное количество часов в компьютерном мире — потому как там я полностью утратил чувство времени, — я вдруг вновь почувствовал желание вернуться в реальность и сходить в туалет. Процедура повторилась: Мэри за локоть, как старика, препроводила меня в ванную и оставила там, чтобы я с помощь душа произвел на свет божий еще один зрелищный дождь сверкающих алмазов. Но на сей раз я отважился взглянуть на себя в зеркало. Оттуда глянул на меня не я сам, а человеческий череп, обтянутый тончайшим слоем бледной кожи, тугой как барабан. Ванна была украшена мексиканским фольклорным орнаментом, и вид головы (черепа) мгновенно вызвал в моей памяти воспоминание о Дне поминовения усопших. В этом мертвенно-бледном черепе с его глубокими глазницами и молниевидными венозными ответвлениями, зигзагообразно спускающимися по виску с одной из сторон, я признал свой собственный череп — и одновременно череп моего умершего деда.

Это было неожиданное открытие: выходит, не только с отцом, но и с Бобом, отцом моего отца, то есть с дедом, у меня много общего. А ведь, в сущности, я любил его как раз за то, что он был *так не похож* на меня — или кого-то другого, с кем я был знаком. Боб был неимоверно солнечным и, на первый взгляд, простым и незамысловатым человеком, неспособным думать плохо о других людях или видеть в мире зло. (Его жена, Харриет, наоборот, была полной его противоположностью и щедро компенсировала щедрость его духа.) Боб практически всю свою жизнь торговал спиртными напитками, совершая еженедельные обходы ночных клубов на Таймс-сквер от имени компании, которой, как знали все, кроме него, владела мафия. Достигнув того же возраста, в котором теперь нахожусь я, он ушел на пенсию и стал художником, рисовавшим примитивные, но невообразимо наивные пейзажи и красочные абстракции; один из них я привез с собой, захватив заодно и акварель Джудит, и теперь они украшали комнату Мэри. Боб был невероятно счастливым, лишенным всякого страха человеком, дожившим до 97 лет, причем с каждым годом его картины становились все более красочными, абстрактными и свободными от каких-либо изысков.

Видеть его живое отражение к зеркале было немного жутковато. Посетив его как-то в доме для престарелых, размещавшемся на самом краю пустыни Колорадо (это было за несколько лет до его смерти), я увидел перед собой худого, кожа да кости, но еще вполне энергичного и подтянутого мужчину (у него вошло в привычку каждый день стоять на голове, чем он и занимался до тех пор, пока ему не стукнуло восемьдесят), лежавшего в крошечной, не по размеру, кровати. У него к этому времени отказали мышцы пищевода, отвечавшие за функцию глотания, и он был подключен к зонду для искусственного кормления. Ситуация во всех отношениях была безнадежной, но из множества печальных фактов я по каким-то причинам зациклился на том, что пища никогда больше не коснется его уст и он никогда больше не познает ее вкус.

Я сполоснул холодной водой наше сдвоенное лицо и нетвердой походкой вернулся к Мэри.

Я рискнул взглянуть на нее еще раз и был несказанно вознагражден: на этот раз я увидел пленительную молодую женщину, блондинку, в ослепительном сиянии юности.

Мэри была так прекрасна, что я, чтобы не смущать ее своим взглядом, был вынужден отвернуться.

Она дала мне еще один маленький гриб — доведя общее количество до четырех микрограммов — и плитку шоколада. Прежде чем улечься и надеть наглазники, я решил вторично провести опыт с вращающейся маской... и потерпел полный крах, потому как он не подтвердил и не опроверг описанную выше гипотезу. Когда маска начала вращаться, постепенно поворачиваясь своей изнанкой, вся картина вдруг растворилась в серой желеобразной дымке, заполнившей экран моего ноутбука прежде, чем я смог сообразить, какой именно мне представилась изнаночная сторона маски — выпуклой или полой. Слишком много для одного раза. Вот что значит проводить психоделические эксперименты в измененном сознании!

Я надел наглазники и сразу провалился в глубины сознания, оказавшись среди пустынного ландшафта с растрескавшейся от жары, выжженной землей, густо усеянной артефактами и изображениями смерти. Перед моим взором мелькали выбеленные черепа, кости и лица давно умерших людей, тетушек, дядюшек, дедушек и бабушек, друзей, учителей и моего отчима, и вся эта картина сопровождалась звуком голоса, говорившего мне, что я недостаточно горевал по этим усопшим. Что верно, то верно. Я никогда в жизни полностью не признавал чью-либо смерть; что-то всегда мешало этому. Только теперь я смог восполнить упущенное, что я и сделал.

Я смотрел на каждое из этих лиц, одно за другим, с чувством жалости, казавшейся беспредельной, но без всякого страха. Исключением была только моя тетя Рут-Эллен: когда я взглянул на ее лицо, оно, к моему ужасу, начало медленно трансформироваться в лицо Джудит. Рут-Эллен, как и Джудит, тоже была художницей, и у них обеих примерно в одно и то же время был диагностирован рак груди. Рут-Эллен эта болезнь убила, а Джудит пощадила. В таком случае, что делает Джудит среди этих неоплаканных мертвецов? Неужели я тому виной, потому как все время ограждал себя от подобной возможности? Теперь же сердце широко распахнуто, защитные механизмы устранены, и слезы начинают обильно течь по моим щекам.

* * *

Я упустил одну очень важную часть моего подпольного трипа — музыкальное сопровождение. Перед тем как пуститься в последнее «путешествие», я попросил Мэри: пожалуйста, не ставь больше эту треклятую спа-музыку, а поставь какую-нибудь классику. Мы остановились на второй сюите Баха для виолончели в исполнении американского виолончелиста китайского происхождения Йо-Йо Ма. Сюита ре-минор — это лаконичная скорбная пьеса, которую я слышал много-много раз, часто на похоронах, но, если честно, до этого момента никогда не слышал по-настоящему.

Хотя слово «слышать» и близко не передает то, что возникло между мной и колебаниями воздуха, приведенными в движение четырьмя струнами виолончели. Никогда прежде никакая музыкальная пьеса не проникала так глубоко в мое сердце, как эта. Даже назвать это «музыкой» значило бы сильно преуменьшить то, что начало наполнять воздух; это было не что иное, как чистый поток человеческого сознания, что-то такое, в чем можно было уловить смысл самой жизни и, если вам это по силам, прочесть последнюю главу жизни. (Сразу же возник вопрос: «Почему же мы при рождении не играем музыку так, как играем ее на похоронах»? И тут же пришел ответ: это произведение насыщено чувствами, рожденными опытом уже прожитой жизни и острым восприятием быстро ушедшего времени, которому ни рождение, ни начало не в состоянии противодействовать.)

Четыре микрограмма волшебных грибов — и я на четыре часа ушел в странствие, где потерял всякую способность отличать объект от субъекта, а потому не мог понять, что осталось от меня, и рассказать, что представляла собой музыка Баха. Не прозрачным глазным яблоком, лишенным эго и единым со всем, что попадало в поле его зрения, как у трансценденталиста Эмерсона, стал я, а прозрачным ухом, не отличимым от потока звуков, наводнявших мое сознание до тех пор, пока в нем не осталось ничего другого, ни одного крошечного сухого уголка, где можно было посадить свое «я» и откуда можно было бы наблюдать за всем происходящим. Открывшись музыке и приняв ее в себя, я стал сначала струнами и смог на себе почувствовать изысканное прикосновение конского волоса, трущегося о мою кожу, а затем стал

ветром, пролетающим мимо, мимолетно касающимся уст инструментов и устремляющимся дальше, чтобы встретиться с миром и начать свой одинокий полет во Вселенной. Затем я спустился в гулкий черный пространственный колодец, скрытый внутри виолончели, вибрирующую воздушную оболочку, образованную изгибами его еловой крыши и кленовых стен. Деревянная внутренность виолончели являла собой уста, способные к несравненному красноречию; более того — к выразительному изречению всего, что человек может постичь и вообразить. Но в то же время эта внутренность представляла собой комнату, в которой отрадно заниматься сочинительством, и череп, в котором отрадно мыслить, и всем этим без остатка я был прямо сейчас.

Так я стал виолончелью и плакал в месте с нею те двадцать с лишним минут, пока звучала эта пьеса, которая изменила все. По крайней мере, так мне казалось; теперь, когда ее вибрации утихли, я в этом уже не так уверен. Но в течение тех возвышенных минут, пока звучала сюита Баха для виолончели, она оказала на меня благотворное воздействие, примирив меня со смертью — смертью людей, близких мне и промелькнувших перед моим взором: смертью Боба и Рут-Эллен, смертью отца Джудит и многих других, а также с грядущими смертями, в том числе и моей собственной, которая уже не за горами. Растворение и потеря себя в музыке были своего рода подготовкой к тому, что меня ждет, — потере себя. Освободившись от привязи своего «я» и соскользнув в теплые воды мирской красоты — под ней я имею в виду одухотворенную музыку Баха и ту виртуозную ласку смычком четырех струн, подвешенных над воздушным колодцем, которую продемонстрировал Йо-Йо Ма, — я чувствовал себя так, словно вырвался на волю и стал недосягаем для страданий и сожалений.

* * *

Таким был мой псилоцибиновый трип, который я постарался воспроизвести настолько достоверно, насколько это в моих силах. Однако, читая написанное мной, не могу не признать, что мной в полную силу начинают овладевать сомнения: «Болван, ты же находился под действием наркотиков!» И это правда: вы можете спокойно положить этот мой

опыт в подходящую коробку и выбросить его вон, чтобы никогда больше к нему не возвращаться. Не сомневаюсь, что именно такова судьба бесчисленных психоделических трипов: проделавшие их или не знали, что с ними делать, или просто не видели в них никакого смысла. И хотя верно то, что именно химическое соединение отправило меня в это странствие по дебрям сознания, но столь же верно и то, что все виденное и пережитое мной я действительно видел и пережил: все эти события, совершавшиеся в моем сознании, суть психологические факты, которые не были ни невесомыми, ни мимолетными. В отличие от большинства снов, исчезающих бесследно, следы, оставленные этим опытом, останутся всегда доступными и неизгладимыми.

На следующий день после окончания грибного трипа я был рад возможности вновь побывать в гостях у Мэри, чтобы посвятить несколько часов совместному «усвоению опыта». Я надеялся, что, рассказав ей о пережитом во время трипа и выслушав ее мысли по этому поводу, я смогу осмыслить случившееся или найти в нем для себя некий скрытый смысл. То, что вы прочитали, есть благой результат этой работы, потому как сразу после возращения из странствия по мирам своего сознания я был смущен и сбит с толку гораздо больше, чем сейчас. То, что сейчас выглядит как вполне связное и разумно выстроенное повествование, высвечивающее определенные темы, начиналось как мешанина разрозненных образов и осколков смысла. Попытка выразить словами увиденное, которое в тот момент было, по сути дела, невыразимым, а затем составить из этих слов предложения и целый рассказ — все это неизбежно выливается в некий акт насилия. Но какая-либо альтернатива здесь в буквальном смысле немыслима.

Мэри уже успела разобрать алтарь, но мы сидели на тех же стульях и за тем же столом друг напротив друга. Итак, прошли сутки, и чему же я научился? Тому, что нет никаких причин чего-либо бояться: монстры, спящие в моем сознании, не пробудились и не набросились на меня. Это был глубоко укоренившийся страх, посещавший меня время от времени на протяжении нескольких десятилетий до того ужасного мгновения в номере отеля в Сиэтле, когда, оставшись в одиночестве и до одури накурившись конопли, я вынужден был

собрать в кулак всю свою волю, чтобы сдержаться и не совершить что-либо страшно безумное и необратимое. Но здесь, в этой комнате, я позволил себе полностью расслабиться, потерял всякую бдительность — и ничего страшного не случилось. Змея безумия, которая, как я боялся, поджидала меня где-то на пути, так и не высунулась и не утянула меня за собой. Значит ли это, что она вообще не существует? Значит ли это, что я психологически устойчивей, чем мне казалось? Возможно, именно *в этом* и заключался смысл эпизода с Бобом: может быть, я походил на него больше, чем думал, но был не настолько глубок или сложен, как мне хотелось бы думать. (Интересно, можно ли признание своей ограниченности расценивать как глубокое прозрение?) Мэри не была в этом уверена. «Каждый раз ты привносишь в свои странствия разное „я“, — сказала она. — Вполне возможно, что в следующий раз пробудятся и спящие демоны».

За то, что я пережил процесс растворения своего эго без всякой борьбы, не запаниковав и не раскиснув, я должен, видимо, благодарить судьбу, но еще более ценным для меня было открытие, что существует другой ракурс, другая точка наблюдения — менее невротическая и более благодатная, — из которой открывается взгляд на ту же реальность. «Уже одно это кажется вполне достойной ценой за доступ туда», — сказала Мэри, и я не мог не согласиться с ней. Итак, сутки спустя мое прежнее эго вновь было в былой форме и вновь исправно несло патрульную службу; так что же хорошего, если смотреть в долгосрочной перспективе, было в этом соблазнительном проблеске, открывшем мне более возвышенную перспективу? Мэри предположила, что, познав вкус иного, более свободного и менее защищенного бытия, я на практике смогу научиться тому, как обуздывать агрессивные поползновения моего эго в качестве его реакции на людей и события.

— Теперь у вас есть знание, как можно реагировать по-другому — или не реагировать вообще, — сказала Мэри. — Этот опыт следует развивать, и медитация — один из способов добиться этого.

Думаю, именно эта иная перспектива и позволила тем добровольцам, с которыми мне довелось беседовать (а их было немало), преодолеть свои страхи, тревоги или, как в случае с курильщиками, свои пристрастия. Временно осво-

бодившись из-под власти эго, с его безумно рефлексивными реакциями и его концепцией ущемленного личного интереса, мы сможем познать крайнюю форму того, что Китс назвал «отрицательной способностью», — способность существовать среди сомнений и тайн, не стремясь рефлексивно к ясности и определенности. Чтобы выпестовать эту форму сознания, доведенного до исключительной степени бескорыстия (в буквальном смысле!), нам требуется выйти за рамки собственной субъективности или, что то же самое, расширить ее круг настолько, чтобы он, помимо нас, включал в себя других людей и, прежде всего, всю природу. Теперь я понял, каким образом психоделики могут помочь нам сделать этот шаг от первого лица единственного числа к множественному и еще дальше. Под их воздействием чувство нашей взаимосвязанности — *та самая* банальность — ощущается как реальность и становится плотью. Хотя химические соединения способны поддерживать эту перспективу не более чем несколько часов, этого времени вполне достаточно, чтобы дать нам возможность увидеть, как с ней работать и как ее развивать. И, возможно, как ею распорядиться.

Я покинул квартиру Мэри в приподнятом настроении, но и с чувством того, что меня связывают с чем-то очень драгоценным тонкие, почти на грани разрыва, нити. Мне казалось сомнительным, что я смогу удержать и сохранить эту перспективу не то что до конца жизни, а даже до конца дня, но оно того стоило, чтобы попытаться сделать это.

ТРЕТИЙ ТРИП: 5-MeO-DMT (ИЛИ «ЖАБА)

Да, 5-метоксидиметилтриптамин — это «жаба», или, если быть более точным, яд обитающей в пустыне Сонора колорадской жабы (*Incilius alvarius*), который содержит молекулу 5-MeO-DMT, являющуюся одним из самых мощных и быстродействующих наркотических препаратов из всех имеющихся. Нет, об этой молекуле я никогда не слышал. И остается только гадать, почему федеральное правительство сразу не включило 5-MeO-DMT в список контролируемых субстанций и сделало это только в 2001 году.

Возможность покурить «жабу» мне представилась так неожиданно, что у меня почти не было времени, чтобы решить, насколько безумна (или не совсем) эта затея. Однажды мне позвонила женщина, дипломированный психолог, — один из самых надежных агентов, связывавших меня с подпольным миром психоделиков, — и сказала, что хочет познакомить меня со своей мексиканской подругой по имени Росио, психотерапевтом по профессии, которую она представила, как «вероятно, одного из самых ведущих экспертов мира по жабам». (Интересно, какова конкуренция среди претендентов на этот титул?) Росио родом из штата Сонора, что в Северной Мексике, где она уже много лет собирает жаб и «выдаивает» из них яд; она продвигает это «лекарство» как в Мексике, где у него

«серый» правовой статус*, так и в США, где у него этого статуса нет. (Во всяком случае, в официальных бюллетенях он не фигурирует.)

Росио несколько лет работала в столичной клинике для наркоманов, где их лечили с помощью комбинированного средства, состоящего из *ибоги*, африканского психоделического растения, и 5-MeO-DMT (причем процент успеха был невероятно высоким), а в последние годы она была настоящим Джонни Яблочным Семечком по части жаб, путешествуя по всей Северной Америке с капсулами кристаллизованного яда и испарителем. По мере того как круг моих знакомых психонавтов расширялся, все чаще среди тех, кто пробовал «жабу», встречались люди, которые приобщились к этому препарату с помощью Росио.

Я впервые встретился с Росио за обедом, на который нас пригласила наша общая знакомая, и Росио тогда же рассказала мне о «жабе» и о том, что следует ожидать от этого препарата. Она оказалась маленькой, изящной, модно одетой женщиной 34 лет, с черными волосами до плеч и аккуратно подстриженной челкой, обрамлявшей ее миловидное лицо. У нее была радостная, непринужденная улыбка, от которой на одной щеке появлялась ямочка. Вот уж совсем не то, что я ожидал. Она меньше всего походила на шамана или *curandera* и больше соответствовала городским представителям этой профессии.

Окончив колледж и проработав несколько лет в Соединенных Штатах, Росио пять лет назад вернулась в Мексику и жила там с родителями, так и не определившись до конца с выбором цели, пока однажды на набрела в просторах Интернета на справочник по жабам, которые, оказывается, обитали по соседству, в местной пустыне. (Ареал их обитания охватывал не только пустыню Сонора, но и тянулся дальше на север, захватывая Аризону.) Девять месяцев в году эти жабы живут под землей, которая защищает их от жары и солнца, но когда наступает сезон зимних дождей, они по ночам выбираются из своих нор на поверхность и преда-

* «Серый» правовой статус того или иного лекарственного препарата означает, что в зависимости от традиций, обстоятельств и действующих регулирующих актов он может быть как легальным, так и нелегальным. — *Прим. перев.*

ются оргии обжорства и совокупления. Следуя инструкциям, изложенным в справочнике, Росио надела налобный фонарик и отправилась охотиться на жаб.

— Ловить их совсем нетрудно, — рассказала она. — В лучах света они замирают, так что подходи и бери. — (У этих жаб, бородавчатых существ песочного цвета размером примерно с человеческую ладонь, по обеим сторонам шеи расположены большая железа и железы поменьше — на лапах.) — Подносишь к шее зеркало, чтобы поймать струю, мягко надавливаешь на железу, вот и все.

Жабе, по-видимому, ничуть не хуже оттого, что ее «доят». В течение ночи яд на поверхности зеркала высыхает и превращается в слоистые кристаллы цвета коричневого сахара. В естественном виде яд жабы очень токсичен: она пользуется им как средством защиты, когда чувствует, что ее жизни угрожает опасность. Но, когда кристаллы испаряются, токсины разрушаются, оставляя вместо себя 5-MeO-DMT. Росио выпаривает кристаллы в стеклянной трубке прямо на глазах клиента; последний вдыхает пары и «улетает» еще до того, как успевает их выдохнуть.

— Жаба действует быстро, и поначалу ее действие кажется невероятно мощным, — говорит Росио. (Я заметил, что она персонифицирует жабу с ее ядом и очень редко пользуется его молекулярным названием.) — Причем одни сохраняют полное самообладание и спокойствие, а другие кричат и молотят руками, особенно когда жаба их травмирует, на что она вполне способна. Некоторых даже рвет. Но проходит двадцать или тридцать минут, действие яда прекращается — и вы опять в порядке.

Оказавшись перед лицом столь важного выбора, я решил довериться своему инстинкту, который подсказал мне, что нужно узнать об этом соединении как можно больше, поэтому тем же вечером Росио прислала мне по электронной почте несколько статей на эту тему. Но добыча оказалась невелика. В отличие от большинства других психоделиков, которые пристально изучают ученые по всему миру и которые во многих случаях были в ходу у местного населения сотни, если не тысячи лет, «жаба» известна западным ученым только с 1992 года. Именно в этом году Эндрю Вайль и Уэйд Дэвис опубликовали работу, названную ими «Еще один обитатель

Нового Света — психоактивная жаба». На мысль заняться поисками столь фантастического существа их навели многочисленные изображения лягушек в искусстве древних майя. Но единственная психоактивная жаба, которую им удалось отыскать, живет к северу от майянской цивилизации и достаточно далеко от ее очагов. Вполне возможно, что жабы просто являлись символом торговли, которую вели майя с другими народами; во всяком случае нет никаких доказательств того, что практика курения яда жаб имеет древнюю традицию. Однако 5-MeO-DMT выделяют не только жабы, но и некоторые южноамериканские растения, и ряд племен, живущих в амазонских джунглях, высушивают и растирают эти растения, используя их как нюхательный табак в шаманских ритуалах. У некоторых из племен этот нюхательный табак известен как «солнечное семя».

Короче, я узнал много интересного об этом соединении, но так и не смог найти достоверной медицинской информации ни о его возможных побочных действиях, ни о его опасных взаимодействиях с другими лекарственными веществами — слишком уж мало исследований было проведено в этом направлении. Но чего я нашел в изобилии в Интернете, так это рассказов о «жабных трипах», причем многие из них были просто устрашающими. Узнал я и то, что в городе живет одна женщина (подруга одного моего друга, с которым я пару раз встречался на званых обедах и общих вечеринках), которая пробовала 5-MeO-DMT — не саму «жабу», а синтетический вариант этого активного ингредиента. Я пригласил ее на обед, чтобы выведать у нее кое-какие полезные для себя сведения.

— Это Эверест всех психоделиков, — доверительным и чуть зловещим тоном начала она, положив (видимо, для успокоения) свою руку мне на предплечье. Оливии (так звали эту женщину) было чуть больше пятидесяти лет, у нее было двое детей, а работала она консультантом по вопросам менеджмента; у меня было смутное представление о том, что она, кроме всего прочего, исповедовала какую-то восточную религию, но я понятия не имел о том, что она к тому же и психонавт.

— Вам нужно быть готовым ко всему, — уплетая гренки с сыром, приступила она к душераздирающему описанию

своих переживаний. — Меня сразу выбросило в бесконечное царство чистого бытия, в мир, где нет ни людей, ни каких бы то ни было сущностей, а есть только бытие само по себе. Этот мир просто огромен; до этого я и не подозревала, что такое бесконечность. Но этот мир двухмерный, а не трехмерный, и после стремительного взлета я обнаружила, что нахожусь в этом бескрайнем пространстве в качестве звезды. Помню, я еще подумала: «Если это смерть, то такая смерть мне по душе». Это ощущалось как... блаженство. У меня было чувство — нет, даже не чувство, а *знание*, что здесь абсолютно всё, все реалии сотканы из любви. После того как прошла целая вечность (так только казалось, хотя, вероятно, прошло всего несколько минут), начинаешь приходить в себя и возвращаться в свое тело. У меня мелькнула мысль: «Мне же надо растить детей. На жизнь отведен краткий миг, а на то, чтобы быть мертвой, — бесконечное количество времени».

Я задал ей вопрос, который терзал меня всякий раз, когда кто-нибудь принимался повествовать о своих мистических переживаниях:

— Уверены ли вы в том, что это было подлинно духовное событие, а не просто видение, вызванное наркотическим препаратом? И если уверены, то откуда берется такая уверенность?

— Это вопрос не по существу, — холодно ответила она. — Это то, что мне открылось, и ничего больше.

Вот оно что! Это было то самое ноэтическое чувство, которое Уильям Джеймс охарактеризовал как признак мистического опыта. Я позавидовал уверенности Оливии. И именно эта уверенность, полагаю я, и стала причиной того, что я решил «покурить жабу».

* * *

Ночь перед сеансом, как то было вполне предсказуемо, оказалась бессонной. Да, первые два трипа оказались удачными: я вышел из них целым и невредимым и даже был благодарен судьбе за то, что она предоставила мне такую возможность, потому как благодаря им я стал еще более сильным и физически, и психически (так мне представлялось), чем раньше. Но теперь все прежние страхи нахлынули вновь,

унося меня под своими парусами через долгую беспокойную ночь. *Эверест*! Сможет ли мое сердце вынести тяжесть этих первых мучительных мгновений стремительного подъема? Сколь велики шансы на то, что я сойду с ума? Вероятно, очень малы, но и не равны нулю. Итак, будет ли с моей стороны безумием пойти на этот риск или не будет? С другой стороны, думал я, что бы ни произошло, на все уйдет от силы полчаса, не больше. И это плюс. Но ведь все это может растянуться и на полтора часа, и что тогда? И это минус.

Я решил, что к тому времени, когда взойдет солнце, я решу, когда именно отправлюсь к Росио. Я заранее предупредил ее о моих опасениях и тревогах, и она предложила мне прийти к ней пораньше, чтобы я, прежде чем подойдет мой черед, мог посмотреть, как она работает с другим клиентом. Как она и предполагала, это подействовало на меня успокаивающе. Парень передо мной, студент колледжа с очень низким уровнем аффекта, который до этого уже пробовал «жабу», вдохнул в себя дымок из трубки Росио, лег на матрас и погрузился в тридцатиминутный внешне безмятежный сон, во время которого он не выказывал никаких признаков отчаяния, не говоря уже об экзистенциальном страхе. После завершения сеанса он выглядел совершенно нормальным. Если что-то и происходило, то происходило исключительно в его голове, заметил он, но на его теле, судя по всему, это никак не отразилось. Что ж, прекрасно. Смерть или безумие — шансы на это крайне невелики. Так что попробую.

Удобно расположившись на матрасе, я принял сидячее положение, а Росио тем временем положила заранее отмеренное количество кристаллов в прозрачный флакончик и приторочила его к стеклянной трубке. «А теперь, — сказала она, — скажи спасибо жабе и думай о своем намерении». (Что-нибудь насчет того, чему именно должна научить меня «жаба» и как наилучшим образом усвоить этот урок.) Росио зажгла ручную кислородно-бутановую горелку, поместила над пламенем флакончик, затем велела взять в рот конец трубки и короткими затяжками втягивать в себя белый дымок, извивавшийся колечками и заполнявший пространство трубки. «А в конце сделай одну длинную затяжку и держи ее как можно дольше».

Я не помню ни того, как выдохнул из себя этот дым, ни того, как меня уложили на матрас и прикрыли одеялом. Все, что я помню, это как мою голову вмиг наполнил колоссальный прилив энергии, сопровождавшийся каким-то терзающим слух грохотом. Мне едва удалось выдавить из себя два заранее приготовленных слова: «доверяюсь» и «сдаюсь». Эти слова стали моей мантрой, но они показались мне какими-то невероятно жалкими и корявыми, всего лишь клочками бумаги, быстро промелькнувшими и затерявшимися в мощном водовороте накатившего на меня пятибалльного психического шторма. Меня охватил ужас, а затем, подобно одному из тех возведенных на атолле Бикини хлипких деревянных домиков, которым предстояло быть разрушенными и сметенными с лица земли в ходе ядерных испытаний, моего «я» не стало: оно превратилось в облако конфетти под действием взрывной силы, которую я не мог больше вмещать в своей голове, потому как она взорвала и голову тоже, с невиданной быстротой распространяясь ввысь и вширь и вбирая в себя все существующее. Что бы это ни было, но это не галлюцинация. Галлюцинация всегда подразумевает наличие некой реальности, некой точки отсчета и сущности, которая ее рождает. Здесь же ничего этого не было и в помине.

К сожалению, с уничтожением моего «я» владевший мной ужас не исчез. Какая бы часть меня ни отмечала и ни регистрировала переживаемое мной, то самое постэгоистическое осознание, с которым я впервые соприкоснулся при грибном трипе, теперь питало пламя владевшего мною ужаса. В сущности, каждая веха, каждый пробный камень, говорящие нам «я существую», были уничтожены, но я при этом оставался в сознании и даже не терял его. «Неужели именно так выглядит смерть? Может ли такое быть?» — возникла внутри меня мысль, хотя самого мыслителя, который мог бы ее породить, больше уже не существовало.

Какие-либо слова здесь бессмысленны, потому как они ничего не передают. По правде говоря, не было ни пламени, ни взрыва, ни термоядерного урагана; я прибегаю к этим метафорам в надежде создать некое стабильное и всем доступное представление о том, что происходило в моем уме. Это событие не несло в себе каких-либо связных мыслей, оно представляло собой чистое и ужасное в своей наготе чувство.

Только позже я задумался над тем, не являлось ли пережитое мной тем, что мистики называют *mysterium tremendum* — ослепляющей невыносимой тайной (относящейся к Богу или какому-то другому Творцу или Абсолюту), перед которой люди трепещут в благоговейном страхе. Хаксли описал это состояние как страх «быть подавленным, распасться под давлением реальности гораздо большей, чем сознание, и приспособленной большую часть времени жить в уютном мире символов, который никто не в состоянии вместить».

О, вот бы вернуться в этот удобный мир символов!

После этого я постоянно возвращался к одному из двух метафорических образов, и хотя они неизбежно искажают виденное и пережитое мной*, как, впрочем, это свойственно всем словам, метафорам или символам, но они, по крайней мере, позволяют ухватить хотя бы тень этого опыта и, вероятно, поделиться им. Первый метафорический образ — словно я после запуска ракеты нахожусь снаружи и, обхватив ее ногами, обеими руками цепляюсь за нее, в то время как быстро нарастающая сила гравитации плющит мою плоть, растягивая мое лицо в напряженную гримасу, а цилиндрический корпус ракеты в это время несется, поднимаясь все выше и выше через слои облаков, экспоненциально набирая скорость и высоту, и фюзеляж весь содрогается в пароксизме самоуничтожения, напрягаясь в стремлении освободиться из-под власти Земли, а трение, возникающее из-за соприкосновения с разреженным воздухом, вызывает оглушительный рев.

---

* Бельгийский писатель Анри Мишо, современник Хаксли, написавший книгу о его психоделических видениях, избрал совершенно другой путь: он отказался от использования метафор, к которым обычно прибегают, дабы осмыслить с их помощью то, что, по его убеждению, выше человеческого понимания. В своей книге *«Жалкое чудо» (Miserable Miracle)* он поставил себе цель — быть «внимательным ко всему, что происходит, именно в том виде, как оно есть, не стараясь исказить его и измыслить иначе, с тем чтобы сделать его более интересным для себя». Или более осмысленным и понятным для читателей. Поэтому, хотя книга временами просто блестящая, многие пассажи в ней подчас невозможно читать. «У меня больше не было власти над словами. Я больше не знал, как сладить с ними. Прощай, писательство!» Я понимаю, что он имеет в виду, но сам я предпочитаю сопротивляться, хотя это можно трактовать в том смысле, что я терпимо отношусь к искажениям, неизбежно возникающим в моем рассказе.

Да, что-то вроде *этого*.

Другой метафорический образ — это «большой взрыв», но взрыв в обратном направлении, от знакомого нам мира до точки, в которой не было еще ничего, ни времени, ни пространства, ни материи, а была лишь чистая, ничем не ограниченная энергия, которая являла собой все бытие, прежде чем некое несовершенство, некая рябь на гладкой поверхности в виде волны заставила эту вселенскую бездну энергии облечься в одежды времени, пространства и материи. Стремительно несясь назад во времени через 14 миллиардов лет, я видел, как измерения реальности исчезали одно за другим, пока не осталось ничего, даже бытия. Только всепоглощающий грохот.

Это было просто ужасно.

И затем вдруг это превращение всего в ничто, в чистую силу и энергию, меняет свой курс. Один за другим элементы нашей Вселенной начинают восстанавливаться: первыми возвращаются такие измерения, как время и пространство, одарив мой все еще раздробленный на конфетти мозг удобными координатами места; *вот это где*! А затем я вновь облачился в свое привычное «я», всунув себя в него, как ноги в старые тапочки, и вскоре после этого почувствовал, как нечто, распознанное мной как мое тело, начало вновь собираться воедино и обретать формы. Реальность, как фильм, раскручивалась теперь в обратную сторону, создавая впечатление, как будто все листья, которые термоядерный взрыв сорвал с великого древа жизни и рассеял по четырем ветрам, неожиданно начали возвращаться назад, подлетать к знакомым ветвям реальности и прикрепляться к ним. Короче говоря, восстанавливался привычный порядок вещей, включая и меня самого. *Я был живой*!

Вхождение и возвращение в знакомую реальность произошли быстрей, чем я ожидал. Пережив душераздирающую агонию на старте, я, став невесомым, ожидал, что буду выведен на орбиту и вставлен в звездную ткань небосвода в виде благословенной звезды. Увы, но мой полет, подобно полету первых астронавтов на Меркурий, так и остался суборбитальным: описав дугу, которая в своей высшей точке лишь запечатлела легкий поцелуй на безмятежности бескрайнего пространства Вселенной, я снова опустился на Землю.

И вот, почувствовав, что я опять стал самим собой, восстановив сначала свое «я», а затем и свое тело, — чтобы убедиться в его достоверности, я начал елозить под одеялом, похлопывая себя руками по бедрам, — я испытал столь сильное экстатическое состояние счастья, какого не припомню в своей жизни. Но этот экстаз не был чем-то sui generis, то есть уникальным, — нисколько. Скорее эта была равная по силе реакция на испытанный мной ужас, не столько дар Божий, сколько прилив радости и удовольствия, вызванный уходом нестерпимой боли. И охватившее меня чувство облегчения было таким сильным и глубоким, что казалось поистине космическим.

Убедившись, что тело восстановило свои формы, я вдруг почувствовал необъяснимый порыв приподнять ноги, согнув их в коленях, и как только я их приподнял, что-то сдавило меня между ног, но сдавило легко, без напряжения, не вызывая ни раздражения, ни боли. Это был не кто иной, как я сам — новорожденный малыш, младенец. И это не казалось странным, а, наоборот, вполне уместным: умерев, я теперь рождаюсь опять. Но как только я внимательнее пригляделся к этому новорожденному существу, оно плавно превратилось в Айзека, моего сына. И я, помнится, в тот миг подумал: «Какое это счастье! Как удивительно, когда отец ощущает ту неразрывную физическую близость с ребенком, которую обычно ощущает только мать». Какое бы пространство ни разделяло меня с моим сыном, оно вдруг захлопнулось, исчезло, и я почувствовал, как по моим щекам текут горячие слезы благодарности.

А затем пришло и само чувство благодарности, нахлынувшее на меня ошеломляющей волной. Благодарности за что? За то, что я опять существую, за то, что вместе со мной существуют Айзек и Джудит, но также и за то, что существует нечто гораздо более основательное, фундаментальное: впервые в жизни я почувствовал благодарность за сам факт наличия бытия, за то, что вообще существует что бы то ни было. Причем сам этот факт воспринимался не как факт, не как что-то данное, а как совершенное чудо, как нечто, к чему я решил никогда больше не относиться как к само собой разумеющемуся факту. Все обычно благодарят за то, что они «живы», но кто откажется сказать спасибо за тот

голый костяк, тот замысел, что предшествовал «оживлению»? Я ведь только что вернулся оттуда, где нет и намека на бытие, и теперь поклялся никогда не забывать о том, какой это дар (и какая тайна), когда там, где не было ничего, появляется что-то.

Я снова вошел в хорошо знакомое и более привычное для меня психическое пространство, по которому я по-прежнему странствовал и где мог собрать воедино свои мысли и управлять ими. (На их качество я не жалуюсь.) Прежде чем я вдохнул в легкие дым и выпал из этой реальности, Росио попросила меня, как она просит всех, курящих «жабу», внести свою лепту в «дело мира», то есть подыскать в ходе странствий какую-то идею или какое-то решение, которые я мог бы захватить с собой и с пользой применить в своей жизни. Моей лептой, решил я, будет вопрос, связанный с чистым бытием и его противоположностью (или тем, что я за таковую принимал) — «деланием». Я поразмыслил над этой двойственностью, которая представлялась мне очень важной, и пришел к выводу, что я в своей жизни слишком много внимания уделяю последнему аспекту и недостаточно первому.

Действительно, очень многие предпочитают делание, поскольку через него они приходят к чему-то сделанному, свершенному, но разве чистое бытие не представляет собой столь же огромную ценность и не приносит столь же большую психическую пользу? Разве не созерцание предшествует действию? Я решил, что буду в тишине упражняться в познании и усвоении бытия — бытия как сосуществования с другими людьми, какими я их нахожу (несовершенными), и со своим несовершенным «я», — чтобы насладиться всем, что существует и что дается мне в этот самый момент, не пытаясь его изменить или даже описать. (Хаксли под действием мескалина был одержим тем же самым желанием: «Если бы кто-то всегда видел нечто подобное, он бы никогда не захотел ничего другого».) Даже сейчас, уносимый этим благодатным созерцательным потоком, я вынужден был противиться настырному желанию пристать к берегу и рассказать Росио о своем грандиозном прорыве. «Нет, ни за что! Пусть это просто пребудет с тобой», — вынужден я был напомнить самому себе.

К этой двойственности и неприязни к бытию, понял я, меня привела словесная схватка с Джудит, которая состоялась прошлым вечером. Джудит сетовала на свою жизнь и на то, что ей многое в этой жизни не нравится, а я, вместо того чтобы просто посочувствовать ей, сказать, что я ее понимаю, ее и ее дилемму, тут же принялся перечислять практические вещи, с помощью которых она могла бы спастись от мучительной ситуации. Но это было совсем не то, чего она хотела и что ей требовалось, и она рассердилась. Теперь-то я вижу совершенно ясно, почему моя попытка прийти ей на помощь больше навредила ей, чем помогла.

«Больше существуй и меньше делай» — именно такой оказалось моя лепта в «дело мира». Но как только я облек мысль в слова, я понял, что здесь есть одна проблема, причем большая проблема, потому как разве не является сам акт принятия решения о более благосклонном отношении к бытию некой формой делания? Разве это не является предательством по отношению к самой идее? Истинный знаток бытия никогда бы не помыслил принимать решения! Короче, я запутался в философском гордиевом узле, выстроил парадокс или сочинил коан, который был не в состоянии распутать, поскольку не был достаточно умен или просветлен для этого. Поэтому то, что начиналось как одно из самых потрясающих переживаний в моей жизни, кончилось полчаса спустя ничем, оставив на моем лице лишь слабое подобие улыбки.

* * *

Даже теперь, много месяцев спустя, я не могу сказать со всей определенностью, что мне дал этот последний трип. Его сокрушительное сюжетное развитие — этот ужасный кульминационный момент, быстро сменившийся такой сладостной развязкой, — нарушило связную форму рассказа или путешествия. В нем отсутствовали начало, середина и конец, которые были во всех моих предшествующих странствиях и на которые мы обычно ориентируемся, когда пытаемся осмыслить пережитое. Это и та умопомрачительная скорость, с которой развивался этот сюжет, не позволили извлечь из него много информации или знаний, за исключением психоделической (и ставшей уже классикой) банальной истины о важности бытия как такового. (Спустя

несколько дней после моего «жабного трипа» я наткнулся в компьютере на старое электронное письмо, которое мне прислал когда-то Джеймс Фадиман; оно, как ни странно, заканчивалось словами, которые, если подумать, вполне можно расположить в виде ритмичных стихотворных строк: «Что бы вы ни делали, надеюсь, / от этого оступитесь и впредь / к этому не прикоснетесь вовсе».)

«Усвоение опыта» оказалось весьма поверхностным: мне пришлось самому разгадывать уроки, преподанные «жабой», какими бы они ни были. Можно ли пережитое мной назвать духовным или мистическим опытом и был ли он таковым? Или же то, что происходило в моем сознании, было лишь побочным явлением действия этих странных молекул? (Или и тем и другим?) В моей памяти всплыли слова, сказанные Оливией: «Это вопрос не по существу. Это то, что мне открылось, и ничего больше». Что, если и мне что-то открылось? Но что?

Не уверенный, с чего именно нужно начинать, я все же понимал, что лучше всего будет сравнить пережитое мной с тем, что переживали другие добровольцы, участвовавшие в исследованиях, проводившихся в медицинском центре Хопкинса и Нью-Йоркском университете. Поэтому я тоже решил заполнить «Анкету установления мистического опыта»* (ее обычно заполняют участники исследований после каждого проведенного с ними сеанса), посчитав, что из нее-то я наверняка узнаю, подпадает ли пережитое мной под этот критерий или нет.

Анкета предлагает оценить по частоте и количеству тридцать психических явлений — мысли, образы, чувства, которые психологами и философами рассматриваются как типичный мистический опыт. (Вопросы анкеты основаны на трудах Уильяма Джеймса, У. Т. Стейса и Уолтера Панке.) «Опираясь на совокупность всего пережитого вами во время сеанса, вспомните и оцените по степени значимости (частоте и количеству раз) следующие явления», используя шестибалльную шкалу оценок от нуля до пяти. (Нуль означает «ни разу», а пять — многократность, то есть «чаще, чем все другие явления».)

* С этой целью я взял не старую, а обновленную анкету. Она так и называется: «Анкета установления мистического опыта, пересмотренная и дополненная».

Некоторые пункты оценивать было легко: «Потеря чувства времени». М-м, 5 баллов. «Чувство изумления». Ага! Еще 5 баллов. «Чувство, что пережитое невозможно адекватно выразить словами». Н-да. Снова 5 баллов. «Приобретение глубоких знаний, добытых на интуитивном уровне». Гм. Полагаю, мысль о значимости бытия за таковые сойдет. На сколько же баллов она тянет? Может быть, на три? А вот как оценить это положение: «Чувство, что вы приобщились к вечности или бесконечности»? Да, есть над чем призадуматься. В данном случае языковой эквивалент подразумевает нечто более позитивное, чем то, что мне было дано испытать на уровне чувства, когда время исчезло и меня охватил ужас. «Нет», — решил я, то есть нуль. «Чувство слияния личного „я“ с большим целым»; этот пункт просто идеально выражает чувство моего слияния с ядерным взрывом. Хотя это скорее ощущалось как расщепление моего «я», нежели как слияние, но так уж и быть, поставлю 4 балла.

А что делать вот с этим? «Уверенность, что вы встретились с Высшей Реальностью (в смысле, что вы были способны „увидеть“ и „понять“, что действительно для вас реально на каком-то этапе вашего опыта)». Ну что ж, я действительно вернулся из своих странствий с некоторыми убеждениями (одно из них, в частности, касается существования и делания), но их вряд ли назовешь встречей с Высшей Реальностью, какова бы она ни была. Несколько следующих пунктов тоже вызвали у меня желание вскинуть в отчаянии руки: «Чувство, что вы пережили нечто глубоко сакральное или священное» («нет») или «Озарение, что „все суть едино“» («да», но не в лучшем смысле этого слова; в разгар всепоглощающего психического шторма, мне ничего *так* не хватало, как дифференциации и множественности). Пытаясь оценить ряд других подобных пунктов, я чувствовал, что анкета все дальше и дальше уводит меня в направлении, где я неизбежно должен буду прийти к выводу, что все это совершенно не соответствует тому, что я чувствовал.

Но когда я подсчитал количество баллов, то удивился: я набрал 61 балл, на один больше, чем то количество, которым обозначен порог «полноценного» мистического опыта. Я таки перевалил через него. Так *это и был* мистический опыт? Честно говоря, я ожидал чего-то другого. На мой

взгляд, *мой* мистический опыт таковым совершенно не выглядел и не ощущался. Поэтому я заключил, что «Анкета установления мистического опыта» — ветхая сеть, малопригодная для такого улова, как мои откровения, навеянные «жабой». Это даже не улов, а психологический прилов, решил я, и его, вероятно, лучше просто выбросить вон.

Однако, спросил я себя, не связано ли как-то мое недовольство анкетой с сущностной природой — высокой интенсивностью и причудливостью форм — самой «жабы» и ее воздействием на человека, для чего, в конце концов, она и не предназначена вовсе. Ибо, когда я заполнил ту же анкету, чтобы оценить свой псилоцибиновый трип, «смычка» между вопросами анкеты и сущностной природой псилоцибина оказалась намного лучше, и оценивать явления было намного проще. Если хорошенько поразмыслить над сюитой для виолончели, например, то я мог бы с легким сердцем подтвердить «слияние [моего] личного „я“ с большим целым», так же как и «чувство, что [я] пережил нечто глубоко сакральное или священное», достиг «некой духовной высоты» и даже «познал чувство единства с Высшей Реальностью». Да, да, да и еще раз да — при условии, что мое усиленное выпячивание этих важных прилагательных не подразумевает под собой веры в сверхъестественную реальность.

Мой псилоцибиновый трип под наблюдением Мэри потянул, согласно той же «Анкете установления мистического опыта», на 66 баллов. Не знаю, почему, но количество набранных баллов вызвало во мне чувство глупого самодовольства. (Ну вот, упражнялся в познании бытия, а пришел все к тому же, к деланию.) Но ведь именно этот опыт и был моей целью; по крайней мере, если верить ученым, то мистический опыт у меня все же был. Тем не менее вера в Бога, или в космическое сознание, или в нечто магическое от этого не стала мне ближе, да и сам я не приблизился к тому, к чему этот опыт, как я необоснованно ожидал (или надеялся?), мог бы меня привести.

Не шло даже речи о том, что со мной случилось нечто совершенно неведомое и глубокое — нечто, что я был бы готов определить термином «духовное», пусть даже со знаком сноски. Видимо, духовность, как мне всегда казалось, подразумевает такую веру или такое убеждение, из которых, предположительно, проистекает все духовное, но мне тако-

вых не дано было познать. И теперь я задавался вопросом: всегда ли, непременно ли это так?

Только в результате всех моих трипов мне удалось разгадать этот долго терзавший меня парадокс, и произошло это, когда я беседовал с Дайной Бейзер, больной раком (она находилась под наблюдением врачей в больнице Нью-Йоркского университета), которая начинала и закончила свой псилоцибиновый трип убежденной атеисткой. В кульминационный момент «путешествия», когда у нее исчез страх смерти, Бейзер, по ее словам, прямо-таки «купалась в лучах Божьей любви», и тем не менее, вернувшись оттуда, она осталась при своих атеистических убеждениях. Как могут эти две враждующие идеи уживаться в одном мозге? Думаю, я теперь понимаю как. Да, тот поток любви, в котором она купалась, был невыразимо мощным, но он при этом никак не соотносился с какой-либо изначальной причиной, ни индивидуальной, ни мирской, и потому был чисто беспричинным, безвозмездным — некой формой благодати. Так как же передать величие этого дара? «Бог», возможно, единственное большое, если не великое, слово в языке, и именно к нему и прибегла Дайна Бейзер.

Частично проблема оценки моего собственного опыта, с которой я имел дело, была связана и с другим большим и значимым словом — «мистический», прилагаемым к опыту, выходящему за рамки обычного сознания или даже за рамки науки. Здесь уже отдает чем-то сверхъестественным. Думаю, однако, было бы неправильно отказываться от этого термина хотя бы только потому, что великие умы человечества на протяжении тысячелетий проделали огромную работу, чтобы отыскать подобные слова для выражения и осмысления этого экстраординарного человеческого опыта. Читая заветы и откровения этих умов, мы находим поразительную общность в их описаниях, пусть даже мы, люди мирские, *совершенно* не в состоянии понять, о чем в этом мире (или вне его) они говорят.

По словам схоластов, ученых-мистиков, эти общие свойства в целом распространяются на такие аспекты, как видение единства, в котором все явления, все реалии, включая и «я», объединены между собой (что выражается фразой «все едино»); как чувство несомненности относительно воспринятого человеком («мне открылось знание»); как чувства радости, блаженства и удовлетворения; как трансцендент-

ность категорий, на которые мы опираемся при организации мира, таких, как время, пространство, «я» и прочие; как чувство того, что все понятое, постигнутое каким-то образом свято («то, что более глубоко перемешано» со смыслом, по словам Вордсворта) и часто парадоксально (пока «я» отсутствует, осознание пребывает). И последнее — это убеждение, что этот опыт невыразим, хотя тысячи слов тужатся в попытке выразить его силу. (Да простится мне это выражение!)

Раньше, до начала моих трипов, слова и фразы вроде этих оставляли меня равнодушным; они казались мне совершенно темными, бессмысленными, в большинстве своем неким квазирелигиозным фетишем. Сейчас же они живописуют распознаваемую реальность. И точно так же, если раньше некоторые мистические отрывки из книг казались мне такими заумными, преувеличенными или абстрактными, что я читал их (если вообще читал) скорее снисходительно, чем с упоением, то сейчас я могу читать их бегло и с интересом, как некий подвид журналистики. Привожу ниже три примера из литературы XIX века, но точно такие же можно найти и в литературе всех веков.

Ральф Уолдо Эмерсон, пересекая унылые заснеженные просторы Новой Англии, пишет в эссе «Природа»:

> «Вот я стою на голой земле — голову мне овевает бодрящий воздух, она поднята высоко в бесконечное пространство, — и всё низкое себялюбие исчезает. Я становлюсь прозрачным глазным яблоком; я делаюсь ничем; я вижу всё; токи Вселенского Бытия проходят сквозь меня; я часть Бога или Его частица».
>
> *[Перевод А. Зверева]*

А вот строки Уолта Уитмена, взятые из первого (более короткого и более мистического) издания «*Листьев травы*»:

Тотчас возникли и простерлись вокруг меня покой и мудрость,
которые выше земного рассудка,
И я знаю, что Божья рука есть обещание моей,
И я знаю, что Божий дух есть брат моего,
И что все мужчины, когда бы они ни родились, тоже мои братья,
И женщины — мои сестры и любовницы,
И что основа всего сущего — любовь.

[«Песня о себе». Перевод К. Чуковского]

А вот отрывок из письма Альфреда Теннисона, где он описывает «транс в бодрствующем состоянии», в который он впадал время от времени в годы детства:

> «И вдруг, как бы помимо усилий со стороны сознания индивидуальности, сама индивидуальность, казалось, растворилась и исчезла; и это не было состоянием путаницы или замешательства, а состоянием яснейшим из ясных, вернейшим из верных; чем-то вне слов, где смерть казалась до невозможности смехотворной, а потеря личности (если таковая имела место) представлялась не исчезновением, а единственно подлинной жизнью».

Что же изменилось? Только то, что теперь я точно понимаю, о чем говорили эти писатели и поэты: они говорили о своем мистическом опыте, как бы он ни был ими достигнут и как бы ими ни интерпретировался. Ранее инертные, безжизненные, теперь их слова испускали лучи новых отношений; или, по крайней мере, теперь я был в состоянии их воспринимать. Такие излучения всегда присутствовали в нашем мире, перетекая в человечество через литературу и религию, но, подобно электромагнитным волнам, они не могли быть расшифрованы и поняты без своего рода приемника. Именно таким приемником я и стал. Такая фраза, как «бескрайнее бытие», которую когда-то я мог запросто пропустить как в высшей степени абстрактную и гиперболичную, теперь передавала мне нечто специфичное и даже хорошо знакомое. Короче говоря, дверь в мир человеческого духовного опыта, которая была закрыта для меня в течение 60 лет*, теперь широко распахнулась.

Но заслужил ли я право войти в эту дверь, заслужил ли право вмешаться в разговор? Я ничего не знаю о мистическом опыте Эмерсона (а равно Уитмена или Теннисона) и не знаю, как они его обрели, но своим опытом я всецело обязан химическому соединению. Но разве это не обман? Вероятно нет: похоже на то, что все психические переживания, даже

---

* Или, по меньшей мере, в течение 55 лет, поскольку, как мне кажется, маленькие дети постоянно имеют доступ к таким откровениям, о чем мы расскажем в следующей главе.

самые, казалось бы, «трансцендентные», завязаны на химические вещества мозга. Насколько важна и действенна генеалогия этих веществ? Оказывается, мир природы и мозг человека наполняют одни и те же молекулы, которые связывают нас воедино в один обширный водосбор триптаминов. Разве эти экзогенные молекулы менее чудесны, чем прочие? (Особенно когда они передаются нам через грибы, или растения, или *жабу*!) Не стоит забывать: на свете есть множество культур, где признание того факта, что визионеры получают вдохновение от природы, что оно есть дар других существ и созданий, делает их откровения *более*, а не менее значимыми.

Что касается моей собственной интерпретации пережитого — моего собственного официально удостоверенного мистического опыта, — то я все еще над ней работаю, нахожусь, так сказать, в поиске нужных слов. При этом я легко и без проблем пользуюсь прилагательным «духовный» при описании того, что я увидел и почувствовал, употребляя его в привычном, а не в сверхъестественном смысле. «Духовные» (во множественном числе), на мой взгляд, очень хорошо описывает ряд мощных психических феноменов, возникающих в тот момент, когда голос эго замолкает или немеет. Даже если отбросить все остальное, мои трипы показали, что между нами и новыми поразительными измерениями — будь то миры вне нас или миры нашего сознания — стоит эта некогда столь хорошо знакомая и, если поразмыслить, такая странная психическая конструкция. Кроме того, трипы показали, что именно стараются донести до нашего сознания буддисты (и чего я до сей поры не понимал): что доля сознания неизмеримо больше, чем доля эго, в чем мы могли бы убедиться, если бы последнее умолкло хоть на миг. Его исчезновения (или трансцендентности) не стоит бояться; в сущности, это состояние — необходимое условие для любого духовного прогресса.

Но эго, этот внутренний неврастеник, настаивающий на том, чтобы психическое шоу продолжалось и он было его ведущим, — сущность коварная и без борьбы не уступит свою власть. Считая себя незаменимым, оно будет бороться против ущемления своих прав, причем это может случиться и до, и в середине трипа. Подозреваю, что именно этим мое

эго и занималось все те бессонные ночи, которые предшествовали каждому из моих «путешествий», стремясь убедить меня в том, что я рискую всем, тогда как в действительности если я что и ставил под угрозу, так это его, эго, суверенитет. Когда Хаксли говорит о «редукционном клапане» сознания — способности как удалять из сферы нашего сознательного восприятия, так и впускать в нее впечатления мира, — на самом деле он говорит об эго. Этот надменный, бдительный страж пропускает только узенькую полосу частот окружающей реальности, «тот скудный ручеек сознания, который поможет нам остаться в живых». Такая функция очень даже хороша, особенно при выполнении всех тех действий, которые требует и которые ценит естественный отбор: двигаться вперед по жизни, нравиться, любить и быть любимым, питаться, заниматься любовью и так далее. Эго — суровый, неумолимый редактор: то и дело подкидывая нам задания, он следит за тем, чтобы мы не отвлекались от текущей работы, в чем бы она ни заключалась: в регулировании доступа к воспоминаниям и сильным эмоциям, идущим изнутри, или к мировым новостям, поступающим снаружи.

Какие бы веяния мира ни пропускал этот страж, он стремится их объективировать, потому как эго всегда хочет сохранить и приберечь дары субъективности только для себя. Вот почему оно отказывается понимать, что вне его существует целый мир душ и духов, под которыми я просто разумею другие (не наши собственные) субъективности. Только когда псилоцибин подавил или утихомирил голос моего эго, я смог почувствовать и осознать, что у растений в моем саду тоже есть дух. (Говоря словами Ричарда Мориса Бака, выдающегося канадского психиатра и мистика XIX века, «я увидел, что Вселенная состоит не из мертвой материи, а, напротив, из живой Всесущности».) «Экология» и «коэволюция» — это научные термины для одних и тех же явлений: каждый вид есть субъект, воздействующий на другие субъекты. Но когда эта концепция требует облечь чувство плотью, когда чувство становится «более глубоко перемешано» со смыслом, как это случилось во время моего первого псилоцибинового трипа, тогда я счастлив назвать это духовным опытом. То же относится и к моим психоделическим слияниям: с сюитой Баха для виолончели, с моим

сыном, с Бобом, моим дедом, и так далее — всех этих духов я воскресил, удержал и принял в себя, причем каждый раз это сопровождалось целым потоком чувств.

Вполне вероятно, что духовный опыт — это просто нечто, случившееся в пространстве и открывшее мое сознание, когда «все низкое себялюбие исчезает». Чудеса (и страхи), от которых мы обычно защищены, вливаются в наше осознание, и тогда удаленные от нас края спектра, обычно невидимые для нас, вдруг становятся доступны нашим чувствам и органам восприятия. Пока эго спит, ум резвится, одаряя нас неожиданными поворотами мысли и лучами новых отношений. Пропасть, отделяющая «я» от мира, эта ничейная земля, которую в будничные часы эго столь бдительно патрулирует, вдруг исчезает, и это дает нам возможность почувствовать себя менее изолированными и более связанными друг с другом, «частью и частицей» какого-то большего единства. Как бы мы ни называли это единство — Природой, Великим Умом или Богом, — это не так уж и важно. Важно, что в горниле этого слияния смерть теряет свое жало.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НЕВРОЛОГИЯ: МОЗГ И ПСИХОДЕЛИКИ

Так что же произошло в моем мозге?

В каждый из описанных выше трипов меня отправила некая молекула, и я возвратился из них, одолеваемый жгучим любопытством: что же может поведать мне химия о сознании как таковом и какими откровениями о взаимосвязи мозга и ума может она меня порадовать. Каким образом, проглотив, в виде таблетки или дыма, какое-то химическое соединение, произведенное грибом или жабой (или химиком), вдруг открываешь в себе новое состояние сознания с возможностью менять взгляд на вещи, причем не только во время трипа, но и долго после того, как эта молекула улетучилась из тела?

Собственно говоря, речь идет о трех разных молекулах — псилоцибине, ЛСД и 5-MeO-DMT, — но даже бросив случайный взгляд на их структуру (я это говорю как человек, имевший в средней школе двойку по химии), сразу видишь сходство между ними. Все три молекулы — это триптамины. Триптамин же — это особое органическое соединение (производное индола, если быть точным), отличающееся наличием в нем двух связанных колец, одно из них с шестью атомами, а другое — с пятью. Живая природа буквально кишит триптаминами; они имеются в растениях, грибах и животных, где они обычно действуют как сигнальные молекулы между клетками. Самый известный триптамин из находящихся в человеческом теле — это серотонин, который на языке химиков называется 5-гидрокситриптамин. Далеко не случайно, что эта молекула имеет сильное сходство с молекулами психоделиков.

Серотонин скорее известен как нейромедиатор, вернее, как один из нейромедиаторов, однако многое относительно

него еще остается для нас тайной. Известно, например, что он связан примерно с десятком и более различных рецепторов, расположенных не только во многих частях головного мозга, но и по всему телу, причем значительное их число представлено в пищеварительном тракте. Серотонин задействован в очень многих процессах — например, иногда он возбуждает нейроны, а иногда подавляет их, — но его конкретная роль в том или ином процессе зависит от типа рассматриваемого рецептора и его местоположения. В каком-то смысле он подобен слову, смысл или значение которого может радикально меняться в зависимости от контекста или даже его позиции в предложении.

Та группа триптаминов, которые мы называем «классическими психоделиками», имеет химическое сродство с одной конкретной разновидностью рецепторов серотонина, называемой 5-HT2A. Эти рецепторы в большом количестве расположены в головном мозге человека, в его самом верхнем и, с точки зрения эволюции, самом позднем слое. Если говорить в целом, то психоделики настолько схожи с серотонином, что они спокойно могут прикрепляться к этому рецепторному участку, активируя его таким образом для выполнения различных действий.

Любопытно, но ЛСД имеет даже большее сродство — большую «клейкость» — с рецептором 5-HT2A, чем серотонин, являя пример того, что симулякр в химическом отношении иногда выглядит более убедительным, чем сам оригинал. Это навело некоторых химиков на мысль, что человеческое тело, должно быть, производит какое-то другое, более подходящее химическое соединение — вероятно, какой-нибудь эндогенный психоделик, выделяющийся в определенных условиях, например во время сна, — причем производит с вполне конкретной целью активировать рецептор 5-HT2A. Одним из кандидатов на эту роль является психоделическая молекула ДМТ (диметилтриптамина) — вещества, которое было обнаружено в ничтожном количестве в шишковидной железе крыс.

С 1950-х годов исследования серотонина и ЛСД были тесно взаимосвязаны; в сущности, именно открытие того обстоятельства, что ЛСД способен воздействовать на сознание даже в микроскопических дозах, и дало толчок в эти

годы развитию новой области нейрохимии, что привело к разработке антидепрессантов СИОЗС (селективных ингибиторов обратного захвата серотонина). Но только в 1998 году швейцарский исследователь Франц Волленвейдер, один из пионеров психоделической нейрофизиологии, доказал, что психоделики, вроде ЛСД и псилоцибина, воздействуют на человеческий мозг путем создания связей с рецепторами 5-HT2A. Он продемонстрировал это, давая своим подопечным так называемый кетансерин, наркотик, который воздействует на рецепторы 5-HT2A, блокируя их; когда же он давал им псилоцибин, ничего не происходило.

Но, сколь бы ни было значимо открытие Волленвейдера, это всего лишь маленький шажок на длинном (и извилистом) пути от психоделической химии к психоделическому сознанию. Возможно, что рецептор 5-HT2A служит своего рода замком на двери, ведущей в сознание, замком, который как раз и открывают эти три молекулы, но как, каким образом это химическое отпирание ведет в конечном счете к тому, что я почувствовал и испытал? Как оно приводит к растворению моего эго, например, и устранению различий между субъектом и объектом? Или к превращению прямо на моих глазах (точнее, перед моим мысленным взором) Мэри в Марию Сабину? Говоря иначе, что может (если вообще может) сказать нам химия мозга о «феноменологии» психоделического опыта?

Все эти вопросы, разумеется, связаны с внутренним содержимым сознания, которое (по крайней мере до сих пор) ускользало от дотошных инструментов, используемых на службе нейрофизиологии. Под сознанием я имею в виду не просто «сознательность» — ту базовую чувственность, осведомленность об изменениях в окружающей среде, которая присуща живым существам и которую нетрудно установить экспериментальным путем. В узком смысле даже растения «сознательны», хотя крайне сомнительно, что они наделены полноценным сознанием. Как правило, под сознанием нейробиологи, нейрофизиологи, философы и психологи подразумевают то безошибочное ощущение наличия или присутствия у нас некоего «я», которое познает окружающий мир.

Зигмунд Фрейд писал, что «нет ничего другого, в чем бы мы были так уверены, как ощущение нами нашего „я“, соб-

ственного эго». Однако нельзя с полной уверенностью сказать, что кто-то еще, особенно другие существа, наделен сознанием, поскольку нет никаких внешних физических доказательств того, что сознание, как мы его воспринимаем, существует. То, в чем мы уверены больше всего, находится за пределами досягаемости нашей науки, но при этом, предположительно, является вернейшим средством познания чего-либо.

Эта дилемма оставляет дверь приоткрытой ровно настолько, чтобы писатели и философы могли втиснуться и пройти через нее. Классический эксперимент, позволяющий установить, обладают ли другие существа сознанием или нет, был предложен американским философом Томасом Нагелем в его знаменитой работе 1974 года «Каково быть летучей мышью?». Он утверждает, что если «есть нечто, говорящее о том, каково быть летучей мышью», — некое субъективное измерение для опыта летучей мыши, — тогда мышь действительно обладает сознанием. Но, по его предположению, это «нечто» из числа тех свойств или качеств, которые невозможно свести к материальным понятиям. Вообще невозможно.

Прав Нагель или не прав — на данный момент это служит предметом острых споров, ведущихся учеными, изучающими сознание. Часто квинтэссенцию этого вопроса называют «трудной проблемой» или «пробелом в ряду данных»: как объяснить сознание — субъективное качество познания — с точки зрения плоти, то есть с точки зрения физических структур или химии мозга? Сам вопрос предполагает, и большинство ученых (но не все) с этим полностью согласны, что сознание — это продукт деятельности мозга, и если его в конечном счете и удастся объяснить, то лишь как эпифеномен материальных реалий, вроде нейронов и структур мозга, химических соединений и коммуникационных сетей. Это, конечно же, *кажется* самой подходящей и экономичной гипотезой. Но путь к ее доказательству еще очень долог, и многие нейрофизиологи сомневаются, будет ли она доказана вообще: будет ли нечто столь ускользающее, как субъективный опыт, — то, что ощущается нами как мы, — *когда-нибудь* сведено до узких рамок и ограничений науки. Этих ученых и философов иногда называют мистами или мистерианцами, и это далеко не комплимент. Некоторые ученые вполне допускают ту возможность, что сознание заполняет

собой всю Вселенную, полагая, что к нему нужно относиться так же, как мы относимся к электромагнетизму или гравитации, то есть как к одному из основных строительных кирпичиков, из которых возведена реальность.

Мысль, что психоделики могли бы пролить свет на проблемы сознания, вполне разумна и имеет под собой определенный смысл. Психоделики достаточно сильны, чтобы настолько растрясти ту систему, которую мы называем обычным бодрствующим сознанием, что под действием этой встряски некоторые его фундаментальные свойства могут оказаться на виду. Да, анестетики тоже сотрясают сознание, однако в силу того, что эти препараты заодно и гасят его, подобные сотрясения мало что дают с точки зрения получения необходимых данных. И наоборот, человек, сидящий на психоделиках, постоянно находится в бодрствующем состоянии и потому способен отчитываться в том, что он или она испытывает в реальном времени. Сегодня эти субъективные сведения без труда можно соотнести с различными показателями мозговой активности, используя для этой цели различные способы нейровизуализации — инструменты, которых не было в распоряжении ученых в 1950-е и 1960-е годы, во время первой волны психоделических исследований.

Применяя эти технологии в комбинации с ЛСД и псилоцибином, ряд ученых, работающих в странах Европы и в США, открывают новое окно в глубины сознания, и то, что они там прозревают, обещает изменить наши представления о связях между мозгом и разумом.

* * *

Вероятно, самая амбициозная нейрофизиологическая экспедиция, использующая психоделики для составления карты местности человеческого сознания, осуществляется в лабораториях Центра психиатрии в Хаммерсмитском кампусе Имперского колледжа в Западном Лондоне. Недавно выстроенный, этот кампус отличается от других подобных ему сетью зданий, выполненных в футуристическом стиле, но при этом странно подавляющих, которые связаны между собой воздушными тротуарами, обрамленными стеклянными стенами и стеклянными же дверьми; последние бесшумно открываются при предъявлении удостоверения личности,

приложенного к электронному глазку-счетчику. Именно здесь, в лаборатории Дэвида Натта, выдающегося английского психофармаколога, с 2009 года работает команда ученых, возглавляемая тридцатилетним нейробиологом по имени Робин Кархарт-Харрис, пытаясь обнаружить «нейронные корреляты», или физические аналоги, психоделических переживаний. Делая добровольцам инъекции ЛСД и псилоцибина, а затем используя различную сканирующую технику — главным образом функциональную магниторезонансную томографию (фМРТ) и магнитоэнцефалографию (МЭГ), позволяющую наблюдать за изменениями в деятельности мозга, — он со своей командой дает нам возможность впервые увидеть то, как выглядит и как протекает на уровне мозга процесс, напоминающий растворение эго, или галлюцинация, возникающая в сознании.

То обстоятельство, что вообще удалось сдвинуть с мертвой точки такой маловероятный и потенциально спорный исследовательский проект, обязано своим существованием одному немаловажному факту: пересечению в одном месте (в Англии) в году 2005-м от Рождества Христова трех самых необычных персонажей (и судеб). Эти люди суть Дэвид Натт, Робин Кархарт-Харрис и Аманда Филдинг, она же графиня Уэмисс и Марч.

Робин Кархарт-Харрис прошел достаточно витиеватый путь, прежде чем попал в психофармакологическую лабораторию Дэвида Натта, потому как перед этим он окончил полный учебный курс по психоанализу. В наши дни психоанализ являет собой теорию, которую лишь очень немногие нейрофизиологи принимают всерьез, тогда как большинство считает, что это просто набор не подлежащих проверке убеждений, а не наука. Кархарт-Харрис придерживался иной точки зрения. С головой погрузившись в сочинения Фрейда и Юнга, он, с одной стороны, был очарован теорией психоанализа, а с другой, разочарован ею — разочарован как отсутствием в ней научной строгости, так и ограниченностью средств исследования той области, которая считается самым важным аспектом сознания, — области бессознательного.

— Если бы у нас был только один путь, один доступ к бессознательному — через сны и свободные ассоциации, — сказал он мне, когда мы с ним впервые встретились и разго-

ворились, — мы ровным счетом ничего бы не достигли. Бесспорно, должны быть и другие пути.

Однажды он спросил преподавателя, ведущего семинар, что будет, если этим «что-то» окажется наркотик. (Я спросил Робина, на чем основывалась его догадка — на личном опыте или на знании результатов исследований, но он дал ясно понять, что не желает обсуждать этот предмет.) Преподаватель посоветовал ему прочесть книгу Станислава Грофа «*Области человеческого бессознательного: данные исследования ЛСД*».

— Я пошел в библиотеку, взял книгу и прочел ее от корки до корки. И был потрясен до глубины души. Это определило курс всей моей дальнейшей жизни.

Кархарт-Харрис, стройный, подтянутый и вечно куда-то торопящийся молодой человек с аккуратно подстриженной бородкой и большими голубыми глазами, смотрящими на вас почти не мигая, разработал план, на осуществление которого ему понадобилось несколько лет, а именно: используя психоделики и современные технологии сканирования мозга, возвести под зданием психоанализа прочный фундамент науки. «Еще Фрейд говорил, что сны — это королевская дорога к бессознательному», — напомнил он. — А психоделики могли бы превратить ее в сверхскоростное шоссе». Кархарт-Харрис держит себя скромно, даже смиренно, не давая никакого повода подозревать его в тщеславии или дерзости амбиций. Он любит цитировать знаменитую и довольно смелую фразу Грофа, что для понимания сознания психоделики будут тем же, чем телескоп был для астрономии или микроскоп для биологии.

В 2005 году Кархарт-Харрис получил степень магистра в области психоанализа и начал обдумывать свой переход в нейробиологию — к психоделикам. Он начал опрашивать всех, кого только мог, занимался целенаправленным поиском в Интернете и в конечном счете вышел на Дэвида Натта и Аманду Филдинг, двух человек, которых мог бы заинтересовать его проект и которые были в состоянии помочь ему. Вначале он сблизился с Амандой Филдинг, которая в 1998 году основала так называемый Фонд Бекли, ставивший перед собой цель исследовать воздействие на мозг психоактивных веществ и лоббировать реформу политики в отношении нар-

котиков. Фонд назван в честь Бекли-парка в Оксфордшире, обширного поместья XIV века в стиле Тюдоров, где Аманда выросла и куда в 2005 году пригласила Кархарт-Харриса на обед. (Во время моего недавнего визита в Бекли я насчитал две башни и три рва с водой.)

Аманда Филдинг (она родилась в 1943 году) эксцентрична постольку, поскольку может быть эксцентричной дама, воспитанная в среде английской аристократии. (Ее род принадлежит к династии Габсбургов, а сама она ведет наследственную линию от одного из двух незаконнорожденных отпрысков Карла II.) В университете она изучала сравнительную религию и мистицизм, и тогда же у нее возник устойчивый интерес к измененным состояниям сознания и особенно к той роли, которую играет в мозге кровоток: по ее убеждению, он был нарушен в тот момент, когда вид Homo sapiens научился стоять и ходить прямо. ЛСД, считает Филдинг, усиливает когнитивные функции и способствует достижению более высоких состояний сознания за счет усиления кровообращения в мозге. Но этого же результата можно достичь и другим путем — посредством такой древней практики, как трепанация черепа. На мой взгляд, эта тема заслуживает небольшого экскурса.

Под трепанацией подразумевают просверливание в черепе неглубокого отверстия, что, как предполагают, значительно улучшает кровообращение мозга, а заодно препятствует сращению черепных костей, которое происходит в детские годы. Трепанация на протяжении многих веков считалась вполне обычной врачебной процедурой, если судить по количеству черепов древних людей с продолбленными или просверленными в них аккуратными отверстиями. Глубоко убежденная, что именно трепанация помогала достигать высших состояний сознания, Филдинг стала искать человека, который мог бы сделать эту операцию на ее черепе. Когда стало ясно, что ни один профессиональный врач добровольно не пойдет на это, она в 1979 году сделала трепанацию черепа самой себе, просверлив во лбу маленькую дырочку электрической дрелью. (Этот процесс она засняла в коротком, но наводящем ужас фильме «*Сердцебиение в мозге*».) Удовлетворенная результатом, Филдинг дважды выставляла свою кандидатуру на выборах в парламент под лозунгом «Трепанация во имя здоровья нации».

Но хотя Аманда Филдинг и эксцентрична, ее ни в коей мере нельзя назвать безответственным человеком. Ее работа и в области изучения свойств наркотиков, и в области реформы политики в отношении наркотиков отличается серьезностью, продуманностью стратегических линий и продуктивностью. В последние годы ее интерес сместился от трепанации к психоделикам, их потенциалу и способности улучшать деятельность мозга. В жизни она использует ЛСД как своего рода «тоник для мозга», ежедневно принимая небольшую дозу, которая, по ее словам, воздействует «на то чудное местечко, где творчество и энтузиазм возрастают, а контроль сохраняется». (Однажды, рассказала мне Аманда, она приняла дозу «тоника» в количестве 150 микрограммов, то есть значительно превышающую ее обычную ежедневную дозу и более чем достаточную для того, чтобы отправить большинство людей, включая и меня, в полноценный «кислотный трип». Но поскольку частое употребление ЛСД вызывает привыкание к препарату, то вполне возможно, что для некоторых людей эти 150 микрограммов «все равно что еще одна искра к и без того искрящемуся сознанию».) Когда мы завели разговор о психоделической науке, я нашел, что Аманда Филдинг обезоруживающе честна и откровенна касательно той ноши, которой она эту науку обременяет, имея в виду саму себя: «Я наркоманка. Я живу в этом большом доме. И у меня дыра в голове. Полагаю, это говорит не в мою пользу».

Таким образом, когда в 2005 году к ней на обед в Бекли-парк приехал амбициозный молодой ученый по имени Робин Кархарт-Харрис и поделился с ней своей дерзкой мечтой объединить исследования ЛСД и Фрейда, Филдинг сразу же разглядела потенциал этого проекта, как и возможность на практике проверить свои теории о мозговом кровообращении. Она дала понять Кархарт-Харрису, что ее фонд готов финансировать эти исследования и посоветовала ему связаться с Дэвидом Наттом (он преподавал в то время в Бристольском университете), ее союзником в кампании по реформе политики в отношении наркотиков.

На свой лад Дэвид Натт является в Англии такой же знаменитостью, что и Аманда Филдинг. Натт, большой, веселый мужчина лет шестидесяти, с усами и громким заразительным смехом, сделался знаменитостью в 2009 году. Именно

в этом году министр внутренних дел уволил его из правительственного Консультативного совета по вопросам злоупотребления наркотиками, председателем которого он был. В обязанности совета входило консультировать правительство по вопросу запрещенных наркотиков, исходя из их опасности для отдельных лиц и для общества. Натт, известный эксперт в области наркозависимости и специалист-нарколог, специализировавшийся на так называемых бензодиазепинах (к ним, например, принадлежит валиум), допустил роковую политическую ошибку, давая чисто эмпирическую оценку опасности различных психоактивных веществ, как легальных, так и нелегальных. В своих оценках он опирался на опыт собственных исследований, и потому любому, кто к нему обращался с данным вопросом, открыто говорил, что алкоголь более опасен, чем конопля, и что «экстази» более безопасен, чем верховая езда на лошади.

— Но уволили меня, — рассказал он мне, когда мы встретились с ним в его офисе в отеле Imperial, — из-за нескольких фраз, которые я произнес в одной утренней программе на телевидении. Когда меня спросили: «Вы же несерьезно говорите о том, что ЛСД менее вреден, чем алкоголь, разве не так?» — я ответил: «Разумеется, серьезно!»*.

Робин Кархарт-Харрис встретился с Дэвидом Наттом в 2005 году. Он приехал к нему в Бристоль в надежде начать изучать под его руководством психоделики и науку сновидений; стараясь быть стратегом, он упомянул о возможности финансирования их исследований фондом Аманды Филдинг. Вспоминая их беседу, Кархарт-Харрис говорит, что Натт был категоричен в своем отказе:

— Он сказал мне: «Идея, которую вы хотите реализовать, неправдоподобна, притянута за уши, у вас нет никакого опыта работы в нейробиологии, так что все это абсолютно нереально». Но я сказал ему, что готов рискнуть всем.

Впечатленный решимостью молодого человека, Натт предложил ему:

---

* В своей книге «*Наркотики без горячего воздуха*» (2012) Натт пишет, что «повсюду психоделики принадлежат к числу самых безопасных наркотиков из всех, нам известных... От их передозировки попросту невозможно умереть; они не причиняют никакого физического вреда и, если уж на то пошло, не вызывают привыкания» (с. 254).

— Знаете что? Для начала напишите под моим руководством докторскую диссертацию. Мы начнем с чего-нибудь простого, — (этим «простым» стало воздействие МДМА на систему серотонина), — а затем, позже, мы, может быть, перейдем к психоделикам.

Этим «позже» стал 2009 год, когда Кархарт-Харрис, вооруженный докторской степенью и уже работая в лаборатории Натта, финансируемой фондом Аманды Филдинг, получил (от Национальной службы здравоохранения и министерства внутренних дел) добро на изучение свойств псилоцибина и его воздействия на мозг. (ЛСД добавится лишь через несколько лет.) В качестве первого добровольца, предложившего свои услуги, выступил сам Кархарт-Харрис.

— Если уж собираешься давать наркотик людям и затем помещать их в сканирующее устройство, то, я думаю, самым честным будет начать именно с себя, — заявил он. — А Натту я сказал: «По темпераменту я человек неспокойный и психологически, возможно, нахожусь не в лучшей форме», поэтому Натт стал меня отговаривать; к тому же он считал, что участие в эксперименте может существенно исказить мою объективность.

В конце концов первым добровольцем стал один из их коллег: ему сделали инъекцию псилоцибина, а затем поместили в функциональный магниторезонансный томограф, чтобы сканировать его галлюцинирующий мозг.

В качестве рабочей Кархарт-Харрис взял гипотезу, что мозг субъектов при галлюцинациях будет проявлять повышенную активность, особенно сильную в центрах, отвечающих за эмоции. «Я считал, что это будет напоминать картину мозга в состоянии сновидений», — сказал он мне. Дело в том, что к этому времени Франц Волленвейдер, использовавший в своих исследованиях различную сканирующую технику, уже опубликовал данные, свидетельствовавшие о том, что психоделики в самом деле стимулируют работу мозга, особенно в лобных долях. (Область, отвечающая за исполнительные и другие высшие когнитивные функции.) Но когда Кархарт-Харрис получил на руки первые результаты, он был изрядно удивлен:

— Мы увидели *снижение* интенсивности кровотока. — (Скорость кровотока является одним из индикаторов общего

состояния и деятельности мозга; именно ее измеряют с помощью фМРТ). — Неужели мы допустили ошибку? Было от чего схватиться за голову!

Но первоначальные данные о кровотоке были затем подтверждены повторными измерениями, отражающими изменения в доставке кислорода к точечным зонам в процессе повышенной мозговой деятельности. Таким образом, Кархарт-Харрис с коллегами обнаружил, что псилоцибин снижает активность мозга, причем это снижение приходится на одну конкретную сетевую область, о которой в то время он знал очень мало, — сеть пассивного режима работы мозга.

Кархарт-Харрис засел за изучение этой области. Сеть пассивного режима работы мозга (СППРМ) стала известна ученым только в 2001 году. Именно в этом году Маркус Райхл, невролог из Медицинского колледжа при Университете имени Вашингтона в Сент-Луисе, описал ее в своей знаковой статье, опубликованной в журнале *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Эта сеть являет собой очень важное централизованное ядро мозговой деятельности, которое соединяет части коры головного мозга с более глубоко расположенными (и более древними) структурами, отвечающими за память и эмоции*.

Сеть пассивного режима работы мозга относится к научным курьезам, потому как была открыта чисто случайно; это, так сказать, удачный побочный продукт сканирующих техник, используемых при исследовании мозга**. Типичный

---

* Ключевыми структурами, формирующими СППРМ, являются медиальная префронтальная кора, кора задней части поясной извилины, нижняя теменная долька, латеральная височная кора, дорсальная медиальная префронтальная кора и гиппокампальная формация. См.: Рэнди Л. Бакнер, Джессика Р. Эндрюс-Ханна и Дэниел Л. Шактер «Сеть пассивного режима работы мозга». *«Анналы Нью-Йоркской академии наук»* 1124, № 1, 2008. [Randy L. Buckner, Jessica R. Andrews-Hanna, and Daniel L. Schacter, “The Brain’s Default Network,” *Annals of the New York Academy of Sciences* 1124, no. 1 (2008).] До сих пор, однако, преимущественно используется метод нейровизуализации, поскольку он выявляет наиболее сильные связи между структурами, тогда как метод пассивного режима работы мозга является сравнительно новой концепцией и повсеместно еще не используется.

**Очень важно помнить о том, что и фМРТ, и другие техники нейросканирования обладают рядом недостатков или ограничений. С помощью большинства из них измеряется не деятельность мозга как таковая, а лишь ее непосредственные результаты или даже вторичные признаки, такие, например,

эксперимент с использованием фМРТ начинается с выявления «состояния покоя», то есть базового уровня нервной деятельности; участник эксперимента в это время спокойно лежит в сканирующем устройстве, ожидая, какой из тестов, имеющихся в арсенале исследователя, тот выберет. Райхл обратил внимание на одну странность: он заметил, что некоторые зоны мозга выказывают повышенную возбудимость как раз тогда, когда у субъектов, или подопытных, мыслительная деятельность на нуле. Это и был тот самый пресловутый «пассивный режим», та сеть структур мозга, которая выказывает активность в тот момент, когда наше внимание ничем не занято и мы не выполняем никакой мысленной работы. Иными словами, Райхл открыл то «место», в котором наш ум начинает «блуждать» — мечтать, раздумывать, путешествовать во времени, размышлять о себе и беспокоиться. Вероятно, именно через эти самые структуры и течет поток нашего сознания.

Сеть пассивного режима находится в своего рода возвратно-поступательных отношениях с сетями, отвечающими за внимание; последние пробуждаются сразу же, как только внешний мир привлекает к себе наше внимание; другими словами, когда первые активны, вторые отдыхают, и наоборот. При этом, однако (и об этом вам скажет каждый), в мозгу много чего происходит даже тогда, когда вокруг нас не происходит ровным счетом ничего. (В сущности говоря, СППРМ потребляет непропорционально большую часть энергии мозга.) Работая «на отшибе», то есть удаленно от нашей системы чувствительной обработки сигналов внешнего мира, сеть пассивного режима становится наиболее активной именно тогда, когда мы вовлекаемся в «метакогнитивные» процессы более высокого порядка, такие, как саморефлексия, мысленные путешествия во времени, умственные построения (вроде «я» или эго), моральные рассуждения и «тео-

---

как кровоток и потребление кислорода. Они также требуют сложного программного обеспечения, позволяющего переводить слабые сигналы в яркие, динамические образы, обеспечения, в точности которого некоторые критики недавно усомнились. По собственному опыту могу сказать, что ученые, работающие с животными, в мозг которых они внедряют зонды, как правило, избегают технологию фМРТ, в то время как ученые, работающие с людьми, считают, что это наилучшая технология из всех имеющихся.

рия разума» — способность приписывать свои психические состояния другим людям, как это бывает в случае, когда мы пытаемся представить себе, «каково это — быть другим». Вполне возможно, что все эти функции присущи только людям, причем именно взрослым людям, потому каксеть пассивного режима начинает работать только на поздних стадиях развития ребенка.

— Мозг — система иерархическая, — сказал в ходе одной из наших бесед Кархарт-Харрис. — Его высшие отделы — (имеются в виду отделы, развившиеся на последних стадиях эволюции; они обычно расположены в коре головного мозга) — оказывают тормозящее влияние на низшие [более древние] отделы, вроде отделов эмоций и памяти.

Говоря в целом, сеть пассивного режима оказывает нисходящее влияние на другие отделы мозга, многие из которых взаимодействуют друг с другом через расположенный в самой середине мозга распределительный центр. Характеризуя СППРМ, Кархарт-Харрис давал ему различные определения, то называя его «дирижером мозгового оркестра» и «руководителем мозговой корпорации», то «столичным городом», ведающим всей системой управления и «не дающим ей распасться». И заодно удерживающим в повиновении буйные проявления мозга.

Мозг состоит из нескольких различных специализированных систем — одна отвечает за обработку зрительных данных, например, а другая за контроль двигательной активностью, — и каждая выполняет отведенную только ей функцию. «Хаос предотвращается за счет того, что не все системы созданы равными, — пишет Маркус Райхл. — Электрические сигналы, поступающие из одних областей мозга, обладают приоритетом над другими. Верхнюю ступень этой иерархии занимает СППРМ, которая действует как сверхпроводник, следя за тем, чтобы какофония соперничающих сигналов из одной системы не смешивалась с сигналами из другой системы». Сеть пассивного режима поддерживает порядок в системе настолько сложной, что, не делай она этого, та могла бы погрузиться в пучину анархии психических заболеваний.

Как говорилось выше, сеть пассивного режима играет важную роль в создании умственных построений или про-

екций, самой значимой из которых является та «конструкция», которую мы называем «я», или эго*. Именно поэтому некоторые нейрофизиологи называют ее «„я“-сетью». Если исследователь, например, вручает вам перечень прилагательных и просит определить, какие из них наиболее соответствуют вашему характеру, то именно в этот момент приходит в действие сеть пассивного режима работы мозга. (Она же возбуждается и тогда, когда мы получаем «лайки» под своими постами в социальных сетях.) Считается, что узлы в сети пассивного режима отвечают за автобиографическую память, на материале которой мы сочиняем историю о самих себе, увязывая опыт прошлого с тем, что происходит с нами прямо сейчас, и проецируя на него наши будущие цели.

Обретение стадии индивидуального «я», имеющего свое уникальное прошлое и свою траекторию, устремленную в будущее, — одно из величайших достижений человеческой эволюции, не лишенное, однако, недостатков и потенциальных нарушений. Чувство индивидуальной неповторимости обретается ценой ощущения разъединенности от других существ и самой природы. Саморефлексия может привести к великим достижениям в области интеллектуального и художественного творчества, но также и к деструктивным формам оценки себя и множественным несчастьям. (В часто цитируемой статье «Рыскающий ум — ум несчастный» психологам удалось установить прочную взаимосвязь между несчастьем и временем, проведенным в мысленных блужданиях, каковые являются главной деятельностью сети пассивного режима.) Но, равно приемля и хорошее и плохое, большинство из нас воспринимает это «я» как некую непоколебимую данность, столь же реальную, как и все, что нам известно, и более того — как основу нашей жизни в качестве разумных человеческих существ. По крайней мере, именно так я воспринимал его до тех пор, пока мои

* Я использую здесь более или менее взаимозаменяемые понятия, однако под эго, которое обычно ассоциируется с фрейдовской моделью сознания, подразумевается некое умственное построение, находящееся в динамической связи с другими аспектами сознания, такими, как подсознание (идентичность), действующее от имени «я».

психоделические странствия не заставили меня призадуматься над этим вопросом.

Вероятно, самое поразительное открытие, к которому пришел Кархарт-Харрис в ходе первого эксперимента, заключается в том, что самые резкие падения в деятельности сети пассивного режима напрямую связаны с субъективным «растворением эго», испытываемым участниками эксперимента. («Я существовал лишь как идея или концепция, — поделился своими впечатлениями один из них. А другой вспоминал: «Я не знал, где заканчиваюсь я сам и где начинается мое окружение».) Чем резче в сети пассивного режима падают кровоток и потребление кислорода, тем больше вероятность того, что участник сообщит о потере чувства своего «я»*.

Вскоре после того, как Кархарт-Харрис изложил результаты своих исследований в статье «Нейронные взаимосвязи психоделического состояния, вызванного псилоцибином, как они выявлены путем исследований с использованием техники фМРТ»**, опубликованной в 2012 году в журнале *Proceedings of the National Academy of Sciences*, Джадсон Брюер, исследователь из Йельского университета***, использовавший фМРТ при изучении деятельности мозга у людей, многие годы занимавшихся медитацией, заметил, что результаты сканирования у него и Робина удивительным образом совпадают. Трансцендентность «я», о которой сообщают мастера медитации, отображалась функциональными магнитно-резонансными томографами как снижение активности сети пассивного режима. Оказывается, когда активность пассивной сети стремительно падает, эго временно растворяется, а все осознаваемые нами связи между «я» и миром, между субъектом и объектом исчезают.

Это чувство растворения индивидуального «я» и его слияния с чем-то гораздо большим, всеобщим является одним

---

* Нельзя не заметить, что эти открытия, по-видимому, противоречат первоначальной гипотезе Аманды Филдинг, что психоделики воздействуют на сознание за счет усиления притока крови к мозгу.

** Соавторами Робина являются Дэвид Натт и Аманда Филдинг.

*** С тех пор Брюер перешел на работу в Медицинскую школу при Массачусетском университете, где он занимает пост директора терапевтической нейробиологической лаборатории.

их верных показателей мистического опыта; из этого следует, что наше чувство индивидуальности и обособленности зиждется лишь на ограниченном «я» и четком разграничении между субъектом и объектом. Однако все это, возможно, не более чем умственное или мысленное построение, некая иллюзия — что и пытаются вот уже сколько столетий донести до нас буддисты. Психоделическое состояние «недвойственности» предполагает, что сознание не исчезает вместе с исчезновением «я», что это «я» не так уж непреложно и незаменимо, как мы (и оно) привыкли считать. Потерей четкого разграничения между субъектом и объектом, как считает Кархарт-Харрис, можно было бы объяснить и другое характерное свойство мистического опыта, а именно тот факт, что откровения, к которым он ведет, воспринимаются как объективно истинные — как явленные истины, а не просто как тривиальные озарения. Возможно, для того чтобы оценить озарение как явление чисто субъективное, как мнение одного человека, необходимо вначале выработать в себе чувство субъективности — именно то, что мистик под влиянием психоделиков теряет.

Возможно, именно мистический опыт снисходит на вас в тот момент, когда вы отключаете сеть пассивного режима работы мозга. А достичь этого можно самыми разными способами: с помощью психоделиков и медитации, как доказали нам Кархарт-Харрис и Джадсон Брюер, а также, вероятно, посредством определенных дыхательных упражнений (типа голотропного дыхания), сенсорной депривации, голодания, молитвы, экстатического чувства благоговения, экстремальных видов спорта, околосмертных переживаний и так далее. Интересно, что же выявит сканирование мозга в процессе всех этих видов деятельности? Об этом мы можем только гадать, хотя вполне возможно, что мы увидим то же успокоение или падение активности в сети пассивного режима, которое обнаружили Брюер и Кархарт-Харрис. Вероятно, это успокоение можно вызвать или ограничением притока крови к сети, или стимуляцией рецепторов серотонина типа 2A в коре головного мозга, или каким-то иным нарушением ритмов колебаний, обычно свойственных организации мозга. Но за счет чего бы это ни произошло, перевод пассивной сети в автономный режим может открыть нам

доступ к необычным состояниям сознания — к мгновениям единения или экстаза, которые не менее чудесны оттого, что они вызваны физической причиной.

* * *

Если предположить, что сеть пассивного режима работы мозга — это своеобразный дирижер оркестра, дирижирующий исполнением симфонии, создаваемой деятельностью мозга, то нетрудно представить, что даже временный его уход со сцены неизбежно повлечет за собой усиление диссонанса и приведет к психическому расстройству, как это, по-видимому, и происходит во время психоделического трипа. В серии последовательных экспериментов с использованием различных техник сканирования мозга, проведенной Кархарт-Харрисом и его коллегами, они поставили себе целью изучить, что происходит в нейронном оркестре и что происходит с самим оркестром, когда дирижер, то есть сеть пассивного режима, опускает дирижерскую палочку.

В общем и целом сеть пассивного режима оказывает тормозящее воздействие на другие части мозга (включая, в частности, лимбические области, отвечающие за эмоции и память), действуя во многом так же, как, по представлению Фрейда, действует эго, удерживающее под своим контролем анархические силы бессознательного. (Дэвид Натт излагает суть дела еще более прямолинейно, заявляя, что в сети пассивного режима «мы обнаружили нейронный коррелят для подавления».) По меткому выражению Кархарт-Харриса, эти и другие центры психической деятельности «оказываются спущены с поводка» в тот момент, когда дирижер (сеть пассивного режима) уходит со сцены; но, как показывают результаты сканирования, под влиянием психоделиков наблюдается усиление деятельности (отражаемое усилением кровотока и потребления кислорода) в некоторых других областях мозга, включая и лимбические. Возможно, именно этим растормаживанием объясняется тот факт, почему материал, недоступный нам в состоянии обычного бодрствующего сознания, теперь выходит на поверхность осознания, включая эмоции, воспоминания, а иногда и долго подавляемые психические

травмы, полученные еще в детстве. Именно поэтому некоторые ученые и психотерапевты убеждены, что психоделики можно с пользой использовать для того, чтобы вытаскивать на поверхность содержимое подсознания с целью его более тщательного исследования.

Но сеть пассивного режима работы мозга не только осуществляет нисходящий контроль за материалом, извлекаемым извне, из подсознания, но и помогает регулировать стимулы, входящие в сознание из внешнего мира. Она действует наподобие фильтра (или «редукционного клапана»), пропускающего вовне лишь тот «жалкий ручеек» информации, который необходим для того, чтобы справляться с заботами повседневной жизни. Если бы не эти фильтрующие механизмы мозга, то процесс обработки потока информации, которую наши органы чувств поставляют мозгу в любой данный момент времени, мог бы оказаться неимоверно трудным, как это подчас и происходит во время психоделических откровений. «Вопрос вот в чем, — резюмирует Дэвид Натт в присущей ему сжатой манере: — почему мозг обычно слишком ограничен, а не открыт?» Вероятно, ответ на этот простой вопрос может показаться не менее простым: «В целях эффективности». Сегодня большинство нейрофизиологов работают исходя из той парадигмы, что мозг — это машина для составления прогнозов. Чтобы сформировать представление о чем-то, находящемся во внешнем мире, мозг берет очень малую долю чувственной информации, ровно столько, сколько ему требуется, чтобы сделать обоснованное предположение. Мы вечно пытаемся взять быка за рога, то есть делать умозаключения и выводы с целью насытить информацией текущее восприятие, полагаясь лишь на предшествующий опыт.

Эксперимент с маской лица, который я пытался выполнить во время псилоцибинового трипа, служит яркой демонстрацией этого феномена. Мозг, «натасканный», подобно ищейке, несколькими визуальными подсказками, говорящими ему, что он имеет дело с поверхностью лица, продолжает настаивать на том (по крайней мере, когда он работает нормально), что он видит ту же выпуклую структуру, даже тогда, когда ее нет, поскольку подсознательно внушает себе, что лица выглядят именно так, а не иначе.

Философские контексты «прогнозирующего кодирования» неизмеримо глубоки и необычны. Эта модель предполагает, что наше восприятие мира представляет собой не буквальную транскрипцию реальности, а скорее бесшовную иллюзию, сотканную из данных, поставляемых нашими органами чувств, и шаблонов, хранимых нашей памятью. Обычное бодрствующее сознание представляется совершенно прозрачным, и все же это не столько окно в реальность, сколько плод нашего воображения — своего рода контролируемая галлюцинация. Здесь возникает вполне естественный вопрос: чем же в таком случае отличается обычное бодрствующее сознание от других, казалось бы менее достоверных, продуктов нашего воображения, таких, как сновидения, или психопатические расстройства, или психоделические трипы? В сущности, все эти состояния сознания «воображаемые»: они суть умственные построения, нанизывающие на одну нить различные вести из внешнего мира с вестями предыдущими и сшивающие их воедино. Но в состоянии обычного бодрствующего сознания рукопожатие между данными, поставляемыми нашими органами чувств и нашим восприятием, выглядит особенно крепким именно потому, что оно подвержено постоянному процессу проверки реальности, как это происходит в случае, когда вы вытягиваете руку, чтобы дотронуться до предмета, находящегося в поле вашего зрения, дабы тем самым убедиться в его существовании, или когда, пробудившись от ночного кошмара, обращаетесь к своей памяти, чтобы понять, действительно ли в вашей практике было такое, что вы вошли в класс, чтобы вести урок, полностью раздетым. В отличие от этих (других) состояний сознания, обычное бодрствующее сознание было оптимизировано естественным отбором с целью наилучшим образом способствовать выживанию в повседневной жизни.

Однако то чувство прозрачности, с которым у нас ассоциируется будничное сознание, в большей степени обязано своим существованием рутине, шаблонам и привычкам, нежели правдоподобию. Один мой знакомый психонавт выразил это следующим образом: «Если бы у нас была возможность временно влезть в шкуру другого человека и почувствовать его психическое состояние, оно, как мне кажется, больше

напоминало бы психоделическое, нежели нормальное, в силу его чудовищного несоответствия любому привычному для нас психическому состоянию».

Есть еще один хитроумный мысленный эксперимент; он заключается в том, чтобы попытаться представить мир таким, каким он кажется существу, наделенному совершенно другим чувственным аппаратом и ведущим совершенно отличный от нашего образ жизни. Вы быстро поймете, что нет такой единичной реальности, которую можно было бы точно и всесторонне расшифровать. Развитие наших собственных органов чувств шло другими путями и преследовало куда более узкую цель, они предназначены воспринимать лишь то, что служит непосредственно нашим потребностям и нам самим как животным особого вида. Пчела, например, воспринимает принципиально иной световой спектр, нежели мы; смотреть на мир ее глазами значит уметь воспринимать ультрафиолетовые полосы на лепестках цветов (наработанные в процессе эволюции метки, указывающие, подобно огням взлетно-посадочной полосы, места посадки), которые для нас просто не существуют. Это пример особого рода видения, рождаемого чувством зрения — чувством, которое мы разделяем с пчелами. Но в состоянии ли мы вообще постичь чувство, позволяющее пчелам регистрировать (посредством волосков на лапках) электромагнитные поля, создаваемые растениями? (Слабый заряд на лепестках указывает на то, что здесь уже побывала другая пчела, собрала весь нектар, так что, вероятно, не стоит в этом месте останавливаться.) Но ведь существует еще и мир с точки зрения осьминогов! Представьте только, сколь кардинально иной предстает реальность этим головоногим, чей мозг децентрализован, а умом обладает каждое из восьми щупалец, так что каждое из них наделено чувством вкуса и осязания и даже может принимать собственные «решения», не советуясь с генштабом.

* * *

Что случится, если под влиянием психоделиков это обычно крепкое рукопожатие между мозгом и миром вдруг разомкнется? Оказывается, ничего. Я спросил Кархарт-Харриса, что именно предпочитает работающий в автономном

режиме мозг: нисходящие прогнозы и предсказания или восходящие чувственные данные.

— Это же классическая дилемма, — отреагировал он, — к чему склонится ничем не связанный ум и что он предпочтет: или свои уже наработанные шаблоны и предпочтения, или свидетельства своих органов чувств. Со стороны прошлых установок действительно часто наблюдается избыточная импульсивность или чрезмерное рвение, как будто видишь лица в облаках.

Стремясь быстро осмыслить входящие данные, мозг склоняется к ошибочным выводам, а иногда и прямо к галлюцинаторным результатам. (Параноик делает примерно то же самое, яростно накладывая ложную трактовку событий на поток поступающей информации.) Но в других случаях редукционный клапан открывается достаточно широко, пропуская множество дополнительной информации, зачастую неотредактированной, но желанной.

Люди, не различающие цветов, утверждают, что, приняв психоделики, способны распознать определенные цвета, и сейчас ведутся исследования с целью доказать, что люди под влиянием тех же препаратов слышат и воспринимают музыку тоже совсем иначе. Они более остро воспринимают тембр, или окраску, — то музыкальное измерение, которое передает эмоции. Когда я во время псилоцибинового трипа слушал сюиту для виолончели Баха, я был уверен, что слышу то, о чем раньше и помыслить не мог, отмечая оттенки, нюансы и тона, которые никогда не слышал до этого и с тех пор тоже больше не слышу.

Кархарт-Харрис считает, что психоделики делают рукопожатие между мозгом и восприятием мира менее крепким, прочным и более ненадежным. Автономный мозг может «рыскать туда-сюда» между стремлением накладывать на входящую информацию свои наработанные шаблоны и желанием принимать ее в сыром виде, так, как ее поставляют органы чувств. Однако, полагает ученый, во время психоделических откровений бывают моменты, когда наша обычная уверенность в нисходящих сверху концепциях реальности вдруг нам изменяет, и тогда к нам через фильтр сети пассивного режима поступает снизу дополнительная информация. Но, когда вся эта чувствен-

ная информация грозит затопить наше сознание, ум быстро изыскивает или создает новые концепции (безумные или блестящие, это в данном случае к делу не относится), чтобы только осмыслить ее — «и вы тогда может увидеть возникающие в потоке дождя лица».

«Мозг делает то, что ему и положено», то есть работает, чтобы устранить или ослабить неопределенность, сочиняя и рассказывая самому себе сказки.

Человеческий мозг — это невообразимо сложная система (вероятно, самая сложная из всех имеющихся), но в ней, однако, наличествует строгий порядок, высшим выражением которого являются суверенное «я» и наше обычное бодрствующее сознание. К поре возмужания наш мозг в полной мере осваивает навыки наблюдения и проверки реальности и нарабатывает в отношении ее надежные прогнозы и предсказания, оптимизирующие наш энергетический вклад (психический, мысленный и прочий) и потому повышающие наши шансы на выживание. Неуверенность — самая большая проблема сложно устроенного мозга, поэтому-то, чтобы устранить ее, он и прибегает к прогнозирующему кодированию. В целом же это заранее подготовленное и обусловленное адаптацией мышление служит нам верой и правдой — но лишь до определенного момента.

Что это за момент и когда именно он наступает — на этот вопрос Робин Кархарт-Харрис с коллегами пытается ответить в своей амбициозной и провокационной статье «Энтропийный мозг: теория состояний сознания, как она видится в свете нейровизуальных исследований с использованием психоделических препаратов», опубликованной в 2014 году в журнале *Frontiers in Human Neuroscience*. В ней Кархарт-Харрис пытается изложить свое грандиозное видение синтеза психоанализа и когнитивной науки о мозге. Центральный вопрос статьи: платим ли мы какую-то цену за обретение порядка и индивидуальности на уровне сознания взрослого человека? И приходит к выводу: да, платим. Если подавленная энтропия мозга (которая в данном контексте является синонимом неуверенности) «способствует утверждению реализма, стимулирует предвидение, ведет к тщательному размышлению и развивает нашу способность распознавать и преодолевать раздутые и параноидаль-

ные фантазии», то в то же самое время эта особенность стремится «ограничить познание» и оказать «на сознание ограничивающее или сужающее влияние».

После нескольких бесед по Skype (и через несколько месяцев после публикации статьи об энтропийном мозге) я наконец встретился с Робином Кархарт-Харрисом в его квартире на пятом этаже в доме, расположенном в самой непритязательной части Ноттинг-Хилла. Лично меня сильно поразили молодость, боевой задор и напористость Робина. При всей его амбициозности он держит и ведет себя поразительно скромно, и ничто в нем не подготавливает вас к той решительности, с которой он пускается в сложные интеллектуальные рассуждения и которая отпугнула бы менее отважных ученых.

Читая статью, поневоле представляешь себе мозг как машину, устраняющую всякую неопределенность, но при этом имеющую несколько серьезных изъянов. Поразительная сложность человеческого мозга и великое множество различных психических состояний в его репертуаре (в сравнении с другими животными) делают задачу поддержания порядка главной и первостепенной, иначе вся система погрузится в хаос.

Когда-то давным-давно, пишет Кархарт-Харрис, человеческий или человекообразный мозг проявлял гораздо более анархичную форму «первичного сознания», для которого было характерно «магическое мышление», то есть убеждения, касающиеся устройства мира, формировались под действием желаний, страхов и вере в сверхъестественные силы. (Первичное сознание, пишет Кархарт-Харрис, характеризуется тем, что «познание менее щепетильно в отборе образчиков реалий из внешнего мира и потому легко подпадает под влияние эмоций, например, желаний и тревог».) Магическое мышление — это один из путей, которыми следует человеческий мозг в стремлении устранить неуверенность, но для успешного развития вида этот путь оптимальным не назовешь.

Но есть и более оптимальный путь, утверждает Кархарт-Харрис; он в том, чтобы подавить неуверенность и энтропию, которые возникли в мозге в процессе эволюции сети пассивного режима, той регулирующей системы, которая отсутствует у неразвитых низших животных и малых детей.

Вместе с сетью пассивного режима «возникает чувство собственного „я“, или „эго“», а заодно и способность человека к самоанализу и рассудочности. Магическое мышление заменяется «образом мышления, более привязанного к реальности и управляемого эго». Заимствовав определение у Фрейда, он называет этот более высокоразвитый метод познания «вторичным сознанием». Вторичное сознание «почтительно относится к действительности и усердно стремится представить мир как можно точнее», чтобы минимизировать «неожиданности и неуверенность (т. е. энтропию)».

В статье приводится интересная таблица, дающая наглядное представление о «спектре когнитивных состояний», варьирующихся от высокоэнтропийных до низкоэнтропийных психических состояний. На высокоэнтропийном конце спектра он помещает психоделические состояния, младенческое сознание, ранний психоз, магическое мышление и дивергентное, или творческое, мышление. На низкоэнтропийном конце спектра значатся узкое или негибкое мышление, пагубные привычки, обсессивно-компульсивное расстройство, депрессия, анестезия и, наконец, кома.

Физиологические «расстройства» на низкоэнтропийном конце спектра, полагает Кархарт-Харрис, не столько являются результатом отсутствия порядка в мозге, сколько вызваны *переизбытком* порядка. Когда колея, проложенная саморефлексивным мышлением, углубляется и затвердевает, эго становится властным и неумолимым. Когда эго обращается против самого себя, а неконтролируемая саморефлексия постепенно затмевает реальность, это самый верный признак депрессии. Кархарт-Харрис приводит результаты исследований, которые указывают на то, что это изнурительное состояние сознания (иногда называемое тяжелым самосознанием или депрессивным реализмом) может быть результатом сверхактивного состояния сети пассивного режима, способной заманить нас в петли-ловушки повторяющихся деструктивных размышлений, которые в конечном счете полностью изолируют нас от внешнего мира. Редукционный клапан бездействует. Кархарт-Харрис убежден, что люди, страдающие целым набором расстройств, для которых характерны исключительно негибкие шаблоны мышления (включая пагубные привычки, одержимость, нарушения пищевого

поведения, так же как и депрессию), только выигрывают от «способности психоделиков разрушать стереотипные модели мышления и поведения, растворяя те паттерны [нейронной] активности, на которых они зиждутся».

Поэтому вполне может быть и так, что мозг некоторых людей более устойчив к несколько большей, а не меньшей энтропии. Именно здесь психоделики оказываются как нельзя кстати. Успокаивая сеть пассивного режима работы мозга, эти соединения могут ослабить власть эго над механизмами сознания, «смазывая» механизм познания там, где он заржавел и потому стал неповоротлив. «Психоделики изменяют сознание путем *дезорганизации* деятельности мозга», — пишет Кархарт-Харрис. Они усиливают энтропию мозга, и в результате система возвращается к менее ограниченному методу познания*.

«Дело не только в том, что одна система отпадает, — пишет он, — но и в том, что старая система возникает снова». Старая система — это первичное сознание, мышление, в котором эго на время теряет свою доминирующую позицию, а бессознательное, теперь неуправляемое, «переносится в доступное для наблюдений пространство». В этом, с точки зрения Кархарт-Харриса, и заключается эвристическая ценность психоделиков для изучения сознания, хотя их терапевтическую ценность он тоже признает.

Стоит, однако, заметить, что Кархарт-Харрис совсем не романтизирует психоделики и достаточно нетерпимо относится ко всякого рода «магическому мышлению» и «метафи-

* Как именно психоделики добиваются этого с точки зрения нейрохимии, до сих пор неясно, но некоторые исследования, проводимые Кархарт-Харрисом, указывают на вероятность наличия соответствующего механизма. По причине своего химического сродства с рецепторами серотонина типа 2А психоделические соединения возбуждают в коре головного мозга те нейроны («пирамидальные нейроны пятого слоя», если быть точным), которые во множестве представлены в этих рецепторах, и их активность приводит к десинхронизации обычных колебаний мозга. Кархарт-Харрис сравнивает колебания, помогающие организовать деятельность мозга, с подбадривающими синхронно-ритмичными хлопками публики. Даже если только два или три своенравных человек хлопают не в ритм, общие аплодисменты становятся менее ритмичными и более хаотичными. Точно так же, по-видимому, и возбуждение кортикальных нейронов тоже нарушает колебания определенной частоты, а именно альфа-волны, которые активно взаимосвязаны с деятельностью сети пассивного режима и особенно с саморефлексией.

зике», которые они если не взращивают, то подпитывают у своих приверженцев, — так же как и представление о том, что сознание «трансперсонально», что скорее есть свойство Вселенной, нежели человеческого мозга. На его взгляд, те формы сознания, которые высвобождаются под действием психоделиков, — это суть регрессия, возвращение к «более примитивному» методу познания. Как и Фрейд, он убежден, что потеря своего «я» и чувство растворения в чем-то большем, типичные для мистического опыта (неважно, чем именно они вызваны: химическими процессами или религией), возвращают нас к психологическому состоянию младенца у материнской груди, к стадии, когда ему еще предстоит развить в себе чувство своей самости как отдельной и во многом ограниченной особи — индивидуума. Обретение этого дифференцированного «я», или эго, и насаждение примитивному уму (уму, обуреваемому страхами, желаниями и склонному к различным формам магического мышления) порядка вместо анархии — все это является для Кархарт-Харриса вершиной человеческого развития. Если он согласен с Олдосом Хаксли в том, что психоделики открывают двери восприятия, то он расходится с ним относительно другого: мол, далеко не все, что вторгается извне через приоткрытую дверь, включая и «Ум в целом», мельком увиденный Хаксли, обязательно реально. «Психоделический опыт может принести много золота, которое на поверку окажется „золотом дураков“», — сказал он мне.

И все же Кархарт-Харрис убежден, что психоделический опыт содержит в себе немало настоящего золота. В ходе нашей встречи он назвал мне в качестве примера имена ученых, чей собственный опыт общения с ЛСД помог им через озарения проникнуть в суть работы мозга. Оказывается, слишком высокая энтропия мозга может привести к атавистическому мышлению, а в конечном счете и к безумию, но и слишком низкая тоже может нанести ему ущерб. Власть доминирующего эго делает наше мышление более жестким, негибким, что в психологическом отношении крайне пагубно для нас. Впрочем, не только в психологическом, но также в социальном и политическом отношениях, поскольку эго «запирает» ум, лишая его доступа к информации и альтернативным точкам зрения.

В одной из бесед Кархарт-Харрис высказал мысль, что любой класс наркотиков, если он способен переворачивать иерархические структуры сознания и поддерживать нетрадиционное мышление, обладает потенциалом изменять отношение пользователей к власти; другими словами, эти соединения могут оказывать весомое воздействие на политику. По мнению многих, именно такую роль и сыграл ЛСД в политических потрясениях 1960-х годов.

— Было ли это следствием того, что хиппи тяготели к психоделикам? Или, наоборот, психоделики порождают хиппи? Никсон считал, что последнее. Возможно, он прав! — высказался по этому поводу Робин.

По его мнению, психоделики способны также исподволь менять отношение людей к природе, как это случилось в 1960-е годы, когда человечество радикально изменило свое отношение к морям и океанам. Когда влияние сети пассивного режима работы мозга ослабевает, ослабевает и чувство разобщенности с окружающей средой. Его команда из Имперского колледжа тестирует добровольцев, используя стандартную психологическую шкалу, по которой измеряется их «природосообразность» (респондентам предлагается ряд утверждений типа «Я не отделен/а от природы, а являюсь частью ее» и по особой балльной системе оценивается их согласие или несогласие с ними), и оказалось, что психоделический опыт повышает самооценку людей*.

* * *

Так как же выглядит высокоэнтропийный мозг? Различные техники сканирования, используемые в лаборатории Имперского колледжа для картографии раскрепощенного мозга, показывают, что каждая специализированная нейронная сеть (такие, например, как сеть пассивного режима

---

* См.: Мэтью М. Науэр и др. «Психоделики, личность и политические перспективы», *«Журнал психоактивных препаратов»*, 2017. [Matthew M. Nour et al., "Psychedelics, Personality, and Political Perspectives," *Journal of Psychoactive Drugs*, 2017.] «Растворение эго, переживаемое участником во время „наиболее интенсивных" психоделических откровений, самым положительным образом сказывалось на таких прогнозируемых явлениях, как либеральные политические взгляды, открытость и природосообразность, и самым отрицательным образом — на авторитарных политических взглядах».

работы мозга и система обработки зрительной информации) сама по себе дезинтегрируется, тогда как мозг в целом становится *более* комплексным и интегрированным по мере того, как между областями, обычно действующими сами по себе или связанными между собой через центр СППРМ, возникают новые связи. Иными словами, различные сети мозга становятся менее специализированными.

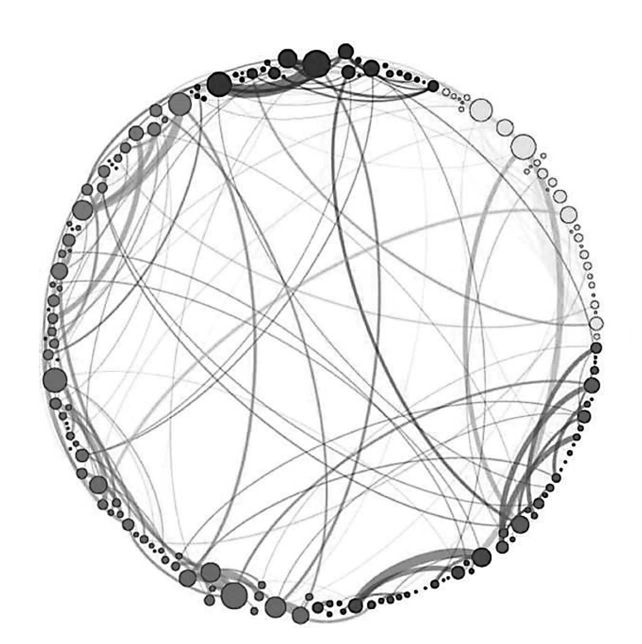
«Под действием препарата отдельные ярко выраженные сети стали менее ярко выраженными, — пишет Кархарт-Харрис, — из чего следует, что они взаимодействуют более открыто» с другими сетями мозга. «Под влиянием галлюциногенов мозг начинает выказывать большие гибкость и взаимосвязанность».

В статье, опубликованной в 2014 году в журнале *Journal of the Royal Society Interface*, команда исследователей из Имперского колледжа убедительно показала, что, когда сеть пассивного режима отключается, а прилив энтропии возрастает, обычные линии коммуникаций в мозге подвергаются решительной реорганизации. Используя такую технику сканирования, как магнитоэнцефалография, дающую наглядную картину электрической активности в мозге, авторы создали карту внутренних коммуникаций мозга в состоянии бодрствующего сознания после инъекции псилоцибина (см. следующие страницы). В обычном состоянии (оно показано слева) различные сети мозга (здесь они изображены в виде окружностей, причем каждая представлена своим цветом) разговаривают в основном сами с собой, и среди них сравнительно мало проводящих путей с интенсивным движением.

Но когда мозг действует под влиянием псилоцибина, как показано справа, возникают тысячи новых связей, соединяющих между собой удаленные области мозга, которые в состоянии обычного бодрствующего сознания не обмениваются большим количеством информации. По сути дела, если прибегнуть к дорожной аналогии, движение перенаправляется с относительно небольшого числа федеральных автострад на мириады более мелких дорог, связывающих между собой неизмеримо большее число других направлений. Мозг, по-видимому, становится менее специализированным и более глобально взаимосвязанным, поэтому в нем наблюдается зна-

чительно большее количество взаимосвязей («перекрестных разговоров») между различными соседними областями.

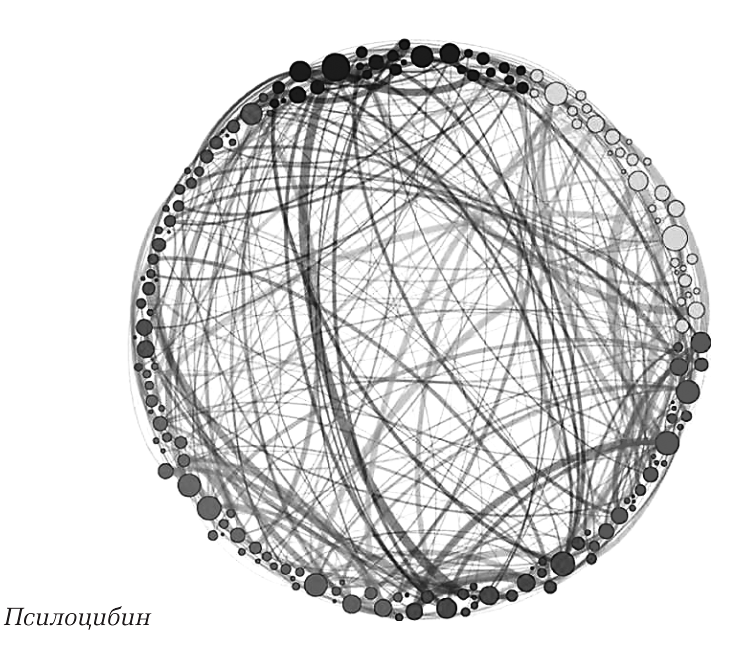
Это временная перенастройка мозга влияет на нашу мысленную деятельность несколькими способами. Когда центры памяти и эмоций получают возможность прямо сообщаться с центрами обработки зрительной информации, то более чем вероятно, что наши страхи и желания, предрассудки и эмоции начинают влиять на то, что мы видим; это и есть признак первичного сознания и рецепт магического мышления. Точно так же установление новых связей между системами мозга может привести к возникновению синестезии, как это происходит, например, когда различные виды чувственной информации переплетаются и перемешиваются между собой, так что цвета становятся звуками или звуки становятся тактильными. Или же новые связи приводят к галлюцинациям, как это произошло со мной, когда содержимое моей памяти исказило мое зрительное восприятие, преобразив Мэри в Марию Сабину или отражение моего лица в зеркале в лицо моего деда. Формирование других разновидностей новых связей может проявиться в психической сфере в виде новой идеи, необычной перспективы, творческого озарения или прида-



Плацебо

ния нового смысла знакомых вещам — или в виде огромного числа странных и поразительных психических явлений, о которых свидетельствуют люди, принимавшие психоделики. Повышение энтропии приводит к проявлению сотен психических состояний, многие из которых причудливы, вычурны и бессмысленны, а некоторые предстают как провидческие, образные, творческие и — по меньшей мере потенциально — трансформирующие.

К этому расцвету психических состояний можно относиться по-разному. Можно считать, например, что он временно повышает качественное разнообразие нашей психической деятельности. Если решение проблем — это что-то вроде эволюционной адаптации, то чем больше возможностей имеет разум в своем распоряжении, тем более творческие решения он отыскивает. В этом смысле энтропия мозга немного напоминает вариативность в процессе эволюции: она поставляет разнообразное сырье или материалы, с которыми работает естественный отбор и которые он использует для решения проблем и привнесения в мир новшеств. Если же, как свидетельствуют многие художники и ученые, пси-



Псилоцибин

ходелический опыт содействует творчеству и питает его, выводя «за рамки привычных стереотипов», то с помощью этой модели, может быть, удастся объяснить, почему это так. Возможно, проблема со стереотипами как раз в том, что она единичная.

Но ключевым вопросом, на который психоделическая наука даже еще на начала отвечать, был и остается прежним: прочны ли нейронные связи, которые возникают под действием психоделиков, или же настройка мозга сразу вернется к прежнему состоянию, как только препарат перестанет действовать? Сделанное лабораторией Роланда Гриффитса открытие, что психоделический опыт ведет к долговременным изменениям такого свойства личности, как открытость, увеличивает вероятность того, что даже когда мозг находится в процессе перепрограммирования, он тоже чему-то обучается, и что усвоенное им может каким-то образом сохраниться. Обучение влечет за собой создание новых нервных цепей и рефлекторных дуг, и чем больше их упражняешь, тем сильнее и крепче они становятся. Возможно, перспективная судьба новых связей, сформировавшихся во время психоделического трипа (неважно, долговечны они или недолговечны), зависит от того, вспоминаем ли мы пережитое и, как следствие, упражняем ли эти связи после окончания трипа. (Этим можно заниматься или в процессе интеграции опыта, еще раз в присутствии психотерапевта вспоминая все пережитое, или во время медитации, еще раз мысленно воспроизводя измененное состояние сознания.) Франц Волленвейдер высказал предположение, что психоделический опыт вполне может способствовать «нейропластичности»: он распахивает окно в некий мир, в котором мысленные и поведенческие стереотипы становятся более пластичными и более подвержены изменениям. Его модель выглядит как химически опосредованная форма когнитивно-поведенческой терапии. Но все это пока в высшей степени умозрительно: слишком мало мы знаем о картографии мозга до и после приема психоделиков, чтобы точно сказать, какие именно длительные изменения они вызывают (если вообще вызывают).

В своей статье об энтропии мозга Кархарт-Харрис утверждает, что даже временная перенастройка мозга потен-

циально важна и ценна, особенно для людей, страдающих расстройствами, характеризующимися психической ригидностью. Большая доза психоделика и вызываемые им переживания способны, по его словам, изрядно «встряхнуть снежный шар», разрушив нездоровые стереотипы мышления и создав предпосылки для объемной гибкости (энтропию), — пространство, в котором полезные для здоровья паттерны и нарративы (по мере того как снег медленно оседает) получают возможность соединиться.

* * *

Сама мысль о том, что нарастающая энтропия мозга может быть для нас, людей, полезна, довольно парадоксальна и противоречит здравому смыслу. Большинство из нас вкладывают в это понятие негативную коннотацию, потому как энтропия предполагает постепенное, с течением времени, разрушение с таким трудом завоеванного порядка, предполагает распад системы. Разумеется, старение — тоже в какой-то степени энтропийный процесс: постепенные опускание, усыхание и разупорядочение ума и тела. Но вполне может быть, что думать так не совсем верно. Статья Робина Кархарт-Харриса заставила меня призадуматься: а что, если старение, по крайней мере ума, — это процесс *снижения* энтропии, процесс постепенного увядания и выветривания того, что мы должны рассматривать как положительный атрибут психической жизни?

Разумеется, в среднем возрасте влияние привычного мышления на деятельность ума почти абсолютное. В моем же возрасте я в основном полагаюсь на прошлый опыт, и он, как правило, не подводит: дает быстрые и вполне пригодные ответы практически на все вопросы, которые ставит жизнь, вроде того, как успокоить ребенка или утешить супругу, как исправить предложение, как отнестись к комплименту, как ответить на следующий вопрос или осмыслить происходящее в мире. Со временем и по мере обретения опыта становится все легче уяснять себе суть вопроса, отбрасывая ненужные частности, становится все легче приходить к умозаключениям и выводам — клише, которые подразумевают живость ума и воображения говорящего, хотя на деле они могут означать нечто совсем противоположное,

а именно: окаменение мысли. Представьте это как прогнозирующее кодирование на весах жизни; прошлые наработки — а их у меня к этому времени миллионы — обычно поддерживают меня, являются опорой моей жизни: я могу положиться на них в надежде, что они подскажут мне вполне достойный ответ, даже если он не особенно нов, оригинален или богат образами. Это всего лишь наработанный с годами эффективный режим достаточно хороших прогнозов и предсказаний, и назвать это «мудростью» было бы не в пример лестно.

Статья Робина помогла мне лучше понять, что именно я искал все это время после того, как решил заняться изучением психоделиков, и к чему мне нужно стремиться — к тому, чтобы хорошенько встряхнуть свой собственный снежный шар, чтобы понять, смогу ли я обновить свою повседневную психическую жизнь, внеся в нее высокую степень энтропии и неопределенности. Старение могло бы сделать этот мир более предсказуемым (во всех смыслах), однако хорошо уже и то, что оно облегчает груз ответственности, создавая новое пространство для эксперимента. Мое заставило меня попытаться понять, не слишком ли поздно я взялся за ум и есть ли у меня шанс выбраться из глубокой колеи привычек, которую долгий опыт с его «плавали — знаем» проторил в моем сознании.

* * *

В теории и физики, и информатики энтропия часто ассоциируется с расширением — вроде расширения газа, когда он нагревается или высвобождается из ограничивающего пространства сосуда. По мере того как молекулы газа растворяются в пространстве, все трудней и трудней предсказать местонахождение любой конкретной молекулы, в силу чего неопределенность системы все более и более возрастает. В конце своей статьи Кархарт-Харрис как бы мимоходом напоминает нам о том, что в 1960-х годах психоделический опыт обычно характеризовали как «расширение сознания»; намеренно или нет, но Тимоти Лири со своими коллегами сочли наиболее уместной для энтропийного мозга именно эту метафору. Кроме того, сравнение с расширением созвучно и «редукционному клапану» Хаксли,

если подразумевать под этим, что сознание может находиться в состоянии раскрытия или сжатия.

Если исходить из нажитого опыта, то такое абстрактное качество, как энтропия, чувственно воспринять практически невозможно, тогда как с расширением дело обстоит как раз наоборот. Джадсон Брюер, нейрофизиолог, известный своими исследованиями медитативных состояний, обнаружил, что испытываемое человеком расширение сознания взаимоувязано с падением активности одного конкретного узла в сети пассивного режима — коры задней части поясной извилины, которая ассоциируется с обработкой процессов самоидентификации. Одна из самых интересных особенностей, связанных с психоделическим опытом, состоит в том, что он обостряет восприимчивость человека к собственным психическим состояниям, особенно в дни, следующие непосредственно за психоделическим сеансом. При этом обычное безмятежное состояние сознания сильно нарушается, так что любое конкретное проявление психики, будь то рыскающий ум, сфокусированное внимание или размышление, становится более зримым, выпуклым, заметным и им гораздо легче манипулировать. Сразу после психоделических трипов (и, возможно, не без влияния беседы с Джадсоном Брюером) я обнаружил, что стоит мне сосредоточить на них мой ум, как я тут же легко определяю собственное состояние сознания в диапазоне между сжатием и расширением.

Когда, например, мной владеет особенное чувство душевной щедрости или благодарности, когда я открыт чувствам, людям и природе, я отмечаю у себя состояние расширения. Это чувство часто сопровождается умалением эго, так же как и ослаблением внимания к прошлому и будущему, которым оно пробавляется. (И от которого оно зависит.) Так же обстоит дело и с ярко выраженным чувством сжатия, которое наблюдается у меня, когда я чем-то одержим или когда мной владеют чувства страха, самозащиты, спешки, беспокойства и сожаления. (Два последних чувства возникают лишь в ходе путешествия во времени.) В этих случаях я в гораздо большей мере ощущаю себя *самим собой*, причем далеко не в лучшем смысле. Если нейробиологи и нейрофизиологи правы, те процессы и состояния, которые я наблюдаю в сфере своего сознания, физически взаимосвязаны с мозгом: сеть пассив-

ного режима либо включена, либо выключена; уровень энтропии либо высокий, либо низкий. Но как именно *распорядиться* этой информацией, я до сих пор не знаю.

* * *

К настоящему моменту она, вероятно, стала достоянием памяти и, возможно, даже затерялась в ней; однако все мы, даже самые наивные среди нас с точки зрения психоделического опыта, лично, прямо и непосредственно, сталкивались с энтропией мозга и новым типом сознания, который она питает, — сталкивались в ту пору, когда были малыми детьми. Детское сознание настолько отличается от сознания взрослого человека, что представляет собой, по сути дела, особую психическую страну, ту самую, из которой нас изгоняют (или мы сами себя изгоняем) в отроческом возрасте. Можно ли опять вернуться в нее? Вернуться взрослыми вряд ли, а вот приблизиться к этой ныне чуждой стране или на краткий миг даже посетить ее, наверное, можем — во время психоделического трипа. Во всяком случае, именно такова поразительная гипотеза, которую высказала Элисон Гопник, психолог по вопросам развития и философ, по воле судьбы оказавшаяся моей однокурсницей в годы учебы в Калифорнийском университете в Беркли.

Элисон Гопник и Робин Кархарт-Харрис пришли к проблеме сознания с совершенно разных сторон и направлений, вооруженные разными дисциплинами, но вскоре после того, как они услышали друг о друге и познакомились с работами друг друга (не без моей помощи, потому как я отослал Элисон PDF-файл статьи Робина об энтропии мозга, а ему рассказал о ее превосходной книге «*Ребенок-философ*»), они затеяли между собой дискуссию, которая оказалась удивительно поучительной, по крайней мере для меня. В апреле 2016 года они продолжили свою дискуссию, на этот раз в Тусоне, штат Аризона, на сцене зала заседаний во время конференции, посвященной проблемам сознания, где они наконец встретились и оба оказались за одним столом*.

---

* Эта дискуссия была отснята на видеокамеру; ее можно посмотреть на YouTube по адресу: https://www.youtube.com/watch?v=v2VzRMevUXg.

Психоделики в свое время дали Кархарту-Харрису возможность взглянуть на феномен обычного сознания под другим углом и тем самым подойти к исследованию его измененных состояний; Гопник, в свою очередь, тоже предлагает рассматривать сознание малого ребенка как другую разновидность «измененного состояния», и во многих отношениях эти состояния поразительно схожи между собой. Наши размышления о том или ином предмете, предупреждает она, обычно искажены нашим собственным ограниченным сознанием, которое мы, естественно, воспринимаем как целое и не ущербное. В этом случае приходится признать, что большинство теорий и обобщений, касающихся нашего сознания, созданы людьми, наделенными довольно ограниченным подтипом этого сознания, который она называет «профессорским сознанием», определяя его как «феноменологию среднестатистического профессора средних лет».

— Как академики мы или невероятно сосредоточены на какой-то конкретной проблеме, — говорила Гопник в Тусоне, обращаясь к аудитории, состоявшей из философов и нейрофизиологов, — или сидим и сами себя спрашиваем: «Почему я не могу сфокусироваться на той проблеме, на которой я обязан фокусироваться, и почему вместо этого я предаюсь мечтам?».

Гопник (ей чуть больше шестидесяти), с ее разноцветными шарфами, пышными юбками и практичной обувью, сама выглядит отчасти как профессор из Беркли. Дитя 1960-х годов, а ныне бабушка, она обладает особым стилем речи, который одновременно кажется беспечным и поучительным, не говоря уже о том, что он пестрит ссылками, указывающими на то, что ее ум столько же поднаторел в гуманитарных науках, сколько и в естественных.

«Если вы полагаете, как часто полагают люди, что сознание именно к этому и сводится... то неудивительно, если вы считаете, что малые дети менее разумны и сознательны, чем мы…», потому что и сфокусированное внимание, и саморефлексия у малых детей отсутствуют. Подумайте о сознании ребенка, взывает к нам Гопник, но не с позиции того, что оно якобы недоразвито или ему чего-то не хватает, а с позиции того, что в нем уникально

и поистине чудесно, — с позиции качеств, которые, убеждена она, психоделики помогут нам лучше понять, оценить и, возможно, заново прочувствовать.

В «*Ребенке-философе*» Гопник проводит вполне уместное различие между «прожекторным сознанием» взрослого человека и «фонарным сознанием» ребенка. Первое наделяет взрослого человека способностью фокусироваться исключительно на избранной цели. (В своих репликах в ходе дискуссии Кархарт-Харрис называл его «эго-сознанием» или «точечным сознанием».) Второе — фонарное сознание — обладает рассеянным вниманием, что позволяет ребенку собирать информацию буквально отовсюду, что бы ни оказалось в поле его осознания, которое гораздо шире, чем у большинства взрослых людей. (Если исходить из этой мерки, то дети более, а не менее сознательны, чем взрослые.) Да, длительные периоды доминирования прожекторного сознания у ребенка довольно редки, но зато и «яркое панорамное освещение будней», которое открывает фонарное сознание, у взрослых тоже бывает не часто, а если и бывает, то чисто случайно. Если воспользоваться терминологией Джадсона Брюера, то фонарное сознание — это сознание расширяющееся, а прожекторное — сознание узкое или ограничивающее.

Мозг взрослого человека направляет «прожектор» своего внимания куда ему хочется и при осмыслении получаемой информации опирается на прогнозирующее кодирование. У ребенка, как обнаружила Гопник, в этом отношении совершенно другой подход. Его разум, будучи совершенно неискушенным перед реалиями мира, обладает сравнительно малым числом наработок или предвзятых мнений, полагаясь на которые он мог бы направлять свое восприятие мира по проторенной колее или предсказуемому пути. Вместо этого подход и восприятие ребенком мира сравнимы с изумлением, которое испытывает взрослый лишь под влиянием психоделиков.

Что это означает с точки зрения познания и обучения, говорит Гопник, легко понять, если взять для сравнения машинное обучение или искусственный разум. Разработчики компьютерных программ, обучающие искусственный разум навыкам преподавания и умению решать проблемы,

говоря о поисках ответов на вопросы, пользуются терминами «высокотемпературный» и «низкотемпературный поиск». Низкотемпературный поиск (он требует гораздо меньшей затраты энергии, чем высокотемпературный) подразумевает получение наиболее вероятного или наиболее приемлемого ответа, вроде того, который помог решить похожую проблему в прошлом. Низкотемпературный поиск чаще оказывается удачным, нежели неудачным. В отличие от него высокотемпературный поиск требует гораздо больше энергии, поскольку он подразумевает поиск менее вероятных, но, возможно, более изобретательных и творческих ответов — как правило таких, которые лежат за рамками предвзятых мнений. Поэтому, опираясь на богатый жизненный опыт, ум взрослого человека большую часть времени занят исключительно низкотемпературными поисками.

Гопник полагает, что и ребенок (от пяти лет и ниже), и взрослый (принимающий психоделики) более склонны именно к высокотемпературному поиску; в стремлении понять и осмыслить воспринимаемое извне их ум исследует не только ближайшие и наиболее вероятные возможности, но и «все пространство возможностей». Высокотемпературный поиск (по сравнению с низкотемпературным) может казаться неэффективным, содержать высокий процент ошибок и требовать гораздо больше времени и затрат психической энергии, да и ответы, к которым он приводит, представляются более сказочными, нежели реалистическими; при этом, однако, нередки случаи, когда именно он приводит к решению сложной проблемы, а даваемые им ответы по своей изобретательности оказываются поразительно красивыми и оригинальными. Формула $E = mc^2$ была именно плодом высокотемпературного поиска.

Гопник проверила эту гипотезу на детях, специально отобранных для этого исследования, и обнаружила, что некоторые проблемы, с которыми сталкиваются люди в процессе обучения, пятилетние дети решают и лучше, и успешнее, чем взрослые. Это как раз те проблемы, которые требуют неординарного мышления, и возникают они в ситуациях, когда жизненный опыт, образно говоря, хромает на обе ноги, вместо того чтобы смазывать маслом механизм решения проблем, поскольку в большинстве случаев

они для человека внове. В одном из экспериментов детям предлагали игрушечный ящик, который мигал огнями и исполнял музыку, когда на него клали определенный кубик. Обычно этот «световой детектор» реагирует подобный образом лишь на один кубик определенного цвета или формы, но когда экспериментатор перепрограммировал этот механизм так, что он начинал реагировать, только когда на него помещали два кубика, то четырехлетние дети осмыслили это новшество и приспособились к нему гораздо быстрее, чем взрослые.

— Их мышление менее стеснено жизненным опытом, поэтому они допускают даже самые невероятные возможности, — утверждает Гопник; другими словами, они занимаются высокотемпературными поисками, проверяя самые, казалось бы, далекие и невероятные гипотезы. — Дети лучше учатся, чем взрослые, особенно в тех случаях, когда решения неочевидны или [здесь она прибегла к образному выражению] находятся гораздо дальше в пространстве возможностей. — То есть в мире, где они чувствуют себя гораздо уютнее, чем мы. А этот мир действительно от нас далек.

— Из всех видов живых существ период детства у нас самый долгий, — продолжает она. — Этот долгий период обучения и исследования отличает нас от всех прочих видов. Я рассматриваю детство как стадию НИОКР* нашего вида, стадию, посвященную исключительно учебе и исследованию. Мы же, взрослые, олицетворяем производство и маркетинг.

Позже я спросил ее, не ошиблась ли она, сказав, что детство — стадия НИОКР именно вида, а не индивидуума. Может быть, наоборот? Но она подтвердила, что имела в виду именно то, что сказала.

— Каждое поколение детей сталкивается с новой окружающей средой, — поясняет она, — и их мозг как нельзя лучше приспособлен для учебы и процветания в этой

* НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. То есть совокупность работ, направленных на получение новых знаний и их практическое применение при создании нового изделия или новой технологии. — *Прим. перев.*

среде. Вспомните детей эмигрантов или четырехлетних малышей, к которым в руки попал айфон. Дети не изобретают эти новые приборы, они не создают новую среду, но в каждом поколении из мозг перестраивается таким образом, чтобы процветать в ней. Детство — это пора, когда наш вид внедряет шумы в систему культурной эволюции. [«Шумы» в данном контексте — это просто синоним термина «энтропия»».] В этом смысле мозг ребенка невероятно пластичен, он прекрасно приспособлен именно для учебы, а не для достижений — или, лучше сказать, для исследования, а не для эксплуатации.

В мозге ребенка великое множество нейронных связей, гораздо больше, чем в мозге взрослого человека. (В ходе дискуссии Кархарт-Харрис показал карту сознания человека, находящегося под действием псилоцибина; она была густо испещрена линиями, соединяющими одну область мозга с другими.) Но когда мы достигаем отроческого возраста, большая часть эти связей обрывается, и в результате «человеческий мозг становится жалкой, посредственно действующей машиной». Ключевым элементом этого процесса развития является подавление энтропии, со всеми вытекающими отсюда последствиями, как хорошими, так и плохими. Система охлаждается, остывает, и высокотемпературные поиски становятся скорее исключением, нежели правилом. Проще говоря, включается сеть пассивного режима работы мозга.

«Чем старше мы становимся, тем больше сужается наше сознается, — пишет Гопник в своей книге. — Взрослые закостеневают в своих убеждениях, и их трудно расшевелить», тогда как «дети более подвижны и, следовательно, более охотно принимают новые идеи. Если вы хотите понять, что такое расширенное сознание и как оно выглядит, вам нужно лишь пообщаться (выпить чаю, например) с четырехлетним ребенком».

Или проглотить таблетку ЛСД. Гопник сказала мне, что больше всего ее поразило сходство между феноменологией опыта, обусловленного ЛСД, и ее пониманием детского сознания с такими его атрибутами, как высокотемпературные поиски, рассеянное внимание, повышенные психические шумы (энтропия), магическое мышление и почти полное

отсутствие чувства своего «я», которые у детей сохраняются весьма продолжительное время.

«Короче говоря, младенцы и дети в основном все время отключены».

* * *

Несомненно, подобное самоуглубление интересно, но полезно ли оно? Гопник и Кархарт-Харрис убеждены, что да, полезно; более того, они полагают, что психоделический опыт, как они его себе представляют, потенциально способен помогать как больным, так и здоровым людям. Что касается последних, то психоделики, усиливая «шумы», или энтропию, мозга, могли бы выбивать их из мысленной колеи, изрядно перетряхивая их шаблонное мышление («смазывая механизм познания», говоря словами Кархарт-Харриса) так, что это не только бы улучшало их самочувствие, но и сделало бы их более открытыми и повысило их творческий потенциал. По выражению Элисон Гопник, психоделики могли бы помочь взрослым людям обрести гибкое, текучее мышление, которое у детей является их второй натурой, расширяя пространство творческих возможностей. Если, как предполагает Гопник, «детство — это пора внедрения шумов (и новшеств) в систему культурной эволюции», то психоделики могли бы делать то же самое и в системе ума взрослого человека.

Что касается больных, то наибольшую пользу из психоделиков могли бы, вероятно, извлечь те из них, кто страдает разного рода психическими расстройствами, характеризующимися такими аспектами психической ригидности, как зависимость, депрессия и одержимость.

«У взрослых наблюдается целый ряд трудностей и патологий, таких, например, как депрессия, которые связаны с феноменологией размышлений и характеризуются чрезмерно узким фокусом с акцентировкой на эго, — пишет Гопник. — Вы замыкаетесь на одном и том же предмете, не можете уйти от него, становитесь одержимым и, возможно, зависимым. Мне кажется более чем правдоподобным, что психоделические переживания могли бы вывести нас из этих состояний и дать нам возможность переписать прежние истории, касающиеся нас самих».

Подобный опыт, по мысли Гопник, мог бы стать своего рода перезагрузкой — как в том случае, когда вы «вводите шум и грохот в систему», закосневшую в жестких рамках шаблонов, из которых она не может выйти. Существенно понижая активность сети пассивного режима работы мозга и ослабляя хватку эго — состояния, которые, по мнению Гопник, могут быть в равной степени иллюзорны, — можно было бы помочь таким людям. Высказанная ею мысль о возможности перезагрузки мозга во многом напоминает идею Кархарт-Харриса о встряхивании снежного шара: и то, и другое суть метафора, подразумевающая способ усилить энтропию (или тепло) в закосневшей (или замороженной) системе.

Вскоре после появления в печати статьи об энтропии мозга Кархарт-Харрис решил применить некоторые из своих теорий на практике, испробовав их на пациентах. Впервые в истории лаборатория расширила фокус своей деятельности, сместив его от чистых исследований к возможностям их практического использования в клинических условиях. Правительство Великобритании выделило Дэвиду Натту и его лаборатории грант на проведение небольшого экспериментального исследования, имеющего целью выявить потенциал псилоцибина и его способность ослаблять симптомы «некупируемой депрессии» — так называют состояние, когда пациенты не реагируют на обычные терапевтические методы лечения и лекарства.

Безусловно, что опыт подобной клинической работы у Кархарт-Харриса отсутствовал, а сама работа выходила за пределы зоны комфорта — как его собственной, так и всего персонала лаборатории. Один случай (он произошел на ранних этапах работы) ясно указывает на ту постоянную напряженность, которая существует между врачом и ученым, чьи роли существенно разнятся: если врач всецело посвящает себя больному, добиваясь его выздоровления, то ученый в основном озабочен сбором научных данных. После инъекции ЛСД (следует отметить, что это были не клинические испытания, но проводились они под руководством Кархарт-Харриса) подопытный, мужчина сорока лет по имени Тоби Слейтер, помещенный в функциональный магниторезонансный томограф, начал обнаруживать признаки тревоги

и беспокойства и попросил извлечь его оттуда. После небольшого перерыва Слейтер, видимо движимый чувством долга, сам высказал желание вернуться в машину, чтобы исследователи могли завершить свой эксперимент. («Боюсь, он увидел, как я разочарован, и потому изменил свое решение», — с сожалением вспоминает Кархарт-Харрис.) Но чувство тревоги опять овладело Слейтером. «Я почувствовал себя лабораторной крысой», — поделился он со мной своими страхами. Он снова попросил выпустить его из машины и, выбравшись оттуда, попытался уйти из лаборатории. Персоналу пришлось долго уговаривать его, чтобы он остался и принял успокоительное, и он в конце концов согласился.

Описывая этот случай — одно из очень немногих незаурядных событий, наблюдавшихся в ходе исследований в Имперском колледже, — Кархарт-Харрис характеризует его как «весьма полезный опыт»; видимо, таковым он и оказался, ибо, если верить официальным отчетам и отзывам коллег и пациентов, Робин показал себя не только умелым, исполненным сострадания врачом-клиницистом, но и незаурядным ученым — редкое сочетание, что и говорить! Реакция большинства пациентов, участвовавших в экспериментальном исследовании, была, как мы увидим в следующей главе, необычайно положительной, по крайней мере первое время. Во время обеда в лондонском ресторане в Вест-Энде Робин рассказал мне об одной женщине (она тоже принимала участие в эксперименте), подавленной настолько, что те несколько раз, когда им пришлось встречаться и общаться, она ни разу не улыбнулась, и никто вообще не видел ее улыбающейся. Так вот, когда она лежала, полностью ушедшая в себя под действием псилоцибина, а он сидел подле нее в качестве ассистента, она, по его словам, впервые улыбнулась и сказала: «Так приятно улыбаться».

— После окончания сеанса она рассказала, что к ней приходил ее ангел-хранитель. Она описала некое подобие живого существа, его голос, полный ободрения и поддержки и желавший ей скорейшего выздоровления. Ангел говорил ей вещи вроде: «Дорогая, тебе нужно чаще улыбаться, держи голову как можно выше и перестань глядеть в землю». «Затем

он протянул ко мне руки, — сказала она, — и развел мои щеки в улыбку, приподняв уголки моего рта».

— Должно быть, именно это происходило в ее сознании в тот момент, когда я заметил на ее лице улыбку, — сказал Робин, который и сам теперь улыбался, широко, хотя и немного застенчиво. После всего, что пережила эта женщина, показатель ее депрессии упал с тридцати шести до четырех.

— Должен сказать, это было очень приятное чувство, — заключил он.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛЕЧЕБНЫЙ ТРИП: ПСИХОДЕЛИКИ В ПСИХОТЕРАПИИ

Первый трип: смерть

В Нью-Йоркском университете псилоцибиновые трипы совершаются в процедурном кабинете, заботливо украшенном и обставленном так, что он скорее напоминает уютную берлогу, нежели больничную палату. Подобная атмосфера действует благодатно на находящихся здесь людей, но далеко не всегда, потому как нержавеющая сталь и пластиковая фурнитура, ставшие неотъемлемой частью современной медицины, нет-нет да и проглядывают здесь и там сквозь маскировочные ткани, невозмутимо напоминая о том, что комната, в которой вы путешествуете в глубины собственного сознания, находится в самом сердце огромного больничного комплекса. У одной из стен стоит удобная кушетка, достаточно длинная, чтобы пациент, лежа на ней, мог во время сеанса вытянуть ноги. На противоположной стене висит некая абстракция — то ли картина, то ли кубический ландшафт? — а на книжных полках увесистые книги по искусству и мифологии делят пространство с поделками туземных умельцев и религиозными безделушками, привезенными из экзотических стран: покрытым глазурью большим керамическим грибом, статуэткой Будды и кристаллом. Чем-то это напоминает квартиру психотерапевта средних лет, много путешествовавшего по миру и, судя по сувенирам, отдающего предпочтение восточным религиям и прикладному искусству так называемых примитивных

культур. Однако эта иллюзия тут же исчезает, стоит только взглянуть на потолок, белые звукоизолирующие плитки которого пересечены карнизами — к ним обычно крепятся шторы, отделяющие одну больничную кровать от другой. Кроме того, здесь же находится внушительных размеров ванная комната, освещаемая флуоресцентными лампами и оснащенная необходимыми поручнями и педалями.

Именно в этой комнате я впервые услышал историю Патрика Меттеса, добровольца, принявшего участие в испытаниях, имевших целью выявить воздействие псилоцибина на онкологических больных: на кушетке, где теперь сижу я, он совершил бурный шестичасовой псилоцибиновый трип, в корне изменивший саму его судьбу, жизнь и — не побоюсь сказать это — его отношение к смерти. Я приехал сюда, чтобы побеседовать с Тони Боссисом, паллиативным психологом, который в тот день был дежурным терапевтом, наблюдавшим за состоянием Патрика, и его коллегой Стивеном Россом, психиатром из Беллвью, руководившим этими испытаниями, сводившимися к тому, чтобы установить, способна ли одноразовая большая доза псилоцибина унять тревогу и депрессию, которыми обычно сопровождается неутешительный для больного диагноз: рак в запущенной форме.

Если Боссис, бородатый, с густыми космами мужчина, напоминает пятидесятилетнего манхэттенского психотерапевта, интересующегося альтернативными видами терапии, то Росс, которому чуть больше сорока, прямой и тонкий, напоминает выпущенную из лука стрелу; облаченный в элегантный костюм, при галстуке, он запросто мог бы сойти за банкира с Уолл-стрит. Некогда страстный любитель книг, выросший в Лос-Анджелесе, Росс говорит, что лично он никогда не пробовал психоделики и почти ничего о них не знал, пока однажды один из его коллег не упомянул в разговоре, что ЛСД с успехом использовался в 1950-х и 1960-х годах для лечения алкоголиков. Поскольку алкогольная тема является его специальностью как психиатра, Росс заинтересовался этим сообщением и, проведя кое-какие изыскания, обнаружил, к своему удивлению, «целый свод погребенных знаний». К началу 1990-х годов, когда он начал свою ординатуру по психиатрии в Колумбийском университете, а затем продолжил ее в Нью-Йоркском институте психиатрии, история психодели-

ков была изъята из этой отрасли медицины и основательно предана забвению, так что о самих психоделиках даже не упоминали. Испытания, проводимые в Нью-Йоркском университете, как и подобные им исследования, осуществляемые сотрудниками лаборатории Роланда Гриффитса в медицинском центре Джонса Хопкинса, принадлежат к числу тех немногих усилий, целью которых является подхватить и продолжить нить исследований, оброненную в 1970-е годы, когда с санкционированной психоделической терапией было покончено. Если испытания в Нью-Йоркском университете и центре Хопкинса имеют целью оценить потенциал психоделиков и их полезность при оказании помощи умирающим, то испытания, проводящиеся в других местах, направлены на исследование возможности того, можно ли использовать психоделики (по большей части псилоцибин, чем ЛСД, поскольку, как объяснил Росс, «он не несет в себе тот политический багаж, который ассоциируется с этими тремя буквами») для снятия депрессии и устранения зависимостей, прежде всего пристрастия к алкоголю, кокаину и табаку.

Ни одно из этих исследований не является новым: если погрузиться в историю клинических испытаний, проводившихся с психоделиками, станет понятно, что большая часть этих земель уже возделана. Чарльз Гроб, психиатр из Колумбийского университета в Лос-Анджелесе, чьи экспериментальные исследования псилоцибина на предмет его успокоительного воздействия на онкологических больных (они проводились в 2011 году) расчистили путь для испытаний в Нью-Йоркском университете и центре Хопкинса, признает, что «в большинстве случаев мы просто подхватываем факел у прошлых поколений исследователей, которые были вынуждены его опустить по причине культурного давления». Но если психоделики когда-нибудь найдут признание в современной медицине, то весь этот некогда погребенный свод знаний необходимо будет извлечь на свет божий, а эксперименты, приведшие к этим знаниям, провести вновь в соответствии с действующими научными нормами.

Но как современная наука тестирует психоделическую терапию и ее потенциал, точно так же эти очень странные молекулы, оказывающие непредсказуемое действие на ум и сознание, тестируют западную медицину на предмет того,

способна ли она справиться с теми скрытыми проблемами, которые они создают. Приведу один очевидный пример. Обычные испытания психоделиков очень трудно, если вообще возможно, скрыть от глаз общественности: участникам рот не закроешь и они вполне могут рассказать, принимали ли они сам псилоцибин или плацебо, и об этом же могут рассказать и психотерапевты. Кроме того, могут ли исследователи надеяться на то, что им удастся в полной мере отделить воздействие химического соединения от критического влияния установки и обстановки? Западная наука и современная наркологическая экспертиза всецело зависят от того, удастся ли изолировать единичную переменную, но до сих пор неясно, можно ли *вообще* изолировать или отделить действие психоделического препарата от контекста, в котором он принимается, от терапии, которая с ним связана, или от ожиданий самих участников. Любой из этих факторов может замутить воды причинности. А кроме того, как западная медицина должна оценивать сам психиатрический препарат, который, по-видимому, работает не за счет какого-то сугубо фармакологического воздействия, а за счет внедрения в сознание людей, его принимающего, определенной установки?

Добавьте к этому и тот факт, что опыт видений или переживаний, к которому приводят эти препараты, часто выступает под определением «духовный», поэтому современная медицина предлагает вам в виде психоделической терапии некую пилюлю, настолько большую, что ее вряд ли возможно проглотить. Чарльз Гроб хорошо понимает эту проблему, но занимает по отношению к ней непримиримую позицию: психоделическую терапию он характеризует как разновидность «прикладного мистицизма». Странная фраза в устах ученого, и многим она кажется опасной и ненаучной.

«Для меня это понятие никак не связано с медициной, — сказал Франц Волленвейдер, один из пионеров в области психоделических исследований, в интервью журналу *Science*, когда его попросили прокомментировать роль мистицизма в психоделической терапии. — Само по себе это понятие довольно интересное, но оно скорее из области шаманизма». Но другие исследователи, работающие с психоделиками, не отвергают ту идею, что элементы шаманизма, возможно, играют некоторую роль в психоделической терапии — как

это, вероятно, имело место на протяжении нескольких тысячелетий, прежде чем появилась реалия, именуемая наукой. «Если мы хотим разработать оптимальные исследовательские проекты для оценки терапевтической полезности галлюциногенов, — пишет Гроб, — одного лишь соблюдения строгих норм научной методологии будет недостаточно. Мы должны также обратить внимание и на примеры, даваемые нам удачным приложением шаманской парадигмы». Под парадигму шаман/терапевт тщательно инструментует «экстрафармакологические переменные» (такие, как установка и обстановка, например), чтобы наилучшим образом использовать «гиперсуггестивные свойства» этих медикаментов. Именно здесь, по-видимому, и может оказаться действенной психоделическая терапия — на границе между духовностью и наукой, столь же провокационной, сколь и неудобной.

Тем не менее новые исследования в области психоделиков ведутся как раз в то время, когда поддержание психического здоровья в стране находится «на изломе», если воспользоваться словечком Тома Инзела, до 2015 года бывшего директором Национального института психического здоровья, так что готовность этой области медицины к принятию совершенно новых, радикальных методов, вероятно, больше, чем готовность самого поколения. Фармакологический инструментарий для лечения депрессии, которой страдает примерно одна десятая часть всех американцев и которая во всем мире является главной причиной нетрудоспособности, на сегодняшний день очень скуден: он включает в себя антидепрессанты, все больше и больше теряющие свою эффективность*, и новые психиатрические препараты, поток которых тоже иссякает. Фармакологические компании больше не инвестируют средства в разработку так называемых препаратов ЦНС, то есть медикаментов, воздействующих на центральную нервную систему. Система охраны психического здоровья охватывает лишь малую часть людей, страдающих психическими расстройствами, потому как большинство

* Как и многие другие медикаменты, антидепрессанты СИОЗС, появившиеся в 1980-х годах, были намного эффективнее именно в силу своей новизны, что, вероятно, объясняется эффектом плацебо. Сегодня оказываемое ими действие лишь ненамного лучше, чем у плацебо.

не хотят обращаться к врачам из-за дороговизны лечения, его неэффективности или социальной стигматизации. В Америке ежегодно совершается почти 43 тысячи самоубийств (больше, чем количество смертей по причине рака груди или автотранспортных происшествий), и только примерно половина людей из числа тех, что лишают себя жизни, получает медицинскую помощь. «На изломе» — довольно мягкая характеристика нынешнего состояния этой системы.

Джеффри Гесс, манхэттенский психиатр и один из разработчиков экспериментальных испытаний в Нью-Йоркском университете, считает, что момент для принятия совершенно новой парадигмы в области психотерапии давно назрел. Многие годы, указывает он, «назревал этот конфликт между биологическим и психодинамическим методами лечения. Они сражались друг с другом за легитимность и ресурсы. Что является причиной психического заболевания: химический дисбаланс или потеря смысла жизни? Психоделическая терапия — это бракосочетание этих двух методов».

В последние годы «психиатрия из безмозглой стала бессмысленной», как охарактеризовал ее один из психоаналитиков. Если психоделическая терапия и окажется успешной, то только потому, что она добьется успеха в деле воссоединения мозга и ума, поставив это единство на службу психотерапии. По крайней мере, на это есть надежда.

Для терапевтов, работающих с людьми, чья жизнь близится к концу, эти вопросы представляют не только научный интерес. Беседуя со Стивеном Россом и Тони Боссисом в процедурном кабинете, я поразился тому, с каким возбуждением (возбуждением, граничившим с головокружением) они относятся к результатам, полученным при наблюдении за онкологическими больными, — всего лишь после одного сеанса с применением псилоцибина. Поначалу Росс не поверил тому, что он увидел.

— Мне показалось, — рассказал он, — что первые десять или двадцать человек — это не люди, а растения, что они, должно быть, притворяются. Они говорили вещи вроде «Я понимаю, что любовь — самая мощная сила на планете» или «Я встретился со своим раком, этой черной тучей дыма». Люди совершали паломничества к самым ранним этапам своей жизни и возвращались оттуда с совершенно иным чувс-

твом, иным видением и новыми приоритетами. Люди, явно боявшиеся смерти, вдруг утратили свой страх. Тот факт, что препарат, даже однажды принятый, дает столь длительный эффект, является беспрецедентным открытием. В области психиатрии у нас никогда не было ничего подобного.

Именно тогда Тони Боссис впервые и рассказал мне о том, что он пережил, находясь в качестве дежурного терапевта при Патрике Меттесе, совершавшем путешествие в ту область сознания, где ему каким-то образом удалось снять осаду страха перед смертью.

— Представьте, что вы находитесь в этой же комнате, но в присутствии чего-то большого. Помню, как после двух часов молчания Патрик начал тихо плакать, а потом дважды произнес: «Рождение и смерть — это тяжкий труд». Это действует как смирительная рубашка. Это был самый запоминающийся день в моей карьере.

Как специалист по паллиативной медицинской помощи, Боссис проводит много времени с умирающими людьми. «Люди не понимают, как мало средств в арсенале психиатрии, чтобы преодолеть тревогу, вызванную коренными вопросами человеческого бытия». «Экзистенциальные муки», как называют этот синдром психологи, — это целый комплекс депрессий, тревог и страхов, общий для людей, которым поставлен смертельный диагноз. «Ксанакс — это не панацея». Панацея, считает Боссис, должна быть по природе более духовной, а не фармакологической.

— Так как же нам не исследовать это явление, — вопрошает он, — если оно способно перенастроить наше отношение к смерти и процессу умирания?

* * *

В апрельский понедельник 2010 года Патрик Меттес, 43-летний директор новостного отдела на одном из телевизионных каналов, страдавший от рака желчных протоков, прочитал на первой полосе газеты *New York Times* статью, которая изменила его отношение к смерти. Страшный диагноз был поставлен ему три года назад, вскоре после того, как его жена, Лайза Каллаган, заметила, что у него неожиданно пожелтели белки глаз. К 2010 году рак уже поразил легкие Патрика, и он просто загибался под тяжестью изнуритель-

ного режима химиотерапии и особенно под тяжестью назревшего осознания, что он обречен и болезнь ему не одолеть. В статье, озаглавленной «Галлюциногены заставляют врачей вновь воспрянуть духом», вкратце сообщалось о ведущихся в Нью-Йоркском университете исследованиях, где испытывался псилоцибин на предмет того, насколько он способен облегчить экзистенциальные муки у больных раком. По словам Лайзы, Патрик никогда не соприкасался с психоделиками, но, воодушевленный статьей, он твердо решил позвонить в Нью-Йоркский университет и предложить себя в качестве добровольца.

Лайза была против.

— Для него это слишком легкий выход, — сказала она мне. — Мне это было не по душе. Я хотела, чтобы он поборолся за свою жизнь.

Патрик, однако, все же позвонил и, заполнив несколько форм и ответив на длинный перечень вопросов, был допущен к испытаниям. Его прикрепили к Тони Боссису. Тони был примерно одного возраста с Патриком; кроме того, Тони — невероятно чуткий, душевный человек, исполненный необыкновенных теплоты и сострадания, так что эти двое сразу же поладили между собой.

На первом, ознакомительном свидании Боссис рассказал Патрику, что его ожидает. После трех или четырех подготовительных сеансов разговорной терапии Патрику назначили две дозировки: одна — это «активный плацебо» (большая доза ниацина, вызывающая ощущение покалывания), а вторая — капсула, заключавшая 25 миллиграммов псилоцибина. Оба сеанса проводились в том же процедурном кабинете, где происходила моя встреча с Боссисом и Россом. Во время сеансов, длившихся большую часть дня, Патрик лежал на кушетке, его глаза были прикрыты наглазниками, а на ушах были наушники, в которых звучала тщательно подобранная музыка — композиции Брайана Ино, Филиппа Гласса, Пата Метени и Рави Шанкара, так же как классические миниатюры и мелодии нью-эйдж. Кроме того, ему были приданы два дежурных терапевта — мужчина (Боссис) и женщина (Кристаллия Каллионци); они мало говорили, но постоянно находились при пациенте на тот случай, если у него возникнут какие-либо проблемы.

В период подготовки они изложили Патрику «предполетные инструкции», написанные Биллом Ричардсом, исследователем из центра Хопкинса.

Боссис предложил Патрику в качестве путеводной мантры фразу «Доверься и отпусти» (доверься всему, что ни встретишь, и следуй за ним, куда бы это тебя ни привело). И посоветовал: «Поднимайтесь по лестницам, открывайте двери, исследуйте пути, птицей парите над ландшафтами». Но самый важный совет, данный им, — постоянно идти вперед, именно идти, а не бежать, а если встретится что-то страшное или опасное для жизни — смотреть ему прямо в глаза. «Не уступайте, проявите упрямство и спрашивайте: „Что ты делаешь в моем сознании?“ Или „Чему я могу у тебя научиться?“».

* * *

Мысль давать психоделический препарат умирающим впервые высказал не психотерапевт и не ученый, а писатель Олдос Хаксли в письме, адресованном Хамфри Озмонду, где он предложил идею исследовательского проекта, предусматривающего «применение ЛСД на конечных стадиях развития злокачественной опухоли в надежде, что он превратит умирание в более духовный и менее сугубо физиологический процесс». Инъекцию ЛСД Олдосу Хаксли сделала его жена, Лора, 22 ноября 1963 года, когда он лежал на смертном одре.

К этому времени идея Хаксли была опробована на множестве онкологических больных в Северной Америке. В 1965 году Сидни Коэн написал для журнала *Harper's* очерк («ЛСД и страх перед смертью»), посвященный потенциалу психоделиков и их способности кардинально «менять отношение к процессу умирания и смерти». Он описывает процесс лечения с помощью ЛСД как «терапию путем преодоления себя». В основе этого метода, по его словам, лежит та предпосылка, что владеющий нами страх перед смертью — это функция нашего эго, обременяющего нас чувством разобщенности, которое по мере приближения к концу становится все более непереносимым. «Мы рождаемся в мир, свободный от эго, — пишет Коэн, — но живем и умираем, заключенные в темницу собственного „я“».

Мысль, которую автор стремился выразить в статье, заключается в том, что, используя психоделики, можно

вырваться из темницы своего «я». «Мы хотели создать пусть кратковременный, но четкий интервал полного отсутствия эго, чтобы показать тем самым, что целостность и сохранность личности не является абсолютно необходимым условием ее существования и что „где-то там“, вероятно, существует нечто большее, чем наши индивидуальные „я“», нечто, способное пережить нашу гибель. Коэн приводит слова одной пациентки по имени Дайна Бейзер, умиравшей от рака яичников, которая описывает перемену в своих взглядах на жизнь и смерть как следствие сеанса с ЛСД:

> «Мое исчезновение в этот момент не имеет большого значения, даже для меня. Это всего лишь еще один виток в череде бытия и небытия. Мне кажется, к церкви или разговору о смерти это почти не имеет отношения. Полагаю, я просто отстранилась, то есть отошла от своего „я“, своей боли и своего угасания. Теперь я могу умереть спокойно — если уж мне так суждено. Я не призываю смерть, но и не отталкиваю ее».

В 1972 году Станислав Гроф и Билл Ричардс, в то время работавшие в Спринг-Гров, писали, что ЛСД вызывает у пациентов такое ощущение «единства с космосом», что смерть «вместо того чтобы казаться абсолютным концом всего сущего и шагом в ничто, вдруг предстает как переход к иному типу существования... Идея возможной непрерывности сознания после физической смерти оказывается более правдоподобной, чем противоположная ей».

* * *

Участникам псилоцибиновых испытаний, проводившихся в Нью-Йоркском университете, по окончании сеанса предлагалось написать отчет о своем «путешествии», и Патрик Меттес, работавший в сфере журналистики, отнесся к этому заданию весьма серьезно. По словам его жены, Лайзы, после сеанса, который состоялся в пятницу, Патрик все выходные трудился над составлением описания, тщательно осмысливая пережитое. Лайза согласилась передать мне на время этот отчет, чтобы я мог с ним ознакомиться, и заодно дала согласие на то, чтобы Тони Боссис, терапевт

Патрика, показал мне те заметки, которые тот делал во время этого и других психотерапевтических сеансов.

У Лайзы (она в то время работала менеджером по маркетингу в компании по производству кухонной посуды) на то январское утро 2011 года была назначена важная деловая встреча, поэтому Патрик из своей квартиры в Бруклине доехал до угла Первой авеню и Двадцать четвертой улицы (именно там находится зубоврачебный колледж Нью-Йоркского университета, где проводились испытания) на метро. (Зубоврачебный колледж как место проведения испытаний был выбран по той причине, что на тот момент и больница в Беллвью, и онкологический центр университета предпочитали держаться на расстоянии от любых исследований, связанных с психоделиками.) Его встретили дежурные терапевты Тони Боссис и Кристаллия Каллионци; они ознакомили Тони с графиком работы и ровно в 9:00 вручили ему чашку с таблеткой, но был ли то псилоцибин или плацебо, никто из них не знал — по крайней мере, первые полчаса. Прежде всего Патрика попросили сформулировать свои цель и намерение; они, по его словам, состояли в том, чтобы научиться лучше справляться с тревогой и депрессией, обусловленными болезнью, и по возможности устранить то, что он называл «сожалением о неудавшейся жизни». Для создания надлежащей обстановки он разместил в комнате несколько фотографий, снятых в день их свадьбы, а также снимки своей собаки Арло.

В 9:30 Патрик лег на кушетку, надел наушники, наглазники и затих. В своем отчете Патрик сравнил начало «путешествия» с запуском многоразового космического корабля; это был, по его словам, «физически тяжелый и довольно неуклюжий взлет, который в конце концов сменился блаженно-безмятежной невесомостью».

Многие из добровольцев, с которыми мне пришлось беседовать, описывали свои первые ощущения в эти минуты как полные неизбывного страха и тревоги, и только затем, подначиваемые дежурным терапевтом, они пускались в странствие. Именно в эти минуты оказывались как нельзя более кстати «предполетные инструкции», с которыми их знакомили перед сеансом: мол, если отдадитесь на волю происходящего («доверьтесь, освободитесь и откройтесь»),

вскоре то, что поначалу кажется страшным и пугающим, претворится во что-то другое, во что-то приятное и даже исполненное блаженства.

В самом начале своих странствий Патрик встретил жену своего брата, умершую от рака более двадцати лет тому назад, когда ей было сорок три года. «При виде меня Рут совсем не удивилась, — пишет он, — и пошла вместе со мной, служа мне в качестве проводника. У нее было полупрозрачное, почти светящееся тело, так что я ее сразу узнал... Эта стадия моего путешествия оказалась связанной с женским началом». Затем на сцене ненадолго появилась Мишель Обама. «Разлитая вокруг меня мощная женская энергия ясно доносила ту мысль, что мать, всякая мать, независимо от ее недостатков... не может НЕ любить своего отпрыска. Это было очень сильное ощущение. Я понял, что плачу... мной овладело ощущение, словно я собираюсь выйти из материнского лона... что я опять рождаюсь на свет. Мое повторное рождение протекало гладко... умиротворенно».

Однако со стороны все происходившее с Патриком гладким и умиротворенным отнюдь не казалось. Он плакал, отмечает Боссис, и тяжело дышал. Именно в этот момент он первый раз сказал: «Рождение и смерть — это тяжкий труд» — и вроде как начал биться в конвульсиях. Затем он схватил Каллионци за руку, в то же время разводя свои колени в стороны и надавливая на них, как будто принимал роды. Вот некоторые из записей, сделанные Боссисом во время сеанса:

11.15: «О боже!»
11.25: «Это же так просто».
11.47: «Кто знал, что и мужчина может родить?» И затем: «Я вот родил, а для чего, не знаю».
12.10: «Это просто невероятно. — (В этот момент Патрик смеялся и плакал одновременно.) — О боже, все теперь имеет смысл, все так просто и прекрасно».

Патрик попросил сделать перерыв. «Мне стало невмоготу», — написал он. Он снял наушники и наглазники. «Я сидел и разговаривал с Тони и Кристаллией. Сказал, что подобное стоило бы пережить всем... если бы каждый это пережил, то

никто бы уже не стал бы причинять вред другому... войны стали бы невозможными. Сама комната и всё, что в ней, было прекрасным. Тони и Кристаллия, сидевшие на подушках, прямо-таки лучились светом!» Они проводили его в ванную комнату. «Даже микробы (если таковые имелись) были прекрасны, как и всё в нашем мире и во вселенной».

После этого он высказал нежелание «возвратиться обратно».

«Тяжелая работа, но мне пришлась по вкусу страсть к приключениям». В конце концов он снова надел наглазники, наушники и лег на кушетку.

«С этого момента единственным критерием, принимавшимся во внимание, была любовь... Она была и является единственной целью. Казалось, любовь струилась из какой-то точки света... она вибрировала... и я чувствовал, что и мое физическое тело тоже пытается вибрировать в унисон с космосом... отчаявшись, я чувствовал себя как мальчишка, не умеющий танцевать... но вселенная отнеслась к этому спокойно. Острая радость... блаженство... нирвана... была неописуемой. В сущности, нет слов, чтобы в точности описать все пережитое мной... мое состояние... это место. Я знаю, нет такой земной радости, которая хотя бы близко соответствовала этому чувству... никакое чувство, никакой идеал красоты, ничто во время моего пребывания на земле не ощущалось таким чистым, радостным и чудесным, как высшая точка этого путешествия». Вслух же он сказал: «Никогда до этого не испытывал оргазм души». Даже музыка приобретала осязаемые формы: «Я заучивал песню, очень простую песню... она состояла из одной ноты... ноты „до“... эта была вибрация вселенной... собрание всего сущего... все это вместе тождественно Богу».

Затем, пишет Патрик, к нему пришло прозрение, связанное с простотой. Он размышлял о всякой всячине: политике, пище, музыке, архитектуре, теленовостях (его профессиональная стихия) и вдруг понял, что все это, как и многое другое, страдает «избыточной сложностью. Мы составляем песню из слишком большого количества нот... рецепты из слишком большого числа ингредиентов... одежду, которую носим, и дома, в которых живем, из слишком большого числа ярких пятен и ненужных завитушек... все это кажется бессмысленным, тогда как все, что нам действительно нужно, — это

сосредоточиться на любви». А потом он увидел Дерека Джитера, а потом шорт-стоппера из «Янки», «совершающего еще один балетный разворот в сторону первой базы».

«В тот момент я был убежден, что все понял и постиг... Она находилась прямо передо мной… любовь... единственное, что по-настоящему имеет значение. Именно она теперь должна стать первопричиной и смыслом моей жизни».

Затем в 12:15 он сказал что-то такое, по поводу чего Боссис сделал такую запись: «Прекрасно, я понял. Можно сворачиваться. Наша работа сделана».

Сделана, но еще не вся. Теперь «я пробежался по своим легким... не забывая глубоко дышать, чтобы облегчить „видение“». Боссис записал, что в 14:30 Патрик сказал: «Я заглянул в мои легкие и увидел там два пятна. В них не было ничего особенного».

«Мне сказали (без слов), чтобы я не волновался насчет рака... по большому счету, это второстепенный фактор… просто несовершенство человеческой организации… и что меня ждет более важное дело... настоящая работа. Это, опять же, любовь».

После чего Патрик пережил то, что он назвал «кратковременной смертью».

«Я подошел к чему-то, что на поверку оказалось большим изломанным и очень острым куском нержавеющей стали. Такого же качества, как лезвие бритвы. Я продолжал приближаться к вершине этого блестящего металлического предмета, и там, на самом конце, я оказался перед выбором: заглянуть или не заглянуть, наклонившись над самым краем, в бесконечную бездну... бескрайность вселенной... средоточие всего... [и] ничего. Я колебался, но страха не испытывал. Я хотел пойти ва-банк, но чувствовал, что если я сделаю это, то, возможно, навсегда покину свое тело... [предпочтя] смерть этой жизни. Но решение было нетрудным... Я знал, что здесь меня ждет гораздо больше». Рассказав терапевтам о своем выборе, Патрик объяснил, что в ту минуту он «был не готов прыгнуть вниз и покинуть Лайзу».

Затем, примерно в 15:00, неожиданно все закончилось. «Переход от состояния, где у меня не было чувства времени и пространства, к относительной невзрачности данного момента произошел быстро. У меня разболелась голова».

Когда приехала Лайза, чтобы отвезти мужа домой, Патрик, вспоминает она, «выглядел так, словно только что пробежал длинную дистанцию. Цвет лица был нездоровый, сам он был усталый, потный, но сильно взбудораженный. Он был словно пьяный — от всего, что хотел рассказать мне, но не мог». Он просто сказал ей, что «прикоснулся к Божьему Лику».

* * *

Все психоделические трипы тематически отличаются друг от друга, однако встречаются в странствиях людей, борющихся с раком, и общие темы. Многие из онкологических больных, с которыми мне привелось беседовать, описывают процесс или родов, или повторного рождения, хотя и не такой интенсивный, как у Патрика. Многие также описывают свою встречу с раком (или своим страхом перед ним), в результате чего его власть над людьми сильно ослабевает. Выше я уже приводил слова Дайны Бейзер, миниатюрной, с мягкими манерами, жительницы Нью-Йорка лет пятидесяти с небольшим, работавшей тренером по фигурному катанию, у которой в 2010 году диагностировали рак яичников. Когда мы встретились в процедурном кабинете зубоврачебного колледжа, Дайна, женщина с кудрявыми волосами каштанового цвета и большими серьгами-кольцами в ушах, рассказала мне, что, даже несмотря на успешно пройденный курс химиотерапии, ее постоянно снедал страх, что болезнь вернется, и она транжирила дни впустую, «ожидая логического завершения своих бед».

Она тоже работала с Тони Боссисом, и в первые, самые трудные моменты сеанса ей показалось, что она заперта в трюме корабля, где, снедаемая страхом, она раскачивается вместе с ним на волнах.

— Я высунула руку из-под одеяла и прошептала: «Мне страшно». Тони взял меня за руку и сказал, чтобы я доверилась ему. Так его рука стала моим спасительным якорем.

Я видела свой страх. Это было почти как во сне. Он находился под ребрами грудной клетки с левой стороны; это была не опухоль, а такая черная штука в моем теле. И при виде его меня охватил гнев; мой страх привел меня в ярость. «*Убирайся вон*! — закричала я. — *Не хочу, чтобы ты сожрал меня живьем*!» И что бы вы думали? Он исчез! Растворился. Я прогнала его своим гневом. Прошли годы, — сообщила

Дайна, — и он до сих пор не вернулся. Рак — это нечто, совершенно неподвластное моему контролю, а вот страх, как я поняла, ему подвластен.

Это было прозрение, и по мере того, как ее мысли, прежде всецело занятые страхом, обращались к ее детям, страх постепенно уступил место чувству «ошеломляющей любви». По ее словам, она была и по-прежнему остается «завзятой атеисткой», однако, чтобы описать пережитое ею состояние, «годится только одна фраза — фраза, которая мне не по душе, но другой, более подходящей я не знаю: я почувствовала, что „купаюсь в Божьей любви“». Парадоксальность — один из признаков мистического опыта, и явное противоречие между божественной любовью, которую почувствовала Дайна, и отсутствием у нее «даже крошечной веры» ничуть ее не смущало. Когда я указал ей на это, она пожала плечами и улыбнулась:

— А каким другим образом можно это выразить?

Неудивительно, что видения смерти у больных раком, с которыми мне привелось беседовать и в зубоврачебном колледже, и в медицинском центре Хопкинса, принимают угрожающие размеры. Одна из таких пациенток, женщина лет шестидесяти, перенесшая рак груди (она попросила меня не называть ее имени), описала, как она радостно мчалась сквозь пространство, как это бывает в видеоиграх, пока не наткнулась на стену крематория и вдруг со страхом поняла: «Я умерла и теперь меня собираются кремировать. (Но ведь меня еще никогда не сжигали — откуда я могу это знать? Ведь я же умерла!) И в следующий миг я вдруг осознала, что лежу глубоко под землей в дебрях величественного леса, в коричневато-бурой суглинистой почве. Вокруг меня корни деревьев, и я вижу, как деревья растут, и я являюсь частью их. Я умерла, но лежала в земле среди всех этих корней и не испытывала ни печали, ни радости, а просто была самой собой, удовлетворенной и умиротворенной. Я не исчезла. Я была частью земли».

Некоторые онкологические больные описывали, как они подходили к самому краю бездны смерти и с опаской смотрели на ту сторону, прежде чем отступить назад. Тэмми Берджесс, женщина 55 лет, у которой диагностировали рак яичников, обнаружила себя стоящей перед «великим планом сознания, ясным, безмятежным и красивым. Я чувствовала себя совсем одинокой, но при этом могла вытянуть руку

и коснуться любого, кого когда-либо знала. „Так вот где будет протекать моя жизнь, когда придет мое время и жизнь покинет меня“, — подумала я. И мне это казалось нормальным».

Переживаемое людьми под влиянием психоделиков имеет какую-то сверхъестественную власть над ними, и, видимо, этим в известной степени можно объяснить, почему у многих онкологических больных, по их словам, страх перед смертью либо исчезает вообще, либо, по меньшей мере, сильно притупляется. Для них это своего рода генеральная репетиция: они видели смерть своими глазами, смотрели, так сказать, ей в лицо и узнали о ней нечто важное.

— Видение собственной смерти, порождаемое большой дозой психоделиков, — говорит Кэтрин Маклин, одно время работавшая психологом в центре Хопкинса, — это полезный опыт и хорошая практика. Вы теряете все, что для вас было реальным, освобождаетесь от своего эго и своего тела, и этот процесс ощущается вами как умирание.

Заодно этот опыт несет утешительную новость, что по ту сторону смерти есть *нечто*, будь то «великий план сознания» или прах, покоящийся под землей и питающий корни деревьев, и есть некий незыблемый бестелесный разум, с помощью которого вы все это осознаете.

— Теперь я убеждена, что, помимо нашей, существует и другая «реальность», — сказала исследователю участница испытаний после своих странствий по мирам сознания. — По сравнению с другими людьми это все равно, как если бы я знала еще один язык.

На следующей встрече, состоявшейся несколько недель спустя после психоделического сеанса, Патрик Меттес, которого его жена, Лайза, охарактеризовала как «вполне земную, влиятельную, деятельную личность», обсуждал с Тони Боссисом идею «загробной жизни». Записи, сделанные терапевтом, показывают, что Патрик сравнил свое путешествие с «довольно чистым окном... в загробную жизнь, в нечто, существующее за пределами этого физического тела». Говоря о «плане существования любви», он описывал его как «беспредельный». Во время других встреч, говоря о своем теле и раковой болезни, он охарактеризовал их как «своего рода иллюзию». Было ясно, что, по крайней мере психологически, после сеанса Патрик чувствует себя на удивление хорошо.

Он регулярно медитировал, говорил, что теперь ему куда сподручнее жить в настоящем, и «заявлял, что любит свою жену еще сильнее». На встрече, состоявшей в марте, то есть через два месяца после сеанса, Боссис отметил, что Патрик, медленно, но неотвратимо умиравший от рака, «переживает счастливейшие моменты своей жизни».

— Я самый счастливый человек на земле, — заявил он.

* * *

В какой мере и насколько должна волновать нас подлинность этих переживаний? Большинство психотерапевтов, участвовавших в этих исследованиях, придерживаются сугубо прагматического взгляда на этот вопрос. Они всецело сосредоточены на том, чтобы облегчить страдания своих пациентов, и выказывают мало интереса к метафизическим теориям или вопросам истины. «Это вне моей компетенции», — сказал Тони Боссис, пожимая плечами, когда я спросил его, считает ли он опыт приобщения к космическому сознанию, описанному его пациентами, вымышленным или реальным. Отвечая на тот же вопрос, Билл Ричардс процитировал слова Уильяма Джеймса, сказавшего, что мы судим о мистическом опыте не по его достоверности, которая непознаваема, а по «его плодам»»: направляет ли он чью-то жизнь в позитивное русло или нет.

Многие исследователи признают, что в том случае, когда такой галлюциногенный препарат, как псилоцибин, вводится не кем-нибудь, а профессиональными медиками, наделенными необходимыми правовыми и институциональными санкциями, то здесь, вероятно, наблюдается сильный эффект плацебо: при таких условиях более чем вероятно, что пациент оправдывает ожидания терапевта. (Да и кошмарные трипы тоже менее вероятны.) Здесь мы сталкиваемся с одним из парадоксов, которыми так богата история испытаний псилоцибина: хотя псилоцибин в немалой степени успешен именно потому, что за ним стоят санкция и авторитет науки, его эффективность, видимо, обусловлена не чем иным, как мистическими переживаниями, убеждающими людей в том, что в мире есть нечто больше того, что в состоянии разъяснить наука. Наука используется лишь для подтверждения того опыта, который, как представляется, подрывает сложившиеся взгляды на то, что можно было бы назвать «шаманизмом белых халатов».

В самом деле, важны ли вопросы истины, если терапия помогает страждущим людям? Мне не привелось встречать в исследовательской среде человека, который был бы обеспокоен такими вопросами. Дэвид Николс, бывший химик и фармаколог из университета Пердью, основавший в 1993 году Научно-исследовательский институт Хеффтера для поддержки психоделических исследований (включая и проводившиеся в центре Хопкинса испытания, для которых он синтезировал псилоцибин), является одним из тех, кто отстаивает прагматический подход самым решительным образом. В интервью журналу *Science*, которое он дал в 2014 году, Николс сказал: «Если он несет с собой умиротворение, если он помогает людям умереть спокойно в присутствии друзей и членов семьи, мне абсолютно все равно, реальность это или иллюзия».

С другой стороны, Роланд Гриффитс признает, что «подлинность суть вопрос, на который наука еще не ответила. Все, что нам нужно, — это феноменология», то, что рассказывают нам люди о своих внутренних переживаниях. Именно тогда он начал расспрашивать меня о моем собственном духовном развитии, которое, сознаюсь, на тот момент было довольно рудиментарным; я сказал ему, что по убеждению всегда был заядлым материалистом.

— Что ж, прекрасно, ну а как быть с тем чудом, что мы наделены сознанием? Задумайтесь хотя бы на секунду: мы не просто сознательны, но сознаем даже то, что мы сознательны! Вдумайтесь, сколь *это* невероятно!

Как можно быть уверенным в том, заявил он, что все, связанное с нашим сознанием, «аутентично»? Да никак; это за рамками науки и пока вне ее компетенции, и тем не менее, кто усомнится в его реальности? В сущности, доказательства существования сознания во многом сродни доказательствам реальности мистического опыта: мы полагаем, что он существует, не потому, что наука может самостоятельно удостоверить это, а потому, что в его реальности убеждено великое множество людей; так же и здесь: все, что нам нужно, — это феноменология. Поскольку, заявил Гриффитс, я прибыл сюда ради одного «чуда», находящегося вне компетенции материалистической науки, — «чуда осознания, что внезапно распахнется окно на залитый солнечным светом ландшафт среди ночного небытия», как это описал Владимир Набо-

ков, — то мне, возможно, нужно более открыто и благосклонно относиться к возможностям других людей.

В декабре 2016 года на первой полосе *New York Times* рассказала о драматических результатах воздействия псилоцибина на онкологических больных, полученных в ходе исследований, проводившихся в медицинском центре Хопкинса и Нью-Йоркском университете. Они были опубликованы в специальном выпуске журнала *Journal of Psychopharmacology* вместе с десятком хвалебных комментариев от самых видных ученых, работающих в сфере психического здоровья, включая и двух бывших президентов Американской психиатрической ассоциации.

В 80 процентах случаев у больных и в том, и в другом лечебном учреждении было отмечено существенное снижение симптомов тревоги и депрессии, причем этот эффект сохранялся на протяжении по меньшей мере полугода после завершения псилоцибинового сеанса. В обоих исследованиях интенсивность мистических переживаний, о которых сообщали участники, была тесно взаимосвязана со степенью ослабления симптомов. Столь впечатляющие и устойчивые результаты давали лишь очень немногие виды психиатрического вмешательства*.

Испытания были локальными (в них участвовало всего 80 человек), и их надлежало бы повторить в более широких масштабах; только после этого можно было бы рассчитывать на то, что правительство пересмотрит свое отношение к псилоцибину и одобрит методы лечения на его основе**. Однако

---

* Статистическая «величина эффекта» этих результатов — в районе 1,0 или выше для большинства выходных данных в обоих испытаниях — просто необыкновенна для сферы психиатрического лечения. Для сравнения скажем, что, когда антидепрессанты СИОЗС прошли первые клинические испытания, «величина эффекта» была только 0,3, и этого вполне хватило для того, чтобы им дали добро.

**Раздавались, правда, и критические голоса, хотя их было немного. Так, в двух блогах на базе Общественной научной библиотеки Джеймс Койн привел несколько методологических возражений относительно размера и состава группы пациентов, достоверности их диагнозов, контроля за плацебо, степени слепоты и теоретических допущений: «С каких пор вопросы экзистенциального/духовного здоровья являются ведомством психиатрии?»; (http://blogs.plos.org/mindthebrain/2016/12/14/psilocybin-as-a-treatment-for-cancer-patients-who-are-not-depressed-the-nyu-study/).

полученные результаты оказались настолько обнадеживающими, что привлекли к себе внимание сообщества ученых, подвизавшихся на стезе психического здоровья: на первом этапе они оказали пусть и несущественную, но все же поддержку, а потом призвали к дальнейшим и более глубоким исследованиям в этом направлении. Были опрошены десятки медицинских школ и учреждений на предмет их участия в будущих испытаниях, а вскоре нашлись и спонсоры, пожелавшие финансировать эти исследования. После десятилетий пребывания в тени психоделическая терапия вновь становится респектабельной или что-то вроде этого. Администрация Нью-Йоркского университета, с гордостью оповещавшая научное сообщество о результатах испытаний, к которым она когда-то относилась столь недоброжелательно и едва терпела, теперь уговаривала Стивена Росса перенести процедурный кабинет из зубоврачебного колледжа в главное здание больницы. И даже онкологический центр, который вначале весьма неохотно выделял пациентов для испытаний псилоцибина, теперь просил Росса оборудовать на его территории процедурный кабинет для предстоящих испытаний.

В этих работах мало что предлагалось в плане теории для объяснения действия псилоцибина; в них лишь указывалось, что пациентами с наилучшими показателями были как раз те, кто пережил мистический опыт в полном объеме. Но почему именно этот опыт приводит к улучшению состояния больных и избавлению от тревоги и депрессии? Не является ли это указанием на своего рода бессмертие, которым и объясняется этот эффект? Это объяснение кажется слишком простым и не объясняет великого многообразия испытываемых людьми переживаний, многие из которых вообще не касались загробной жизни. И только некоторые из них постигали с позиции природных явлений, что происходит после смерти, как это случилось с безымянной участницей, вообразившей себя «частью земли», молекулой материи, питающей корни деревьев. Это действительно случается.

Разумеется, мистический опыт слагается из нескольких компонентов, большая часть которых не нуждается в сверхъестественных объяснениях. Растворение чувства собственного «я», например, можно понять и объяснить с позиции психологии или нейробиологии (возможно, как распад сети

пассивного режима работы мозга), и точно так же можно объяснить многие из преимуществ, которыми пользовались люди во время своих странствий, не прибегая к духовной концепции «единства». Подобным же образом чувство «святости», без которого немыслим классический мистический опыт, можно истолковать с позиции чисто обыденных понятий — например, как слишком обостренное чувство смысла или цели. Мы только начинаем приближаться к пониманию сознания и его особенностей, и ни один из ныне существующих словарей, разъясняющих этот предмет, — ни биологический, ни психологический, ни философский, ни духовно-религиозный, — еще не заслужил право на последнее слово в этом деле. Вполне может быть, что, наслаивая друг на друга различные перспективы и точки зрения, мы когда-нибудь получим красочную картину того, что там происходит.

В 2017 году в журнале *Journal of Humanistic Psychology* была опубликована работа «Псилоцибиновая терапия: пациенты рассказывают о своих видениях», посвященная дальнейшим исследованиям псилоцибина в Нью-Йоркском университете. Ее автор, Александр Белсер, один из членов команды исследователей, провел ряд бесед с добровольцами, участвовавшими в экспериментальных испытаниях, с тем чтобы лучше понять психологические механизмы, лежащие в основе испытываемых ими трансформаций сознания. Я прочел эту работу в слабой надежде, что смогу нащупать пути выхода из парадигмы мистического опыта, найдя ей более приемлемую гуманистическую замену, а заодно еще раз убедиться, сколь важно для психоделического опыта участие или даже присутствие психотерапевта. (Обратите внимание на термин «псилоцибиновая психотерапия» в названии статьи; ни в одной из работ, опубликованных в журнале *Journal of Psychopharmacology*, слово «психотерапия» в названии не упоминается вообще, только «наркотики» либо «психоделические препараты».)

Что интересно, в ней появляются новые ключевые темы. Все пациенты из числа опрошенных упоминают о сильных чувствах, которые их связывают с родными и близкими (автор использует в этих случаях термин «двусторонняя встроенность») и, в общем и целом, говорят о том, что «от чувства разобщенности» они пришли к «чувству взаимосвя-

занности». В большинстве случаев этот переход сопровождается целым букетом сильных эмоций, включая «экзальтированное чувство радости, блаженства и любви». По мере того как чувство страха исчезает, все чаще (причем на самых тяжелых этапах странствий) возникают положительные чувства смирения и приятия (даже самой болезни).

Психиатр Джеффри Гесс, соавтор Александра Белсера, характеризует происходящее во время сеанса, используя такое понятие, как «эголитическое» воздействие псилоцибина, то есть способность препарата полностью подавлять или, по меньшей мере, заглушать голос эго. По его мнению (а оно опирается на солидную психоаналитическую подготовку), эго — это мысленная конструкция, выполняющая определенные функции от имени «я». Самая главная из них — поддержание границ: границ между сознательным и бессознательным царствами ума и границ между «я» и другими, или между субъектом и объектами. И только когда эти границы стираются или исчезают, что, видимо, и происходит под влиянием психоделиков, мы наконец «освобождаемся от жестких стереотипов мышления, обретая возможность с меньшим страхом воспринимать новые смыслы».

Проблема смысла является центральной для терапевтов из Нью-Йоркского университета*; особенно она важна для понимания всего переживаемого онкологическими больными в процессе псилоцибиновых трипов. Для многих из них диагноз последней стадии рака олицетворяет, помимо всего прочего, кризис смысла: «*Почему именно я? Почему именно мне уготована такая судьба? Есть ли вообще смысл в жизни и в существовании Вселенной?*» Под тяжестью глубокого экзистенциального кризиса, когда ум всецело обращается на самого себя, закрываясь от внешнего мира, горизонты больного укорачиваются, его эмоциональный репертуар становится беднее, а фокус сужается. Размышле-

---

* Несколько терапевтов из Нью-Йоркского университета посоветовали мне ознакомиться с сочинениями венского психоаналитика Виктора Э. Франкла, автора книги *«Человек в поисках смысла»*. Франкл, узник Освенцима и Дахау, переживший ужасы обоих лагерей, считал, что человек в первую очередь стремится не к наслаждению, как утверждал Фрейд, его учитель, и не к власти, как утверждал Альфред Адлер, а к смыслу. В этом он был солидарен с Ницше, писавшем: «Тот, у кого есть ради чего жить, может перенести всё, что угодно».

ния и беспокойство оказываются в своеобразной петле, где они постоянно вращаются, и эти петли начинают захватывать все большее мысленное пространство и время, усиливая мысленные привычки до такой степени, что от них становится все труднее и труднее избавиться.

Экзистенциальные муки, претерпеваемые больными в конце жизни, во многом схожи с признаками, которые характерны для сверхактивной сети пассивного режима работы мозга, включая и такие, как навязчивая саморефлексия и неспособность перешагнуть углубляющуюся колею негативного мышления. Эго, столкнувшееся с перспективой собственного отмирания, обращается внутрь себя и становится сверхбдительным, изымая, так сказать, свои инвестиции, которое оно вкладывало в этот мир и в других людей. Больные раком, с которыми я беседовал, говорили о чувстве своей изоляции от близких людей, от мира и всего спектра эмоций; ими владело чувство, как выразился один их них, «экзистенциального одиночества».

Временно отключая эго, псилоцибин, по-видимому, открывает новое психологическое поле возможностей, олицетворяемое смертью и повторным рождением, о которых рассказывают многие пациенты. Поначалу отпадение «я» ощущается человеком как угроза для жизни, но, если он отпускает это чувство или сдается на его милость, смиряется, в него втекают мощные и обычно положительные эмоции — вместе с прежде недоступными воспоминаниями, чувственными впечатлениями и смыслами. Не защищаемые больше эго, врата между «я» и другими людьми — «редукционный клапан» Олдоса Хаксли — широко распахиваются, и через них мощным потоком вливается то, что многие люди называют любовью. И это любовь не только к отдельным индивидуумам, но и — как это почувствовал (*понял*!) Патрик Меттес — ко всему и вся: любовь как смысл и цель жизни, как ключ ко Вселенной и как высшая истина.

Поэтому вполне может быть и так, что потеря «я» ведет к обретению смысла. Можно ли это объяснить с точки зрения биологии? Вероятно, нет, хотя недавние открытия в области нейробиологии открывают ряд интересных возможностей в этом направлении. Вспомним хотя бы открытие, сделанное командой исследователей из Имперского колледжа: они обна-

ружили, что, когда сеть пассивного режима распадается (а с ней растворяется и чувство «я»), вся система связей мозга значительно усиливается, в результате чего даже те области мозга, которые обычно не участвуют в процессе многостороннего общения, формируют новые линии связи. И так ли уж невероятно, что некоторые из этих новых связей проявляются как новые смыслы или перспективы? Или как соединение некогда удаленных друг от друга точек?

А может быть и так, что психоделики непосредственно наполняют смыслом не относящуюся к делу чувственную информацию. В недавно опубликованной в журнале «Современная биология» (*Current Biology*) статье* описывается эксперимент, в ходе которого его участники, находившиеся под действием ЛСД, слушали песни или фрагменты музыкальных произведений, с которыми у них, как было установлено, не было связано никаких личных ассоциаций. Под влиянием психоделика они, однако, приписывали одним и тем же песням определенный, ярко выраженный и долговременный смысл. Так что, возможно, эти лекарственные препараты помогут нам если не раскрыть, то, по крайней мере, выстроить некий смысл.

Нет сомнения, что внушаемость сознания под действием психоделиков и осязаемое присутствие самих психотерапевтов тоже играют определенную роль в приписывании смысла психоделическому опыту. Подготавливая пациентов к психоделическим трипам, Джеффри Гесс недвусмысленно дает им понять, что речь идет именно об обретении смысла, «что лекарственный препарат покажет вам скрытые или неведомые теневые части вам самих; что вы обретете глубинное познание самих себя и сумеете постичь смысл жизни и существования». (Он им говорит также, что их, возможно,

---

* См.: Катрин Х. Преллер и др. «Ткань смысла и субъективные последствия в индуцированных ЛСД состояниях зависят от активизации рецептора типа 2А». Журнал *«Современная биология»* 27, № 3 (2017), с. 451–557. [Katrin H. Preller et al., “The Fabric of Meaning and Subjective Effects in LSD-Induced States Depend on Serotonin 2A Receptor Activation,” *Current Biology* 27, no. 3 (2017): 451–57.] Эта работа была проведена в лаборатории Франца Волленвейдера. Когда препарат (кетансерин) блокирует рецепторы серотонина типа 5-HT2A, «приписывание личной значимости ранее бессмысленным стимулам» тоже блокируется, на основании чего авторы делают вывод, что эти рецепторы играют определенную роль в формировании и приписывании личностного смысла.

ждут мистические или трансцендентные переживания, но при этом призывает всячески воздерживаться от подобного их определения.) «В результате попадания этой молекулы в ваш организм вы поймете очень многое о самих себе, о жизни и Вселенной». И чаще всего именно так и происходит. Замените научное слово «молекула» на «священный гриб» или «знахарь-травник» — и вот вам несколько заклинаний, произносимых шаманом в начале ритуального обряда исцеления.

Но, как бы это ни действовало и каким бы словарем мы ни пользовались для объяснения этого действия, самым великим даром, даваемым психоделиками больным и особенно умирающим людям, является их способность наполнять все находящееся в сфере нашего опыта возвышенным смыслом и чувством целеполагания и последствий. В зависимости от ориентации человека это можно истолковать или в гуманистическом, или в чисто духовном плане — потому как что есть Священство, как не капиталоемкость глубокого смысла? Психоделики могут наполнить смыслом даже мир таких завзятых атеистов, как Дайна Бейзер (*или ваш покорный слуга*!), мир, который дано покинули боги, лишив его биения смысла и имманентности, которую они в него вносили. Ощущение холодной и произвольной Вселенной, управляемой чистой случайностью, постепенно исчезает. В нужных руках, и особенно в сочетании с верой, эти лекарственные препараты могут оказаться мощными противоядиями от экзистенциальных страхов, которые терзают не только умирающих.

Верить в то, что жизнь вообще имеет хоть какой-то смысл, — это, конечно, слишком самонадеянно и требует от некоторых людей самоотверженной веры, но такой подход, безусловно, полезен, особенно в преддверии смерти. Помещая свое «я» в более широкий смысловой контекст, что бы он собой ни представлял: чувство единения с природой или универсальную любовь, — можно добиться того, что угасание собственного «я» будет восприниматься и легче, и проще. Религия всегда понимала и принимала эту ставку, но почему только религия должна пользоваться этой монополией? Бертран Рассел писал, что лучший способ преодолеть страх перед смертью — «постепенно расширять свои

интересы, делая их более безличными, пока мало-помалу стены эго не падут и ваша жизнь не сольется безраздельно с жизнью Вселенной». И далее он пишет:

> «Существование отдельного человека подобно реке: вначале маленький ручеек, едва заметный среди сжимающих его берегов, он, стремительно пробегая мимо скал и изливаясь водопадами, постепенно расширяется, оттесняя берега, течение вод становится все спокойнее, и под конец, без всякой видимой преграды, они вливаются в море и безболезненно теряют свое индивидуальное бытие».

* * *

После псилоцибинового сеанса Патрик Меттес прожил год и пять месяцев, и все это время, по словам Лайзы, его жизнь была наполнена великим множеством неожиданных удовольствий, и одновременно в нем все больше росло приязненное отношение к тому, что он умрет.

Лайза поначалу очень настороженно отнеслась к экспериментальным испытаниям в Нью-Йоркском университете, истолковав желание Патрика принять в них участие как знак того, что он отказался от борьбы. В конце концов он вернулся оттуда, убежденный, что ему еще многое предстоит сделать в этой жизни, что он еще недодал и недополучил массу любви и потому не был еще готов к тому, чтобы уйти из жизни, особенно из-за жены, которую он не хотел покидать. Психоделический трип в корне перевернул представления Патрика, сместив узкий фокус его восприятия, нацеленный на перспективу смерти, до понимания того, что оставшееся время необходимо прожить как можно полнее и лучше.

— У него появилась невиданная раньше решимость, — вспоминает Лайза. — Его жизнь обрела некий смысл, он принял его и шел дальше по жизни, держась за него. Споры между нами по-прежнему не утихали, и то лето у нас выдалось особенно трудным. [Это было вызвано тем, что их бруклинская квартира подверглась капитальному ремонту, отнявшему у них много сил.] Это был подлинный ад… но Патрик изменился. У него появилось терпение, которого раньше не было, и вместе со мной он действительно стал радоваться жизни.

Словно он вдруг освободился от тягостной обязанности заботиться о мелочах жизни и сбросил с себя все это бремя. Теперь он хотел общаться с людьми, с удовольствием смаковал сандвич и наслаждался прогулками по набережной. Было такое ощущение, словно за год мы прожили целую жизнь.

После псилоцибинового сеанса Лайза каким-то образом убедила себя, что Патрик вовсе и не собирается умирать. Он продолжал посещать сеансы химиотерапии, его настроение улучшилось, но теперь она постоянно думала: «Он ведь прекрасно знал, что у него ничего не получится». Лайза продолжала работать, а Патрик проводил большую часть времени, гуляя по городу. «Он гулял повсюду, посетил чуть ли не все рестораны, обедая в них, и рассказывал мне обо всех открытых им замечательных местах. Но отведенных ему дней становились все меньше и меньше». А в марте 2012 года он сказал, что хочет завязать с химиотерапией.

— Он не хотел умирать, — говорит Лайза, — но я думаю, он просто решил, что не хочет дальше так жить.

Той осенью его легкие начали сдавать, и Патрика положили в больницу.

— Он собрал всех вокруг себя, попрощался и сказал, как именно хочет умереть. И умер в полном сознании, — вспоминала Лайза. Кажущаяся невозмутимость Патрика перед лицом смерти произвела на всех сильное впечатление, и его палата в отделении паллиативной помощи стала центром всеобщего притяжения. — В его палате толклись все, и медсестры и врачи; никто не хотел уходить. А Патрик говорил и говорил. Как будто он был гуру, йогом. И изливал на всех любовь, много любви.

Когда за неделю до смерти Патрика посетил Тони Боссис, последний был поражен царящим в палате светлым настроением и безмятежностью самого Патрика.

— Не я его, а он меня утешал, — рассказал мне потом Боссис. — Он сказал, что больше всего его печалит то, что ему придется расстаться с женой. Но смерти он не боялся.

Лайза прислала мне по почте фотографию Патрика, которую она сделала за несколько дней до его смерти, и, когда на экране монитора появилось изображение, у меня буквально перехватило дыхание. Передо мной был изможденный человек в больничном халате и с кислородной мас-

кой на лице, который радостно и широко улыбался, а его голубые глаза лучились светом. Накануне смерти этот человек сиял от счастья.

Лайза проводила в палате Патрика ночь за ночью, и предрассветные часы они часто коротали за разговором.

— Однажды он мне сказал: «У меня такое чувство, что одной ногой я стою в этом мире, а второй в другом», — вспоминает Лайза. — А в одну из последних ночей, когда мы были вместе, он сказал: «Милая, не дави на меня. Я ищу свой путь». — При этом он всячески стремился утешить ее: «Это же просто колесо жизни, — вспоминает она его слова. — Ты чувствуешь, что оно тебя словно придавило, но оно вот-вот повернется — и ты снова наверху».

Лайза уже несколько дней не принимала душ, и ее брат настоял, чтобы она хотя бы на несколько часов приехала домой и привела себя в порядок. Патрик отошел в мир иной буквально за минуту до того, как она вошла в его палату.

— Я уехала домой, чтобы принять душ, а он умер. — (Мы разговаривали по телефону, и я слышал, как она тихо плачет.) — Пока я была там, он и не думал умирать. Это мой брат меня уговорил: мол, предоставь его самому себе.

Когда она вернулась в больницу, Патрик был уже мертв.

— Он умер за несколько секунд до моего появления. Жизнь как будто испарилась из него. Я просидела рядом с ним три часа. Прошло много времени, прежде чем его душа покинула комнату.

— Это была хорошая смерть, — чуть позже сказала Лайза, отдавая тем самым должное специалистам из Нью-Йоркского университета и как бы завершая отчет о псилоцибиновом трипе Патрика. — Я в долгу перед ними за то, что они дали ему возможность пережить все это, дали ему возможность подключиться к глубинным ресурсам. К его собственным глубинным ресурсам. Вот какие чудеса, оказывается, делают психоактивные вещества.

— Начать с того, что Патрик был куда более духовно развитым человеком, чем я, — сказала мне Лайза во время нашего последнего разговора. Было ясно, что его опыт изменил и ее тоже. — Он как бы удостоверил для меня факт существования мира, о котором я ничего не знала. Оказывается, в этом мире гораздо больше измерений, чем я полагала.

ВТОРОЙ ТРИП: ЗАВИСИМОСТЬ

С десяток или около того астронавтов «Аполлона», долетевших до Луны и ступивших на ее поверхность, удостоились чести лицезреть нашу планету из точки, прежде недостижимой для нашего вида; некоторые из них поведали, что это событие самым глубоким и коренным образом изменило их жизнь. При взгляде на «голубую точку», висящую в бескрайней черноте космического пространства, стираются все национальные границы, нанесенные на наши карты, а сама Земля выглядит маленькой, уязвимой, неординарной и драгоценной жемчужиной.

Эдгар Митчелл, летавший на Луну на корабле «Аполлон-14», пережил, по его словам, мистический опыт, то, что на санскрите называется *savikalpa samadhi*, когда эго растворяется и исчезает в процессе экзальтированного лицезрения некоего объекта — в данном случае планеты Земля — на фоне необъятной Вселенной.

— Самую большую радость я испытал на пути домой, — вспоминает он. — В иллюминаторе моей кабины каждые две минуты сменяли друг друга Земля, Луна, Солнце и звездная панорама небес. Ошеломляющее, незабываемое зрелище! И вдруг меня осенило: я понял, что молекулы моего тела, моего корабля и молекулы тел моих партнеров были смоделированы, были созданы в древности там, на звездах. [Меня

охватило] ошеломляющее чувство единения, взаимосвязи с ними... Не было больше разделения на «они» и «мы», было единое «Это я! Я и все это суть одно». И оно сопровождалось экстазом, чувством, которое мы обычно выражаем словами: «Боже мой, вот это да!» — вроде озарения или прозрения*.

Именно сила и мощь новой перспективы — той самой, которую Стюарт Брэнд после своего ЛСД-трипа, совершенного им в 1966 году на крыше небоскреба, изо всех сил пытался внедрить в американскую культуру, — породила современное экологическое движение наравне с гипотезой Геи, идеей, что Земля и ее атмосфера представляют собой единый живой организм.

Я раздумывал над этим так называемым эффектом обзора во время моих бесед с участниками псилоцибиновых испытаний, особенно с теми из них, кто после психоделического трипа — или путешествия во внутреннее пространство сознания, если хотите, — избавился от своих зависимостей. Некоторые из них рассказывали, что достигли в своей жизни новой дистанции, той позиции, откуда проблемы (включая и проблему зависимости), которые прежде казались большими и пугающими, теперь выглядят небольшими и более управляемыми. Такое впечатление, что у многих из них психоделический опыт вызвал этот самый эффект обзора, дав им возможность обозревать со стороны эпизоды своей жизни, и поменял их мировоззрение и приоритеты, благодаря чему они начали избавляться от старых привычек, причем иногда с поразительной легкостью. Как сказал мне один заядлый курильщик, выразив это в словах столь простых, что я не поверил своим ушам, «курение исчерпало само себя, потому я и бросил курить».

Экспериментальное исследование среди бросивших курить, — а именно в нем принимал участие человек по имени Чарльз Бессант, не куривший уже на протяжении шести лет, — проводилось под руководством Мэтью Джонсона, протеже Роланда Гриффитса, в медицинском центре Джонса Хопкинса. Джонсон, молодой психолог, которому

* Это событие повлияло на выбор Митчеллом работы, которой он занялся после ухода из НАСА: бывший борт-инженер основал Институт ноэтических наук, который занимается изучением психики человека и паранормальных явлений.

едва перевалило за тридцать, начинал, подобно Гриффитсу, как бихевиорист, изучая на подопытных крысах такие факторы, как, например, оперантное обусловливание. Высокий, стройный, несколько угловатый, Джонсон носит тщательно подстриженную бороду и большие черные старомодные очки, какие в прежние годы носили только зубрилы, что делает его немного похожим на американского продюсера Айру Гласса. Его интерес к психоделикам берет начало в годы учебы в колледже, когда он прочел Рама Дасса и впервые узнал о гарвардском псилоцибиновом проекте, но он тогда даже представить себе не мог, что однажды будет работать с этим психоделиком в лаборатории.

— Правда, у меня в подкорке сидела мысль, что однажды мне захочется заняться исследованием психоделических соединений, — сказал он мне, когда мы впервые встретились с ним в медицинском офисе, — но я думал, что это произойдет не скоро, когда-нибудь в будущем, и до этого еще далеко. — Однако вскоре после того, как в 2004 году Джонсон, защитив диссертацию по фармакологии, прибыл в центр Джонса Хопкинса, где ему предложили ставку старшего научного сотрудника, он, по его словам, «обнаружил, что Роланд уже давно занимается сверхсекретным проектом исследования псилоцибина. Так что все складывалось как нельзя лучше».

Джонсон участвовал в первых лабораторных исследованиях псилоцибина, то выступая в качестве дежурного терапевта (в этом качестве он провел несколько десятков сеансов), то помогая обрабатывать данные, а в 2009 году приступил, наконец, к собственным исследованиям, для которых были отобраны 15 курильщиков из числа тех, кто отказался от сеансов когнитивно-поведенческой терапии, предпочтя им психоделические сеансы, поскольку на них участникам давали от двух до трех доз псилоцибина. Это так называемое открытое клиническое исследование характеризуется тем, что в нем не применяется плацебо, так что участники прекрасно осведомлены о том, что они принимают именно психоделик. Добровольцы, принимавшие участие в испытаниях, должны были бросить курить до начала псилоцибинового сеанса с тем, чтобы у них несколько раз, через определенные промежутки времени, успели измерить уровень окиси углерода; это было нужно для того,

чтобы соблюсти установленные требования и подтвердить, что за прошедший период времени они действительно воздерживались от курения.

Хотя это рандомизированное исследование, то есть исследование, проводившееся методом случайной выборки, было очень небольшим по объему, его результаты оказались поистине ошеломляющими, особенно если принять во внимание тот факт, что курение — одна из самых устойчивых привычек, с которой очень трудно бороться: от табака, по словам многих, отказаться гораздо трудней, чем, например, от героина. Было установлено, что по прошествии полугода после проведения психоделических сеансов оставались некурящими 80 % участников, а по прошествии года эта цифра упала до 67 %, что во много раз лучше тех показателей, которые были достигнуты даже с использованием самых лучших методов лечения. (В данное время проводится более масштабное рандомизированное исследование, имеющее целью сравнить эффективность псилоцибиновой терапии с никотиновым пластырем.) Как и при исследовании больных раком, лучшие показатели оказались у тех участников, кому посчастливилось пережить полноценный мистический опыт; они, как и Чарльз Бессант, смогли бросить курить.

После опроса онкологических больных, столкнувшихся с перспективой смерти, а также людей, совершивших эпические странствия в глубинах своего сознания, в ходе которых они побывали в «загробном мире» и столкнулись, в том или ином виде, со своими раковыми заболеваниями, поневоле напрашиваются вопросы: как, по каким критериям следует сравнивать опыт, если бы ставки были значительно ниже? Как выглядели бы путешествия самых обычных людей, желающих просто избавиться от какой-нибудь вредной привычки? И с какими озарениями они вернулись бы из них?

Все они оказались до удивления банальными. Нет, банальными оказались не сами путешествия — под действием псилоцибина люди путешествовали по всему миру, проникали в глубины истории и даже выходили в космическое пространство, что банальным никак не назовешь, — а озарения, с которыми они возвращались из путешествий: последние были до ужаса мирскими и заурядными. Так, шестидесятилетняя ирландка Элис О’Доннелл, работавшая худо-

жественным редактором в одном из книжных издательств, обнаружила во время путешествия, что «вольна бродить всюду, где ей вздумается». Ей привиделось, что у нее выросли перья, позволявшие ей, подобно птице, путешествовать во времени, посещая различные этапы европейской истории, она три раза умирала, наблюдала, как ее «душа на погребальном костре выходит из тела и летит над Гангом», и наконец увидела себя «стоящей на краю Вселенной, лицезрея начало творения мира». Ее посетило «смиренное» осознание, что «все во Вселенной одинаково важно, включая и ее саму».

— Вместо того чтобы, двигаясь по узкому тоннелю взрослой жизни, фокусироваться на самой себе, — вспоминает Элис, — я обнаружила, что путешествие вернуло мне свойственное только ребенку ощущение большого чуда — мир Вордсворта. Давно уснувшая часть моего мозга неожиданно проснулась. Вселенная была такой огромной, в ней было столько всего, что предстояло еще сделать и увидеть, что на этом фоне самоубийство выглядело какой-то нелепой затеей. Курение вдруг предстало в совершенно новом контексте. Оно казалось чем-то незначительным и, если честно, даже глупым.

Элис привиделось, что она делала в доме генеральную уборку, вынося с чердака и из подвала горы мусора:

— Я ясно видела, как выбрасываю все это на улицу, весь этот накопившийся хлам, который мне больше был ненужен. Когда видишь, как мало вещей тебе действительно нужно, чтобы жить в свое удовольствие, поневоле удивляешься. Но самое важное — это дыхание. Когда дыхание останавливается, наступает смерть.

Она вернулась из путешествия, полностью убежденная в том, «что нужно беречь свое дыхание». После псилоцибинового сеанса она не взяла в рот ни одной сигареты. Когда хочется курить так, что становится невмоготу, она вспоминает свой сеанс и думает «о всех тех удивительных вещах, которые мне посчастливилось увидеть, о том, как это здорово, когда ты находишься на более высоком плане».

У Чарльза Бессанта тоже было прозрение, когда он находился точно на таком же «более высоком плане». Бессант, мужчина лет шестидесяти (он работает художником-оформителем выставочных залов в одном из музеев), увидел себя сто-

ящим на вершине горы высоко в Альпах, откуда «передо мной до самой Балтики простирались германские государства». (В его наушниках в это время звучала музыка Вагнера.)

— Мое эго растворилось, меня больше нет, и все же именно я говорю тебе это. Это ужасно.

Он напомнил мне поэта-романтика XIX века, описывающего встречу с чем-то непонятным и возвышенным, одновременно ужасающим и внушающим благоговейный трепет.

— Люди нередко пользуются такими словами, как «единение», «взаимосвязанность», «единство», и я их прекрасно понимаю. Я сам был частью чего-то настолько большого, что мне это даже трудно представить.

Мы разговаривали с ним по телефону одним воскресным утром, и в какой-то момент Бессант вдруг замолчал, а потом начал описывать представшую перед его взором сцену:

— Прямо сейчас я стою в своем саду, и сверху, сквозь полог из листьев, на меня падает солнечный свет. Сама возможность стоять среди этой красоты, в этом свете и разговаривать с вами доступна мне только потому, что мои глаза открыты и видят все это. Если не остановишься на мгновение и не вглядишься как следует, этого никогда не увидишь. Я знаю, что говорю очевидные вещи, но почувствовать этот свет, разглядеть его и удивиться ему — это дар. (Дар, который он приписывает псилоцибиновому сеансу, подарившему ему «чувство взаимосвязи со всем сущим».)

Начатый по телефону разговор мы продолжили, воспользовавшись на сей раз услугами электронной почты. Бессант прислал мне целый ряд пояснений и уточнений, стремясь найти те самые слова, которые наиболее точно могли бы передать безмерность пережитого им. Перед лицом этой безмерности курение показалось ему чем-то непомерно жалким и ничтожно малым. «Почему я бросил курить? — написал он. — Да потому что счел это неуместным. Потому, что другое стало для меня гораздо более важным и значимым».

Некоторые участники немало удивлялись, с одной стороны, силе, а с другой — банальности своих озарений, двум аспектам, которые спокойно уживались между собой. Одна из них — Саванна Миллер, мать-одиночка из Мэриленда. Ей за тридцать; она работает бухгалтером в компании своего

отца. Возможно потому, что свои молодые годы она провела, запутавшись в лабиринте мучительных отношений с мужчиной, которого она характеризует не иначе, как «психопат», ее псилоцибиновый трип оказался болезненным, но в конечном счете очищающим душу; она вспоминает, что «безудержно плакала и пускала нюни» (и ассистирующие терапевты это подтвердили). О своей привычке к курению Саванна во время путешествия почти не думала, и только ближе к концу она вдруг увидела саму себя в образе курящей горгульи.

— Вы же знаете, как выглядит горгулья? Этакое сгорбленное существо с поднятыми кверху острыми плечами-крыльями. Именно такой я себя почувствовала и увидела — курящий маленький голем, втягивающий в себя дым и не выпускающий его, пока мои легкие им не переполнились и я закашлялась. Ужасно и отвратительно! До сих пор ее вижу, эту мерзкую кашляющую горгулью, как только представлю себя курящей.

Даже спустя многие месяцы, по ее словам, этот образ выручает ее всякий раз, как желание курить становится невыносимым.

Посреди сеанса Саванна вдруг села и объявила, что открыла нечто очень важное; на нее снизошло «прозрение», которое ее ассистенты непременно должны записать, чтобы оно не потерялось для потомства: «Правильно питайтесь. Занимайтесь спортом. Стремитесь».

Мэтт Джонсон отзывается о подобных «озарениях» словами «фу ты, ну ты» и говорит, что они довольно часто встречаются у его подопечных и воспринимаются ими как важные и существенные. Курильщики прекрасно отдают себе отчет в том, что их привычка — вещь нелогичная, отвратительная, обременительная для кармана и к тому же вредная для здоровья, но в будничной жизни они над этим мало задумываются, зато под влиянием псилоцибина это знание вдруг приобретает новый вес, становится «неким чувством, ощущаемым нутром и сердцем. Озарения вроде этого делаются все более убедительными, прилипчивыми и навязчивыми. Эти сеансы избавляют людей от такой роскоши, как бездумность» — привычного для нас состояния, того самого, на почве которого расцветают такие пагубные привычки, как курение.

Джонсон считает, что ценность псилоцибина в том, что он дает человеку, страдающему пагубным пристрастием, новый взгляд — взгляд одновременно и ясный и глубокий — на его жизнь и привычки.

— Вредная привычка или зависимость — это целая эпопея, в которой мы прочно увязли, это история, которая оживает и возобновляется каждый раз, как мы пытаемся ее завершить и терпим поражение: «Да, я курильщик, но я у меня нет сил принудить себя отказаться от этой привычки». Путешествие внутрь себя дает нам возможность дистанцироваться, дает возможность увидеть более объемную картину и понять, сколь краткие, мимолетные удовольствия дает курение в более обширном, долговременном контексте наших жизней.

Разумеется, это переосмысление старой привычки происходит не просто так, ведь сколько людей так и не бросили курить, даже несмотря на то, что принимали и продолжают принимать псилоцибин. Если же это случается, то только потому, что отказ от привычки является общепризнанным фактом, тем настоятельным намерением, с которым клиент приходит на сеанс и которое терапевт в ходе подготовительных встреч и последующих сеансов интеграции постоянно усиливает. Ведь «установку», которую дает терапевт своему подопечному перед психоделическим трипом, он тщательно оркеструет точно таким же образом, как это делает шаман, использующий свои власть, авторитет и драматургическое мастерство для многократного усиления той силы внушения, которой обладает его снадобье. Вот почему так важно понимать, что «психоделическая терапия» — это не просто врачевание с помощью психоделических препаратов, а некая форма «медикаментозной терапии на основе психоделиков», как неустанно подчеркивают многие исследователи.

Чем же в таком случае объясняется необычный авторитет довольно ординарных озарений, которые осеняют «псилоцибиновых путников» во время их путешествий? А тем, указывает Роланд Гриффитс, что «ни с одним другим препаратом такого не испытаешь». В самом деле, испробовав и испытав на себе множество препаратов, включая и наркотики, мы совершенно убеждены (а часто и немало смущены) в *недостоверности* тех мыслей и чувств, которые завладевают нами под их влиянием. Хотя ни Гриффитс, ни Джон-

сон не упоминают об этом, но чувство достоверности (аутентичности), видимо, объясняется взаимосвязью между видимостью и верой. Очень часто под влиянием психоделиков наши мысли делаются зримыми. Это не галлюцинации, вовсе нет, потому как субъект зачастую полностью отдает себе отчет в том, что видимое им не реально, и, тем не менее, эти ставшие зримыми мысли удивительно конкретны, живописны и потому сразу запоминаются.

Это очень любопытный феномен, который нейронаука пока еще не в состоянии объяснить, хотя сравнительно недавно учеными в этом направлении был выдвинут ряд довольно интересных гипотез. Нейрофизиологи, изучающие феномен зрения и использующие для визуализации деятельности мозга функциональные магниторезонансные томографы, с помощью последних открыли, например, что в зрительной коре возбуждаются одни и те же области и когда человек видит объект, как говорится, вживую (в режиме включения), и когда просто вспоминает о нем или визуализирует его (в автономном режиме). Это наводит на предположение, что способность визуализировать мысли должна быть скорее правилом, нежели исключением. Некоторые нейрофизиологи полагают, что в часы бодрствования в нашем мозге наличествует некий тормозящий процесс, который препятствует зрительной коре донести до сознания визуальный образ того, о чем мы думаем. Нетрудно понять, почему такое торможение может оказаться адаптивным свойством: если ум загроможден живыми образами, то это существенно отяжелило бы наши рассудочность и абстрактное мышление, не говоря уже о повседневных действиях, вроде ходьбы или вождения машины. Но когда мы наделяемся способностью визуализировать свои мысли — вроде мысли о себе как курильщике, напоминающем кашляющую горгулью, — эти мысли приобретают дополнительный вес и кажутся нам более реальными. В данном случае видеть — значит верить.

Вероятно, это одна из особенностей психоделиков — умение ослаблять или стопорить тормозящий процесс в мозге, что способствует визуализации наших мыслей и делает их более авторитетными, наглядными и запоминающимися. Упоминаемый астронавтами эффект обзора ничего не добавил к нашему интеллектуальному пониманию

«голубой точки», висящей в необозримом пространстве космоса, зато он сделал саму точку более наглядной и реальной, чем когда-либо прежде. Возможно, то же самое и с психоделиками: яркий эффект обзора эпизодов жизни, создаваемый этими препаратами, заставляет людей, пусть и не всех, изменить свое поведение.

Мэтт Джонсон убежден, что психоделики можно использовать для изменения всех видов поведения, не только зависимости. На его взгляд, причина этого в их способности вызывать у людей достаточно драматические переживания и тем самым «выдергивать их из той эпопеи, в которой они увязли. Это в буквальном смысле перезагрузка системы — биологический *control-alt-delete*. Психоделики словно распахивают внутри нас окно, делая нас психически гибкими и давая нам возможность «освободиться от тех психических моделей, в согласии с которыми мы организуем реальность».

По его мнению, самая важная из психических моделей — это «я», или эго, которое растворяется под действием большой дозы психоделика и вызываемых им видений. Он говорит о «нашей приверженности шаблонно мыслить о своем „я“ как мыслительном центре». Эта приверженность к шаблонному мышлению или когнитивному стилю во многом роднит наркомана с депрессивным и онкологическим больным, одержимым мыслью о смерти или рецидиве.

«Это „я“, требующее, чтобы его психологически защищали любой ценой, является источником множества человеческих страданий. Мы увязли в некой эпопее, где мы предстаем просто как действующие в этом мире независимые, изолированные друг от друга агенты. Но это „я“ — иллюзия. Правда, когда прыгаешь с ветки на ветку, или убегаешь от гепарда, или пытаешься увильнуть от налогов, эта иллюзия может быть *полезной*. Но на системном уровне в ней нет ни грана истины. Можно примерить на себя любое количество более точных перспектив: что мы, мол, скопление генов, челноков для передачи ДНК; что мы всецело и полностью социальные существа, неспособные выжить в одиночку; что мы организмы в экосистеме, неразрывно связанные друг с другом на этой планете, летящей в никуда. Куда ни глянь, всюду видишь просто поразительный уровень взаимосвязанности, и все же мы продолжаем настаивать на том, что мы —

индивидуальные агенты». Альберт Эйнштейн называл чувство разобщенности, свойственное современному человеку, «оптическим обманом сознания»*.

«Психоделики выбили почву из-под этой модели. В неблагоприятных обстоятельствах это может оказаться опасным, приводя к кошмарным трипам или к чему-то еще более худшему». Джонсон приводит в пример Чарльза Мэнсона, который, по слухам, давал своим приверженцам ЛСД, чтобы сломить их волю и сделать их более послушными, что, по мнению Джонсона, выглядело более чем правдоподобно. «Но в надлежащей обстановке, где вам гарантируется полная безопасность, подобное вмешательство может оказаться весьма полезным для решения некоторых проблем вашего „я“» — проблем, одной из которых является зависимость. Смерть, депрессия, одержимость, нарушения пищевого поведения — все это усугубляется тиранией эго и фиксированными нарративами, которые оно плетет относительно наших отношений с миром. Временно свергнув эту тиранию эго и погрузив ум в состояние необычайной пластичности (Робин Кархарт-Харрис назвал бы его состоянием повышенной энтропии), психоделики — с помощью хорошего терапевта — дают нам возможность выдвинуть новые и более конструктивные истории о самих себе и наших отношениях с миром, истории, которые могут пройти проверку временем.

Это совершенно иной вид терапии, чем та, к которой мы привыкли здесь, на Западе, потому как она не является ни чисто химической, ни чисто психодинамической — ни безумной, ни безмозглой. Готова ли западная медицина взять на вооружение такую радикально новую (и при этом древнюю) модель психического преобразования — этот вопрос остается открытым. Безопасно подводя людей (с помо-

* «Человек — часть огромного целого, именуемого Вселенной, часть, ограниченная во времени и пространстве. Себя, свои мысли и чувства он воспринимает отдельно от остальных — своего рода оптический обман сознания. Этот обман — наша тюрьма, сводящая нас до уровня наших желаний и привязанности к нескольким наиболее близким нам людям. Наша задача в том, чтобы освободиться из этой тюрьмы путем расширения своего сострадания, пока оно не обнимет всех живых существ и всю природу с ее красотой» (Уолтер Салливан. «Статьи Эйнштейна: разносторонний человек», *New York Times* от 29 марта 1972 г.)

щью психоделиков) к лиминальному («пороговому») состоянию, отличающемуся повышенной внушаемостью, признает Джонсон, врачи и исследователи «играют ту же роль, что шаманы или старейшины».

«Что бы мы здесь ни затрагивали, какими бы изысканиями ни занимались, это из той же области, что и плацебо. Но плацебо на ракетных ускорителях».

* * *

Идея использования психоделических препаратов для лечения зависимости и пагубных привычек не является новой. Американские индейцы издавна использовали пейотль как в ритуальных целях, так и для лечения алкоголизма, ставшего с момента прибытия на континент белого человека настоящим повальным бедствием для туземных племен. Выступая в 1971 году на заседании Американской психиатрической ассоциации, психиатр Карл Меннингер заявил, что «пейотль для этих людей абсолютно безвреден... Это лучшее средство от алкоголизма, чем все то, что придумали миссионеры, белый человек, Американская медицинская ассоциация и службы общественного здравоохранения вместе взятые»*.

В 1950-е и 1960-е годы с помощью ЛСД и других психоделиков лечили тысячи алкоголиков, хотя до недавнего времени было трудно сказать что-то определенное о полученных результатах. В течение некоторого времени психоделическая терапия считалась достаточно эффективной и в канадской провинции Саскачеван была даже принята на вооружение в качестве стандартного метода лечения алкоголизма. Отчеты, поступавшие из клиник, были полны восторженными отзывами, однако большинство официальных исследований проводились из рук вон плохо, были небрежно спланированы и слабо контролировались, если вообще контролировались. Результаты были действительно впечатляющими, когда исследования проводились врачами, радеющими за успех дела (особенно терапевтами, которые

---

* См.: Чарльз Гроб, «Психиатрические исследования галлюциногенов: чему мы научились?» / *«Хеффтеровский обзор психоделических исследований»* № 1, 1998. [Charles S. Grob, “Psychiatric Research with Hallucinogens: What Have We Learned?,” *Heffter Review of Psychedelic Research* 1 (1998).]

сами принимали ЛСД), и поистине ужасными, когда их проводили неопытные исследователи, дававшие пациентам слоновьи дозы снадобья без учета таких факторов, как установка и обстановка.

В записях царила полная неразбериха, и так обстояло дело вплоть до 2012 года, когда мета-анализ объединенных данных, полученных в ходе наиболее успешных рандомизированных и контролируемых исследований, проводившихся в 1960–1970-е годы (в них приняло участие более пятисот пациентов), показал, что и в самом деле имело место «статистически достоверное и клинически значимое благотворное воздействие» на больных единичной дозы ЛСД, воздействие, не терявшее своей эффективности в течение полугода. «Принимая во внимание столь благотворнее воздействие ЛСД на алкоголиков, — заключают авторы, — кажется загадочным, почему этот метод лечения до сих пор недооценивается в столь значительной мере».

С тех пор в сфере психоделической терапии алкогольной и других зависимостей наблюдается пусть и умеренное, но довольно обнадеживающее оживление, причем это касается как университетских исследований, так и различных подпольных сред*. Так, в 2015 году в университете Нью-Мексико было проведено небольшое экспериментальное исследование, в котором приняли участие десять алкоголиков. Им давали псилоцибин в сочетании с «терапией усиления мотивации» — особым видом когнитивно-поведенческой терапии, специально разработанной для лечения алкогольной и прочей зависимости. Сама по себе эта терапия не оказала практически никакого влияния на приверженность к пьянству, но после проведения псилоцибинового сеанса употребление алкоголя значительно снизилось, и эти показатели оставались практически неизменными в течение девяти месяцев. Майкл Богеншутц, ведущий исследователь, сообщил, что налицо сильная взаимосвязь между «силой переживания и влиянием» на пристрастие к алкоголю. Полу-

* Ибогаин, психоделик, полученный из корня ибоги, вечнозеленого африканского кустарника семейства кутровых, используется как в подпольных, так и в мексиканских клиниках для лечения опиатной зависимости; есть сведения, что айяуаска тоже помогает избавиться от вредных привычек.

ченные в Нью-Мексико результаты оказались достаточно обнадеживающими и дали толчок для второй фазы испытаний, более масштабных и развернутых, в которых приняли участие 180 человек; их проводит на базе Нью-Йоркского университета Майкл Богеншутц в сотрудничестве со Стивеном Россом и Джеффри Гессом.

— Алкоголизм можно понимать как духовное расстройство, — сказал мне Росс во время нашей первой встречи, состоявшейся в уже известном нам процедурном кабинете зубоврачебного колледжа Нью-Йоркского университета. — Со временем теряешь связь со всем, кроме зеленого змия. Жизнь теряет смысл. И в конце не остается ничего важнее бутылки, которая важнее даже, чем жена и дети. Ради нее ты готов пожертвовать всем, что есть.

Именно Росс первый рассказал мне историю Билла У., основателя Общества анонимных алкоголиков (АА), который «завязал» с алкоголем после мистических откровений, пережитых им под действием белладонны, а в 1950-х годах попытался привлечь внимание членов своего общества к ЛСД. С помощью наркотика пытаться вернуться к трезвому образу жизни? Подобное может показаться нелогичным и даже безумным. Тем не менее в этом есть определенный смысл, особенно если принять во внимание, с какими надежностью и постоянством психоделики вызывают духовные прорывы и приводят к убеждению, центральному в философии АА, что, прежде чем надеяться на выздоровление, алкоголик должен признать свое «бессилие». Анонимные алкоголики имеют смутное представление о человеческом эго и, подобно психоделическим терапевтам, пытаются перенести внимание своих подопечных с себя на «высшую силу» и утешение со стороны членов общества — чувство взаимосвязанности.

Майкл Богеншутц свел меня с одной женщиной (я буду называть ее Терри Макдэниелс), участницей экспериментального исследования в университете Нью-Мексико, — знакомство, на мой взгляд, довольно удивительное, поскольку ее история не относится к числу тех историй безоговорочного успеха, которые исследователи так любят рассказывать журналистам. Я поговорил с миссис Макдэниелс из будки телефона-автомата, установленного в трейлерном парке на окраине Альбукерка, где она живет, прикованная к инвалидной коляске,

и там же, через несколько трейлеров от нее, живет ее дочь. Женщина стала инвалидом в 1997 году, когда, по ее словам, «бывший муж ударил меня по голове чугунной сковородой. С тех пор у меня серьезные проблемы с памятью».

У Макдэниелс (она родилась в 1954 году) была трудная жизнь, начиная с самого детства, когда родители начали оставлять ее на попечение, довольно беспечное, старших братьев и сестер.

— Я разучилась смеяться, и мне до сих пор не до смеха, — сказала она, поведав, что целыми днями одержима чувствами сожаления, гнева, зависти, ненависти к себе и особенно чувством вины по отношению к своим детям. — Мне очень плохо оттого, что я не дала им ту жизнь, которую могла бы дать, если бы не пила. И я все время думаю о той, другой жизни, которая у меня могла бы быть.

Когда я спросил Макдэниелс, как долго она ведет трезвый образ жизни, она удивила меня, ответив, что вообще его не ведет. Несколько недель тому назад, например, она ушла в запой после того, как ее дочь «ранила мои чувства, попросив у меня денег, которые я ей якобы задолжала». Правда, запой был недолгим, всего один день, да и пила она только пиво и вино, хотя в годы, предшествовавшие психоделической терапии, она пила крепкие напитки по две недели кряду, «уходя на перерыв», только когда теряла сознание. Для нее однодневная пьянка, да и то не каждый день, — это настоящий прогресс.

О псилоцибиновом эксперименте она прочитала в местном еженедельнике, посвященном альтернативной медицине. До этого она никогда не употребляла психоделики, но теперь, находясь в отчаянном положении, решила попробовать что-то новое. Она не раз пыталась завязать с пьянством, посещала реабилитационный центр, сеансы психотерапии и даже Общество анонимных алкоголиков, но в конечном итоге неизменно возвращалась к бутылке. Она боялась, что из-за травмы головы ее не допустят к испытаниям, но ее допустили, и во время псилоцибинового сеанса она испытала сильное духовное переживание.

Поначалу трип был беспросветно печальным.

— Я видела своих детей и ревмя ревела из-за того, что их жизнь сложилась не так, как могла бы, — вспоминает она. Но

в конце концов перед ней предстало нечто, повергшее ее в священный трепет. — Я увидела на кресте Иисуса. Не всего, а только Его голову и плечи, и сама я, маленькая девочка, словно сидела в маленьком вертолете, кружившем над его головой. Сам же Он висел на кресте. И Он вроде как взял меня на руки, знаете, как обычно берут на руки ребенка, когда хотят его утешить. И я вдруг почувствовала, как с плеч моих спадает непосильное бремя, почувствовала себя в высшей степени умиротворенной. Незабываемое ощущение!

Урок, который она извлекла из этого переживания, можно свести к двум словам: приятие себя.

— Меня все реже стали посещать мысли о людях, лучше распорядившихся своей жизнью, чем я. Я знаю, я не такой уж плохой человек, просто со мной в жизни случилось много чего плохого. Вероятно, Иисус пытался сказать мне, что у меня все нормально, что такое действительно случается, и старался утешить меня. И теперь я каждый день читаю Библию, поддерживая тем самым сознательный контакт с Богом.

По собственным меркам Макдэниелс, та жизнь, которой она живет сейчас, конечно же, не совсем праведна, но гораздо лучше той, что у нее была прежде. Пережитое помогло ей начать переосмысливать историю своей жизни, которую она рассказывает самой себе:

— Я уже не принимаю все так близко к сердцу, как раньше, и гораздо лучше отношусь к себе. Это истинный дар, потому что многие годы я вообще себя не любила. Хотя человек я неплохой.

Тот факт, что взгляды человека на жизнь и самого себя могли так разительно измениться при отсутствии каких-либо изменений в обстоятельствах и самой среде, в окружении которых живет данный человек, вызывает у меня одновременно и надежду, и горечь. Мне вспоминается один эксперимент, о котором мне рассказали исследователи, работающие в области наркотической зависимости, из числа тех, с которыми мне доводилось беседовать; речь идет об эксперименте, носящем название «Парк крыс». Исследователям в сфере наркозависимости хорошо известно, что крысы в клетке, если им предоставить доступ к различным видам наркотиков, очень быстро привыкают к ним и постоянно нажимают маленькие рычажки, выдающие им порцию наркотика, предпочитая их тем, кото-

рые выдают пищу, даже несмотря на то, что из-за этого они часто оказываются на грани смерти. Но гораздо менее известен тот факт, что если клетку «обогатить» возможностями для игры и взаимодействия с другими крысами и вынести ее на лоно природы, то те же самые крысы вообще не притронутся к наркотикам и не станут наркозависимыми. Указанные эксперименты лишний раз подтверждают ту идею, что склонность к зависимости в меньшей мере связана с генами или химией организма, нежели с личной историей и средой человека.

Теперь отдается предпочтение тому классу химических веществ, которые способны изменить *саму манеру восприятия* нами личной истории и среды, сколь бы скудным или мучительным это восприятие ни было. «Как именно ты смотришь на мир: как на тюрьму или как на площадку для игр?» — вот ключевой вопрос, который вынес для себя из опыта с крысами Мэтт Джонсон. Если зависимость олицетворяет радикальное сужение взглядов на жизнь, поведенческого и эмоционального репертуара, то психоделический трип обладает потенциалом обратить это сужение в обратную сторону, дав человеку возможность измениться, перекраивая и обогащая внутреннюю среду.

«Людям под впечатлением от этих переживаний мир начинает представляться чуть более похожим на площадку для игр».

«Благоговение» — вот наиболее подходящее слово, которое прекрасно передает переживания и американских астронавтов, увидевших Землю с поверхности Луны, и участников псилоцибиновых сеансов, совершавших путешествия внутри своего сознания. Благоговение — именно та человеческая эмоция, с помощью которой, возможно, удастся связать воедино разрозненные нити психологической интерпретации, предложенной теми психоделическими исследователями, с которыми мне довелось разговаривать. Одним из ним был Питер Хендрикс, молодой психолог из Алабамского университета, проводивший испытания, имевшие целью выяснить лечебное воздействие псилоцина на кокаинистов; именно он первый высказал предположение, что чувство благоговения является, возможно, тем психологическим ключом, с помощью которого удастся объяснить способность психоделиков менять глубоко укоренные манеры поведения человека.

— Зависимые люди знают, что они вредят самим себе, вредят своему здоровью, своей карьере, своему социальному положению, но они часто совершенно не видят той опасности, которую их поведение представляет для окружающих.

Зависимость, помимо всего прочего, — это радикальная форма эгоизма. Одной из проблем, стоящих перед специалистами в процессе лечения наркоманов, является проблема расширения их кругозора и вынесения его за пределы всепоглощающего эгоизма, создаваемого зависимостью, — поведение, которое характеризует их личность и помогает упорядочить дни их жизни. Именно таким потенциалом, считает Хендрикс, и обладает благоговение.

Хендрикс упомянул об исследованиях, проводимых Дачером Келтнером, психологом из Калифорнийского университета в Беркли, который является его близким другом.

— Келтнер считает, что благоговение — базовая человеческая эмоция, развившаяся у нас потому, что она способствует альтруистическим поступкам. Мы потомки тех, для кого благоговение было сродни блаженству, поскольку обладание эмоцией, заставлявшей нас чувствовать себя частью чего-то гораздо большего, чем мы сами, являлось весомым преимуществом для выживания вида. — (Этим чем-то большим могли быть социальный коллектив, природа в целом или мир духов, но это было действительно нечто подавляющее, способное умалить нас самих и затмить наши узкие личные интересы.) — Ведь именно под влиянием благоговения у нас возникает чувство «малого „я“», которое направляет наше внимание от индивидуума к группе и какому-то еще большему благу.

В лаборатории Келтнера в Беркли был проведен ряд очень умных экспериментов, показавших, что люди, после того как они испытали даже сравнительно умеренное чувство благоговения (вроде того, какое испытываешь при виде парящих на фоне неба вершин деревьев), более склонны оказывать помощь окружающим. (Первый эксперимент проводился в эвкалиптовом гроте кампуса Калифорнийского университета, где участники в течение минуты смотрели либо на деревья, либо на фасад близлежащего здания. После чего, согласно плану, к участникам направлялась одна из девушек-сотрудниц, которая неожиданно оступалась и падала, роняя на землю бумаги и шариковые ручки. Те, кто смотрел на деревья, реагировали быстрее, чем те, кто

смотрел на здание, и первыми бросались ей на помощь.) Второй эксперимент проводился в лаборатории Келтнера: участников просили нарисовать себя до и после того, как они какое-то время созерцали виды природы, вызывающие чувство трепета и благоговения; так вот, оказалось, что автопортреты участников, написанные ими после пережитого чувства благоговения, занимали на бумаге гораздо меньше места, чем портреты, написанные до этого. Эксперимент показал, что чувства трепета и благоговения являются прекрасным средством от эгоизма.

— Теперь в нашем распоряжении есть фармакологическое средство, способное вызывать поистине глубокое чувство благоговения, — рассказал Хендрикс. (Надо же, благоговение в виде таблетки!) — Для людей одержимых это истинная находка, потому как оно дает им возможность почувствовать себя частью чего-то большего, чего-то более великого, нежели они сами, почувствовать свою взаимосвязь с другими людьми. — (То есть возможность увязать воедино ткань социальных и семейных отношений, изрядно истрепавшуюся под влиянием дурных пристрастий.) — И часто это приводит к тому, что они признают тот вред, который причиняют не только самим себе, но и своим близким. Вот откуда чаще всего проистекает мотивация, побуждающая их измениться, — из обновленного чувства взаимосвязи с другими людьми и ответственности за этих людей, а также из благотворного чувства своей незначительности перед лицом чего-то более великого.

Чувство, да и сама концепция благоговения, сдается мне, могла бы помочь соединить между собой несколько точек, на которые я набрел в ходе моего путешествия по ландшафтам психоделической терапии. Является ли это чувство причиной или следствием тех психических изменений, которые обусловлены психоделиками, до сих пор не ясно, но, как бы там ни было, благоговейный трепет играет очень важную роль в феноменологии психоделического сознания, включая сюда опыт мистических переживаний, эффект обзора, выход за рамки собственного эго, обогащение внутренней среды и даже создание новых смыслов. Как пишет Келтнер, сила воздействия и мистерия благоговения таковы, что их нелегко истолковать в соответствии с привычными рамками мышления. Сотрясая и разбивая эти концептуальные рамки, благоговейный трепет способен менять наше сознание.

ТРЕТИЙ ТРИП: ДЕПРЕССИЯ

Когда в начале 2017 года Роланд Гриффитс и Стивен Росс принесли в Управление по санитарному надзору результаты своих клинических испытаний в надежде получить добро на третью, более расширенную фазу исследований воздействия псилоцибина на онкологических больных, случилось нечто неожиданное. Впечатленные результатами — и, видимо, махнув рукой на немалые проблемы, возникающие в связи с психоделическими исследованиями, такие, как проблема ослепления, сочетание психоделической терапии и медицины и тот факт, что данный препарат все еще запрещен законом, — сотрудники Управления немало удивили исследователей, попросив их существенно расширить фокус своего внимания, а заодно и рамки своих амбиций, то есть попросив их выяснить, нельзя ли использовать псилоцибин для лечения такой более масштабной и более насущной проблемы, как массовая депрессия у населения. На взгляд контролирующих органов, данные, предоставленные исследователями, содержали довольно внятный «сигнал» о том, что псилоцибин способен значительно снижать уровень депрессии, поэтому было бы стыдно не проверить это предположение и упустить саму возможность, учитывая колоссальную потребность в такой терапии и ограниченность имеющихся в настоящее время методов лечения. Росс и Гриффитс выбрали для иссле-

дований онкологических больных именно потому, что, по их мнению, так было легче получить добро на изучение контролируемой субстанции, необходимой для людей, уже серьезно больных или умирающих. Теперь же правительство само просило их раскрыть глаза пошире. «Это было нечто невероятное», — рассказывая об этом событии, дважды повторил Росс, все еще несколько ошеломленный ответом и результатом. (Управление по санитарному надзору отказалось подтвердить или опровергнуть эту информацию, сославшись на то, что оно не комментирует препараты, находящиеся в стадии разработки или под надзором контролирующих органов.)

Во многом то же самое случилось и в Европе годом раньше, когда исследователи обратились в Европейское агентство лекарственных средств (ЕАЛС) — орган, осуществляющий контроль за лекарственными средствами в странах ЕС, — в надежде получить добро на использование псилоцибина для лечения депрессивных состояний у больных с неутешительным диагнозом. По сведениям контролирующих органов, «экзистенциальные муки» — это неофициальное название состояний депрессии и тревоги: оно не внесено в «номенклатуру» психических расстройств, поэтому национальные службы здравоохранения его и не учитывают. Но поскольку имеется сигнал, что псилоцибин может быть с успехом использован для лечения депрессии, то почему бы не провести большое, многогранное исследование этого его свойства?

ЕАЛС откликнулось на только на данные масштабных исследований, проводившихся в медицинском центре Хопкинса и Нью-Йоркском университете, но и на данные сравнительно небольшого «анализа целесообразности» — исследования, имевшего целью выявить потенциал псилоцибина для лечения состояний депрессии, который проводил Робин Кархарт-Харрис в лаборатории Дэвида Натта в Имперском колледже. В ходе этого исследования, первичные результаты которого были опубликованы в журнале *Lancet Psychiatry* в 2016 году, псилоцибин давали двенадцати пациентам (шести мужчинам и шести женщинам), страдавшим «терапевтически резистентной депрессией», то есть это были люди, уже испробовавшие, причем безуспешно, по меньшей мере два вида терапии. Контрольная группа

отсутствовала, поэтому все участники знали, что он или она получает именно псилоцибин.

По прошествии всего лишь одной недели у всех участников было отмечено значительное улучшение состояния, а две трети из них совершенно избавились от депрессии, причем в некоторых случаях это случилось впервые за много лет. По прошествии трех месяцев у семи человек из двенадцати по-прежнему наблюдалась значительная подвижка в сторону выздоровления. Через шесть месяцев у шести из двенадцати пациентов наступила ремиссия, а у остальных в той или иной степени развился рецидив, и в их случае лечение необходимо было повторить. Хотя исследование было очень скромным по масштабам и не рандомизированным, оно, тем не менее, показало, что псилоцибин хорошо переносится как мужской, так и женской частью населения, не создавая побочных явлений, и что у большинства испытуемых действительно наблюдались значительные улучшения, которые были заметными и быстрыми*. Сотрудники ЕАЛС, впечатленные этими показателями, предложили провести более масштабное испытание людей с терапевтически резистентной депрессией, от которой в одной только Европе страдает более 800 тысяч человек. (Всего же различными видами депрессивных расстройств, по данным Всемирной организации здравоохранения, страдают 40 миллионов европейцев.)

Розалинда Уоттс была молодым клиническим психологом и работала в Национальной службе здравоохранения, когда ей на глаза попалась статья о психоделической терапии, напечатанная в журнале *New Yorker***. Высказанная в статье мысль о том, что можно реально лечить психические заболевания, вместо того чтобы просто управлять их симптомами, побудила ее написать Робину Кархарт-Харрису, и тот нанял ее

---

* Что касается трех участников, не выказавших никаких признаков улучшения, то их псилоцибиновые сеансы были «мягкими», то есть ничем не примечательными. Видимо, это было вызвано тем, что все они сидели на антидепрессантах СИОЗС, которые способны блокировать действие психоделиков, или тем, что какая-то часть населения просто не реагирует на лечебные препараты. Команда исследователей из медицинского центра Хопкинса тоже время от времени наблюдала случаи так называемых «никчемных трипов», которые не оказывают на людей никакого влияния.

**По-моему, все было именно так. См. статью «Лечебный трип», *New Yorker* от 9 февраля 2015 года.

в качестве помощницы для изучения состояний депрессии, первого этапа работы лаборатории на пути к собственно клиническим исследованиям. Уоттс присутствовала в качестве дежурного терапевта на нескольких сеансах, а затем, по прошествии полугода после испытаний, провела качественный опрос всех участников, надеясь точно выяснить, как психоделический сеанс повлиял на каждого из них.

Опрос, проведенный Уоттс, выявил две «главные» темы. Первая — это состояние «разъединенности», будь то «разъединенность» с другими людьми, со своим прежним «я», своими чувствами и ощущениями, своими стержневыми убеждениями, духовными ценностями или с природой вообще; именно так участники описывали свою депрессию. Одни жаловались на то, что они живут как в «каземате психиатрической лечебницы», а другие на то, что они «увязли» в бесконечных круговоротах размышлений, которые они уподобляли психическим «тупиковым ситуациям». Мне сразу пришла на память некогда выдвинутая Кархарт-Харрисом гипотеза, что депрессия, вероятно, является результатом сверхактивной деятельности сети пассивного режима работы мозга — того его участка, который заведует размышлением.

Как уже говорилось выше, некоторых участников испытаний преследовало ощущение полной оторванности от своих чувств.

— Я глядела на орхидеи, — поведала Уоттс одна из участниц, — и хотя умом понимала, что это, должно быть, красиво, самой красоты не чувствовала.

Что касается большинства испытуемых, то пережитое ими под влиянием псилоцибина пошло им на пользу, ибо, пусть даже ненадолго, освободило их из «каземата психиатрической лечебницы», где они все это время томились. Одна женщина из их числа рассказала мне, что целый месяц после сеанса она вообще не испытывала депрессии: мол, это случилось с нею впервые с 1991 года. Другие тоже описывали сходные переживания:

— Это все равно как отпуск, проведенный вне стен тюрьмы моего сознания. Я чувствовал себя свободным, беззаботным, полным энергии.

— Это было подобно свету, неожиданно вспыхнувшему в погруженном во тьму доме.

— На вас больше не давят мысленные стереотипы, вы больше не барахтаетесь среди них, и бетонные стены, прежде обступавшие вас со всех сторон, вдруг раздвинулись.

— Это напомнило мне дефрагментацию жесткого диска на компьютере... Я подумал: «А ведь здорово, что мой мозг подвергается дефрагментации!»

У многих испытуемых внутренние изменения, произошедшие на уровне сознания, сохранились неизменными:

— Мой мозг теперь работает иначе. Я трачу меньше времени на размышления, мои мысли упорядочены и контекстуализированы.

Одни сообщили, что им удалось восстановить связь со своими чувствами:

— С моих глаз будто спала пелена, все сделалось неожиданно ясным, искрящимся, ярким. Я смотрела на растения и чувствовала их красоту. Я до сих пор смотрю на орхидеи и чувствую то же самое, и это единственное чувство, которое не утратило своей силы.

Другим удалось воссоединиться с самими собой:

— Я вдруг ощутила несказанную нежность к самой себе!

— В глубине души я чувствую себя так же, как и до депрессии.

А третьи восстановили связь с другими людьми:

— Я начал разговаривать с незнакомыми людьми. С каждым, с кем мне довелось столкнуться, я вел долгие разговоры.

— Я смотрела на людей на улице и думала: «Надо же, какие мы все интересные!» — потому как чувствовала себя неразрывно связанной с ними.

Или связь с природой:

— Раньше я просто восторгался природой, теперь же чувствую себя частью ее. Раньше я смотрел на нее как на вещь, вроде телевизора или картины, а теперь знаю: все мы часть ее, между нами нет ни разделения, ни различия, все мы — природа.

— Я был одновременно всеми людьми, был слит со всеми, был един в шести миллиардах лиц. Я одновременно жаждал любви и даровал эту любовь, я плавал в океане любви и был этим океаном.

Вторая главная тема — открывшийся доступ к сложным чувствам и эмоциям, эмоциям, которые депрессия часто притупляет или перекрывает полностью. По словам Уоттс

(а именно она автор этой гипотезы), постоянное размышление, которому предается впавший в депрессию человек, сильно сужает его эмоциональный репертуар. В других случаях депрессивный человек просто подавляет свои эмоции, поскольку ему мучительно предаваться им.

Это в особой мере касается полученных в детстве психологических травм. Уоттс познакомила меня с одним 31-летним испытуемым, музыкальным обозревателем по имени Иэн Руйе, который в детстве, вместе со своей старшей сестрой, подвергался жестокому обращению со стороны отца. Став взрослыми, брат с сестрой подали на отца в суд, обвинив его в насилии, и того упекли за решетку на несколько лет. Правда, от депрессии Иэна это не спасло, и она преследует его большую часть жизни.

— Ясно помню тот момент, когда на меня впервые надвинулась эта ужасная черная туча. Мне было десять лет, и я сидел в семейном зале паба «Бойцовские петухи» в Сент-Олбансе.

Антидепрессанты ему помогли, но ненадолго, ибо, по его словам, «пластырь, наложенный на рану, ничего не лечит». Приняв псилоцибин, он впервые в жизни смог взглянуть в лицо своей боли и ее источнику — отцу.

— Обычно, когда мысль об отце приходит мне в голову, я ее просто выбрасываю. Но на этот раз я пошел другим путем, — рассказал он, имея в виду под другим путем то, что ему посоветовал терапевт: что ему, мол, нужно «вжиться и пройти» через тот страшный материал, с которым он столкнется в недрах своего сознания.

— Поэтому на этот раз я посмотрел ему прямо в лицо. Для меня это был настоящий подвиг, все равно что посмотреть в лицо демону. Да он и был для меня демоном. Но когда я взглянул на него, то увидел не демона, а лошадь! Боевого коня, стоявшего на задних ногах и одетого в военную форму, с каской на голове и с ружьем в копытах. Ужасная картина! Я хотел от нее избавиться, вытолкнуть из сознания, но не смог. «*Вживись и пройди*», — сказал я себе. Я взглянул ему прямо в глаза и, неожиданно для себя, засмеялся — он показался мне таким смешным!

— Именно в этот момент кошмар перестал быть кошмаром. Отныне я мог свободно предаваться всяческим эмоциям, положительным, отрицательным — неважно. Я поду-

мал о [сирийских] беженцах в Кале и заплакал, и вдруг понял, что каждая эмоция так же ценна, как и всякая другая. Счастье и наслаждение, эти так называемые положительные эмоции, просто так не даются, поэтому и отрицательные эмоции тоже в своем роде хороши и полезны. Такова жизнь. На мой взгляд, пытаться сопротивляться эмоциям все равно что усиливать их. Однажды я уже находился в этом состоянии, мною владело чувство глубокого удовлетворения, и это было прекрасно. Именно это ошеломляющее чувство — даже не мысль! — пережил я и на этот раз, чувство, что ко всему и вся, включая и меня, нужно подходить с любовью.

Несколько месяцев Иэн наслаждался свободой от депрессии, а заодно и новым взглядом на жизнь — тем, чего не давал ему ни один антидепрессант. «Я буквально взлетел, как Земля в поисковике Google», — сказал он Уоттс, встретившись с ней через полгода. Несколько недель после сеанса «я был полностью связан с самим собой, со всем сущим на Земле и во Вселенной». Со временем, однако, эффект обзора у Иэна исчез, и он опять начал принимать золофт.

«Блеск и сияние, которыми окрасились и лучились несколько недель кряду мои жизнь и существование сразу после эксперимента, постепенно поблекли, — написал он спустя год. — Озарения, посетившие меня в ходе испытания, так и не вернулись и уже, видимо, никогда не вернутся. Теперь они воспринимаются скорее как идеи». Да, сегодня ему гораздо лучше, чем раньше, сказал он мне; он даже смог удержаться на прежней работе, но депрессия начала понемногу возвращаться. Теперь он мечтает только о том, чтобы ему позволили пройти еще один сеанс в Имперском колледже. Но поскольку в данный момент такой возможности не предвидится, ему только и остается что слушать музыку, которую ему ставили во время сеанса, и медитировать. «Это поможет мне вернуться в то пространство, где я когда-то был».

Более половины участников эксперимента испытали то же самое: черные тучи депрессии надвинулись на них снова; видимо, психоделическая терапия, какой бы полезной она ни казалась и как бы ее ни хвалили, не может служить одноразовой панацеей от депрессии. Но даже временную передышку испытуемые рассматривали как благословенный дар, потому как она напомнила им о том, что существует другой путь воз-

вращения к жизни и стоит потрудиться ради того, чтобы его вернуть. Психоделическая терапия, как и электрошоковая терапия, на которую она несколько похожа, тоже является шоковой для системы — своего рода «перезагрузка» или «дефрагментация», — и ее, возможно, надлежит время от времени возобновлять. (Допуская, что повторение не скажется на эффективности лечения.) Но относительно потенциала данной терапии и контролирующие органы, и сами исследователи, да и большая часть научного сообщества, работающего в сфере психического здоровья, питают весьма обнадеживающие чувства.

— Я убеждена, что она [психоделическая терапия] могла бы произвести переворот в области психического здравоохранения, — сказала мне Уоттс. И с ней согласны абсолютно все психоделические исследователи, с которыми мне довелось беседовать.

* * *

«Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, — писал Антон Павлович Чехов, который, кстати сказать, был профессиональным врачом, а не только писателем, — то это значит, что болезнь неизлечима». Ну а как быть с обратным утверждением? Что, если против великого множества болезней предложить только одно средство? Возможно ли, что психоделическая терапия может оказаться полезной при лечении таких различных видов расстройств, как депрессия, зависимость, тревога и «экзистенциальные муки» онкологических больных, не говоря уже об обсессивно-компульсивном расстройстве (относительно которого уже ведется одно обнадеживающее исследование) и нарушении пищевого поведения (исследованием которого как раз планируют заняться специалисты из медицинского центра Хопкинса)?

Не будем забывать, что иррациональная эйфория с самого начала сильно повлияла на психоделические исследования, поэтому утверждение, что эти молекулы являются панацеей от всех абсолютно недугов, которые нас одолевают, по меньшей мере столь же старо, как и Тимоти Лири, его высказавший. Вполне может быть, что нынешний неумеренный энтузиазм в конце концов уступит место более скромной оценке их потенциала. Новый способ лечения в самом начале всегда кажется очень перспективным, многообещающим и блестящим. В ран-

них экспериментах с небольшим количеством выборок исследователи (а они обычно заранее слишком оптимистично настроены на обнаружение того или иного лечебного свойства) могут позволить себе роскошь выбирать участников, которые, как то наиболее вероятно, положительно отреагируют на испытания. Поскольку число таких участников невелико, они вовсю пользуются таким исключительным преимуществом, как забота и внимание со стороны прекрасно обученных, подготовленных и преданных своему делу терапевтов, не сомневающихся в своем успехе. В новых лекарственных препаратах эффект плацебо также очень силен и, как показывают наблюдения за антидепрессантами, ослабевает только с течением времени; сами же препараты уже сегодня действуют не столь эффективно, как в 1980-х годах, когда они только что появились. До сих пор нет доказательств того, что тот или иной вид психоделической терапии способен успешно воздействовать на большие массы населения, а тот якобы невиданный успех, о котором сообщается в научных сводках и отчетах, нужно воспринимать скорее как многообещающий сигнал, выделяющийся из многоголосого шума данных, нежели как окончательное доказательство целебной силы.

И все же сам факт того, что психоделики дали такой сигнал по целому ряду признаков, можно истолковывать в более позитивном свете. Если, перефразируя Чехова, против великого множества болезней предлагается только одно средство, то это могло бы значить, что эти болезни гораздо более схожи между собой, чем мы привыкли полагать. Если терапия содержит имплицитную теорию расстройств, которая претендует на роль панацеи, то что может рассказать нам о том, есть ли у этих видов расстройств что-то общее, тот факт, что психоделическая терапия, по-видимому, способна решать так много вопросов? Или что может рассказать данный факт о психической болезни в целом?

Я задал этот вопрос Тому Инселу, бывшему директору Национального института психического здоровья. «Меня совсем не удивляет, — ответил он, — что от одной и той же терапии ждут, что она окажется многообещающей для столь большого числа показателей». То же ДСР (*Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам*), отмечает он, проводит довольно произвольные гра-

ницы между психическими расстройствами, границы, которые меняются с каждым новым его изданием.

«Категории, обозначенные в ДСР, не отражают реальность, — сказал Инсел; они существуют лишь для удобства страховой или какой-то другой индустрии. — Между этими расстройствами гораздо больше общего, чем то признает ДСР». Он указывает на то, что СИОЗС, когда они работают, эффективны для лечения целого ряда состояний помимо депрессии, включая тревогу и обсессивно-компульсивное расстройство, если предполагать наличие у них некоего общего основополагающего механизма.

В своей книге «*Полуденный бес. Анатомия депрессии*» Эндрю Соломон прослеживает часто возникающие связи между зависимостью и депрессией, а также тесные связи между депрессией и тревогой. Он цитирует одного эксперта в этой области, который предлагает рассматривать эти два вида расстройства как «двуяйцевых близнецов»: «Депрессия — это реакция на потерю в прошлом, а тревога — реакция на потерю в будущем». И то и другое состояние отражает настрой ума, полностью погруженного в размышления, только в первом случае он живет прошлым, а во втором — тревожится за будущее. Главное и единственное, чем отличаются эти расстройства одно от другого, — это грамматическое время.

Похоже, что некоторые исследователи, работающие в области психического здоровья, вовсю стараются нащупать и сформулировать великую единую теорию психических заболеваний, хотя они не настолько самонадеянны, чтобы так ее называть. Доктор медицины Дэвид Кесслер, бывший глава Управления по санитарному надзору, недавно выпустил книгу под названием «*Захват. Разгадка тайны душевных страданий*», где приводятся аргументы в пользу такого подхода. «Захват» — термин, который он использует для обозначения основного механизма, общего для таких состояний, как зависимость, депрессия, тревога, мания и одержимость; по его мнению, все эти расстройства связаны с приобретенными привычками к негативному мышлению и поведению, которые целиком завладевают нашим вниманием и заманивают нас в ловушку бесконечных циклов саморефлексии. «То, что начиналось как удовольствие, становится потребностью; то, что раньше было плохим настроением, становится бесконеч-

ным самообвинением; то, что когда-то было раздражением, становится манией преследования» в ходе процесса, который он характеризует как форму «взаимно-обратного обучения». «Всякий раз, когда мы откликаемся [на стимул], мы усиливаем нейронные сети, побуждающие нас повторять» одни и те же деструктивные мысли и поступки.

Возможно ли, что именно наука о психоделиках внесет существенный вклад в развитие единой теории психических заболеваний, если не всех, то, по меньшей мере, некоторых? Большинство исследователей, работающих в этой области, такие, как Робин Кархарт-Харрис, Роланд Гриффитс, Мэтт Джонсон и Джеффри Гесс, убеждены, что психоделики реально воздействуют на некоторые механизмы мозга и сознания, в частности на те механизмы высшего порядка, которые, вероятно, лежат в основе поведения человека, а потому могут помочь объяснить широкий спектр психических и поведенческих расстройств, так же как и обычное несчастье.

Возможно, сам механизм окажется столь же простым, как понятие «психической перезагрузки» — некий биологический *control-alt-delete* Мэтта Джонсона, — клавиша, нажатие которой растрясет мозг, избавив его от деструктивных стереотипов (подобных «захвату» Кесслера) и дав возможность укорениться новым стереотипам. А возможно, что, как предполагает Франц Волленвейдер, психоделики просто повышают нейропластичность. Во время психоделических переживаний в мозгу возникают мириады новых связей, как это было установлено в ходе процесса нейровизуализации, который был осуществлен в Имперском колледже, и распад «наезженных» старых связей, возможно, просто вызывает «встряхивание снежного шара», используя фразу Робина Кархарт-Харриса, тем самым становясь предикатом для установления новых проводящих путей.

Голландец Мендель Келен, старший научный сотрудник Имперской лаборатории, предлагает более расширенную версию «снежной метафоры»:

> «Представьте себе мозг в виде холма, покрытого снегом, а мысли в виде саней, скользящих вниз по его склону. По мере того как с холма съезжают одни сани вслед за другими, в снегу появляются выемки — следы санных полозьев, которые постепенно углубляются, и каждый раз, как вниз по склону съезжают очередные сани,

их полозья, словно притягиваемые магнитом, попадают в уже накатанные выемки. — (Эти выемки, или следы, преимущественно олицетворяют «накатанные» нейронные связи мозга, причем многие из них проходят через сеть пассивного режима.) — Со временем становится все трудней и трудней съезжать с холма другим путем или в другом направлении. В этом смысле психоделики выступают как средство временного сглаживания снега.

Накатанная колея исчезает, и сани неожиданно получают возможность съезжать в других направлениях, исследуя новые ландшафты и создавая, в буквальном смысле, новые проводящие пути. Если снег свежевыпавший, это та стадия, где ум наиболее впечатлителен, так что малейший толчок или надавливание, чем бы они ни были вызваны: мелодией, песней, намерением или терапевтическим внушением, — могут существенно повлиять на будущий курс».

Выдвинутая Робином Кархарт-Харрисом теория энтропийного мозга являет собой не только многообещающую разработку этой генеральной идеи, но и первую подвижку в сторону единой теории психических заболеваний, с помощью которой представляется возможным объяснить все три типа расстройств, рассмотренных на страницах этой книги. Мозг счастливого человека, считает он, — мозг податливый и гибкий, тогда как депрессия, тревога, одержимость и тяга к зависимости делают мозг чрезмерно жестким или фиксированным на своих проводящих путях и связях, то есть куда более упорядоченным, нежели это необходимо для его же пользы. На предложенном им (в статье об энтропийном мозге) спектре, который варьируется от чрезмерного порядка до чрезмерной энтропии, депрессии, зависимости и обсессивных состояний, все расстройства подпадают под шкалу избыточного порядка. (Психоз приходится на энтропийный край спектра, чем, видимо, и объясняется тот факт, что он не поддается воздействию психоделической терапии.)

Терапевтическая ценность психоделиков, по мнению Кархарт-Харриса, заключается в их способности временно повышать энтропию в негибком мозге, выводя систему из колеи наработанных шаблонов. Кархарт-Харрис пользуется в данном случае такой заимствованной из металлургии метафорой, как отжиг: мол, психоделики привносят в систему

энергию, наделяя ее гибкостью, необходимой для того, чтобы сделать ее более податливой и склонной к изменениям. Исследователи из медицинского центра Джонса Хопкинса с той же целью пользуются очень сходной метафорой: мол, психоделическая терапия создает интервал максимальной пластичности, пребывая в котором можно, при должном руководстве, изучить и усвоить новые модели мышления и поведения.

Все эти метафоры, отражающие активность и работу мозга, всего лишь метафоры, а не само явление. Однако нейровизуализация раскрепощенного (под действием психоделиков) мозга, осуществленная специалистами Имперского колледжа (а затем повторенная исследователями в других лабораториях, причем с использованием не только псилоцибина, но ЛСД и айяуаски), выявила значительные изменения в мозге, придающие достоверность этим метафорам. В частности, вызванные психоделиками изменения в деятельности и взаимосвязях сети пассивного режима позволяют предположить, что вполне можно связать чувственное переживание некоторых видов душевных страданий с чем-то наблюдаемым — и изменяемым — в самом мозге. Если сеть пассивного режима действительно осуществляет именно ту функцию, которую, по мысли нейрофизиологов, она призвана осуществлять, то терапевтическое вмешательство в эту сеть потенциально может облегчить тяжесть некоторых форм психических заболеваний, включая и те немногие расстройства, которые психоделическим исследователям уже удалось подвергнуть лабораторным испытаниям.

Очень многие из тех участников испытаний, с которыми мне довелось разговаривать, а среди них были умирающие, зависимые и люди, страдающие депрессивными расстройствами, — очень многие из них описывали себя как людей, мысленно «увязших», плененных бесконечно повторяющимися циклами одних и тех же размышлений, из которых они были бессильны вырваться. Они говорили о «темницах своего „я“», спиралях навязчивого самоанализа, отгораживающих их от других людей, от природы, от их прежних «я» и настоящего момента. Возможно, все эти мысли и чувства являются продуктами избыточной активности сети пассивного режима, тесно увязывающей между собой структуры мозга, отвечающие за такие аспекты, как размышление, мысли, соотносимые с собственным «я», и метапознание — раздумье о мыс-

лях. Логично предположить, что, приведя в спокойное состояние сеть мозга, отвечающую за мысли о нас самих и раздумье о мыслях, связанных с нашим «я», мы смогли бы выбраться из накатанных санями следов или же стереть их с покрытой снегом поверхности.

По-видимому, сеть пассивного режима работы мозга является не только обителью эго, или «я», но и вместилищем психической способности путешествия во времени. То и другое тесно взаимосвязано между собой: без способности вспоминать прошлое и мысленно предварять будущее вряд ли можно говорить о существовании такого понятия, как когерентное «я»; мы определяем себя как индивидуальность, лишь соотнося себя со своей личной историей и будущими целями. (Как рано или поздно убеждаются все любители медитации, если нам удается обуздать и утихомирить поток мыслей о прошлом или будущем и погрузиться в настоящее, наше «я» на время как бы исчезает.) Мысленное путешествие во времени постоянно приводит нас к самой границе настоящего момента. Это в высшей степени адаптивное качество; оно дает нам возможность учиться на опыте прошлого и планировать будущее. Но когда путешествие во времени становится навязчивым, оно порождает депрессию, обращающую взгляд назад, в прошлое, и тревогу, связанную с будущим. Зависимость, похоже, тоже связана с неконтролируемыми путешествиями во времени, потому как человек зависимый использует эту привычку для организации своего времени: «*Когда на меня накатило последний раз? И когда накатит в следующий?*»

Утверждение, что сеть пассивного режима является обителью «я», нельзя считать обычным утверждением, особенно если учесть, что «я» может быть не совсем реальным. Если что и можно утверждать, так только то, что существует некий набор мысленных действий, или операций (среди них и путешествие во времени), которое мы ассоциируем со своим «я». Это можно представить как средоточие определенных умственных действий, вместилищем коих (если не всех, то многих из них) являются структуры сети пассивного режима.

Еще один вид мысленной деятельности, выявленный путем нейровизуализации в сети пассивного режима (и особенно в коре задней части поясничной извилины), — это работа, выполняемая так называемым автобиографическим

или эмпирическим «я»: умственное действие, отвечающее за истории или россказни, связывающие нас, заявляющих о себе от первого лица, с миром и помогающие нам самоопределиться: *«Таков(а) вот я»*; *«Я не заслуживаю любви»*; *«Я человек, которому не хватает силы воли, чтобы покончить с этой вредной привычкой»*. Чрезмерная привязанность к этим россказням, восприятие их как непреложных истин о самих себе, нежели как историй, подлежащих переоценке и пересмотру, в немалой степени способствует проявлению зависимости, депрессии и тревоги. Вероятно, психоделическая терапия ослабляет хватку или морок этих россказней, временно разрушая те участки сети пассивного режима, которые контролируют их работу.

Но есть еще эго, вероятно, самое грозное творение сети пассивного режима, которое стремится защитить нас от внутренних и внешних угроз и опасностей. Когда все работает так, как должно, эго заботится об организме, направляя его по верному пути, помогая ему реализовать свои цели и утолять свои потребности, необходимые для выживания и размножения. То есть делает свою работу. Однако оно при этом ужасно консервативно. «Эго не дает нам выбраться из накатанной колеи» — так формулирует его задачу Мэтт Джонсон. Иногда это к лучшему, а иногда и к худшему, потому как иногда эго становится тираном и всю свою грозную силу обращает против нас*. Вероятно, именно эту эго-связь между различными формами психических заболеваний и стремится ослабить психическая терапия, поскольку все они обусловлены необузданным эго — эго властным, подавляющим, карающим или указующим неверное направление**.

---

* Именно так понимал депрессию Фрейд, которую он называл меланхолией: после потери объекта желания эго расщепляется на две половинки, из которых одна наказывает другую, занимающую в объективе нашего внимания место потерянной любви. По его мнению, депрессия — это не совсем уместная форма мести за понесенную потерю, возмездие, неверно направленное на самого себя.

** Том Инсел, который, сложив с себя полномочия главы Национального института психического здоровья, перешел работать в корпорацию *Google*, а точнее, в компанию, отвечающую за естественные науки, прежде чем присоединиться к проекту *Mindstrong Health*, начатому в области охраны психического здоровья, доверительно сообщил мне, что в настоящее время существуют алгоритмы, с помощью которых можно безошибочно диагностировать депрессию, основываясь на частоте и контексте употребления человеком местоимения первого лица.

В своей речи, произнесенной в Амхертском колледже по случаю начала занятий за три года до своего самоубийства, Дэвид Фостер Уоллес попросил слушателей хорошенько «подумать над старым расхожим клише, гласящим, что ум — прекрасный слуга, но ужасный хозяин. Как и многие клише, это на первый взгляд неубедительное и малоинтересное утверждение в действительности выражает великую и ужасную истину, — сказал он. — Далеко не случаен тот факт, что взрослые, совершающие самоубийство посредством огнестрельного оружия, почти всегда стреляют себе в голову. потому как они стреляют в ужасного хозяина».

* * *

Из всех феноменологических эффектов, о которых сообщают люди, принимавшие психоделики, растворение эго представляется мне самым важным и самым, так сказать, терапевтическим. У опрошенных мною исследователей я не нашел единого мнения относительно используемой ими научной терминологии, однако когда я расшифровываю их метафоры и внимательно вникаю в их словарный запас, каким бы он ни был: духовным, гуманистическим, психоаналитическим или неврологическим, — в конечном счете именно потеря эго, или «я» (то, что Юнг называет «психической смертью»), является, по их общему мнению, ключевым психологическим двигателем этого переживания. Именно потеря «я» дарует нам все это богатство: и опыт мистических переживаний, и процесс репетиции смерти, и эффект обзора, и понятие психической перезагрузки, и обретение новых смыслов, и благоговейный трепет.

Взять хотя бы тот же опыт мистических переживаний: чувство трансцендентности, святости, объединяющего сознания, бесконечности и блаженства, о котором сообщают люди, можно объяснить как нечто, воспринимаемое умом, когда его ощущение своего бытия как отдельного «я» внезапно исчезает.

Стоит ли удивляться тому, что мы чувствуем себя едиными со Вселенной, когда патрулируемые эго границы между «я» и миром внезапно стираются? Поскольку мы существа, стремящиеся всему придать смысл, то и наш ум стремится к этому тоже — стремится придумывать новые истории для объяснения происходящего во время внутренних странствий. Некото-

рые из этих историй просто обречены стать сверхъестественными или «духовными» только потому, что эти явления настолько необычны, что их нелегко объяснить с позиции привычных для нас концептуальных категорий. «Пророческий» мозг получает столько ошибочных сигналов, что он просто вынужден создавать новые, экстравагантные интерпретации опыта, выходящего за пределы его понимания.

Что именно знаменуют самые чудесные из этих историй: магическое мышление, как полагал Фрейд, или доступ к трансперсональным мирам, подобным «Уму в целом», как полагал Хаксли, — это всего лишь вопрос интерпретации. Кто может сказать наверняка? Но лично мне кажется наиболее вероятным, что именно потеря или исчезновение «я» делает человека более «духовным», как бы кто ни определял это слово, и что он от этого чувствует себя намного лучше.

Антонимом слова «духовный» является «материальный». Именно этого убеждения я и придерживался, когда начинал это исследование, — что вся проблема духовности сводится к вопросу метафизики. Теперь же я склонен считать, что куда более лучшим и, естественно, куда более правильным антонимом слова «духовный» является «эгоцентричный». «Я» и Дух стоят на противоположных концах спектра, но этот спектр, чтобы иметь для нас значение, вовсе не должен возноситься до небес. Он может оставаться и на Земле. Когда растворяется эго, вместе с ним растворяется и ограниченная концепция не только нашего «я», но и нашего эгоизма. А на его месте неизменно возникает более широкое, более чистосердечное и альтруистичное — а значит, и более духовное — представление о том, что важно в жизни. Представление, в котором видное место, судя по всему, занимает новое чувство взаимосвязанности или любви, как бы мы его ни определяли.

«Возможно, психоделическое путешествие и не даст вам того, чего вам хочется, — помнится, предостерегал меня терапевт, причем далеко не один, — зато оно даст вам то, что вам нужно». Полагаю, что лично в отношении меня эти слова вполне справедливы. Возможно, это было не совсем то, на что я рассчитывал, но теперь, во всяком случае, я понимаю, что это было не что иное, как духовное воспитание.

КОДА. СЕТЬ ПАССИВНОГО РЕЖИМА РАБОТЫ МОЗГА

Вскоре после моей беседы с Джадсоном Брюером, психиатром и нейробиологом, занимающимся изучением мозга медитирующих людей, у меня появилась возможность, причем никак не связанная с фармакологией, заглянуть в глубины собственного мозга, а именно — в сеть пассивного режима. Если помните, именно Брюер открыл, что мозг людей, давно предающихся медитации, во многом подобен мозгу людей, принимающих псилоцибин: как медитация, так и медицинский препарат значительно ослабляют активность сети пассивного режима работы мозга.

Брюер пригласил меня посетить его нейробиологическую лабораторию при медицинской школе Массачусетского университета (она расположена в городке Вустер в так называемом Центре памятования) с тем, чтобы провести несколько экспериментов с моим мозгом и сетью пассивного режима. Сотрудниками его лаборатории недавно был разработан нейронный инструмент обратной связи, благодаря которому исследователи (и их подопечные) могут наблюдать в режиме реального времени за работой одной из ключевых структур мозга в сети пассивного режима — коры задней части поясной извилины.

Вплоть до настоящего момента я старался не загружать вас анатомическими названиями и функциями специфичес-

ких участков головного мозга, но здесь мне придется отойти от правила и описать один такой участок немного подробнее. Кора задней части поясной извилины — это узел, расположенный в центральной части сети пассивного режима, отвечающей за так называемые самореферентные мысленные процессы, то есть процессы, связанные с обращением к собственному «я». Расположенный в центре мозга, этот узел соединяет префронтальную кору — участок, ответственный за исполнительные функции, где мы планируем и упражняем волю, — с центрами памяти и эмоций, находящимися в гиппокампе. Задняя поясная кора, или ЗПК, как мы будем называть ее удобства ради, считается вместилищем эмпирического или повествовательного «я»; считается, что именно это «я» сочиняет связные повествования, а подчас и россказни, связывающие случаи и события в нашей жизни с неизменно присущим нам чувством того, кто мы такие. Брюер полагает, что именно эта специфическая операция, когда она дает сбои, и лежит в основе некоторых форм душевного страдания, включая и зависимость.

По словам Брюера, активность ЗПК связана не столько с нашими мыслями и чувствами, сколько с тем, «как мы *относимся* к нашим мыслям и чувствам». Именно здесь мы «оказываемся во власти спроса и предложения собственного опыта». (Это в особой мере относится к зависимым людям. «Одно дело — иметь влечение к чему-то, — поясняет Брюер, — и совершенно другое — оказаться во власти своих влечений».) Когда мы принимаем то, что происходит с нами лично? Когда это позволяет нам ЗПК, которая делает свое (эгоцентрическое) дело. Когда слушаешь Брюера, слушаешь, как он описывает все это, то поневоле закрадывается подозрение, что нейробиология, возможно, нашла наконец адрес для этого («Впрочем, достаточно о вас») центра мозга.

Буддисты причиной всех видов душевных страданий считают привязанность; если нейробиологи правы, то большинство привязанностей «ошвартовано» именно в ЗПК, в зоне, где они взращиваются и подпитываются. Брюер считает, что, понижая активность этой зоны, посредством ли медитации или психоделиков, мы учимся «сосуществовать со своими мыслями и влечениями, не подпадая под их власть». Обретение независимости от мыслей, чувств и жела-

ний — это, учит буддизм (наравне с некоторыми другими мудрыми традициями), самый верный путь, ведущий человека к избавлению от страданий.

Брюер привел меня в небольшое темное помещение, где перед монитором компьютера стояло удобное кресло, а одна из лаборанток принесла эту штуковину — красную резиновую шапочку для купания со 128 сенсорными датчиками, вживленными в виде плотной сетки в каждый сантиметр ее поверхности. От каждого датчика шел провод. После того как ассистентка натянула на меня шапочку, она впрыснула капельку проводящего геля под каждый из 128 электродов, добиваясь тем самым того, чтобы слабые электрические сигналы, исходящие из глубин моего мозга, легко проникали в кожу головы и фиксировались там датчиками. Брюер снял меня на мой мобильный телефон. Ну и вид! Я напоминал какого-то жуткого техногенного монстра, из головы которого торчала путаница высокотехнологичных жгутов.

Чтобы откалибровать базовый уровень активности моей ЗПК, Брюер спроецировал на экран монитора несколько прилагательных: «смелый», «дешевый», «патриотичный», «импульсивный» и так далее. Простое чтение прилагательных активировать ЗПК не способно, объяснил мне Брюер, вот почему необходимо начать размышлять на тем, применимы ли они ко мне или неприменимы. Другими словами, *попробуй принять это на свой счет.* Это именно тот мыслительный процесс, который и осуществляет ЗПК, процесс, связанный с мыслями и переживаниями, касающимися нас самих и наших представлений о себе.

Как только базовый уровень был установлен, Брюер, руководя моими действиями из другой комнаты, велел мне выполнить ряд умственных упражнений, чтобы понять, могу ли я менять активность ЗПК, предаваясь различного рода мыслям. По завершении каждого «прогона», или цикла упражнений, который длился несколько минут, он проецировал на экран передо мной столбчатую диаграмму; длина каждого столбца показывает, с шагом в десять секунд, до какой степени возрастает или, наоборот, падает активность моей ЗПК выше или ниже базового уровня. За подъемами и падениями уровней активности моей ЗПК я мог также

следить, слушая повышающиеся и понижающиеся тона частоты гармоник на экране монитора, но это слишком отвлекало мое внимание.

Я попробовал было медитировать, потому как привычку к медитации приобрел еще в самом начале своего вторжения в науку и практику психоделического сознания. Ежедневная короткая медитация держала меня в тонусе, позволяя непрерывно, плодотворно и взвешенно размышлять о психоделиках. Я обнаружил, что благодаря медитативным паузам я гораздо легче утихомириваю свой ум и добиваюсь состояния спокойствия, то, чего раньше никак не мог добиться. Поэтому я закрыл глаза и начал отслеживать вдохи и выдохи, входя в медитативное состояние. Надо сказать, что раньше я еще никогда не пытался медитировать перед другими людьми, и поначалу чувствовал себя неловко, а, когда Брюер вывел на экран первую диаграмму, я увидел, что пусть и немного, но все же преуспел в деле успокоения своей ЗПК, потому как большинство диаграммных столбцов опустились ниже базового уровня. Однако сама диаграмма была довольно неровной, и несколько столбцов торчали выше базового уровня. Это происходит, объяснил мне Брюер, в том случае, если слишком усердно медитируешь и одновременно стремишься осознавать свои усилия. Таким образом, я имел перед глазами черно-белую диаграмму своих усилий и самокритики.

Затем Брюер попросил меня выполнить медитацию, именуемую «сердечной добротой». Здесь требуется только одно: закрыв глаза, думать с теплотой и милосердием о людях: сначала о себе, затем о родных и близких и наконец о незнакомых людях — человечестве в целом. Столбцы быстро опустились ниже базового уровня, причем намного ниже, чем раньше. *Здорово у меня это получилось*! (Самодовольная мысль, под влиянием которой столбцы буквально подскочили до небес.)

Когда подошла очередь очередного, последнего «прогона», я сказал Брюеру, что теперь хотел бы выполнить одно мысленное упражнение, о котором не хотел ему говорить раньше, пока не завершу всю процедуру. Я закрыл глаза и попытался вызвать в памяти сцены из моих психоделических странствий. Первым в сознании возник образ пастораль-

ного пейзажа — ковер расстилающегося перед глазами и уходящего вдаль поля с прудом и лесом на горизонте, над которым висела какая-то гигантская прямоугольная стальная рама. Эта структура, высотой в несколько этажей, но полая, чем-то напоминала опору линии электропередачи или нечто, что мог бы построить ребенок из детского конструктора — моей любимой игрушки в детстве. Однако, в силу странной и непредсказуемой логики психоделических видений, я сразу же понял, что эта структура олицетворяет мое эго, а ландшафт, над которым она высилась, — меня самого.

Возможно, из моего описания кому-то покажется, что эта структура выглядела угрожающей и нависала над полем подобно огромному враждебному НЛО, но в действительности общая эмоциональная тональность этого видения была очень благоприятной и успокаивающей. Сама по себе структура казалась пустой и ненужной и на земле, то есть на мне, теряла свои величие и значимость. Это сцена давала мне возможность эффекта обзора: мол, *узри свое эго* стального цвета, сильное, крепкое, пустое и свободно парящее в воздухе, как оторвавшаяся от земли опора линии электропередачи. Подумайте, насколько красивее была бы эта сцена, если бы она не мозолила глаз. В моем уме то и дело крутилась фраза «детская игра»: ведь эта структура не более чем игрушка, которую ребенок может собирать и разбирать по своему желанию. Во время психоделического трипа она постоянно маячила перед глазами, отбрасывая на пейзаж причудливую тень, а теперь, вспоминая ее, я представлял, как она все больше отдаляется и отдаляется, оставляя меня... мною.

Кто знает, какого рода электрические сигналы испускала моя сеть пассивного режима во время этих грез или, если уж на то пошло, что символизировал этот образ. Вы прочли эту главу и вправе решать сами. Да, я уделял слишком много мыслей эго и его вечному недовольству всем, кроме себя самого, и вот теперь некоторые из этих мыслей стали абсолютно зримыми. Мне удалось, по меньшей мере мысленно, в воображении, отделить себя от своего эго, чего я даже и не мечтал достичь до знакомства с психоделиками. Разве мы не тождественны своему эго? Урок, даваемый психоделиками и медитацией, один и тот же: *нет!* — при первом рассмотрении; и *более чем* — при втором. Включая и этот пре-

красный мирный пейзаж внутри сознания, который стал еще прекраснее, когда я мысленно позволил этой огромной стальной арматуре удалиться прочь, унося с собой свою тень.

Прозвучал звуковой сигнал, давая понять, что сеанс закончен. В динамике послышался голос Брюера: «О чем вы, черт возьми, *думаете*?» Очевидно, я опустился на целый порядок ниже базового уровня. Я рассказал ему, правда в самых общих чертах, о чем именно я думал. Судя по его реакции, его взбудоражила идея, что простое воспоминание о психоделическом опыте может каким-то образом воспроизвести то, что происходит в мозге во время реальных переживаний. Возможно, именно это и имело здесь место. А возможно, тому причиной специфическое наполнение образа, и одна только мысль о прощании с моим эго и вид того, как оно, подобно воздушному шару, уплывает все дальше прочь, дали мне силу и способность утихомирить мою сеть пассивного режима работы мозга.

Брюер тут же начал строить и выдвигать различные гипотезы. Увы, но на данный момент это все, что может нам предложить наука: догадки, предположения, теории и эксперименты, эксперименты, эксперименты. У нас есть множество подсказок и намеков, больше, чем их было до начала ренессанса психоделической науки, но нам еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем мы точно поймем, что именно происходит в сознании, когда мы изменяем его — изменяем или с помощью молекулы, или с помощью медитации. Однако, глядя на столбцы диаграммы, красующейся на экране передо мной, на эти кричащие иероглифы, рожденные психоделической мыслью, я чувствовал себя так, словно стоял на незримой линии широко распахнутой границы и, щурясь, смотрел вдаль, стараясь разглядеть там нечто удивительное.

ЭПИЛОГ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО НЕЙРОННОМУ РАЗНООБРАЗИЮ

В апреле 2017 года в Оклендском дворце конгрессов психоделической науки прошла очередная, устраиваемая раз в несколько лет международная научная конференция, организованная Многопрофильной ассоциацией психоделических исследований (МАПИ), некоммерческой организацией, основанной в 1986 году Риком Доблином с целью (казавшейся в ту пору невероятной) вернуть психоделикам научную и культурную респектабельность. В 2016 году сам Доблин поразился тому, как далеко и быстро зашло дело и как близка теперь победа. В том же году, но чуть ранее, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов дало добро на проведение третьей фазы испытаний МДМА, так что следующим на очереди стоял псилоцибин. Если результаты этих испытаний будут близки к результатам, полученным во второй фазе, то правительству, вероятно, придется пересмотреть свое отношение к этим двух препаратам и тогда врачи смогут прописывать их своим пациентам.

— Мы не контркультура, — сказал Доблин одному из журналистов во время конференции. — Мы самая настоящая культура.

То, что еще совсем недавно, в 2010 году, выглядело скромным сборищем психонавтов и горстки исследователей-отступников, собравшихся на свой страх и риск, теперь оказалось не чем иным, как шестидневной конференцией, на которую съехались свыше трех тысяч человек со всего света, чтобы выслушать исследователей из 25 стран, выступавших с докладами о сделанных ими открытиях. Не обошлось, правда, и без психонавтов и просто любопытных, интересующихся психоделиками, которых был целый легион. В перерывах между лекциями, дискуссиями и пленарными заседаниями они бороздили вдоль и поперек шумную рыночную площадь, предлагая психоделические книги, произведения искусства и музыку.

Для меня это событие было своего рода актом воссоединения, собравшего под одной крышей большую часть героев моей книги. Мне удалось увидеться и обменяться мнениями практически со всеми учеными, которых я навещал и дома, и в лабораториях и с которыми долго беседовал (кроме Робина Кархарт-Харриса, вынужденного пропустить конференцию, поскольку его жена вот-вот должна была разрешиться от бремени), так же как и с несколькими подпольными терапевтами, с которыми мне довелось поработать.

Казалось, здесь собрались все, кто только мог: ученые, которые запросто общались с подпольными терапевтами и шаманами, заслуженные психонавты — обширный контингент специалистов, жаждавших ввести психоделики в свою повседневную практику, — плюс финансисты, спонсоры, кинематографисты и даже несколько антрепренеров, искавших новые возможности для бизнеса. И хотя я уловил некоторые волны беспокойства по поводу попытки (со стороны нового генерального прокурора) снова разжечь войну с наркотиками, в целом настроение, безусловно, было праздничным.

Когда я спрашивал участников конференции, какую сессию они считают наиболее запоминающейся, почти все без вариантов называли пленарную дискуссию под названием «Будущее психоделической психиатрии». Самым примечательным в этой дискуссии были ее участники, которые на любом психоделическом съезде стали бы причиной когнитивного диссонанса: рядом с Полом Саммерградом, доктором медицинских наук, бывшим главой Американской пси-

хиатрической ассоциации, сидел Том Инсел, тоже доктор медицинских наук, бывший директор Национального института психического здоровья. Дискуссию организовал и вел Джордж Голдсмит, американский предприниматель и консультант в сфере здравоохранения, прочно обосновавшийся в Лондоне. Последние несколько лет он и его жена, врач Екатерина Малевская, значительную долю своей энергии и своих ресурсов направляют на то, чтобы получить добро на использование псилоцибиновой терапии в Евросоюзе.

Каждому из тех, кто столпился вокруг дискуссионного стола, было хорошо известно, что олицетворяют собой эти три человека, а именно: признание психоделической терапии учеными, работающими в сфере психического здоровья. Инсел говорил о том, как непросто складывается история психического здравоохранения с ее скромными достижениями в сравнении с достижениями в прочих сферах медицины. Он указывал на то, что в этой сфере здравоохранения им пока не удалось снизить коэффициент смертельных исходов, вызываемых серьезными психиатрическими расстройствами, и говорил о новых многообещающих моделях лечения, таких, например, как психоделическая терапия.

— Меня впечатляет тот подход к психоделикам, с которым я здесь столкнулся, — говорил он группе слушателей. — Люди уже не говорят: мы, мол, хотим давать пациентам психоделики. Нет, теперь они говорят о психоделической терапии или терапии, основанной на психоделиках... Думаю, это действительно новый подход.

Однако Инсел тут же умерил свой энтузиазм, отметив, что такая новая парадигма может сильно обеспокоить и настроить против нас государственные контролирующие органы, привыкшие оценивать новые препараты изолированно от научного или общественного мнения.

Джордж Голдсмит спросил обоих ученых мужей, какой совет они бы дали мужчинам и женщинам, то есть всем исследователям, находящимся в этом зале, которые годами усердно работают над тем, чтобы подарить пациентам «новую панацею» — психоделическую терапию. Нимало не колеблясь, Инсел повернулся к аудитории и сказал:

— Только один: не облажайтесь! — А затем добавил: — Здесь может быть представлено немало многообещающих

идей и концепций, но то, о чем в действительности быстро забывают, хотя забывать об этом никак нельзя, — это вопросы, связанные с безопасностью, вопросы, связанные с точностью научного метода, вопросы, связанные с риском для репутации.

Он высказал предположение, что для психоделиков, вероятно, следует создать в общественном сознании новый образ и что при этом насущно важно держаться подальше от всего, что связано с использованием их в качестве тусовочного средства. Он и Саммерград предостерегли собравшихся, сказав, что даже один недобросовестный исследователь или пациент, тянущий за собой катастрофический опыт пережитого, может легко заразить колодец, из которого пьют все. В этой связи вряд ли кому нужно напоминать имя Тимоти Лири.

* * *

Насколько приблизились мы к миру, где психоделическая терапия санкционирована и является атрибутом повседневности, и как выглядит такой мир? Боб Джесси был среди слушателей, когда бывший директор Национального института психического здоровья предостерег против использования психоделиков «в качестве тусовочного средства», и хотя я не видел при этом его лица, представляю, однако, какую гримасу он состроил: мол, *и что плохого в том, чтобы немного развлечь самих себя*? Боба Джесси больше беспокоит другое, а именно: что «медикализация» психоделиков, которую эти люди отстаивают как единственно верный путь, может оказаться ошибкой.

Нельзя сказать, что медикализация дело легкое. Сначала нужно преодолеть несколько серьезных нормативно-правовых препятствий. В третьей фазе испытаний задействованы множество площадок и сотни добровольцев, а сами испытания стоят десятки миллионов долларов. Обычно счета за подобные испытания оплачивает «Биг Фарма» — группа крупнейших фармацевтических компаний Америки, но до сих пор эти компании проявляли весьма умеренный интерес к психоделикам. Во-первых, этот класс лекарственных препаратов не сулит им какую-либо выгоду от обладания интеллектуальной собственностью: псилоцибин — природный про-

дукт, а срок патента на ЛСД истек десятилетия назад. Во-вторых, «Биг Фарма» преимущественно вкладывает инвестиции в препараты, предназначенные для лечения хронических заболеваний, в таблетки, которые страждущие вынуждены принимать ежедневно. Зачем же инвестировать деньги в препарат, к которому пациенты, возможно, прибегнут только раз в жизни?

Перед той же дилеммой стоит и психиатрия: она тоже связана бесчисленными нитями с различными видами лечения, будь то принимаемые ежедневно антидепрессанты или еженедельные психотерапевтические сеансы. Да, один психоделический сеанс длится, как правило, несколько часов и требует наличия при клиенте двух терапевтов, но если этот вид терапии дает должный результат, то ни о каком повторении не может быть и речи, а ведь бизнес и прибыль зависят именно от повторных процедур. Поэтому не совсем понятно, какую бизнес-модель здесь применять. Пока не понятно.

Однако к чести нескольких исследователей и терапевтов из числа тех, с кем мне довелось встречаться и беседовать, нужно сказать, что они с надеждой смотрят в будущее, предвкушая то недалекое время, когда психоделическая терапия станет рутинной и — в форме нового гибрида фармакологии и психотерапии — широко коммерчески доступной. Джордж Голдсмит предвидит появление целой сети психоделических лечебных центров, заведений, расположенных в самых привлекательных уголках природы, куда будут приезжать пациенты, чтобы под наблюдением опытных терапевтов пройти сеанс психоделической терапии. Недавно он создал компанию *Compass Pathways* для строительства именно таких центров, будучи всецело убежден, что они смогут предложить клиентам достаточно эффективное и экономичное лечение целого спектра психических заболеваний, издержки за которое им возместят европейские национальные службы здравоохранения. Голдсмит уже собрал три миллиона фунтов стерлингов для финансирования и проведения испытаний с псилоцибином (предполагая начать с лечения терапевтически резистентной депрессии) в ряде городов Европы. С некоторых пор он уже вовсю работает с сотрудниками международной дизайнерской фирмы *IDEO*, с тем чтобы перепроектировать все здание психоделической терапии.

Пол Саммерград и Том Инсел оба вошли в состав консультативного совета компании.

Кэтрин Маклин, бывшая сотрудница медицинского центра Хопкинса, сделавшая эпохальный доклад по случаю его открытия, надеется, что когда-нибудь она учредит «психоделический хоспис», рекреационный центр где-нибудь на лоне природы, где психоделики будут давать не только умирающим, но и их родным и близким, чтобы помочь им избавиться от тревог и депрессий — и пациенту, и его близким.

— Если мы ограничимся одними пациентами и будем давать психоделики только им, — объясняет она, — мы рискуем вернуться к старой медицинской модели и увязнуть в ней. Но ведь психоделики гораздо более радикальное средство! Меня пробирает нервная дрожь, когда я слышу, как люди говорят, что психоделики, мол, должен предписывать только врач и никто другой. Мне представляется, что область их применения гораздо-гораздо шире.

В словах Маклин легко различить оптимистическое эхо 1960-х годов, вызванное первыми результатами работы с психоделиками, — неумеренный восторг по поводу их потенциала и способности помогать не только больным, но и абсолютно всем страждущим. Подобное мышление и подобные разговоры заставляют ее коллег, придерживающихся более традиционных путей, сильно нервничать. Именно от подобных высказываний и предостерегали своих коллег на конференции Инсел и Саммерград. Бог им в помощь!

«Улучшение самочувствия здоровых людей» — вот какая задача владеет умами большинства исследователей, с которыми я встречался и беседовал, хотя некоторые из них скорее склонны обсуждать эту тему не на заседании ученого совета института, а с лицами нейтральными, никак с ним не связанными, вроде Боба Джесси, Рика Доблина и Кэтрин Маклин. Для последних признание психоделиков медицинским сообществом является лишь первым шагом на пути к более широкому, культурному их признанию — или к прямой их легализации, по мнению Доблина, или к их применению на основе более тщательного контроля, по мнению Маклин и Джесси. Джесси вообще хотел бы, чтобы эти препараты вводились опытными и хорошо обученными терапевтами, работающими с «долгосрочными контекстами многих поко-

лений», как он это называет, что, по его словам, немного отдает церковным духом. (Почему бы и нет? Вспомним хотя бы айяуаску, которую главы или старейшины некоторых церквей используют в ритуальных целях в условиях коллективной работы.) Другие предвидят то время, когда люди, жаждущие приобщения к психоделическому опыту, — или для поправки психического здоровья, или находясь в процессе духовного поиска, или по причине простого любопытства, — смогут, пусть даже случайно, организоваться во что-то вроде «клуба психического здоровья», как это объединение характеризует Джулия Холланд, психиатр, много лет работавшая со Стивеном Россом в Беллвью.

— Это будет что-то, находящееся на пересечении спа-салона, дома отдыха и гимнастического зала, где люди смогут принимать психоделики в безопасной и благоприятной для здоровья среде*.

Все без исключения говорят о важности наличия хорошо обученных психоделических терапевтов (терапевтов, получивших профессиональную сертификацию) и о необходимости помогать людям после сеанса интегрировать приобретенный ими весомый опыт, с тем чтобы они могли осознать его и с пользой для себя им воспользоваться. Перефразируя высказывание ученого-религиоведа Хьюстона Смита (участника знаменитого Бостонского эксперимента), Тони Боссис говорит по этому поводу: «Сам по себе духовный опыт не составляет духовной жизни». Интеграция очень важна для осмысления пережитого безотносительно того, были ли этот опыт частью медицинского контекста или находился вне его. Иначе он так и останется для человека чем-то, пережитым под действием наркотика.

Что касается самих психоделических терапевтов, то существуют уже учебные заведения, где их специально готовят и выдают им соответствующие сертификаты/дипломы; так, в конце 2016 года из стен Калифорнийского института интегральных исследований вышел первый выпуск молодых

---

* Речь, понятное дело, идет о тех людях, кто может себе это позволить, кому это по карману. Правда, одно из преимуществ медикализации психоделической терапии в том, что она, как предполагают, будет доступна всем, кто имеет медицинскую страховку.

терапевтов в количестве 42 человек. (Фактор, сильно тревожащий многих подпольных терапевтов, которые боятся, что, если психоделическая терапия будет легализована, они останутся не у дел. Однако трудно себе представить, чтобы столь опытные и высококвалифицированные практики остались без работы и не смогли найти себе клиентов, особенно среди состоятельных людей.)

Когда я спросил Рика Доблина, не беспокоит ли его очередная волна отрицательной реакции, которая может накатить в любой момент, он заметил, что наша культура начиная с 1960-х годов прошла долгий путь и доказала за эти годы, что ей свойственна замечательная способность переваривать любое количество культурных новинок, сколько бы их ни появилось в ту эпоху.

— То была совсем другая эпоха. Люди боялись даже говорить о раке или смерти. Женщинам во время родов давали транквилизаторы, а мужчинам не разрешалось входить в родильное отделение! Йога и медитация считались чем-то ужасно странным. Теперь же тренировка внимания считается вполне обычным делом, чуть ли не все занимаются йогой, повсюду есть родильные центры и хосписы. Мы интегрировали все эти вещи в свою культуру. И теперь, как мне кажется, готовы интегрировать психоделики.

Многие из людей, утверждает Добсон, ныне возглавляющих наши ведущие институты и учреждения, принадлежат к поколению, которому хорошо знакомы эти молекулы. По его словам, это и есть истинное наследие Тимоти Лири. Сегодняшнему поколению исследователей легко насмехаться над его «выкрутасами» и презрительно заявлять, что, мол, именно по его вине первая волна исследований сошла на нет, и тем не менее, говорит Доблин с улыбкой, «если бы Лири не одурманил целое поколение, никакой второй волны не было бы и в помине». И в самом деле. Достаточно послушать хотя бы Пола Саммерграда, который публично признал, что в юности баловался психоделиками. Или посмотреть записанную на видеопленку беседу с Рамом Дассом, которая была показана в 2015 году на заседании Американской психиатрической ассоциации: там он рассказывает своим коллегам, что «кислотный трип», который он совершил, еще учась в колледже, оказал весомое влияние на его

интеллектуальное развитие. (А Джеффри Либерман, в прошлом тоже президент Американской психиатрической ассоциации, пошел еще дальше: он красочно описал свои озарения, полученные под влиянием ЛСД, которым он баловался в молодости*.)

И все же, и все же... Как ни хочется верить в радужные прогнозы Доблина, нетрудно себе представить, что все эти начинания могут легко сойти на нет. Тони Боссис тоже с этим согласен, хотя уж он, как никто другой, полон надежд, что психоделики когда-нибудь будут причислены к самым обычным лекарственным средствам и будут вовсю применяться в паллиативной медицине.

— Только посмотрите, как мы умираем здесь, в Америке! Спросите американцев, где бы они хотели умереть, и они вам скажут: дома, в окружении близких людей. А где умирает большинство из нас? В отделении интенсивной терапии. Разговор о смерти — строжайшее табу в Америке. Да, конечно, сегодня дело обстоит намного лучше: у нас есть хосписы, которых еще недавно вообще не было. Но если врач упускает пациента, если дает ему умереть, он [врач] по-прежнему воспринимает это как личную обиду.

По мнению Доблина, психоделики обладают большим потенциалом и способны не только настроить людей на трудный разговор о смерти, но и изменить их отношение к самой смерти. При условии, конечно, что медицинское сообщество возьмет эти препараты на вооружение.

— Для нашей культуры, — говорит он, — характерен страх перед смертью, страх перед тем, что там, за порогом жизни, и страх перед неизвестностью, и весь этот страх воплощен в этом труде.

Психоделики по самой своей природе способны нанести ощутимый вред нашим учреждениям, так что те вряд ли готовы встретить их с распростертыми объятиями. В самом деле, учреждения всячески заинтересованы в том (на то они и существуют), чтобы давать индивидууму опосредованный доступ к власти любого рода, будь то власть медицинская или

---

* Эти озарения он описывает в своей книге *«Подпольные психиатры: неизвестная история психиатрии»*. [Lieberman, Jeffrey. *Shrinks: The Untold Story of Psychiatry* (New York: Little, Brown, 2015), pp. 190–193.]

духовная, тогда как психоделический опыт дает человеку нечто сродни прямому откровению, что, безусловно, делает этот опыт антиномическим. И все же в некоторых культурах издревле существуют (и с успехом применяются) ритуальные формы, способные эффективно сдерживать и обуздывать дионисийские энергии психоделиков; вспомните хотя бы элевсинские таинства древних греков или шаманские церемонии коренных американцев, связанные с пейотлем или айяуаской. Так что, в принципе, все возможно.

Когда я в беседе с Роландом Гриффитсом впервые поднял некогда высказанную Джесси идею об улучшении самочувствия здоровых людей, тот немного поерзал на стуле, а затем сказал, тщательно подбирая слова:

— С точки зрения культуры продвигать эту идею прямо сейчас очень опасно.

И все же, по мере того как мы разговаривали (а мы это делаем уже без малого три года), становится понятно: он тоже считает, что многие из нас, а не только те, кто борется с раком, или депрессией, или зависимостью, извлекут существенную пользу из этих замечательных молекул и, более того, из того духовного опыта, двери в который, убежден он (ибо это подтверждено его собственными исследованиями), они способны открыть.

— Мы все имеем дело со смертью, — сказал он мне при нашей первой встрече. — И ограничивать эту материю только больными людьми слишком непозволительная роскошь. — Будучи весьма осторожным человеком, никогда не забывающим о политическим минных полях, которые, возможно, ждут его впереди, Гриффитс, подумав, слегка изменил последнюю формулировку, придав ей форму будущего времени: — Ограничивать эту материю только больными людьми будет слишком непозволительной роскошью.

* * *

Я, со своей стороны, тоже искренне надеюсь, что те видения и переживания, которые я испытал, принимая психоделики, *не* будут достоянием одних только больных людей и когда-нибудь станут более широко и повсеместно доступны. Стоит ли это понимать в том смысле, что я, мол, ратую за то, чтобы эти препараты были легализованы? Не совсем. Да,

у меня был очень положительный опыт использования псилоцибина в «рекреационных целях» — опыт, который я проделал на свой страх и риск, без участия ассистирующих терапевтов, — и для некоторых людей это, возможно, окажется прекрасным решением их проблем, однако рано или поздно, как показывает практика, каждый из нас может совершить психоделический трип, для описания которого слово «плохой» окажется слишком блеклым определением. И мне бы очень не хотелось, чтобы это произошло, когда я буду один. На мой взгляд, работа с глазу на глаз с опытным терапевтом в безопасном месте, удаленном от суеты и лихорадки повседневной жизни, была бы просто идеальным способом исследования свойств психоделиков. Но есть и другие способы структуризации психоделических трипов, или, лучше сказать, способы обеспечения безопасного окружения для их потенциально подавляющих энергий. Например, айяуаску и пейотль обычно принимают не поодиночке, а в коллективе, где есть вожак или лидер, причем необязательно шаман, и он там играет роль надзирателя, следящего за состоянием людей и помогающего им сориентироваться и должным образом истолковать пережитое. Но, будь то на уровне индивидуума или в масштабе группы, в любом случае присутствие хорошо обученного и опытного эксперта, способного «удерживать пространство», если воспользоваться этой почтенной идиомой из арсенала нью-эйдж, придает всему действию больше уюта и смысла, нежели мне это представлялось раньше.

Терапевты не только создавали обстановку, в которой я чувствовал себя вполне защищенным и мог спокойно отдаться на волю психоделических переживаний, но и помогали мне впоследствии осмыслить пережитое. Но, что не менее важно, они также помогали мне понять, было ли среди моих видений нечто такое, что заслуживало осмысления. А ведь это подчас далеко не очевидно. Очень легко отбросить или отсеять внутренние видения как бессмысленные фантазии разума или как нечто, вызванное «реакцией на наркотик», и именно к этому, увы, и побуждает нас наша культура. Мэтт Джонсон выразил эту точку зрения еще во время нашей первой встречи в таких словах:

— Предположим, на какой-нибудь вечеринке несколько девятнадцатилетних парней съели парочку галлюциноген-

ных грибов. И один из них «прозрел». Допустим, он постиг суть Бога или свою связь со Вселенной. Что на это скажут его друзья? «Ну, старик, ты чересчур хватил вчера вечером! Впредь никаких грибов, забудь!» А что скажут носители нашей культуры, доведись вам испытать то же самое? Они скажут: «Эй, чувак, ты что, напился или подсел на наркоту?»

Стоит немного поразмыслить, и вы сами поймете, что стремление приписать содержание психоделических откровений «наркотикам» ни к чему не приведет и никоим образом не объяснит причину самих откровений. Образы, видения, повествования и озарения не берутся ниоткуда, и уж, разумеется, их источником не является химическое вещество. Они возникают из глубин нашего сознания*, и, по крайней мере, несут в себе нечто, что может рассказать нам о *нем*. Если сны, фантазии и свободные ассоциации стоят того, чтобы их истолковывать, тогда, конечно же, они являют собой более живой, подвижный и детальный материал, с которым мы и знакомимся в ходе психоделического трипа. Он открывает дверь в человеческое сознание.

О человеческом сознании мои психоделические странствия поведали мне множество интересных вещей. Многие из них были того же рода, что мы обычно изучаем на курсах психотерапии: глубокое понимание важных взаимосвязей и отношений; наметки страхов и желаний, обычно не попадающих в поле нашего зрения; подавленные воспоминания и эмоции; и — вероятно, это самое интересное и полезное — новый взгляд на то, как устроен и работает наш ум.

Я думаю, самое ценное в деле исследования необычных состояний сознания — тот свет, который они отбрасывают на состояния обычные, так что те больше не кажутся такими уж прозрачными или такими уж ординарными. Примерно к тому же выводу пришел и Уильям Джеймс; понять, пишет он, что обычное бодрствующее сознание есть не что иное, как одна из множества потенциальных форм сознания — один из способов восприятия или строительства мира, — отделенная от этого мира лишь «тончайшей пленкой», значит признать, что наше видение реальности, будь то

* Я не отбрасываю возможность, что они могут являться откуда-то еще, но ограничусь здесь лишь этим кратким объяснением.

реальность внутренняя или внешняя, в лучшем случае неполна и несовершенна. Возможно, обычное бодрствующее сознание дает нам вполне достоверную карту территории реальности, в которой мы обитаем, и для многих случаев жизни она хороша, но это всего лишь карта — и не только. Что касается других уровней сознания и причин, по которым они существуют, — мы можем о них только гадать. Большую часть времени обычное бодрствующее сознание прекрасно служит интересам нашего выживания, быстро приспосабливаясь к меняющимся условиям, но бывают моменты в жизни индивидуума или общества, когда созданные воображением новшества, предлагаемые измененными состояниями сознания, олицетворяют именно ту вариативность или ту модификацию, которая устремляет жизнь или культуру по новому пути.

Что касается меня, то осознание хрупкости и относительности моего собственного пассивного сознания настигло меня однажды вечером (в тот момент я находился в гостях у Фрица, на вершине обжитой им горы), когда Фриц учил меня, как входить в состояние транса посредством чередования быстрых вдохов и выдохов под звуки ритма, отбиваемого на барабанах. *Где же, черт возьми, все это было раньше? Почему скрывалось от меня всю мою жизнь?* Ни Фрейд, да и никто из великой когорты психологов и экономистов, подвизающихся в сфере поведенческой экономики, не рассказывал нам об этом, но сама мысль о том, что «обычное» сознание — это лишь вершина огромного и практически неисследованного психического айсберга, является для меня чем-то большим, нежели теория; скрытая необъятность ума — это и есть даваемая в ощущениях реальность.

Я не хочу этим сказать, будто смог достичь осознания трансцендентности эго; нет, я только прикоснулся к нему. Эти состояния не длятся долго, по крайней мере у меня. После каждого психоделического сеанса наступал период (продолжительностью в несколько недель), когда я чувствовал себя совершенно другим человеком — человеком, более привязанным к настоящему моменту и менее склонным жить в следующем. Я был куда более эмоционально возбудим и несколько раз с удивлением замечал, что какой-то пустяк, какая-то малость вызывали у меня слезы умиления или

радостную улыбку. Я то и дело размышлял о таких явлениях, как смерть, время и бесконечность, и мной владел не столько страх, сколько удивление. (Я потратил уйму времени, размышляя о том, сколь это невероятно и какое это счастье жить здесь и сейчас на границе двух вечностей небытия.) На меня (все сразу и совершенно неожиданно) накатывались волны и сострадания, и удивления, и жалости.

Это был тот способ существования, которым я очень дорожил, но удержать который, увы, не мог: в конце концов я всякий раз оставался ни с чем. Очень сложно не скатиться вновь в знакомую колею мысленных привычек — уж слишком хорошо она накатана; и очень трудно сопротивляться приливному притяжению того, что буддисты называют «энергиями привычек». Прибавьте к этому надежды и чаяния других людей, которые, как бы вы ни хотели обратного, исподволь навязывают вам определенные установки, касающиеся того, что нужно, чтобы быть самим собой. Поэтому через месяц или около того все снова возвращалось на базовый уровень.

Видения и переживания, вызванные психоделиками, открыли мне дверь в специфический мир сознания, мир, воссоздать который я теперь могу разве только во время медитации, да и то чисто случайно. Я говорю об определенном когнитивном пространстве, которое открывается либо на последнем этапе плавно протекающего «кислотного трипа», либо в середине, — пространстве, где вам дается возможность рассматривать, принимать или отвергать всякого рода мысли и сценарии, не давая себе труда приходить к тому или иному определенному решению. Это чем-то напоминает гипнагогическое сознание — то пороговое состояние, достигаемое на границе сна, когда все образы и фрагменты истории ненадолго всплывают на поверхность сознания, прежде чем бесследно раствориться. Это состояние можно удерживать и даже поддерживать, поэтому все происходящее можно затем ясно вспомнить. И хотя вы лишены возможности непосредственно контролировать возникающие образы и мысли, которые, казалось бы, появляются и исчезают, подчиняясь собственному ритму или прихоти, вы, однако, *можете* задавать тему или изменять ее, как бы переключаясь с канала на канал. Эго никогда полностью не теряется и не отсутствует — вы ведь не распались на отдельные частицы и не

смогли не вернуться из этого специфического состояния; просто поток сознания пошел по иному руслу и стал отрывочным и бессвязным, увлекая вас за собой, и вы, подобно пузырям, то и дело всплываете на поверхность, ничего не видя ни впереди, ни позади, потому как полностью погружены в этот поток, который является скорее потоком пассивного бытия, нежели активного действа. Однако даже в этом состоянии выполняется какая-то психическая работа, поэтому время от времени я выходил из этого состояния, обогащенный полезными идеями, образами или метафорами*.

Во время своих психоделических приключений я свел кое-какое знакомство с этим психическим пространством, и иногда (увы, не всегда) в ходе ежедневной медитации мне случайно представляется возможность вновь в него возвратиться. Не знаю точно, то ли это самое состояние, в котором я должен очутиться, когда медитирую, но я всегда испытываю радость, когда оказываюсь в нем, уносимый этим мысленным потоком. Я бы никогда его не открыл, если бы не психоделики. Я расцениваю это как один из величайших даров тех редкостных переживаний, в которые они вводят человека, и дар этот — расширение его репертуара сознательных состояний.

Только потому, что психоделическое путешествие происходит всецело в уме или сознании человека, отнюдь не означает, что оно нереально. В любом случае это некое переживание, и для некоторых из нас оно по своей глубине не имеет себе равных. Как таковое оно действительно имеет место и является некоей особенностью ландшафта жизни. Для одних оно может служить отправной точкой, для других — верстовым столбом, для третьих — целебным родником, а для некоторых — духовным знаком или святыней. Для

---

* В своем эссе, написанном в 1969 году и тогда же опубликованном в журнале *Harvard Theological Review*, Уолтер Панке выделяет несколько различных уровней психоделического сознания, включая и тот, который он называет «когнитивным психоделическим опытом». Он «характеризуется поразительно ясными и четкими мыслями. Проблемы предстают в совершенно новом ракурсе, а внутренние взаимосвязи многих уровней или измерений становятся доступны обзору все сразу. Возможно, этот вид психоделического опыта имеет нечто общее с процессом творческой деятельности, но так ли это на самом деле, удастся установить только в будущем, после проведения соответствующих исследований».

меня эти переживании стали своеобразной вехой, вокруг которой я кружусь, доискиваясь смысла — смысла как моего собственного существования, так и существования мира. О некоторых образах и видениях, явившихся мне во время моих психоделических трипов, я размышляю постоянно, надеясь раскрыть то, что мною воспринимается как дар (что за дар, откуда и от кого, не знаю), а именно — их смысл. Одним из этих видений является та стальная конструкция (опора), которая висела над ландшафтом моего внутреннего «я». А другим — образ моего деда, который я увидел, глядя на себя в зеркало у Мэри. Или величественные, но пустотелые деревья, в образе которых мне явились родители, готовые рухнуть под напором следующей бури. Или черный пространственный колодец внутри виолончели Йо-Йо Ма, резонирующий со светлыми мыслями Баха о смерти, которые он выразил в своей сюите. Но есть еще один образ, о котором я еще не рассказывал и который, как мне кажется (даже несмотря на то, что он по-прежнему остается для меня загадкой), заключает в себе некое очень важное послание.

Последнее психоделическое странствие я совершил под действием айяуаски. Я тогда примкнул к небольшому кружку женщин, которые каждые три или четыре месяца собираются вместе, чтобы поработать под началом одной старой легендарной женщины, давно перешагнувшей порог семидесятилетия, которая некогда обучалась у Лео Зеффа. (Она, в свою очередь, обучала Мэри, ту женщину, которая готовила меня к псилоцибиновому трипу и руководила им.) Эта поездка отличалась от других тем, что я совершал его в компании десяти спутниц, с которыми был совершенно незнаком. Этот психоделик представляет собой отвар, завариваемый из двух растений, растущих в джунглях Амазонки (одно — виноградная лоза, а другое — куст). Как и подобает в таких случаях, ему была посвящена целая церемония в шаманском духе, состоявшая из традиционных *icaros,* молитв и призывов к «великой матери», или «знахарке-травнице» (именно таково значение слова «айяуаска»), звона колокольчиков, треска трещоток (*shakapas*) и различных ароматических смол и дымов, которыми нас окуривали. Все это должно было способствовать созданию определенного настроения, атмосферы таинственности и доверия,

которые были особенно желанны, поскольку все это действо как-никак совершалось в студии йоги, далеко от настоящих джунглей.

Как и в других случаях, ночь перед сеансом я провел без сна: одна часть меня пыталась убедить другую часть не совершать столь безумный поступок. Здраво-рассудительная часть была, естественно, моим эго, которое перед каждым путешествием в неведомое с неслыханными упорством и изобретательностью борется за свою цельность, сея в уме сомнения и сцены катастроф, которые мне удается рассеивать лишь с большим трудом. «*Эй, что у тебя с сердцем, парень? Ты же умрешь! Что, если ты выблюешь весь свой обед или, что еще хуже, все свое дерьмо? Что, если «великая мать» вскроет какую-нибудь скрытую детскую травму? Ты действительно хочешь вывернуть все свое нутро перед этими незнакомками? Перед этими женщинами?*» (Часть своей силы эго черпает из умения распоряжаться рациональными способностями человека.) К тому времени, когда я присоединился к кружку «незнакомок», я был на грани нервного срыва, одолеваемый второй и третьей волнами мыслей относительно разумности того, что я собирался сделать.

Но, как это случалось каждый раз, стоило мне только проглотить отвар и, погрузившись внутрь себя, дойти до точки, откуда нет возврата, как голос сомнения затих и я полностью отдался тому, что меня ждало. Что, в общем-то, мало чем отличалось от других моих психоделических ощущений, если не считать двух-трех примечательных исключений. Возможно, из-за отвара, который оказался вязким, едким и неожиданно сладким и давал почувствовать свое чужеродное присутствие, терзая мой желудок и кишечник, айяуаска, на мой взгляд, больше, чем все другие психоделики, содействует опыту телесных переживаний. Я не заболел, нет, но реально ощущал, как плотный, густой отвар колышется внутри меня и, под действием диметилтриптамина (активного ингредиента айяуаски), растекается все дальше и дальше, вызывая в воображении образ виноградной лозы, которая, выпуская усики, вьется по изгибам и извивам моего кишечника, заполняя все мое тело, и затем медленно начинает прокладывать свой змеиный путь к моей голове.

Вслед за этим на меня нахлынуло огромное количество воспоминаний и образов, одни из них ужасные, другие прекрасные, но я хочу описать лишь один из них, поскольку он (почему, я до сих пор не совсем понимаю) заключает в себе нечто, чему психоделики научили меня, нечто важное.

Поскольку в комнате, когда началась церемония, горели свечи и было светло, мы надели маски, закрывавшие глаза, и моя оказалась тесной — во всяком случае, она очень плотно охватывала мою голову. В самом начале странствий я вдруг осознал, что мою голову опоясывают черные ремни, а затем они вдруг превратились в прутья решетки. Моя голова была заключена в стальную клетку! Затем прутья начали множиться, двигаясь от головы вниз и охватывая стальным кольцом мое туловище, а затем и ноги. Я целиком оказался в черной стальной клетке. Я надавил на прутья, но они не поддались. Из клетки было не выбраться. Во мне начала нарастать паника, и в этот момент я вдруг заметил у ног, в основании клетки, зеленый побег лозы. Он неуклонно поднимался вверх, а затем виртуозно изогнулся и проскользнул между прутьями клетки, выбравшись на свободу и в то же время продолжая тянуться к свету. «Растение нельзя запереть в клетке, — услышал я свою мысль. — Только животное можно».

Не могу сказать, что все это означает, если только что-то означает. Может быть, лоза показывала мне выход? Что ж, возможно, но последовать за ней я при всем желании не мог; в конце концов, я ведь животное. И все же мне показалось, что растение пытается чему-то научить меня, что оно предлагает мне некий визуальный коан, который я должен разгадать, поэтому с тех пор я постоянно проворачиваю его в уме, пытаясь найти разгадку. А может быть, это был урок, наглядно демонстрирующий, как глупо устранять препятствие, наваливаясь на него и применяя к нему силу; возможно, решение проблемы можно найти не путем применения силы, а путем изменения условий самой проблемы, представив ее таким образом, что она теряет свое господство, но при этом не распадается на частности. Это чем-то напоминало джиу-джитсу, поскольку лоза не просто вырвалась за пределы клетки, но использовала ее структуру для улучшения ситуации, карабкаясь все выше и выше, чтобы иметь больше доступа к свету.

Или, возможно, это был урок более универсального свойства, урок, касающийся природы самих растений и нашей их недооценки. Мой «знахарь», как я начал величать про себя лозу, пытался рассказать мне что-то о самом себе и том зеленом царстве, представителем которого он является, царстве, которое всегда занимало заметное место и в моей работе, и в моем воображении. В том, что растения разумные существа, я уже давным-давно не сомневаюсь — разумные не в том смысле, как понимаем разум мы, а в смысле, более соответствующем их месту в природной иерархии. Мы можем делать много такого, что растениям не под силу, но и они могут делать такое, чего не можем мы, — например, высвобождаться из стальной клетки или питаться солнечным светом. Если определять разумность как способность решать те проблемы, которые ставит перед живущими сама жизнь или реальность, то растения несомненно ею обладают. Они, кроме того, обладают свободой воли, осознанием своей природной среды и даже своего рода субъективностью — личными интересами, которые они преследуют, а стало быть, и своей точкой зрения. Но хотя это только идеи, в которые я давно верую и которые готов защищать, никогда прежде я так не *чувствовал* их истинность, их глубокую связь с корнями жизни, как после моих психоделических путешествий.

Свободолюбивая и неподвластная заточению в клетке лоза напомнила мне о первом псилоцибиновом трипе, когда я почувствовал, как листья и растения в саду глядят на меня со всех сторон, отвечая на мой взгляд своим незримым взглядом. Одна из особенностей психоделиков — то, что они оживляют мир, распределяя, более широко и равномерно, благодать сознания над природными ландшафтами, причем делают это в ходе процесса, если не отбирающего, то ставящего под сомнение монополию человека на субъективность, которую мы, современные люди, воспринимаем как данность. На наш взгляд, мы единственные в мире разумные субъекты, тогда как вся прочая часть творения состоит из объектов; а более эгоистичные из нас числят объектами даже других людей. Психоделическое сознание меняет этот взгляд на мир, давая нам более объемную, более эффективную линзу, через которую мы можем увидеть объ-

ектность — дух! — всего сущего: животных, растений, даже минералов, которые глядят на нас со всех сторон и на наш взгляд отвечают своим взглядом. Дух везде и повсюду. И благодаря ему между Нами и миром Других возникают новые лучи взаимосвязей.

Принимая во внимание последние открытия в области минеральной физики (забудьте про психоделики!), мы имеем полное право задаться вопросом: а не могла ли быть задействована некая форма сознания в конструировании самой реальности? Квантовая механика утверждает, что материя не так уж скудна разумом, как материалисты пытаются нас убедить. Например, наука допускает чистую возможность того, что субатомная частица может одновременно существовать во многих местах; это чисто эмпирический факт, который остается таковым до тех пор, пока частица остается неизмеренной, то есть не воспринятой разумом. Как только она измерена (и ни на миг раньше), она проявляется в той реальности, как мы ее знаем, то есть приобретает фиксированные координаты во времени и пространстве. Смысл здесь вот в чем: материя как таковая не могла бы существовать в отсутствие воспринимающего субъекта. Нет нужды говорить, что в данном случае сами собой напрашиваются каверзные вопросы, на которые материалистическое сознание с ее пониманием материи вряд ли сможет ответить. Увы, но земля под ногами может оказаться куда менее твердой, чем мы полагаем.

Но такова точка зрения квантовой физики, а не какого-то психонавта — хотя теория эта очень даже психоделическая. Я упоминаю о ней только потому, что она придает некоторый научный авторитет размышлениям, которые иначе выглядели бы совершенно безумными. Я все еще склонен думать, что сознание *неотъемлемо* от мозга, хотя сегодня я менее убежден в этом, чем годы назад, когда я только начинал это расследование. Вполне может быть, что через прутья клетки моей прежней веры на свободу к свету выбрались новые ростки. Хотя тайн еще немало, но одно я могу сказать с полной определенностью: сознание куда обширнее, а мир куда живее, нежели я полагал, когда пустился в это долгое странствие.

ГЛОССАРИЙ

Айяуаска. Психоделический отвар (чай), приготовляемый из двух растений, произрастающих в бассейне реки Амазонки, как правило, из *Banisteriopsis caapi* и *Psychotria viridis* (или *chacruna*), и используемый коренными жителями Южной Америки во время религиозных обрядов. C*hacruna* содержит психоделическое соединение ДМТ (N,N-диметилтриптамин), но оно деактивируется пищеварительными энзимами, если его не принимать вместе с ингибитором моноаминоксидазы, таким, как банистериопсис (*Banisteriopsis*). В 2006 году Верховный суд США подтвердил право американо-бразильской церкви UDV на использование айяуаски в качестве символа причащения в обрядах таинства.

Активное плацебо. Плацебо, используемое во время испытаний с целью ввести в заблуждение участника, внушив ему мысль, что он получил именно тестируемый психоактивный препарат. Во время испытаний псилоцибина исследователи использовали ниацин, создававший ощущение покалывания, и метилфенидат (риталин), являющийся стимулятором.

Анкета установления мистического опыта. Психоделический опросник, разработанный в 1960-х годах Уолтером Панке и Уильямом Ричардсом для оценки того, был ли у участника психоделических испытаний мистический опыт или нет. Анкета включает семь признаков мистического опыта, каждый из которых оценивается по шкале от одного (1) до пяти (5). Эти признаки таковы: внутреннее единство; внешнее единство; трансцендентность времени и пространства; невыразимость и парадоксальность увиденного; чувство святости; ноэтическое качество; глубоко прочувствованное позитивное настроение. С тех пор было выпущено несколько пересмотренных и дополненных версий анкеты.

Галлюциногены. Класс психоактивных веществ, вызывающих галлюцинации; к ним относятся психоделики, «диссоциативы» и «делири-

анты». Этот термин часто используется как синоним слова «психоделики», хотя психоделики далеко не всегда, а то и вовсе не вызывают полноценные галлюцинации.

Гарвардский псилоцибиновый проект. Программа психологических исследований, осуществлявшаяся в 1960 году Тимоти Лири и Ричардом Алпертом (Рамом Дассом) в Гарвардском университете, на факультете социально-правовых отношений. Исследователи (в их число входил и аспирант Ральф Мецнер) давали псилоцибин сотням добровольцев «в естественной обстановке»; они также проводили эксперименты с заключенными из Конкордской тюрьмы и со студентами теологического факультета Бостонского университета (место проведения — часовня Марш). Затем группа начала работать с ЛСД. В 1962 году проект вызвал множество споров и дискуссий и был закрыт после того, как Алперт, в нарушение соглашения с Гарвардским университетом, дал псилоцибин одному старшекурснику. Вскоре после этого Лири и Алперт основали в Кеймбридже, но за пределами Гарварда, организацию, названную ими Международная федерация внутренней свободы.

Голотропное дыхание. Система дыхательных упражнений, разработанная в середине 1970-х годов американским психотерапевтом чешского происхождения Станиславом Грофом и его женой Кристиной, после того как ЛСД был объявлен вне закона. Глубокие вдохи, сопровождаемые быстрыми, резкими выдохами, почти на уровне гипервентиляции, вводят субъектов в состояние измененного сознания без каких бы то ни было наркотиков. Это близкое к трансу состояние открывает доступ к подсознательному материалу. «Голотропный» означает «стремящийся к целостности».

ДМТ (N,N-диметилтриптамин). Быстродействующее, но с коротким сроком действия интенсивное психоделическое соединение, иногда проходящее под кодовым названием «путешествие бизнесмена». Молекула триптамина обнаружена во многих растениях и в организмах животных, но каким целям она там служит, до сих пор непонятно.

ЛСД (диэтиламид лизергиновой кислоты). Также называемое просто кислотой, это психоделическое соединение было впервые синтезировано в 1938 году Альбертом Хофманом, швейцарским химиком, служащим компании «Сандоз», который искал лекарственный препарат, стимулирующий кровообращение. ЛСД — двадцать третья молекула, выделенная Хофманом из алкалоидов, вырабатываемых спорыньей, грибком, поражающим зерно. Как лекарство это соединение оказалось неэффективным, и Хоффман положил его в долгий ящик, вернувшись к нему лишь пять лет спустя, когда под влиянием некоего предчувствия решил синтезировать его снова. После того как крошечная доза препарата случайно попала в его организм, Хофман обнаружил, что открытое им соединение обладает мощными психоактивными свойствами. В 1947 году компания *Sandoz* начала поставлять ЛСД (как

психиатрический медикамент) на международный рынок под названием делисид. Был изъят из обращения в 1966 году после того, как препарат начал активно сбываться на черном рынке.

МАПИ (Многопрофильная ассоциация психоделических исследований). Некоммерческая членская организация, основанная в 1986 году Риком Доблином с целью распространения знаний о психоделиках среди населения и поддержки научных исследований, направленных на их использование в лечебных целях. Расположенная в городе Санта-Крус, Калифорния, МАПИ концентрирует свои усилия на МДМА, или «экстази», зарекомендовавшем себя как эффективное терапевтическое средство, используемое людьми, страдающими посттравматическими стрессовыми расстройствами (ПТСР). В 2016 году МАПИ получила от Управления по санитарному надзору добро на проведение третьей фазы испытаний МДМА в качестве медикамента для лечения ПТСР; в 2017 году то же Управление назвало МДМА «самым успешным терапевтическим средством» в отношении ПТСР, расчищающим путь для скорейшего пересмотра отношения к психоделикам. Доблин и МАПИ сыграли решающую роль в деле возрождения психоделических исследований. МАПИ является также спонсором «Психоделической науки» — международной конференции, посвященной психоделическим исследованиям, проводимой раз в несколько лет в Северной Калифорнии.

МДМА (3,4-метилендиоксиметамфетамин). Психоактивное соединение, впервые синтезированное Мерком в 1912 году, но так и не появившееся на рынке. После того как оно было повторно синтезировано в 1970-х годах Александром (Сашей) Шульгиным, химиком из Области залива Сан-Франциско, оно стало популярным дополнением к психотерапии, поскольку его «эмпатогенные» свойства помогали пациентам устанавливать прочную доверительную связь с их терапевтами. В 1980-х годах этот препарат стал популярен в молодежной тусовочной среде, где он продавался как «экстази» (или Э, позднее Молли); в 1986 году правительство США занесло МДМА в категорию № 1 (категория самых опасных наркотиков), заявив, что это вещество из числа тех, что вызывают болезненное пристрастие и совершенно бесполезны с точки зрения медицины. Однако недавние испытания этого препарата, проведенные при финансовой поддержке МАПИ, показали, что МДМА обладает ценными лечебными свойствами, особенно в отношении ПТСР. МДМА не относится к числу «классических психоделиков», поскольку он, по-видимому, воздействует на совершенно другие проводящие пути мозга, нежели ЛСД или псилоцибин.

Мескалин. Психоделическое соединение, выделенное из нескольких разновидностей кактуса, в частности из пейотля и Сан-Педро. Первым выделил и назвал соединение немецкий химик Артур Хефтер в 1897 году. Книга Олдоса Хаксли «*Двери восприятия*» — это

первый непосредственный рассказ о действии мескалина, основанный на собственном опыте.

Микродоза. Очень малая, «субперцептивная» доза психоделика, обычно ЛСД или псилоцибина, принимаемая раз в несколько дней в качестве «витамина» для поддержания психического здоровья или полноценной психической деятельности. Обычный график приема — десять микрограммов ЛСД (десятая часть средней дозы) каждый четвертый день. Эта практика достаточно новая, поэтому до сих пор доказательства ее эффективности носят анекдотичный характер. В настоящее время проводятся несколько испытаний в этом направлении.

МК-Ультра. Кодовое название неофициальной научно-исследовательской программы, проводившейся ЦРУ начиная с 1953 года; была закрыта в 1963 или 1964 году. ЦРУ время от времени предпринимала попытки установить, можно ли использовать ЛСД и родственные ему соединения в качестве средства управления сознанием, средства ведения допроса (сыворотки правды), биологического оружия (добавляемого в водоемы, служащие источниками воды для населения) или орудия политической борьбы (подсыпаемого в пищу противникам с целью толкнуть их на совершение глупых или несуразных поступков). Как часть исследовательской программы, которой в свое время были охвачены 44 университета и колледжа, гражданским и военным лицам без их ведома подмешивали в пищу дозы ЛСД, что иногда приводило к трагическим последствиям. Общественность впервые узнала о МК-Ультра в 1975 году, во время слушаний отчета Церковного комитета по деятельности ЦРУ; дополнительные слушания, касающиеся этой программы, были проведены в 1977 году. Увы, но большая часть документов, относящаяся к этой программе, была уничтожена в 1973 году по приказу тогдашнего директора ЦРУ Ричарда Хелмса.

Научно-исследовательский институт Хеффтера. Некоммерческое учреждение, основанное в 1993 году Дэвидом Э. Николсом, химиком и фармакологом из Университета Пердью, вместе с несколькими коллегами с целью поддержки научных исследований, касающихся свойств психоделических соединений. Институт назван в честь Артура Хеффтера, немецкого химика, фармаколога и врача, который в конце 1980-х годов первый выделил такое психоактивное соединение, как мескалин, из североамериканского кактуса пейотля. Основанный во времена, когда психоделические исследования в течение двух десятилетий пребывали в состоянии застоя, Институт Хеффтера играл ключевую, хотя и малозаметную роль в деле ренессанса психоделических исследований, финансово поддерживая испытания псилоцибина, проводившиеся в Америке с конца 1990-х годов, включая и те, что велись в медицинском центре Джонса Хопкинса и Нью-Йоркском университете (Heffter.org).

Ноэтическое качество. Термин, введенный в обиход американским психологом и философом Уильямом Джеймсом для обозначения того факта, что мистическое состояние регистрируется не только как чувство, но и как состояние познания. Люди, достигшие этого состояния, возвращаются из него с твердым убеждением, что им открылись очень важные истины. Ноэтическое качество, согласно Джеймсу, — один из четырех признаков мистического опыта наравне с невыразимостью, быстротечностью и пассивностью.

Псилоцибин. Главное психоактивное соединение, обнаруженное в псилоцибиновых грибах, а также сокращенное обозначение того класса грибов, в которых оно содержится.

Псилоцибе. Род, состоящий примерно из двухсот пластинчатых грибов, половина которых вырабатывает такие соединения, как псилоцибин и псилоцин. Распространены по всему миру. В большинстве правовых систем мира обладание ими считается незаконным. Самые известные представители этого рода — *Psilocybe cubensis, Psilocybe cyanescens, Psilocybe semilanceata* и *Psilocybe azurescens*.

Псилоцин. Одно из двух основных психоактивных соединений, обнаруженных в псилоцибиновых грибах. Другое — это псилоцибин, который при определенных условиях распадается на тот же псилоцин. Оба соединения были выделены (из грибов, доставленных Гордоном Уоссоном) и названы Альбертом Хофманом в 1958 году. Псилоцин — тот самый компонент, который придает псилоцибиновым грибам, если надломить их ножку или шляпку, синеватый оттенок.

Психоделик. От греческих слов, означающих в переводе «проявляющий сознание». Термин был изобретен в 1956 году Хамфри Озмондом применительно к препаратам типа ЛСД и псилоцибин, вызывающим радикальное изменение состояний сознания.

Психолитик. Термин, придуманный в 1960-х годах для наркотика (или дозы наркотика), снимающего напряжение и контроль ума, благодаря чему подсознательный материал делается доступным на уровне осознания. Также название одной из форм психотерапии, где с помощью малых доз психоделиков добиваются релаксации пациента и раскрепощения его эго без потери или растворения последнего.

Психомиметик. Наименование наркотика, вызывающего состояние, сильно напоминающее психоз. Этим термином в 1950-е годы охватывались ЛСД и подобные ему препараты, когда их впервые начали использовать в сфере психиатрии; исследователи полагают, что они вызывают временные психозы, приводящие к озарениям, позволяющим постичь природу психических заболеваний и дать терапевтам возможность на себе испытать состояние безумия.

5-MeO-DMT (5-метокси-N,N-диметилтриптамин). Мощное, но кратковременно действующее психоделическое соединение, содержащееся

в некоторых южноамериканских растениях и в яде жабы (*Incilius alvarius*), обитающей в пустыне Сонора. Яд жабы обычно выпаривают, а потом коптят; 5-MeO-DMT, получаемый из растений, обычно превращают в нюхательный табак. Это соединение многие годы используется в Южной Америке в религиозных и ритуальных целях; впервые было синтезировано в 1936 году и находилось в легальном доступе вплоть до 2011 года.

Редукционный клапан. Термин из книги Олдоса Хаксли «*Двери восприятия*», где писатель использует его для обозначения психического фильтра, пропускающего в наше бодрствующее осознание лишь «скудный ручеек сознания», необходимый нам для выживания. На его взгляд, ценность психоделиков в том, что они приоткрывают этот редукционный клапан, давая нам возможность в полной мере приобщиться к мистическому опыту и универсальному «Уму в целом».

Рецептор 5-HT2A. Один из нескольких рецепторов мозга, реагирующий на нейромедиатор серотонин. С этим же рецептором связаны психоделические соединения, ускоряющие целый каскад (пока еще плохо понимаемых) событий, вызывающих психоделические переживания, обозначаемые общим понятием «психоделический опыт». Особенно хорошо вступает во взаимосвязи с этим рецептором такой препарат, как ЛСД, что вызвано его весьма своеобразной молекулярной формой. Кроме того, часть рецептора захватывает молекулу ЛСД и удерживает ее внутри, чем, вероятно, и объясняется интенсивность и длительность действия этого препарата.

Триптамины. Класс сходных по своей природе органических молекул; кроме того, название одного из двух основных типов психоделических соединений; другой тип — это фенетиламины. ЛСД, псилоцибин и ДМТ — триптамины. К ним же относится и нейромедиатор серотонин.

Установка и обстановка. Внутренняя и внешняя среда, создаваемая для принятия психоделиков и способствующая достижению (под их воздействием) мистического опыта; «установка» — термин, обозначающий психическую атмосферу, то есть образ мышления и те надежды и чаяния, которые привносит испытуемый в свой опыт, тогда как «обстановка» — это внешние обстоятельства, служащие своеобразной рамкой для «установки». В частности, установка и обстановка крайне важны в случае психоделиков. Авторство этих терминов обычно приписывают Тимоти Лири, но сама концепция впервые была предложена и использована более ранними исследователями, такими, как Эл Хаббард.

Сеть пассивного режима работы мозга (СППРМ). Ряд взаимодействующих между собой структур мозга, впервые описанных в 2001 году нейробиологом из Вашингтонского университета Маркусом Райхлом. Сеть пассивного режима, названная так потому, что она наиболее активна в тот момент, когда мозг находится в состоянии отдыха, соединяет части коры головного мозга с более глубоко лежащими и эволю-

ционно более древними структурами мозга, отвечающими за эмоции и память. (Ключевые структуры СППРМ включают в себя такие участки и области мозга, как кора задней части поясной извилины, медиальная префронтальная кора и гиппокамп.) С помощью нейровизуального исследования установлено, что СППРМ участвует в таких «метакогнитивных» видах деятельности высшего порядка, как саморефлексия, мысленная проекция, путешествие во времени и теория сознания — способность приписывать свои психические состояния другим людям. Во время психоделических трипов активность СППРМ падает; когда приборы регистрируют резкое падение активности СППРМ, то в этот момент, по сведениям участников, чаще всего происходит распад или растворение их ощущения собственного «я».

Совет по духовным практикам. Некоммерческая организация, созданная в 1993 году Бобом Джесси и «посвященная тому, чтобы обретение прямого сакрального опыта было более доступно большему числу людей». Совет помогал организовывать и финансировать первые эксперименты в сфере психоделических исследований, проводившиеся в медицинской центре Джонса Хопкинса; он также поддержал иск церкви UDV против властей, который завершился в 2006 году вынесением Верховным судом США решения о признании айяуаски в качестве символа причащения. В 1995 году Совет разработал и опубликовал «Кодекс этических правил для духовных проводников», который одобрили и приняли многие подпольные психотерапевты (csp.org).

Фенетиламины. Класс органических молекул и название одного из двух основных видов психоделических соединений; другой — это триптамины. Примерами фенетиламинов являются мескалин и МДМА.

Фонд Бекли. Организация, основанная в Англии в 1998 году Амандой Филдинг с целью финансирования исследований психоделиков и защиты в международном масштабе реформы закона о наркотиках. Организация названа по названию поместья (Бекли) в Оксфордшире, принадлежащего Аманде Филдинг (BeckleyFoundation.org).

Эмпатоген. Психоактивный препарат, вызывающий повышенное чувство взаимосвязанности со всем живым, эмоциональной открытости и сострадания. МДМА, или «экстази», — именно такой эмпатоген. Иногда его называют энтеогеном.

Энтеоген. Название образовано от двух греческих слов, означающих «рождение внутри божественного». Психоактивная субстанция, вызывающая духовные откровения или способствующая таким откровениям. Энтеогены используются — шаманами или как часть религиозных или духовных практик — во многих культурах мира на протяжении тысяч лет. Однако термин был изобретен и введен в обиход только в 1970-х годах группой ученых, в числе которых Гордон Уоссон, Ричард Эванс Шултс, Джонатан Отт и Карл Рак. Слово было изобретено с намерением помочь реабилитировать психоделики, указав

на различие между той духовной ролью, которую они играли в древности, и тем их использованием в развлекательных целях, в которых их зачастую применяли в начале 1960-х годов.

Эсален (Институт Эсален). Учебный и рекреационный центр в местечке Биг-Сур, Калифорния, основанный в 1962 году для изучения различных методов расширения сознания, которые часто соотносят с движением за человеческий потенциал. До запрета наркотиков Эсален часто связывали с психоделическим движением; в годы после введения запрета там часто проводились встречи ученых, разрабатывавших стратегии реабилитации психоделиков и возобновления психоделических исследований. Многие ныне действующие подпольные психотерапевты прошли обучение именно в Эсалене.

БЛАГОДАРНОСТИ

Изменить сознание, а тем более сознание такого субъекта, как писатель, далеко не просто, и я бы никогда не отважился взяться за этот труд, а тем более завершить его, если бы не поддержка и ободрение со стороны окружающих меня людей. Энн Годофф, вот уже четыре десятилетия являющаяся редактором всех моих книг, даже не вздрогнула и не побледнела, когда я сказал ей, что хочу написать книгу о психоделиках; ее энтузиазм и уверенность, с которыми она редактировала эту, восьмую по счету, нашу совместную работу, стали для меня истинным благословением. Аманда Урбан тоже внесла свой посильный вклад в эту рискованную авантюру; мой долг перед ней, накопившийся за все это время, поистине неисчислим. Хочу также выразить благодарность всем сотрудникам, работающим под началом этих замечательных женщин: Саре Хатсон, Кейси Деннис и Карен Майер в издательстве «Пингвин»; Лиз Фаррелл, Марис Дайер, Дейзи Мейрик, Молли Атлас и Рону Бернстайну в компании *ICM*.

Самое приятное в профессии журналиста — это то, что ты постоянно учишься чему-то новому, а тебе за это еще платят деньги. Правда, это непрерывное обучение дорого обходится, а погоня за ним была бы невозможна без терпения и снисходительности людей, которых мы просим быть нашими учителями. Я благодарен всем: ученым, добровольным участникам экспериментов, пациентам, терапевтам, адвокатам и советникам, — которые стойко сносили все эти многочисленные и довольно долгие беседы и интервью, с которыми я к ним приставал, и те дурацкие вопросы, которые я им задавал. Особая благодарность Бобу Джесси, Роланду Гриффитсу, Мэтью Джонсону, Мэри Козимано, Биллу Ричардсу, Кэтрин Маклин, Рику Доблину, Полу Стеметсу, Джеймсу Фадиману, Стивену Россу, Тони Боссису, Джеффри Гессу, Джорджу Голдсмиту, Екатерине Малевской, Чарльзу Гробу, Тери Кребсу,

Робину Кархарт-Харрису, Дэвиду Натту, Дэвиду Николсу, Джорджу Сарло, Викки Дюле, Джадсону Брюеру, Бии Лабате, Габору Мате, Лайзе Каллаган и Эндрю Вейлю. Хотя далеко не все, с кем мне привелось беседовать, названы здесь по именам, все они без исключения были моими учителями, и я глубоко благодарен им за их терпимое отношение к моим вопросам и сердечность, с которой они на них отвечали. Некоторые люди сильно рисковали и карьерой, и социальным положением, делясь со мной своими историями; хотя я не могу поблагодарить их открыто, я в огромном долгу перед многими подпольными терапевтами, бескорыстно уделявшими мне свое время и отдававшими в мое распоряжение свой опыт и свою мудрость. Мне стыдно за то, что даже сегодня их целительская практика полностью зависит от Актов о гражданском неповиновении.

Я провел весьма плодотворный и приятный год в Гарварде в качестве сотрудника Рэдклиффского института перспективных исследований, что дало мне возможность изучить и написать летопись психоделических исследований в городе, где вершилась очень важная глава этой летописи. Институт являл собой идеальную среду для осуществления проекта, затрагивающего множество самых разных дисциплин; действительно, стоило лишь мне спуститься в холл, и там я имел возможность консультироваться с кем только мне заблагорассудится: и со специалистом в области мозга, и с биологом, и с антропологом, и даже с корреспондентом, ведущим репортерское расследование. В Рэдклиффском институте мне посчастливилось работать вместе с одним упорным младшим научным сотрудником, помогавшим мне рыться в обширных гарвардским архивах, выуживая оттуда один драгоценный камень вслед за другим: огромное тебе спасибо, Тедди Велвич. Я также в большом долгу перед Эдом Вассерманом, деканом Высшей школы журналистики в Беркли, который бесчисленное множество раз освобождал меня от занятий, чтобы я мог ездить в Кеймбридж и — чуть позже — завершить работу над этой книгой.

Не могу не упомянуть о Бриджет Хьюбер из Беркли, лаборантке, а впоследствии фактчекере, проделавшей блестящую работу: то, что из всех моих книг эта тщательнее всего оснащена первоисточниками и фактическим материалом, всецело обязано ее усердию и профессионализму. Огромный вклад в дело моего образования в области нейробиологии и психологии в Беркли внесли и несколько моих коллег: Дэвид Прести, Дачер Келтнер и Элисон Гопник обогатили мою книгу в гораздо большей мере, нежели они сами это осознают; что касается Дэвида Прести и его партнерши, Кристи Паник, которые прочли черновую рукопись главы про нейрофизиологию, то им особая благодарность, потому как они тем самым спасли меня от множества больших и мелких ошибок. (Если какие-то ошибки и остались, то Дэвид и Кристи не несут за них никакой ответственности.) Марк Эдмундсон дал несколько важных советов на раннем этапе работы над книгой, что помогло выстроить структуру самого повествования и направить его в нужное русло, а Марк

Дэннер был, как всегда, идеальным резонатором, который во время наших совместных прогулок подхватывал высказываемые мною идеи, окрылял их и выводил на уровень подлинного вдохновения. Я считаю себя счастливейшим из смертных, потому как в числе моих ближайших друзей такой проницательный и добросердечный редактор, как Джерри Мардзорати; его комментарии к рукописи оказались поистине бесценными и избавили вас, дорогой читатель, от необходимости читать дополнительно несколько тысяч ненужных слов.

Мое первое знакомство с психоделиками произошло в 2015 году благодаря статье «Лечебный трип», написанной мной по заказу газеты *New Yorker*; спасибо Алану Бердвику, талантливому редактору, заказавшему ее мне, и Дэвиду Ремнику — за то, что откорректировал ее и подготовил для печати; эта статья открыла не только мои глаза, но и самые разнообразные двери.

За важную помощь, оказанную в процессе работы над книгой, а также за бесценную онлайновую библиотеку, предоставленную в мое распоряжение, выражаю глубокую признательность компании «Земля и огонь» (*Earth and Fire*), владельцу интернет-ресурса Erowid, единственному на данный момент важному источнику информации по психоделикам. Не верите — убедитесь сами.

Моего дорогого друга Говарда Собеля и его партнера Марвина Путнама из юридической фирмы *Latham & Watkins* я хочу поблагодарить за мудрую, полезную и надежную правовую помощь. Я сплю спокойнее и крепче, когда знаю, что они стоят за моей спиной.

Любой долговременный проект, особенно написание книги, неизбежно влияет на эмоциональную погоду в семье, а уж такой, как этот, и подавно. Айзек, для меня было очень важно иметь возможность говорить с тобой во время моих путешествий; из наших с тобой разговоров я всегда выношу что-то умное, полезное и неожиданное. Твои поддержка, любопытство и ободрение решают всё.

Когда я отправился в это долгое и необычное путешествие, Джудит сразу же задалась вопросом, чем эта затея обернется для нашего более чем тридцатилетнего партнерского сотрудничества. Вернусь ли я из него обновленным или хотя бы чуть изменившимся? Никогда не думал, что после стольких лет, проведенных вместе, что-то может сблизить нас еще больше, но именно это и произошло. Спасибо тебе, Джудит, за то, что подвигла меня испробовать что-то новое; спасибо за побуждавшие к поиску вопросы и сопровождавшие их озарения; спасибо за то, что внимательно читала и редактировала каждую главу, а больше всего за то, что была вместе со мной на всем этом долгом пути.

БИБЛИОГРАФИЯ

Bai, Yang, Laura A. Maruskin, Serena Chen, Amie M. Gordon, Jennifer E. Stellar, Galen D. McNeil, Kaiping Peng, and Dacher Keltner. “Awe, the Diminished Self, and Collective Engagement: Universals and Cultural Variations in the Small Self.” *Journal of Personality and Social Psychology* 113, no. 2 (2017): 185–209. doi:10.1037/pspa0000087.

Barrett, Frederick S., Hollis Robbins, David Smooke, Jenine L. Brown, and Roland R. Griffiths. “Qualitative and Quantitative Features of Music Reported to Support Peak Mystical Experiences During Psychedelic Therapy Sessions.” *Frontiers in Physiology* 8 (July 2017): 1–12. doi: 10.3389 / fpsyg.2017.01238.

Beacon Health Options. “We Need to Talk About Suicide.” 2017.

Belser, Alexander B., Gabrielle Agin-Liebes, T. Cody Swift, Sara Terrana, Nesëe Devenot, Harris L. Friedman, Jeffrey Guss, Anthony Bossis, and Stephen Ross. “Patient Experiences of Psilocybin-Assisted Psychotherapy: An Interpretative Phenomenological Analysis.” *Journal of Humanistic Psychology* 57, no. 4 (2017): 354–88. doi:10.1177/0022167817706884.

Bogenschutz, Michael P., Alyssa A. Forcehimes, Jessica A. Pommy, Claire E. Wilcox, P. C.

R. Barbosa, and Rick J. Strassman. “Psilocybin-Assisted Treatment for Alcohol Dependence: A Proof-of-Concept Study.” *Journal of Psychopharmacology* 29, no. 3 (2015):289–99. doi:10.1177/0269881114565144.

Brewer, Judson. *The Craving Mind: From Cigarettes to Smartphones to Love—Why We Get Hooked and How We Can Break Bad Habits.* New Haven, Conn.: Yale University Press, 2017.

Buckner, Randy L., Jessica R. Andrews-Hanna, and Daniel L. Schacter. “The Brain’s Default Network: Anatomy, Function, and Relevance to

Disease." *Annals of the New York Academy of Sciences* 1124, no. 1 (2008): 1–38. doi:10.1196/annals.1440.011.

Carbonaro, Theresa M., Matthew P. Bradstreet, Frederick S. Barrett, Katherine A. MacLean, Robert Jesse, Matthew W. Johnson, and Roland R. Griffiths. "Survey Study of Challenging Experiences After Ingesting Psilocybin Mushrooms: Acute and Enduring Positive and Negative Consequences." *Journal of Psychopharmacology* 30, no. 12 (2016): 1268–78.

Carhart-Harris, Robin L., et al. "Neural Correlates of the Psychedelic State as Determined by fMRI Studies with Psilocybin." *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 109, no. 6 (2012): 2138–43. doi:10.1073/pnas.1119598109.

Carhart-Harris, Robin L., et al. "Psilocybin with Psychological Support for Treatment-Resistant Depression: An Open-Label Feasibility Study." *Lancet Psychiatry* 3, no. 7 (2016): 619–27. doi:10.1016/S2215-0366(16)30065-7.

Carhart-Harris, Robin L., Mendel Kaelen, and David J. Nutt. "How Do Hallucinogens Work on the Brain?" *Psychologist* 27, no. 9 (2014): 662–65.

Carhart-Harris, Robin L., Robert Leech, Peter J. Hellyer, Murray Shanahan, Amanda Feilding, Enzo Tagliazucchi, Dante R. Chialvo, and David Nutt. "The Entropic Brain: A Theory of Conscious States Informed by Neuroimaging Research with Psychedelic Drugs." *Frontiers in Human Neuroscience* 8 (Feb. 2014): 20. doi:10.3389/fnhum.2014.00020.

Cohen, Maimon M., Kurt Hirschhorn, and William A. Frosch. "In Vivo and In Vitro Chromosomal Damage Induced by LSD-25." *New England Journal of Medicine* 277, no. 20 (1967): 1043–49. doi:10.1056/NEJM197107222850421.

Cohen, Sidney. *The Beyond Within: The LSD Story*. New York: Atheneum, 1964.

Cohen, Sidney. "A Classification of LSD Complications." *Psychosomatics* 7, no. 3 (1966): 182–86.

Cohen, Sidney. "LSD and the Anguish of Dying." *Harper's Magazine,* Sept. 1965, 69–78.

Cohen, Sidney. "Lysergic Acid Diethylamide: Side Effects and Complications." *Journal of Nervous and Mental Disease* 130, no. 1 (1960): 30–40.

Cohen, Sidney, and Keith S. Ditman. "Complications Associated with Lysergic Acid Diethylamide (LSD-25)." *Journal of the American Medical Association* 181, no. 2 (1962):161–62.

Cohen, Sidney, and Keith S. Ditman. "Prolonged Adverse Reactions to Lysergic Acid Diethylamide." *Archives of General Psychiatry* 8, no. 5 (1963): 475–80.

Cole, Jonathan O., and Martin M. Katz. "The Psychotomimetic Drugs: An Overview." *Journal of the American Medical Association* 187, no. 10 (1964): 758–61.

Davis, Wade. *One River: Explorations and Discoveries in the Amazon Rain Forest*. New York: Simon & Schuster, 1996.

Doblin, Rick. "Dr. Leary's Concord Prison Experiment: A 34-Year Follow-Up Study." *Journal of Psychoactive Drugs* 30, no. 4 (1998): 419–26. doi:10.1080/02791072.1998.10399715.

Doblin, Rick. "Pahnke's 'Good Friday Experiment': A Long-Term Follow-Up and Methodological Critique." *Journal of Transpersonal Psychology* 23, no. 1 (1991): 1–28. doi:10.1177/0269881108094300.

Dyck, Erika. *Psychedelic Psychiatry: LSD from Clinic to Campus*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008.

Dyer, Adrian G., Jair E. Garcia, Mani Shrestha, and Klaus Lunau. "Seeing in Colour: A Hundred Years of Studies on Bee Vision Since the Work of the Nobel Laureate Karl von Frisch." *Proceedings of the Royal Society of Victoria* 127 (July 2015): 66–72. doi:10.1071/RS15006.

Eisner, Betty Grover. "Remembrances of LSD Therapy Past." 2002. http://www.maps.org/images/pdf/books/remembrances.pdf.

Emerson, Ralph Waldo. *Nature*. Boston: James Munroe, 1836.

Epstein, Mark. *Thoughts Without a Thinker: Psychotherapy from a Buddhist Perspective*. New York: Basic Books, 1995.

Estrada, Alvaro. *María Sabina: Her Life and Chants*. Santa Barbara, Calif.: Ross-Erikson, 1981.

Fadiman, James. *The Psychedelic Explorer's Guide*: *Safe, Therapeutic and Sacred Journeys.* Rochester, Vt.: Park Street Press, 2011.

Fahey, Todd Brendan. "The Original Captain Trips." *High Times,* Nov. 1991.

Frank, Adam. "Minding Matter." *Aeon,* March 2017.

Freud, Sigmund. *Civilization and Its Discontents*. New York: Norton, 1961.

Goldsmith, Neal. "A Conversation with George Greer and Myron Stolaroff." 2013. https://erowid.org/culture/characters/stolaroff_myron/stolaroff_myron_interview1.shtml.

Gonzales v. O Centro Espirita Beneficente Uniao do Vegetal, 546 U.S. 418 (2006).

Gopnik, Alison. *The Philosophical Baby: What Children's Minds Tell Us About Truth, Love, and the Meaning of Life*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2009.

Greenfield, Robert. *Timothy Leary: A Biography*. Orlando, Fla.: Harcourt, 2006.

Griffiths, R. R., W. A. Richards, U. McCann, and R. Jesse. "Psilocybin Can Occasion Mystical-Type Experiences Having Substantial and Sustained Personal Meaning and Spiritual Significance." *Psychopharmacology* 187, no. 3 (2006): 268–83. doi:10.1007/s00213-006-0457-5.

Grinker, Roy R. “Bootlegged Ecstasy.” *Journal of the American Medical Association* 187, no. 10 (1964): 768.

Grinker, Roy R. “Lysergic Acid Diethylamide.” *Archives of General Psychiatry* 8, no. 5 (1963): 425. doi:10.1056/NEJM196802222780806.

Grinspoon, Lester, and James B. Bakalar. *Psychedelic Drugs Reconsidered*. New York: Basic Books, 1979.

Grob, Charles S. “Psychiatric Research with Hallucinogens: What Have We Learned?” *Yearbook for Ethnomedicine and the Study of Consciousness,* no. 3 (1994): 91–112.

Grob, Charles S., Anthony P. Bossis, and Roland R. Griffiths. “Use of the Classic Hallucinogen Psilocybin for Treatment of Existential Distress Associated with Cancer.” In *Psychological Aspects of Cancer: A Guide to Emotional and Psychological Consequences of Cancer, Their Causes and Their Management,* edited by Brian I. Carr and Jennifer Steel, 291–308. New York: Springer, 2013. doi:10.1007/978-1-4614-4866-2.

Grob, Charles S., Alicia L. Danforth, Gurpreet S. Chopra, Marycie Hagerty, Charles R. McKay, Adam L. Halberstadt, and George R. Greer. “Pilot Study of Psilocybin Treatment for Anxiety in Patients with Advanced-Stage Cancer.” *Archives of General Psychiatry* 68, no. 1 (2011): 71–8. doi:10.1001/archgenpsychiatry.2010.116.

Grof, Stanislav. *LSD: Doorway to the Numinous: The Groundbreaking Psychedelic Research into Realms of the Human Unconscious*. Rochester, Vt.: Park Street Press, 2009.

Hertzberg, Hendrik. “Moon Shots (3 of 3): Lunar Epiphanies.” *New Yorker,* Aug. 2008.

Hoffman, Jan. “A Dose of a Hallucinogen from a ‘Magic Mushroom,’ and Then Lasting Peace.” *New York Times,* Dec. 1, 2016.

Hofmann, Albert. *LSD, My Problem Child*. Santa Cruz, Calif.: Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies, 2009.

Huxley, Aldous. *The Doors of Perception, and Heaven and Hell*. New York: Harper & Row, 1963.

Huxley, Aldous. *Moksha: Writings on Psychedelics and the Visionary Experience (1931–1963)*. Edited by Michael Horowitz and Cynthia Palmer. New York: Stonehill, 1977.

Huxley, Aldous. *The Perennial Philosophy*. London: Chatto & Windus, 1947. doi:10.1017/S0031819100023330.

Isaacson, Walter. *Steve Jobs*. New York: Simon & Schuster, 2011.

James, William. *The Varieties of Religious Experience*. EBook. Project Gutenberg, 2014.

Johansen, Pel-Шrjan, and Teri Suzanne Krebs. “Psychedelics Not Linked to Mental Health Problems or Suicidal Behavior: A Population

Study." *Journal of Psychopharmacology* 29, no. 3 (2015): 270–79. doi:10.1177/0269881114568039.

Johnson, Matthew W., Albert Garcia-Romeu, Mary P. Cosimano, and Roland R. Griffiths. "Pilot Study of the 5-HT2AR Agonist Psilocybin in the Treatment of Tobacco Addiction." *Journal of Psychopharmacology* 28, no. 11 (2014): 983–92. doi:10.1177/0269881114548296.

Kaelen, Mendel. "The Psychological and Human Brain Effects of Music in Combination with Psychedelic Drugs." PhD diss., Imperial College London, 2017.

Kessler, David A. *Capture: Unraveling the Mystery of Mental Suffering*. New York: Harper Wave, 2016.

Killingsworth, Matthew A., and Daniel T. Gilbert. "A Wandering Mind Is an Unhappy Mind." *Science* 330, no. 6006 (2010): 932. doi:10.1126/science.1192439.

Kleber, Herbert D. "Commentary On: Psilocybin Can Occasion Mystical-Type Experiences Having Substantial and Sustained Personal Meaning and Spiritual Significance." *Psychopharmacology* 187 (2006): 291–92.

Krebs, Teri S., and Pel-Шrjan Johansen. "Lysergic Acid Diethylamide (LSD) for Alcoholism: Meta-analysis of Randomized Controlled Trials." *Journal of Psychopharmacology* 26, no. 7 (2012): 994–1002. doi:10.1177/0269881112439253.

Kupferschmidt, Kai. "High Hopes." *Science* 345, no. 6192 (2014).

Langlitz, Nicolas. *Neuropsychedelia: The Revival of Hallucinogen Research Since the Decade of the Brain*. Berkeley: University of California Press, 2013.

Lattin, Don. *The Harvard Psychedelic Club: How Timothy Leary, Ram Dass, Huston Smith, and Andrew Weil Killed the Fifties and Ushered in a New Age for America*. New York: HarperCollins, 2010.

Leary, Timothy. *Flashbacks: A Personal and Cultural History of an Era: An Autobiography*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1990.

Leary, Timothy. *High Priest*. Berkeley, Calif.: Ronin, 1995.

Leary, Timothy, and Richard Alpert. "Letter from Alpert, Leary." *Harvard Crimson,* 1962.

Leary, Timothy, and James Penner. *Timothy Leary, The Harvard Years: Early Writings on LSD and Psilocybin with Richard Alpert, Huston Smith, Ralph Metzler, and Others.* Rochester, Vt.: Park Street Press, 2014.

Leary, Timothy, Robert Anton Wilson, George A. Koopman, and Daniel Gilbertson. *Neuropolitics: The Sociobiology of Human Metamorphosis*. Los Angeles: Starseed/Peace Press, 1977.

Lee, Martin A., and Bruce Shlain. *Acid Dreams: The Complete Social History of LSD: The CIA, the Sixties, and Beyond*. New York: Grove Press, 1992.

Lieberman, Jeffrey A. *Shrinks: The Untold Story of Psychiatry.* New York: Little, Brown, 2015.

Lucas, Christopher G., Sophie Bridgers, Thomas L. Griffiths, and Alison Gopnik. "When Children Are Better (or at Least More Open-Minded) Learners Than Adults: Developmental Differences in Learning the Forms of Causal Relationships." *Cognition* 131, no. 2 (2014): 284–99. doi:10.1016/j.cognition.2013.12.010.

MacLean, Katherine A., Matthew W. Johnson, and Roland R. Griffiths. "Mystical Experiences Occasioned by the Hallucinogen Psilocybin Lead to Increases in the Personality Domain of Openness." *Journal of Psychopharmacology* 25, no. 11 (2011):1453–61. doi:10.1177/0269881111420188.

McHugh, Paul. Review of *The Harvard Psychedelic Club,* by Don Lattin. *Commentary,* April 2010.

McKenna, Terence. *Food of the Gods: The Search for the Original Tree of Knowledge*. New York: Bantam Books, 1992.

Markoff, John. *What the Dormouse Said: How the Sixties Counterculture Shaped the Personal Computer Industry*. New York: Penguin, 2005.

Moore, Gerald, and Larry Schiller. "The Exploding Threat of the Mind Drug That Got out of Control." *Life,* March 25, 1966.

Moreno, Francisco A., Christopher B. Wiegand, E. Keolani Taitano, and Pedro L. Delgado. "Safety, Tolerability, and Efficacy of Psilocybin in 9 Patients with Obsessive-Compulsive Disorder." *Journal of Clinical Psychiatry* 67, no. 11 (2006): 1735–40. doi:10.4088/JCP.v67n1110.

Nagel, Thomas. "What Is It Like to Be a Bat?" *Philosophical Review* 83, no. 4 (1974): 435–50. doi:10.2307/2183914.

Nichols, David E. "Commentary On: Psilocybin Can Occasion Mystical-Type Experiences Having Substantial and Sustained Personal Meaning and Spiritual Significance." *Psychopharmacology* 187, no. 3 (2006): 284–86. doi:10.1007/s00213-006-0457-5.

Nichols, David E. "LSD: Cultural Revolution and Medical Advances." *Chemistry World* 3, no. 1 (2006): 30–34.

Nichols, David E. "Psychedelics." *Pharmacological Reviews* 68, no. 2 (2016): 264–355.

Nour, Matthew M., Lisa Evans, and Robin L. Carhar-Harris. "Psychedelics, Personality and Political Perspectives." *Journal of Psychoactive Drugs* (2017): 1–10.

Novak, Steven J. "LSD Before Leary: Sidney Cohen's Critique of 1950s Psychedelic Drug Research." *History of Science Society* 88, no. 1 (1997): 87–110.

Nutt, David. "A Brave New World for Psychology?" *Psychologist* 27, no. 9 (2014): 658–60. doi:10.1097/NMD.0000000000000113.

Nutt, David. *Drugs Without the Hot Air: Minimising the Harms of Legal and Illegal Drugs.* Cambridge, England: UIT Cambridge, 2012.

Osmond, Humphry. “On Being Mad.” *Saskatchewan Psychiatric Services Journal* 1, no. 2

(1952).

Osmond, Humphry. “A Review of the Clinical Effects of Psychotomimetic Agents.” *Annals of the New York Academy of Sciences* 66, no. 1 (1957): 418–34.

Pahnke, Walter, “The Psychedelic Mystical Experience in the Human Encounter with Death.” *Harvard Theological Review* 62, no. 1 (1969): 1–22.

“Pass It On”: The Story of Bill Wilson and How the A.A. Message Reached the World. New York: Alcoholics Anonymous World Services, 1984.

Petri, G., P. Expert, F. Turkheimer, R. Carhart-Harris, D. Nutt, P. J. Hellyer, and F. Vaccarino. “Homological Scaffolds of Brain Functional Networks.” *Journal of the Royal Society Interface* 11, no. 101 (2014).

Piff, Paul K., Pia Dietze, Matthew Feinberg, Daniel M. Stancato, and Dacher Keltner. “Awe, the Small Self, and Prosocial Behavior.” *Journal of Personality and Social Psychology* 108, no. 6 (2015): 883–99. doi:10.1037/pspi0000018.

Pollan, Michael. “The Trip Treatment.” *New Yorker*, Feb. 9, 2015.

Preller, Katrin H., Marcus Herdener, Thomas Pokorny, Amanda Planzer, Rainer Krahenmann, Philipp Stдmpfli, Matthias E. Liechti, Erich Seifritz, and Franz X. Vollenweider. “The Fabric of Meaning and Subjective Effects in LSD-induced States Depend on Serotonin 2A Receptor Activation.” *Current Biology* 27, no. 3 (2017): 451–57.

Presti, David, and Jerome Beck. “Strychnine and Other Enduring Myths: Expert and User Folklore Surrounding LSD.” In *Psychoactive Sacramentals: Essays on Entheogens and Religion,* edited by Thomas B. Roberts, 125–35. San Francisco: Council on Spiritual Practices, 2001.

Raichle, Marcus E. “The Brain’s Dark Energy.” *Scientific American* 302, no. 3 (2010): 44–49. doi:10.1038/scientificamerican0310-44.

Raichle, Marcus E., Ann Mary MacLeod, Abraham Z. Snyder, William J. Powers, Debra A. Gusnard, and Gordon L. Shulman. “A Default Mode of Brain Function.” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 98, no. 2 (2001): 676–82. doi:10.1073/pnas.98.2.676.

R.C. “B.C.’s Acid Flashback.” *Vancouver Sun,* Dec. 8, 2001.

Richards, William, Stanislav Grof, Louis Goodman, and Albert Kurland. “LSD-Assisted Psychotherapy and the Human Encounter with Death.” *Journal of Transpersonal Psychology* 4, no. 2 (1972): 121–50.

Samorini, Giorgio. *Animals and Psychedelics: The Natural World and the Instinct to Alter Consciousness*. Rochester, Vt.: Park Street Press, 2002.

Schuster, Charles R. “Commentary On: Psilocybin Can Occasion Mystical-Type Experiences Having Substantial and Sustained Personal

Meaning and Spiritual Significance." *Psychopharmacology* 187, no. 3 (2006): 289–90. doi:10.1007/s00213-006-0457-5.

Schwartz, Casey. "Molly at the Marriott: Inside America's Premier Psychedelics Conference." *New York Times,* May 6, 2017.

Siff, Stephen. *Acid Hype: American News Media and the Psychedelic Experience*. Urbana: University of Illinois Press, 2015.

Simard, Suzanne W., David A. Perry, Melanie D. Jones, David D. Myrold, Daniel M. Durall, and Randy Molina. "Net Transfer of Carbon Between Ectomycorrhizal Tree Species in the Field." *Nature* 388 (1997): 579–82.

Smith, Huston. *Cleansing the Doors of Perception*: *The Religious Significance of Entheogenic*

Plants and Chemicals. New York: Jeremy P. Tarcher/Putnam, 2000.

Smith, Huston. *The Huston Smith Reader*. Edited by Jeffery Paine. Berkeley: University of California Press, 2012.

Smith, Robert Ellis. "Psychologists Disagree on Psilocybin Research." *Harvard Crimson,* March 15, 1962.

Solomon, Andrew. *The Noonday Demon: An Atlas of Depression*. New York: Scribner, 2015.

Srinivasan, Mandyam V. "Honey Bees as a Model for Vision, Perception, and Cognition." *Annual Review of Entomology* 55, no. 1 (2010): 267–84. doi:10.1146/annurev.ento.010908.164537.

Stamets, Paul. *Psilocybin Mushrooms of the World*. Berkeley, Calif.: Ten Speed Press, 1996.

Stevens, Jay. *Storming Heaven: LSD and the American Dream*. New York: Grove Press, 1987.

Stolaroff, Myron J. *The Secret Chief Revealed*. Sarasota, Fla.: Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies, 2004.

Strauss, Neil. *Everyone Loves You When You're Dead: Journeys into Fame and Madness*. E-Book, 2011.

Sullivan, Walter. "The Einstein Papers. A Man of Many Parts," *New York Times,* March 29, 1972.

Sutton, Gregory P., Dominic Clarke, Erica L. Morley, and Daniel Robert. "Mechanosensory Hairs in Bumblebees (*Bombus terrestris*) Detect Weak Electric Fields." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 113, no. 26 (2016): 7261–65. doi:10.1073/pnas.1601624113.

Tennyson, Alfred. "Luminous Sleep." *The Spectator*, Aug. 1, 1903.

Tierney, John. "Hallucinogens Have Doctors Tuning In Again." *New York Times,* April 12, 2010.

U.S. Congress Senate Subcommittee on Executive Reorganization of the Committee on Government Operations: Hearing on the Organization and Coordination of Federal Drug Research and Regulatory Programs: LSD. 89th Cong., 2nd sess., May 24–26, 1966.

Vollenweider, Franz X., and Michael Kometer. “The Neurobiology of Psychedelic Drugs: Implications for the Treatment of Mood Disorders.” *Nature Reviews Neuroscience* 11, no. 9 (2010): 642–51. doi:10.1038/nrn2884.

Vollenweider, Franz X., Margreet F. I. Vollenweider-Scherpenhuyzen, Andreas Bäbler, Helen Vogel, and Daniel Hell. “Psilocybin Induces Schizophrenia-Like Psychosis in Humans via a Serotonin-2 Agonist Action.” *NeuroReport* 9, no. 17 (1998): 3897–902. doi:10.1097/00001756-199812010-00024.

Wasson, R. Gordon. “Drugs: The Sacred Mushroom.” *New York Times,* Sept. 26, 1970.

Wasson, R. Gordon. “Seeking the Magic Mushroom.” *Life,* May 13, 1957, 100–120.

Wasson, R. Gordon, Albert Hofmann, and Carl A. P. Ruck. *The Road to Eleusis: Unveiling the Secret of the Mysteries*. Berkeley, Calif.: North Atlantic Books, 2008.

Wasson, Valentina Pavlovna, and R. Gordon Wasson. *Mushrooms, Russia, and History*. Vol. 2. New York: Pantheon Books, 1957.

Watts, Rosalind, Camilla Day, Jacob Krzanowski, David Nutt, and Robin Carhart-Harris. “Patients’ Accounts of Increased ‘Connectedness’ and ‘Acceptance’ After Psilocybin for Treatment-Resistant Depression.” *Journal of Humanistic Psychology* 57, no. 5 (2017):520–64. doi:10.1177/0022167817709585.

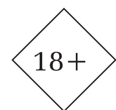
Weil, Andrew T. “The Strange Case of the Harvard Drug Scandal.” *Look,* Nov. 1963.

Whitman, Walt. *Leaves of Grass: The First (1855) Edition*. New York: Penguin, 1986.

Wit, Harriet de. “Towards a Science of Spiritual Experience.” *Psychopharmacology* 187, no. 3 (2006): 267. doi:10.1007/s00213-006-0462-8.

Wulf, Andrea. *The Invention of Nature: Alexander von Humboldt’s New World*. New York: Alfred A. Knopf, 2015.

ОГЛАВЛЕНИЕ



Серия «Психология и психика»

Майкл Поллан

МИР ИНОЙ
Что психоделика может рассказать
о сознании, смерти, страстях,
депрессии и трансцендентности

Перевод с английского *Вика Спарова*

Заведующая редакцией *Юлия Данник*
Ответственный редактор *Ольга Лазуткина*
Оформление обложки *Ольга Жукова*
Компьютерная верстка *Анны Грених*
Редактор *Елена Доценко*
Корректор *Ирина Мокина, Любовь Никифорова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008): 58.11.1 — книги и брошюры

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
Изготовлено в 2020 г. в Российской Федерации

Подписано в печать 08.07.2020. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 31.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура ZapfElliptical711 BT.
Тираж 2000 экз. Заказ

ООО «Издательство АСТ»
129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, стр. 1, комната 705, пом. I
Адрес нашего сайта: www.ast.ru
E-mail: ogiz@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым, 705-бөлме,
I-жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92
Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Психология и психика

Майкл Поллан — автор бестселлеров «Дилемма всеядного», «Философия еды» и «Библия питания». Профессор Гарвардского университета и Высшей школы журналистики при Калифорнийском университете в Беркли. Автор New York Times Magazine; лауреат премии Вэшберна, присуждаемой Бостонским музеем науки за вклад в популяризацию знания, и ряда премий в области журналистики.

Всестороннее и смелое исследование революции в области науки и медицины, связанной с психоактивными веществами

Когда Майкл Поллан готовился исследовать применение наркотических веществ в лечении депрессии, зависимости и тревожности, которые так сложно побороть, он совсем не намеревался создавать то, что получилось, — самую личную из его книг. Но обнаружив, что эти вещества способны повысить качество жизни не только душевнобольных, но и вполне здоровых людей, едва сдерживающих давление со стороны повседневности, он решил определить топографию собственного сознания и многое вписал от первого лица. Так началось его путешествие, в ходе которого он обращается к достижениям науки о мозге. Поллан также немало поработал в архивах, чтобы отделить правду о психоделиках от распространенных мифов, доминировавших в представлениях о них с 1960-х годов.

Это уникальное сочетание истории, медицины и науки с биографическими эпизодами, захватывающее описание личного опыта, отсылающего к новому рубежу нашего понимания разума, личности и нашего места в мире. Подлинная тема «психоделического травелога» Поллана — неразрешимая загадка человеческого сознания и то, как в мире, сталкивающем нас со страданиями и удовольствиями, мы можем отыскать смысл в наших жизнях.

ISBN 978-5-17-119981-4
9 785171 199814 >